

Издательский дом «Экономическая газета»

*Издательский дом «Экономическая газета» выражает
признательность за помощь в подготовке этой книги:*

Вольному экономическому обществу России

В.Н. Красильникову

И.В. Вороновой

Г.Л. Подвойскому

Русская классическая библиотека

«Экономика и духовность»

Г.Х. Попов

В БУРЯХ ЭПОХИ

*Слово —
печатное и устное —
мое оружие.*

Думать...

Публиковать...

Выступать...

Издательский дом «Экономическая газета»
2011

УДК 94/99
ББК 63.3(2P)6
П58

Попов Г.Х.

П58 В бурях эпохи/ Попов Г.Х. —

М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. — 832 с.

(«Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»).

ISBN 978-5-4319-0010-5

2011 год, Гавриилу Харитоновичу Попову — 75! Пронитые годы, вместили уйму событий и массу важнейших дел: декан экономического факультета МГУ, народный депутат СССР, первый мэр Москвы, председатель российского движения демократических реформ, действительный член различных академий. С именем Г.Х. Попова тесно связано создание Международного союза экономистов, Международной академии менеджмента, Международного университета в Москве, возрождение Вольного экономического общества России. Г.Х. Попов — автор более трех сотен научных и публицистических работ.

Дань глубокого и искреннего уважения прослеживается в заметках Г.Х. Попова, посвященных его наставникам, друзьям и соратникам. В свою очередь коллеги Г.Х. Попова с огромной симпатией рассказывают о своих встречах и дружбе с ним — известным общественным деятелем, научным подвижником и публицистом-просветителем.

В этой книге собрана лишь малая часть размышлений великого патриота России, ученого-экономиста и страстного публициста. Со статьями Г.Х. Попова, опубликованными в разные годы и в разных изданиях, несовместимы робость и шаблонность мысли, иллюстративность и несамостоятельность взглядов на важнейшие события современности. Его полемические выводы — это стремление расшевелить мысль читателя, заставить его думать и действовать.

УДК 94/99
ББК 63.3(2P)6

ISBN 978-5-4319-0010-5

© Янушин Ю.В., 2011

© ЗАО ИД «Экономическая газета», 2011

© Вольное экономическое общество России, 2011

Остаться самим собой в тяжелые годы — нелегко. Но остаться человеком и гражданином в годы почета и славы — вдвойне труднее. И уж тройне сложно не поддаться соблазнам власти.

Г.Х. Попов

ГАВРИИЛ ПОПОВ. Мировоззренческие ориентиры в жизни и научном поиске

Осенью 2010 года к 245-летию юбилею ВЭО — Вольного экономического общества России, основанному еще императрицей Екатериной II, издательский дом Международного университета выпустил книгу президента общества Гавриила Харитоновича Попова. Называлась она — «Экономист не об экономике». Делегаты съезда получили книгу в подарок. Получил и я. Всегда с интересом относился к работам, которые выходили из-под пера Гавриила Харитоновича, но вот эта прямо-таки поразила. Профессор, доктор экономических наук, президент Вольного экономического общества России с двадцатилетним стажем, президент Международного союза экономистов — авторитетной организации, имеющей статус Генерального консультанта Экономического и Социального Совета ООН, президент Международного университета, известный ученый и общественный деятель,

у которого премного еще других почетных званий, должностей, регалий, — и вдруг взял объектом своего исследования культуру, литературу, искусство. И не просто взял. Легко и свободно писал он о русских и зарубежных авторах, о героях классической прозы, о действующих лицах современных повестей и романов, о задумках и творческих планах знаменитых постановщиков театральных действий, увлекательно делился впечатлениями о прочитанном, мудро размышлял об авторских идеях и судьбе героев общественно значимых произведений. Уже сами по себе эти мысли были крайне важны и поучительны для читателя, ведь в них излагался взгляд на жизнь человека широко образованного, умеющего созерцать и анализировать, умеющего обобщать и приходить, казалось бы, к парадоксальным, но все же непреложным истинам.

И всегда это был совершенно неожиданный взгляд, всегда совершенно неожиданная постановка проблемы, всегда совершенно неожиданный выбор ракурса «подачи» давно известного, знакомого, выученного чуть ли не наизусть. Но... Но Гавриил Харитонович, как истинный ученый, не останавливался только лишь на наблюдениях, вдумчивых размышлениях. На основании выводов, из них вытекающих, он устанавливал не всегда видимую всем, скрытую, но ощутимую связь между событиями чуть ли не двухсот-трехсотлетней давности и современной действительностью.

Раздумывая, скажем, о Николае Васильевиче Гоголе и его «Мертвых душах», он показывал, что и сегодня мертвые души господствуют в нашем обществе, что мрачная, удушающая плесень коррумпированной бюрократии поразила и наш государственный аппарат, что чиновничье сословие успешно «живет и

процветает» как когда-то в дореволюционной или в советской, так и в нынешней, вроде бы демократичной атмосфере. Плюшкины и ноздревы, собакевичи и чичиковы продолжают кичливо жить и здравствовать в бюрократическом мире государства российского. Пусть и в ином обличье, в ином платье. Да вот же, вот они. Вот они ходят здесь, между нами, занимают министерские посты, директорские кресла, менеджерские и референтские должности, а характер-то их и делишки остались прежними — беспринципно-наглыми, угодливо-вороватыми, льстиво-беззастенчивыми, слащаво-вредоносными...

Конечно, я и раньше читал вошедшие в юбилейную книгу литературно-философские эссе Г. Попова, его полемические очерки, автобиографические впечатления и воспоминания, политически острые замечания на какое-то памятное историческое событие, на творчество известных писателей, драматургов, режиссеров, публиковавшиеся в различных журналах или газетах и становившиеся обычно заметным событием для читающей публики. Но собранные вместе под одним переплетом, эти материалы производили особенно сильное впечатление, тревожно-ярко высвечивали стоящие перед обществом злободневные задачи. И одновременно, как-то неволью, исподволь, раскрывали личность самого Гавриила Харитоновича, по-новому высвечивали необычайно яркие грани его научно-публицистического таланта.

Наглядность, выразительность, актуальность вообще характерны для работ Гавриила Харитоновича. Ни одной его публикации нельзя назвать «вещью в себе». Они всегда «работающие», зажигающие мысль, заставляющие думать, принимать решения, действовать. Поэтому, обращаясь в год 75-летия ученого к его творческому наследию, мы бы хотели дать пусть небольшой,

в формате цикла книг о президентах ВЭО России*, но все же представительный сборник его публицистических работ, рассказать о его жизни и творчестве.

В сборник вошли и материалы из книги «Экономист не об экономике», и его воспоминания о своих учителях, друзьях и соратниках, и их личные впечатления о его произведениях, работе с ним, научных дискуссиях, встречах, диалогах. Здесь мы пытались сохранить тот стиль, дух, то настроение, с которыми экономист говорит «не об экономике», пытались понять Гавриила Харитоновича Попова как гражданина, патриота своей страны, как человека, который отдает все свои силы, все свои знания и опыт на благо сегодняшней и будущей России.

Для меня знакомство с Гавриилом Харитоновичем Поповым, не лично с ним, а с его трудами, началось более сорока лет назад. Я учился тогда на втором курсе индустриального техникума в подмосковном Орехово-Зуеве. А познакомил меня с его работами мой старший брат Николай, служивший на флоте, на крейсере «Октябрьская революция». Крейсер был гордостью Балтийского флота — мощнейший, одна его длина уже поражала мир — 210 метров, красивейший, образцово-показательный корабль, где служили лучшие из лучших. Волей судеб служить на этом крейсере секретчиком-связистом

* К настоящему времени Издательским домом «Экономическая газета» в цикле книг «Президенты ВЭО России» изданы работы: В. Павлов «Верю в Россию» (2005), «Особое мнение адмирала Мордвинова» (2008), Н.Д. Навелин «Русский национальный интерес» (2010). В этот цикл входит и книга С.А. Ситаряна «Уроки будущего» (2010). Академик С.А. Ситарян многие годы возглавлял Международную академию менеджмента, тесно связанную с ВЭО России.

был направлен Николай. Брат также окончил Орехово-Зуевский индустриальный техникум, а на корабле, решив поступать после срочной службы в институт, стал заочно учиться в десятилетке, чтобы, обновив знания, получить дополнительно к диплому техникума и аттестат о среднем образовании. Сразу же по увольнении с морской службы он поступил на экономический факультет Московского государственного университета, выбрав специализацией экономическую кибернетику. Николай и рассказал мне, что как-то на крейсере, когда он готовился к очередному экзамену по курсу средней школы, его друг и товарищ Виктор Ансючиц (впоследствии ставший известным политиком, народным депутатом), просмотрев имевшиеся у него на полке книги, сказал: «Все это важно, но вот это тебе точно пригодится, почитай-ка «Технику личной работы» — и протянул небольшую, в мягкой обложке книгу Г.Х. Попова. Брату она понравилась, по возможности он стал применять помогавшие ему авторские советы по самостоятельной организации учебно-творческой, научной, личной работы. Поэтому-то, когда Николай уже учился в университете, он и мне дал эту книгу: «Читай и тоже готовься поступать на наш факультет». Книга оказалась интересной, но тогда подумалось: «Зачем мне это, закончу техникум, потом пойду в армию, а после стану работать на стройке, вряд ли мне там пригодятся советы маститого ученого».

Действительно, после техникума работал в строительномонтажном управлении на Урале, затем пошел в армию. Зарплата по тем временам была неплохая, работа, люди нравились, ничего менять не хотелось. Но старший брат, заканчивавший уже университет, говорил и говорил, что нужно,

нужно, нужно учиться дальше. Для меня он был авторитетом, и я решил уступить ему, «что ж, была не была», попробую сдать вступительные экзамены на экономический факультет МГУ: «Провалюсь, не беда, буду дальше работать прорабом...». Но получилось так, что на экзаменах я, к своему искреннему удивлению, не провалился. И вот на первом курсе прохожу как-то по коридору учебного корпуса МГУ и на одной из дверей вижу строгую табличку: «Гавриил Харитонович Попов. Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой». Вспомнилось: а ведь пять лет назад не раз листал его книгу. Захотелось теперь послушать и лекции автора, которые он читал тогда для третьекурсников.

Лекция, на которую я пришел, на самом деле оказалась для меня уникальной. Такого обилия неизвестных исторических фактов, тонких наблюдений, звонких цитат, ярких сравнений, описывающих прошлое и настоящее народного хозяйства нашей страны, сцементированных выводами известных представителей мировой экономической мысли и примерами из литературных произведений, — всего этого богатства в лекции по управлению народным хозяйством (!) не ожидал. Не ожидал, а потому сидел и чувствовал себя ничего не знающим человеком — далеко не обо всех из упоминаемых лектором ученых, писателях тогда можно было говорить вслух, и уж тем более их цитировать, не значились они и их труды ни в школьной, ни в вузовской программе, не был я знаком и с новыми направлениями западной науки об управлении. Да, эта новая для советских вузов дисциплина требовала, как доказывала лекция Гавриила Харитоновича, фундаментальных, разносторонних знаний и не сводилась к примитивному,

«идеологически правильному» партийному руководству народным хозяйством. Требовала исходить из объективных законов экономики, вытекающих из них принципов и методов четкого, научно выверенного управления предприятием, отраслью, регионом, большим или малым отдельным проектом.

Лекция понравилась чрезвычайно. Все в ней было мастерским, вдохновляющим. Ясный язык, строгая логика изложения, насыщенность примерами, доходчивая интерпретация теоретических постулатов и объективных закономерностей. Выводы напрашивались сами собой, становились от этого еще более убедительными. Ученый тщательно и с любовью «готовил» научное кушанье, красиво раскладывал его на блюде и протягивал слушателям. Попробовали, оказалось: деликатес.

С той лекции я, первокурсник, стал, когда учебное время позволяло, постоянно посещать и другие выступления Г.Х. Попова для старших курсов. Мне они были нужны как воздух и запомнились навсегда. Доступный и образный стиль лекции, обилие новой информации, исторические примеры, теоретические парадоксы, ошибки и достижения хозяйственной практики, вызванные управленческими решениями, красиво скомпонованные статистические данные — все это будило мысль, заставляло искать ответы на возникающие вопросы, рождало желание поскорее прочитать упоминаемые книги, чтобы побольше узнать о том или ином ученом, его трудах, научных воззрениях. А когда Гавриил Харитонович для нашего курса начал читать лекции, я, несмотря на уже состоявшуюся «подготовку», по-прежнему слушал их, как говорится, с открытым ртом. Привлекали новая постановка проблем, равнодушное отношение лектора к излагаемому материалу, его эрудиция...

С тех далеких теперь уже студенческих лет и не пропадает неизбывный интерес к работам Гавриила Харитоновича, жизненным обстоятельствам, вызвавшим появление его очередных творческих трудов, к страницам его содержательно-бурной социально-общественной и научной биографии.

Гавриил Харитонович Попов родился в Москве 31 октября 1936 года. Тогда в Москве в Сельскохозяйственной академии учились его родители — Харитон Гаврилович и Феодора Георгиевна. Эта была греческая семья из старинных мариупольских греков. После окончания учебы семья Поповых переехала в Сибирь, затем — в Алтайский край, а после — в Ростовскую область. Там на хуторе Пухляковка он в 1944 году поступил в начальную школу, а среднюю завершал уже под Новочеркасском. Учился с интересом, легко и пылливо, школу окончил в 1954 году с золотой медалью. В том же году поступил на экономический факультет Московского университета. Это был поистине судьбоносный выбор.

Экономический факультет был одним из ведущих в стране центров экономической науки. Его славу и мощь крепили блестящие преподаватели, умевшие увлекательно раскрывать тематику учебных курсов, вызывать у студентов горячее желание заниматься самостоятельным научным творчеством, с интересом осваивать экономические знания, находить ответы на волновавшие тогда всех сложные вопросы социально-экономического бытия страны. Уже в студенческие годы курсовые работы Попова, его содержательные выступления на

семинарах, исчерпывающие ответы при сдаче зачетов и экзаменов отличали обширность познаний, не ограничивавшихся знакомством лишь с обязательной литературой, оригинальность и независимость суждений. Попов активно участвовал в работе факультетского научно-студенческого общества, выступал с отличавшимися научной новизной авторскими рефератами и докладами. Его успехи были отмечены присуждением повышенной сталинской и ленинской стипендий. Специализировался он по кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности, тесно сотрудничавшей с экономическими службами предприятий, в чем, конечно, большая заслуга крупного талантливого ученого, руководителя кафедры Сергея Кузьмича Татура. К глубокому знакомству с реалиями хозяйственной жизни страны нужно добавить фундаментальное изучение политической экономии, которое требовалось от всех студентов экономического факультета. В те годы одновременно с Поповым училась будущая замечательная плеяда ученых-экономистов, в общении и интеллектуальном соревновании с сокурсниками обогащались и развивались присущие ему работоспособность, эрудированность, компетентность, склонность к научному поиску.

В 1959 году Гавриил Харитонович с красным дипломом окончил учебу в университете, получив специальность «экономист, преподаватель политической экономии». В том же году был принят в ряды КПСС. Ему предложили продолжить обучение в аспирантуре по кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. В этой новой для советской планово-директивной системы хозяйствования научной области он выбрал себе и соответствующую тему кандидатской диссертации: «Применение информационных машин в экономике». Тему новую.

Смелую. Ведь тогда за кибернетикой все еще тянулся шлейф «буржуазной лженауки». Защита успешно прошла в 1963 году. Ученая степень кандидата экономических наук была получена.

После защиты Г.Х. Попов рекомендуется к работе на факультете в качестве преподавателя. Более четверти века, с 1963 по 1988 год, его трудовая, научная, общественная деятельность была тесно связана с экономическим факультетом МГУ, где он довольно быстро прошел все ступени карьерного роста — от ассистента кафедры до декана факультета. В эти годы его научные интересы сосредоточились на неизведанном для советской экономической мысли того периода направлении — теории управления общественным производством в масштабах всего народного хозяйства. В 1970 году Попов, по отзывам оппонентов, прекрасно защитил докторскую диссертацию «Методологические проблемы теории управления общественным производством» и стал самым молодым (!) в стране доктором экономических наук, а в 1971 году получил звание профессора по кафедре планирования народного хозяйства*. В том же году он создал и возглавил одну из первых в стране кафедру по организации и методам управления общественным производством. Плюс к этому энергия и организаторские способности Г.Х. Попова позволили создать при кафедре две принципиально новые

* В 1971–1973 гг. «молодой профессор» Попов совмещал работу на экономическом факультете МГУ с работой в Институте научной информации по общественным наукам Академии Наук СССР — ИНИОН АН СССР. (Его заместителем здесь был Руслан Имранович Хасбулатов — впоследствии доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, в начале 90-х гг. — с мая 1990 г. по июнь 1991 г. — первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР, с мая 1991 г. по октябрь 1993 г. — председатель Верховного Совета (парламента) РФ. Ныне — заведующий кафедрой экономики зарубежных стран Российской экономической академии им Г.В. Плеханова). В ИНИОНе Г.Х. Поповым были предложены новые принципы и методы сбора, обработки и классификации научной информации по социально-экономической тематике.

научно-исследовательские лаборатории по управленческой проблематике. В результате на экономическом факультете МГУ Гавриилом Харитоновичем Поповым был создан мощный научно-исследовательский центр проблем управления общественным производством, который вскоре получил широкое признание в стране как один из ведущих в области подготовки высокопрофессиональных кадров управленцев и организации широких научных исследований.

В 1978 году коллектив экономического факультета МГУ оказывает Г.Х. Попову высокое доверие и избирает его своим деканом. Декан факультета Г.Х. Попов приложил значительные усилия к дальнейшему укреплению его авторитета, сохранению за ним лидирующих позиций в области экономической теории, организации экономических исследований, подготовке и переподготовке экономических кадров. В период деканства Г.Х. Попова на факультете работали и были привлечены к работе такие известные ученые, как академик АН СССР Т.С. Хачатуров, будущие академики, доктора экономических наук А.И. Анчишкин, С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков, основатели новых направлений в экономической теории, доктора экономических наук, академики отраслевых академий, профессора Н.А. Цаголов, Г.А. Егиазарян, А.Д. Шеремет, Е.Г. Ясин, А.М. Емельянов. Был значительно расширен набор студентов на отделение «Планирование и математические методы анализа экономики». Появились новые направления специализации студентов, в том числе в области управления народным хозяйством, экономики промышленности, экономики сельского хозяйства, экономики труда, бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. Значительно расширились международные связи факультета.

В его учебных аудиториях стали выступать «знаковые» западные ученые-экономисты. Так, для студентов того времени подлинным откровением стала лекция всемирно известного американского экономиста Дж. Гэлбрейта, который много говорил и писал о возможности и необходимости конвергенции (тогда категорически не принимаемой и всячески отвергаемой официальной советской наукой) двух систем — капитализма и социализма, усилении внимания к инвестициям в человеческий капитал. В результате на факультете значительно возрос интерес к исследованию зарубежного экономического опыта, существенно усилился кадровый состав кафедры мировой экономики, резко вырос престиж специализации студентов в этой области научных знаний. И хотя в силу разных причин Г.Х. Попов досрочно покинул пост декана экономического факультета, его начинания оставили заметный след в истории МГУ — Московского государственного университета.

Впечатляет научная и научно-организационная деятельность Г.Х. Попова. Как специалист в области теории управления общественным производством, он довольно быстро приобрел широкую известность и у нас в стране, и за ее пределами благодаря прежде всего научным публикациям по наиболее острым проблемам функционирования народного хозяйства, замечательным публичным выступлениям на различного рода конференциях и форумах, а также в средствах массовой информации. Талантливого, авторитетного ученого заметили и в высших эшелонах власти. Он стал приглашаться к работе в составе специальных групп

ученых, которых руководство страны привлекало к подготовке важных партийно-правительственных документов по экономико-управленческой тематике, в том числе проведению экономических экспериментов в 70—80-х годах, направленных на совершенствование всего народно-хозяйственного механизма*.

В начале перестройки Г.Х. Попов входит в состав правительственной Комиссии по совершенствованию управления. При его непосредственном участии в Комиссии разрабатывались важнейшие документы о статусе и функциях социалистического предприятия, вопросы перехода к самофинансированию и полному хозрасчету предприятий и объединений, совершенствования работы союзных министерств и ведомств, внедрения и активного использования экономических методов управления ведущими народно-хозяйственными отраслями и крупными экономическими регионами, вопросы подготовки и повышения квалификации высших управленческих кадров, организации труда руководителя.

Революционной в этом плане стала работа Всесоюзной конференции «Проблемы научной организации управления», состоявшейся

* Здесь нельзя не отметить, что тогда же родилась одна замечательная и плодотворная идея — идея воссоздания Вольного экономического общества, образованного в 1765 году и успешно работавшего до 1919 года. В 1981 году группа ученых, ядром которой были заведующий кафедрой экономического факультета МГУ академик Т.С. Хачатуров, профессор Г.Х. Попов и А.Д. Шерemet, обратилась в ЦК КПСС с обоснованием необходимости создания Научно-экономического общества (НЭО). Предложение было принято, и уже в декабре 1982 года состоялся учредительный съезд нового общества, в организации которого большую роль сыграла и «Экономическая газета». Общество объединило около 400 тысяч специалистов различных сфер науки, образования и производства всех республик бывшего Советского Союза. Председателем правления НЭО был избран академик Т.С. Хачатуров, а профессор Г.Х. Попов — членом президиума, руководителем секции «Управление общественным производством». Секции НЭО стали местом, где удавалось обсудить назревшие экономические проблемы и выработать эффективные программы экономического развития. Секция «Управление общественным производством» отличалась при этом своей особой активностью. Нередко научные идеи, высказанные за ее круглыми столами, выносились на всесоюзные форумы, овладевали умами сотен тысяч инициативных соратников, реализовывались в конкретных планах предприятий.

в ноябре 1986 года в Москве в Колонном зале Дома союзов. Инициатором конференции выступил руководитель секции Научно-экономического общества СССР профессор Г.Х. Попов, а организаторами, при активном участии «Экономической газеты», выступили Центральное правление Научно-экономического общества, Отделение экономики АН СССР. Ставилась задача — обсудить проблемы создания целостной концепции хозяйственного механизма, к которому должны были прийти в результате радикальной экономической реформы. Конференция стала важным шагом не только на пути определения характера и особенностей рыночных преобразований в стране, но и послужила делу консолидации ученых, позднее возглавивших в Советском Союзе экономические реформы. В их числе — академики РАН Л.И. Абалкин, С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков, С.А. Ситарян, А.Г. Аганбегян. Н.П. Шмелев, Н.А. Тихонов, известные ученые-экономисты Г.Х. Попов, Н.Н. Гриценко, Е.Г. Ясин, А.Д. Шеремет*.

Конференция в Колонном зале имела и другой результат — на прошедшем в декабре 1987 года съезде было решено преобразовать НЭО во Всесоюзное экономическое общество, призванное собрать в один «кулак», в один штаб всех экономистов страны — практиков и ученых. С августа 1991 года Г.Х. Попов исполнял обязанности президента этого Общества. А в январе 1992 года было создано Вольное экономическое общество России — ВЭО России, объединившее все российские региональные организации ВЭО, продолжившее славные

** В работе конференции приняли участие свыше 1300 человек — ученые, специалисты, практики. Основные доклады руководителей секций и участников были опубликованы в трех номерах «Экономической газеты» (в № 46—48 за 1986 год), авторами которых кроме уже названных ученых были такие известные экономисты, как Р.А. Белоусов, С.И. Шкурко, Г.А. Егизарян, А.Н. Шохин, В.И. Щербанов, П.Г. Бунич, Е.Т. Гайдар, Л.А. Нозлов, А.М. Емельянов, Б.З. Мильнер, В.С. Рапопорт, Е.Н. Смирницкий.*

традиции императорского Вольного экономического общества. Президентом ВЭО России на учредительном съезде был избран Г.Х. Попов. В том же году он стал президентом Московского международного университета, созданного еще летом 1991 года по инициативе президентов СССР и США — Михаила Горбачева и Джорджа Буша-старшего*.

Вклад Г.Х. Попова в становление и развитие общественных объединений экономистов значителен не только в России, но и за рубежом. С его именем тесно связано создание Международного союза экономистов, президентом которого он бессменно трудится с 1991 года. За истекшие 20 лет своей деятельности МСЭ стал влиятельной международной организацией, объединяющей ныне представителей 48 стран мира. А если уж говорить о других научных статусах и общественных званиях Г.Х. Попова, то нужно, конечно, упомянуть, что он академик Российской академии естественных наук, почетный академик Международной академии менеджмента, президентом которой он стал в 2009 году. Гавриил Харитонович Попов избран также почетным доктором Университета штата Южная Юта

* Среди многочисленных научно-организационных и общественных («нагрузок») Г.Х. Попова в эти годы особое место занимает работа в редакции академического журнала «Вопросы экономики». Избранный в 1988 году главным редактором научно-теоретического издания Института экономики РАН, Гавриил Харитонович превратил журнал в действительно дискуссионную трибуну научного сообщества страны, за которой шел острый, порой нелюдоприятный, но всегда конструктивный разговор о путях рыночных преобразований. Многогранный мировой опыт, кипучая научная жизнь страны, вся гамма взаимоотношений экономики и общества, не простой генезис отечественных институтов и механизмов рынка, диалектика макро-, мезо- и микроэкономики... — все новое, смелое, неизвестное находило свое отражение на страницах журнала. Его тираж вырос до невиданных для такого научного издания отметок — 80 000 экземпляров. С 1988 до 1992 года Г.Х. Попову в качестве главного редактора (заместителем главного редактора был С.Н. Красавченко, впоследствии ставший известным деятелем российского социал-демократического движения) удалось привлечь к работе с журналом практически все дееспособные в стране научно-экономические институты, вузы, кафедры, исследовательские центры и подразделения. Многие, впервые опубликовавшиеся в журнале такого уровня авторы, впоследствии занимали высокие административные и научные должности, стали проводниками его реформаторских идей в науке и хозяйственной практике.

и Даулинг-Колледжа (Нью-Йорк), почетным гражданином Токио, Сеула и американского штата Мэриленд.

Под научным руководством Г.Х. Попова защищено около 50 кандидатских и 4 докторские диссертации, разработаны и начали преподаваться содержательно новые вузовские курсы по управлению производством, написаны многочисленные учебники и учебные пособия. Профессор Г.Х. Попов — автор более 300 научных трудов, в том числе 18 собственных и 15 коллективных монографий. Широко известны его работы: «Применение электронных машин в экономике», «Техника личной работы», «Проблемы теории управления», «Эффективное управление», «Пути перестройки», «Блеск и нищета административной системы», «Снова в оппозиции» и другие. Его произведения не раз переводились и издавались в Китае, Венгрии, Польше, Болгарии, Монголии, Вьетнаме, Кубе и других странах.

Научная деятельность Г.Х. Попова отмечена многочисленными наградами. Упомянем лишь, что в 2009 году ему была присуждена первая премия Евразийского клуба ученых за историческое исследование развития мировой и российской экономики, за разработки, обеспечивающие новые пути и возможности экономического роста*.

* Кстати, в связи с многочисленными наградами Г.Х. Попова мне всегда вспоминается один очень красноречивый фант. Став в 1986 году лауреатом престижной Ломоносовской премии в МГУ, Попов денежную часть премии (а она по тем временам была весьма солидной — более тысячи рублей, т.е. составляла несколько среднемесячных зарплат по стране) целиком передал на восстановление мужского монастыря и церкви на Соловках, где во времена сталинских репрессий был лагерь для политических заключенных. Это был смелый публичный поступок, ведь тогда — даже в 80-е годы XX столетия — о таких лагерях, да и церквях с монастырями в стране вообще старались не упоминать, а здесь о таком пожертвовании ученого было нем-то рукописно сообщено на стенде объявлений факультета. И хотя по-христиански Гавриил Харитонович не афиширует подобного рода поступки, его близкие знают, что оказание действенной помощи церквям, монастырям, духовным центрам давно стало для него жизненной нормой.

В результате своих многолетних теоретических исследований, изучения зарубежного и советского опыта хозяйствования, обобщения практики реформирования советской экономики Г.Х. Попов пришел к твердому убеждению о ее слабой восприимчивости к достижениям научно-технического прогресса, органичном отторжении ею новых методов хозяйствования и управления. Именно он первый дал социалистической хозяйственной системе хлесткое определение как государственно-бюрократической, командно-административной, казарменной системы, утвердившееся в годы перестройки. Все больше убеждался он и в неспособности коммунистического руководства коренным образом улучшить положение дел в Советском Союзе, что побудило его на пике перестроечной трансформации страны перейти в открытую политическую оппозицию к властным структурам КПСС.

Яркая карьера политика Попова началась в марте 1989 года, когда он был избран народным депутатом СССР от Всесоюзного экономического общества и Союза научных и инженерных обществ*. На съезде народных депутатов он стал одним из самых активных сопредседателей созданной демократической оппозицией знаменитой Межрегиональной депутатской группы, ее своеобразным мозговым центром.

** В принципе Г.Х. Попов всегда был активным участником общественной жизни, работал в комсомольской организации экономического факультета МГУ, а танке и всего Московского университета. В конце 1950-х и в начале 1960-х годов был дане на освобожденной комсомольской работе в бюро ВЛКСМ и на посту секретаря Комитета комсомола МГУ. Избирался также членом парткома МГУ, кандидатом в члены Ленинского райкома КПСС г. Москвы. Однако путь его в большую политику был тернист и извилист. На этом пути было все: взлеты и падения, победы и поражения, озарения и разочарования, заботливые подножники «защитных» друзей-оппонентов и более чем сдержанная «поддержка» единомышленников.*

Другими сопредседателями были Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров и В.В. Пальм. Участники группы сыграли ключевую роль в ликвидации монополии КПСС на исполнение властных полномочий, разрушении системы «государственного социализма». Свои идеи о путях его преодоления Попов пытался практически претворить в столице. В марте 1990 года он был избран депутатом Московского совета народных депутатов, в котором большинство имели представители демократического движения, а в апреле того же года его избирают председателем Моссовета. В июне 1991 года Попов голосами более чем 3 миллионов москвичей на свободных альтернативных выборах избирается мэром столичного мегаполиса. На постах председателя Моссовета, мэра Москвы Г.Х. Попов провел смелую и показательную для всей страны административную реформу, разделив столицу на округа (во главе которых стояли назначаемые мэром префекты), а также управы в качестве органов самоуправления. В столице был осуществлен принципиально отличный от официального общероссийского предложенный им московский вариант народно-демократических реформ — проведена бесплатная приватизация жилья, в частную собственность переданы предприятия сферы обслуживания, осуществлен комплекс мер по поддержке бедных слоев москвичей, введены бесплатный проезд для пенсионеров, доплаты на детей. Попов выступил против хаотичной и скоротечной, непродуманной приватизации крупных заводов и монопольных предприятий.

В августе 1991 года Г.Х. Попов решительно выступил против силовых попыток ГЧП сохранить власть партийно-чиновничьей

номенклатуры*. В этот сложнейший период в истории страны вновь проявились его незаурядные качества и политика, и организатора. Москвичи вместе с избранным ими мэром не только не дали втянуть себя в кровавое противостояние с войсками, введенными по приказу ГКЧП в столицу, но и смогли заставить военных отказаться от применения силы против мирного населения, а в ряде случаев — перейти на демократическую сторону**.

Вскоре после провала путча обозначились серьезные разногласия между столичным мэром Г.Х. Поповым и президентом Б.Н. Ельциным о путях дальнейшего осуществления в России социально-экономических и политических реформ. Б.Н. Ельцин, пригласив в свою команду Е. Гайдара, открыто взял курс на проведение в стране крайне болезненной «шоковой терапии», безудержной либерализации цен, масштабной номенклатурно-олигархической приватизации, либерализации (с криминальным душком) внешнеэкономической деятельности, на безрассудное свертывание социальных программ, резкое

* В интервью журналу «Итоги» (№ 30 от 25 июля 2011 г.) бывший посол США в СССР Джен Мэтлок вспоминает, что еще 20 июня 1991 года Г.Х. Попов первый сообщил ему о готовящемся путче с просьбой довести данную информацию до президента РФ Б.Н. Ельцина, находившегося тогда с официальным визитом в Вашингтоне. По дипломатическим каналам информация была немедленно передана в Белый дом, и уже оттуда президент США Дж. Буш-старший во время телефонного разговора сообщил танке и Горбачеву М.С. тревожные новости и их источник, что для бывшего руководителя ЦРУ было больше, чем неосторожно, ведь телефон прямой связи президентов явно прослушивался КГБ. Но дело было сделано, занавес секретности с путча был сброшен. И хотя «имя Попова оказалось в первых строчках списка людей, которых путчисты собирались арестовать в случае своего успеха», как показал дальнейший ход событий, интенсивность и масштабы подготовки к путчу заметно снизились.

** В своей опубликованной в августе 2011 года статье «ГКЧП: двадцать лет спустя» («Московский комсомолец», 12—18 августа 2011 г.) Попов вновь обращается к драматическим событиям тех незабываемых дней, дает свою собственную, выстраданную им оценку тех событий. Наверное, не все согласятся с представленными в ней выводами. Однако ясно одно. Статья никого не оставила равнодушным, всколыхнула общественное мнение, заставила вновь задуматься о перенитом в августе 1991-го, о характере и тайных пружинах путча, истинных устремлениях его главных действующих лиц.

сокращение финансирования науки, образования и культуры, здравоохранения, оборонного комплекса.

С такой программой, подготовленной по лекалам Международного валютного фонда, категорически был не согласен Г.Х. Попов, предлагавший свой — народно-демократический вариант рыночных преобразований. Он предусматривал свободное и эффективное соревнование государственной, кооперативной и частной собственности в экономике, последовательное проведение реформы жилищно-коммунального хозяйства и социальной сферы в интересах большинства населения, ощутимую поддержку социально слабым и незащищенным слоям, сохранение природных ресурсов и природной ренты в руках государства и под жестким контролем общественных институтов.

В результате разногласий с Б.Н. Ельциным и его курсом Гавриил Харитонович покинул пост мэра Москвы и вновь перешел в оппозицию к действующей власти. А чтобы обеспечить оппозиции надежную опору, он в феврале 1992 года возглавил новое Российское движение демократических реформ (РДДР), выступившее реальной альтернативой проправительственному блоку «Выбор России», лидером которого был Гайдар. В декабре 2000 года Попов приглашается к работе в общественном совете Российской объединенной социал-демократической партии (РОСДП), которую возглавил бывший президент СССР М.С. Горбачев. В ноябре 2001 года Г.Х. Попов вошел в политсовет новой Социал-демократической партии России, объединившей РОСДП и ряд других социал-демократических организаций. Лидером партии стал Горбачев. В октябре 2007 года Попов вместе с Горбачевым участвовал в работе учредительного съезда общерос-

сийского общественного движения «Союз социал-демократов» и был избран в состав его федерального совета.

Все эти неоднократные усилия Г.Х. Попова объединить на общедемократической платформе социал-демократические силы страны были вызваны, с одной стороны, катастрофическими результатами правительственных реформ, проводимых якобы либеральными, но по сути право-консервативными ставленниками олигархического капитала, а с другой — его попытками донести до общества и получить широкую поддержку иной, альтернативной прогайддаровскому курсу народно-демократической концепции преобразования российского общества.

Отличительная черта Г.Х. Попова как политика состоит в том, что он никогда не держался за руководящие кресла, поскольку рассматривал их лишь в качестве площадки для выражения и реализации своих идей и мыслей. Потому-то он всегда и безо всяких сожалений покидал любой высокий пост, когда чувствовал невозможность осуществления своих задумок, невозможность действовать в соответствии со своим отношением к тем или иным проблемам.

Вот и сегодня Г.Х. Попов подвергает резкой и справедливой критике экономическую и социальную политику нынешней власти, выступающей во многом преемницей прежнего курса чиновно-номенклатурных псевдопреобразований. Так, в частности, Г.Х. Попов дает весьма негативную оценку правительственным программам модернизации экономики, резко отрицательно отзываясь об антикризисных мероприятиях правящего тандема, который вместо поддержки населения в период кризиса (как это делалось в других странах) бросился спасать ростовщические по сути банки, предприятия олигархов, безмерная жадность и неистребимая

склонность которых к финансовым спекуляциям немало способствовали обострению кризиса российской экономики.

Однако в этом — весь Попов. Он постоянно в поиске, постоянно будоражит общественное мнение, пересматривает устаревшие, закостеневшие взгляды, заставляет искать, находить и возвращать новое. Этим он и ценен для общества, для политики, для людей, заинтересованных в поиске правды и истины.

Богатая событиями биография Г.Х. Попова, прекрасное знание им условий российской жизни и скрытых механизмов принятия властных решений, его основательная эрудиция, глубокое понимание основных тенденций мировой цивилизации нашли свое яркое отражение и в его литературно-публицистической деятельности.

Публицистика Г.Х. Попова может служить весьма наглядной иллюстрацией известного тезиса о том, что талантливый человек талантлив во всем. В ней, в публицистике, хорошо известный в стране и за ее пределами ученый-экономист и общественный деятель предстает в совершенно новом качестве — как искусный мастер пера, тонко чувствующий злободневные проблемы российской действительности, способный дать новые, нестандартные и нетривиальные оценки художественной классике, высказать свое, глубоко личностное, выстраданное и пережитое отношение к авторам и героям литературных произведений, театральных постановок, выявить и показать их значение для современного политического и социально-экономического обустройства страны.

Публицистика на протяжении всей отечественной истории была, пожалуй, самым востребованным литературным жанром. Не только цари и российская элита, но и простое население государства российского хорошо понимали политическую и идеологическую силу меткого слова, ораторскую способность «глаголом жечь сердца людей». Русская публицистика во все времена защищала нравственные идеалы, занималась поисками правды и справедливости, клеймила позором измену, воровство, злостничество, поднимала российский народ на труд, на бой, на подвиги, в принципе, способствовала созданию и сохранению российской государственности. Непревзойденными здесь и по сей день образцами являются язвительная переписка царя Ивана Грозного и князя Курбского, огненно-яростные проповеди протопопа Аввакума, «прелестные письма» казацких атаманов Степана Разина и Емельяна Пугачева, обширная переписка императрицы Екатерины II с французскими мыслителями. Русская классическая литература заняла достойное место на мировом олимпе не в последнюю очередь благодаря литературной критике и публицистике неистового В. Белинского, обстоятельного Н. Добролюбова, неугомонного Д. Писарева... Публицистика украшала произведения основоположников русской школы социально-экономической мысли — Ю. Крижанича, И. Посошкова, А. Шторха, Н. Мордвинова, К. Кавелина.

Отечественная публицистика стала не только важнейшей предпосылкой становления различных либеральных, социал-демократических, социалистических течений в российской политической практике от А. Герцена, Н. Чернышевского и народников до ленинского большевизма, но и мощным фактором пропаганды и упрочения этих течений в политической системе.

В новой и новейшей российской истории публицистика продолжает оставаться важным идеологическим и политическим инструментом формирования общественного мнения. И этим инструментом Гавриил Харитонович Попов пользуется с завидным умением.

Мотивы, побудившие Г.Х. Попова обратиться к публицистике, весьма неординарны и своеобразны, как и все его творчество. Действительно, что заставило молодого, талантливое, успешного и уже в какой-то мере обласканного властями ученого-экономиста, любимого студентами преподавателя заняться публицистикой? Причем не просто заняться, а создать ее принципиально новый жанр. Суть которого, по словам самого Г.Х. Попова, состоит в активном использовании известного литературного произведения, его героев, описанных в нем автором событий, созданных им литературных образов. Использовании для того, чтобы творчески проанализировать определенные социологические, экономические, политические закономерности прошлого и дня сегодняшнего, что для читателя, считает Г.Х. Попов, наверняка привлекательнее или по крайней мере выразительнее, нагляднее, убедительнее, чем стандартно-классические «тяжеловесные» научно-популярные статьи.

Всегда за очерченной писателем или драматургом уникальностью, исключительностью главных героев Попов стремится увидеть нечто характерное, типичное для страны на разных этапах ее развития, за неповторяемостью героев и событий выявить их массовость, за уникальностью — объективную закономерность. Именно такой подход придает пикантную остроту и призывную привлекательность публицистическому творчеству Г.Х. Попова, формирует именно его отличительную, авторскую особенность.

Тем более что читатель чувствует: непосредственные причины, побудившие Г.Х. Попова обратиться к анализу тех или иных литературных произведений, коренятся в его искреннем стремлении докопаться до истинных причин невзгод и в СССР, и в современной России. Одна из главных здесь, по Попову, — безраздельное господство бесчеловечной системы государственного казарменного социализма, нынешнего номенклатурно-бюрократического олигархического капитализма.

Это убеждение вызревало у него не сразу, а с годами не только не исчезло, но и усилилось. Он рано понял, да и на себе, конечно же, прочувствовал, что жизнь в СССР в сороковые годы прошлого века была весьма тяжелой. Сталинская власть с такой оценкой в основном соглашалась, но заверяла, что за рубежом народ живет несравненно хуже, и сулила всем наступление вскоре, не сегодня, так завтра, светлого будущего. Во все это Г.Х. Попов, по его признанию, до каких-то пор свято верил. Но жизнь все чаще и чаще заставляла задумываться, все ли и так ли делается для этого. Вот ввели налог за каждое растущее на приусадебном участке плодовое дерево. И его дед со слезами на глазах вырубил с трудом выращенный в засушливой донецкой степи сад. Помнилось и то, как библиотекарьша рассказала любознательному ученику об изъятии из библиотеки запрещенных книг русских философов и ученых. В дальнейшем, уже во время учебы в МГУ, он с потрясением узнал о кровавых преступлениях сталинского режима.

Другой причиной обращения Г.Х. Попова к публицистике несомненно стали сущностные черты его характера и прежде всего открытое и откровенное равнодушие к происходящему, способность к сопереживанию, стремление исправить недостатки.

Такие люди, как Попов, смело, публично и прямо высказываются по всем волнующим их вопросам, стараются своими делами и поступками улучшить ситуацию.

Неравнодушие к судьбам страны проецируется в его взглядах на основные принципы ее государственного устройства. В своих публикациях он обязательно выходит на систему государственной власти, анализирует ее несовершенства. И практически всегда показывает, как это влияет на свободу личности, возможности ее самореализации, рассматривает взаимоотношения человека с государством, выстроенной им системой правления. В поле его зрения всегда коллизия здравого смысла, человека, гражданина с государственной системой во всех ее проявлениях. Любое, будь то теоретическое построение или эмоциональное впечатление от театральной постановки, от прочитанной книги, от конкретного исторического факта, он укладывает на кальку современности, рассматривает человека в тисках противостоящей ему до сих пор государственной власти, показывает, как можно уменьшить дистанцию между властью и человеком, как можно разорвать связывающие его административно-бюрократические пути, создать ему благоприятные условия для проявления его способностей и талантов.

Так, определяя систему государственного социализма в качестве Административной Системы, Г.Х. Попов дает резкую, если не сказать убийственную, оценку ее природы: «В своем логически завершенном виде Административная Система может только реализовывать замыслы Верха. И то — не все. А только те, где не требуется творчества и инициативы, поиска и самостоятельности. Которые допускают исполнителей в виде винтиков данного вида. Система в чистом виде может только подражать,

повторять, тиражировать образцы... Вот почему расцвет Административной Системы не мог стать ничем иным, кроме как механизмом торможения» (с. 174 настоящего издания).

Конечно, далеко не все согласятся с подобным определением социализма. Кто-то будет пылко возражать, утверждая, что социалистическая система весьма убедительно демонстрировала свои уникальные возможности в решении задач масштабной индустриализации, культурного строительства, производства вооружений в годы Великой Отечественной войны, освоении целины, космоса и т.п. Однако представляется, что в данных Г.Х. Поповым обобщающих оценках конституирующей основы социализма свою роль играет присущее ему равнодушие к прошлому и будущему своей страны. Он всегда крайне заинтересованно, горячо говорит о переживаемых ею событиях, хочет поделиться с другими своими их восприятием, своим к ним отношением. Он никому не навязывает свои мысли. Попов, надеясь на встречу с таким же, как он сам, размышляющим читателем, лишь делится с ним своими соображениями по вопросам, которые должны в конце-то концов получить объяснение, увязанное с общей картиной происходящего и тенденциями начинающихся изменений.

Попов — воплощение идеи. Идея становится его идеалом, ее он пропагандирует, не стесняясь и не боясь непонимания, а верность своим идеям и принципам считает дороже жизни.

И как видно из его рассказов о своем детстве и юности, еще одной причиной, подвигнувшей его заняться публицистикой, стало глубокое изучение и осмысление русской классической литературы, привитое умудренными опытом школьными учителями. Как замечает сам Г.Х. Попов, именно великая русская литература прежде всего учила его мыслить. Под влиянием Радищева

и Белинского, Герцена и Добролюбова, Чернышевского и Писарева, по комментариям самых разных литературных критиков и общественных деятелей, а в итоге и собственных размышлений он многое понял из того, что ему полагалось по-школьному только лишь бегло «пройти». Именно энциклопедическое знание русской истории и литературы помогает Г.Х. Попову найти доходчиво-верные и метко-образные слова при характеристике недостатков, нелепостей, упущений и ошибок в современной политике и хозяйственной практике. Так, он отмечает, что «в проходивших на моих глазах освоении целины, химизации, мелиорации, проектах переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию, кампаниях за дисциплину и против алкоголизма, прожентак «ста дней» и «перелома к осени этого года», да и в бюджете на три года — непременно чувствую хлестаковскую «легкость в мыслях необыкновенную», маниловские мечтания, чичиковские махинации и манипуляции, тупую скаредность Коробочки и плюшкинский экономизм, ноздревское бахвальство, типичную неготовность к длительной и тяжелой работе, мертвечину чиновничьих душ и бюрократическое нетерпение начальства (с. 217–218). И еще одно признание: «Сжигая на костре Тараса Бульбу, Гоголь оставил мне великую истину: правота и правда не горят. Сжигая в камине московской квартиры второй том «Мертвых душ», Гоголь оставил мне другую великую истину: рукописи не горят» (с. 218).

Публицистика Г.Х. Попова — это всегда разговор о наблевшем, о том, что нужно делать сейчас и в перспективе, как развязывать сложные узлы, мешающие нормально жить и

развиваться. В любом его публицистическом произведении, идет ли речь о новой книге, театральной премьере или литературной классике, всегда есть выход на современность. Читать их не только интересно, но и крайне важно, нужно, хотя часто можно быть не согласным с автором, нередко ему хочется возражать. Публицистика, впрочем, для того и существует, чтобы взбудоражить общественное мнение, вызвать широкую общественную дискуссию.

В публицистике Г.Х. Попова имеется ряд тем, которые автор поднимает на высоту философских и мировоззренческих обобщений. Одна из таких тем, как уже отмечалось, — проблема соотношения личности и общества, личности и власти. Эта тема является, в сущности, сквозной и присутствует практически во всех публицистических работах Г.Х. Попова. В своих оценках советского социалистического общества автор безжалостно беспощаден. В его представлении построенный в СССР социализм выступает в качестве гигантской бездушной государственно-бюрократической машины, в виде административно-командной системы, подавляющей и ограничивающей любые проявления индивидуализма и творческого саморазвития личности. Суть ее — обезличенный коллективизм и жесткая «военно-полевая» организация. Соответственно движущей силой этой машины стали не цели и устремления «самоценной личности», а «мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Основное назначение административной системы, ее «достоинство», равно как и ее главную проблему, Г.Х. Попов видит в том, что эта система превращает человека в свой безликий, бесчувственный и бессловесный винтик. Образ Административной Системы, низводящей все богатство человеческой личности до

положения винтика государственного механизма, был впервые выведен в отклике Г.Х. Попова на роман Александра Бека «Новое назначение». Главный герой романа Онисимов представлен в рецензии как типичный советский номенклатурный руководитель — сухой, жестокий, лишенный каких-либо эмоций профессионал. Вся его жизнь, включая личную, посвящена работе. Он беспрекословно выполняет сам и добивается любой ценой выполнения своими подчиненными заданий Верха, даже в том случае, когда эти задания противоречат его убеждениям и самому здравому смыслу. В рамках Административной Системы складывается весьма своеобразный комплекс взаимоотношений и коммуникаций и по вертикали, и по горизонтали, базирующийся на постоянном и непрерывном контроле, взаимном недоверии, бесконечных проверках компетенций, в том числе и провокационными методами. Поэтому во всех формах общения индивидов в рамках этой порочной системы отчетливо проявляется стремление одних подчинить своей воле других, процветают ханжество, страх, взаимное доносительство и стукачество. Руководители типа Онисимова, по мнению Г.Х. Попова, — главная опора Административной Системы. Одновременно такие руководители и создатели, и жертвы этой системы. «Без таких «винтиков», — отмечает он, — Административная Система не могла возникнуть, не могла бы добиваться успехов, которые вполне заслуженно вписаны в ее счет» (с. 103).

В разборе хрестоматийного романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Г.Х. Попов акцентирует внимание не только на героизме молодежи, ее готовности идти на подвиг ради общего дела, не только на причинах, порождающих массовое самопожертвование комсомольцев, а прежде всего на бесчеловечности

Системы, ее безразличии к людям, неумении и нежелании ее номенклатурных винтиков нормально, без штурмовщины организовать в общем-то не такое уж сложное дело.

В истории постройки узкоколейки, о которой рассказывалось в романе Н. Островского, Попов увидел до боли знакомые и в его время факты кампанейщины и штурмовщины, эксплуатации идейности и энтузиазма молодежи, нежелания и неумения работать с селом, игнорирования экономических методов хозяйствования. Эту историю он часто вспоминает, рассказывая о том, как во время учебы в МГУ студентов посылали на уборку с колхозных полей картофеля, вывоз его на овощные базы в город. Искреннее желание молодежи и студентов помочь с заготовкой овощей беззастенчиво эксплуатировалось партийным руководством города, прикрывая его бездарность, некомпетентность и безответственность.

Анализируя роман Даниила Гранина «Зубр», Г.Х. Попов поднимает очень серьезный и глубоко нравственный вопрос о том, должна ли живая, творческая личность вступать в сделку с бездушной и бесчеловечной Системой? В рецензии на это произведение показано, что Зубр ради самосохранения себя как личности и как ученого пошел на сделку с Системой. Цена сделки — согласие Зубра «быть **политическим винтиком** общества ради возможности остаться **творцом в науке**» (с. 163). Так поступали многие советские ученые, работавшие на социалистическую систему. Подобная сделка, по оценке Г.Х. Попова, — это не пресмыкательство и не примирение со злом, не подлость и не потеря самоуважения, а лишь единственная возможность избежать гибели и, соответственно, делать дело, которому они готовы отдать всю свою жизнь. «Я даже думаю, — пишет Попов, — что,

пожалуй, ослепляющий свет этой индивидуальности позволил яснее увидеть Зубра как общее явление» (с. 170). Характеристика роли Зубров в функционировании Системы совершенно однозначна: «Без Зубров Административная Система ничего бы не построила и никого бы не победила» (с. 176). Вместе с тем за пределами внимания Г.Х. Попова не остается вопрос о том, что и сама Система была способна к формированию и выдвижению подобных Зубров. Однако, по мнению Г.Х. Попова, главное в книге Д. Гранина заключается не только в том, что это произведение дает возможность понять прошлое, саму Систему, причину ее успехов и провалов, но также и в том, что оно дает урок недопустимости ухода от политики, когда становится ясно, что Система исчерпала себя и нужно принципиально новое общественное устройство (с. 201)*.

Проблема взаимоотношения ученых и Административной Системы весьма остро поднимается Гавриилом Харитоновичем и в его мыслях на постановку пьесы А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». «Когда я слышу, — говорит Попов, — упреки в адрес экономистов: мол, нет от них предложений, не помогают, не участвуют, только критикуют, — я вспоминаю пьесу Островского... Помогайте нам, но с условием сохранения нас на

* Этим, кстати, и объясняется переход самого Попова от сугубо научной к активной политической деятельности. Конечно, прямо говорить и писать об отчуждении общества и личности, подчинении неповторимо-индивидуального, частного обезличенному общему, о навязанном приспособлении, адаптации человека к внешним стандартам, правилам, к «общему» мнению в периоды и «окончательно победившего», и «развитого» социализма было практически невозможно, поскольку сразу поставило бы на научной и общественной карьере такого критика крест. Это непременно обезлечило бы ему ярлык диссидента, антисоветчина и антипартийщина, а в самой легкой форме наказания вело бы к партийным выговорам. Поэтому в своих ранних оценках социалистической системы Г.Х. Попов, как говорится, начинал «танцевать» там, где при советской власти было хоть как-то позволено «танцевать», а именно в публицистике. И уже от нее, от публицистики, Г.Х. Попов последовательно перешел к политической деятельности.

наших постах, а вас — лишь в роли советников, ждущих в наших приемных, только в рамках приемлемого для нас варианта развития. Ищут не идеи как таковые, ищут подручных для оформления идей» (с. 319–320).

Конечно, отмечает Г.Х. Попов, правящая элита, высокое номенклатурное начальство Системы позволяли порой и посягательничать и «пошалить» при подготовке различного рода материалов и директивных документов для руководства. Так, в интервью Би-би-си Попов отмечает: «В середине 1970-х годов мы вместе с Николаем Иноземцевым, Георгием Арбатовым, Александром Бовиным, Абеом Аганбегином работали над материалами к очередному съезду КПСС. Уже тогда говорили об ускорении научно-технического прогресса и хозрасчете, а Л.И. Брежнев, получив очередную порцию таких материалов, обычно говорил: «Ну что тут мои социал-демократы понаписали».

Фразу Л.И. Брежнева про «моих социал-демократов» Г.Х. Попов отнюдь не рассматривает как некую похвалу творческой деятельности указанной группы, ведь, по словам самого Г.Х. Попова, говорить в те времена о чем-то, кроме «улучшения социализма», было нельзя. Однако, несмотря на «высокую» оценку высшими руководителями страны научного творчества Г.Х. Попова и его единомышленников, их предложения либо извращались при реализации, либо вообще не использовались и откладывались в долгий ящик. Именно поэтому Г.Х. Попов с энтузиазмом встретил горбачевскую перестройку, поскольку, как он признается, «примерно с конца 1960-х — начала 1970-х годов, после провала косыгинских реформ, было ясно, что мы в тупике».

С горбачевской перестройки начинается и новый этап в общественной деятельности Г.Х. Попова, одного из организаторов

и вдохновителей разрушения тоталитарной, административно-командной системы. Этот этап вызывает, конечно, далеко не однозначные оценки как у сторонников, так и у оппонентов Г.Х. Попова.

Последние не раз задавались все теми же бесконечными вопросами: в чем же причины столь яростных нападок Г.Х. Попова на тоталитарную систему? Где эта система «не сработала», была ли у нее своя «правда» и свое оправдание? Ответы на эти вопросы самого Г.Х. Попова весьма выразительны. Так, в вошедшей в сборник статье «Жить по-лермонтовски» Г.Х. Попов говорит о том, что именно Михаил Юрьевич Лермонтов открыл ему глаза на несовершенство и исторически преходящую ограниченную легитимность административно-бюрократической системы. В частности, Лермонтов помог ему понять, что бывает не только одна правота — правота партии, марксизма, комсомола. Г.Х. Попову навсегда врезались слова персонажа романа «Герой нашего времени» штабс-капитана Максима Максимыча, кадрового русского офицера, бесшменного участника войны с горцами, который, узнав, что Казбич зарезал ни в чем не повинного отца Белы, говорит: «Конечно, по-ихнему он был совершенно прав». По признанию Г.Х. Попова, его потрясли слова «по-ихнему» и «это совершенно» (с. 219).

И тогда-то он стал размышлять: если есть русская правота и правота других народов, то вполне возможна правота не только советская, но и несоветская. Попов признается, что мысль М.Ю. Лермонтова о наличии нескольких правд сопровождала его и при изучении теорий экономики, и в понимании геометрии Евклида и геометрии Лобачевского. М.Ю. Лермонтов заставил различать понятия «казенное» и «человеческое», правоту государственную и правоту народную. Учил его, что в столкновении государственной правды и правды простого человека далеко не

всегда государство поступает честно и справедливо, что за свою правду человек может бороться до конца, до плахи, до топора.

Другим источником его взглядов и оценок советской системы, по признанию Г.Х. Попова, стали произведения русского религиозного философа Николая Александровича Бердяева, которые оказали на него сильнейшее и неизгладимое впечатление, а сам Бердяев для него стал тем же, чем уже были и Толстой, и Достоевский. Н. Бердяев — видный представитель персонализма и экзистенциализма, направления современной философии, поставившего в центр своего внимания человеческое существование, судьбу личности в современном мире. Основная цель экзистенциалистов — освобождение личности от любых ограничений в ее саморазвитии, утверждение ее неповторимости и индивидуальности, защита права личности не поступать и не думать так, как поступают и думают все. Свое кредо Н. Бердяев выразил так: «Я вообще не люблю общества. Я человек, восставший против общества... Я утверждаю примат свободы над бытием... Я принадлежу к тому типу людей и той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности, с общим и родовым» (с. 392).

Изначальная конфликтность личности и общества, постоянное стремление государства подчинить и ограничить индивида в его поступках и деятельности, отмечаемое в русской классической литературе и философии, стало мировоззренческой и методологической основой публицистических работ Г. Попова по проблемам личности и общества в условиях «социализма», причиной его мировоззренческого бунта против всеислия и всевластности партийной и советской бюрократии.

Другой сквозной темой публицистики Г.Х. Попова стала близкая к предыдущей тема свободы и достоинства личности. Этими проблемами, по признанию самого Гавриила Харитоновича, он заинтересовался еще в школе. Затем, позднее, по вопросам свободы личности и ее прав, обеспечения возможностей для ее самореализации, о недопустимости мириться с произволом бюрократии он подготовил несколько публицистических произведений. Так, эти проблемы весьма обстоятельно рассматриваются в раздумьях при чтении «Фауста» Иоганна Вольфганга Гете. Центральная тема здесь, по мнению Г.Х. Попова, состоит в постоянном поиске ответа на вопрос, что нужно сделать, чтобы видеть свой народ свободным на земле свободной (с. 334). В рецензии вновь акцентируется вопрос о том, возможна ли сделка со злом в его крайнем проявлении (с Мефистофелем) ради достижения великой цели освобождения народа, и вновь на него дается положительный ответ, поскольку «лишь тот, кем бой за жизнь изведен, жизнь и свободу заслужил» (с. 343).

Переживания, сомнения, внутренняя борьба Фауста находят самый живой отклик в душе Г.Х. Попова, созвучны его умонастроениям, а потому он считает необходимым рассмотреть с подобных позиций и современную российскую действительность. «Для меня «Фауст», — отмечает Г.Х. Попов, — это потрясающая по трагизму история о тупиковости, безысходности судьбы интеллигента в его попытках создать счастливую жизнь на этом свете» (с. 344).

В рецензии на книгу Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» показано душшающее воздействие на свободу

личности и ее достоинство своеобразного «бюрократического идиотизма», который постоянно генерируется и расширенно воспроизводится административно-тоталитарными режимами различного рода. «Думаю, — пишет Г.Х. Попов, — что пока будут сохраняться бюрократические тоталитарные государственные машины с их убедительно доказанной Гашеком тенденцией к идиотизму, пока будут многомиллионные массовые армии с еще большими тенденциями к бюрократическому идиотизму, пока простой, нормальный человек с его стремлением честно и точно соблюдать идиотские правила будет сам оказываться в идиотском положении — рассказы о похождениях бравого солдата Швейка не утратят своей актуальности» (с. 367). Конечно, и с этим выводом трудно не согласиться*.

Вопрос о свободе и достоинстве человека Г.Х. Попов ставит и в своем отклике на постановку в Ленкоме пьесы знаменитого норвежского драматурга Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Эта пьеса, отмечает он, признается, стартом великого прорыва в философии, каким считается экзистенциализм. В ней, согласно Попову, речь идет об утверждении ценности Личности, защите ее свободы и интересов в условиях утвердившихся и подавляющих человека стандартов, в обстановке тотального надзора, правил, контроля, «организации», вторгшихся в повседневную жизнь, в экономику, науку, образование, культуру, во все клетки общества. Рассматривая философское значение пьесы, Попов подчеркивает, что ее герой в своей жизни хочет остаться самим собой,

* Чрезвычайно остро вопрос о свободе и достоинстве личности поставлен в опубликованной в «Московском комсомольце» (12 декабря 2005 г.) статье Г.Х. Попова «Есть ли что-нибудь дороже жизни?». Хотя она не вошла в сборник, но заслуживает упоминания за ясно выраженную в ней непримиримую позицию автора в выборе: или сохранить верность своим принципам, или в ущерб им использовать представившуюся возможность обезопасить свою жизнь.

хочет сам определять свою судьбу. Причем это право показано важным не только для элиты, не только для интеллигенции, но и для каждого человека, ведь Пер Гюнт — обычный сельский парень, который всего лишь хочет «собой быть». Остановившаяся на этом постулате, Попов делает обобщающее замечание: «Эта идеология того слоя людей, который не может и не хочет быть «как все» (с. 393), а также указывает еще один признак таких людей — активность, поиск. Именно в Личностях этого плана он видит залог будущего для человечества.

В ленкомовской постановке Попов отмечает прежде всего созвучность своих оценок Ибсена с оценками режиссера и актеров — они выделяют в герое стремление противостоять общественному мнению, заскоружлым стереотипам и шаблонным привычкам, противопоставить им свое видение жизни, свои желания. В постановке Марка Захарова герой борется за себя, за свое «Я», за свою Личность, за свою Индивидуальность, за свое право самому выбирать свою судьбу. И чтобы полнее донести понимаемую так суть пьесы, Попов приводит в своей рецензии солидную цитату из Николая Бердяева, непосредственно обращаясь к читателю: «И эта проблема Пера стоит перед каждым из нас. И каждому из нас надо еще и еще раз вдуматься в слова Николая Бердяева, прямо перекликающиеся с пьесой Ибсена: *«Я принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации... Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос — все представляется мне вторичным, второстепенным, даже прозрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной*

судьбой человеческой личности. Я никогда не соглашался сделать-ся частью чего бы то ни было... Человек не должен склоняться ни перед какой силой, это недостойно свободного существа» (с. 394–395).

Режиссер-постановщик Марк Захаров, заключает рецензент, призывает каждого из нас до конца бороться за свою Личность, для которой в нынешней номенклатурно-олигархической России возникла масса тех же угроз, что хорошо помнятся по советским временам.

Эта рецензия, как представляется, дает ключ к пониманию личности самого Попова, который всегда стремился не отходить от выработанного им понимания свободы Человека, Интеллекта, Демократа. Во всем он пытается найти выражение своей позиции, отстоять свое понимание и свое отношение к происходящему, противостоять угнетающей Личность системе. Высветив свое понимание главного в постановке пьесы Ибсена, Попов замечает, что именно этим она интересна для современного мыслящего, думающего зрителя. Оставаться самим собой, быть самим собой, не теряться в общей безликой массе, исполнять свою «сольную партию», а не сливаться в общем хоре — вот что ценно в Человеке.

Когда читаешь эту рецензию, то невольно приходишь к выводу, что по сути дела Г.Х. Попов писал про самого себя. Всю жизнь, во всех своих поступках, во всех своих выступлениях, во всех своих многочисленных работах он не боялся и не стеснялся высказать свое мнение об эпохе, окружающем мире, своем его восприятию и о том, что нужно делать человеку, наделенному свыше правом свободного выбора. И вот в этом, может быть, самый большой урок для поклонников творчества Гавриила

Харитоновича. Он учит каждого постигать эпоху, может быть, ошибаясь иногда в ее оценках, может быть, иногда и перегибая палку и излишне эмоционально воспринимая действительность. Но всегда мысли и дела личности должны быть пропущены через сердце. Стремление размышлять, быть борцом и созидателем всегда возвращает человека к его предназначению. Постигая, созерцая, познавая, осознавая мир и себя, меняя мир и себя к лучшему — только так люди, человечество и творят историю, осуществляют прогресс. Именно этому учит публицист Попов.

Красной нитью всю публицистику Г.Х. Попова пронизывают идеи борьбы с административной системой, идеи ее безоговорочного низвержения и последовательной ликвидации рудиментов государственно-бюрократического социализма, критика «шоковой» гайдаровско-ельцинской модели рыночного реформирования российской экономики, призыв к новому, народно-демократическому обустройству страны.

Негативное отношение к государственно-бюрократической системе, как уже отмечалось, формировалось у Г.Х. Попова постепенно и в течение довольно длительного времени. Как он сам вспоминает, еще в детстве он обратил внимание на то, что даже самые близкие ему люди боятся говорить открыто и испытывают непонятный ему тогда страх перед некой безликой и грозной опасностью. Так, обсуждая между собой вроде бы житейские вопросы в присутствии своего маленького сына, его родители зачастую переходили на греческий язык, которого Г.Х. Попов не знал и которому его специально не учили, чтобы

он не понял темы их разговоров и случайно не смог кому-нибудь пересказать то, о чем они говорили.

Вспоминает Попов и показавшееся ему в те далекие детские годы довольно странное поведение старой библиотекарки, которая хорошо относилась к любознательному школьнику, но на его просьбу помочь раздобыть книги Н. Бердяева вдруг начала нервно оглядываться по сторонам, а потом тихо сказала: «Гаврюша, его книги давно уничтожили. Такой был приказ», а потом добавила: «А о Бердяеве больше ни с кем не говори».

Сильнейшим потрясением для Г.Х. Попова стало его знакомство с материалами XX съезда КПСС о массовых преступлениях сталинского режима. Однако в те времена Г.Х. Попов искренне верил, что невероятная жестокость, которую система демонстрировала советским людям, всеобщий страх, необоснованные аресты — это лишь результат «перегибов» и «ошибок», что эти «ошибки» и «перегибы» можно исправить, что с их устранением система будет нормально функционировать на пользу людям. Но уже к 60—70-м годам и эта вера бесследно испарилась.

Да, когда задули «свежие ветры» горбачевской перестройки, она вроде бы возродилась, у него вновь появились надежды на возможность обновления социализма. Здесь уместно напомнить о работе тогдашних идеологов перестройки — «Иного не дано» (М.: Прогресс, 1988), в которой Г.Х. Попов в своей статье подверг резкой, даже непримиримой критике и безответственные лозунги «бесов перестройки», и нетерпеливость «революционных романтиков».

Вскоре, однако, Г.Х. Попов разочаровался и в политике М.С. Горбачева, и в способности руководства КПСС улучшить положение в стране, которая все быстрее скатывалась в хаос.

Он отчетливо понял, что для кардинального изменения ситуации в стране необходимо «идти во власть». В период развернувшейся перестройки политика (вспомним Зубра. — *Ред.*) не могла не иметь первенства над экономикой, поскольку, не получив властных функций в нашей стране, в то время было невозможно решать какие-либо значимые социально-экономические задачи. Г.Х. Попов не просто «вошел» во власть, он, можно сказать, ворвался в парламент страны и стал одним из лидеров бунтарской, резко выделявшейся на общем «красно-коричневом фоне» Межрегиональной депутатской группы.

Именно с этого периода начинается открытая борьба Г.Х. Попова за ликвидацию государственно-бюрократического социализма. При этом его личная роль как блестящего публициста, публичного политика и влиятельного властного функционера (в ранге столичного мэра) в разрушении административно-бюрократического, государственного социализма весьма и весьма значительна. В своей борьбе против системы Г.Х. Попов отнюдь не был «белым и пушистым» демократом-интеллигентом. Это резкий, жесткий политик, который при всех обстоятельствах остается верен себе, верен своим убеждениям. В эпохальной борьбе против тоталитарной системы он не потерял своего лица, своего собственного Я.

Сегодня Г.Х. Попов разрушение социалистической системы называет великой антисоциалистической революцией. И революция, по мнению Г.Х. Попова, это всегда ломка старого. В период такого разлома возникает много внешнего, наносного, уродливого и среди самих «революционеров», и среди простых людей. Так, в рецензии на произведения Ф.М. Достоевского он выделяет целую галерею образов — инвалидов от реформ, уродов

от реформ, неготовых к ним людей. Поэтому один из важнейших вопросов, который Г.Х. Попов «провоцирует» громким заявлением о «великой антисоциалистической революции», — это вопрос о движущих силах и результатах радикальных российских реформ, о том, в чьих интересах они проводятся. На эти вопросы с присущей ему убедительностью он пытается дать ответ в рецензии на ленкомовскую постановку М. Захаровым пьесы Г. Горина «Шут Балакирев». Центральная идея пьесы — кто и как продолжит начатые Петром I реформы.

Ответ по пьесе — дворянство. Ответ Г.Х. Попова: «Реформы неотделимы от самостоятельного сословия. В обществе работающих на неизвестно кому принадлежащих заводах, сидящих на чужой земле, получающих от центра или мест плату и пособия, обществе с преобладанием зависимых по всем каналам от власти людей, по сути холопов, — реформы и демократию не спасут ни самые лучшие преемники, ни самые лучшие «семьи», ни самые отработанные системы выборов, ни группировки, партии «меченых» то властью, то грабежом, то чем-то еще» (с. 328). К сожалению, самой сильной группировкой в России оказалась бюрократия, она и навязала тот вариант развития, который отвечал ее интересам. Поэтому плодами разрушения административной системы и антисоциалистической революции воспользовалась прежде всего современная государственная номенклатурно-олигархическая бюрократия. Простому человеку нынешняя система, как считает Попов, дает даже меньше, чем при советском строе. Именно поэтому, считает он, нужно вновь и вновь говорить, настаивать на утверждении в стране социальной справедливости, представительстве интересов всех, оценке людей по заслугам, равной возможности каждого гражданина

иметь свой собственный выбор и влиять на принимаемые в обществе решения. Сегодня даже эти исходные демократические требования пока не реализованы.

Эти идеи Г.Х. Попов развивает и в своих рассуждениях о том, почему известный российский писатель Виктор Петрович Астафьев оказался белой вороной в новой России. Попов говорит о том, что тот хорошо понял антинародную направленность окрашенной в либерально-демократические тона олигархической власти. В ней «он без труда уловил то самое безразличие к судьбе деревни, к судьбе природы, к судьбе народа, которое он привык видеть у «красных директоров» и прочих «красных хозяйственников». Характерно такое признание: «Судьба Астафьева высвечивает одну из фундаментальных проблем революции 1989—1991 годов — отсутствие самостоятельного, организованного народно-демократического течения. Это течение так и не смогло отделиться, с одной стороны, от либерально-демократических и, с другой стороны, от номенклатурно-реформаторских сил» (с. 302).

Поднимая вопрос об «антисоциалистической революции», Г.Х. Попов старается обозначить две проблемы. Первая — это разрушение административно-командной системы государственного социализма во имя освобождения личности, ее индивидуальности, ее творческой свободы. Однако плодами революции воспользовались номенклатурная бюрократия и олигархи, которые насадили в России невиданный в истории дикий и паразитический капитализм. Отсюда вторая проблема — против этого «захвата» надо бороться, бороться всеми силами.

И вновь Г.Х. Попов на переднем крае борьбы — на этот раз с номенклатурно-олигархическим капитализмом. В статье,

подготовленной совместно с Ю.М. Лужновым «Еще одно слово о Гайдаре»*, авторы утверждают: «Теория Гайдара неверно отвечала на вопрос: чем надо заменить в России советский бюрократический социализм? Его ответ был такой: так называемой либеральной экономикой монетаристского типа. Но общая идейная несостоятельность монетаристской концепции экономики сегодня — после мирового финансового кризиса и краха глобальных «пирамид» финансовых спекуляций — факт, очевидный всем. Реформы Гайдара, основанные на этой дурной идеологии, привели к игнорированию задач развития реальной экономики страны, развития инфраструктуры. Катастрофическому сбросу государством с себя своих социальных функций и задач. Разбазариванию крупной общенародной собственности и ее передаче в нечистые руки «абы кого». Необоснованному снижению роли государства в определении задач социально-экономического развития страны. Реформы Гайдара, их зацикленность на монетаристских играх в деньги, в цифры только усугубили сырьевую модель развития российской экономики, разрушили отечественное производство, привели к жизни по принципу продажи нефти в обмен на импорт всего остального. Во многом именно из-за этих реформ задача модернизации России выглядит сегодня столь сложной».

Как видим, характеристика результатов реформ убийственная. Возникает вопрос: почему же Ельцин выбрал кандидатуру Гайдара для проведения радикальных преобразований? Авторы дают на этот вопрос следующий ответ — тут действовал комплекс факторов. Ельцин абсолютно не знал Гайдара. Но Гайдара усиленно навязывал Ельцину Запад, суля России десятки

* «Московский комсомолец», 22 января 2010 г.

миллиардов долларов помощи. Это не могло не завораживать Ельцина, и надежды на эту помощь сыграли важнейшую, если не решающую роль. Не знал Ельцин и экономических теорий. Гайдар же испуленно верил в свою теорию: мол, после нескольких месяцев «шока» от всеобщей либерализации цен заработает рынок, и все утрясется. «Быстрота успеха, — читаем в статье, — не могла не увлечь Ельцина. Он хотел не столько дать стране возможность самой себя возродить, сколько осчастливить ее «от себя» и немедленно. И Гайдар не обманывал Ельцина, когда уверял, что все решится к осени. Он правда так думал и правда не ведал поначалу, что творил».

Развенчивается в статье и миф о том, что Гайдару не дали «закончить». Это не так — все свои планы он реализовал. Сбережения населения были заморожены, точнее, вообще ликвидированы как серьезный экономический фактор. Зарплаты обесценились. Заводы остановились. Появился рынок «челноков». Россия не рухнула, но гражданская война все же «обосновалась» на национальных окраинах. Но самого главного — начала возрождения России — не произошло. Рынок не заработал. Почему?

Авторы статьи дают такое объяснение: «Конечно, было мощное сопротивление. И обворованного народа. И депутатов во главе с Хасбулатовым. И части новой номенклатуры, представляемой Руцким. И регионов. И паразитировавшей на всех недовольствах компартии. И формировавшейся народно-демократической оппозиции. Но не это сопротивление остановило Гайдара. Воля у него была железная. Он был готов действовать по Грибоедову — «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Провал гайдаровской модели был предопределен тем, что она была

неправильной теорией и не соответствовала фундаментальным реалиям выходящей из социализма России»*.

На общем и хорошо известном фоне триумфально-фанфарных «либеральных» оценок деятельности Е. Гайдара эти откровения прозвучали как гром среди ясного неба. И в этом опять весь Попов! И вновь он заставляет думать, сравнивать, искать решения, анализировать. Для него нет авторитетов, кроме истины.

Известное выражение: «Скажи, кто твой друг, и я скажу — кто ты» прекрасно иллюстрируется вторым разделом данной книги, озаглавленным «Лица». Здесь Гавриил Харитонович щедро делится своими воспоминаниями о друзьях, коллегах, о тех, с кем свела его судьба, с кем он долгое время вместе шел по жизни, кого уважал и ценил, общение с кем оставило неизгладимый след в его душе, оказало самое серьезное влияние на формирование его личности, мировоззрение, отношение к самому себе и окружающей действительности.

Люди, о которых пишет Г.Х. Попов, — великолепная когорта ученых-новаторов, организаторов и лидеров научных направлений, прекрасных преподавателей, которые не только щедро делились своими знаниями со слушателями, но и учили их умению спорить и в спорах, дискуссиях, обсуждениях искать и находить зерна истины. Эти люди, чьи имена неизменно привлекали внимание научной общественности, властных структур, чьи идеи

* Критика Г.Х. Поповым гайдаровского курса реформ вполне аргументирована и конструктивна. Исходя из неонейнзианских принципов, адаптированных к российской реальности, Г.Х. Попов в своих научных работах «разворачивает» целостную программу социально-демократических преобразований страны.

были предметом бурных общественных обсуждений, чьи публичные выступления, образ жизни, манера поведения сыграли решающую роль в развенчании социалистической мифологии того времени, в становлении и развитии новых представлений о характере и принципах функционирования тогдашнего экономического строя и социально-политической системы, в утверждении заслуженно-светлых перспектив будущей России.

Колоритен и жанр воспоминаний. В них Попов предстает и как обстоятельный пунктуальный биограф, и как талантливый художник, который четкими, точными «мазками», «штрихами» создает неповторимые, очень личностные, индивидуальные образы близких ему людей. Портретная галерея, однако, отнюдь не схематична. Она полна жизни, динамики, неподдельного обаяния. Попову удалось деликатно передать характеристичные черты каждого из своих персонажей: один из них — очень добр, другой — одиноч, третий — своеобразный «внутренний эмигрант». Попов не скрывает ни личных слабостей, ни увлечений, ни пристрастий героев своих живописных картин. Пишет их портреты чрезвычайно откровенно, дружелюбно и даже с некоторой ностальгией о безвозвратно ушедшем времени.

Вместе с тем у всех персонажей своих очерков Г.Х. Попов усматривает некую общую черту. Каждый из них, как он показывает, находится в оппозиционности к Административной Системе, причем независимо от того, осознает сам герой очерка эту оппозиционность или нет. Независимая от воли и сознания этих людей суть такой оппозиционности коренится, как видится Попову, в самой их деятельности, их статьях, монографиях, учебниках, даже если персонажи очерков и не помышляли становиться в публичную оппозицию Системе. Однако объективно

и реформационная деятельность академика Л.И. Абалкина и премьер-министра СССР В.С. Павлова, и цаголовский учебник политической экономии, и «внутренняя эмиграция» С.А. Ситаряна, и научный педантизм Т.С. Хачатурова, и «еврейский юмор» Л.Я. Берри способствовали, а то и непосредственно были направлены на коренную модернизацию и трансформацию сложившейся к тому времени Системы. Попова совершенно не смущает то обстоятельство, что один из героев его очерков — В.С. Павлов — был членом ГНЧП. Более того, само участие Павлова в составе этого чрезвычайного органа Гавриил Харитонович трактует как его трагический протест против лицемерной, болтливой политики М.С. Горбачева и разваливающейся Системы в целом. Рассказывая о встречах с такими неординарными и своеобразными личностями, их неповторимых качествах, причудах, научных достижениях, заблуждениях, Г.Х. Попов, в сущности, наводит своеобразные мосты между настоящим и прошлым, дает возможность читателю соприкоснуться с историей, сохраняет образ и поступки этих незаурядных людей в исторической памяти.

Заключительный раздел данной книги, озаглавленный «И это все о нем», составляют размышления о «феномене» Г.Х. Попова его однокурсников, друзей, коллег, учеников, соратников по политической деятельности.

Хотя материалы, включенные в этот раздел, конечно же, готовились к юбилею Г.Х. Попова, в них нет парадно-юбилейного восторга, трафаретно-лакированных славословий. Представленные здесь очерки по сути исторические документы, воспоминания об

эпохе совершенно различных людей: от М.С. Горбачева — первого и последнего Президента СССР, академиков РАН, научных работников, известных журналистов до вузовских преподавателей, членов Московского правительства.

Воспоминания разные. И тем самым более интересные для читателя. Наверное, никого не оставит равнодушным тот факт, что первый Президент СССР считает Попова одновременно и своим соратником, и своим оппонентом. Подобной оценки не были удостоены лица даже из самого близкого окружения М.С. Горбачева в период его бурной президентской деятельности. Эта оценка не только дань глубокого уважения бывшего первого лица государства к Г.Х. Попову, но и определенная характеристика его неоднозначной и многогранной натуры.

Значительное внимание в этом разделе уделено характеристике той среды, той атмосферы, в которой происходило формирование личности Г.Х. Попова. Его однокурсники, ныне известные в науке и политике люди — Я.Н. Дубенецкий, Н.Я. Петраков, Л.Г. Ходов, Н.П. Шмелев, — с большой теплотой, юмором, легкой и чуть щемящей грустью пишут о незабываемых годах своего студенчества на экономическом факультете МГУ, который стал и для них, и для Г.Х. Попова не только источником знаний, но и школой жизни, фундаментом их многолетней дружбы и товарищества, началом их долгого и непростого пути в науке, политике. На экономическом факультете, как отмечают эти авторы, в те далекие годы, несмотря на идеологический прессинг, сложилась деловая, творческая атмосфера, в которой бездельничать, плохо относиться к учебе было как-то очень неудобно. «В целом на факультете, — вспоминает Л.Г. Ходов, однокурсник и друг Г.Х. Попова, ныне блестящий преподаватель, — была трудовая

атмосфера... «модно было быть отличником» (с. 709). Деканат и преподаватели отмечали лучших студентов... У отличников были шансы получить лучшее место работы после завершения учебы или быть рекомендованными в аспирантуру. Да и просто повышенная стипендия для сдавшего экзаменационную сессию на отлично была ощутимым материальным стимулом».

Преподавание велось по прекрасно составленному учебному плану, на практике действительно учили основам экономического анализа. После более чем пятидесяти лет преподавания в экономических вузах, «я до сих пор считаю, — подчеркивает Л. Ходов, — что образование на экономическом факультете МГУ в середине прошлого века было одним из лучших, возможных в эти годы» (с. 710).

В создании творческой атмосферы, как отмечается в воспоминаниях однокурсников Г.Х. Попова, огромную роль сыграла плеяда прекрасных преподавателей, носителей лучших традиций российской высшей школы. В их числе Н.А. Цаголов, С.К. Татур, Ф.Я. Полянский, Л.Я. Берри, Т.С. Хачатуров. В качестве преподавателей факультета были задействованы видные экономисты-практики из Госплана СССР, Госбанка СССР, центральных министерств, ведомств, что обеспечивало тесную связь науки и практики в процессе обучения студентов.

Конечно, как вспоминают однокурсники Г.Х. Попова, и сами студенты очень серьезно и ответственно относились к своей учебе. Например, Н.П. Шмелев отмечает, что их, в принципе, никто насильно не заставлял хорошо учиться. Они сами, по доброй воле, добросовестно «грызли гранит науки». Так, и сам Н.П. Шмелев, и его друг С.С. Шаталин прочитали «Капитал»

Н. Маркса — очень сложное и серьезное произведение — по три раза для уяснения проблем самим себе.

«Вообще же, — как отмечает Л.Г. Ходов, — студенты жили интересно, трудно, много занимались, сдавали экзамены, праздновали, влюблялись, ссорились — переживали свою юность, которая, к сожалению, прошла слишком быстро» (с. 712).

В воспоминаниях однокурсников, друзей и коллег Г.Х. Попова значительное внимание уделено его деятельности как преподавателя и ученого. Так, с большой теплотой многие авторы данного раздела — В.Н. Красильников, А.Ю. Манюшис, В.И. Маршев, В.Ю. Озира, Г.Л. Подвойский, отзываются о научно-исследовательской, преподавательской и научно-просветительской работе, которой Г.Х. Попов занимался на экономическом факультете МГУ на протяжении почти четверти века. Прежде всего, специально выделяется новаторская деятельность Г.Х. Попова по организации обучения студентов и аспирантов. Внедрив в учебный процесс специфические «нейсовые» методы обучения, ролевые игры, варианты способы решения управленческих задач, Гавриил Харитонович намного опередил свое время и выступил первопроходцем в разработке и практическом использовании принципиально новых методов обучения, которые и нынче-то используются далеко не во всех вузах. Об этом с большой благодарностью пишут и бывшие сотрудники кафедры и Центра проблем управления общественным производством, и его бывшие студенты и аспиранты.

Широкое признание в стране получили и новаторские подходы Г.Х. Попова к организации процесса повышения квалификации сотрудников и преподавателей кафедр проблем управления

общественным производством, его знаменитые «Гаврилиады» — выездные зимние семинары сначала для сотрудников и аспирантов кафедры и Центра проблем управления, а затем и для более широкого (практически всесоюзного) круга преподавателей и специалистов, на которых обсуждались актуальнейшие проблемы управления общественным производством.

Склонность Г.Х. Попова к новаторству, подчеркивают его коллеги, не только с годами не уменьшается, но и весьма наглядно проявляется и в наше время на посту руководителя Международного университета, где впервые в новой России получили международную аккредитацию разработанные под его руководством программы «Бакалавр» и «Мастер делового администрирования», открываются новые направления высшего и дополнительного профессионального образования, в том числе открыт совершенно уникальный факультет управления крупными городами.

Высоко оценивая научную, научно-публицистическую деятельность Г.Х. Попова, авторы данного раздела, несмотря на юбилейный характер издания, вовсе не стесняются высказать свои сомнения по поводу некоторых идей и позиций, выдвигаемых Г.Х. Поповым, предлагают уточнить иные из его концептуальных положений, уже «забронзовевших» в качестве «общепризнанных».

Так, в очерке Л.И. Абалкина отмечается, что «выраженная в работах Г.Х. Попова идея о наличии в стране административно-хозяйственной системы прочно вошла в широкий оборот. Однако она возникла в нашей стране не после революционных событий 1917 года, а имеет более глубокие корни». Далее Л.И. Абалкин продолжает: «Академик А.И. Чупров* писал, что

* А.И. Чупров (1842–1908) — российский экономист, статистик, общественный деятель.

«административная система, оказавшаяся никуда негодной... кроме политического унижения, которое она нанесла, сделав Россию посмешищем народов, кроме невыразимого нравственного вреда, созданного при ее господстве отчуждением общества от правительства и подрывом чувства законности в народе, причиняет ему страшный материальный ущерб, грозит привести нашу страну к нищете» (с. 590–591). Л.И. Абалкин, по сути, оспаривает ставшую «общепризнанной» идею о том, что административная система — это порождение социализма. Однако если генетически административная система не есть порождение социализма, то ее разрушение отнюдь не тождественно разрушению социализма. Уточнение Л.И. Абалкина ставит, следовательно, под сомнение конструкцию о социалистическом происхождении административной системы и необходимости ликвидации социализма для ее разрушения.

Наряду с весьма высокими оценками политической деятельности Г.Х. Попова, представленными в материалах П.Н. Гусева, В.Н. Красильникова, А.И. Музыканского, К.Б. Норкина, О.М. Попцова, Е.С. Строева, В.И. Щербанова, имеются и другие, порой прямо противоположные и достаточно жесткие характеристики Г.Х. Попова как политика.

Так, оценивая деятельность Межрегиональной депутатской группы, Я.Н. Дубенецкий, однокурсник Г.Х. Попова, пишет: «К сожалению, как мы видим по итогам прошедших двух десятилетий, приведших (особенно в 90-е годы) страну в состояние полнейшей деградации по всем важнейшим сферам жизни, некоторые ключевые исходные установки оппозиции той поры оказались ложными и губительными для будущего страны» (с. 606). Первой такой «ложной и

губительной» установкой стало безальтернативное и безоговорочное разрушение планово-административной системы, которая, как считает Дубенецкий, ссылаясь на негативный отечественный и позитивный китайский опыт, имеет значительный запас прочности и большие внутренние возможности «для эволюционного преобразования национального хозяйства» в сторону социально-рыночной организации», обеспечения на этой основе высоких темпов роста экономики и благосостояния народа.

Другой фатальной ошибкой либерального движения было, как считает Дубенецкий, решение о том, чтобы Россия как можно быстрее избавилась от балласта в виде других союзных республик, живших якобы за счет России. Результатом реализации этого решения стал распад СССР, разрушение единого народно-хозяйственного комплекса, системный кризис и чудовищный спад производства, массовое обнищание населения во всех бывших союзных республиках, включая Россию, развертывание локальных войн и международных конфликтов.

Третьей ошибкой демократической оппозиции, по мнению Дубенецкого, стало выдвижение в ее лидеры Б.Н. Ельцина и передача на определенном этапе ему и его новой команде всей полноты власти в стране. Результаты ельцинского правления хорошо известны. Новый режим, пришедший на смену ельцинскому, в принципе, несколько не лучше своего предшественника, поскольку унаследовал от него и идеологию, и механизмы, и базовые институты хозяйственного строительства. Поэтому Г.Х. Попов с присущем ему умением подвергает и этот режим сокрушительной критике.

Сегодня Г.Х. Попов значительное внимание уделяет организации плодотворной работы Вольного экономического общества России, бессменным президентом которого он является с 1992 года, то есть уже почти двадцать лет. При его президентстве ВЭО России стало авторитетным независимым институтом, способным вырабатывать консолидированное мнение экономического сообщества о путях и приоритетных направлениях социально-экономического развития страны в современных условиях, о первоочередных задачах модернизационной перестройки всего государственного механизма, укрепления научно-технического, интеллектуального, кадрового потенциала страны. Ныне ВЭО России объединяет в своем составе свыше 300 тысяч членов, среди которых научные учреждения, общественные организации, предприятия, ведущие ученые и экономические эксперты страны, предприниматели и экономисты-практики, представители государственной власти. Объединяя в своем составе практически всю интеллектуальную экономическую элиту страны, ВЭО России имеет свои отделения практически во всех ее регионах. Деятельность Общества направлена на реализацию целого ряда важных для теории и практики хозяйственного строительства программ: экономический рост России; всероссийские форумы, конференции, конгрессы, выставки; российские конкурсы «Менеджер года», «Менеджер года в государственном и муниципальном управлении», «Лучшая экономическая кафедра», «Всероссийский конкурс научных работ молодежи»; «Развитие творческого потенциала молодежи».

Общество развернуло большую просветительскую и издательскую деятельность. Общий ежегодный тираж научных

трудов, журналов, газет и других изданий превышает более 11 миллионов экземпляров.

Победители организуемых ВЭО России конкурсов награждаются дипломами и медалями ВЭО России. За большие заслуги активные члены Общества награждаются Большой золотой и серебряной медалями ВЭО России, имеющими сертификаты Генерального совета при Президенте Российской Федерации.

Научное, практическое, профессионально-карьерное, а также просветительно-воспитательное значение проводимой ВЭО России работы трудно переоценить. Приезжающие на конференции и собрания Общества и маститые ученые, и провинциалы, теоретики и практики имеют свою и независимую трибуну, и печатные издания. На этих форумах из первых уст узнаются сведения о новых наработках, новых подходах и новых результатах исследований и экспериментов, каждый имеет возможность высказать свое наиболее и сокровенное о наиболее острых проблемах хозяйственного и социального развития страны. Для студентов, аспирантов, молодых ученых организуемые ВЭО России конференции — это шаг в большую науку, заявка на признание и собственное имя.

В Вольном экономическом обществе России прошло в последние годы несколько заседаний круглого стола по проблемам коррупции. Гавриил Харитонович не боится ставить на обсуждение дискуссионные темы, а результаты обсуждения доводить до сведения властных структур. К примеру, был проведен в стенах московской мэрии круглый стол, посвященный 95-летию Ю.В. Андропова. Опять-таки показательно, что ВЭО России не побоялось показать его роль и значение в истории страны, а также важность изучения для нас уроков его деятельности. В каминном зале Вольного экономического общества России прошло заседание круглого стола,

рассмотревшего теоретическое наследие Николая Цаголова, была подчеркнута необходимость его изучения для решения сегодняшних экономических проблем и развития политэкономии.

Несколько круглых столов было посвящено в ВЭО России анализу деятельности П.А. Столыпина, характера проведенных им реформ. Только ВЭО России обратилось к изучению итогов хозяйственных реформ 1965 года в связи с юбилеем А.Н. Косыгина.

ВЭО России не работает на конъюнктуру, не пытается оправдать сегодняшнюю экономическую политику, а стремится понять, почему экономические реформы у нас не приносят ожидаемых результатов и со временем обычно затухают. Из любой постановки вопроса Попов выходит на сегодняшний день, но не с точки зрения текущих, сиюминутных, а коренных задач, стоящих перед страной. Будучи президентом ВЭО России, не боится поднимать и ставить на обсуждение острые социальные вопросы. Вот, например, человек — не работает, курит, пьет, дебоширит, не может содержать свою семью, одеть, обууть, обучить детей. Считается, что все эти вопросы должно решать общество, другие налогоплательщики. Сам же этот безответственный «товарищ» в государственную казну не дает ни рубля. Однако требовательно пользуется всеми социальными благами, предоставляемыми государством, то есть живет за счет других, за счет работающих, обеспечивающих своих детей и платящих налоги, идущие на содержание этого не желающего трудиться, нести ответственность за воспитание своих детей дармоеда. Ведь каждый вправе спросить: почему же его заботы перекладываются на меня, решаются за счет моих детей? Попов рассматривает эти непростые вопросы ответственного социального поведения человека, прав и обязанностей налогоплательщика и безработного, бездомного, алкоголика,

наркомана, других людей, избегающих работы, но требующих от общества, государства первоклассного лечения, хорошей квартиры, достойной пенсии*.

Как президент ВЭО России на проводимых им обсуждениях, Г.Х. Попов поднимает подобные контрастные темы до уровня общезначимых. Почему, например, в системе образования мы бесплатно, за счет бюджета, обучаем стоматолога, который затем будет работать в коммерческих стоматологических учреждениях? А студенту, изучающему проблемы фундаментальной науки, скажем, столь нужной государственному оборонному комплексу теоретической физики, приходится самому оплачивать свою учебу. Разве это правильно? Студентам, готовящимся стать адвокатами, можно, к примеру, давать кредит на получение образования, который они смогут вернуть из своих, обычно больших заработков в сфере их деятельности.

Такие же проблемы мы видим в системе здравоохранения. Люди с неизлечимыми заболеваниями не отказываются иметь детей, которые заведомо не могут быть здоровыми, для поддержания здоровья которых требуются огромные средства, в том

** В этой связи хочу отметить следующее. На всю жизнь меня поразило письмо, пришедшее в конце 1980-х годов в редакцию газеты «Экономика и жизнь», когда я работал в ней как первый заместитель главного редактора. Писал ветеран труда из Хабаровского края, отработавший в народном хозяйстве более пятидесяти лет, воевавший в Великой Отечественной войне. Он в преклонном возрасте остался один, оказался в доме престарелых, а соседом его был человек, всю свою жизнь проведший в тюрьмах, никогда не трудившийся, но так же пользующийся всеми благами этого дома престарелых. После огромного тюремного стажа он ушел на «заслуженный отдых» и оказался обеспечен так же, как и ветеран труда. Ветеран труда имеет награды, грамоты, заработал пенсию. Его же сосед ничего этого не имеет. Один, значит, всю жизнь трудился, другой — всю жизнь грабил, воровал, сидел на нарах. Но общество не делает между ними различия. Почему так? Разве это справедливо? Письмо задело меня. Надо было обсудить эти вопросы, о чем я говорил с нашим главным редактором, но другие горячие темы перестройки, начавшихся рыночных реформ оттеснили эти вопросы. А ведь они остались. По-прежнему требуют своего разрешения.*

числе и на лечение в зарубежных клиниках. Эти вопросы надо обсуждать, так как обычно обвиняют в бездушии государство, а о социальной ответственности самого человека предпочитают умалчивать. Такие же проблемы возникают с наркоманами, алкоголиками, всеми, кто вначале вполне сознательно вредил своему здоровью, а затем требовал от государства средств на его восстановление, Попов ставит эти вопросы, не боится вызывать острые дискуссии, «провоцируя» общество на резкие оценки.

Нынешняя власть ответов на такие вопросы не даст. Более того, власти предрекшие не балуют своим вниманием ВЭО России, которое эти вопросы поднимает. Такая позиция представляется странной, трудно объяснимой. По факту получается, что власть не интересуется мнением интеллектуально-экономической элиты страны по важнейшим вопросам социально-экономического развития России. Власти, получается, не нужны знания, «мозги». Похоже, что ей и по вертикали, и по горизонтали нужны только винтики, исполнители. Но ведь это все то же зло, борьбе с которым Г.Х. Попов посвятил большую часть своей жизни. Ныне высокая трибуна ВЭО — старейшего института гражданского общества России дает ему возможность продолжать эту борьбу.

2011 год. Гавриилу Харитоновичу Попову — 75! Прожитые годы вместили уйму событий и массу важнейших дел: декан экономического факультета МГУ, народный депутат СССР, первый мэр Москвы, председатель российского движения демократических реформ, действительный член различных академий.

С именем Г.Х. Попова тесно связано создание Международного союза экономистов, Международной академии менеджмента, Международного университета в Москве, возрождение Вольного экономического общества России. Г.Х. Попов — автор более трех сотен научных и публицистических работ.

В этой книге собрана лишь малая часть размышлений великого патриота России, ученого-экономиста и страстного публициста. Со статьями Г.Х. Попова, опубликованными в разные годы и в разных изданиях, несовместимы робость и шаблонность мысли, иллюстративность и несамостоятельность взглядов на важнейшие события современности. Его полемические выводы — это стремление расшевелить мысль читателя, заставить его думать и действовать.

Что ж, у любого любящего читать и слушать Гавриила Харитоновича одно юбилейное к нему пожелание — ждем и надеемся на новые работы. По ним учились, с ними жили, живем и будем жить. С юбилеем!

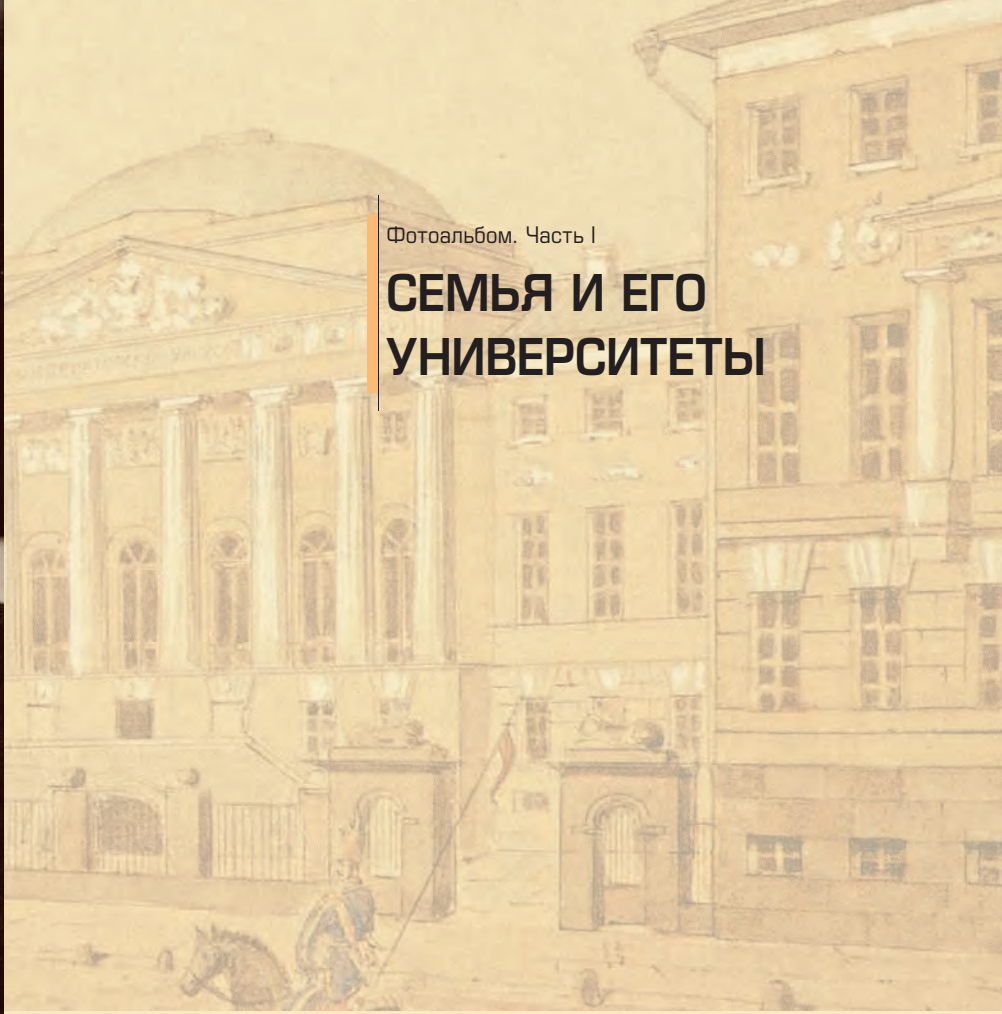
*Ю.В. Янутин,
доктор экономических наук,
научный редактор
«Русской классической библиотеки.
Экономика и духовность»,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации*

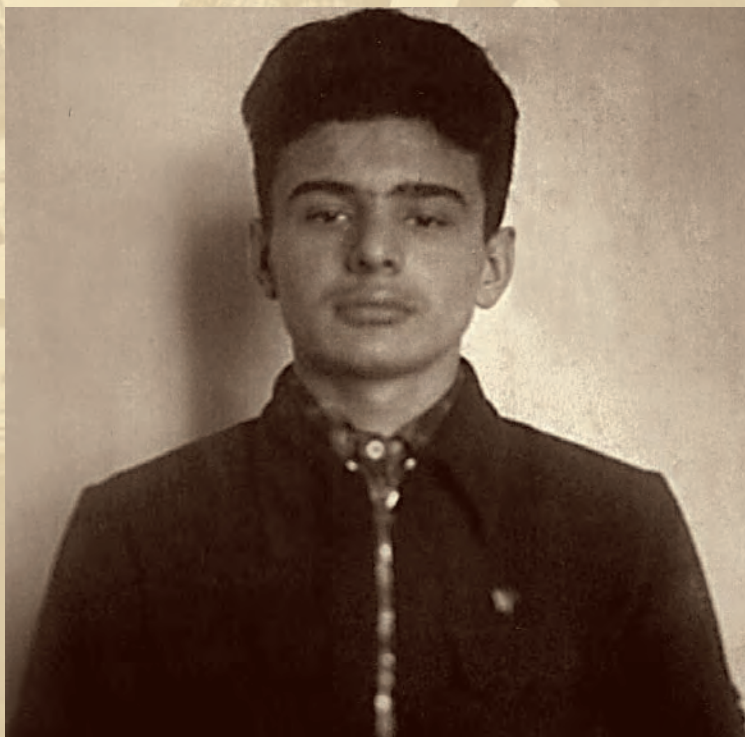
Фотоальбом. Часть I

СЕМЬЯ И ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Папа и мама, 1966 г.

Г. Попов — выпускник Персиановской средней школы под Новочеркасском

Выпускной десятый класс Персиановской средней школы
Новочеркасского района Ростовской области
(Г.Х. Попов крайний слева в первом ряду)

Студент экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, 1954 г.

ДИПЛОМ
С ОТЛИЧИЕМ
О № 965437

Настоящий диплом выдан
Попову Гавриилу Гавриловичу
в том, что он в 1954 году
поступил в Экономический факультет имени И.И. Мухоморова
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
и в 1959 году окончил всех курсов
названного университета
по специальности
политическая экономия

Решением Государственной экзаменационной
комиссии от 24 июля 1959 г.
Попов Г. Г.

Принимая во внимание публикации Экономиста,
Результаты Политической экономии
и другие работы студента
Попова Гавриила Гавриловича
Экономического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
1959 г.

Регистрационный № 78
Московская типография Голубка, 1962

Диплом об окончании МГУ.
Есть чем гордиться —
только отлично

Попов Г. Г. защитил
работу на тему:
Вопросы колхозной
экономики

Отлично по кафедре Бухгалтерского
и анализа хозяйственной
деятельности ооц. предприятий

и стал государственным экзамен по политиче-
ской экономии с оценкой Отлично

И. О. ПРОКТОРОВА Декан
Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Декан
экономического факультета
доцент

Б. Л. Худяков
и Г. С. Натанович
Секретарь факультета

с. Москва «11» июля 1959 г.
Регистрационный № 78
Знак 754 Тираж 320

Типография Издательства МГУ, Москва, Моховая, 1

Снимок сделан на острове Валаам. На снимке: и Сергей Красавченко, и Витя Озира, и Леня Ходов, и Боря Щенников, и Юра Краснопяс, и Леня Давыдов, и другие друзья и подруги

Вот уже больше сорока лет как мы вместе... В моей жизни Ира была и остается тем тылом, который всегда позволял мне уверенно смотреть вперед...

*Вот такие сосны растут на острове Коновец на Ладожском озере —
нам с Ириной Васильевной не обхватить*

Сын Харитон — во время учебы в МГУ

Сын Василий — первый проректор Международного университета в Москве

АПШЕСПАШ ДОЦЕНТА

МАШ № 036689

Москва 24 августа 1971.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 17 августа 1971 (протокол № 1)
Попов Гавриил Харитонович
УТВЕРЖДЕН В УЧЕНОМ ЗВАНИИ ДОЦЕНТА
ПО КАФЕДРЕ
«организация и планирование работы предприятия»
Председатель Высшей Аттестационной Комиссии
Ученый Секретарь Высшей Аттестационной Комиссии

ДИПЛОМ КАНДИДАТА НАУК

МЗК № 001818

Москва 11 января 1968.

Решением
Собора Докладчиков от 11 января 1968 (протокол № 1)
Собор Докладчиков от 11 января 1968 (протокол № 1)
Попову Гавриилу Харитоновичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ КАНДИДАТА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
Председатель Собора
Ученый Секретарь Собора

Г.Х. Попов возглавлял
Центр проблем управления
экономического
факультета МГУ,
включавший лабораторию
и кафедру

Обсуждение хозяйственной работы с заместителем председателя Госплана РСФСР Виктором Николаевичем Лисицыным

На встрече
нового ректора МГУ
академика
Р.В. Хохлова
с зятем
президента
США
Д. Кеннеди
2-ном Шри-
вером

Работа деканом экономического факультета

С заведующим кафедрой
политэкономии
экономического
факультета МГУ
Н.А. Цаголовым

Встреча на факультете с космонавтом А.А. Леоновым

С.Н.П. Шмелевым

М. Селиванов

Президент Российской Федерации
Президент Высшей
Аттестационной Комиссии
Ученый Секретарь Высшей
Аттестационной Комиссии

С.Я. Петраковым

«Моя профессия — думать»

ЧАСТЬ I

ЭКОНОМИСТ НЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ

ГЛАВА 1

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

*(О романе Александра Бека «Новое назначение».
«Наука и жизнь», № 4, 1987 г.)*

Роман А. Бека «Новое назначение» появился в журнале «Знамя» в 1986 году (№ 10, 11). Он стал закономерным звеном в перестройке самого журнала, способствующей быстрому росту его популярности.

События тридцатилетней давности — упразднение министерств, создание совнархозов, связанный с этим перевод одного из руководителей Совета Министров СССР на работу послом — показались мне (как и автору предисловия к роману Григорию Бакланову) прямо относящимися к проблемам нашей перестройки. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС еще больше укрепил это мое убеждение, и я попытаюсь поделиться мыслями о том, что прямо касается меня как ученого-управленца.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА

Литературный герой романа, Александр Леонтьевич Онисимов, — лицо вымышленное. Он является председателем созданного воображением писателя Государственного комитета по делам металлургии и торговли в Совете Министров СССР, ведающего группой министерств тяжелой промышленности. Но рядом

с Онисимовым живут и действуют в основном не вымышленные лица, а руководители тех лет — Орджоникидзе, Тевосян, Сталин. События романа, по признанию самого писателя, в своей основе документальны, основаны на записях их современников. Но, как и всякое подлинное произведение искусства, роман перерастает в анализ типических явлений. Поэтому он стал событием и нашей управленческой науки.

Со страниц романа в живой, наглядной, осязаемой форме перед нами встает механизм управления, основанный преимущественно на административных методах — Административная Система. Попытаюсь, оставаясь полностью в пределах материала романа, показать, чем она характерна.

В основе этой системы — централизация решений и пунктуальное, неукоснительное, беззаветное исполнение директив Верха и особенно лично Сталина — Хозяина. Не щадя себя, интенсифицируя прежде всего свою работу, Онисимов «держит аппарат в напряжении». День и ночь для значительной части высших служащих ничем не отличаются. Совещания в 12 часов, а то и в два часа ночи — обычное явление.

Добиваясь выполнения директивных заданий, Онисимов говорит резкости, отчитывает, бьет наотмашь, подхлестывает — и наедине, и публично. Но те, на кого все это обрушивается, воспринимают это все как должное. Это — правило, обычный порядок.

Онисимова самого тоже проверяют, подхлестывают, контролируют. Тевосян — давний друг Онисимова. Но это не означает, что Онисимов может рассчитывать на малейшую поблажку. Зная Онисимова, Тевосян тем не менее ежемесячно устраива-

ет ему форменные допросы-проверки. Как всегда, Онисимов безупречен, но в следующем месяце все повторяется.

Официальность — основа административного процесса. Официальность отстраняет любые, не относящиеся к делу разговоры и взаимоотношения. Жестко накрахмаленный, всегда белый воротничок Онисимова ежесекундно напоминает, что перед вами человек дела, звено механизма, а не Александр Леонтьевич.

Вот как руководит Онисимов, нарком, подчиненными. Регулярный отчет начальника главка. Сначала о состоянии дел в целом по главку. Порядок. Теперь — по цехам. Затем — по печам. Затем — по станам. Почему отстают отдельные цеха и печи? Начальник главка не готов к такого рода детализации ответов: «Я не знаю, у меня нет сведений». Онисимов: «Что же вы тут делаете? Для чего вы тут сидите? За что вам выдают зарплату?» Отчет продолжается. Как идет реконструкция трубного завода? Укладываетесь ли в график? Есть сбои? Какие? Покажите график! И так деталь за деталью.

А вот отчет самого Онисимова — тогда начальника танкового главка — перед Сталиным, перед Политбюро. Ему не надо прибегать к записной книжке. Он характеризует положение дел на том или ином заводе, даже в цехе. Приводит результаты испытаний в лабораториях и на полигонах. Называет цифры. Раскрывает трудности. Онисимов рассказывает прямо, не выгораживая себя. Сталин тоже не нуждается в записной книжке. Он не интересуется успехами. Об уже завоеванном, сделанном — ни слова, ни минуты на это. Трудовые заслуги остались даже не упомянутыми. Сталин сверлит только больные места станкостроения: крепления гусеничного башмака, масляный дифференциал,

коробка скоростей, серый чугу́н. Сталин обнажает слабость за слабостью.

Такие же жесткие отношения не только по вертикали, но и по горизонтали. Вот нарком Онисимов говорит с и.о. наркома металла, своим давним другом и соседом по дому. Приводит данные анализов, результатов испытаний, снимки шлифов, акты, протоколы. Доказывает: танковый наркомат не получает сталь нужного качества. Беспощадность, ничего личного, никаких уступок. Мы делаем государственное дело и обязаны его сделать. Страна, Сталин требуют сотен и сотен станков, лучших, чем немецкие. А для этого, считает Онисимов, надо выработать лучшую — по мировым стандартам — технологию. Разработать детальные инструкции, дать конкретные задания. А затем заставить всех подчиненных беспрекословно, точно строго соблюдать все детали директив, все буквы инструкций. Надо постоянно, неукоснительно всех контролировать, ловить малейшие промахи, чтобы они не переросли в провалы, подавлять отклонения в зародыше. Надо прекратить скоростные плавки и другие почины передовиков, которые дают «не сталь, а кашу». Вот почему так кричит нарком на мастера в цехе по поводу корочки при разрыве стали. Эта корочка вписана в инструкцию, без нее качество ухудшится.

Культура в работе, технологическая грамотность, четкость в каждой мелочи. За эту тщательность Орджоникидзе называл Онисимова «немцем». И сам Онисимов воспитывал подчиненных в духе строжайшего контроля технологии и качества.

Особое напряжение возникает в Административной Системе, когда задание идет от самого Хозяина. Когда Онисимов получал задание Сталина, он неизменно обретал белое каление.

Стягивал силы аппарата, проектных центров, науки. Он «готовил вопрос». Он лично все просчитывал и выверял, доводил предложения до блеска деловитости.

Правдивость — обязательное звено Административной Системы. Когда в годы войны возникла опасность срыва в выпуске металла, Онисимов лично — никому не поручая и ни за кого не прячась — докладывает в Госкомитет обороны. Он знает, чего может ему стоить этот доклад. Но подвести страну нельзя. И ему помогли, буквально сняли с фронта солдат. Ему верили: если говорит «не могу» — значит, все человеческие силы исчерпаны. Но за весь роман Бек упоминает только один этот доклад о невозможности выполнять задание.

Онисимов абсолютно подчинен Верху, но и аппарат полностью подчинен Онисимову — это тоже часть Системы. Поэтому он с полным правом мог писать в ЦК: «Беру на себя полную ответственность за свою служебную деятельность моих подчиненных».

Это система конкретного, натурального, детального руководства. Это система постоянного оперативного руководства ходом производства из центра. Это именно Административная Система.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТИЛЬ

Ровно в 9 часов утра Онисимов, уже председатель Госкомитета, входит в свой кабинет.

Вначале он изучает сводки о работе заводов за прошедшие сутки. Он не ограничивается изучением бумаг. То и дело обращается к правительственному телефону-вертушке. Соединяется с министрами, с начальниками главков, с директорами, даже начальниками цехов и смен. Почему не выполнен заказ такой-то? Почему возник срыв в качестве новой марки стали?

После оперативных дел Онисимов переходит к вопросам технического прогресса. Как идет внедрение автоматизации в металлургии? Как идут поставки оборудования, выполняется ли график, как осваивается на заводах уже полученная техника? И здесь опять под прицелом каждая деталь. Опять звонки, звонки. Нажимает на Госплан, на заводы, вызывает помощников, дает задания подчиненным. Допытывается, выясняет, подгоняет. Распорядительствует. Умело, четко, жестко.

В кабинете папки с материалами о перспективах: о ревизии рудных баз, о применении кислорода, о природном газе как топливе для металлургии, о твердом ракетном топливе и т.д.

В кабинете — тома технической энциклопедии, справочники по металлургии, по химии, по топливу. Онисимов свободно читает и говорит по-английски, два года он учился всем премудростям на лучших заводах Великобритании.

Газету «Правда» он просмотрел еще дома. В машине смотрит «Известия» и «Комсомолку». Затем, на работе, изучает московские газеты и прессу индустриальных районов страны — Донбасса, Урала и т.д. Секретарь уже просмотрел и отметил важное в реферативных журналах, в зарубежных технических изданиях. Ни одну книгу, ни один журнал нельзя унести из кабинета до того, как он их просмотрит.

Онисимов источает энергию, волю.

После вопросов текущих, после проблемы научно-технического прогресса Онисимов переходит к главному — разработке плана на семь лет (хотя уже ясно, что он не будет выполнять задание семилетки. Уже ходят слухи о его освобождении).

После изучения бумаг и литературы Онисимов беседует со специалистами. Он резко, твердо выясняет вопросы. Не стесняется

расспрашивать, не боится обнаружить пробелы, умеет слушать. В свое время, возглавив главк, он уже через два месяца говорил со специалистами по танкостроению как с равными.

Когда обнаружилось, что завод «Электрометалл» не справляется с заданием правительства по выпуску особой жаропрочной стали для реактивных двигателей, Онисимов, отбросив все дела, прерывает лечение больных ног, едет сам на завод. Там, разрешая себе даже думать о боли в ногах, он часами простаивает на рабочей площадке, лично следит от начала до конца за ходом каждой плавки. Каждый вечер проводит оперативки, устраивает перекрестные допросы, докапывается до сути, до некоего ускользающего икса. И спустя три недели возвращается в Москву с рапортом: выполнено задание, получена новая сталь. Спустя годы, глядя на сопла двигателей «ТУ-104», он вспомнит, как неделями стоял на потерявших чувствительность больных ногах, получая и эту сталь, и очередную неизлечимую болезнь.

Обнаружив незнание, обман, он становился беспощаден. Появляется грозный «онисимовский» оскал, и он бьет беспощадными словами.

В ходе рассмотрения вопросов Онисимов стремится «раскрыть вопросы». В нем говорили — «следователь»: «Дойдет до исподнего». Вот разговор с директором завода. Какую сталь делаете? Легированную, для подводных лодок. Номер заказа? Ответ: не помню. Посмотри в записной книжке. У меня это не записано. Если надо, справлюсь в плановом отделе. Онисимов ответил: я сам могу тебе дать справку — и задание в тоннах, и сроки отгрузки.

Онисимов, идя по заводу, лично следит за всеми деталями. И безжалостно хлестал тех, кто нетвердо, неточно знал свою специальность, свое дело. Таких он умел «ловить». Он вытягивал правду,

заставлял выкладывать все грехи производства. Он умел «размотать дело». Его в равной мере настораживала и скрытая неуверенность в себе, и бойкость ответов. Но и золотая середина — сдержанная, спокойная манера не успокаивала Онисимова. Он «не доверял». Он всегда считал, что в чем-то ему всегда врут и он должен это вранье вскрыть.

На заводах он шел на задворки, входил через черный вход. Обнаруживал то, что старались скрыть, и опять жесткий оскал, тыкал в грязь и хаос. Он беспощадно вскрывал истину — как бы тяжела она ни была.

Так он работал, будучи начальником главка, наркомом, министром, председателем Госкомитета. Он был убежден в своей способности вскрыть любое вранье. Гордился своими качествами следователя, умением заставить врасплох, поймать. Подозрительность усилилась в нем с годами. И в угольной, и в стальной епархиях не было того, кто его сумел бы «обдурить». Он тончайшим, верхним чутьем распознавал всякие попытки втереть ему очки, приукрасить положение. Ненависть к лакировке, к приукрашиванию, к элементам самообмана были чертами стиля Онисимова.

Вот он с черного хода, с задворок, входит в заводскую столовую. Женщины чистят картофель. Почему так толсто срезаете? Одна из женщин ответила: гнилая же картошка. Онисимов взял одну, другую картошку, возразил: нет, не гнилая. И едко сказал директору: толстоваты очистки. Тащат их домой. Поросят своих кормить. В этой сцене весь Онисимов.

На заводы Онисимов приезжал после того, как там поработала комиссия министерства и подготовила ему обширную информацию. На заводе работал по 16 часов в сутки и несколько дней. Потом издавался приказ, который оставался на заводе после наркома. В приказе — все, что нужно сделать. А затем — контроль

и контроль. Группе специалистов, приезжавших с наркомом, не разрешалось на заводе даже пить заводской чай. Так приучил нарком. Если приехал проверять — проверяй. Пользоваться чем-то заводским строжайше запрещено. Нарушителей Онисимов вытаскивал на заседание коллегии, хлестал нещадно.

Онисимов придерживался правила постоянных перепроверок. «Доверился — погиб», — любил повторять.

Годы выработали приемы «вылавливания». Вот один из типичных разговоров во время посещения завода.

«— Почему вчера вторая печь шла тихим ходом?

Следовал какой-то правдоподобный ответ. Например:

— Запоздали ковши. И вот пришлось...

— Ковши? Из-за чего? Вы это выяснили?

— Подъездной путь не принимал. Тут, Александр Леонтьев, у нас...

Не дослушав, Онисимов словно огревал кнутом:

— Врете! Дела не знаете! Вчера ни одну печь на тихий ход не переводили».

Сбив подчиненного, вступившего было на стезю вранья, Онисимов уже легко вытягивал правду, заставляя выкладывать истинные грехи производства. Чтобы вскрыть их, записать приказ наркома: самые четкие, детальные, конкретные указания заводу. И снова следить, следить...

АДМИНИСТРАТОР

Онисимову 54 года. Под глазами темные полукружия — след многолетнего недосыпания.

Девизом его жизни была безупречность. Всегда он стремился поступать так, чтобы самого себя нельзя было ни в чем

упрекнуть. Это был руководитель с грандиозной требовательностью к самому себе. Первый, кому он не давал ни малейшей поблажки, ни малейшего спуска, был он сам.

А замечания сверху, даже самые мягкие, мелкие, причиняли ему жестокую боль, и он не мог успокоиться, пока не устранял всего того, что вызвало недовольство Верха.

Основа деятельности Онисимова: я выполняю указания сверху, вы выполняете мои. «Не рассуждать» — был любимым лозунг Онисимова. Он работает как точнейшая машина.

Он прекрасно владеет административной техникой, знает все лабиринты управленческого механизма. Он знает все тонкости междуведомственных отношений и знал, какие надо предпринимать действия, чтобы «пробить» нужное постановление. Тут его советы были особенно проницательны и метки.

Конечно, Онисимов умел «ускользнуть». Но эта способность его бесследно испарялась, когда речь шла о поручениях Сталина. Сугубая точность, пунктуальность тут были уже не только делом чести, святым долгом, но и щитом для Онисимова.

Было бы неверно сказать: у Онисимова интересы дела на первом месте. Точнее сказать, что у Онисимова вообще не было каких-либо интересов, дела.

Этому было подчинено все. Но интересы дела он понимал как исполнительность. С тех пор как в шестнадцать лет в подполье он стал членом партии, он никогда не пытается уклониться, ускользнуть от выполнения партийных и государственных заданий.

Например, когда после смерти Сталина запретили оставаться на работе сверх 8 часов рабочего дня, Онисимов, как всегда, подчинился дисциплине; но он буквально последним уходил из

Комитета. Вечерние часы дома ему были невмоготу, и теперь он захватывал с работы объемистую папку, чтобы заняться ею дома и спастись от «досуга».

Александр Леонтьев почти не переносил алкоголя. Он скромный труженик. Даже за границей, в посольстве, угощая дорогих ему людей, он подавал ужин без водки, вина, даже без пива.

Единственная слабость Онисимова — непрерывное курение. Закурил он в 1938 году, когда решалась его участь и он чудом уцелел.

Когда в годы войны в буфет министерства попадали яблоки или икра, он неумолимо приказал снабженцам отправлять их в детский сад.

Спецбуфет министерства обслуживал членов коллегии без оплаты, но Онисимов никогда этим не злоупотреблял. Он брал себе обычно стакан крепкого чаю, бутерброд с сыром, сигареты. И сослуживцы следовали его примеру воздержанности.

Онисимов годами носил залоснившиеся сзади до блеска темные в полосу брюки и столь же вытертый пиджак.

Еще будучи начальником главка, затем и министром, он ненавидел всякие надбавки к зарплате, не допускал ни для себя, ни для своего аппарата никаких добавочных вознаграждений. Перейдя в МИД, он отказался от доплаты за знание иностранного языка. Он считал, что назначенная ему зарплата и без того достаточно высока.

Когда удалось получить жаропрочную сталь для реактивных двигателей, Онисимов вычеркнул свою фамилию из списка тех, кто был представлен к премии. Он нетерпимо пресекал попытки подчиненных ему начальников — от министров до директо-

ров — пристроиться, примазаться к открытиям, изобретениям, усовершенствованиям.

Он славился среди коллег своей неутомимостью, железным организмом. Из операционной он отправился прямо на работу. Только врачи знали, что у этого пятидесятилетнего человека сердце семидесятилетнего старика. Но отвлекаться для лечения он себе не позволял. Даже врач с трудом вытягивал у него какие-либо жалобы. Лекарства, давно выписанные врачом, лежали нетронутыми.

Всегда умеренный в еде, лишенный каких-либо склонностей к гурманству, Онисимов проглатывал пищу, не ощущая вкуса.

В служебном кабинете Онисимова легко заметить нелюбовь к дорогой мебели, из кабинета убраны ковры.

Даже в день пятидесятилетия в дом не был приглашен ни один гость, тем более их не было в другие дни. В квартире господствует тишина, и ее сын Онисимова называет «холодным домом». По воскресеньям за завтраком и обедом собиралась вся семья, но общего разговора обычно не получалось.

Бек показывает личную, домашнюю сторону жизни Онисимова. И каждая деталь дополняет общую картину. Онисимов равнодушен к своей многокомнатной квартире и к житейским удобствам. В убранстве столовой нет ни одной особенности, все в основном осталось таким же, каким было при вселении в квартиру. Хозяева не обставляли квартиру, они используют то, что было оставлено кем-то.

Даже на дачу Онисимов выезжал редко, его и по воскресеньям притягивала служба, кабинет.

Онисимову полностью соответствует его жена, Алена Антонова, родственница крепкого деятеля партии. Она занимает

немалый пост в Управлении подготовки трудовых ресурсов. Партийка с 20-го года, хорошо владеющая собой, рассудительная женщина-администратор. Строгий костюм, суховатый облик, ни одного взыскания за все 35 лет партстажа. С ней Онисимов сблизился на партрботе, в жаркой борьбе против оппозиции. Это был, как считает Бек, брак не по любви, а по идейному и духовному родству с «твердым, надежным товарищем». Она и в трудные минуты не наделает глупостей, не потеряет себя, не зарыдает, а будет дельным помощником мужа, советником. Выбор такой жены был частью личности Онисимова и дополнял его облик.

В Онисимове нет никакой важности, ломания, манер сановника. Не случайно он, будучи советским послом за рубежом, быстро завоевал уважение представителей других стран.

Перед нами встает удивительный по цельности образ Руководителя Административной Системы. Он сам называл себя солдатом, «солдатом партии, солдатом Сталина». Он с гордостью и, несомненно, по праву считает себя таким солдатом. Бек приводит слова Онисимова: «Уж если ты Служака, то будь Служакой с большой буквы». И он сам, несомненно, стремился быть им.

Таков сам Онисимов. Таковы его коллеги, которых Бек называет «воротилами и тружениками индустриальных штабов, однополчанами индустрии». Бек пишет, что это был слой работяг, которым история дала миссию приструнивать, подхлестывать, скупых на похвалы, питающих отвращение к любым самолюбованиям и любованию успехами других.

Александр Бек не скрывает, что Онисимова даже окружающие его руководители считали образцом, что он «лучший среди них».

Но именно эта исключительность подчеркивает типичность образа. Можно полностью согласиться с Григорием Баклановым, что «характер героя этой книги исследован с необычайной пристрастностью и глубиной, создан даже не образ, а тип».

Действительно, перед нами идеал Административной Системы. Она требует таких руководителей, без них ее нет.

Может показаться, что в жизни таких людей, как Онисимов, не было, что это авторское обобщение. Но мне довелось в детстве и молодости еще увидеть именно таких руководителей, говорить с ними, близко знать некоторых, Вот почему я могу утверждать, что образ Онисимова — не только итог логичного анализа Административной Системы, но и типичный образ большинства руководителей тех лет.

Без таких «винтиков» Административная Система не могла возникнуть, не могла бы добиваться успехов, которые вполне заслуженно вписаны в ее счет. Онисимов сформирован тем временем, закален системой, и он же — главная ее опора, ее носитель.

Казалось бы, перед нами нечто необычайно цельное: Система, Стиль и Руководитель. Казалось бы, при такой идеальной согласованности результатом могут быть только успехи. И они есть: лучшие танки Второй мировой войны, первая в мире космическая ракета, реактивные лайнеры, поднявшиеся в Сибири ГЭС...

Но роман Бека замечателен правдой. А правда — это не только успехи. Бек сумел показать нам нечто не менее важное: неизбежность, необходимость отказа от Административной Системы и начало первой попытки ее реформы в середине пятидесятых годов. В этом, казалось бы, несокрушимом по своей логичности и цельности механизме абсолютно логично возникают и внутренние коллизии, сбои, или, говоря словами писателя, «сшибки».

СБОИ В УПРАВЛЕНИИ

Административная Система нуждается в работниках, изгнавших все личное, олицетворяющих собой только конкретный пост и соответствующую функцию. Это не личности, вернее, это личности, у которых должно остаться только то личное, что обеспечивает успешную работу Системы.

Но люди остаются людьми. И даже «железный» Онисимов оказывается подвержен... глубоким родственным чувствам. Он скрыто, про себя, но очень остро горюет по несчастному, погибшему в лагерях брату, которого он сам в молодости вовлек в партию и подполье. Эта душевная ссадина никогда не зарубцовывалась. И это был, пожалуй, единственный случай, когда он не выполнил указание Сталина, посоветовавшего ему в записке: забудьте о брате, бог с ним.

Но еще более опасным для Административной Системы являются «сшибки». Проблема «сшибки» — это проблема противоречия между тем, в чем лично убеждены руководители Системы, и тем, что они делают официально. «Сшибки» — это разлад мысли и дела, чувств и их проявлений. «Сшибка» — это болезнь Административной Системы.

Сшибка, по И.П. Павлову, — это столкновение двух противоположных импульсов, каждый из которых идет из коры головного мозга. Внутреннее пробуждение приказывает поступить так, а человек заставляет себя делать нечто противоположное, так как этого требует логика управления и привычка безусловно выполнять любой приказ сверху. А Бек показывает, что «сшибки» в Системе не случайность, а неизбежное явление. Такой «сшибкой» была для Онисимова история с Лесных, в результате которой он приобрел хроническую болезнь — «танец пальцев».

«Сшибки» не были уделом одного Онисимова. Его коллега заработал аритмию и систематически оказывался в больнице. Писатель Пыжов тоже постоянно страдал от «сшибок», подстраиваясь в оценках произведений под вкусы Сталина, и в итоге кутит и пьет. «Сшибкой» для директора Головни был уже приказ самого Онисимова прекратить опыты. Собственно, назначение послом было последней «сшибкой» Онисимова с Системой.

Обстановка «сшибок» вырабатывала в характере скрытность, заставляла прятать переживания — и еще больше страдать, не делаясь ни с кем. Характер у Онисимова замкнутый, не открытый. Он умел затаить свои переживания. Не случайно сын назвал отца «великим молчальником». Он не может, не умеет быть открытым. Разучился этому давным-давно.

Опасаясь «сшибок», руководители стремятся ни на шаг не выходить за пределы своих прямых обязанностей. Мы ни разу не услышим и, главное, не почувствуем, что Онисимов думает о людях, об обществе, о мировых событиях. Для него весь социализм воплощается в директивах и указаниях Верха и Хозяина, которым он безгранично доверяет. Но дело тут не только в доверии, дело может быть и в неосознанном стремлении «не рассуждать», чтобы не оказаться в ситуации очередной «сшибки».

Помимо «сшибок», в повести В. Бека постепенно вырисовывается еще один дефект Административной Системы — **Перегрузка Верха и Бремя Ответственности**. Чем выше работник, тем тяжелее его ноша, тем труднее ему нести «шапку Мономаха».

Никому не доверяя, все перепроверя, Онисимов неизбежно ограничивает круг вопросов, которыми он сам успевает заниматься. Вот комбинат на Шексне. Он сам выверил все цифры, сам

изучил сметы, калькуляции и т.д. Вот поездка к Сталину с докладом. И опять Онисимов сам на счетах проверяет все цифры.

Ясно, что при таком подходе на многое руководителя не хватит и многое будет не решено просто в силу пределов физических возможностей руководителя, даже с такой фантастической работоспособностью, как у Онисимова.

Чтобы повысить отдачу и сберечь силы Руководителя, Система стремится оградить его от любых личных забот. Система материально обеспечивает Руководителя по максимуму — квартира, дача, спецбуфет, — и вовсе не из стремления сделать его баринком. Просто у Системы нет другого выхода. Чем полнее освобожден Руководитель от забот о себе и семье, тем больше он принадлежит Системе.

Онисимов не только не знает проблем одежды, еды, отдыха. Он не знает даже, сколько стоит билет в московском метро. Он вообще не имеет в карманах ни рубля. Многого не знает этот глубоко эрудированный человек. Система сделала его узким профессионалом, чтобы он ей мог лучше служить.

И опять внутреннее противоречие Системы: ограниченный ею же работник все хуже способен служить ей. Он ведь все больше отрывается от реальной жизни, все более узким становится его взгляд на нее. И хотя Онисимов любит ладонями изображать правильный, без шор взгляд на проблемы, у него самого становится все уже прорезь, через которую он смотрит на мир.

В силу многих факторов бремя ответственности оказывается все более тяжелым, порой чрезмерным.

В результате тяжести бремени ответственности, перегрузок, «сшибок» меняется сам носитель власти. Сталин уже не проводит заседаний в зале, даже не собирает все Политбюро. На

заседания, кроме 2–3 приближенных, никого не приглашает, разве только тех, кто нужен для обсуждения. Оценки проблем смещаются, и предложение воспринимается как приемлемое только потому, что оно отвечает желаниям Сталина.

И сам Онисимов становится более нетерпимым. С годами он уже терпеть не может, когда подчиненные ему перечат. В молодости он еще умел слушать возражения, но затем перестал выносить людей, которые с ним не согласны. «Делай мое плохое, а не свое хорошее», — нередко он повторяет. Это итог работы в Системе.

Да и личная щепетильность оказывается не столь уж безупречной. Ковры он велит вынести из кабинета, но паркет требует ежегодно циклевать. Пиджак залоснился, но воротнички должны быть свежими и накрахмаленными. И в этих своеобразиях начинаешь чувствовать не только скромность, но и своеволие. А своеволие уже совсем где-то близко возле волюнтаризма. Эта скромность не диктуется механизмом. Эта скромность — от права руководителя решать вопросы так, как ему кажется приемлемым.

Но, пожалуй, самой сложной проблемой Административной Системы является поиск кандидатов на вакансии — проблема **Выдвижения**. Ведь и Орджоникидзе, и Тевосян, и сам Онисимов — не продукты этой Системы. Они пришли в нее со стороны — из подполья, из гражданской войны. Они принесли в Систему свою веру в партию, свою дисциплинированность и беззаветную преданность делу. И пока в Системе сохранялись эти пришедшие со стороны кадры (с их нормами нравственности, тоже принесенными со стороны), Система функционировала.

Но вот надо занять вакантное место министра металла после выдвижения Онисимова в Комитет. Надо теперь выбирать среди

кадров самой Системы. А они — в соответствии с ее логикой — годами приучили себя не лезть в дела Верха, делать как приказано. Чем идеальнее они были на своих местах, тем менее пригодны они были для более высокого поста.

Кого же выдвигают? Ясно, что не строптивного директора Головню. Преемником Онисимова на посту министра металла стал Цихоня. Имелись и не менее достойные кандидаты. Но Онисимов выбрал Цихоню — он был способным. Но не только. Он был самым покладистым, самым послушным среди способных. Поэтому первый же цикл кадровых перемен в Системе учитывает не только дело, но и личную исполнительность, преданность. Будучи невольным свидетелем спора Сталина и Серго — ничего не поняв из происходившего на грузинском языке разговора, — Онисимов безоговорочно взял сторону Сталина. Сталин, впрочем, именно этого и хотел; он стремился получить ответ Онисимова об отношении к себе независимо от сути дела. И получил ответ, обозначавший заверение в личной преданности.

«Онисимов хотел молча пройти, но Сталин его остановил.

— Здравствуйте, товарищ Онисимов. Вам, кажется, довелось слышать, как мы тут беседуем?

— Простите, я не мог знать.

— Что ж, бывает, но с кем же вы все-таки согласны? С товарищем Серго или со мной?

— Товарищ Сталин, я ни слова не понимаю по-грузински.

Сталин пропустил мимо ушей эту фразу, словно она и не была сказана. Тяжело глядя из-под низкого лба на Онисимова, нисколько не повысив голос, он еще медленнее произнес:

— Так с кем же вы все-таки согласны? С ним? — Сталин выдержал паузу. — Или со мной?

Наступил миг, тот самый миг, который потом лег на весы. Еще раз взглянуть на Серго Александр Леонтьевич не посмел. Какая-то сила, подобная инстинкту, действовала быстрее молнии, принудила его... И он, Онисимов, не колеблясь, сказал:

— С вами, Иосиф Виссарионович.

Логичен и своего рода ответ Сталина Онисимову в записке спустя ряд месяцев: «Числил Вас и числю среди своих друзей. Верил Вам и верю...»

Личная исполнительность в Административной Системе срачивается с личной преданностью неразрывно. И это неизбежно вносит в нее элемент субъективизма, ее логичность подрывают ею же порожденные личные связи.

Вот случай с Серебренниковым. Его Онисимов поймал на попытке взять в бесплатном буфете масло. Оказалось, масло Серебренников взял для маленького сына Онисимова. В таких случаях Онисимов карал всех беспощадно. А здесь? Масло было возвращено в буфет, но Серебренников вскоре стал... начальником секретариата Онисимова.

В Административной Системе фактор личной преданности, как и фактор личной ненависти, действует в полной мере. Если все зависит от Верха, то нельзя упускать ни малейшей возможности укрепить свое положение. Но Верху также надо полностью контролировать подчиненную себе часть Системы.

В итоге эта система не может воспроизводить нужных себе руководителей. Она обречена на то, чтобы каждое новое назначение было хоть на вершок, но хуже предыдущего решения. В этой Системе найти нужные для нее кадры все труднее и труднее.

Есть в книге Бека еще один «слой». Он показывает, как личность калечится Системой, где роль людей, даже стоящих

на весьма высоких ступенях «лестницы управления», сведена к винтикам огромного государственного механизма. Дело даже не в противоестественном образе жизни, в том числе и лично Онисимова. Вопрос гораздо серьезнее: под воздействием Административной Системы он из активного борца за социализм, коммуниста-подпольщика превращается объективно в тормоз научно-технического прогресса, поступательного движения экономики. Мы уже не говорим о том, как противоречат жизнь и деятельность Онисимова самой социалистической идее, в центре которой — человек, его духовный мир и нравственный облик. В романе показано только, как глубока пропасть между Онисимовым и его сыном. Мы можем себе представить, сколько судеб он сломал, скольким талантливым людям перекрыл дорогу, в скольких душах посеял неверие в торжество нашего дела своей гипертрофированной исполнительностью, приверженностью инструкциям, неприятием нового. И не Онисимову ли, вернее его последователям, мы обязаны многими бедами сегодняшнего дня — замедлением темпов экономического развития нашего общества и научно-технического прогресса, многочисленными нравственными потерями, нигилизмом среди молодежи? Впрочем, не станем преувеличивать вину Онисимова и не будем забывать, что он — писатель. А Бек показал это весьма четко, проведя подлинную исследовательскую работу: детище Административной Системы — ее продукт и жертва одновременно.

И так — шаг за шагом — Бек на массе деталей показывает внутреннюю противоречивость, непрочность системы административного управления....

СБОИ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ПРОГРЕССЕ

Как бы ни были велики трудности самого управления в варианте Административной Системы, вопрос о ее целесообразности никогда бы не возник, если бы она не начала давать сбои в ключевом звене объекта управления — в научно-техническом прогрессе.

В романе Александр Бек подробно исследует два, казалось бы, очень разных случая, связанных с научно-техническим прогрессом и деятельностью Онисимова или, говоря шире, связанных с отношениями Административной Системы и научно-технического прогресса.

Однажды, в 1952 году, в кабинете Онисимова зазвонил телефон. Звонил Сталин. Вот часть этого разговора в изложении академика Чельшева.

— Вам известно предложение инженера Лесных о бездоменном получении стали?

— Да.

— Что вы об этом скажете?

— Поскольку я с его замыслом знакомился, могу вам...

— Сами познакомились?

— Да.

— Так. Слушаю

— На мой взгляд, Иосиф Виссарионович, предложение практической ценности не имеет.

— То есть дело, не имеющее перспективы? Я правильно вас понял?

— В далекой перспективе... Пока же...

— И изобретателю, следовательно, не помогли? Так что же, не помогли?

— Не знаю.

— А я знаю. Вы с товарищем Онисимовым не помогли. Вместо вас это сделали другие. И хотя вы придерживаетесь взгляда, что изобретение практической ценности не имеет... Тем не менее у меня на столе лежит металл, лежат образцы стали, выплавленные этим способом...

— Выплавить-то можно. Но сколько это стоило? К тому же и печь пришла в негодность, кладка осела...

— Зачем, товарищ Челышев, подменять мелочами главное? Разве что-нибудь значительное рождается без мук? Главное в том, что новым способом выплавлена сталь. А остальное приложится, если мы будем в этом настойчивы... Таким образом, вы совершили ошибку. Но поправимую. Давайте ее поправлять. Этот металл нам нужен...

Дело в том, что Сталин уже давно думал о том, как использовать дешевую электрическую энергию проектируемых в Сибири гигантских ГЭС. Идея Лесных отвечала на стоящий перед ним вопрос. И Сталин ухватился за нее. Как потом занес в записную книжку знаменитый писатель: «Небывалый революционный способ получения стали. Академик Ч., ученик знаменитого Курако, герой первых пятилеток, не понял. Министр О., член ЦК, инженер-металлург, не разобрался, не понял. Дошло до Ст. Он понял. И открыл дорогу этой революции в технике».

На деле все было гораздо сложнее. Инженер Лесных, преподаватель одного из сибирских вузов, давно с маниакальной настойчивостью добивался начала экспериментов по бездомной электроплавке стали. Пробился к Челышеву. Челышев написал, что способ технически осуществим, но экономически нецелесообразен, так как чрезвычайно дорог. Это дело не нынешнего

десятилетия. Изобретателю некоторую помощь в разумных пределах надо оказать, пусть возится. Работа выяснит некоторые теоретические вопросы, но рассчитывать на практическое применение способа Лесных в промышленности в обозримой перспективе нельзя.

Настырный изобретатель написал жалобу в ЦН. Оттуда ее переслали министру Онисимову. Александр Леонтьевич со свойственной ему тщательностью изучил и чертежи, и вычисления, и все отзывы. С карандашом он сам вычислил, что химизм процесса Лесных требует практически недоступных температур. Шлаки приобретут такую едкость, что не устоит никакой огнеупор. Выводы Онисимова были более резкими, он даже упрекнул Челышева за мягкость. Поэтому, раз практически дело нереально, наше министерство за это не берется, есть Минвуз, где Лесных работает, пусть там ему и помогают.

И вот через два года дело дошло до Сталина. Оказалось, что ведомство лагерей, подчиненное Берии, занятое проектированием ГЭС в Сибири, подкинуло кое-какие средства Лесных на его опыты. Был получен металл, и Берия сразу же передал образцы Хозяину. Чтобы подставить Онисимова под немилосердный удар Сталина.

И Онисимов, и Челышев понимали, что от лабораторного результата до промышленного проходят годы. Но возражать Сталину Онисимов не решился — это означало бы, что он по-прежнему против новшества, упорствует в ошибке. Он также догадался, что в кабинете Сталина сидит Берия и страшная опасность нависла над ним.

Но главным был не недостаток мужества. Бек правильно отмечает: здесь действовала уже автоматическая, чуть ли не с

силой инстинкта, дисциплина, верность Сталину, каждому его слову, каждому указанию. Сама идея возражать Сталину была органически чужда Онисимову, как и любому руководителю в Административной Системе. И Онисимов ответил, как всегда: «Будет исполнено. Да, под мою личную ответственность».

Сталин приказал возвести за восемнадцать месяцев новый завод в Сибири по способу Лесных, поручив дело той самой комиссии, которая в свое время единодушно отвергла этот способ, включив в нее представителя «Енисейэнерго», назначенного Берией.

Онисимов уцелел, план Берии не сработал. Постановлением Совета Министров, подписанным лично Сталиным, Онисимов был объявлен выговор «за зажим ценнейшего новаторского предложения». Сталин не сомневался, что Онисимов — пусть он в свое время отрицал изобретение, когда оно шло снизу, — теперь лучше, энергичнее кого-либо сделает все возможное и сверхвозможное, чтобы внедрить способ Лесных. И не тронул, не отбросил Онисимова.

Но для Онисимова ошибка собственных учреждений с верностью законам Системы оказалась трагической. Раньше все, что он исполнял, он разделял и убеждением. Теперь он впервые не верил, но приступал к исполнению. У Онисимова появилась тяжелая нервная болезнь.

А для страны все обернулось огромными затратами. Сверхсекретный «почтовый ящик № 332» стоимостью в 150 миллионов рублей рождался в непрерывных авариях, закозлениях, прогарах, переделках, реконструкциях уже сделанного... Смерть Сталина позволила провести реальную оценку сделанного. На заседании Президиума Совета Министров СССР Онисимов доложил

ситуацию. Постановление выполнено. Завод построен, пущен. Акт приемки подписан и изобретателем. Все его претензии и пожелания удовлетворены. Но никаких обязательств насчет этой стали я на себя взять не могу. Технологию определило постановление, а не я. Да, я утверждал, что идея Лесных порочна, не может получить практического осуществления. Эта моя оценка задокументирована. Но мне было приказано выстроить завод. Я создал инженеру Лесных самые благоприятные условия. И я все сделал, хотя понимал, что дело обречено на неудачу. Но я был и остаюсь дисциплинированным, государственно мыслящим работником. Повторяю: получив приказание, своего истинного отношения я не высказывал никому.

Завод посетила комиссия министерства, затем другая — Совета Министров. Выводы были уничтожающие. Завод и его печи были разрезаны.

Теперь о втором случае, тоже из области НТП. Во время посещения металлургического предприятия Онисимов обнаружил, что поступавшие ему ранее сведения об опытах директора Головни на доменных печах подтвердились.

Онисимов, у которого весь смысл управления был основан на выработке в наркомате по последнему слову техники технологии и строжайшем контроле сверху за ее соблюдением, всякое столкновение от инструкции по технологии рассматривал как попытки снизить качество выпускаемой продукции. И особенно беспощадным он становился, если нарушения допускали сами директора. Эти отклонения он квалифицировал однозначно: «У каждого барона своя фантазия...»

Онисимов учинил Головне публичный разнос. Кто разрешил тебе эти затеи? Кем же ты тут себя воображаешь? Удельным

князьком? Доверили завод, а ты решил за государственный счет заняться своими выдумками? Я запрещаю опыты и пришлю контролеров, чтобы проверили, как исполняются решения. Завод не поместье, и в нем ты не барин. Порядок общий: обратись со своим новшеством куда следует и ожидай разрешения.

Онисимов, запрещая опыты, поступал не как барин-самодур, который может по своей прихоти отказать или не отказать. Предложение рассмотрели в наркомате лучшие специалисты по металлургии во главе с профессором Земсковым. Они отвергли его из-за «нарушений азбуки доменного процесса». Да и первые результаты экспериментов оказались, как и предсказывали специалисты, плачевными. Вывод: дурная отсебятина.

И Онисимов поступил в полном соответствии с логикой своего управления: опыты прекратить. «Наша металлургия нуждается в строгом порядке. Немудрено, что и в цехах у тебя разболтана технологическая дисциплина. Отсебятину потрудись прекратить».

В годы войны Головня вновь попросил Онисимова разрешить возобновить эксперименты хотя бы на одной печи. Стране нужно было больше металла. Головня убеждал, что затраты на эксперимент невелики, почти незаметны. Но Онисимов стоял на своем. Речь уже шла о принципе. Онисимов защищал Систему от посягательств на ее основы. Нет одобрения сверху — не имеешь права что-то искать.

В 1945 году группа советских металлургов выезжала за рубеж и привезла новость: несколько домен США уже работают по способу, похожему на тот, который предложил Головня. Вскоре, видимо, вся металлургия США перейдет на этот метод.

Онисимов остался невозмутим, но к Головне стал относиться лучше и дал команду — опробовать на 2—3 заводах. Но Головня вновь был недоволен. Он обвинял Онисимова в медлительности. В 1952 году (как раз в период конфликта вокруг Лесных) сам (или по чьей подсказке) Головня послал письмо в ЦК партии, требуя ускорить внедрение новшества. В письме он обвинял Онисимова в том, что тот ряд лет не давал хода его изобретению, ныне всеми признанному. Тевосян, встретив Онисимова, дал понять, что Берия опять склонен воспользоваться ситуацией. Онисимов понял, что Берия попытается вновь представить Онисимова в глазах Сталина ретроградом. И если удалось устоять в деле Лесных, но теперь...

Онисимов взялся за ускоренное внедрение. Но время во многом было упущено, и к моменту своего снятия Онисимов так и не завершил работу по внедрению предложения Головни.

А. Бек мельком напоминает, что предложение Головни не было чем-то исключительным, Онисимов много делал для ускорения НТП — те же жаропрочные стали. Но были и другие примеры: тормозился переход на офлюсованный агломерат, с трудом внедрялось это новшество при Онисимове.

Примечательно, что и новый министр металла, сменивший Онисимова, проявляет ту же самую медлительность в отношении способа Головни. Уже ушедший с поста Онисимов напоминает министру о необходимости помогать Головне. А сам Головня пишет письмо в ЦК партии, теперь уже на нового министра...

КРИЗИС АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Наличие «сбоев» и «сшибок» в Административной Системе логично ставит вопрос: идет ли речь о ее недомоганиях и вызванных внешними причинами воспалениях или о чем-то неустрашимом, внутренне ей присущем?

А. Бек, создавая роман, не мог, естественно, охватить все стороны этой проблемы, над которой билась общественная мысль нашей страны последние тридцать лет, которой посвящены документы страны последние тридцать лет, которой посвящены документы XXVII съезда партии и последнего, январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС. Но материал, освещенный в романе, даст очень много для понимания поставленного вопроса. Собственно, и сам вопрос напрашивается именно при чтении романа.

Возьмем «сбои» в случаях с изобретениями Лесных и Головни. За личными взаимоотношениями между этими изобретателями и Онисимовым нетрудно увидеть нечто большее. Причина потерь, которые несет страна, в этих различных по содержанию случаях при глубоком размышлении вырисовывается только одна: сосредоточение прав на любое решение в области научно-технического прогресса на самых верхних этажах управления и волевые методы этих решений. Верх определяет, что считать НТП, а что им не является. И сколько бы Верх ни был озабочен интересами страны, сколь бы идеальными ни были его руководители, сами эти решения о НТП принимаются им волевые, субъективные. И при самых лучших намерениях ошибка **потенциально заложена** в этом механизме, ведь волевое и волюнтаристское не имеют объективной границы между собой. Здесь одинаково вероятны и смелые централизованные вмешательства, ускоряющие НТП

(вспомним поездку Онисимова и выпуск небывалой жаропрочной стали для реактивных двигателей), и торможение (как было с Головной), и концентрация ресурсов на малоперспективных направлениях НТП (как было с Лесных).

Инженера Лесных А. Бек изображает как маниакально одержимого изобретателя. Можно понять симпатии академика Челышева к этой маниакальности: ведь без таких людей никакой НТП невозможен. После неудачи со строительством завода Лесных заработал один за другим два инфаркта, но вновь неукротимо пытался начать опыты. Но теперь к нему то же самое отношение, которое встретил в свое время Головная: нет указаний, вами заниматься не будем. Все печи, включая экспериментальную, разрезаны автогеном. Точно выразился Челышев: «Черт, азиатчина. Форменная азиатчина. Шарахаемся, как... Зря оторвали человеку руки-ноги. Одну печку следовало бы ему оставить, пусть бы возился. Кому от этого было бы плохо?» Ясно кому — Системе. Она не шарахается, она просто не может теперь никак поддерживать Лесных — с той же логичностью, с какой она в свое время его поднимала, когда были «указания».

Для Административной Системы нет ценностей как таковых. Нет изобретения. Нет НТП. В этом механизме изобретение становится изобретением, НТП — НТП только в том случае, если на него это клеймо поставит Верх: в виде плана, директивного задания, стандарта и т.д. То, что не одобрено Верхом, для Административной Системы не существует. Изобретение Головни — ноль, пока не оформлено приказом. А изобретение Лесных перестает быть таковым в ту же секунду, как только его исключают из плана. И глубоко логичен вопрос Головни Онисимову: «Если бы сверху вам сказали: окажи содействие, то я бы получил от

вас все необходимое независимо от того, хорошее или плохое предложение?»

Столкновение Головни и Лесных с Онисимовым — это столкновение Административной Системы и научно-технического прогресса, научно-технической революции. Эта Система не приспособлена к иным по уровню решениям, чем централизованные, к иным по типу решениям, чем волевые. Она способна на поиск — но только в совершенно конкретном, ограниченном варианте: если он идет сверху. Так, Тевосян предлагает платить премии не за 100 процентов задания, а за каждый процент. И эта мера позволила быстро оправиться его отрасли, деморализованной репрессиями, скоростными плавками и другими починами передовиков-рекордсменов.

Но состав руководителей в Системе, как мы видели, неизбежно ухудшается, перерождаются пришедшие в нее кадры революции из-за перегрузок, бремени ответственности, бесконтрольности в отношении подчиненных. Выдвигаются на руководящие посты воспитанные этой Системой все более исполнительные распорядители.

Очень характерен в наркомате Онисимова профессор Земцов, очень крупный специалист. Попутно Земцов — автор шахматных этюдов, книг по шахматам. Однако в поездах, играя с Онисимовым, частенько проигрывает своему начальнику. И тут нельзя удовлетвориться объяснением Земцова: одно дело — шахматная теория, другое — практика. Скорее тут другое: и в области внеслужебных функций Земцов не может не служить шефу. А Бек неумолим: именно этот, уступчивый Земцов дает главное отрицательное заключение по прогрессивному предложению Головни. И хотя трудно сказать, как конкретно влияет

уступчивость Земцова на его отрицательную оценку новых идей, но это влияние налицо. Возникает все усложняющаяся ситуация: Система предполагает оценку вариантов НТП только наверху, а наверху оказывается все больше людей типа Земцова, людей, «заморенных» и воспитанных этой же Системой исключительно в духе исполнительности, безынициативности.

Пока страна осваивала уже имеющийся в мировом арсенале НТП — относительные преимущества Административной Системы скрывали ее недостатки. Во внедрении НТП есть момент, когда заводы уже построены и все силы надо сосредоточить на соблюдении правил грамотной работы. И стиль Онисимова наиболее соответствовал этому этапу индустриализации.

А вот когда надо оценить варианты нового НТП, допустить различные поиски — и Головни, и Лесных, — тут волевые способы руководства неизбежно обременены ошибками. Особенно тяжело становится Административной Системе в условиях научно-технической революции, когда уже не отдельные изобретения, а их поток обрушивается ежедневно на производство. Не имея объективных экономических критериев, принимающие решения неизбежно оказываются заложниками границы: всегда правильно то, что уже там применяется. Тут нет сомнений. Раз Головня признан в США, теперь можем и мы, не боясь ошибки, заняться его способом. И не просто заложниками — ведь тут все обречены на то, что бы кого-то догонять.

Дело, таким образом, не в самой Административной Системе. Дело в коренном изменении задач, которые надо решать экономике, созданной усилиями этой Системы. Дело, конкретно, в изменении масштаба и темпов НТП.

В ключевой для второй половины XX века проблеме — проблеме научно-технического прогресса — Административная Система оказывалась тупиковой.

Александрю Беку удалось наглядно показать еще одну важнейшую сторону кризиса Административной Системы — я бы ее назвал синдромом Берии.

Не раз появляется на страницах романа эта фамилия. Онисимов когда-то бросил ему в лицо: «Не могу вам, Берия, доверять!» Этого Берия не забыл. Онисимов знал, что тот только ждет случая расправиться. Онисимов и Берия, оба члены ЦК, разговаривали на «ты», но рука Берии все годы была занесена над Онисимовым.

По ходу романа постепенно становится все яснее, что личная вражда Берии и Онисимова скрывает нечто более важное — обязательную, характерную черту самого механизма руководства.

Скорее всего, это хорошо знал и Сталин. Но он спокойнее чувствовал себя именно в условиях смертельной вражды между подчиненными и считал такую ненависть не только нормальным, но даже полезным для Административной Системы.

Берия страшен не сам по себе, а страшен своей связью со Сталиным. Заслуга Александра Бека, на мой взгляд, в том, что он заставляет нас глубже, я бы сказал, научно осознать бериевщину. С одной стороны, это беззакония, эксцессы болезни Административной Системы. Ведь кадровые репрессии наносят наибольший урон именно жестким административным системам. Но с другой стороны — и тут в романе сделан шаг вперед в нашем взгляде на ту эпоху, — Берия постепенно воспринимается и как продукт, и как обязательное, необходимое звено Системы. Без Берии Сталин никогда не мог стать

Хозяином, а без них обоих Административная Система не смогла бы приобрести логическую завершенность, цельность, практическую эффективность.

Если Онисимов как следователь висит над всеми своими подчиненными, то должен же кто-то висеть над самим Онисимовым? Над **всеми** Онисимовыми? Должна же быть обстановка, когда Онисимов даже с женой в машине говорит мало, так как «при шофере лучше помолчать». Тут одного Хозяина не хватит. Тут нужен мощный Механизм. Тут надобен Берия в той или иной форме.

Страх — обязательный элемент более или менее цельного механизма администрирования. И трудно сказать, какая доля в беспредельной четкости и исполнительности Онисимова связана с этим страхом, а какая сформирована верой в правоту Хозяина. И так ли уж оторваны друг от друга и эта вера, и этот страх?

Да и самому Онисимову нужен Берия. Не имея достаточных рычагов материальной и моральной мотивации, Онисимов эффективно командует своими подчиненными не в последнюю очередь и потому, что над теми тоже занесена «рука Берии» — в лице каких-то его подчиненных. Онисимов, скорее всего, не хочет об этом думать, но ведь подчиненные это сознают...

Вот и выходит, что сама внутренняя логика Административной Системы требует подсистемы Страх, требует права Верха в любой момент сместить любого нижестоящего без объяснения причин этого смещения. И это право может — в силу ряда условий — вырасти в право вообще устранять подчиненного из жизни. Вопрос о конкретных формах этой подсистемы — сам по себе важный — для нашего вывода не столь существен. Важно, что такая подсистема была нужна для обеспечения эффективного администрирования. Поэтому необходимость Берии заложена в

сути Административной Системы, а реализоваться эта возможность может и в культурном, и в наиболее варварском, азиатском виде.

Но полувековой опыт требует от нас ясности в том, что отнести к «азиатчине», а что — к сути механизма управления. Раз без того или иного варианта Страх механизма административного управления эффективным быть не может, то думать о полном устранении бериевщины и сохранении сути Административной Системы — это значит впадать или в глубочайшее логическое противоречие или вообще ничего не понимать в азах системы управления.

Поэтому, когда я читаю рецензию В. Глаголева, полную стонаний по поводу нехватки дисциплины, чтобы воплотить в жизнь прекрасные по замыслу централизованные директивы и быстрее реализовать общесоциалистические начала, я знаю, что и В. Глаголев, и его сторонники, отрицая ведущую роль материальных стимулов, сначала попытаются обойтись мягкими административными мерами. Затем они — чтобы не дискредитировать директивы и переложить на кого-то ответственность за очередные неудачи в ходе невыполнения — потребуют ужесточения мер наказания. И эскалация эта может привести только к подсистеме Страх. Другой логики тут нет и быть не может.

Вот почему подлинное «покаяние», подлинное отречение от Берии может быть только в одном случае — если мы поймем, что должна быть перестройка всей системы административного управления.

И очень характерно, что ненавидящий Берию Онисимов сам воспринимает лагеря, где не столь давно погиб любимый брат, и сосредоточенные за колючей проволокой массы заключенных

как своего рода трудовые соединения, высоко дисциплинированные, дешевые, всегда готовые к перемещению на новые стройки, хорошо себя зарекомендовавшие. Для Онисимова это нечто допустимое, вполне позволительное при расчете факторов выполнения ударных строек коммунизма.

И есть какая-то логика в том, что именно Берия толкает Онисимова на меры по ускорению внедрения изобретения Головни. Не от его ли людей Головня почерпнул и идею первого обращения в ЦК с жалобой на Онисимова?

Не случайно и то, что именно в недрах ведомства Берии родилась та справка о состоянии дел в танкостроении, которую сам Онисимов признает дельной и квалифицированной и которая позволила Сталину объективно оценить прямоту доклада Онисимова.

Именно это ведомство, не связанное с планом по выпуску металла, смогло позволить себе роскошь подбрасывать средства лаборатории Лесных на нужные науке опыты.

Берия, пишет А. Бек, постепенно стал охватывать и ряд народнохозяйственных задач, год от года все более крупных. Ни одно большое строительство уже не обходилось без его участия. Эту сторону Бек подчеркивает совершенно справедливо, поскольку подлинную историю космонавтики и атомной промышленности — высших достижений Административной Системы — нельзя написать, игнорируя Берию.

Я пишу об этом ради того, чтобы полнее понять, что такое Административная Система и сколь сложной задачей является ее подлинная перестройка.

И если наш строй и все мы не можем, не хотим смириться с любыми формами бериевщины, то мы обязательно должны

понять, что только преодоление самой Административной Системы уничтожит то поле, на котором могут вырасти подсистемы Страх.

Итак, кризис Административной Системы в романе А. Бека имеет как бы три плоскости. Социальную — связанную с необходимостью устранить систему Берии. Экономическую — связанную с необходимостью обеспечить мобилизацию всех резервов роста эффективности. И научно-техническую, связанную с необходимостью освоить все виды НТП, все достижения научно-технической революции. Вот почему с такой силой и с таким обобщением звучат слова директора Головни: «**Промышленность так жить не может**, и вообще так жить нельзя» (подчеркнуто мною. — Г. П.).

В ЧЕМ ОШИБСЯ ОНИСИМОВ?

Хотя роман называется «Новое назначение», в центре событий не переход Онисимова на пост советского посла в одну из северных стран (Тишландия, как в шутку ее называет Онисимов), а именно его освобождение от должности Председателя Госкомитета Совета Министров СССР. И сам Онисимов, и окружающие его лица, и автор романа постоянно обсуждают в основном именно уход.

В жизни Онисимова опасность снятия впервые нависла как серьезная угроза в период репрессий конца тридцатых годов. Онисимов уцелел, написав письмо Сталину с просьбой о партийном расследовании своей деятельности как начальника танкового главка. Письмо передал Сталину родственник жены Онисимова, видный деятель партии.

Естественно, что потом Онисимов не раз размышлял над тем, почему он уцелел и стал наркомом. Онисимов считал, что уцелел он не случайно, а **закономерно**.

Во-первых, сыграла роль его борьба с оппозицией и беспредельная нерассуждающая преданность руководству партии и лично Сталину. Имел место случай (во время беседы Сталина и Серго), когда Онисимов совершенно однозначно продемонстрировал эту безоговорочную преданность. Во-первых, важное значение имела та главная черта его натуры, которая выработалась еще в годы подполья, — безукоризненная, четкая исполнительность, в которой он находил и удовлетворение, и наслаждение и которой он ни секунду не тяготился.

Но Онисимов считал, что помогло и другое. Он успел получить техническое образование. Он, не жалея сил, учился. Он освоил технику и технологию лучших заводов мира, освоил до деталей, стал знатоком металла. А металл был сердцем индустриализации, главного дела Сталина.

Топор репрессий, по мнению Онисимова, в тридцатые годы очистил промышленность от тех руководителей, которые, кроме политики, никакой специальностью не обладали. Их опыт внутрипартийной борьбы, их умение повергнуть противника стали опасными, когда их энергия сосредоточивалась вокруг дел, суть которых они понимали плохо. Не считаясь со специалистами, они организовывали почины, обеспечивали темпы. А когда оказывалось, что в итоге страна, говоря словами того же Онисимова, получает «не сталь, а кашу», эти опытные в персональной борьбе руководители умело сваливали все на специалистов инженеров (часто тех, кто предостерегал против новшества). Эти руководители, с другой стороны, легко становились жертвами новаторов

типа Лесных и затем, не желая признавать ошибку, искали козлов отпущения. Этих руководителей Онисимов называл урарыцарями, и в репрессиях по их адресу видел своего рода необходимую меру, очищавшую руководящие посты в промышленности для подлинных специалистов, соответствующих своим постам не благодаря участию в гражданской войне, а знаниям.

Онисимов как-то не замечал, что репрессии нередко захватывают и тех, кто, казалось бы, должен вступать на новые посты. Да и работа самого Онисимова под занесенной рукой Берии явно не укладывалась в его же схему. Но об этом он не хотел думать.

И вот теперь Онисимов смещен. И он никак не может понять — за что же. Он не нужен тяжелой индустрии, любимому делу, помимо которого ничего в его жизни нет. Почему же? Как могло это случиться?

Конечно, давно шли толки об изменении прежних, строго централизованных методов управления, о необходимости инициативы на местах, о расширении прав низа. К этим толкам он относился настороженно, так как в его отраслях все держалось на четко выработанных в центре инструкциях и контроле за их соблюдением. Поэтому при обсуждении вопроса об упразднении министерств и создании совнархозов Онисимов высказал свое мнение, советуя быть осторожными, не допускать поспешности в реорганизации управления, не прибегать к крутой ломке. Он защищал целесообразность существования своего Комитета и подведомственных ему министерств. Привел ряд доводов на заседании комиссии ЦК по этому вопросу. Его выступление, сугубо деловое, было встречено молчанием. С ним спорить не стали.

Но ведь там происходило лишь самое предварительное обсуждение. Ведь любое решение — кто в этом может усомниться —

он принял бы как дисциплинированный, верный член партии. Почему же, почему его убрали из промышленности, отстранили от дела, которое составляло его жизнь?

Академик Челышев, сам Александр Бек и Григорий Бакланов — автор предисловия к роману — склоняются к следующей версии.

Онисимов чересчур сросся с одной из форм управления. Он не в силах перерасти смену порядков. Поэтому его и сместили. «Вылезайте душой из тех времен! Чего они к вам цепляются?» — говорит Челышев Онисимову.

Определенная правда в этой трактовке есть. И если бы эта версия была верна, то роман А. Бека был бы для нас полезным и поучительным уроком того, что есть кадры, которые не способны вылезти из форм управления, которые их вырастили, с которыми они сами срослись, носителями которых они стали. Поэтому быстрее смена, замена таких руководителей неизбежны. Нельзя тратить время на переоценку этих столпов старого. Чем скорее их убрать, тем лучше для перемен — какими бы ни были крупными прежние заслуги этих работников. Уроком из такой версии снятия Онисимова был бы вывод, что есть руководители, которые ради сохранения своих постов и защищая интересы сохранения своего аппарата готовы пойти на сопротивление даже директивам Верха.

Как будто в пользу этой поучительной и для нашей сегодняшней перестройки версии в романе есть немало доводов. Онисимов действительно боится, что при ликвидации министерств и замене их десятками совнархозов ослабнет централизованная работа над созданием научно обоснованных нормативов, ослабнет единый контроль и итогом будет расшатывание

технологической дисциплины и снижение качества продукции. Онисимов действительно боится, что после упразднения министерств и без того немногочисленные высококвалифицированные кадры штаба отрасли расплытся, а и без того недостаточно дисциплинированные работники заводов получат право на нарушения.

Но замечательная сила правды жизни — а именно ей следовал Александр Бек в своем романе — позволяет мне выдвинуть иную версию смещения Онисимова. Во-первых, в предыдущей версии — как и в объяснениях Онисимова по поводу репрессий тридцатых годов — есть ряд «несовместимостей». Во-вторых, в романе много фактов, объяснить которые может только иная версия снятия Онисимова.

Начнем с тезиса о том, что Онисимов не может приспособиться к переменах. Такого типа работников при перестройках выявляется немало. Но принадлежит ли сам Онисимов к таким руководителям? Вот сам академик Челышев уверен, что Онисимов может приспособиться и работать в новых условиях. Не случайна же его реплика: «Перед вами еще будущее!» Значит, объективно Онисимов может жить и работать в будущем. Сходную позицию занимает и Серебренников, многоопытный начальник секретариата Онисимова. Он считает, что Онисимов смещен под горячую руку и еще может вернуться к работе в индустрии. Да и сам Онисимов с его готовностью выполнять любой приказ тоже считает, что он мог бы работать.

А если Онисимов сам считает, что «может работать», если окружающие считают, что «может работать», то версия о его абсолютной несовместимости с новыми временами как причина смещения повисает в воздухе. Конечно, Онисимову было бы

нелегко. Надо было бы научиться передавать права подчиненным, допускать их поиск. Надо было бы — тут тоже от правды нельзя уйти — как-то терпеть и вранье подчиненных, и их попытки за счет государства удовлетворять свои прихоти — то ли в технологии правки, то ли в оформлении заводского двора. Словом, надо было бы научиться многому, с чем не мирилась душа Онисимова с ее мерками большевика-подпольщика. И все же я думаю, что Онисимов мог бы работать и в условиях совнархозов — как работали десятки других хозяйственных руководителей бывших министерств.

За что же тогда сместили Онисимова?

Обратимся к фактам романа. Факт первый. Серебренников не стремится уехать с Онисимовым в Тишландию. Почему? Ведь он всю жизнь на первое место ставил себя и свои интересы. И если бы перестройка была действительно кардинальной, серьезной, ставящей на карту судьбу аппарата (и Серебренникова), то он бы уехал с шефом. Но само решение Серебренникова остаться можно истолковать только так: перемены, считает он, не будут столь радикальными, как кажется. И место для таких, как он, всегда найдется и в новой системе. Соответственно новизна ее не столько значительна.

Факт второй. Сослуживцы Онисимова, его подчиненные и коллеги, провожая его на аэродром, тоже не считают, что Административная Система меняется кардинально. Они как-то нутром чувствуют, что «все утрясется», что «поухает, поурчит гром и угомонится». Больше того, они уверены, что Онисимова «вновь призовут в индустрию».

Факт третий. Академик Челышев, по существу оценивая уже новые времена, говорит: «У нас любят, чтобы под рукой был

человек, с которого за все можно спросить. А то и спустить с него три шкуры. Тогда и найдут вас: как раз место для вас». Следовательно, и он не видит кардинальных перемен.

Факт четвертый. Ситуация в Кремлевской больнице. А. Бек отмечает, что перемены не коснулись ее — а ведь она одно из типичных звеньев Системы. Здесь все по-старому.

Факт пятый. И в условиях перестройки все так же отчаянно борется за свое изобретение Головня, направляя новое письмо в ЦК. Министр Цихоня говорит ему: «Что же ты, Петр Артемьевич, сразу адресуешься в ЦК? Не мог, что ли, прийти ко мне? Или написать нам в министерство?» Петр отвечает: «Как член партии, используя свои права...» — «Господи, мы сами бы тебе все организовали». — «Знаком, товарищ министр, с вашей организацией».

Так, деталь за деталью, мелочь за мелочью Александр Бек — не знаю, сознательно ли, но явно в соответствии с правдой жизни — подводит нас к иному, чем первое, объяснению отставки Онисимова.

Вдумаемся еще раз в события перед отставкой. Что сделал Онисимов? Он высказал в ходе предварительного обсуждения возражение против решения, к которому — судя по всему, судя по комиссии ЦК — уже склонился Верх: Онисимова сместили не за то, что он сопротивлялся — нет, до этого не дошло, — а за то, что он **позволил создать впечатление о своей неготовности выполнить директиву Верха**.

Другими словами, его сместили за главное и недопустимое преступление в Административной Системе — за неготовность немедленно, беспрекословно выполнить приказ. За то, что он плохой солдат и Исполнитель. Его сместили за нехватку именно

того, что он считал — и верно считал — своей сутью, своей главной добродетелью. Онисимов нарушил законы Административной Системы. Собственно, даже не нарушил. Создалось **впечатление**, что он **может** стать нарушителем. Услышав о совнархозах, Онисимов не сделал того, что делал всегда, всю свою жизнь, — не сказал, став возле телефонного аппарата по стойке «смирно»: «Слушаюсь. Вы правы. Будет сделано. С полным напряжением сил. Под мою ответственность».

Но если в этом причина отставки Онисимова, то логичен второй вопрос: в чем же ошибся Онисимов? Почему он, всю жизнь выступая идеальным Исполнителем, вдруг отступил от этой роли?

Зададим другой, вспомогательный вопрос. Позволил бы Онисимов высказать малейшее сомнение в отношении совнархозов, если бы это было предложение Сталина? Если бы еще был на месте Берия? Я думаю, что ответ тут очевиден. Онисимов бы сказал «есть».

Значит, уход Сталина, разоблачение Берии, XX съезд партии, где он был делегатом и со слезами слушал доклад Н.С. Хрущева о культе личности, — только это и могло быть причиной изменений поведения Онисимова.

Мы подходим к главному выводу. Онисимов позволил себе отойти от роли Солдата партии и Бойца за выполнение директив потому, что он всерьез решил, что Административная Система изменилась. Он знал Систему, ее законы. И не посмел бы их нарушить, если бы не считал, что теперь времена уже новые. Не **конфликт с новым**, а именно вера в то, что это новое **уже наступило**, — привела к появлению у Онисимова **зачатков** самостоятельности,

и он позволит себе самые робкие возражения и сомнения по поводу директивы Верха.

Главная ошибка Онисимова в том, что он Административную Систему отождествлял с одной ее конкретной формой — со Сталиным, с Берией. И устранение этой формы Административной Системы он воспринял как начало отхода от ее сути.

Надо сказать, что в чем-то он оказался проницательным — без Сталина и Берии Административная Система могла постепенно только ухудшаться. Но его вывод об отказе от Административной Системы был явно преждевременным. Речь и намерения он принял за дела и реальные изменения, желание отойти от прошлого — за фактические перемены. Он не понял того, что видел даже его сын: «У новых перемен зубки еще не прорезались». Для руководителя такого уровня, «следователя», умеющего «вытянуть правду», такого рода заблуждение — совершенно непростительно. За это он и был сразу же наказан, наказан отставкой...

И эта ошибка Онисимова, несомненно, наиболее поучительный урок для всех нас из прекрасного романа Александра Бека. Ведь не только Онисимов, но и Н.С. Хрущев, и все мы думали, что, устранив из Административной Системы культ личности, мы уже решили все проблемы нашего будущего. Система нам отомстила...

Вот почему к прекрасной статье А. Бовина в «Новом времени» об уроках прошлого, о крахе надежд 1956 и 1965 годов надо обязательно добавить, что дело не только в ушедших в песок планах, но прежде всего в том, что сами наши планы и в 1956-м и в 1965 году исходили из возможности сохранения

в реформированном виде Административной Системы и потому были нереальными.

А проблема — и это ясно показал XXVII съезд КПСС и еще раз подчеркнул январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС — состоит в том, чтобы отказаться от нее, заменить ее на новую систему, соответствующую современному этапу развития социализма, опирающуюся не на администрирование, а на экономические и демократические методы и формы.

И мы уже не можем, не имеем никакого права принять любые изменения форм Административной Системы за отказ от нее, принять слова и намерения за дела и факты. Иначе Система отомстит и нам...

Это невероятно сложная задача, причем не только в силу своей принципиальной новизны, но и потому, что ревнителей, сторонников старой Системы не так мало, как может показаться на первый взгляд. Об этом я думаю, когда читаю в газетах и узнаю из передач радио и телевидения о многочисленных продолжающихся негативных явлениях и главным из них: попытках исказить смысл партийных и государственных решений (ввести, например, выборы директора, но при одном кандидате и открытые).

Многие (возможно, пока даже еще очень многие) тоскуют по временам, как им кажется, образцового порядка. Многим кажется, что стоит вернуться к методам руководства сталинского типа и разом удастся покончить и с недисциплинированностью на производстве, и со срывом планов, и с погоней за легкой наживой, с корыстолюбием, с наркоманией и со многим другим, с чем мы сейчас ведем жестокую, бескомпромиссную, открытую, гласную борьбу. Но немногие задумываются, что истинные корни всех этих явлений лежали именно в Административной Системе,

они росли и пускали все новые побеги именно в те годы, когда Система процветала и укреплялась. Именно тогда, в те годы, возник разлад между словом и делом — благодатная почва для очковтирательства, приписок, обмана государства, незаконного присвоения незаработанных денег и благ. Эти явления вызывали, напомним, протесты изначально чистого и честного Александра Леонтьевича Онисимова. Но сколько рядом с Онисимовыми жило и работало приспособленцев-конформистов, умело извлекавших личную корысть из Административной Системы. Сейчас об этом уже можно с полной ответственностью сказать: мы продвигались бы вперед гораздо быстрее и прошли бы в поступательном движении гораздо больший путь, если бы нашли в себе силы и мужество отказаться от нее раньше.

Вот почему и сегодня, через 30 лет, через год после XXVII съезда, волнует нас, заставляя думать и думать, ошибка Онисимова. Ведь и сегодня мы, говоря словами А.С. Пушкина, «слишком часто разговоры принять готовы за дела». Не случайно М.С. Горбачев на январском Пленуме ЦК партии отметил, что «дело перестройки оказалось более трудным. Причины накопившихся в обществе проблем более глубокими, чем это представлялось нам раньше». В предостережении всех нас от очередной ошибки я вижу главную заслугу Александра Бека, и это заставило меня, далекого от литературы человека, написать этот отклик на его роман.

ГЛАВА 2

СИСТЕМА И ЗУБРЫ

(«Наука и жизнь», № 3, 1988 г.)

Когда-то Лев Толстой заметил: «Мне вообще кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им пришлось наблюдать в жизни». Не знаю, прав ли Лев Николаевич в целом, но мне кажется, что лучшее из созданного советской литературой — от «Чапаева» и «Как закалялась сталь» и до «Нового назначения» — глубоко документально. Этим же отличается и повесть Даниила Гранина «Зубр», напечатанная в первом и втором номерах «Нового мира» за 1987 год. Она посвящена Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому и восстанавливает правду об одном из выдающихся ученых нашего века. Писатель лично знал Николая Владимировича, но при подготовке повести провел гигантскую исследовательскую, а порой и просто следственную работу. Заслуга писателя — реализм. Он при этом не поддавался соблазну вырваться из пут фактов дат, фамилий, адресов.

Даниил Гранин пишет, что когда-то зубры были самыми крупными из зверей России — ее слоны, ее бизоны. Теперь зубр —

вид, почти полностью истребленный человеком. Тимофеев и представляется писателю случайно уцелевшим зубром — тяжелой машиной, плохо приспособленной к тесноте и юркости современной эпохи.

Перечитывая раз за разом это выдающееся произведение современной литературы, я все больше чувствовал, что за правильно очерченной писателем уникальностью, исключительностью Зубра все больше высвечивается, проявляется, оконтуривается — именно в силу подлинности собранных писателем фактов — нечто характерное, типичное для целой эпохи и развития социализма. За неповторяемостью все больше ощущалась массовость, за уникальностью — закономерность. А поскольку закономерности уже область науки, то я счел возможным поделиться своими соображениями с читателями.

Такой подход — использование широко известного литературного произведения, его героев, описанных автором событий, созданных им литературных образов, использование всего этого в своего рода рецензии для того, чтобы проанализировать определенные социологические, экономические, политические аспекты, — для читателя, мне кажется, привлекательнее или по крайней мере проще, нагляднее и, хочется думать, убедительнее, чем классические научно-популярные статьи по экономике или истории. Признаюсь откровенно, я брался за дело, понимая, что жизнь Н.В. Тимофеева-Ресовского не самый лучший пример для размышлений о проблемах, о которых хотелось поговорить, — в его биографии есть особые страницы, не типичные для других деятелей такого масштаба. Я имею в виду годы жизни Н.В. Тимофеева вне Родины, в Германии. С этой точки зрения лучше, может быть, было бы всмотреться

в судьбу Королева. Или Туполева. Но что поделаешь — о них еще не написаны повести или романы, на которые можно было бы ориентироваться как на произведения широко известные. А повесть «Зубр» позволяет, пусть с некоторыми оговорками, кстати, непринципиальными, сделать из этой документальной истории важные общие выводы.

ЧЕЛОВЕК

Я не был знаком с Тимофеевым. Я беру его таким, каким его показывает Д. Гранин в своей повести. Насколько реальный человек соответствует образу — я не знаю и никогда не узнаю. Но образ у Д. Гранина создан яркий и четкий. Поэтому присмотримся к человеку, который описан в повести «Зубр».

Жизнь, научные достижения, сама личность Тимофеева-Ресовского как будто специально предназначены для интерпретации их как чего-то неповторимого, уникального — словом, Зубра.

Родился он в семье потомственных русских дворян. Они не поднимались на самый верх, но и имений не теряли. В течение веков поколение за поколением служили империи, которая для людей тех эпох была тождественна и России, и Родине. Среди предков — адмиралы Сенявин и Нахимов. Отец — инженер-путеец, строил Великий сибирский путь.

Сам Николай Владимирович начал изучать зоологию в Московском университете. В годы революции служил в Красной армии. «Повоюем немножко, отгоним беляков, отдохнем, снова воюем, а как часть нашу разобьют, возвращаюсь в Москву, в университет, к своим рыбам, и в кружок, которым тогда увлекался: логико-философский с математическим уклоном. Потом опять в армию, как и на фронт», — рассказывал сам Тимофеев.

Война закончилась. Тимофеев хорошо пел. Увлекался логикой и философией. Любил искусствоведение. Но выбрал зоологию, выбрал науку. Учился у замечательного биолога Н.К. Кольцова. Преподавал. Одним из первых начал изучать генетику. Ставя опыты на мушках-дрозофилах.

В 1925 году Берлинский институт мозга попросил СССР прислать молодого советского ученого наладить исследование по генетике и биофизике. Это была дань первым успехам советской генетики. Кольцов порекомендовал наркому Семашко послать Тимофеева. За последующие годы работы в Германии Тимофеев выполнил ряд выдающихся исследований.

В конце тридцатых годов Тимофеев отклонил требование вернуться в СССР и остался работать в своей лаборатории в Германии. Когда Гитлер напал на СССР, Тимофееву предложили принять немецкое подданство, но он отказался. Тимофеев участвовал в движении Сопротивления.

В конце войны Тимофеев отклонил приглашение уйти на Запад и работать в США. Он сохранил и лабораторию, и ее сотрудников, включая немецких ученых, до прихода Красной армии. Тимофеева арестовали, осудили как невозвращенца, отправили в лагерь. Завенягин, заместитель наркома внутренних дел, привлек Тимофеева к работам, связанным с созданием советского атомного оружия. В 1947 году он начал работать в секретной лаборатории в Миассово, на Урале. Публиковать он ничего не имел права. Его как бы не существовало.

В 1956 году ему было впервые разрешено приехать в Москву. Работал в Обнинске. В последние годы — в Институте космической медицины у академика Газенко.

Жизнь, как видим, действительно необыкновенная. Но не менее уникальны и научные достижения. Тимофеев установил экспериментально, что ген подвержен внешним воздействиям. Он показал, что наследственную информацию несет не вся клетка, а ее ядро. Ген, следовательно, является молекулой особого рода. Тимофеев занялся радиационной генетикой, так как видел в излучениях мощное средство воздействия на гены. Он является родоначальником биофизики. Когда он свернул к физикам-ядерщикам и стал использовать радиацию для воздействия на гены, всем казалось, что он ушел от главной линии. Но оказалось, что именно сюда и пошла дорога генетики. На Урале он занимался биологической защитой от радиации. Удалось выявить комплексы, которые как бы связывают попавшие в организм протоны.

Открытия Тимофеева значительны, но прежде всего, как пишет Гранин, он обладал стратегическим подходом к биологии. На докладах, когда казалось, что Зубр совсем задремал, он в конце открывал глаза и подводил итоги. И все прояснялось. У него был талант извлечения смысла. Он умел соединять частные, казалось бы, разрозненные вещи.

Тимофеев реализовывал те современные методы научной работы, которые мы называем коллективными. Это был стиль научного руководства, свободный от администрирования, «ферментативный» — содействовать, а не командовать.

Завершает картину яркая личность Тимофеева. О нем ходили легенды, одна невероятнее другой. Их передавали на ухо. Не верили. Ахали. Ему приписывали изречения и поступки, казавшиеся совершенно невероятными. Даниилу Гранину удалось в полной мере показать грандиозность этой личности. Ему была

присуща полная раскованность, безоглядность. Он оставался самим собой. Одни считали его дальновидным, другие — наивным, третьи — скрытым. Одни — верующим, другие — атеистом.

Гигантскую экспериментальную работу совмещал с многочисленными поездками на научные семинары, с увлечениями — вплоть до игры в городки и «блошки». Спал не более пяти часов в сутки. Это был живший всесторонней жизнью человек.

Он сохранил присущее многим ученым прошлого безразличие к материальным благам. В прошлом ученые своей бедности не стыдились. Стул в доме Тимофеева был тем, на чем сидят. Не более. Чем он обит — никто из гостей не помнил. Не за тем приходили к Зубру.

Тимофеев, как и большинство ученых его типа, любил искусство и вырабатывал личное отношение к нему. Его не водили по музеям, он сам выискивал интересное для себя.

Обладал замечательным талантом оратора и лектора, рассказчика и агитатора, полемиста. Знал великолепно русский язык. Тогда это не было редкостью. Сейчас, заметил как-то Тимофеев, в пределах обширного нашего отечества хорошо владеющие русским языком — счастливая находка.

Он говорил: «Мне повезло в жизни — я знал всех корифеев физики, математики, создавших новое представление о картине мира: Эйнштейна, Планка, Гейзенберга, Шрёдингера, Борна, Паули, Лауэ, Дирака, физика Иордана, математика Винера». Точно так же Зубр близко знал многих выдающихся русских ученых — и двадцатых, и тридцатых, и пятидесятих и шестидесятих годов. И не просто знал, и не просто работал вместе. Зубр дружил со многими, прогуливался, выпивал, спорил. Он сам был из их плеяды.

ПРИНЦИПЫ

Чем была определена жизнь Тимофеева-Ресовского? Повесть «Зубр» убеждает нас: все дело в последовательном следовании трем принципам — верность науке, порядочность и долг перед предками, родиной.

Тимофеев посвятил себя науке тогда, когда из всех возможных занятий наука была самым невыгодным. Ни пайков, ни денег. Николай Владимирович шутя сказал Гранину, что пошел в науку, «потому что тогда этих паразитов, научных работников, было немного и большого вреда своему отечеству они не приносили».

А в науке он выбрал зоологию, изучение прелестных тварей. Животных изучают, считал Тимофеев, только хорошие люди... Биология — самая прекрасная и добрая из наук. Она изучает Природу: как и что растет на земле, все, что движется, летает, ползает. Почему все живое живет и множится, меняется или не меняется. Он замирал перед чудом совершенства самой ничтожной из гусениц.

Выбор в пользу науки стал основой жизни Тимофеева. Ехать или не ехать в Германию? Для Тимофеева вопрос был один: где лучше заниматься наукой? Ему самому казалось, что лучше в СССР: начались блестящие генетические исследования. Но Кольцов убедил: там не будет отвлекающих забот, жалованье и жизнь обеспечены, все время можно полностью отдать исследованиям. А в 1939 году, когда решался вопрос о возвращении в СССР, решающие аргументы опять были связаны с тем, где можно быстрее завершить важные исследования.

Зубр в тридцатые годы твердо хотел вернуться в СССР и развернуть дома генетические исследования. Но с 1929 года в СССР

начались гонения на генетиков. Сослан в Свердловск С.С. Четверинков. Из университета заставили уйти Н. Кольцова. Семашко уже не нарком, а заведует кафедрой МГУ. В 1935 году отстранен от президентства в ВАСХНИЛ великий Вавилов. Идут судилища. Травля. Клеймят цвет нации. Отрекаются ученики и даже дети. Тимофеев не мог поверить, что авторы открытий, люди безупречной научной репутации, захотели стать врагами народа. Было ясно, что генетика как наука почему-то не нужна в СССР.

В СССР самого Тимофеева, скорее всего, ждет арест. Но арест страшил Тимофеева не сам по себе, а как перспектива прервать многообещающие генетические разработки. Он только что начал пробиваться к секретам мастерства природы: как она запустила живое, как оно потом развивалось самостоятельно.

В Германии, как ему казалось, можно спокойно продолжать исследования. А фашизм в Германии в первые годы никак не мешал работе в лаборатории. Немецкая машина действовала с присущей ей нерассуждающей пунктуальностью: лабораторные животные регулярно получали корм. Значит, можно вести исследования. Да и что значит перед волшебными процессами живого на земле какие-то войны? Да и сам «тысячелетний рейх» — миг перед вечными законами природы. Тимофеев гордился принадлежностью к науке и тем, что впервые понял шифр живого. И выбор был сделан: он остается, он откажется выполнить указания. И не оскорбительная форма беседы в посольстве с чинушей, а суть дела — были главными аргументами. Дома — остаться вне науки, здесь — продолжить работу. Советы друзей и учителя — Н.К. Кольцова — сводились к тому же: переждать хотя бы годик. Долго так продолжаться не может. Компания репрессий, или, как тогда говорили, перегибов, пройдет. Разберутся, выправят.

О последствиях он не думал. Плевать ему было на дальнейшее. Ему надо было завершить эксперименты. Бросить исследования на полпути, не получив результатов, он не мог. Физически не мог оторваться. Как хирург — от операции, мать — от малого ребенка.

А в 1945 году он очутился в лагере в Сибири. Его могучий организм сломили не лишения — он перенес и тиф, и голод в гражданскую войну. Но его оторвали от науки, и у него не осталось ничего, за что следовало бы держаться. Он заболел и был на грани гибели.

После лагеря он мог запить, озлобиться, пуститься в бега. Мог удариться в религию, мог стать циником и предложить ради карьеры услуги Лысенко. Но возможность вернуться к опытам предопределяла все. Он не озлился, не пал духом, не разуверился. Был в Миассово так же распахнут, свиреп, увлекался и увлекал. Работал в полную силу. Защита живого, защита чело- века от грозной и невидимой радиации — неизбежной опасности начавшегося атомного века — пересилила все.

Беззаветная преданность науке делала Зубра бескомпромиссным — в дискуссиях, в исследованиях, в оценках.

В научной школе Зубра не было принято считаться с регалиями. Нобелевский лауреат или аспирант — один черт. У него самого не было ни званий, ни степеней. Юридически в науке он был... никем. Аттестат о среднем образовании сгорел когда-то в годы гражданской войны. МГУ формально он тоже не окончил. Предметы он изучал, а тратить время на оформление итогов учебы он не захотел. В Германии диплом ему заменило рекомендательное письмо Н.К. Кольцова. На Урале у зэка тоже никто бумаг не спрашивал. А вот после его с трудом оформили на должность... старшего лаборанта.

Его не удалось избрать в Академию наук: это было и остается одним из позоров ее тогдашних руководителей (следовало бы писателю назвать их поименно — имена таких ученых знать надо всем). Ссылками на начальство им не отделаться. Но сам Зубр не огорчился. Не получилось, ну и ладно.

Ведь, не будучи в Академии наук СССР, Зубр был действительным членом академии немецкой, почетным — американской, итальянского общества биологов, Менделеевского общества в Швеции, генетического общества Британии и т.д. В 1965 году он получил Кимберовскую медаль, она генетикам заменяет Нобелевскую премию, которой для биологов нет. Все это было Тимофееву приятно, но относился он к этому с должной иронией. Он с удовольствием показывал большой золотой диск Кимберовской медали и его бронзовую копию: «Копия предусмотрена на тот случай, если золотой оригинал придется загнать для пропитания, то есть предполагается будущая нужда и безработица награждаемых корифеев...»

Человек науки, Зубр не знал административных нормативов и не хотел с ними считаться. Не видел смысла в собраниях, в соревновании, в общественной работе. «Что же получается, — ругался он, — сдать научную работу до тридцатого декабря? А если я сдам второго января? Какое это имеет отношение к науке? При чем тут, к чертям собачьим, научная работа?»

Преданность науке неразрывно была связана у Тимофеева с порядочностью. Для русского ученого-интеллигента порядочность значила не меньше, чем отношение к истине. Знаменитый русский физик Лебедев, рассказывает Гранин, к 1911 году с великим старанием собрал первую русскую школу физиков. Но тут, во время событий в Московском университете, в знак протеста

против действий царского правительства ушел с поста проректора известный ученый-биолог Мензбир. Вместе с ним подали в отставку Н.А. Тимирязев, В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский. Перед Лебедевым вопрос стоял очень остро. Оставить лабораторию, наконец-то оборудованную, бросить цикл начатых работ? Да и куда идти, ведь других физических институтов в Москве нет. На что жить? Лебедева уговаривали. Ему простили бы отступничество, потому что все понимали особенность его положения. Мучился он, мучился и все же тоже подал в отставку, ушел из университета. Понимал: он сам себе не простит. Он не мог не присоединиться к протесту тех, кого считал порядочными людьми, хотя, как и сам Мензбир, политикой никогда не интересовался. Ведь подлинный ученый не может не быть порядочным человеком. Непорядочный будет завидовать, начнет бороться с опережающим его коллегой, порочить его и клеветать, может скатиться к плагиату, к подтасовке данных, к подгонке выводов под чьи-то решения... В итоге, как правило, усиливается творческое бесплодие. Ни Кольцов, ни Вавилов никогда не позволили бы себе использовать непорядочные приемы в научной борьбе. А вот Лысенко и подобные ему «ученые» позволяли. И итог в конце концов один: есть люди науки, а есть те, кто оказался за ее бортом. Как несовместимы гений и злодейство, так несовместимы наука и непорядочность. Нет сил быть порядочным — уйди из науки.

Тимофеев говорил, что надо всегда быть готовым к смерти. А это означает, что ничего нельзя откладывать «на потом». Надо всегда совесть держать в чистоте перед самим собой. Смерть ведь ужасна, когда умираешь со стыдом за годы, прожитые в

суете, в погоне за славой, за богатством. Поэтому проверять совесть мыслью о смертном часе надо всегда.

И еще одна сила двигала Зубром — верность предкам, патриотизм, любовь к Родине. Если их понимать не в административно-официальном смысле, а в том высоком духе, который выразил Лермонтов в восхитившем Добролюбова стихотворении «Родина».

Предки, Родина, Россия, долг перед ними — были составной частью личности Тимофеева. В гражданскую войну он пошел в Красную армию вовсе не ради науки, порядочности и тем более не ради политики. Коммунистом он не был. Беляком — тоже. А воевал он из убеждений скорее патриотических: лезут на Россию разные прохвосты... Сам Тимофеев был убежден, что именно это первичное чувство сделало их — бойцов Красной армии — непобедимыми...

Ему хотелось как-то приблизить биологию к нуждам народа, к хозяйственным заботам народа. Он поэтому стал создавать в Москве Практический институт. Кстати, его отец когда-то, после блестящей защиты диссертации по астрономии, пошел строить железные дороги, видя в них удар по отсталости, путь в будущее страны.

А когда фашисты напали на СССР, Тимофеев уже не смог замкнуться в науке. Разрушительной стороны войны он не признавал. Не дело ученого — бросать гранаты. Более эффективно не убить десяток-другой мерзавцев, а спасти хотя бы одного человека. И он спасал. По подсчетам Гранина, спас не менее ста человек. Происходило невероятное: в самом центре Германии жил и действовал, рискуя жизнью, русский патриот. Нерв страха у него был. Но было мощное начало, подавляло даже страх: стремление быть самим собой. Он ничего не мог поделать с этим.

Патриотизм Тимофеева был интернационален. Безразлично, кто ты — татарин, эстонец, китаец, поэтому он, не задумываясь, с неумелым акцентом рассказывал армянские, еврейские анекдоты и первым хохотал, высмеивая америнашек, итальяшек, армяшек. Больше же всех от него доставалось русским, и никто его ни в чем не мог заподозрить. Когда фашисты дошли до поисков у ученых еврейских бабушек и прадедушек, Тимофеев и его жена без колебаний организовали изготовление фиктивных документов о расовой полноценности. Интернационализм — черта подлинной науки. На разного рода международных биологических и физических сборищах — симпозиумах, коллоквиумах ученых никогда не интересовало вероисповедание коллеги, его политические взгляды, тем более национальное происхождение. Какая разница, еврей — не еврей, сколько в нем течет еврейской крови; важны были талант, добросовестность, умение решить задачу, найти истину. Антисемитизм был отвратителен Зубру как подлинно русскому интеллигенту. Отвращение к антисемитизму он впитал вместе с отвращением к черносотенству, к поповщине, к этим смердящим союзникам русского самодержавия.

Человек, во многом западный, он был и глубоко русским. Рациональность сочеталась в нем с «любовью к отеческим гробам». Это была, отмечает Гранин, петровская натура с тем отличием, что он высоко ценил людей.

Он считал, что Родина — не страна, а нечто большее — некий мир. Существует арабо-иранский мир, латиноамериканский мир. И существует Россия. Я почти дословную трактовку встречал в книге известного русского откупщика прошлого века, интереснейшего человека своего времени Кокорева: «Россия — это

целый мир, если сумеет разрешить ее проблемы — то тем самым будет получен рецепт для всей планеты».

Россию Тимофеев понимал широко — как те основатели нашей партии, которые сознательно назвали ее не Русской, а Российской — РСДРП, и те основатели советской государственности, которые главную республику СССР назвали Российской Федерацией. Они принимали как факт то наследство Российской империи, которое состояло в многовековом сожительстве народов под одной крышей. Самое противоречивое, варварское объединение народов в одну страну в чем-то прогрессивнее бесконечно воюющих друг с другом самостоятельных королевств, ханств или республик.

Принципы Тимофеева, казалось, органически увязывались друг с другом. Порядочность органически дополняла беззаветную преданность науке. Любовь к Родине и долг перед многовековой вереницей предков были столь широки, что исключали шовинизм и национализм и тем самым не противоречили ни науке, ни порядочности.

Казалось бы, что Тимофееву суждена ясная и спокойная жизнь великого ученого и незаурядной личности.

КОМПРОМИССЫ

Но Тимофееву пришлось жить в XX веке, в великую переломную эпоху перехода от старой социальной системы к новой. И вопрос об отношении к социальным проблемам, или, говоря словами Гранина, к политике, стал неотвратимым.

После гражданской войны перед Тимофеевым распахивались двери в многообещающие кабинеты с высокими креслами. Родители — терпимые, не буржуи, отец — инженер. Молодой,

отличившийся на фронтах красноармеец. Студент. В то время слово «студент» было очень почетно, означало передовое и демократическое. Родственник знаменитого Кропоткина. Язык хорошо подвешен. Оратор — это многое тогда значило. Было время горластых, отчаянных. Он вполне годился для быстрого восхождения в большое начальство.

Но выбор науки predetermined отношение к политике. И учитель Тимофеева — Кольцов, и учитель Кольцова — Мензбир считали, что нормальная научная работа полезнее любой политики. Наука имеет неизмеримое преимущество перед политикой, где истина сегодня одна, завтра — другая. А наука не разочарует, не обманет. Познание природы, ее тайны — бесконечно увлекательно, ограждает от всего.

Зубр не понимал, почему все сердца не ликуют от открытия хромосомы и двойной спирали и почему неблагодарный обыватель ставит памятники Черчиллю, морякам-десантникам, киоскеры продают открытки с портретами «Битлз», толпа любителей выпрашивает автографы у Карпова. Что это за мир, где прыгунов и генералов знают лучше, чем гениев, разгадавших шифр природы?

Наука начала XX века еще была свободной от влияния власти. Святая любознательность — единственный двигатель науки. И эта наука еще могла позволить себе высокомерно третировать политику: «Любая политика — грязь. Мы с вами не политики. Нам, ученым, хорошо там, где есть условия заниматься наукой».

Пример русской эмиграции, на которую Зубр посмотрелся за время работы на Западе, укреплял его отрицательное отношение к политике. На всю жизнь большинство эмигрантов было

напугано всяческой политикой. Одно слово «политика» вызывало у них тошноту. В ней они видели причину всех своих бед.

Повесть Гранина переполнена такого рода примерами. О водке для фашистских начальников. О визите с женой к высоким чинам с просьбами за арестованного сына. О жульничестве с отчетами в Миассове, из которых исчезали упоминания об опытах над дрозософилами. О занятиях сотрудников лаборатории, посвященных передовому учению Лысенко. Сам Зубр об этом всем рассказывал, не стесняясь, не выгораживая себя. Что бывало — то бывало: и воровал, и мошенничал, и побирался. И покровительством В.Д. Бонч-Бруевича попользовался, чтобы устроиться на «хлебную» работу в артель грузчиков. И в хор ради второго пайка записывался. Но все эти частности только на первый взгляд не вяжутся с принципами верности науке, с принципами порядочности и патриотизма. Не вяжутся, если эти принципы понимать мещански прямолинейно. А на деле все эти компромиссы не умаляют образа Зубра. Напротив, подтверждают его реальность. Ибо ходячие добродетели бывают только в запрограммированных целевыми заданиями жизнеописаниях — религиозных ли, революционных ли, безразлично.

Но политика заставила Зубра принять решения кардинальные. Скрыться ему от политики не удалось. Именно политика столкнула между собой те принципы, которым следовал Тимофеев. И, столкнув их друг с другом, заставила бескомпромиссного Зубра мучительно искать компромиссы.

Невозвращение в СССР перед войной было решением Тимофеева в пользу **науки**.

Его фашисты не трогали: так велика была уже слава его как ученого. Да и образ профессора, погруженного в какие-то

исследования над мухами и птицами, помогал Зубру. Раскованный стиль его поведения втиснутые в мундиры чиновники рейха воспринимали как признак своего рода ненормальности, шутовства. Зубр не сотрудничал с фашистами. Это было своего рода невмешательство. Я занят наукой, вы меня не трогайте.

Но попытка отойти от себя, от всех своих принципов в пользу одного — дорого обошлась Зубру.

Казалось бы, исследуй, твори, ищи. Но тут-то со всей силой обнаружилось, что Тимофеев вовсе не фанатик науки, не аскет, не человек одного принципа. Восставал его принцип **порядочности**.

Дома бьют единомышленников, а ты тут у микроскопа, у фашистов за пазухой. Но вернуться в СССР, погибнуть в бесчестии, как враг народа, ради чего? И в то же время отсиживаться здесь? Кажется, для науки уцелел. Прав. Принял мудрое решение. А что толку в этой правоте? От такой правоты самому становится тошно. На похороны любимого учителя, Н.К. Кольцова, и то не смог поехать. Стыдно, гнусно...

Но политика не уставала наносить удары. Следующий: по еще одной из его жизненных основ — по **патриотизму**.

Нападение Гитлера на Россию окончательно взорвало мир Зубра. Попытка превратить науку в единственную ось жизни, в убежище не стала выходом для такого человека, каким был Тимофеев-Ресовский.

Платой за попытку компромисса в пользу науки и в ущерб патриотизму и порядочности стало... нежелание заниматься наукой. Работать в чистой науке он, как выяснилось, **не может**.

Никто не мешал ему в условиях войны заниматься своим делом. Но — что-то испортилось в нем самом. Интерес к работе

пропал. Он что-то говорил, подписывал, но душа его оцепенела, ум бездействовал. Похоже было, что он потерял цель. Беспробудно пил и пил.

Даниил Гранин прекрасно уловил и описал крах попытки Зубра стать только человеком науки. Пересилить себя Зубр не мог. Он не мог перестать быть патриотом, прекратить быть порядочным человеком. Он не то чтобы не хотел. Он именно не мог — как не мог превратиться в носорога герой пьесы Ионеску.

Плату за компромиссы вносил он всю жизнь. Платой стала и жизнь его сына. И хотя отец твердил: «Твое дело — наука. В ней ты можешь больше всего совершить», — сын избрал путь прямой борьбы с фашизмом. Любовь к Родине сын мог воспринять только от отца. Гибель сына в гестаповских застенках Тимофеев воспринял именно как кару за свою попытку начать служить чистой науке. Если бы он не остался... Если бы он уехал домой... Он сам, возможно, погиб бы, но не сын... Если бы в гордыне своей не возомнил, что он — гений науки, принадлежит только ей и нет ничего выше науки. Возмездие настигло Тимофеева. Неумолимое возмездие. Возмездие за компромиссы.

Сын был последней каплей, позволившей Зубру окончательно понять себя. Он не сможет никогда и нигде быть человеком чистой науки. Он не может быть иным ученым, кроме как русским, кроме как в России. Если уж сын на чужой земле выполнил долг перед предками и Родиной, то ему остается только один путь — домой.

В конце войны судьба подвела его еще к одному перекрестку, который должен был определить его жизнь. Политика вновь безжалостно разрушила его мир, его жизнь, его личность, бросив на одну чашу весов перспективу уехать ради науки в США, а на

другую опять-таки патриотизм и порядочность. Как и в 1937 году. Но сам Зубр был уже другим. Перед весами стоял человек, уже сделавший выбор в прошлом в такой же ситуации и уже испытывавший всю меру возмездия.

С точки зрения научных исследований, с точки зрения познания Природы, казалось, надо было принять предложение уехать на Запад, работать в США. Посредник к тому же сообщил, что в СССР в заключении погиб гениальный Вавилов. Что ждет Тимофеева в стране победившего Лысенко?

Но Зубр уже потерял сына. Он знал от друга, занятого атомными исследованиями, об охоте американцев за всеми учеными, хоть как-то способными участвовать в атомных разработках. Знал о варварской бомбардировке немецких городов, в которых были лаборатории, ради стремления помешать русским хоть чем-то воспользоваться.

Зубр уже видел в лицо фашизм. И не заблуждался в вопросе о судьбе чистой науки в руках маньяков.

И если логика человека науки говорила за отъезд в США, логика человека, поколения предков которого служили России, столетиями укрепляя ее, говорила о другом. Влиял и выбор, сделанный им еще в 1918 году: есть только одна родина, и если на ней советская власть, надо защищать и эту родину, и эту власть. Как служили любым царям — и прогрессивным, и реакционным, и умным, и кретинам — его предки. Зубр мог заниматься наукой или дома, или за рубежом — но только пока считал себя частью русской науки.

И Тимофеев принял решение. Он сохранит и лабораторию, и ученых (в том числе особенно нужных для будущих атомных исследований в СССР физиков) до прихода Красной армии. Чего

бы то ни стоило это ему лично. Зубр не примеривался, где выгоднее, где лучше. Это даже не был выбор. Он чувствовал, как сильны в нем его корни. Что они — часть его самого. Без них он погибнет и как ученый. Теперь уже ничто не могло сдвинуть его с места. И хотя под мощным прессом пропаганды человеку практически устоять невозможно, Зубр устоял.

Для понимания Зубра его отказ уехать в США имеет принципиальное значение. Зубр — это не только ученый, но и патриот. Без этого его не понять. Чистый ученый уехал бы, но тогда это был бы кто-то другой, не Зубр.

Сделав выбор в пользу Родины, он остался и в науке. Вернувшись на Родину, он вернулся и в науку. Ибо его Родиной была русская наука.

Казалось бы, наука не знает границ. Ей все равно, где открыли ген — в Канаде или в Японии, важно — когда. Она интернациональна по своему смыслу, по своей ориентации на объективную истину. Какая ей разница, где работал бы Зубр — у нас или в США. Больше того, в США он, возможно, даже избежал бы и лагеря, и многих других обид и неприятностей. И польза от него для науки была бы больше. Но для людей типа Зубра этот вариант был невозможен. Нигде он не смог бы работать для науки так, как дома. Школу учеников не смог бы создать. И вполне справедливо он говорил на своем юбилее: «Вы мне не нужны, но жить без вас я не могу. И то, что я прожил последнее десятилетие в обществе, которое мне дороже всего, и нет мне никого ближе вас, — это утешение, которое мне дано было на склоне лет».

Но и за этот вариант пришлось платить. Платить осуждением, платить лагерем (в «случайность» которого трудно поверить, так как по опыту других ученых известно, что это был механизм,

призванный сделать «сговорчивее» и «покладистее» интеллектуалов). Платить фактическим уходом из научного мира в подполье. Лишением на годы возможности что-либо напечатать для всех, для науки. Платить ограничением тематики исследований областями, связанными с атомным оружием. И как ни убеждает нас Даниил Гранин (и как, скорее всего, ни убеждал себя сам Зубр) в благородстве тематики, связанной с радиационной защитой, мы хорошо понимаем, что работа над щитом так же служит войне, как и работа над мечом. Сегодняшняя дискуссия о звездных войнах подтверждает эту мысль.

ГЛАВНОЕ В ЗУБРЕ

Даниил Гранин пишет, что он хотел описать Тимофеева не как ученого, а как человека. Вопрос, который поставил себе Гранин: «Что за сила удерживает человека, не позволяет сдаться перед злом, впасть в ничтожество, потерять самоуважение, запрещает пускаться во все тяжкие, пресмыкаться, подличать?» — этот вопрос и считаю основным.

Но объяснение и ответ Гранин ищет в уникальности, неповторимости Тимофеева, в том, что он Зубр. Это верно, но только как первый итог, я бы сказал, как итог художественного осмысления личности. Но я вижу в Тимофееве и большое базисное явление эпохи.

Перед вступлением в армейский хор Тимофеев явился сдать свой японский карабин, который долго добывал, очень любил, хранил во всех перипетиях гражданской войны. Его повели к коменданту Москвы: показать образцового красноармейца, который в тифозном бреду сумел сохранить свое оружие и патроны.

«Почему вы сдали свой карабин, если он был вам так дорог? Ведь тогда можно было его оставить?» — спросил Гранин Зубра. «Можно-то можно, но ведь был приказ сдавать». Ответ потряс Гранина. Для Зубра приказ был приказом, закон был законом. Правильный, неправильный, но исполнить надо, раз это закон. Странная законопослушность бунтаря. Писателю эта его черта — законопослушание — кажется чем-то необычным, диссонансом.

Но через много лет отношение Зубра к своему осуждению в 1945 году показало, что он стоит на той же точке зрения. Когда после 1956 года начались реабилитации, Зубр никогда никаких заявлений не подавал. Гранин отмечает: «Ну кто мог бы подумать — законопослушность. Качество, которое, оказывается, было ему свойственно так же, как еретичность. Судебный приговор, например, он принял за должное. Был закон о невозвращениях? Был. Нарушил он этот закон? Нарушил, все».

Я полностью согласен с выводом автора повести. Речь идет не о случайности, а о черте, **свойственной Зубру**. Согласен и с тем, что законопослушание — **черта такая же фундаментальная в Зубре**, как его еретичность.

Я заметил, что эта черта вообще свойственна многим ученым-естествоиспытателям. Возможно, она вытекает из их подхода к природе. Если есть незыблемые законы, им можно только следовать. Борьба с ними — это значит опуститься до изобретателей вечных двигателей. Но при такой позиции нетрудно и государство, и его законы воспринять как часть внешнего мира, как нечто объективное.

На законопослушность Зубра не могли не влиять, помимо науки, его патриотизм, образ жизни предков. Те тоже воспринимали социальный строй и властителей Российской империи

как нечто данное, «бунтуя» во вполне очерченных пределах. Это хорошо видно из рассказанных Зубром историй, с любовью, добросовестно собранных Даниилом Граниным, правильно почувствовавшим в них объяснение одной из базисных черт Зубра, одну из его основ.

Зубр при всем его бунтарстве, при всей его самостоятельности, при всей самобытности, при всех своих принципах на протяжении всей повести никогда, ни разу не выступает ни против социального строя новой России, ни против той Административной Системы, которую принял социализм на первом историческом этапе своего развития.

Мы подходим к очень важной характеристике Зубра. К сожалению, автор повести, точно выявив «законопослушание», не стал разрабатывать эту тему. Возможно, ему помешало личное знакомство с Зубром. И близкое созерцание ослепительного фейерверка его уникальных поступков как-то заслонило тот факт, что Зубр **принимал** Административную Систему, **подчинялся** ей, признавал ее руководство, признавал ее право назначать ему **руководителей**, издавать обязательные для него законы и нормы. Я не знаю, ходил ли он на избирательные участки, но в целом факт полного признания им Административной Системы очевиден. Против строя он не выступал, политические обвинения строю не выдвигал.

А ведь он жил в эпоху «перегибов» и видел все, что видели все. Однажды, обиженный обвинениями, Зубр вдруг налился кровью и закричал Гранину: «А вы как все это сносили?» И, тыча в меня пальцем, стал предъявлять мне такое, что у нас давно условились не ворошить, затолкали по углам, прикрыли». И так, и знал, и видел, и возмущался — и все же терпел.

Когда я говорю об отношении Зубра к политике, к Системе, я имею в виду не мысли про себя, не разговоры с женой и не треп с близким другом. Речь идет об общественных действиях. А с этой точки зрения Зубр был законопослушен.

Если бы я был врагом Зубра, я бы на констатации этого факта остановился и с удовольствием ткнул бы и учеников Зубра, и писателя в этот базисный факт. Смотрите: в главном-то ваш Зубр ничем от всех тех, кто прожил эту эпоху, не отличался.

Но повесть Гранина о Зубре тем и замечательная, что она позволяет вскрыть особый тип жизни Зубра в Административной Системе. Это был своего рода **генеральный договор**.

Такого человека, как Тимофеев — и как ученого, и как патриота, и как незаурядную личность, — просто так никто и никакими мерами насилия не мог бы принудить к признанию Административной Системы. Тем более нельзя было его подкупить. Поэтому мог быть только договор, соглашение, разумеется, не явное, подписанное, но достаточно четкое.

Административная Система строит социализм. Социализм для России — это обобществление, дележ собственности и т.д. Это все вряд ли могло хотя бы отдаленно интересовать и привлекать Зубра. Но Система официально объявила, что социализм — это новая материально-техническая база, это индустриализация, это экономически независимая страна, обороноспособное великое государство. И всего этого она обязуется достичь в кратчайшие сроки.

Нетрудно понять, что **такие** лозунги были понятны всем людям науки, тратившим в прошлом десятилетия на то, чтобы создать лабораторию, а затем всю жизнь на малореальные попытки внедрить на родине хотя бы частицу добытого в исследованиях.

Такие лозунги были понятны любому патриоту России, пережившему позор Севастополя 1855 года и Цусимы 1905-го, позор августа 1914 года. Ради таких целей можно было идти работать и к советской власти.

Именно характер целей, которые поставили перед собой Административная Система, ее реальная решимость достичь их стали основой генерального договора Зубра с Системой.

Система позволяет ему заниматься наукой, ждет от него результатов. А он остается на земле предков и — как и они — служит своему народу, своей стране.

Она позволяет ему быть человеком науки и русским патриотом. Более того, она создает для его научной работы условия — и прямо помогая науке, и в широком смысле начиная строительство, которому без науки и ученых не обойтись.

А что требует Административная Система от Зубра?

Зубр признает политический строй, соблюдает его законы, никогда и нигде не выступает против него.

Зубр не входит в новую политику, обрекает себя на политическую пассивность, выходит из этой игры. Он становится винтиком с точки зрения политики.

Зубр шел на соглашение не ради себя и своих выгод. Эти вопросы он бы полнее решил за рубежом. И даже не ради самой науки. И ее, скорее всего, легче было развивать за границей. На соглашение он шел потому, что оно давало возможность **развивать науку в России и для России**. Соглашение соответствовало ряду важных базисных принципов таких людей, как Тимофеев.

Если бы я описывал жизнь созданного Александром Бекон металлурга академика Челышева, я бы на описании этого компромисса и остановился. Я бы сказал, что Челышев строил

домны, а Система возвеличивала Чельшева. Оба выполняют условия соглашения. Она строит завод за заводом. А он обеспечивает их научными разработками, полностью признает ее руководство и молчит, когда в газетах в его статьи вписывают здравницы Сталину и когда речи с этими же здравницами ему вручают перед самым выступлением с трибуны. Творец в науке и винтик в политике. Мы бы, конечно, заметили, что порой академику Чельшеву было трудно (его сняли с поста заместителя министра). Но все это показалось бы нам не главным. Так сказать, издержки. Возможно, даже вероятно, так это казалось и самому Чельшеву.

Повесть Гранина о Зубре замечательна тем, что на позволяет пойти дальше: вскрыть анатомию соглашения, позволяет глубже понять и Зубра, и Административную Систему.

И первое, на что надо обратить внимание: это был не просто договор. Это был компромисс. Более того, это был противоречивый компромисс.

Соглашаясь на роль политического винтика, исключая себя из политики, признавая законы и их представителей, Зубр, безусловно, ограничивал себя — и как ученый, и просто как порядочный человек, и как личность.

Но и Административная Система шла на компромисс. Она обязана строить, внедрять, эффективно развивать экономику, этого ждет от нее Зубр, без этого он не будет работать на нее. А ведь всякое обязательство перед кем-то — пусть даже соответствующее ее желаниям — чуждо Системе, претит ей. Она не может принимать обязательства, она может только даровать, благодетельствовать, попечительствовать. А тут ей пришлось идти на компромисс.

Более того, она признавала право Зубра в своей профессиональной области **творить**, т.е. следовать **не ее, а его собственным** правилам. А признание любой независимости, любого непослушания — даже и ученого — органически чуждо сути Административной Системы.

И наконец, Административная Система имела свою идеологию, свою философию. А право ученого развивать свою **науку** без всяких догм — только так может жить Наука — неизбежно сталкивалось с правом Системы объявлять свою идеологию единственно верной и, что важно, конечной, сформированной в отточенных положениях, изложенной канонически, годной только для изучения и постижения. И опять нужен был компромисс. Ученый заявлял о своей общей верности идеологии, а идеология как бы соглашалась с тем, что прямо им она не будет командовать.

Сущность Зубра, если его брать как **общественное явление**, не в незаурядной яркости его личности, не в его преданности науке, преданности Родине, преданности принципу порядочности. Сущность Зубра — в его генеральном соглашении с Административной Системой, в его согласии быть **политическим винтиком** общества ради возможности остаться **творцом в науке**.

Зубр довел борьбу за свой участок, за профессионализм до максимума возможного в рамках признания общего руководства Административной Системы. Зубр довел тем самым свою роль пассивного винтика до **максимума**. Зубр соответственно вышел на ту грань, где уже нужна постоянная готовность пожертвовать собой ради профессионального дела жизни.

Сущность Зубра, его феномен — именно в том, что на своем профессиональном участке он оставил за собой и право, и обязанность бороться за то, что он считает правильным. И не только с отдельными

лицами, но, если надо, со всей Административной Системой. Здесь, на своем поле, он вправе даже нарушать ее правила. Этот законопослушник в целом здесь, на этом участке, остается бунтарем и борцом. Он мог полностью признавать Систему в целом — но только до тех границ, где она начинала мешать его науке, его исследованиям. Сдаться здесь — значило для него потерять свою личность.

Независимость Зубра имела четко очерченные пределы. Это — не повод укорять Зубра. Это факт, из которого надо исходить. Это одна из главных черт Зубра.

Зубра надо брать таким, каким он был. Он и сам так к себе подходил: не приукрашивая, не поддельвая. Все его принципы, все его действия были частью его характера. Без них он стал бы другим.

Вопрос, о котором шла речь выше: «Что за сила удерживает человека, не позволяет сдаться перед злом, впасть в ничтожество, потерять самоуважение, запрещает пускаться во все тяжкие, пресмыкаться, подличать?» — по-моему, требует такого ответа: Зубр не погиб, не был уничтожен и в то же время сохранился и как ученый, и как личность потому, что пошел на генеральное соглашение с Административной Системой. Сущность Зубра — в его генеральном соглашении с Административной Системой, в его согласии быть политическим винтиком общества ради возможности остаться творцом в науке.

ЗУБРЫ НА КАЖДОМ ШАГУ

Даниил Гранин — как и положено художнику — воссоздает индивидуальность Тимофеева (отдавая и долг справедливости этому выдающемуся человеку), а меня интересует то общественное явление, которое сделало Тимофеева Зубром. Зубр для меня — это преданный своей профессии человек, который

согласился на роль винтика в политике, не имея другого варианта сохранить право остаться творцом в своей профессиональной деятельности.

Но если так понимать сущность Зубра, то насколько Тимофеев уникален? Другими словами, был ли Зубр одиноким белым китом в безбрежном океане эпохи?

Писатель хочет нас в этом уверить. Но Гранин писал правдивую и документальную повесть. И в эту правду надо взглядеться.

Вот в биологии, помимо Зубра-Тимофеева, мы видим Зубра-Вавилова. Разница между ними только в личной судьбе. Но ведь эта разница зависела не от них. При определенном стечении обстоятельств могли оба погибнуть; могли оба уцелеть.

Выступал ли Николай Иванович Вавилов когда-либо против социализма, против советского строя? Разумеется, нет. Врагом народа объявили его холопы Административной Системы, выведенные из себя его твердым желанием не уступать ни на шаг в профессиональном деле своей жизни, подавленные своей неспособностью хоть как-то ему аргументированно возражать, раздавленные тем, что в споре с ним они демонстрируют не только неправильность принятого Системой курса (это они стерпели бы), не только свою бездарность и бесталанность (это уже было обидно), но и свою непригодность быть на постах в Административной Системе (а это уже совершенно недопустимо). Ибо у Системы выбор большой, она может начать искать других холопов, не столь явно проигрывающих в споре с Вавиловым. Раз под вопросом уже мое место, то тут уже остается одно — попытаться приписать Вавилову уголовные, а еще лучше — политические проступки и устранить оппонента любой ценой.

Вот Владимир Иванович Вернадский. Даже Зубр с трепетом и восторгом смотрит на этого гиганта. Это, если говорить о форме, даже не Зубр, это просто Мамонт. А по сути это именно Зубр. Он тоже признал Систему. Он согласился работать на нее. И он тоже сохранил право жить и работать так, как считал правильным. Его не смущали ни отъезд за границу в годы революции, ни возврат в СССР. Он ни в чем не отступал в своей науке, даже в столь одиозно выглядевшей на фоне идеологической нетерпимости Административной Системы теории вечности Разума во Вселенной — не в виде Бога, а виде пронизывающих мировое пространство частиц.

Но опять-таки, быть может, Вернадский — явление еще более древнее, чем сам Зубр? Опровержение опять-таки идет от самого писателя. Гранин пишет о Петре Леонидовиче Капице. Мне выпало счастье познакомиться с ним. Мне, экономисту, он рассказывал о Майнарде Кейнсе, которого лично знал во времена жизни в Англии. Что я мог знать о Кейнсе в годы, когда «кейнсианство» означало целиком что-то безобразное, неприкасаемое. Мы глубоко верили, что на все тысячи ситуаций в экономике многотысячные коллективы работников министерств, главков, трестов выработают тысячи конкретных, деловых приказов. И не хотел видеть, как у Майнарда Кейнса, одного-единственного рычага процента — вполне достаточно, чтобы разом — без комиссии, без заседаний, без тысячи чиновников разрешить массу конкретных хозяйственных ситуаций.

Но я отвлекся. А на страницах повести Даниила Гранина рассказывается о конфликте Петра Леонидовича со всемогущим Берией. И не по вопросу о политике. По вопросу профессиональной работы Петра Леонидовича. Обрушившиеся на Капицу

репрессии не смогли заставить его уступить. Он просто не мог уступить в этом вопросе. Это был типичный Зубр. Только при таких условиях он когда-то признал Административную Систему и не мог **иначе** на нее работать.

Может кое-кто возразить: Капица работал на бомбу. Он мог себе позволить. Ведь пишет же Гранин о том, что физики тогда уже жили по иным законам, спорили с начальством... Но, во-первых, Капица «на бомбу» прямо никогда не работал. Во-вторых, опять мне на помощь приходит сам Гранин. Он пишет о профессоре Ляпунове. Ляпунов ведь тоже признавал Административную Систему. Он прошел всю войну — от звонка до звонка. Боевой офицер. И тем не менее, когда интересы науки потребовали, открыто выступил в защиту и кибернетики, и генетики.

Вот галерея ученых, боровшихся с Лысенко. Профессор, вставший среди переполненного зала и заявивший в лицо президиума: «Я морганист». Академик, поднявшийся на трибуну, чтобы высмеять Лепешинскую, осеняемую ореолом революционной семьи, увенчанную Сталинской премией, возведенную Административной Системой чуть ли не на пьедестал гения науки. И все они Зубры.

Повесть Гранина «Зубр» посвящена ученым. Но есть в ней очень и очень примечательный эпизод.

Речь идет о начальнике Зубра в секретной лаборатории в Миассове, Уралце. Нетрудно догадаться, в каких органах он работал, кто и зачем его назначил, кем он сам был. Но Уралец считал, что на **своем** участке он должен делать дело. Дела он не знал. И, не стесняясь, попросил Зубра вести с ним занятия по генетике: слушал, читал, конспектировал. И он понял то, чего не хотели или не могли понять сотни чиновников всех уровней.

А, уяснив смысл генетики, он уже не мог на своем участке действовать против нее. Это значило, по его понятиям, наносить вред стране.

И он пошел на то, чтобы сохранить несчастных дрозофил. Продолжать опыты. Фальсифицировать отчеты. А ведь он знал, что Тимофеева в самом худшем случае переведут в другую лабораторию. А вот ему, назначенному за тем, чтобы следить, пощады не будет. Для него это будет конец, и — по тем временам, — скорее всего, не только карьеры.

Но Уралец, судя по фактам, саму свою обязанность **следить** понимал так же, как Тимофеев свою обязанность **исследовать**: как долг действовать в интересах дела, как долг перед народом, как свое право действовать на своем участке **самостоятельно**. Вплоть до невыполнения прямых директив сверху — если он видел, что интересы дела требуют иного. На своем участке ради выполнения своего долга он пошел на прямое столкновение с Административной Системой. И Гранин справедливо назвал его полным именем — Александр Константинович. Ибо перед нами... тоже Зубр. Совсем в другой области, казалось бы, полностью исключающей саму возможность проживания Зубров. Значит, были Зубры даже в ведомстве Берии.

В повести Гранина мы видим еще одного человека, о котором нельзя не сказать, — Авраамия Павловича Завенягина, тогда заместителя наркома внутренних дел. С глубоким уважением отзывался о нем Зубр. Завенягину мы обязаны тем, что Зубр избежал судьбы Вавилова. Он отстоял Зубра, оставил его в науке. Мы можем только догадываться, что это было нелегко. Но похоже, что и Завенягин был своего рода... Зубром. На другом посту, в другой сфере, но именно Зубром.

Так, воссоздавая, казалось бы, уникальную историю жизни Тимофеева-Ресовского, Гранин сам познакомил нас с Зубрами. Биологи и физики, математики и кибернетики, ученые и администраторы, даже работники самих органов безопасности. И если даже в одной документальной повести их оказалось так много, то нетрудно понять, что в жизни их было гораздо больше. Они были везде. На каждом шагу.

Правы ли были все эти люди, избрав путь генерального соглашения, избрав путь компромисса?

В.И. Ленин оставил нам образцы не только бескомпромиссной борьбы, но и выдающихся компромиссов. Уже первое приглашение его молодости — с легальными марксистами — позволило победить народников. Потом — работа в любых легальных организациях, чтобы укрепить нелегальную партию. Выдающийся компромиссами были и Брестский мир, и нэп. А в широком смысле — весь наш строй, как социализм, основанный на союзе рабочих с крестьянством. Лозунг «Никаких компромиссов» Ленин считал левым ребячеством.

Конечно, через века светит и вдохновляет образ Джордано Бруно, который пошел на костер ради идей Коперника. Бруно был агитатором, и для главного дела его жизни — проповеди нового — такой путь был правильным. А Галилео Галилей пошел на компромисс — отказался от идей в застенках инквизиции, чтобы продолжать опыты. Опыты были главным делом его жизни. И в развитие научной картины мира он внес вклад именно своими открытиями, а не своим отречением.

У Зубров было сколько угодно вариантов пойти против Системы и погибнуть. А вот вариант жить и работать, делать дело, которому посвятил жизнь, был один. Чтобы жить, Зубрам

требовалось выдающееся мужество. У меня нет никаких сомнений в правильности избранного Зубром и Зубрами пути. Не сделай они этого, чем было бы наше общество? Скорее всего, мне бы не пришлось писать этой рецензии.

Вот ведь что выходит. Казалось бы, Гранин рассказал о совершенно уникальной личности. Но именно эта неповторимость, **разовость** позволила яснее понять, осмыслить нечто очень общее, характерное. Я даже думаю, что, пожалуй, ослепляющий свет этой индивидуальности позволил яснее увидеть Зубра как общее явление.

Если мы в литературе не видели Зубров, то это вина самой литературы, которая старалась выпатить только одну сторону соглашения — общую верность Системе. Следуй Гранин этой позиции, он бы и Тимофеева изобразил иначе, вписал его в стандартный образ, который уже раньше навязывали и С.П. Королеву, и В.П. Чкалову, и многим другим явным Зубрам.

В повести Гранина упоминается встреча Арцимовича с Тимофеевым в Берлине. Все, что я слышал и читал о Льве Андреевиче, говорит о том, что это был Зубр. Но Тимофееву он руки не подал и, более того, никогда не раскаивался в этом. Прав Гранин, когда он пишет: «В тот год я тоже не подал бы руки русскому, который работал у немцев... Огонь войны очистил наши души, и мы не желали никаких компромиссов. Мы парили над всеми сложностями жизни, свободные и счастливые победители, для которых все просто... Ах, как недолго я был счастливым чистулей. А потом сколько всяких рук и пожимал. Про одних не знал, про других — не верил, про третьих — знал, да стеснялся или не хотел связываться: мне-то какое дело, не суди — да не судим будешь... Подавал руки отъявленным мерзавцам, вымогателям,

ибо от них зависела премия для моих кабельщиков, без них не добыть трансформаторного масла, да мало ли всякой всячины, которая может затянуться петлей, а конец от той петли у них, голубчиков».

А ведь и сам Арцимович «не замечал», что на объектах раз-вертывающегося при его участии атомного проекта работают тысячи заключенных, включая его недавних друзей и знакомых. Не мог он не знать, кем стал для страны курирующий проект Лаврентий Берия. И все же многие, даже такие, как Арцимович, не хотели видеть, что нет принципиальной разницы между ними и Тимофеевым.

Конечно, не надо приукрашивать и лакировать Зубров. Нельзя им приписывать того, чего быть не могло, — попыток преобразовать Систему, создавать им героические ореолы. Ясно и то, что их борьба за свою профессиональную правоту, за правильность ведения дел на своем участке в те годы объективно помогала Системе, укрепляла ее. С Системой они боролись в узком диапазоне, убежденные в том, что защищаемое ими нужно ей самой. Как жена борется за трезвость мужа — ради себя, но и ради него, чтобы сохранить мужа. Законов Системы они не нарушали, в политику не вмешивались. Они хлопали на собраниях в положенных случаях, исправно голосовали на выборах, несли портреты на демонстрациях, получали ордена и премии, благодарили за них. Писал же о Сталине Михаил Булганов. Или не участвовал в подготовке воспоминаний Брежнева Анатолий Аграновский? А кто усомнится, что оба они были Зубрами. Историю надо брать такой, какой она была. Иначе ее не понять.

Но разве можно, спросит иной читатель, объединять вместе Завенягина и Зубра, Уральца и Зубра? Ну, положим, еще Зубра и Капицу...

Действительно, между Зубрами были гигантские различия: и в мотивах, и в сферах деятельности, и еще в очень многом. Но меня сейчас интересует не то, что отличало одну группу Зубров от других. Меня интересуют они как целое. Ибо при таком подходе можно из истории Тимофеева извлечь два очень важных для нас сегодня урока...

УРОК НА ТЕМУ О ПРОШЛОМ

1987 год — год юбилея. Но праздновать его по традициям прошлого уже нельзя. Обстановка, в которой мы его встречаем, да и сами мы — изменились. Это хорошо показала дискуссия на страницах «Правды» вокруг статьи Веры Ткаченко.

Точку зрения, что у Административной Системы в прошлом одни заслуги, теперь встретишь нечасто. Типичен другой подход. Да, были в ней дефекты. Но это частности. Пятна есть и на Солнце. Конечно, обо всех недостатках надо говорить, но нельзя чернить: заслуги несопоставимы с просчетами.

Конечно, в условиях гласности соотношение числителя и знаменателя постоянно корректируется. Цифры победных рапортов вождей Системы становятся ниже. А счет потерям становится все больше. Тем не менее сам этот подход признается верным.

С другой стороны, высказывается крайняя точка зрения. Нет никаких заслуг у Административной Системы. Была сказочно богатая ресурсами страна, трудолюбивые народы. Мешала средневековая монархия. Революция ее сбросила. Взрыв энергии. А Административная Система оседлала все. Остановить жизнь

не могла, конечно. Но без нее успехов было бы неизмеримо больше. Здесь уже становится не ясно, можно ли чтить того, кто брал Берлин, или только того, кто в это время оказался в лагере и не воевал?

Можно понять авторов всех точек зрения. Одним хочется оправдать свою прошлую жизнь.

Другим возместить свои ничем не заслуженные страдания.

Третьи думают уже о будущем. Раз в прошлом в Системе главное — успехи, а ошибки только частные, только отдельных лиц и только в отдельные годы, то как минимум это полностью оправдывает Административную Систему в прошлом. И поможет тем, кто сегодня не хочет расставаться с ней (вернее, со своими постами в ней). Но если Административная Система провела индустриализацию, выиграла войну, восстановила экономику, оснастила экономику, оснастила оборону страны ракетами и атомным оружием — то почему не справилась с ею же поставленной задачей строительства коммунизма за двадцать лет? Почему за четверть века она превратилась в механизм торможения?

Четвертые тоже ради будущего хотят все разрушить, чтобы построить на чистом месте прекрасное новое.

Но все эти точки зрения хотя и понятны, но слишком элементарны для объяснения сложнейшей эпохи. Они не дают полного анализа прошлого и соответственно не вооружают нас перед лицом главной задачи: в чем суть механизма торможения, как его преодолеть, чем его заменить?

И значение повести Гранина и образа Зубра в том, что мы можем полнее уяснить себе еще один аспект того сложного комплекса, который я называю Административной Системой.

Что представляет собой Административная Система в чистом виде? Механизм исполнителей, более или менее активно реализующих директивы Верха. Верху трудно проверить правильность своих директив — ведь опираться можно только на то, что оказывает сопротивление. Да и то, что называется Верхом, становится в Системе все уже и уже. В итоге — пирамида исполнителей. Винтики в идеале послушны, дисциплинированы, добросовестны. В самом лучшем случае они могут быть фанатично преданными. Но такие исполнители, даже фанатики, не могут делать самого главного — творить.

Поэтому в своем логически завершенном виде Административная Система может только реализовывать замыслы Верха. И то — не все. А только те, где не требуется творчества и инициативы, поиска и самостоятельности. Которые допускают исполнителей в виде винтиков данного вида. Система в чистом виде может только подражать, повторять, тиражировать образцы. При этом каждый последующий цикл хуже. Вот почему расцвет Административной Системы не мог стать ничем иным, кроме как механизмом торможения.

Откуда же успехи? Или их нет, или наша картина Системы не верна? Но ведь были и выдающиеся успехи, и в то же время верна и схема Системы. Чтобы понять это противоречие, надо учесть то, что Система **развивалась**. Ее главные успехи связаны как раз с периодом ее **формирования**, а не с периодом **расцвета**.

В рецензии на книгу Александра Бека «Новое назначение» я обратил внимание на чрезвычайно важный для эффективности Административной Системы фактор — проблему внешних кадров. Пока ключевые посты в Системе занимали руководители,

энергия и активность которых были воспитаны не этой Системой, а подпольем и революцией, Система работала с чуждым ей материалом, но более эффективно.

Пока исполнителями были трудящиеся, охваченные взрывом привнесенного из революции энтузиазма, Система тоже работала с чуждым ей материалом, но тоже более эффективно.

А по мере того как уходили и чуждые Системе руководители, и чуждые ей работники, по мере того как она насыщалась выращенными ею кадрами — все больше выступали черты, присущие именно этой Системе. И возрастали ее трудности.

В повести Гранин показал новый фактор, обеспечивающий успехи Административной Системы. Этот фактор — Зубры.

Энтузиазм рабочих и крестьян сам по себе еще не мог привести к успехам в социалистическом строительстве. Революционеры-руководители для побед тоже еще не достаточны. Это выяснилось уже в самом начале гражданской войны, когда было и то и другое, но не было организованной в систему армии.

Нужен был еще один компонент — и этим компонентом были Зубры. Они принесли в Систему то, чего в ней не было, — знания. А подлинное знание возможно только в условиях творчества, самостоятельности, инициативы. Пусть не в целом, пусть только на своих участках, пусть только в пределах своей профессии и своих обязанностей...

Зубры дали Системе свои активно, творчески работающие головы. Они впрягались и тоже тянули груз индустриализации, войны, восстановления. Без Зубров ошибок у Административной Системы было бы неизбежно больше, они были бы гораздо более существенными, их последствия более трагическими.

Чего стоила стране чистка армии от Зубров перед войной или чистка от них генетики? А были бы атомные бомбы или космические ракеты, не привлеки Система Зубров?

Нет ни одного действительно выдающегося достижения прошлого, в которое Зубры не внесли бы решающего вклада. Даже план ГОЭЛРО, названный Лениным второй программой партии, был создан комиссией, подавляющее большинство которой оставляли ученые, в партии никогда не состоявшие.

Именно стойкость Зубров, защищавших правоту своих профессиональных решений, отбивавших идущие порой сверху нелепости, страховали и укрепляли Административную Систему. Зубры создавали, предлагали, убеждали, пробивали одно. Они отвергали, вытесняли, предотвращали другое.

В этом, именно в этом, в Зубрах — еще один главный фактор успехов Административной Системы. Без Зубров Административная Система ничего бы не построила и никого бы не победила.

Известно, что короли снаряжали морские экспедиции, а папы и дожи заказывали картины и скульптуры. Но что можно было бы сказать, если бы юбилей плаваний Колумба или Магеллана, картин Леонардо или скульптур Рафаэля кто-то попытался превратить в чествование королевских домов, пап или дождей тех времен?

Когда я читаю захлебывающиеся от восторга статьи иных публицистов о заслугах Административной Системы, мне кажется, что мы учились с ними в разных школах и по разным книгам. В анализе прогресса и успехов русская литература шла от «Медного всадника» Пушкина, от понимания враждебного рядовому человеку «чудотворного строителя», н «Железной дороге» Некрасова. Как писал, например, Некрасов об одной из вершин тогдашнего

прогресса? На вопрос: «Папаша! кто строил эту дорогу?» — папаша отвечает: «Граф Петр Андреевич Клейнимихель, душенька». Этот верный по форме ответ Некрасов дополнил: «Прямо дороженька, насыпи узкие, столбики, рельсы, мосты, а по бокам-то все косточки русские... Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?»

Некрасов был далек от того, чтобы не видеть и графа — начальника строительства, и купчину, и грабивших строителей грамотеев-десятников, и начальство, которое секло работников и было убеждено, что порка — главный рычаг строительства. Но Некрасов научил нас видеть за всем этим главное — и кто строил, и чего это стоило: «Массы народные, многие в тяжелой борьбе, к жизни воззав эти дебри бесплодные, гроб обрели здесь себе». И вывод: «Благослови же работу народную».

Как специалист по управлению, я, конечно, изучал «эффект организации», открытый еще Адамом Смитом. Я не считаю управление и руководство «нахлебником» и «непроизводительным трудом». Я знаю, что при одних и тех же ресурсах именно от уровня организации зависит разница в результатах. Я знаю, что роль фактора организации гигантски возросла в XX веке и стала решающей в условиях производства, целиком охваченного общественной собственностью. Поэтому именно я менее всего склонен как-то умалять роль Административной Системы как организатора. Но необходимо всегда выяснять, в чем именно конкретно состояла эта роль. Повесть Гранина позволяет нам осознать саму механику руководства социалистическим строительством и выявляет роль Зубров. По важности этот фактор не уступает отмеченным мною выше факторам революционного энтузиазма исполнителей — трудящихся масс и энергии, вынесенной из подполья и революции руководителями-революционерами.

Я далек от мысли следовать тем, которые, по словам Александра Твардовского, «стали нас уверять в иные дни, что имя Сталина этой дали и этой стали не сродни». Но после того урока трезвого анализа успехов прогресса, который оставила нам наша великая литература, становиться на точку зрения «папаши»? Как ученик, «проходивший» в школе Некрасова, я никогда не разучусь на первое место ставить «работу народную».

Не лстецы и фанатики, не винтики и святоши, не шкурники и приспособленцы создали успехи прошлого — те, кто творчески, инициативно, беззаветно работал на своих местах. И среди них наряду с революционерами-руководителями и энтузиастами-работягами Зубры. Уступая, соглашаясь на роль винтиков в политике и во всей Системе, они бескомпромиссно боролись за свое право быть творцами на своем узком участке работы. Успехи прошлого во многом отражают меру успехов Зубров. Там, где и когда Зубрам удавалось больше — будь то на войне или в носмосе, — там успехи значительны. Там, где им удавалось мало — как в сельском хозяйстве, — там и соответствующие итоги. И снова мы видим то, что уже замечено у А. Бена: фактор Зубров чужд по духу Системе. Она их не рождала. Она вынуждена была их привлекать, она их терпела.

Поэтому можно, нужно склоняться перед памятью жертв, но все же главными героями прошлого были не они. Тем более не были героями и чиновники Системы, послушные винтики ее механизма. Героями были те, кто сохранил в Системе черты, ей не свойственные, — на всех уровнях механизма Системы, во всех областях.

Повесть Гранина дает ответ на главный вопрос: как могли жить и работать в ту эпоху честные люди? Им было трудно, очень

трудно. Но они нашли выход. Не простой, не однозначный, но выход. Они и сделали ту «работу народную», которую нам сегодня надо благословлять. Они всё вынесли: и «эту дорогу железную», и саму Административную Систему.

В чем же тогда вклад самой Административной Системы? Что творилось на другой стороне компромисса, противостоящей Зубру? Почему взявшая власть партия пошла на Административную Систему? Чего ей это стоило? Как революционный механизм становился Системой, ломая в переносном и прямом смысле и кости, и хребты?

Руководители партии, взявшей власть и отстоявшей ее в годы гражданской войны, прекрасно понимали, что им не удастся удержать власть в одной стране без современной экономической базы. Нужны крыша и фундамент для дома, в который вселились, необходим поэтому экономический рывок.

В силу всего исторического стечения обстоятельств вне страны и внутри ее; в силу того, что партия и ее опора — рабочий класс составляли гигантское меньшинство в стране, в силу состава кадров руководителей, сформировавшихся в условиях чудовищного гнета и репрессий, провокаций одной из самых мощных административных систем мира, в силу того, что само вступление в партию требовало от человека полного разрыва со всеми нормами, правилами, законами, ставило его вне общества; в силу самой обстановки подпольной борьбы, когда даже член ЦК мог оказаться провокатором и всем надо не доверять, в силу отсутствия возможности в течение десятилетий применять в партийной работе элементарные формы демократизма и гласности; в силу неизбежного исключительного централизма, требовавшего полного подчинения вышестоящим

руководителям; в силу характера многолетнего процесса отбора руководителей и их закалки; в силу потери всеми другими партиями всякого кредита у народа; в силу наличия десятков миллионов распыленных крестьян — словом, в силу тысяч и тысяч объективных и субъективных обстоятельств, вплоть до великой многовековой бюрократической традиции Российской империи, вплоть до традиций восточного деспотизма у многих ее народов, — почти неизбежной становилась Административная Система как наиболее вероятный механизм руководства экономическим строительством.

Но сама природа этой власти, ее сущность были чужды идее развития. Система больше всего подходит для армии, для сложившихся условий, но она сама малопригодна для роли организатора творческого процесса. Кроме того, не было еще у самой этой Системы готового материала для нее. Ни в виде исполнителей-руководителей, ни в виде дисциплинированных масс. Возникла противоречивая ситуация, когда руководству наиболее близка, логична и понятна Административная Система, но именно она относительно меньше всего пригодна для строительства экономической базы, без которой нельзя удержаться у власти.

Выходом из этого противоречия явились три процесса.

Во-первых, процесс превращения вышедшего из подполья революции и гражданской войны механизма партийного и государственного руководства в Административную Систему. Чего он стоит, можно представить хотя бы уже по проведенной при В.И. Ленине чистке партии. В ходе введения нэпа партия исключила (или ушел по собственной воле) почти каждого второго. И это за два года. А потом чистки шли и шли... Формирующаяся

Система перемалывала создававших ее руководителей, превращала из революционеров-организаторов в администраторов-исполнителей. И, движимые уже Системой, они, часто не сознавая, действовали в ее духе, сами подготавливали новый этап и условия своего устранения из Системы.

В этом процессе не было какого-то плана. Господствовала стихия, скрывшая логику развития Системы. И кадры, организовавшие процесс над промпартией, становились жертвами Ежова, а сам Ежов жертвой Берии. И знаменитый прокурор Крыленко, заявлявший на суде над промпартией, что признание обвиняемого более чем достаточное доказательство его вины, вскоре сам стал жертвой своего признания... Каждый новый цикл формирования Системы становился очередным просеиванием кадров, устраняя ту часть, которая уже не вписывалась во все более ужесточающиеся критерии Системы, становившейся все более адекватной себе. И сколько среди реабилитированных и действительно юридически невинных тех, кто сделал в предшествовавшие своему аресту годы все возможное, чтобы приблизить эту ситуацию, когда этот личный финал стал неизбежен? И странно сегодня звучат попытки оправдать их тем, что потом они сами стали жертвами. Как неуместно оправдывать поджигателя леса тем, что он сгорел сам.

Система все больше и больше действовала сама. И даже наиболее соответствовавший ей Сталин тоже должен был непрерывно меняться — теряя жену и семью, исключая последние черты живого человека и превращаясь в Хозяина. Система создавалась во многом независимо от воли, плана и намерений даже ее главного руководителя.

Но Системе надо было строить экономику, создавать, созидать.

Ей нужны были ресурсы — их надо было взять в деревне, и она их взяла.

Ей нужны были работники. Их было достаточно, но они были охвачены энтузиазмом, вызванным очистительной революцией. Они чувствовали себя хозяевами. Но их нужно было как-то использовать, других не было. Соглашение Системы и трудящихся — второй важнейший процесс после создания Системы. Сам по себе энтузиазм был чужд Системе и становился все более чуждым по мере ее развития, все больше мешал внедрению нужной Системе беспрекословной исполнительской дисциплины. Его с самого начала надо было вводить в рамки, держать в руках. Нужны было поэтому массовые репрессии и обстановка постоянной угрозы репрессий. Компромисс с трудовым энтузиазмом масс мог быть поэтому только временным, хотя руководители Системы, скорее всего, искренне верили в то, что они — вожди этих масс и являются плодами этого энтузиазма. А сами массы могли сохранять энтузиазм только до тех пор, пока отождествляли Систему со сделанной их руками революцией, пока шли непрерывные чистки руководства от постоянно обнаруживаемых там врагов, на которых можно было списать все очередные просчеты...

И наконец, Системе нужны были кадры, способные дать работникам грамотные указания, способные вырабатывать профессиональные решения. Надо было создать нечто совершенно новое. Это требовало творчества и инициативы. Ни то ни другое немислимо без самостоятельности. А самостоятельность по идее с Системой не совместима. И здесь тоже оставалось одно —

идти на компромисс. Это был третий базисный процесс: допустить существование в чем-то непослушных Системе кадров.

Эта готовность Системы к компромиссу встретила готовность пойти на него и у основной части российской интеллигенции, особенно технической, мечтавшей о процветающей стране и видевшей реальность намерений Системы провести индустриализацию.

Таким образом, сложилась необычайнейшая ситуация, когда наиболее соответствующая установкам партии и ее руководитель Административная Система получила чуждое ее сути задание организовать экономический рынок, используя объективно чуждые Системе силы — охваченных энтузиазмом трудящихся, революционеров-организаторов и Зубров.

Гранин, создав образ Зубра, не ставил задачу понять всю Систему. Но он сделал нечто очень важное: показал один из секретов ее успехов. Без Зубров не было бы этих успехов. А без успехов Система осталась бы в нашей истории чем-то вроде бироновщины.

УРОК НА ТЕМУ О МЕХАНИЗМЕ ТОРМОЖЕНИЯ

Составным звеном соглашения Зубра с Административной Системой был отказ Зубра от политики. Что это дало?

На первых порах это дало возможность сохранить на своем профессиональном участке самостоятельность, возможность творить, изобретать, воевать, рисковать. Если бы героем повести Гранина был бы С.П. Королев или кто-то из физиков-ядерщиков, то на этом анализ бы и закончился. Началась бы история «благополучного» ученого. Но Гранин взял Зубра-биолога, и это позволило увидеть много нового именно в части тех следствий,

которые принес уход Зубров из политики, и для самих Зубров, и для Административной Системы.

Сначала о Зубрах. Зубр отказывается от политики ради своей науки, ради возможности заниматься генетикой. Соглашением предусматривается, что Система дает ученому самостоятельность, но требует от него максимума помощи в делах, которыми Система занята.

Надо прямо сказать, что ничего **особенного** Административная Система от генетиков не требовала. Она требовала от них того же, что и от машиностроителей, гидроэнергетиков, конструкторов военной техники, — немедленных рекомендаций. Их Система собиралась внедрить, навалившись всей своей мощью. Все это отвечало идее строительства социализма в кратчайшие сроки.

Но было два обстоятельства. Во-первых, состояние самой генетики. Во-вторых, характер того объекта, к которому надо прилагать рекомендации, — колхозный строй.

Генетика в конце двадцатых годов стояла перед важнейшими открытиями фундаментального характера. Русская биология, скорее всего, была наиболее подготовлена к этим открытиям.

Но каких-либо практических рекомендаций прикладного характера генетика тогда дать не могла. Более того, необходимость развивать теоретические исследования, опыты над дрозофилами и многое другое казалось не только отвлечением средств без отдачи, но и легко могло быть истолковано как нежелание помогать стране, а то и как прямой саботаж. Другого подхода и других оценок от Системы, взявшей на себя ношу экономического рывка, ожидать было нереально.

Но и генетика не могла уступить. Ведь речь шла о том, ради чего, собственно, Зубр шел на компромисс, о развитии науки. И если он согласился на признание Системы, отказался от участия в политике, допустил превращение себя в политический винтик то именно ради права заниматься наукой. Ни на какие подделки, обманы, химеры в науке он пойти не мог.

Обе стороны соглашения требовали своего: Система — немедленного вклада в ускорение экономики, а Зубр — права вести исследования, неизбежно в эти годы сугубо теоретического характера.

Конфликт был налицо. Правда, такого рода конфликты возникали у Системы не только с биологией, но и со многими областями сугубо теоретических исследований, с теорией относительности, с кибернетикой, с физиками-атомщиками или конструкторами ракет — до того, как их исследования внезапно приобрели прикладной характер, и не просто прикладной, а наиболее актуальный для системы — оборонный.

В конфликты Система вмешивала сразу идеологию, которая тут же находила теоретические криминалы у «непослушных» наук. А затем конфликт из теоретического становился уголовным и следовали те или иные организационные меры, вплоть до поиска врагов в среде «пытающихся спрятаться в теорию» ученых.

Но в биологии, в генетике этот общий конфликт приобрел особую остроту. И тут уже дело было не в генетике, а в той сфере, в которой Система ждала от генетики чудес, в сельском хозяйстве. В нем господствовали после коллективизации колхозы. Коллективизация привела к огромному упадку производства, грандиозным потерям по всем линиям. Кроме одной:

канал, по которому ресурсы выкачивали из сельского хозяйства на нужды индустриализации, стал и более широким, и полноводным, и, главное, устойчивым. Ради создания такого канала был избран именно колхоз как форма коллективизации среди многочисленных форм кооперации. Ради создания такого канала были записаны в кулаки миллионы зажиточных крестьян, никогда не имевших никаких батраков и своими мозолями добывавших себе зажиточность. Ради создания такого канала была выдвинута теория об угрозе для советской власти, исходящей от мелкого хозяйства, как будто не эти миллионы крестьян в красноармейских шинелях отстояли в битвах гражданской войны эту власть.

Но при всем этом было ясно, что колхоз, как насос, запущенный в сельское хозяйство, качать ресурсы может только до тех пор, пока эти ресурсы имелись или будут появляться. Признать просчеты ни в коллективизации, ни в выборе колхоза как формы кооператива Система не могла и не хотела. Оставалось надеяться на науку, на ее способность обеспечивать небывалые урожаи, небывалые удои, небывалые привесы. И творцы колхозного строя обратили свои взоры на генетику.

Я помню место в протоколах одного из проводимых в тридцатые годы совещаний по сельскому хозяйству, на котором присутствовал И.В. Сталин. Вел совещание зав. сельхозотделом ЦК партии Яковлев, вскоре тоже репрессированный. Но пока что, у власти, он прямо требовал: почему ученые-биологи не дают рекомендаций, которые бы позволяли колхозам сделать такой же грандиозный рывок, который сделала наша промышленность. Яковлев требовал санкций для генетиков (не думая, видимо, о том, что сам завтра будет жертвой санкции). В генетиках видели козла отпущения, на которого можно было списать все беды,

вызванные одной из фундаментальных черт нашей индустриализации — ее проводили прежде всего за счет ресурсов крестьянства.

Таким образом, в соглашении генетиков с Административной Системой возник глубочайший конфликт, которого не было у инженеров. Ведь практическое значение работ Вавилова — по словам Зубра — состояло в том, что они отвечали на вопрос: «Что мы будем жрать в XXI веке?» А Административную Систему этот аспект не мог интересовать, так как и Наука, и Природа, и сами жизни людей были брошены на одну задачу — рывок в кратчайшие сроки.

Выяснив, что генетики не хотят идти навстречу ее претензиям (а они не могли это сделать, оставаясь людьми науки и желая развивать именно науку в единственно возможной тогда форме теоретических исследований), Административная Система сочла условия соглашения невыполненными (хотя генетики считали, что они выполняют соглашение). Обе стороны считали себя правыми. А, как писал К. Маркс в «Капитале», когда право сталкивается с правом, решение принадлежит силе. Сила была у Системы. И Вавилов погиб как жертва несбывшихся надежд Административной Системы на чудо-лекарство от бед колхозного строя, как будто в истории когда-либо бывали научно-технические лекарства от социально-экономических болезней.

Тут даже не было злого умысла. Просто Административная Система выявила свою суть и с радостью, с упоением по всем линиям стала брать реванш за вынужденное соглашение. Отказываясь от уступок, она становилась сама собой, цельной и логичной.

На пьедестал был возведен Лысенко. Один из персонажей говорит в беседе с писателем: «Сам-то Лысенко — фанатик своей идеи. В нее он верил иступленно... Я, грешным делом, думаю, что и Лысенко на костер пошел бы ради своей ложной идеи». С портрета Лысенко действительно смотрело на нас «аскетическое, изглоданное лицо, с косой челкой, из-под которой пылал сверлящий взгляд...»

Гранин прекрасно показал: фанатизм в науке убивает истину — главную суть науки, ее цель и смысл. Истовые крики Лысенко породили не ученых, а верующих. А верующие интересуются не фактами, а только свидетельствами в пользу истинности своей веры. Они всегда готовы ради веры видеть одно, не замечать другое, исказить третье. Плевать на жизнь, на факты, лишь бы осталась верной идея, в которую верим. А Зубр для науки считал главной доблестью не то, чтобы доказать преимущество своей идеи, а то, чтобы иметь мужество отказаться от своих заблуждений, позволить себе опровергнуть, быть готовым сдаться истине. «Это бывает горько, — говорил он, — но это единственная возможность остаться в строю».

Фанатизм — конец науки. И не только естественной — любой общественной. Фанатизм заставляет подгонять факты к идеям. А верность фактам и жизни — условие сохранения науки как науки. Иначе она становится другой, противоположной формой идеологии — верой. Вера позволяет жить, даже переносить невероятные лишения. Но она не дает инструментов реального преобразования мира.

В науке Тимофеев не был фанатиком, одержимым. Он был противником порывов, озарений, переворотов. Наука требует не фанатизма, а критичности. Зубр спрашивал: «Когда ты себя

последний раз называл дураком? Если месяца не прошло, то еще ничего не страшно».

Это сочетание страстной веры в науку и трезвого понимания предела ее возможностей могло быть только у большого ученого. Недоучка обычно страдает фанатизмом, верой во всемогущество науки, в ее способность разрешить все. А вторая сторона веры — стремление абсолютизировать то, что наука знает сегодня. Еще хуже, когда она торопится изобразить из себя оракула. И уж совсем нетерпимо, когда порой наука выглядит угодливой служанкой.

В лысенковщине слились и фанатизм, и угодливость. Миражи были объявлены явью. Мистификации принимались за реальности, если только с ними был согласен Верх.

Идеология, понимавшая свой мировоззренческий характер как право требовать от любой естественной науки подстраиваться под когда-то соответствовавшие уровню познания мира, а сегодня ставшие примитивными суждения и представления и как право учить ученых любой науки тому, как им вести научные исследования, объясняла все и вся, судила, принимала и отвергала.

Администраторы, которым в биологии благодаря простоте учения Лысенко было все ясно, считали себя тоже вправе судить обо всем, определять, что в науке истинно, а что — ложно. Чиновников увлекала ситуация, когда они сами решают вопросы и не позволяют умничать и своевольничать этим профессорам.

Факты, добытые великими трудами поколений ученых, объявлялись несуществующими. Кумиров сбрасывали. Нет генов, вот и все.

И под защитой Системы появились лжеученые: лжепрофессора ставили лжеопыты, писались лжеучебники, защищались лжедиссертации. Журналы, кафедры, издательства, лаборатории, посты в министерствах и партийных органах захватывали Бесы. Они решали свои задачи, удовлетворяли свое честолюбие и корысть.

Устав от недородов, от реформ, от понуканий, от оравы уполномоченных, доверчивые души устремились к Лысенко, обещавшему какой-то выход для колхозного строя. При этом не замечали того, что вместо результатов — только обещания. Вместо невыполненных посулов — новые обещания, еще более долговечные, еще более грандиозные.

За безоговорочное признание Административной Системы, за уход от политики Зубру пришлось заплатить тем, ради чего он шел на компромисс, — своей наукой.

Конечно, Тимофеев не был бы Зубром, если бы смирился с нарушением генерального соглашения. Он не стал изменять своего отношения к политике, к Административной Системе. Не стал оспаривать ее право руководить, признавал ее в целом. Но на своем конкретном участке он — во имя интересов науки — счел нужным бороться. Он просто не мог поступить иначе, не нарушив все принципы своей жизни.

Еще в Миассово, защищенный высокими заборами секретности и живой изгородью специалистов по охране государственных тайн, он продолжал опыт с дрозофилами. Пошел слух, что в Миассово можно узнать о запретной генетике. Он сделал Миассово прибежищем гонимых биофизиков и генетиков.

В первый же разрешенный проезд в Москву он выступил на семинаре в институте П.Л. Капицы с докладом о генетике.

Казалось бы, человек с его прошлым, впервые получивший возможность увидеть родной город, должен быть исключительно осторожным. Но Тимофеев бросил вызов. И во времена, когда самые мужественные отмалчивались, когда сосланы одни, когда десятки других замурованы в молчание. А для Зубра не было никаких проблем. Раз появилась малейшая возможность защитить любимую Науку — о чем тут думать? И он первый прорвал блокаду молчания. Он просто делал то, чему посвятил жизнь.

Он назвал Лысенко Распутиным, других аналогов он не видел. Его учение — средневековой чушью.

В конце жизни он с такой же страстностью начал отстаивать охрану природы. И опять — против Системы. Большинство среди ученых-естественников, крупных техников главными считали показатели производства. Охрана природы — сантимент. Зубру намекали на саботаж: «Вы что же, хотите остановить работы? Нам не нужна забота о природе, которая мешает развитию промышленности». Его обвинили в политической безграмотности, беречь природу надо от хищничества капиталистов, а не от социалистического хозяина. Он и здесь не уступал. Его огорчало, что некоторые из ученых соглашались с варварскими проектами, мало того, давали одобрительные заключения строить губительные предприятия на озерах, вырубать и затоплять леса, возводить плотины, рыть каналы. Другие копошились в своих углах, избегая всяких конфликтов. Наука помогла современному человеку покомфортнее устроиться за счет природы. Мелиорация, атомная техника, химикаты — повсюду возникали непредвиденные последствия, выявлялись тяжкие ошибки, наука теряла престиж.

Зубр не избежал общей участи людей чистой науки в XX веке, которые «со смаком и хрустом поедали яблоко познания. Но недолго. Им не удалось насладиться его чистым вкусом. Война вытащила их на передний край, связала с проклятой бомбой, развела по разным сторонам фронта».

На глазах Зубра произошло изменение места науки. Она стала целиком зависеть от денег, от тех, кто эти деньги платит. Генеральские погоны стали обязательным компонентом этой науки. И прав Гранин, когда пишет: «Они должны были изменить мир к лучшему. Теперь я смотрел на них без восхищения. Памятники несостоявшихся надежд? Соавторы способа ликвидации человечества? Жертвы или герои? Достойны любви или проклятия?»

Но помимо удара по науке, которую он хотел спасти, идя на компромисс, удар прошелся по нему самому. Лысенковцы, опираясь на негласную поддержку Системы (которая могла бы при желании мгновенно опровергнуть клевету), развернули травлю Зубра. Если нельзя заставить его молчать, ему, во-первых, надо закрыть все пути наверх и его, во-вторых, надо очернить всеми доступными способами, не гнушаясь ничем. Его арест после войны клеветники истолковывали как наказание справедливое за сотрудничество с фашистами. Он чуть ли не ставил опыты над советскими военнопленными. Он помогал Гейзенбургу создавать атомную бомбу. При этом никто не утруждал себя вопросом, почему такое обвинение следователи Тимофееву не предъявили и приговор касался только отказа в 1937 году выполнить приказ о возвращении в СССР. Но недоверие окружало его, петля клеветы затягивалась.

Все свои беды сам Зубр связывал с политикой. «Злой рок лишал его то родины, отца сына и, наконец, честного имени.

Все зло, был убежден он, шло от политики, от которой он бежал, ограждая свою жизнь наукой. Он хотел заниматься одной наукой, жить в ее огромном прекрасном мире, где он чувствовал свою силу. А политика настигала его за любым шлагбаумом, за институтскими воротами. Нигде он не мог спрятаться от нее».

Зубр так и не понял, что зло — не от самой политики как таковой, а от политики определенного типа. Той, которая могла существовать только потому, что Зубры уступали ей, отстранили себя. От той, которую они целиком отдали Административной Системе. От той, которую Административная Система формирует **для них**, но без **них** и **вместо них**.

Но отказ от участия в политике обернулся трагедией не только для Зубров.

Если для Зубров соглашение означало возможность относительно самостоятельно жить и работать, то и для Административной Системы их «выход из игры», выход из политики означал возможность развиваться **по своим собственным законам**, по присущей ей логике. А логика эта неизбежно требовала устранения из Системы всего, что чуждо Системе, что не соответствует ее природе и укреплению, расцвету того, что не отвечает ее сущности.

Не встречая организованного противодействия, Система постепенно вытравляла из себя все инородные тела.

В ней росло число руководителей, которых она сама выдвигала и растила уже из своих резервов. Она все строже и жестче следила за тем, чтобы среди ее выдвиженцев не оказалось не только Зубров, но чтобы не было даже намека на зубрость. Эти руководители нового типа знали уже только одно: выпол-

нять указания. У них был главный принцип: не выделяться из среднего уровня. А сам средний уровень становился все ниже.

Безропотные, сами готовые к любой директиве, эти руководители тоже не терпели никаких возражений. Чем более стандартными и серыми становились выдвиженцы Административной Системы, тем нетерпимее становилось их отношение к любым отклонениям от стандартов и серости.

Изменились и трудящиеся. Устав от обещаний, от лозунгов, страдая от очевидных безобразий и от безразличия к своим нуждам, уходили поколения, уступая место новым, уже не знавшим ни воздуха революционного творчества, ни даже самостоятельности идущего в атаку солдата.

Все компромиссы, которые Система заключила: с революционными кадрами, с трудящимися, с Зубрами, — не могли быть ни длительными, ни неизменными. Укреплявшаяся Система все менее нуждалась в них.

И 1937 год был первой попыткой Системы взять все в свои руки. Но война и задачи восстановления, необходимость создания атомно-ракетного щита вновь потребовали от Системы уступок. Война потребовала уступок и от Зубров, и от трудящихся. Соглашение продолжается. Реально Система смогла стать собой только после смерти Сталина. Завершив логически свое формирование, она избавилась от Хозяина, культ которого противоречил логике Системы, требовавшей иметь во главе пирамиды тоже... винтик — иной формы, но именно винтик. А Хозяин мешал своим произволом, своей склонностью нарушать регламенты. Хозяин для **сформировавшейся** Системы был чужд. Его уход позволил создать в Системе цельность. Она избавилась от соглашения с Зубрами. Превратила энтузиазм трудящихся в

формальные почину и прочую показуху. Избавила себя от чуждой задачи организовывать экономические рывки и заменила ее понятной целью рутинного, медленного развития, воспроизводящего прежде всего пропорции и стандарты прошлого. Изменения в основном навязывались извне, из-за рубежа, да и то прежде всего в области военной техники.

Руководимая «очищающей» от чуждых элементов Административной Системой экономика снижала темпы, становилась все менее динамичной. Она теряла и восприимчивость к новому, и способности его создавать, и возможности его внедрять. Система делала то, что в ней заложено: тиражировала прошлое с минимальными и медлительными изменениями.

Система не могла дать высокие темпы роста. Надо это как-то объяснять. Объяснение было найдено: нужны не темпы, нужна забота не о производстве, а о человеке. Но попытки использовать механизм Системы для блага человека были обречены. Человек для Системы — винтик, исполнитель. Она органически не может воспринять этот винтик своего механизма в качестве своей цели. Это противоестественно. И забота о людях приобрела форму выплат все больших сумм бумажных денег. Чтобы этот поток денег хоть как-то улучшал жизнь, надо было его все же обеспечить. И если не реальными итогами труда, то проеданием фондов, ухудшением качества машин и изделий, проеданием природных ресурсов. И все же в итоге — дефицит.

Административной Системе и раньше непросто было терпеть Зубров, работать с ними. А новый слой руководителей уже органически был несовместим с любой инициативой и самостоятельностью — даже четко ограниченной сферой для своей профессии, своего рабочего места, сферой исполнения директив.

К тому же изменилась общая обстановка. Исчезал фактор, толкавший Административную Систему на соглашение с Зубрами: ощущение слабости и опасение за свое будущее. Возник оборонный потенциал. Военная опасность казалась все менее острой. А победа в войне сделала Административную Систему исключительно самоуверенной: якобы подтвердилась ее правота и поэтому надо твердо следовать ее логике.

Зубров уже не слушают. В Системе почти достаточно тех, у кого есть дипломы об образовании. Сфера за сферой становятся полем администрирования. Постепенно остается для Зубров только одно: военные разработки. Только здесь их еще слушают: здесь остался «внешний контролер» в виде армий Запада и необходимы «думающие танки». Но и тут все более усиливается контроль за Зубрами, заборы вокруг исследовательских центров становятся все неприступнее для Зубров, пропускные процедуры все дольше.

Процесс усиления неприязни Системы к Зубрам дополняется процессом сокращения ее возможностей дать Зубрам поле творчества, обеспечить их самостоятельность.

Чем меньше в Административной Системе Завенягиных и Уральцев, тем труднее Зубрам сражаться субъективно. Чем логичнее действует Система в экономике, тем труднее Зубрам объективно. И тем не менее не они, а именно Административная Система по всем линиям шла на разрыв того исторического соглашения, которое было одним из решающих факторов успехов прошлого. Ученый, конструктор, директор, профессор, режиссер — у каждого на каждом шагу исчезали один за другим последние просветы самостоятельности.

Ушел из жизни Хозяин, и Административная Система наконец-то вздохнула свободно, освободившись от последнего инородного тела. Он ведь в чем-то тоже был своего рода Зубр, пусть уродливый.

В Системе становились преобладающими руководители, сформированные ею. Они считают, что их повседневная рутинная механическая деятельность — это и есть вершины руководства. У них уже нет аскетической позиции руководителей с революционным прошлым. Напротив, все больше лиц с другой психологией. До каких пор ждать, разве мы не исполняем все, что требует Система, и разве мы не заслужили благополучия? И если уж не удастся дать всем существенных улучшений, то не целесообразно ли дать их больше тем, кто в Системе руководит и отвечает?

Но откуда взять блага? Источник нашелся. Опираясь на ничем не обеспеченные выплаты денег и дефицит, торговля заставила переплачивать на каждом шагу. Изымалась значительная часть или и без того заниженной оплаты, или тех повышений денежных зарплат, или пенсий, которые Система демонстративно осуществляла «для народа». Переплата стала обычным звеном на пути от денег к товару или услуге. Эти капли переплат орошали продавцов, сливались в ручейки у директоров универмагов и торгов, становились уже полноводными реками для иных руководителей.

Торговля становилась примером для других сфер, распределявших населению жилье, путевки, услуги по лечению и обучению и т.д. Но и этого уже было мало. Те, кто оказался в стороне от торговли и сфер распределения, но не хотели остаться, уже прямо шли на воровство и присвоение государственного.

Беззастенчивость и наглость руководителей деморализовывали рядовых тружеников. Но их покупали, выплачивая не отработанные ими по-настоящему рубли. Их плохую работу старались не замечать. Им даже прощали мелкие хищения, попытки тоже устроиться за счет государства, но, как говорится, по мелочам. А для тех, кто не мог и не хотел этих комбинаций, оставалась сугубо русская форма реакции на безобразия и беспросветность жизни — выпивка. Система в этом не мешала.

Это все означало одно — разложение Системы. Ибо эти присвоения уже были нарушением ее же правил. Но ее руководители нарушения «не замечали», приуменьшали, наказывали только для вида или в наиболее вопиющих случаях (типа гоголевского «не по чину берешь»).

Трагедией Системы был не бурный 37-й год, когда она еще вытравляла новое, когда было что вытравлять. Ее трагедией стали спокойные 70-е годы, когда все в ней как-то устроилось.

УРОК НА ТЕМУ О БУДУЩЕМ

Если логическим завершением Административной Системы, ее наиболее полным воплощением явился механизм торможения, то итогом попытки увеличить свое благополучие в условиях общего торможения могло быть только разложение. Административную Систему стали разлагать не внешние силы. Ее стали разлагать прежде всего сами ее руководители, старавшиеся снять лично с себя следствия того торможения, которое вызвала Система. Как показали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии», говоря о роли

пролетариата, подлинным могильщиком Системы может быть только порожденный ею, неустранимый в ней и действующий по ее законам элемент.

Почему был реализован на практике этот вариант развития Административной Системы — от торможения к разложению? И здесь правильно ответить нам помогает история Зубров. И механизм торможения, и начало разложения, и начало кризиса были во времена жизни и деятельности Зубров. Именно они могли и, более того, были обязаны вовремя понять, что Система отжила, что становится фактором торможения. Но они продолжали соблюдать условия соглашения: политики не касаясь, Система вне критики, ее право руководить оспаривать нельзя. И к зарвавшемуся и проворовавшемуся секретарю райкома относились по меркам и правилам, выработанным в довоенные и военные годы.

Теперь, только теперь выяснились подлинная цена и все следствия того компромисса, на который пошли Зубры, цена их безропотности, их согласия быть винтиками в политике.

Зубры не могли не видеть, что возникло и торможение, и разложение. Я даже беру риск сделать то, чего не сделал автор: указать на характерный момент. Зубр, где-то отмечает Гранин, «озверел и кричал».

Обращаю внимание: Зубр **кричал** в конце шестидесятых годов на какого-то начальника **так же**, как он кричал на чинушку в берлинском посольстве СССР в 1937 году. Почему? Почему Зубр — законопослушный, вдруг кричит?

Я думаю, что объяснение может быть одно: он уже видел, что Административная Система не просто нарушает соглашение. Она даже в принципе не в состоянии выполнить того, о

чем он с ней договаривался. Она уже не только субъективно (из-за ошибочного отношения к генетике), но и объективно не в состоянии по-настоящему развивать его науку. С непониманием он мог мириться — и он боролся. Но это была борьба за то, что Система, оставаясь руководителем, изменила отношение к генетике. А неспособность Системы вообще развивать науку требовала от Зубра изменения отношения к Системе в целом. Систему, даже включавшую Берию, он признавал, был «законопослушен», пока она развивала страну. Но Систему, терявшую способность двигать науку, экономику, культуру, он принять не мог. И он кричит...

Зубр вплотную подошел к черте, когда надо было принимать политические решения. Зубр пытался действовать. Он, судя по всему, раньше других почувствовал, что растратой внутри и продажей природных ресурсов за границу Административная Система расплачивается за свою неспособность эффективно вести хозяйство. И Звезды Героев фиктивной сдачи миллионов пудов хлеба на пиджаках секретарей сделаны из золота, вывезенного за границу или прямо, или в виде нефти и отоваренного реальным импортом чужого зерна.

Но в целом Зубр так и не переступил условий своего генерального соглашения. Политикой он не занялся. Против отжившей Системы прямо не выступил.

Дорого, бесконечно дорого заплатили народы нашей страны за то, что Зубры продолжали соблюдать соглашение о невмешательстве в политику, хотя все условия этого соглашения уже были нарушены Административной Системой. Пока Административная Система выполняла взятые на себя обязательства по развитию страны, стратегия Зубров в целом была верной.

Выбора у Зубров в части Системы не было, и отказ от политики имел реальную компенсацию. Соответственно были более правы те, кто внутри страны пытался добиваться уступок у Системы, работая на нее, а не те, кто протестовал и оказывался или в лагерях, или за границей.

Но когда Административная Система стала превращаться в механизм торможения и тем более когда началось ее разложение и возникла кризисная ситуация — отказ от политики, отказ от критики Системы как таковой стал ошибкой.

Зубр оставил нам не только урок правильного понимания прошлой эпохи. Он оставил нам ценный урок на будущее — урок недопустимости ухода от политики, недопустимости пассивного ожидания чего-то и от кого-то в условиях, когда исчерпались возможности прежней Системы и нужна принципиально Новая.

Впрочем, не нам его осуждать, Кто из нас и в какой мере сделал этот шаг? Не уйти от факта, что этот шаг пришлось делать сложившемуся к началу 1985 года в Политбюро большинству, новому Генеральному секретарю.

Решая задачу, которую Гранин перед собой поставил — как и чем объяснить внутреннюю стойкость человека, его способность оставаться самим собой, — писатель неизбежно охватил много далеко не личных проблем. Как и всякое большое, истинно художественное произведение, повесть Даниила Гранина «Зубр» выходит — и не могла не выйти — на базисные проблемы общественного развития. Поэтому она и привлекла мое внимание.

Вернутся ли Зубры, ставит вопрос писатель. При всем моем уважении к Зубрам я бы ответил — не должны.

И потому, что Административная Система — логикой своего развития и выходом на предельные величины возможных при ней результатов — стала превращаться сначала в механизм торможения, а затем — столь же закономерно — разлагаться изнутри порожденными ею же силами.

И потому, что изменились мы сами. Мы уже никогда не согласимся на роль Зубра. Мы теперь хорошо знаем, что попытка творить на своем участке при отказе от участия в политике, при признании чьего-то изначального права командовать нами и давать не подлежащие обсуждению и критике, обязательные для нас указания, неизбежно ведет к потере именно той возможности нормально жить и работать, ради которой как будто можно было смириться с ролью политических винтиков. Мы больше никогда и никому не позволим отстранить нас от главных вопросов развития общества, от участия в руководстве им. Следовать примеру Зубра сегодня было бы непростительно. Ни он сам, ни Вавилов, ни любой из подлинных Зубров и не пошел бы этим путем сегодня. Ибо это означало бы, что мы оставим страну и народ в руках Административной Системы, лишим возможности жить в XXI веке наших детей и внуков. Политика требует от нас активного вмешательства. Сегодня ничем нельзя оправдать пассивность в этом главном вопросе.

Гранин, безусловно, прав, когда он пишет: «Мы не знаем, как зубры поддерживали равновесие в природе, как способствовали развитию человека. Но они — как-то содействовали. Без зубров что-то изменится в человеке». Действительно, благодаря повести писателя мы поняли, как поддерживали. И главное, мы узнали, что должно измениться. Эпоха Зубров должна смениться

эпохой Человека. Это произошло на нашей планете в природе — теперь это должно произойти и в обществе.

Повесть об уникальнейшем ученом — это повесть и о всех нас, о нашем прошлом, о нашем настоящем и будущем.

Повесть «Зубр» и уроки Зубра были темой моего последнего разговора с Сашей Анчишкиным. Мы вышли подышать воздухом в парк государственной дачи, на которой шла работа над материалами к июньскому Пленуму ЦК КПСС. В эту работу Саша вложил массу сил и за 11 часов до начала работы Пленума скончался в пятьдесят четыре года от второго инфаркта (первый был в период его работы начальником отдела перспективного планирования Госплана СССР). В беседе о «Зубре» наши мысли, как обычно, совпали в главном. И поэтому я хотел бы положить листки этой рецензии на могилу друга в качестве последнего «Прощай».

ГЛАВА 3

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА С НАМИ

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

(К двухсотлетию со дня рождения Н.В. Гоголя)

Мой Гоголь

Жизнь в СССР, в которую я вступал в сороковые годы прошлого века, была тяжелой и, говоря словами Маяковского, «для веселья мало оборудована».

Сталинская власть с такой оценкой ситуации в основном соглашалась, но, с одной стороны, тыкала нам тем, что «за рубежом народ живет несравнимо хуже», а с другой стороны, сулила нам радужные перспективы и светлое коммунистическое будущее. Я во все это верил.

Но в практических действиях Сталина видел мало утешительного: мой дедушка со слезами вырубал многолетним трудом выращенный в засушливой донецкой степи сад, так как не мог заплатить новый налог, установленный теперь за каждое дерево.

Но и в теоретической позиции Сталина — проанализировав только что вышедший его последний труд «Экономические проблемы социализма в СССР» — я не находил убедительных доказательств скорых перемен к лучшему.

Доказательства появятся у меня позже — уже во время учебы в МГУ — благодаря курсу Н.С. Хрущева на преодоление культа личности.

А до этого единственно доступной мне базой размышлений была русская литература. Советская власть сделала все, чтобы по школьным пособиям помешать мне понять эту литературу и возненавидеть ее, утратив желание читать. Русские писатели кого-то «обличали», выступали как нравовучители, тупые догматики. Авторы учебников даже в карман Пушкина старались всунуть партийный билет. А вожди использовали созданные писателями образы. Так, в борьбе с правыми и левыми Сталин вспомнил кучера Чичикова, отчитывавшего деревенскую девушку за неумение отличить «правое» от «левого». Вроде бы и Гоголь — союзник Сталина.

Но если я — и идейно, и нравственно — рос, то только потому, что научился читать подлинники произведений русских писателей. Великая мощь их таланта сокрушала все. У меня появились «Мой Лермонтов», «Мой Толстой», «Мой Достоевский», «Мой Чехов». Среди них и «Мой Гоголь».

Гоголей оказалось несколько. Был недостаточно образованный выпускник захолустного провинциального училища, наполненный внедряемыми его матушкой мыслями о своем величии, регулярно составлявший фантастические по претенциозности планы многотомных сочинений по истории. Был второй Гоголь — человек с нездоровой психикой, болезнь которого профессионально исследовал писатель и врач Владимир Короленко. Был третий Гоголь — незаурядный философ, по преимуществу христианский, в основном православный, с монархической идеологией. И был четвертый Гоголь — писатель.

И хотя сам Гоголь рассматривал свое писательство как нечто подсобное: путь к известности, путь к деньгам, иллюстрацию к своим философским идеям — именно литературное творчество, **Слово** сделало малороссийского дворянина Яновского-Гоголя **Гоголем** — великим сыном русского народа: великороссов, украинцев и белорусов. *«И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творческих способностей души, своей яркой особенностью и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом... Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное умнохудощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойно, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».* Слова этого, четвертого, Гоголя дошли до меня.

Гоголь жил в одно из тяжелейших времен в истории России. Страна, победившая в освободительной борьбе с Наполеоном, осталась в рабстве у собственного царя и собственных феодалов. Страной правила бюрократия, черпавшая, говоря словами Грибоедова, суждение «из забытых газет времен Очакова и покоренья Крыма». Россия, десятилетиями упиваясь победой над Наполеоном и взятием Парижа, погружалась в бесконечную войну с отсталыми народами Кавказа и катилась к поражению в первой же — настоящей — Крымской войне.

Неудивительно, что лучшие умы России все это сознавали и отчаянно искали выход. И Гоголь был в их рядах. *«Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово **вперед?** кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем*

мог бы устремить нас на высокую жизнь? Какими слезами, какой любовью заплатил бы ему благодарный русский человек! Но веки проходят за веками, позорной ленью и бездумной деятельностью незрелого юноши объемяется душа, и не дается Богом муж, умеющий произносить его!»

А так как я тоже искал выход, то именно эта сторона Слова Гоголя оказалась мне ближе всего.

Россия мертвых душ

Мертвые души — это те, кто умер, но пока что числится по ревизским сказкам. **Гоголя в России со всех сторон обступают передвигающиеся и разговаривающие мертвые души.**

Кто они?

Российские реформаторы. Вот наследник старосветских помещиков: *«страшный реформатор. Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; все это решил он непременно искоренить, исправить и ввести во всем порядок. Накупил шесть прекрасных английских серпов, приколотил к каждой избе особенный номер и, наконец, так хорошо распорядился, что имение через шесть месяцев взято было в опеку».*

Вот полковник Кошкарёв, уверявший Чичикова в том, если только *«одеть русских мужиков в немецкие штаны — науки возвысятся... и золотой век наступит в России».*

А, пройдя по деревне Кошкарёва, Чичиков обнаружил, что *«контора подачи рапортов существует только на вывеске... Толкнулись они в департамент сельских дел — там переделка, разбудили каного-то пьяного...».* В конце концов Чичиков узнал, что в итоге реформаторства все крестьяне *«в совокупности не только заложены без изъятия, но и перезаложены...».*

Вот Тентетников — «он отнопал и новейшие книги по части сельского хозяйства... уменьшил барщину, убавил дни работ на помещика и прибавил времени мужику». Но «случилось обстоятельство, так часто случающееся: ни мужик не узнал барина, ни барин мужика...». Реформатор Тентетников утратил интерес к делам.

Российские предприниматели. Первое лицо тут — Павел Иванович Чичиков. «О чем бы разговор ни шел, он всегда умело поддержит его... и в бильярде он не давал промаха... говорили о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания, и о добродетели рассуждал он очень хорошо...» Гоголь отмечает и ум Чичикова, и его предприимчивость, и неукротимую энергию.

Но у этой чичиковской предприимчивости было несколько фундаментальных особенностей.

Первая. Предприниматель не строит фабрики, не создает процветающие имения. Он вообще чужд созидания. Предмет чичиковского предпринимательства — махинации и мошенничество, обман окружающих. Это **перераспределительское** предпринимательство.

Вторая. Главным объектом обмана становится государство. Оно в первую очередь обкрадывается. Чичиковское предпринимательство — **антигосударственное**.

И наконец, третье. Во всех своих предпринимательских проектах Чичиков, в конце концов, терпит крах. Это пораженческое предпринимательство, предпринимательство катастроф.

Российские администраторы. Гоголь создал картину всех уровней власти и бюрократии: от бессловесного Башмачкина до квартального Держиморды, от Ивана Антоновича «Кувшинное рыло» до сурового понытчика, от городничего до губернаторов.

Первый тип начальника — тюфяк. Чиновники при нем творят что хотят.

Второй — профессионал. Городничий блестяще знает все дела: и своего города, и каждого городского ведомства. *«Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести... трех губернаторов обманул».*

Третий тип — *«враг взяточничества и всего, что зовется неправдой. Но «втерлись к нему в милость другие» и «скоро очутился в руках еще больших мошенников... Чиновники вдруг постигнули и дух его, и характер» и сделали «страшными гонителями неправды... и преследовали ее с таким успехом, что в скором времени у каждого очутилось по несколько тысяч капитала».*

Вот российский суд, замечательный тем, что дела в нем рассматривают до тех пор, пока есть деньги у истцов.

Вот аппарат: *«образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения... Шесть лет возились около здания: но климат, что ли, мешал или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунт земли там был получше».*

Российские взяточники. Столетиями российские начальники не получали от государства зарплаты, а жили «кормлением». Петр I и Екатерина II предпринимали огромные усилия, чтобы сделать царское жалованье главным фактором в жизни администратора. Они многого добились, но взятки остались столь же обязательным компонентом администрирования, как и казнокрадство. И городничий в «Ревизоре» клеймит квартального Свистунова не за взятку саму по себе, а за нарушение принятых

правил: «Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку! не по чину берешь!»

Чичиков обогатил российское взяточничество двумя новшествами. Когда он стал начальником и «добыл то, что называют хлебным местом», в это самое время «началось страшное преследование взяток; преследований он не испугался и обратил их тот же час в свою пользу, показав, таким образом, прямо русскую изобретательность, являющуюся только во время прижимок». Чичиков категорически взяток не брал, но дела «мариновал» день за днем. Проситель узнавал, что нужно дать писарю. «Почему не дать четвертак?» Оказывается, надо дать по беленькой. Проситель в ужасе. «Да чего вы так горячитесь — оно так и выйдет, писарю останется четвертак, а остальное пойдет по начальству». Проситель возмутился: «Прежде бывало знаешь, по крайней мере, что делаешь: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; черт бы побрал бескорыстные и чиновное благородство!» Проситель, замечает Гоголь, «конечно прав, но зато теперь нет взяточников; все правители дел честнейшие и благороднейшие люди; секретари только да писари мошенники».

Вторая новация Чичикова была при его службе на таможне. «В непродолжительное время не было от него никакого жителя контрабандистам...» Он получил чин и повышение и «неограниченное право производить всякие поиски». И он вошел в образовавшееся в то время «сильное общество контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило в итоге дерзкое предприятие».

Российская мертвечина. Я мог бы продолжать представлять гоголевскую галерею российских мертвых душ. Кого только в ней нет?

Российские мечтатели и прожектеры типа Манилова. Чтобы не заниматься тяжелыми, неподъемными, реальными проблемами, они бегут от жизни в область умозрительных проектов улучшений — прекраснодушных и нереализуемых, но позволяющих мечтателям и прожектерам спокойно жить среди других мертвых душ.

Российские патриоты. Вместо улучшения России они присосались к ее консервативному прошлому и — беспощаден Гоголь — далеко не бескорыстно. Он пишет о *«так называемых патриотах, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накаплиют себе капиталы, устраивая судьбу свою на счет других; но как только... появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки... «Да хорошо ли выводить это на свет... это все... наше... А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе?»*

Российские накопители. Беспробудная в своей тупости Коробочка. Неповоротливый Собакевич. И — венец — Плюшкин, который своим «экономизмом» довел имение (восемьсот душ) до ситуации, когда крестьяне мрут.

Российские скандалисты, бузотеры, горлопаны типа Ноздрева. Готовые бушевать по любому поводу — но нет ничего даже отдаленно относящегося к подлинному делу.

Российские педагоги, учителя, профессора. *«Мертвечиной отозвалась в устах их мертвых наука... ..Бог знает, чего он не*

изучал! Но все оставалось в голове его какими-то безобразными клочками...». Это об учебе Тентетникова.

А вот учеба сына Тараса Бульбы Остапа: *«Тогдашний род учения страшно расходился с образом жизни: эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни... Самые тогдашние ученые более других были невежды, потому что вовсе были удалены от опыта».*

Небокопители — никому не нужные и сами ни в ком не нуждающиеся обыватели.

У меня возникал вопрос: что ждет Россию мертвецов? Гоголь отвечал: все рано или поздно кончается тупиком.

Российские тупики

Впервые о гоголевской картине российских тупиков я задумался, когда анализировал волновавшую меня проблему: что же предлагает Гоголь в «Ревизоре» в качестве метода борьбы со взяточничеством?

И я обнаружил, что порок будет наказан **только возможно** и только силой **воли императора**.

Но, подумал я, во-первых, Гоголь ничем — буквально ничем — не доказывает, что этот настоящий ревизор не восприимчив к деньгам. На это приходится только надеяться и только предполагать. Во-вторых, где гарантия, что и чиновничество, и городничий, используя свой многолетний богатый опыт, не найдут какой-то путь к сердцу (и карману) и этого ревизора? Ведь в прошлом — им это всегда удавалось. Словом, где гарантии, что и этого ревизора, теперь уже не комического, а реального, не поглотят вполне реальные акулы российского бюрократизма?

Тут тупик. Тупик «Ревизора».

Тупиком заканчивается и «Женитьба». Подколесин выпрыгивает в окно. Но в свой же город. Вокруг него те же свахи. Те же невесты. Скорее всего, начнется новый тур сватовства. Опять тупик.

Все миргородские истории Гоголя — тупиковые. Умирают старосветские помещики, до конца разорив свое имение. Гибнет в повести «Вий» несчастный Фома Брут, избравший в качестве жизненного пути служение церкви, и гибнет именно в церкви. Дотла разоряют Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича судейские чиновники. Впрочем, разве можно оставлять имения в руках людей, для которых слово «гусак» — аргумент?

Гибнут и Тарас Бульба, и оба его сына. Тем самым тупиком заканчивается великий спор внутри запорожского казачества. И дело не в прекрасной полячке. За ее прелестями стоят прелести свободного польского шляхетства, с его вольным сеймом при слабом короле. Но эта свобода связана, к сожалению, с католической верой. А за родным православием надвигается деспотизм русского царя и его крепостничество. И нет выхода из этого тупика.

Тупиковые итоги петербургских повестей Гоголя. Гибнет в «Шинели» несчастный Башмачкин. Ему только в рваной шинели есть место в Петербурге, а в своей новой шинели он несовместим со столицей России. Гибнет талантливый художник в «Портрете» — и опять-таки из-за системы петербургской жизни. Нет в ней места свободному таланту. Сходит с ума Поприщин в «Записках сумасшедшего»: под беспощадным прессом той истины, что в Петербурге ему нет пути вверх и остается только воображать себя испанским королем.

Непомерно возомнил о себе в «Носе» «майор» Ковалев. Служба на Кавказе, где ради войны с горцами ускоренно давались новые чины, Ковалев поднимался так быстро, что потерял ориентировку. Но Петербург — жестокая реальность. Ковалев застревает. Тупик. Карьеру делает оторвавшийся от него его собственный нос.

Прямо на Невском проспекте два немца секут блестящего петербургского поручика Пирогова. Формально — за увлечение немочкою. Фактически — секут Россию за ее примитивное западничество, за подражание пусть самому лучшему — ведь фамилии секущих немцев символические: Гофман и Шиллер. Тупик.

Но самый главный тупик — «Мертвые души». Гоголь не находит решения. В стране мертвых душ все, буквально все, карьеристы и взяточники. Как справедлив вывод блестящего знатока Гоголя Игоря Золотуского: *«Поставленный над губернией новый генерал-губернатор (в поэме его зовут просто «нунья») приходит в ужас, осознав, что бесполезно что-то изменить... Отдать всех воров под суд? Судить их «военным быстрым судом»? Отправить полгубернии в Сибирь? И на освободившиеся от плутов должности назначить неподкупных и честных? Иллюзия».*

Русь, куда ж несешься ты?

Я вначале не мог согласовать беспощадный анализ Гоголем тупиков России и его знаменитые слова о русской тройке.

«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Что значит это наводящее ужас движение? ...Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром

разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Но действительно ли нет у Гоголя ответа? Присматриваюсь к гоголевской тройке.

В ней едет *ее* хозяин-приобретатель — Чичиков.

А запряжен вместе с двумя конями еще и третий, «подлец Чубарый».

Правит тройкой Селифан, который *«давно уже ехал, зажмуря глаза, изредка только потряхивая впросонках вожжами».*

А сама коляска? *«Вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось в Москву или не доедет?» — «Доедет». — «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет».*

И хотя это разговор двух русских мужиков, стоявших у дверей кабака, в их словах огромный смысл.

До Москвы — центра бюрократического государства — русская тройка может доехать. А вот до Казани — родины главной русской духовной святыни — иконы Казанской Божьей Матери — нет.

Да и надо ли? Опять сошлюсь на Игоря Золотуского: *«Может, правда, не стоит так шибко разгоняться, рвать на куски ветер и наводить ужас на другие народы и государства (как и было в двадцатом веке), а, не запарывая лошадей и щадя пассажиров, выбраться наконец на прямую дорогу и не спеша одолеть ее».*

И наконец, не потому ли «постораниваются» другие народы и государства, что их не вдохновляет русский пример?

Гоголь принадлежал к той русской идейной традиции, представители которой не принимали как аксиому бездумный

оптимизм и безудержную веру в светлое будущее России, чуть ли не сверху нам предопределенные или автоматически наступающие. Эти идеологи — писатели, философы, ученые, политики, просто честные люди — призывали видеть все «ямы» российско-го пути, все и реальные, и потенциальные беды.

Белинский клеймил Гоголя в своем знаменитом «Письме» не только и не столько за гоголевскую терпимость к тем, кто нас «бьет палками» (терпел же Белинский «просвещенный абсолютизм» Пушкина), а прежде всего за главную идею Гоголя: **совершенная Россия мертвых душ не готова к прогрессу.**

Предостережение Гоголя было отброшено. Началась реформа сверху, которую Чернышевский назвал «мерзостью» и которая закончилась через пятьдесят лет тремя русскими революциями.

Один из ярчайших образов Гоголя — унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекла. И хотя ее секли, по существу она сечет себя именно сама, так как терпит власть городничего и квартальных.

И вот уже полтора века после смерти Гоголя Россия, как эта унтер-офицерская вдова, сама себя сечет: руками батюшек-царей, руками отца народов Сталина, руками нынешней номенклатуры и олигархов. И не в последнюю очередь потому, что отвергала сомнения и предостережения своих лучших умов.

Среди них — Александр Грибоедов с его неверием в способность декабристов — «ста прапорщиков» — изменить Россию.

Среди них — Петр Чаадаев с его мыслью о том, что в нашем народе есть нечто враждебное прогрессу и «мы жили и продолжаем жить лишь для того, чтобы послужить каким-то важным уроком для отдаленного поколения...».

Среди них — Иван Гончаров со своим Обломовым, который сидит в каждом русском.

Среди них — Антон Чехов с его беспощадным ответом именно перед тремя русскими революциями на вопрос о судьбе вишневого сада, всей России: нет в стране сил, способных сохранить вишневый сад как целое. Ведь Лопатин только разобьет сад на отдельные участки, продаст их частникам под дачи.

И наконец, гениальное предостережение Михаила Булгакова уже после трех революций о невозможности превратить Шариковых в людей и необходимости отравить Мастера из-за отсутствия для Творца места в советской жизни.

Это огромное, исключительно важное течение российской идеологии от нас всячески скрывали. Нас ориентировали на прямоту пути в будущее. А ведь еще Пушкин наказал вещего Олега смертельным укусом змеи за его пренебрежительное отношение к пессимистическому пророчеству волхва: «презреть бы твое предсказанье!».

В «Майской ночи» Левко, глядя на одну из русалок, *«стал замечать, что тело ее не так светилось, как у прочих... «Ведьма!» — сказал он, сразу указав на нее пальцем».*

В своей жизни я всегда чувствовал указывающий «палец» моего Гоголя.

В проходивших на моих глазах освоении целины, химизации, мелиорации, проектах переброски вод сибирских рек в Среднюю Азию, кампаниях за дисциплину и против алкоголизма, проектах «ста дней» и «перелома к осени этого года», да и в бюджете на три года — я непременно чувствую хлестаковскую «легкость в мыслях необыкновенную», маниловские мечтания, чичиковские махинации и манипуляции, тупую скаредность Коробочки

и плюшкинский экономизм, ноздревское бахвальство, тентетниновскую неготовность к длительной и тяжелой работе, мертвечину чиновничьих душ и бюрократическое нетерпение начальства.

Сжигая на костре Тараса Бульбу, Гоголь оставил мне великую истину: правота и правда не горят. Сжигая в камине московской квартиры второй том «Мертвых душ», Гоголь оставил мне другую великую истину: рукописи не горят.

Это во многом благодаря этим великим гоголевским истинам я научился не падать духом и при отходе Хрущева от им же заявленного демонтажа культа личности, и при отказе Брежнева и Косыгина от радикальной хозяйственной реформы, и при пробуксовке перестройки Горбачева, и при оставившей граждан без земли и без собственности приватизации Ельцина, и при лишившей людей всякой возможности реально влиять на дела государства демократизации Путина, и при не понимающих суть проблемы наших и мировых пакетах антикризисных мер. Все более неуправляемо несется тройка. Звон колокольчика все чаще превращается в тревожные удары набатного колокола. Но для тех, кто учился и учится у Гоголя, — по-прежнему нет ответа.

«Московский комсомолец», 31.03.2009

ЖИТЬ ПО-ЛЕРМОНТОВСКИ

Помню интервью с западным журналистом в 1989 году. Он настойчиво пытался выяснить, кого из диссидентов я читал и когда. Подтекст был прозрачен: меня сделали оппозиционером книги эмигрантов из СССР.

Я сказал, что, бывая на Западе, прочел почти все. Я почувствовал страдания авторов, но факты я знал и без них, а их концепции отличались «нищетою философии». Журналист

спросил: тогда с чего и когда у Вас начались сомнения? С Пушкина и Лермонтова, и еще в школе, ответил я. Не знаю, поверил ли он, но я говорил правду. Именно великая русская литература прежде всего учила меня мыслить.

В советские годы «оскопляли» и Гоголя, и Толстого, и Достоевского. Но убрать их из школьных учебников было невозможно. Пришлось предпринять две диверсии. Первая: заставить детей изучать классиков в возрасте, когда из всей проблематики, скажем, «Войны и мира» ученикам была понятна только история Андрея и Наташи. Вторая: добиться ощущения, что ты уже читал «Войну и мир» и возвращаться к этой книге уже не стоит.

Но мне повезло. Под влиянием Белинского, Добролюбова, Писарева, по комментариям разных авторов и в итоге собственных размышлений я понял многое из того, что мне полагалось только «пройти».

И сейчас, в дни 185-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова, хотел вспомнить хотя бы некоторые из таких уроков.

Две правоты. Меня учили, что есть одна правота — правота партии, советского образа жизни, комсомола, марксизма. Все остальное не может быть правым. Никак, никогда. Все ясно.

Но Михаил Юрьевич Лермонтов рассказал, что штабс-капитан Максим Максимыч, кадровый русский офицер, участник многолетней войны с горцами, после сообщения о том, что Казбич зарезал ни в чем не повинного отца Белы, делает вывод: «Конечно, по-ихнему он был совершенно прав». Потрясало уже и «по-ихнему» и это «совершенно». Но Лермонтов усиливает вывод, называя «способность русского человека примениться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить»,

«ясным здравым смыслом». Так высоко оценивает писатель умение видеть и понять другую правоту.

А дальше уже надо думать самому... Если есть русская правота и правота других народов, то вполне возможна правота не только советская, но и несоветская...

Мысль Михаила Юрьевича о наличии нескольких правд сопровождала меня. И в оценке жизни за рубежом. И при изучении теорий экономики. И в понимании геометрии Евклида и геометрии Лобачевского-Римана. И при изучении многозначности в математической логике. И до моих оценок иных нынешних попыток убедить Чечню, что есть только одна правота ...

Казенная надобность. Я начинал учиться в годы войны. И деление на «наших» и «врагов» было азбучной истиной. Это деление как бы само собой распространялось и на всю внутреннюю жизнь страны. «Наших» надо защищать всеми доступными средствами. Опять все ясно.

Но Михаил Юрьевич учил думать иначе. По пути в действующий отряд (т.е. по пути к боевым действиям) Печорин в Тамани сталкивается с контрабандистами. Возможно, они, как говорит Печорин, «мирные». Но ведь совсем не исключено, что они на стороне именно тех, с кем воюет Россия и он сам как офицер.

Ситуация для меня была очевидна. Печорин должен бежать к коменданту Тамани. Там во всем разберутся. Кстати, он именно этот план излагает своей «русалке».

Но дальше... Дальше Печорин не только не идет к коменданту, но и «сожалеет». Сожалеет даже о том, что только сказал — пусть в шутку — о своем возможном доносе.

Почему? Ответ у Лермонтова есть. Надо вслед за Печориным отделить то, что он должен делать «по службе» как офицер,

«странствующий с подорожной по казенной надобности», от того, что он должен делать как человек. А как человек он давно безразличен к «радостям и бедствиям человеческим». И этой позиции вполне достаточно, чтобы отстраниться от ситуации с контрабандистами в Тамани. К казенной подорожной Печорина это не относится.

И опять дальше надо уже самому думать. Есть «казенное», «государственное». И есть «человеческое». И их не надо сливать. Напротив, вполне допустимо их и различать, и разделять. И у человека тогда появляется право «не доносить» — учил Лермонтов в годы, когда даже про себя думать на эту тему было опасно.

У Печорина его обязанности по «казенной надобности» не пересеклись с его жизнью в Тамани. Ну а если они все же пересекутся? Что тогда? И опять есть ответ Михаила Юрьевича.

Правота государства и правота народная. В песне про государя Ивана Грозного и купца Калашникова носитель государственного подхода царь Иван Васильевич по самой логике интересов власти не может не наказать подданного, который самовольно убивает другого подданного. И потому, что он убил во время «потехи». И потому, что убийство совершено намеренно, заявлено заранее, еще до начала боя.

Итак. Есть правота власти, закона, государства. Но есть другая правота. Правота Калашникова. Его жены. Правота обижаемых властью. И не «мелко» обижаемых. Обида затронула саму основу всех жизненных представлений удалого купца, его нравственность, его религиозные чувства. И коль скоро он не может отступить от своей правды и у него нет другого способа добраться до обидчика — ему остается использовать «потеху» для свершения своего суда.

Михаил Юрьевич учил меня, что в столкновении государственной правды и правды простого человека далеко не всегда право государство. Но даже если оно и право, то за свою правду человек может бороться и бороться до конца, до плахи и топора палача. Нельзя ограничиваться логикой государства. Тем более — государя. Тем более, если этот государь — безжалостный без необходимости и беспощадный без меры Грозный!

Недавно я слышал, казалось бы, логичные замечания телекомментатора по поводу конфликта на одном комбинате: суд был, решение есть, судебные исполнители обязаны его выполнять. А попытки рабочих сопротивляться — хулиганство как минимум. Все верно. Но только по логике «государевой». Но ведь есть и логика народная. Логика тех, кого власть ежедневно обирает и обделяет. Кого она обманула. Обрела на голод вместе с детьми. Оставила без всякой поддержки. И защищать себя и по этой народной логике и логике Лермонтова можно и нужно.

О патриотизме. Нетрудно понять, что при таком «образе мыслей» Лермонтова в его произведениях не могут не появиться и «жадную толпой стоящие у трона», и «всевидящие» и «всеслышащие» голубые мундиры. Что же тогда — Отечество?

Ответ — в изумительном стихотворении «Родина». Есть Родина славного исторического прошлого — «темной старины заветные преданья». Есть Родина подвигов — «слава, купленная кровью». Но сам Лермонтов Родину видит в другом. Во-первых, в самой нашей земле: «лесов безбрежных колыханье», «разливы рек, подобные морям», «степей холодное молчанье». Родина — это проселочный путь, дымок спаленной жнивы, чета белеющих берез. И — замечательная мысль — зажиточная жизнь про-

стого человека с «полным гумном», «крытой избой», «резными ставнями», с «говором пьяных мужичков» на празднике.

И — что для меня было не менее знаменательно — эту «Роди-ну» буквально восхваляли и Белинский («что за вещь — пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских»), и Добролюбов (Лермонтов, «умевши рано постичь и недостатки современного общества, умел понять, что спасение от этого ложного пути находится в народе»).

И хотя сам Михаил Юрьевич называет свою любовь к отчизне «странной» и как бы выходящей из сферы «рассудна» — я не мог не почувствовать, что его понимание Родины неизмеримо глубже, правильнее, прочнее, чем все то, что мне внушали со всех сторон: залп «Авроры», «штормовые ночи Спасска», «водрузили красный флаг» и т.д. Я не мог не понять, что Родина Лермонтова и его патриотизм намного содержательнее подхода с позиций гордости за «краснокожую паспортину» с записью «Гражданин Советского Союза». И полнее патриотизма Сталина, который под напором страшного сорок первого года вспомнил и Невского, и Донского, и Минина и Пожарского, и Суворова, и Кутузова. До царей Сталин «не дошел», но Разина и Пугачева уже упустил.

И в заключение. Именно от Лермонтова я узнал, что бывают в истории моменты, когда все правды — народа и власти, русских и их соседей, государя и простого человека, казенная надобность и личная позиция — соединяются, сливаются. Когда патриотизм включает и лермонтовскую «странную» любовь к отчизне и лермонтовскую же готовность «постоять за Родину свою». И тогда... тогда становится возможным Бородино. Когда страна объединяется, собирает все силы, делает выбор, определяя свою судьбу на долгие годы...

Утопая в волнах предвыборных дебатов, я чуть ли не кожей чувствую, как все это далеко от лермонтовского «бородинского

типа мышления»: от жгучей решимости начать наконец настоящее сражение: и за судьбу страны, и за судьбу ее народов, и за судьбу каждого из нас.

«Московский комсомолец», 26.10.1999

«...ПОЛЬЗЫ ОБЩЕСТВУ РЕШИТЕЛЬНО НИКАКОЙ...»

(О повести Н.В. Гоголя «Нос»)

Сто шестьдесят пять лет назад, в 1835 году, молодой Николай Гоголь принес в «Московский наблюдатель» свою повесть «Нос». Повесть была отвергнута как произведение «пошрое». Понадобилась гениальность Пушкина, увидевшего в повести «много неожиданного, фантастического, весьма оригинального» и опубликовавшего ее в своем «Современнике».

И вот уже более чем полтора века идут споры вокруг «Носа». Одни — вслед за погодинским журналом — ничего в ней не находят или даже считают какой-то чушью, а то и пошлостью. Другие, вслед за А.С. Пушкиным, видят в ней много веселого и неожиданного. Третьи ищут в ней какой-то подтекст.

Конечно, А.С. Пушкин прав в своих оценках. Повесть так и «искрится» весельем, юмором. Тут и оскорбленная жена цирюльника Прасковья Осиповна, обиженная на супруга за то, что он «скоро совсем не в состоянии будет исполнять свой супружеский долг...». Тут и сам цирюльник Иван Яковлевич, который «как всякий порядочный русский мастеровой был пьяница страшный». И слуга Новалева Иван, блестяще охарактеризованный Гоголем одним фактом: он, «лежа на спине, плевал в потолок и попадал довольно удачно в одно и то же место». Тут и объявление в газете о том, что «отпускаются в услужение» то кучер, то дворовая девка (продажа дворовых запрещалась и этот запрет обходили,

давая объявления «отпускается», а правительство лицемерно ничего не замечало). Или другие объявления: о «молодой горячей лошади семнадцати лет отроду» и о «новых, полученных из Лондона, семенах репы».

Я перечислил далеко не все гоголевские «перлы», но и их достаточно, чтобы понять восторг Пушкина. Да и нам даже сегодня знакомы упомянутые Гоголем господа, которые «просвещенность» нынешнего века видят в обязанности правительства «обратить внимание» и «желали бы впутать правительство во все, даже в свои ежедневные споры с женой».

И все же я думаю, что повесть «Нос» имеет еще один — «подстрочный» — смысл. Не случайно же сам Гоголь в конце повести замечает: «Однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право же, есть что-то».

В чем же состоит это «что-то»? Изложу свое понимание.

Три главных действующих лица в повести: Нос, Владелец носа и Государственная машина России.

Нос в русском сознании занимает одно из важных мест. Нос «суется не в свои дела», его «прищемляют», он «чует» все нечто необычное, он «клеветает», его «вешают», его «держат по ветру». И много, много другого.

Но Гоголь выбрал нос в качестве героя, я думаю, в силу других соображений. Нос — это тот орган, который особо склонен «задираться». Именно «задранный нос» — символ надутого сверх меры человека, воображающего о себе бог знает что.

Именно таков Нос у Гоголя. Он именно «задран» — не случайно же, как только он отделился от коллежского асессора, он тут же изобразил из себя статского советника. Он ходит «в мундире, шитом золотом». Он явно не хочет «знать свое место».

В некотором роде этот Нос со «шпагой на боку» — концентрация всех амбиций своего хозяина — Ковалева.

Почему же именно у Ковалева нос «задрался» настолько, что смог отделиться от хозяина? Тут уже надо внимательнее взглянуться в самого Ковалева.

Ковалев — коллежский ассессор. Это был гражданский чин, соответствующий в армии званию майора, в университетской иерархии — доктору, в церковной — протоиакону, в придворной — преподобию, во флоте — капитан-лейтенанту. И хотя еще Екатерина II запретила гражданским чинам пользоваться соответствующими военными званиями, Ковалев упорно называет себя майором. И дело тут не в его любви к армии. Все гораздо сложнее.

Ковалев — кавказский ассессор. Он получил чин на Кавказе. Там шла война с горцами Шамиля. Желаящих ехать на Кавказ среди «штатских» было мало. И тогда правительство приняло решение: на Кавказе новые очередные чины присваивать чиновникам от 14 (низшего) до 9-го класса не через три года, как это было по всей России, а через два.

Впрочем, за особые заслуги и в России в порядке исключения могли давать новый чин через два года. Так, Молчалин в «Горе от ума» говорит Чацкому: «...по мере я трудов и сил, с тех пор как числюсь по архивам, три повышенья получил». Если бы это были очередные повышения — вряд ли Молчалин сообщал бы об этом. Значит, три повышения он получил не в течение девяти лет (по норме), а за шесть лет (за особые заслуги). И мы можем вычислить, что Чацкого не было в Москве шесть лет — что вполне согласуется с изменениями в возрасте Софьи.

Но Молчалин был «деловой», за что Фамусов ускоренно и «дал чин ассессора» «безродному» из Твери, не принадлежащему

ни к деткам «сестриным», ни к деткам «свояченицы». А вот на Кавказе уже всем чиновникам давали новый чин через каждые два года. Неудивительно, что туда съезжались карьеристы. И Ковалев был среди них.

Но российское общество с определенной иронией относилось к кавказским выдвиженцам. И чтобы «прикрыть» кавказское происхождение своего гражданского чина, Ковалев и стремился именоваться «майором».

«Майор» Ковалев — продукт кавказской войны, и именно от успехов на Кавказе у него задрался нос. У Гоголя есть много подтверждений такого вывода. Так, Ковалев приехал в Петербург «отоварить» свой кавказский чин — «искать приличного своему званию места: если удастся — то вице-губернаторского». Не прочь он был и жениться — «только в том случае, если за невестой случится двести тысяч капитала». В магазине он покупает «орденскую ленту», хотя он «не был кавалером никакого ордена».

Понятно, что проблема носа для человека с такими планами — событие эпохальное. Вот и мечется он по столице.

Нос, таким образом, покидает не случайного человека. И отделяется он не случайно.

Кто же возвращает нос и восстанавливает положение? Это делает представитель власти — квартальный надзиратель. Ничего катастрофического и необычного блюститель закона в истории с носом не увидел. Кроме одного: возможности на этом заработать: «Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки квартального».

Характерно, что, по Гоголю, именно власть не только вскармливает зазнавшиеся Носы, но и возвращает их на место. А вот срезают Носы простые мастеровые...

Да и может ли эта власть быть иной, если...?

Если тот же квартальный уже через минуту после ухода с красенькой от Ковалева «увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар».

Если цирюльник, пытаясь выбросить нос, обнаруживает, что в столице он ни на секунду не может остаться вне глаз полицейских, переходя из-под присмотра одного под присмотр другого...

Если квартального бесплатно бреют три цирюльника «и за большую честь почитают».

Если частный пристав такой охотник до сахара, что «вся передняя, она же и столовая были уставлены сахарными головками, которые несли к нему из дружбы купцы». Впрочем, этот пристав сахаром не ограничивался и «был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей», но всему предпочитал асигнации, так как «уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется».

И наконец, вершина этой пирамиды — обер-полицмейстер. Как и положено высокому начальству, даже для майоров его нет и он — по словам привратника — «только что уехал».

Разве мог какой-то нос стать событием для власти, которая совсем недавно отправила на виселицу пятерых декабристов и загнала в забайкальские рудники десятки их соратников?

О кавказской войне писали в те годы много и многие. В том числе и Пушкин. Отмечали героизм русских солдат и офицеров, а также мужество и стойкость бойцов армии Шамиля.

Но Гоголь с необыкновенным чутьем уловил нечто особенное: на кавказских дрожжах вырастают «майоры» Ковалевы с их пре-

тензиями на вице-губернаторство, с задравшимися сверх меры носами от свалившихся на них досрочных чинов.

Гоголь сумел почувствовать процесс, который в конце концов превратил победивших самого Наполеона царскую армию и царский аппарат власти в профессионалов по такому противнику, как горцы, и соответственно в совершенно неспособные к нормальной войне структуры, проигравшие первую же настоящую — Крымскую — войну.

Всего этого Гоголь не мог знать. Но то, что он успел увидеть и отметить за двадцать лет до затопления русского флота и сдачи Севастополя, оказалось одним из главных факторов крымского поражения.

И хотя сам Гоголь замечает, что в сюжете его повести о носе «пользы обществу решительно никакой», на самом деле польза была бы — если бы предостережение Гоголя было замечено. Но задранные носы кавказских героев никто вовремя в России не обрезал, и стране пришлось в конце концов расплачиваться поражением под Севастополем. Как и сегодня остаются целыми задранные в Чечне носы.

«Московский комсомолец», 07.07.2000

ПУШКИН И АВГУСТ 91

За три августовских дня 1991 года рухнула машина государственного социализма советского образца, управляемая КПСС. Рухнула в результате ею же организованного испытания на прочность в виде путча.

Но, спрашивается, какое же отношение имеет А.С. Пушкин к августу 91?

Дело в том, что события августа 91 устойчиво ассоциируются у меня с замечательной сказкой Александра Сергеевича — «Сказка о попе и о работнике его Балде».

Сказку Пушкин написал в августе — сентябре 1830 года — 270 лет назад. При жизни поэта она никогда не публиковалась. Спустя 10 лет — в 1840 году — Жуковский напечатал ее, превратив по цензурным соображениям попа в купца и т.д. Подлинный текст Россия увидела только спустя полвека.

Сказку, которую каждый помнит с детских лет, пересказывать не буду. Как и во всех пушкинских сказках, в ней есть два «пласта» — для детей и для взрослых.

Детский: история попа, понадеявшегося на «авось» и погнавшего «за дешевизною». И «авось», и «дешевизна», и расплата за них остаются обязательными элементами всех сфер русской жизни и обеспечивают актуальность сказке. И тогда. И сейчас. Всегда. Именно этот смысл и сохранил Жуковский.

Но в сказке Пушкина я давно увидел и другой, более глубокий смысл. И для понимания этого смысла нужен именно поп — и никто другой.

Поп — «толоконный» лоб. А толокно в русской жизни — самая примитивная мука: не молотая, а толченная в ступе. Но поп у Пушкина не просто неумный человек. Хотя он поп, мы ни разу в сказке не видим его в церкви, в проповеди, в заботе о душах верующих. Встречаем его на базаре, месте, явно далеком от храма, и за делом, тоже отдаленном от проблем веры — за поиском «кой-какого товара» и «недорогого работника».

Пушкин подводит нас к идее, что поп — это не просто «толоконный» лоб. Этот поп, судя по сказке, не очень обременяет себя своим главным делом.

Этот вывод подкрепляет и история с чертями. Эти исконные враги попа и его соперники в борьбе за души людей в сказке Пушкина мирно живут рядом с попом. Чертей и попа явно связывает какое-то давнее соглашение о «мирном сосуществовании» («об оброке век мы не слыхали»). Вот эти-то договоренности с чертями — еще одно доказательство идейного перерождения попа.

В общем, поп у Пушкина — это идейный и нравственный лидер, который перестает быть таковым. Поэтому он заслуживает кары. Орудием кары и становится Балда.

Балда — судя по имени, недалекий мужик. Но на деле он трудолюбив («работает за семерых»). Все умеет делать: и повар, и плотник, и конюх, и нянька. Понятно, почему попадья таким работником «не нахвалится».

За свой труд Балда берет мизерную плату — «вареную полбу» и «спит себе на соломе». И, что существенно, никаких денег он не просит.

Почему? Почему он вместо денег назвал плату в три щелчка? В этом — вся суть и первого и, конечно, второго, глубинного смысла сказки. Чтоб понять условия Балды, приходится сделать вывод: между попом и Балдой — глубокий конфликт. Настолько острый, что никакие деньги его не разрешат. Труженик и умелец Балда не может иметь идейным наставником попа, болтающегося по базарам и ищущего дешевизну. Не черти попу, а поп «не платит» «оброн» народу.

Балда берет на себя обязанность наказать отступника. Три щелчка Балды — это расплата за корыстность, за бездуховность, за уклонение от своих обязанностей пастыря.

Все сказанное, я думаю, уже объясняет, почему август 1991 года я ассоциирую со сказкой Пушкина. Именно в те дни народ дал последний щелчок своему идейному поводырю — КПСС. Щелчок за невыполнение принятых на себя обязательств. Обязательства построить коммунизм для нынешнего поколения. Сделать страну самой процветающей в мире. И т.д. И т.п.

Ну а чего добился Балда в сказке Пушкина?

И тут надо задуматься над самим именем — Балда. Пушкин свой народ уважал и любил. И все же употребил слово «Балда» — хотя мог бы назвать «Иванушкой» или как-то еще. Почему?

На мой взгляд, объяснение дано самим Пушкиным. Балда потому именно Балда, что «идет, сам не зная куда». У него достаточно ума для хорошей работы. Для обмана чертей. Для оценки попа. Для расправы с попом. Ну а дальше?

По Пушкину, Балда вовсе не убивает попа. Он вышиб из него ум — тот самый, который, если применить пушкинскую оценку ума попады, «догадлив, на всякие хитрости повадлив». Вышибленный ум освободил место для другого. Так что первый вариант на будущее — к самому попу вернется нормальный ум и он начнет выполнять свои обязанности. Второй вариант: в приход явится новый поп, умеющий руководить паствой.

При обоих вариантах Балда остается «внизу». Да иначе не может и быть, если он «идет, сам не зная куда». Вот за это-то незнание, за неумение видеть свои собственные интересы, за отсутствие цели, за готовность остаться рабом и назвал Пушкин Балдой безусловно симпатичного ему парня. А в широком смысле — весь простой народ.

Тут мы подходим к исключительно важному моменту в философии Пушкина. Еще Грибоедов с его блестящим умом не верил

в способность декабристов править Россией («сто прапорщиков хотят изменить Россию»). А Пушкин — с его гениальностью — тем более не верил в путч декабристов. Это были его друзья, но не единомышленники.

В послании к ним он по достоинству оценил и их «скорбный труд» и «дум высокое стремление».

Но он не мог принять их стратегический план, изложенный в их ответе ему: «из искры возгорится пламя», «православный наш народ сберется под святое знамя», «скуем мечи мы из цепей» и т.д.

Многие годы — в десятках произведений — он отвергал эту программу: и в «Борисе Годунове» (где при споре претендентов на трон «народ безмолвствует»), и в «Капитанской дочке» (где есть «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»), и в «Медном всаднике» (осмелившийся на протест Евгений в конце концов в панике бежит от металлической, медной правоты статуи императора).

А в «Сказке о попе и о работнике его Балде» Пушкин выдвигает еще один контраргумент плану декабристов — пока что вместо «православного народа», готового «грянуть на царей», у нас в стране есть Балда. Честный, умелый, способный на протест, на сокрушительный щелчок правящей им власти — но не более.

И в этом смысле десятилетие после августа 91 шло именно «по Пушкину». Народ ограничился «щелчком», а «попы» — и «сменившие ум» старые, и совсем новые — ведут борьбу за «приход».

А в будущем? Тут остается в силе вопрос Некрасова к своему народу: «Ты проснешься ль, исполненный сил, иль, судеб повинуюсь закону, все, что мог, ты уже совершил...»?

«Московский комсомолец», 18.08.2000

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Биография

Двести лет назад, 11 апреля по старому и 24 апреля по новому стилю, в 1803 году родился Козьма Прутков. Во всяком случае так утверждали его литературные родители — братья Алексей и Владимир Жемчужниковы и их двоюродный брат граф Алексей Толстой. Они придумали и псевдоним Пруткова, и все его произведения.

Алексей Михайлович Жемчужников однажды рассказал, как родился псевдоним «Козьма Прутков»: «Служил у нас камердинером Кузьма Фролов, прекрасный старик... Вот мы с братом Владимиром и говорим ему: «Знаешь что, Кузьма, мы написали книжку, а ты дай нам для этой книжки свое имя... А все, что мы выручим от продажи этой книжки, мы отдадим тебе». Фролов вначале согласился, но все же спросил: книга-то умная аль нет? О, нет, говорим... Тогда Кузьма нахмурился: а коли глупая, так я не желаю, чтобы мое имя под ей было подписано. Не надо мне, говорит, и денег ваших... Когда брат Алексей (граф А. Толстой) услышал этот ответ, он подарил Кузьме 50 рублей — «за остроумие». А мы втроем решили взять псевдоним не Кузьмы Фролова, а Козьмы Пруткова».

Вот официальная биография Пруткова, которая была сочинена для издания собрания его сочинений.

Кузьма Петрович Прутков себя звал Козьмою и даже иногда — как настоящий патриот — Косьмою.

Всю жизнь он посвятил государственной службе. Прошел путь до действительного статского советника и регулярно — как было принято — получал новый чин и новый орден. Завершил он карьеру с орденом св. Станислава I степени на посту директора Пробринной палаты (читатели могли легко согласиться, что в грандиозной и непрерывно разбухавшей машине российской администрации есть и такая структура).

Судьбе было угодно, чтобы на годы службы Козьмы Пруtkова пришлась эпоха великих реформ, начатая отменой крепостного права. И хотя Прутков вообще был очень доволен своею службой, в период подготовки реформы он как бы растерялся. «Сначала ему казалось, что из-под ног уходит почва, и он стал роптать, повсюду крича о равновременности всяких реформ. Однако потом, когда неизбежность реформ сделалась несомненною, он сам старался отличиться преобразовательными проектами... Вскоре, однако, он успокоился, почувствовал вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собой — прежнюю почву... Это дало ему основания возвратиться к прежнему самодовольству...»

Однако всероссийскую славу Пруткову — и это он не раз подчеркивает — дал не генеральский чин, а его литературная деятельность. Он писал пьесы, басни, стихотворения, эпиграммы...

Одна часть этого творчества — блестящий образец того, что называют графоманством. У тогдашних, последующих и нынешних графоманов нет более беспощадного обличителя, чем Козьма Прутков.

Другая область творчества Пруткова — пародирование произведений многих, тогда известных авторов, особенно консервативного направления. Сегодня в основном забыты те, кого пародировал Прутков, однако в те годы он попадал, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Но подлинное бессмертие Козьме Пруткову принесли две такие части его творчества, как «Плоды раздумья» (мысли и афоризмы) и «неотделанный» проект — «О введении единомыслия в России».

Афоризмы

Они включают 160 «мыслей» в первом разделе и 102 — во втором. О чем же и как думает Козьма Прутков?

Козьма Прутков прежде всего образец чиновника.

«Только в государственной службе познаешь истину».

«Чиновник умирает, а ордена его остаются на лице земли».

Именно так: остаются ордена, а не дела.

«Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала». Именно так — генерал исходное, а небо — вторично.

Настоящий чиновник с презрением смотрит на специалиста. *Ведь «специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя».*

Чтобы быть российским чиновником, необходимо прежде всего усердие.

«Усердие все преодолагает».

«Бывает, что усердие преодолагает и рассудок».

Естественно, что мышление такого чиновника отличает примитивизм:

«Ветер есть дыхание природы».

«Военные люди защищают отечество».

Российское чиновничество накопило запасы своей, аппаратной премудрости:

«Не уступай малодушно всеобщим желаниям, если они противны твоим собственным: но лучше, хваля оные притворно и нарочно оттягивая время, норочи надуть своих противников».

«Если хочешь быть покоен, не принимай горе и неприятности на свой счет, но относись к ним как к казенным».

«Бди!»

«Не ходи по косоугору, сапоги стопчешь!» Ну, тут надо заметить, что желающих выйти на косоугор среди чиновников всегда было крайне мало.

«Козыряй!» А что делать, если усердия недостает? И уж если козырять, то есть как минимум помощниками министра или губернатора.

Уже тогда и десятки лет потом читатели Пруткина начали вкладывать свой собственный смысл в его формулировки.

«Новые сапоги всегда жмут» (будь то новый начальник или реформы).

«Полиция в жизни каждого государства есть». Это по поводу мечтаний реформаторов.

«Питомец рангов нередко портится». Добавлю: не нередко, а очень скоро после назначения на пост.

«Купи прежде картину, а потом рамку». Это касается многих административных — и не только — начинаний.

«Если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану».

«Если хочешь быть счастливым — будь им».

«Пояснительные выражения объясняют темные мысли».

«Не всё стриги, что растёт».

«Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

«Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим». Сколько десятилетий мы — вопреки Пруткову — верили и верим именно надписям, а не тому, что видят наши глаза.

«И при железных дорогах лучше сохранять двуколку». Это о российском прогрессе. С учетом опыта я бы сказал: *«И при паровом отоплении лучше сохранять буржуйку»* и *«И при массе банков в России для своих денег дома лучше сохранять и чулок».*

Козьма Прутков о единомыслии как главной национальной проблеме России

Кратко изложу проект Пруткова. Первый тезис Пруткова: враг России — несогласие в мыслях. Счастье России — в единомыслии.

Второй тезис: несогласие не устранить, пока есть собственное мнение. «Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?.. Если бы писатели знали что-либо, их бы призвали к службе... Кто не служит, значит не достоин, стало быть, и слушать его нечего».

Тезис третий. «Всякому русскому дворянину свойственно желание не ошибаться». «Единственный способ не ошибаться — знать мнение начальства».

Тезис четвертый. Но как узнать мнение начальства? Казало бы — из принимаемых им мер. Но эти меры крайне противоречивы. Однако достойный патриот от этого не должен впадать в панику. Просто, учит Прутков, правительство из-за важных государственных соображений таит свои цели. Но они обязательно откроются в неотвратимых результатах истории.

Тезис пятый. «Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история?» И Прутков переходит к выводам.

Вывод первый: необходимость «особенно в нашем пространном отечестве, установления единообразной точки зрения на все общественные потребности и мероприятия правительства».

Второй вывод: «целесообразным для сего средством было бы учреждение такого официального повременного издания, которое давало бы руководящий взгляд на каждый предмет».

Ну а чтобы никто не сомневался — надо поддержать этот орган «достаточным полицейским и административным содействием властей». И еще: нужен редактор, «готовый, для пользы правительства, пренебречь общественным мнением и уважением». Ясно, что «подобный человек заслуживал бы достаточное денежное вознаграждение и награды чинами и орденскими отличиями» (в масштабах, компенсирующих потерю им общественного уважения).

И еще один вывод Пруткова. «Установилось бы одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам».

Далее Прутков предлагает: 1) «сделать подписку на сие издание обязательною для всех присутственных мест»; 2) «велеть всем изданиям и редакторам печатных органов перепечатывать руководящие статьи из официального органа»; 3) «наложить на них денежные штрафы в пользу редакции официального органа за все те мнения, кои окажутся противоречащими мнениям, признаваемым господствующими»; 4) «вменить всем начальникам... в обязанность... постоянно сообщать в одно центральное место списки всех служащих под их ведомством лиц с обозначением: кто из них какие получает журналы и газеты, и не получающих

официальный орган... не повышать ни в должности, ни в чине и не удостаивать ни наград, ни командировок».

Прутков разумно считает своей проект «не вполне «отделанным». Действительно, а кто будет решать, какое мнение «противоречит» и за него надо платить штраф?

Но даже при наличии этой и других «неотделанностей» проект Пруткова абсолютно необходим всем российским реформаторам. Даже нынешним.

Идеи этого проекта дополняют мысли Пруткова, высказанные в наброске другого проекта: как должны подчиненные обсуждать свое начальство.

Прутков считает неизбежным, что подчиненные хотят обсуждать действия старших. Значит, надо помочь им отработать правила таких обсуждений.

Прутков пишет: «Право обсуждать действия старшего ограничить предоставлением подчиненному возможности выражать свои чувства благодарственными адресами, поднесением званий почетного мирового судьи или почетного гражданина, устройением обедов, встреч, проводов и тому подобных чествований».

Вот отдельные фразы из документа, поданного начальнику по случаю Нового года. «Ваше Превосходительство, отец, сияющий в небесах добродетели!.. Ваше благоденствие есть для нас милость Божия. Ваше спокойствие — наша радость. Ваша память о нас — высшая земная награда!.. Мужайтесь новыми силами патриота для блага народа. ... Это чистосердечное выражение чувств посвящают Вашему Превосходительству благодарные подчиненные».

Остается привести заключительную фразу из «неотделанного» проекта Пруткова, обращенную к верхам: «Подвергая сей

недостойный труд мой на снисходительное усмотрение высшего начальства, дерзаю льстить себя надеждою, что он не поставится мне в вину, служа несомненным выражением усердного желания преданного человека: принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности».

Прутков утверждает: «Зная сердце человеческое и коренные свойства русской народности, могу с полным основанием поручиться за справедливость всех моих выводов». Учитывая, что уже 150 лет Россия продолжает читать Пруткова, приходится признать, что и «сердце человеческое» и «коренные свойства русской народности» он действительно знал. И пока эти «коренные свойства русской народности» не изменятся, его труды не утратят своей исключительной актуальности.

«Московский комсомолец», 2003

ВРЕМЯ ЗАКРЫВАТЬ РУЛЕТКУ

(«Игрок» Достоевского на сцене Леннома)

Рулетка

Действие спектакля «Варвар и еретик», поставленного в Ленноме Марком Захаровым по роману Ф.М. Достоевского «Игрок», разворачивается на фоне непрерывно крутящейся рулетки. Рулетка у М. Захарова — люди в черном, точнее фигуры, маски в духе Кафки.

Если бы в 1989 году, когда мы с Марком Анатольевичем в качестве народных депутатов входили в Кремль, а затем создавали межрегиональную депутатскую группу, кто-то сказал бы мне, что в 1997 году я буду считать актуальным и современным спектакль, в котором главным действующим лицом будет рулетка, — я бы не поверил. Уверен, что и сам

М. Захаров вряд ли предвидел такое развитие событий. Впрочем, оправдание у нас есть. Думаю, что и сам Достоевский вряд ли думал, что через 10 лет после смерти в 1856 году Николая I и начала эпохи великих реформ и через пять лет после освобождения в 1861 году крестьян он в 1866 году напишет роман, главными действующими лицами которого будут рулетка и игроки.

Говорят, Достоевский написал «Игрока», так как сам безумно любил рулетку. Любил играть — да. Знал о рулетке все — да. А вот почему написал — тут вопрос не простой. Достоевский был и социалистом, и заключенным, и игроком. Но «Записки из Мертвого дома» он написал только тогда, когда начало реформ в России затягивалось и затягивалось. Но дореформенная жизнь, предупреждал Достоевский, — это Мертвый дом. А книгу о социалистах — «Бесы» — он написал именно тогда, когда российские революционеры, недовольные умеренностью реформ, взяли курс на террор и революцию. Себя они обрекли на подчинение нелюдям, на вырождение в нелюдей. А реформы отдали на откуп чиновникам типа Лембке, ничего в них не понимавшим. Выбор методов террора — путь к гибели, почти кричал в «Бесах» Достоевский. Но пророчество не было услышано.

Поэтому появление книги, в которой описан личный опыт игрока Достоевского, связано не с самим этим опытом, а с тем, что Достоевский увидел ряд серьезных современных проблем России именно в немецком городе Рулетенбурге. Как писал в письме к Н.Н. Страхову Федор Михайлович, он сочиняет так, что «вообще отразится современная минута (по возможности, разумеется) нашей жизни». И сегодня как Захаров, так и театральная публика, и я сам

смотрим на спектакль не как на историю игрока Достоевского, а как на нечто актуальное для современной России.

Вот уже десяток лет крутится рулетка российских реформ. Исчез поучавший нас с экрана банкир Стерлигов со своей овчаркой Алисой. Прокрутились МММ и «Властелина». Поиграл в рулетку Хасбулатов...

Что же тут удивительного? — спросит читатель. Революции пожирают своих детей — вспомним французскую или русскую. Но революции — это мясорубки. После мясорубки вернуть никого невозможно. А у нас (как и в шестидесятые годы прошлого века) — реформы. Символ реформ — не мясорубка, а рулетка. В ней не пожирают, а отодвигают. Более того — рулетка может снова кого-то вернуть. Пришел, ушел, снова пришел и снова ушел Гайдар. Чубайса то изгоняют из правительства, то с триумфом возвращают. СССР то разваливают, то пытаются начать складывать. Запад то облизывают, то запугивают. В церковь то ходят, то не ходят. Частные школы то открывают, то закрывают. Убыточные заводы то призывают закрывать, то начинают спасать заказами. Чеченские лидеры то уголовные преступники, то достойные гости Кремля. Севастополь то не отдадут, то отдают...

В спектакле этот процесс отражен в блестящем исполнении Чуриковой. Она ставит на zero. И выигрывает. Затем ставит — и проигрывает. А когда она от zero наконец отреклась — оно вдруг выиграло. Да, в рулетке даже «нуль» может снова «всплыть».

Рулетка стала символом первого этапа российских реформ прошлого века. Деньги, ставшие «всем». Незнание способов их добывания. А если есть знание, то нет умения. Упование не на свои усилия, а на случай, на везение. Российский фатализм, смиренная готовность и к удаче, и к проигрышу.

Рулетка — это для нетерпеливых, для тех, кто не может ждать нормального хода событий. Кто расходу на гарантированный средний результат противопоставляет свое желание хватнуть, сорвать, урвать. Рулетка — расчет не на дело, а на случай.

А с другой стороны, в рулетке есть реформаторские черты — азарт, свобода выбора, право действовать по-своему, риск и жажда риска.

И наконец, третья сторона — рулетка перераспределяет, рулетка — это передел для имеющегося. В рулетке общая сумма денег в принципе вырасти не может. Поэтому игроки в рулетку — это люди, желающие обогатить других, но не методами «Преступления и наказания», а как бы именем случая, везения.

Сейчас — как и тогда — много говорят о первоначальном накоплении и о неизбежной при этом грязи. Надо, мол, сначала собрать деньги для будущих инвестиций. Но все дело в том, что первоначальное накопление — это не просто сбор денег. Это — переход денег в руки тех, кто их вкладывает в экономику, а не тратит на себя или собирает на банковские счета.

Пока мы не осознали, что первоначальное накопление — это нечто другое, чем концентрация денег, мы настоящие реформы не начнем. Это пока рулеточный этап реформ.

Крутится, крутится российская рулетка... Можно вполне согласиться с Захаровым — лучшего образа для всей эпохи наших реформ, чем рулетка, не найти.

Игроки

Федор Михайлович Достоевский создал уникальную серию книг об эпохе великих реформ середины прошлого века. Без Достоевского и его героев я бы никогда не понял тех реформ.

Поразительно, как мог дать столь глубокий анализ современник этих событий. «Игрок» — как и написанный одновременно с ним роман «Преступление и наказание» — начало этой серии.

В «Преступлении» Достоевский высветил одно из первых следствий реформ: криминал... Человек знает, что деньги дают власть. Далее он свободен в худшем смысле — освобожден от прежней морали. И, наконец, он видит деньги, добытые нечестным путем, а потому считает вполне нормальным эти деньги таким же путем «перехватить». Для понимания криминала наших реформ книга Достоевского более чем необходима.

А в «Игроне» Достоевский анализирует еще одно следствие реформ — «заграничных русских». Только в 1860 году за границу выехало почти 300 тысяч русских. Чуть ли не 10% господствующего класса. Россия активно обсуждала проблему «возврата». Аксаков сожалел, что они бросили Россию, «богатую делом, всякого рода».

Мы, выросшие в мире материалистической идеологии, с детства привыкли, что летчик должен погибнуть, спасая самолет, а пастух сгореть, спасая двух телят. И нас больше беспокоит не утечка мозгов, а утечка долларов. Но в то время Россия еще понимала, что главное — не вывоз денег и не их возврат, а выезд людей. Капиталы — всего лишь следствие. И в романе, и в пьесе упор сделан именно на анализ людей.

Вот семья генерала. Генерал, судя по возрасту, вряд ли побеждал Наполеона. Скорее, он «отличился» в бездарной войне с Шамилем и в проигранной войне в Крыму. С таким «запасом» он места в реформах не нашел и уехал из России. Задолжал, бросился поправлять дела рулеткой, все проиграл. И теперь все его надежды — на наследство из России.

Генералы — военные и гражданские — это элита России, основа ее режима, опора власти. «Мне только бы досталось в генералы», — мечтал еще Скалозуб. Сегодня, когда реформы создали столько беспорядка в России, усиливается идея, что, быть может, возвращение генералов спасет страну. А вот образ Достоевского и Джигарханян в роли генерала убеждают нас в другом. Такие генералы уже ни на что не способны. Точнее, они способны на то, чтобы любое новое полученное наследство (будь то деньги или власть) промотать так же, как растранижирили прежнюю власть и прежние деньги.

Далее — бабушка. Вроде бы прекрасный тип русский барыни. На таких держалась русская провинция. Но и эта властная, волевая женщина бессильна перед рулеткой. Она тоже все теряет. И ей остается вернуться на Родину, чтобы страна кормила ее до кончины.

Итак, две ведущие силы России — власть и помещики — «не тянут». Бессильны. Они проиграли задолго до приезда в Рулетенбург. Они всю жизнь были потребителями. Им платил царь, платил управляющий имением, платил староста. А они только тратили. Неудивительно, что, потеряв прежние кормушки, они бросились к рулетке как последнему средству добывать деньги, и без труда и усилий.

Но вот еще один участник российских реформ. Учитель Алексей Иванович. В нем уже есть и ум, и понимание дела. Но и он — уже третий год возле рулетки. Почему?

Он тоже оказался не готов к реальному делу. Он имеет то, что нужно предпринимательству: есть и азарт, и есть и жажда риска, есть и желание ощутить себя свободным.

Но все это — в зачаточном состоянии. Все это обращено не на дело, а на рулетку. Не на работу, а на игру. Это — варварский этап предприимчивости. Когда человек уже стал еретиком

по отношению ко всему прошлому, но не стал еще подлинным верующим в новое. Поэтому название «Варвар и еретик» — прекрасная находка Захарова. Варвары и еретики нового не создают. Они годны только на разрушение.

Правда, Достоевский не был бы Достоевским, если бы не отметил еще один, сверхважный фактор. Алексей Иванович ищет дела, так как он в принципе не любит добывать деньги. Ему не нравится западная жизнь как таковая.

Достоевский — всего на пятом году реформы приходит к исключительной важности выводу — среди «зарубежных русских» нет человеческих сил, нужных для реальных преобразований. Для игры — людей достаточно. Для дела — нет. Даже если этих «зарубежных» вернуть в Россию с их деньгами — ничего не получится.

Потом Достоевский в своих книгах создает целую галерею инвалидов от реформ, уродов от реформ, паразитов от реформ, тиранов от реформ, плакальчиков от реформ, нищих от реформ. А здесь перед нами первые портреты этой галереи — игроки от реформ. Этот слой социальных индивидов — плата за самую главную черту российских реформ. Они были начаты сверху — при неготовности страны.

В эти же годы в США, как только Линкольн объявил о праве занимать земли, на Запад сразу же хлынули сотни тысяч колонистов. Народ был готов. В 1917 году, на другой день после Декрета о земле, даже еще не получив его текста, русские крестьяне начали делить помещичьи земли — Россия тоже была готова к переменам.

А вот великая реформа 1861 года была начата сверху при неготовности к ней всех слоев общества. Более чем знаменательно, что к такому же выводу приходит в эти годы и Николай

Чернышевский. В романе «Пролог» герой романа Волгин говорит: «Толкуют: Освободить крестьян. Где силы на такое дело? Еще нет сил... Что выходит, когда берешься за дело, которое не можешь сделать? Естественно, что — испортишь дело, выйдет мерзость...»

Раз общество не готово — то всевластие бюрократии. Реформы — ее руками и в ее интересах. Отсюда — недоверие даже лучших людей России типа учителя Алексея Ивановича к власти и ее реформам. Достоевский пишет о нем как о человеке, «изверившемся и не желающем искать себе дела в России».

В рулетку не выигрывает ни один из русских. Ну а как другие народы? Ведь Россия, начав реформы, официально решила вновь — как при Петре I — догнать Европу?

Вот англичанин Астлей, наиболее симпатичный из «западников». Англичанин в рулетку не играет.

Вот немцы. Они содержат рулетку, гостиницу при рулетке. Они рулеткой живут. Но живут — не играя в нее. Живут как организаторы, на процент.

Вот французы. Весь сарказм Достоевского по адресу буржуазии вылит сполна. Да — мошенники. Да — ростовщики. Но — заметьте — они тоже в рулетку не играют. Они, в отличие от немцев, ею не живут, а на ней наживаются. И на проигрывающих, и на выигрывающих.

Есть еще один колоритный персонаж — поляк. Во всех произведениях Достоевского отношение к полякам и евреям крайне отрицательное. Я никак не мог понять эту совершенно нерусскую в русском писателе черту. Но потом осознал, в чем дело, вспомнив литовские корни Достоевского. Его отношение к евреям — тема особая. А вот ненависть к полякам — это, собственно, не ненависть. Это жгучая обида литовского народа, который несколько веков назад решил связать свою судьбу с Польшей,

пошел «под полянков», сменил ради них свое православие на католичество — а в итоге оказался у разбитого корыта, имея в начале пути одну из великих европейских держав. Поляк — как и русские — с рулеткой ужиться не может.

Рулетка — не для России

Даже те русские, кто выигрывают, деньги теряют. То ли на ту же рулетку. То ли на дела, которые к созидательным усилиям никак не отнесешь. Тем более их не отнесешь к затратам, которые обязательно сулят прибыль (т.е. стали капиталом).

Бабушка свой выигрыш «загоняет» в рулетку. Но, так и быть — она осколок «старого». Но ведь и «новый» Алексей Иванович тоже «продувает» свой достаточно большой выигрыш. Достоевский беспощаден: и в проигрыше, и в удаче — России не по пути с рулеткой.

Вопрос, стало быть, не в деньгах. Проблема — в людях. При таких людях Россия ничего не достигнет. С таким народом, как «заграничные русские», реформы вести нельзя. Блестящая игра антеров в пьесе убеждает нас — нет никого, хотя бы отдаленно пригодного к роли организатора экономической жизни России.

Нужны или не нужны России реформы — этот вопрос в целом не ставится. Поставлен и решен другой, более частный вопрос — рулеточный этап реформ России не подходит. Ни в немецком, ни во французском варианте.

И каким бы частным ни казался этот вывод — он очень важен. И в те времена. И сегодня. Роман и пьеса — приговор примитивному западничеству и попыткам целых слоев русского населения «вписаться» в чуждую им жизнь.

Приговор окончательный. Ни рулеточный этап реформ, ни заграничные русские ничего России не принесут. Поэтому этот вид

реформ надо преодолеть. От него надо отказаться. Неизвестно, что нас ждет. Неизвестно, что нам надо. Но то, что ясно — уже ясно. Немцев и французов из нас не выйдет.

Время рулетки проходит. Скоро придет рассвет и рулетку пора закрывать. Мы оказались непригодными для рулетки, для этого варианта реформ.

В «Игроке» символична Полина. В ней — как и в серии последующих женских образов Достоевского — на сцену выходит сама Россия. Достоевский прекрасно уловил понятую еще Пушкиным и воспетую им в Татьяне идею: Россия — это ее женщины. Они и глубже, и умнее, и искреннее, и тверже.

Полина мечется, ищет. Из любовницы француза она пытается превратиться в опору Алексея Ивановича. Но не для него такая опора. И Полина уходит к Астлею, как пушкинская Татьяна к генералу, как тургеневская Елена к Инсарову. Нет пока что в России достойных ее женщин настоящих мужчин. Ни среди проигравших, ни среди выигравших.

Захаров знает, чего не знал Достоевский. И он имел право дополнить «Игрока» чеховским финалом. Ищут, ждут, надеются, верят чеховские женщины. Они нам в итоге оставляют веру. Пусть даже как бы висящую в воздухе. Пусть даже ничем не подкрепленную. Но это исступленная, искренняя вера женщин России в свое будущее, в свою звезду, в свою судьбу.

Будущее у нас есть. Есть свой путь. Нас рано списывать. И эта, казалось бы, ничем не обоснованная вера — необходимый элемент в пьесе. Эпоху варварства сменит цивилизация, а эпоху мятежиса еретиков — время глубокой идейной целеустремленности.

УРОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

У меня как-то само собой сложилась привычка раз в десять лет полностью перечитывать книги, оказавшие на меня особое влияние. «Война и мир» — одна из них. Вот и однажды — перечитывая Л.Н. Толстого — я вдруг обратил внимание на то, насколько трактовка главных проблем 1812 года Львом Николаевичем дает мне ключ к новому пониманию Отечественной войны 41–45 годов.

Народ

Андрей Болконский воспользовался указом вступившего на путь реформ Александра I о вольных хлебопашцах и одним из первых в России перевел свое имение на новые условия. Казалось бы, его крестьяне должны были бы быть благодарны барину.

Но вот наступает 1812 год. Село Богучарово. Кто-то привез прокламации Наполеона: за все французская армия будет платить. А вот отступающие казаки из русской армии разоряют деревни.

Толстой — реалист. Правда для него важнее всего. Он пишет, что крестьяне «имели какие-то сношения с французами, получали какие-то бумаги». А один мужик даже взял у французов сто рублей ассигнациями вперед: за будущие поставки им сена.

Поэтому, когда княжна Марья начала убеждать крестьян ехать с ней, сход Богучарова решил «не вывозиться и ждать». Ни обещания княжны отдать им уже взятый у них в качестве оброка хлеб, ни посулы обеспечить их на новом месте не помогли. Даже ссылка на грозный царский приказ — «с неприятелем не оставаться» — не подействовала.

Крестьяне заявляют: **«Вишь, научила ловко, за ней в крепость поди!»** (подчеркнуто мною).

Позиция крестьян ясна: барыня хочет их взять в другое имение и оставить крепостными. А вот французы — по слухам — отменяют эту самую «крепость».

И только арест Николаем Ростовым, случайно оказавшимся в Богучарове в поисках сена, старосты Дрона и неформального лидера Карпа позволил Болконской уехать. Крестьяне же остались ждать французов.

Как видим, по Толстому, русские крестьяне вначале меньше всего думали об Отечественной войне с захватчиками. На бескомпромиссную борьбу были настроены русские дворяне, хорошо знавшие о том, что Наполеон отменил в Италии феодальные порядки. Князь Андрей говорит Пьеру Безухову: «...я бы не брал пленных... Французы разрушили мой дом и идут разрушать Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники по всем моим понятиям...».

Когда же война с французами стала войной народа, Отечественной? И почему?

Толстой пишет о Смоленском сражении, где, по словам князя Андрея, «мы **в первый раз** сражались так за Русскую землю, что там был такой **дух**, какого **никогда не видел**». Затем — Бородино, где на французскую армию «была наложена **рука сильнейшего духом** противника» (везде подчеркнуто мною). Затем — уход из Москвы.

Но это — события. А что за ними стояло?

Москве Наполеон предложил Конституцию и муниципальное управление. Ремесленников и мастеровых Наполеон призывал вернуться «к своим рукоделиям». Крестьянам рекомендовал возвратиться в свои избы. И «в отношении благотворительности... Наполеон тоже делал все, что от него зависело».

Но москвичи, как выяснилось, должны повиноваться не своему самоуправлению, а «военным и гражданским начальникам». При этом «городская полиция учреждалась по прежнему порядку».

Наполеон так определяет — по Толстому — **цели** своей войны: «...я не хотел и не хочу воевать... я вел войну **только с политикой Двора**... я люблю и уважаю Александра» (подчеркнуто мною).

И русское крестьянство поняло: Наполеон — враг не дворян, даже не двора, а только кого-то при дворе. И в дополнение к своему барину оно получит еще и французского.

Толстой делает блестящий вывод: «...все эти распоряжения, заботы и планы... **не затрагивали сущности дела**, и как стрелки циферблата в часах, отделенные от механизма, вертелись произвольно и бесцельно, не захватывая колес» (подчеркнуто мною).

Того главного, решающего, что несла французская армия в Европе на знаменах Великой французской революции — отмену феодализма, — Наполеон в России не обещал.

И народ ответил своей народной войной. Степень ее жестокости определилась среди прочего и обманутыми упованиями и надеждами крестьян. «Трудолюбивых ремесленников не было, а крестьяне... ловили комиссаров, которые слишком далеко заезжали... и убивали их».

Со времени вступления неприятеля в Смоленск началась партизанская война. И хотя в ней преобладали отряды, созданные дворянами, у Дениса Давыдова, отряд которого первым был учрежден 24 августа 1812 года, «самым полезным и храбрым человеком» был крепостной крестьянин Тихон Щербатый из Покровки под Бокатью.

Отечественной, народной войну сделали русские крестьяне — те самые, которые вначале не хотели отступить вместе со своими хозяевами, а теперь шли в партизанские отряды под начало своих баринов-дворян для общей борьбы с врагом.

Вот к какому выводу подвел меня Лев Николаевич, а его самого к такому выводу привела его великая писательская правдивость.

Кутузов

Постараюсь и здесь остаться в пределах текста и, главное, точки зрения Толстого.

Толстой — великий сын русского народа, великий патриот своей страны, нашел в себе мужество пойти против всех точек зрения — и тогдашних, и, к сожалению, сегодняшних (тоже перешедших к нам в качестве сталинского наследства) взглядов.

«Кутузов знал не умом, а всем русским существом своим, знал и чувствовал то, что чувствовал каждый русский солдат, что французы побеждены, что враг бежит и надо выпроводить их; но вместе с тем он чувствовал, заодно с солдатами, всю тяжесть этого неслыханного по быстроте и времени года похода».

Кутузов — не как полководец, а как русский человек понимал масштаб потерь страны. Он поэтому считал, что «бессмысленно было терять свои войска для уничтожения французской армии... бессмысленно было желать взять в плен императора, королей, герцогов».

Кутузов считал, что «все наши маневры не нужны», что «с чем-нибудь надо прийти на границу, что за десять французов я не отдам ни одного русского», «что люди без сапог», «что надо подождать провианта».

По мнению Кутузова — полностью одобряемому Толстым, — «русская армия должна была действовать как кнут на бегущее животное. И опытный погонщик знал, что самое выгодное держать кнут поднятым, угрожающим, а не по голове стегать бегущее животное». И стремление навязывать сражение отступающему врагу было «подобно плану огородника, который, выгоняя из огорода потоптавшую его гряды скотину, забежал бы к воротам и стал бы по голове бить эту скотину. Одно, что можно было бы сказать в оправдание огородника, что он очень рассердился».

Высшей степени разногласия Кутузова с императором Александром достигли тогда, когда русская армия вышла к границе России.

Кутузов четко заявил — «тем заслуживал немилость государя... что **дальнейшая война за границей вредна и бесполезна**» (подчеркнуто самим Толстым). Кутузов один настаивал на том, «чтобы не давать сражений, не начинать новой войны и не переходить границу России».

Кутузов думал не о тронах монархов Европы, а о необходимости отстраивать сожженную Москву, восстанавливать крестьянские деревни и барские имения, поднимать Россию.

Но император, двор и командование армии, по разным мотивам, хотели уничтожить Наполеона. «Война 1812 года кроме своего дорогого русскому сердцу народного значения, должна была иметь другое — европейское».

Кутузов «не хотел понимать этого и открыто говорил, ...что новая война не может улучшить положения и увеличить славу России...»

«При таком настроении фельдмаршал естественно представлялся только помехой и тормозом предстоящей войны». «Война за восстановление границ», как тогда говорили, означала — за восстановление тронов и их границ в Европе, то есть за дело, абсолютно чуждое русскому народу, но дорогое и близкое русскому императору.

Толстой с беспощадной правдивостью пишет о том, что Кутузов со своей позицией был один: «Слова, сказанные Кутузовым, едва ли были поняты войсками».

Величие Отечественной войны 1812 года в том, что нашелся уже в годы войны пусть один, но противник ее переноса за границу. И Толстой сосредотачивает именно на этом наше внимание.

«Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не осталось, кроме смерти. И он умер».

Следуя логике Толстого

Итак, я для себя полностью уяснил главную идею взглядов Толстого на войну 1812 года: война была Отечественной, пока она шла до границ России и пока в ней добровольно участвовал народ.

Я сказал «уяснил», хотя, строго говоря, «уяснять» ничего не требуется: Толстой свой вывод постоянно повторяет и подчеркивает. И если я раньше его не замечал — то это итог огромных усилий и дореволюционных, и современных комментаторов. Меня всеми способами «оттягивали» от идеи Льва Николаевича — вплоть до того, что в школе предлагали темы сочинений о чем угодно: о Платоне Каратаеве, о Безухове и т.д. — только не об этом главном выводе Толстого.

Почему? До революции — чтобы оправдать Александра I, отвергнувшего концепцию Кутузова. После революции, в советское время — из-за очень уж заметной и «опасной» для руководителей аналогии между нашей войной с Гитлером и войной России с Наполеоном.

И там, и там — сначала равнодушие народа (если не сказать больше) в его отношении к нашествию, явное нежелание выполнять указы об уходе и «выжженной земле» после себя.

И там, и там — радикальное изменение отношения народа к войне после того, как стали очевидны планы Наполеона и Гитлера.

Но главное — и там, и там — это решение «продолжить войну за границу» (Александр) и «добить врага в его логове» (Сталин).

Поразительно, что Александр I и Сталин даже слова употребляют схожие. Александр I говорит офицерам: «Вы спасли не только Россию, вы спасли Европу». Сталин в приказе 1 мая 1945 года пишет: «Мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев — поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы».

Цели, правда, совершенно разные. У Александра — утвердить в Западной Европе монархии и восстановить их границы. У Сталина — утвердить советский вариант социализма в Восточной Европе.

Ради этого — в обоих случаях — Россия обречена на огромные человеческие и материальные жертвы при продолжении войны.

Кое-что Россия в результате похода в Европу приобрела — подтвердила контроль над «своей» частью Польши, взяла «под скипетр» Финляндию и т.д.

Но за освобождение Европы от Наполеона Россия могла потребовать согласия на включение в нее славянских земель

Европы — Сербии, Чехии, Словакии, прусской и австрийской частей Польши, да и православной Греции.

Но Европа, опасаясь укрепления России, сумела вытолкнуть ее из Европы, предложив ей Кавказ и сделав Турцию плательщиком долгов Европы России.

А Александр I «заглотил» эту наживку. Россия бросила славы и отправилась завоевывать мусульман. Россия отказалась от векового курса на «окно в Европу» и отправилась в горы и ущелья Кавказа. Из мира цивилизации в мир родоплеменной. Где и провоевала тридцать лет, ожесточаясь до уровня горских бойцов и утрачивая черты первоклассной армии Европы, созданной усилиями Петра и Екатерины.

Сталин, конечно же, изучал опыт войны 1812 года. Он не раз говорил подчиненным, что ошибка Александра I — уход из Парижа. Сталин решил никуда не уходить. Такой урок извлечен из опыта прошлого. Только вот Толстого и Кутузова, «Войну и мир» он или не понял или не захотел понять: народная война должна закончиться на русской границе.

Дорого заплатила Россия за решение Александра I стать спасителем феодальной Европы. Заплатила — и сразу — выдворением из Европы. И потом, после тридцатилетней войны с народами Дагестана и чеченцами на Кавказе, ее армия оказалась не в состоянии вести бои с настоящими армиями и проиграла Крымскую войну.

Толстой сам храбро участвовал и в войне на Кавказе, и в обороне Севастополя. И он имел полное моральное право как одобрить концепцию Кутузова, так и отвергнуть план Александра I, состоявший в том, чтобы Россия, вместо того чтобы устраивать собственные дела, отправилась устраивать дела Западной Европы.

Возможность реформировать свою страну была утрачена. Напротив, народная победа в Отечественной войне 1812 года имела итогом выдавливание России из рядов передовых стран Европы для навязывания стране идеологии «православие — самодержавие — народность», для казни декабристов, для расправы с Достоевским и другими петрашевцами, для утверждения в стране собакевичей, ноздревых, сквозник-дмухановских, хлестаковых, коробочек, угрюм-бурчеевых и всяких там помпадуров, ташкентцев, молчалиных и других героев «темного царства».

Народная война 1812 года и народная победа над захватчиками стали оправданием продления крепостного гнета еще на пять десятилетий.

ВИШНЕВОМУ САДУ ЧЕХОВА ТРЕБУЕТСЯ ХОЗЯИН

Выбор Марком Розовским чеховского «Вишневого сада» для новой постановки связан с традиционным умением этого режиссера актуализировать классику. Премьера спектакля, состоявшаяся 8 сентября этого года, подтверждает этот мой вывод.

Я не буду анализировать особенности постановки «Вишневого сада» в театре «У Никитских ворот»: обсуждать актеров, декорации и т.д. Все это — не моя область, это — дело специалистов. А я хотел бы остановиться именно на актуальности.

Есть то, что я называю первым пластом актуализации: реплика, обобщения, утверждения. Режиссер и актеры очень чутко и находят, и доносят до зрителя эту сторону чеховской пьесы.

Фирс так вспоминает день освобождения крестьян от крепостного права: «И помню, все рады, а чему рады, и сами не знают». Для нас, недавно отметивших десятилетие августа 1991 года, все более чем близко.

И слова Лопухина — «жизнь у нас дурацкая» — тоже относятся не только к России столетней давности. Как и его слова о том, что стоит начать любое, самое небольшое дело, чтобы сразу понять, «как мало в стране честных, порядочных людей». Или оценка Трофимова: «Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно». И уж совсем «к делу» его мнение о беготне в поисках займов: «Если бы энергия, которую вы в течение всей вашей жизни затратили на поиски денег для уплаты процентов, пошла у вас на что-нибудь другое, то, вероятно, в конце-концов вы могли бы перевернуть землю».

В советские времена такого рода актуализаций было вполне достаточно для успеха спектакля. На премьере зрители, конечно, тоже их заметили. Но — и это очень примечательно — не это стало главным. Бурные аплодисменты в конце спектакля говорили о том, что нам и понятна, и близка актуальность более высокого уровня — идеология пьесы в целом.

Со школьных лет мы помним, что Чехов под вишневым садом имеет в виду всю Россию (в пьесе об этом прямо заявлено: «Вся Россия — наш сад»). Этот сад уникален. Украшал всю губернию. Отмечен в энциклопедии. Он десятки лет приносил доход.

Но вот пришли другие времена. Имение с садом выставлено на продажу. И Антон Павлович — один из самых пронизательных писателей России — напряженно ищет ответ на вопрос: можно ли спасти вишневый сад и кто может это сделать?

Прежде всего есть его прежние хозяева. Чехов берет лучших представителей старой России. Но тем беспощаднее его выводы. Они, десятки лет кормившиеся этим садом, совершенно не способны сохранить сад. И это на фоне уверений Раневской: «Видит бог,

я люблю родину, люблю нежно...» Или обещаний ее брата: «Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! Счастьем моим клянусь!» Но это — только слова. На деле старые хозяева и сада, и всей России ни к чему конструктивному не способны. Они даже на старт не могут выйти, так как им для начала надо было бы «искупить наше прошлое, покончить с ним». А этого нет. Они и сам аукцион по продаже не могут воспринять всерьез, с необходимой остротой. Не верят в саму возможность своей «отставки» — так долго они правили всем. «Несчастье представляется мне до такой степени невероятным, что даже как-то не знаю, что думать, теряюсь». Это мы тоже все видели совсем недавно.

Самое большее, на что способны эти «патриоты» России — как Симеонов-Пищик, — без малейших колебаний сдавать свою землю на десятки лет или под «железку» или даже англичанам, (в которой те нашли «какую-то белую глину»).

Словом, будущего у вишневого сада при старых хозяевах нет, так как «владение живыми душами — ведь это переродило всех вас...».

Тем внимательнее всматривается Чехов в новых хозяев — тогдашних «новых русских». Чехов опять берет не всякого рода «хватателей», которых было более чем достаточно. Он опять ищет самых лучших среди этой группы. Трофимов говорит Лопухину — «у тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...». Чехов очень опасался, как бы во МХАТе из Лопухина не сделали «нулана», и в письме к К.С. Станиславскому 30 октября 1903 года пишет: «Лопухин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах». Но что предлагает этот — как он сам себя называет — «новый помещик — владелец вишневого сада?» Разделить землю на участки и продать дачникам. Экономически дело выгодное. Но... Но сад-то надо будет вырубать. («Приходите

все посмотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду»). Вишневый сад перестанет существовать как сад. «Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь». Жизнь, может быть и сытую, но уже без вишневого сада. Такую перспективу — без вишневого сада — сулит самый лучший из новых хозяев.

Кто еще имеет программу для вишневого сада? Чехов обращается к третьей силе — молодому революционному движению.

У Трофимова масса правильных слов: «надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину», «мы идем неудержимо к яркой звезде» и так далее. Одни обещания. Честные, искренние. Но так и не ясно ни Чехову, ни нам, будут ли они выполнены. Аня говорит: «Мы посадим новый сад». Выходит, не спасем этот сад, а «насадим» новый. А чего стоит предложение Ани: «Прочтем много книг, и перед нами откроется новый чудесный мир». Трудно поверить, что вишневый сад обретет среди этих людей, выдающих выход в чтении книг, настоящего хозяина.

Пьеса была написана Чеховым в 1903 году. Перед началом всех русских революций Антон Павлович, уже смертельно больной и потому исключительно чуткий, как бывает при напряжении всех сил, делает более чем знаменательный вывод: во всей России нет сил, способных сохранить российский вишневый сад. И не случайно появляется слово «недотёпы». Недотёпой зовет Фирс Дуняшу. Недотёпой зовет Раневская Трофимова. Недотёпой называют Яшу. И последнее слово пьесы — «недотёпа». И хотя его Фирс адресует вроде бы себе, на самом деле все герои «Вишневого сада» — недотёпы. Недотёпы в силу бездарности. Недотёпы-стяжатели. Недотёпы-романтики. Вишневый сад окружают одни недотёпы. Будущее сада, будущее всей России — в руках недотёп. Что ждет сад, что ждет страну? Пьеса, названная комедией, фактически

оборачивается трагедией. Жизнь, к сожалению, подтвердила вывод Чехова. Были те «бывшие», кто не смог остаться хозяином сада. Были те, кто вырубал сад ради прибыли. Были и те, кто хотел ради будущего снести старый мир до основания, а затем насадить новый сад, «роскошнее прежнего». Не было одного — не нашлось хозяина для уже посаженного российского сада.

Весь анализ Чехова целиком относится и к нынешней ситуации в России. Розовский правильно ужесточает черты паразитизма у прежних хозяев, их непригодность. Раневская не сумела — несмотря на все свои заявления — позаботиться ни о старике Фирсе, отработавшем на нее и ее семью всю жизнь, ни о преданной Варе. Раневская уезжает прогулять деньги, которые бабушка выделила для Ани. Такие «бывшие» нам знакомы. Розовский ужесточает и образ Гаева. Как-то отступает его традиционная «биллиардность» и главным становится его либерализм. Масса красивых слов при неумении хоть что-то сделать. И опять-таки мы достаточно рассмотрели на такого рода либералов.

Но самое главное для Розовского у Чехова — именно то, что в начале XX века страна, Россия, вишневый сад не нашли хозяина. Этот вывод как раз и делает пьесу сверхактуальной. Как распорядились мы в России с нашим вишневым садом в конце XX века? У нас хватило сил устроить аукцион и отобрать сад у бездарных, выродившихся хозяев. Ну а дальше? Мы предполагали, отобрав у государства отрасли, способные развиваться без опеки властей, освободить государство от «перегрузок» и, сохранив в его руках то, что не может не быть государственным, вдохнуть жизнь в этот новый госсектор. На деле у государства просто отняли наиболее прибыльные участки. И в итоге государство занято не развитием своего государственного «сада», а поиском

путей и мотивов для вмешательства в жизнь частного предпринимателя, частного здравоохранения, частного образования — словом, поиском «кормушек». Мы предполагали создать в ходе приватизации активный, динамичный частный сектор, который быстро начнет наращивать свою эффективность, используя ресурсы доставшейся ему части «сада» во много раз лучше, чем тогда, когда эта доля сада была государственной. На деле приватизация устремилась не туда, где нужны частный подход и частная инициатива, а туда, где частное и не нужно, и даже опасно, — в добычу и экспорт природных ресурсов. Не хозяева, а соратники торгующего «землей с белой глиной» Симеонова-Пищика и всех тех, кто десятки лет распродал недра России и на эти деньги создавал иллюзию «успехов». Мы предполагали, что конкуренция в частном секторе выявит массу резервов, выявит таланты. А на деле вместо конкуренции разного рода махинации под крылом, а то и с участием чиновничества. Или под крылом криминала. Чаще — и тех, и других. И опять — нет хозяев.

И по-прежнему наша интеллигенция «не способна ни к какому делу», не говоря уже о своем главном деле — быть мозгом нации. Как и сто лет назад, российский сад все еще не обрел настоящего хозяина. Чехов и Розовский еще раз напомнили нам об этой ключевой для будущего России истине.

«Московский номсомолец», 19.09.2001

ГЛАВА 4

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДРАМАТУРГИ С НАМИ

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Среди причин, заставивших меня вспомнить о романе Островского, была и где-то услышанная мною фраза о том, что «Как закалялась сталь» теперь исключена из школьной программы. А я считал и считаю, что эта книга — памятник советской эпохи, без которого ту жизнь трудно понять. Авторы идеи исключения романа из школьной программы скорее всего по-настоящему его не читали. Они — это, к сожалению, относится ко многим произведениям советской и русской литературы — знали официальную, мифологизированную интерпретацию романа и не изучали внимательно то, что написано на его страницах черным по белому.

Когда я учился в школе под Новочеркасском, наша учительница дала нам свободную тему для домашнего сочинения — «Моя любимая книга». Наша старая «литераторша» окончивала Московский университет и во многом благодаря ее рассказам я решил поступить в МГУ, и только в МГУ, а не в модные МГИМО, Физтех и т.д. Школьную программу она, конечно, до нас доносила, но, чтобы дать возможность нам «выскользнуть» из ее рамок, она задавала разрешенные тогда сочинения на свободные

темы. А потом, разбирая наши сочинения, получала повод привлечь внимание к тому, что не попало в школьный учебник...

Но на этот раз я разочаровал ее и выбрал «Как закалялась сталь». И не случайно — я уже трижды перечитывал ее и с каждым разом все больше и больше находил в ней очень много такого, о чем в комментариях учебника не упоминалось.

Действительно, в романе Островского был официально приемлемый «пласт». Но и сам автор романа, и те, кто ему помогал писать текст (мне называли и Анну Караваеву, и Веру Панову и других), были незаурядными людьми. И в итоге на страницах романа появилась правда. Надо только эту правду уметь увидеть.

У меня в общей папке «Как закалялась сталь» лежат конверты с надписями — «Винтик революции», «Подвиг: личности или идеологии», «Бюрократия», «Оппозиция», «Что вошло в идеал», «Что ждало бы здорового Корчагина», «Стройка» и другие. В них я складывал свои выписки, заметки, комментарии.

Вот, скажем, очень короткая фраза из романа: Павел Корчагин не смог работать в ЧК и отпросился на другую работу по состоянию здоровья. Если даже Павлу — этому по-настоящему стальному человеку — работа в ЧК оказалась не по силам, то это о многом говорит: и о самой этой работе в ЧК, и о Павле.

Но здесь я хотел бы остановиться только на одной теме — на строительстве железнодорожной ветки для подвоза дров Киеву. Это строительство — один из центральных сюжетов романа. Глядя на работу комсомольцев, Жухрай сказал фразу, ставшую заглавием книги: «Вот где сталь закаляется».

Что же происходило? Дрова были заготовлены. Правда, их почему-то складывали не возле железнодорожной станции, а в шести километрах от нее. Чтобы срочно доставить их в Киев —

иначе город замерзнет, — нужно было перевезти их к станции. Почему возникла такая ситуация?

Намек в романе — вредительство. «Лысый» председатель железнодорожного лесного комитета представлен как подозрительный тип. Но в романе его только сняли с работы. В те времена это было своего рода оправданием — пуля как наказание встречалась часто. Почему не расстреляли «лысого»?

Мои размышления привели к выводу — киевские губком и губисполком были виноваты сами. Ведь трудовая армия, написано в романе, заготавливала дрова восемь месяцев. Я посчитал «обратно» и у меня получилось, что трудармия начала работать еще в феврале... Где жили люди и что с ними стало — в романе не сказано. Но за восемь месяцев ни командиры трудармии, ни руководители Киева ни разу не подумали, как и на чем будут везти дрова до станции.

«Лысый» — тот подумал. Но — цитирую — «он не мог указывать начальству на ненормальности в чужом участке». И почти двести сотрудников его учреждения, получая ударный паек, тоже ничего или не замечали, или не хотели замечать. Не исключено, что они были напуганы недавними «арестами руководящих специалистов».

И правление дороги, получив от «лысого» три(!) сообщения о невозможности вывезти дрова, тоже ничего не сделал.

Вывод напрашивается сам собой — вывод о вопиющей некомпетентности тех, кого победа большевиков в революции сделала начальниками Киева. Они явно взялись за дело, которое им было не по плечу. Даже если и было вредительство — некомпетентность не позволила им его вовремя разглядеть и ликвидировать.

Различных примеров некомпетентности в книге достаточно. Так мы читаем, что уже в ходе строительства ветки, спустя два месяца после начала работ, выяснилось: «Тут вот нам косогор поперек дороги лег... Много земли вынимать придется». И опять вопрос: что, этот косогор не видели, определяя трассу ветки? Или попросту не умели читать карту и видеть по ее линиям рельеф трассы?

Эта неготовность руководить страной у вождей, у партии, у всей новой советской бюрократии в первые годы революции и после нее во многом сочеталась с бескорыстием, с искренней верой в свою миссию насильственно осчастливить эксплуатируемые классы. Но даже в те годы — и это показано в романе — некомпетентность прежде всего «возмещалась» безжалостной эксплуатацией героического порыва масс. Присмотримся.

Предложили — построить в три месяца узкоколейку. Нужно триста пятьдесят рабочих и два инженера. При этом жить нигде — есть только развалины местной школы. И Жухрай вносит предложение — «бросим туда комсомольцев». Если «ребятам рассказать, что это спасет город и дорогу, они сделают».

Размышляю. Если первая «база» подвига — некомпетентность партийно-советского руководства, то вторая его «база» — готовность комсомольцев на все. Говоря обобщенно, наличие человеческого материала, воспитанного по схеме: партия сказала «надо» — комсомол ответил «есть».

О бездумном отношении руководства к комсомольцам говорят факты. Смены через каждые две недели в Киеве не готовились и не прибыли. Теплую одежду в Киеве не собирали (хотя, думаю, реквизиции в городе проводились). Зато пулемет с патро-

нами привезли вовремя. И орден Красного Знамени посулили. И, как оказалось, досрочно включили Корчагина в список умерших.

Именно из книги Островского я впервые понял, как героическая готовность молодежи на подвиг беззащитно эксплуатировалась начальством, прикрывая и его некомпетентность, и его безразличие к людям.

Мне нетрудно было додумать выводы из жизни и работы Корчагина и его друзей на стройке. Если всего через два года после взятия власти руководители так относились к людям, то по мере усиления бесконтрольности, всевластия, вседозволенности это игнорирование человека могло только усиливаться. И в отношении «своих» — в аппарате власти, и в отношении к членам партии, и в отношении ко всему народу, в особенности крестьянству и интеллигенции.

Вся наша история потом не раз убеждала меня в том, что меньше всего государственный социализм и его бюрократия жалели людей: и в мирном строительстве и тем более в годы войны (я об этом писал в заметках о московской битве). Но и нынешняя, новая, демократическая бюрократия целиком унаследовала эту «наследственность» и плевала на людей: и вводя шоковую терапию в 1992 году, и проводя дефолт в 1998 году, и сейчас — продолжая войну в Чечне...

А вот впервые обратил мое внимание на эту черту нашей бюрократии именно Николай Островский и именно в романе «Как закалялась сталь».

Из текста книги Островского можно сделать и третий исключительной важности вывод. Оказывается — и об этом прямо написано, — можно было вообще обойтись без строительства ветки к железнодорожной станции. Десять тысяч кубометров

дров можно было перевезти к станции на крестьянских подводах. Всего за месяц. Делая два конца в день. Хватило бы пять тысяч подвод. Села на Украине большие, работы осенью на полях закончились. Кто бы из крестьян отказался от заработка? Но Жухрай заявляет: «Нам и сотни подвод не добыть». Почему? В ответе на этот вопрос вся суть дела.

Крестьян большевики рассматривали как враждебный класс. Их «достали» продразверстной. И с ними нечем было расплачиваться. Оставался один путь — силой. Уже чему-то научившийся Жухрай в успех насилия не верит, да и банда Орлика сразу получит поддержку крестьян.

Конечно, мужики могли бы работать и не за деньги. Им в хозяйстве позарез нужны гвозди, молотки, грабли, плуги, замки — все то, что могут дать заводы Киева. И что, несомненно, они давали селу многие годы перед революцией. Почему же теперь не сделать такой «продуктообмен»?

Главная причина — заводы или вообще не работают или работают в полсилы. И поэтому нечего предложить крестьянам.

А почему плохо работают заводы? Их ведь национализировали! Рабочие работают на себя! Почему же продукции стало меньше и она стала хуже?

И опять ответ дает роман Островского. Честный ответ. Надо только вчитаться.

Вот член бюро комсомольской ячейки среднего ремонта Костька Фидин. Молодежный лидер. Костик работать явно не хотел и только под нажимом мастера начал сверлить плиту. Масленку этот разгильдяй давно где-то потерял и сверлил «всухую», не заливая сверло маслом. Предупреждением мастера пренебрег, сломал дорогое американское сверло. Начальник подал

рапорт об увольнении Фидина. Но... за него вступилось комсомольское бюро — «парень наш, а мастер — чужак». Раз «наш», то можно и не работать, и сверла ломать.

И хотя под нажимом Корчагина Фидина все же исключили из комсомола, история эта объясняет, почему плохо работают заводы и почему нечего предложить крестьянам. Фидин — не что-то чрезвычайное. Корчагин обобщает ситуацию так: «Старые рабочие прямо говорят: на хозяина работали лучше, на капиталиста работали исправнее». И еще — «молодые работают хуже всех».

Подвожу итог: строительство узкоколейки стало необходимым из-за неумения и нежелания налаживать экономический обмен с селом. Говоря иначе, из-за разрухи промышленности. После ее национализации рабочие оказались не готовы вести дела, а в лидеры вышли лодыри и разгильдяи типа Фидина.

Впоследствии, изучая материалы советской истории, я обнаружил такую фундаментальную связь. Сначала рабочий контроль. Потом — национализация. Потом — развал промышленности. Потом — нечего дать селу за хлеб. Осталось посылать продотряды в село для захвата силой оружия по доносам комитетов бедноты хлеба. А сами комбеды состояли из крестьян, которые пару месяцев назад получили по Декрету о земле наделы, но тут же их пропили и снова стали безземельными бедняками. Так что была не так уж не права популярная частушка тех лет: «Свердлов, Троцкий и Ульянов — это шайка хулиганов, а за ними коты из комитетов бедноты». Обираемое крестьянство качнулось к вековым врагам — царю и помещикам. Так была создана среда для гражданской войны. Без поддержки крестьян ни генералы, ни интервенты, ни помещики ничего бы не добились.

Так что провал варианта с крестьянскими подводами в романе Островского — одно из следствий отсутствия соглашения с крестьянством.

Фундаментальную причину гражданской войны — недоговоренность с крестьянами из-за развала промышленности вследствие ее национализации — я в полном объеме понял потом. Но в первый раз на нее обратил мое внимание опять-таки Островский и роман «Как закалялась сталь».

Об этих трех уроках строительства узкоколейки — некомпетентность претендентов на власть, эксплуатация доверия масс и героической готовности Павлов Корчагиных и, наконец, насильственное, волюнтаристское, волевое навязывание социализма, — не считаясь с историей и даже без тех объективных основ, о которых не раз писали Маркс и Энгельс, борясь с нетерпением бланкистов и бакунистов, жаждущих поскорее, немедленно «учинить социализм» (при жизни нынешнего поколения — как стали говорить потом), — я вспоминал не раз.

И до перестройки — когда годами мы из МГУ посылали студентов на уборку и вывоз картофеля. Хотя, как и в случае со стройкой Корчагина, был другой, простой путь: картофель хранить и перерабатывать в колхозах (зимой нет работы у многих колхозников). И по мере необходимости везти в Москву. И в этих «картофельных» историях всплывали знакомые по «Как закалялась сталь» факты: некомпетентность руководителей, эксплуатация идейности молодежи, неумение и нежелание работать с селом, социалистические методы хозяйствования.

И в годы перестройки — когда депутаты Моссовета требовали от меня поголовного увольнения всего городского начальства, но не могли ответить мне на самые элементарные вопросы.

Скажем, когда, где и с кем надо заключить договоры о поставках в Москву подсолнечного масла.

Долгие годы в нашей стране беспримерные, героические усилия Павла Корчагина и миллионов таких же, как он, поверивших в то, что они «рождены, чтоб сказку сделать былью» и построить «светлое царство труда», перекрывали и некомпетентность бюрократии, и пороки присущих ей форм хозяйствования. Но с обязательной для государственного социализма логикой бюрократия быстро теряла революционные корни и все больше заботилась о своих интересах, о своих привилегиях. И соответственно, тоже с неумолимой логикой — Павлы Корчагина на своем жизненном опыте, оказываясь снова и снова в ситуации «строительства узкоколейки», все чаще приходили к выводу, что из котла общего успеха им достается малая, да к тому же постоянно уменьшающаяся доля. И в итоге на весах истории чаша героизма становится все легче, а чаша некомпетентности и неумения руководить все тяжелее. Баланс с каждым десятилетием склонялся в сторону застоя, экономических и социальных тупиков.

Я рассказал всего лишь об одном из сюжетов романа «Как закалялась сталь». Много я мог бы рассказать в связи и с другими разделами романа. Но и сказанного, мне кажется, достаточно, чтобы подтвердить мою главную мысль: книга Островского — выдающееся произведение, правдиво и глубоко отразившее свою эпоху. Правда в романе Островского есть. Надо только ее видеть.

Правда же в том, что закаленная сталь, стальные люди нужны для того, чтобы лучше резать, колоть, рубить. А столь радикальные методы понадобились не только потому, что

новые начальники страны только ими и владели, но и — это самое главное — стальной инструмент и соответствующие ему приемы неизбежно вытекают из того, что с самого начала была поставлена нереальная — по крайней мере для XX века — задача построения бесклассового общества всеобщего благоденствия. Но изнасиловать историю не смогла сталь даже самой высокой закалки.

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

(О Владимире Высоцком)

«А что имел в виду — то написал»

65 лет со дня рождения Владимира Семеновича Высоцкого — не очень уж круглая дата. Но её наша официальная Россия попыталась превратить в очередной этап приручения и канонизации поэта, начатый еще пару лет назад в дни двадцатилетия со дня его смерти.

Ряды Дворца съездов заполнили и те, кто по долгу службы или даже по зову сердца некогда всячески хулил его. Речи о нем произносили и те, кто не принимал его ни в Союз писателей, ни в Союз композиторов. Его песни исполняли те, о ком сам Высоцкий писал:

*«Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов».*

Я далек от того, чтобы в подобных ситуациях видеть повод для злорадства. Я следую библейской притче, рекомендующей прощать блудных сыновей. И любое, пусть самое запоздалое, прозрение достойно уважения.

Но беда в том, что ликования начинают затушевывать все то главное, что составляет суть творчества Высоцкого.

Между тем Высоцкий исключительно прозрачен. Его, с одной стороны, нельзя превращать в лидера диссидентов. А с другой — его трудно «приручить».

*«Один, стоявший скромно в уголочке,
Спросил: «А что имели вы в виду
В таком-то месте и такой-то строчке?
Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь,
А что имел в виду — то написал.
Вот выверну карманы — убедитесь».*

«Не забыть бы тогда, не простить бы, не потерять»

Высоцкий сказал народную правду о войне.

Правду о войне мы знали и по собственным детским годам, и по рассказам взрослых. О ней пели в электричках и на вокзалах инвалиды. Но именно у Высоцкого народное видение войны стало поэзией.

В войне Высоцкого нет генералиссимуса, нет великих маршалов и генералов, нет официально увековеченных героев, нет и канонизированных побед. У Высоцкого война — это тяжелый труд и огромная беда.

*«Почему мы от границы
Шли назад, а не вперед?»*

*«Сколько павших бойцов полегло вдоль дорог —
Кто считал, кто считал!..*

*Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял».*

На войну Высоцкий смотрит глазами миллионов рядовых:
*«Нужно провести разведку боем —
Для чего — да кто ж там разберет...»*

В войне Высоцкого — особист Суэтин, «неутомимый наш» (вся армия была напичкана особистами, заградотрядами и т.д.). И погибающие от удушья подводники. И штрафные батальоны — «Вы лучше лес рубите на гробы. В прорыв идут штрафные батальоны». И Варшавское восстание, когда «наши корпуса в пригороде» ожидали, в то время как «Варшавское восстание захлебывалось в собственной крови».

У Высоцкого и полные чемоданы трофейного барахла, которое разрешили отвезти домой демобилизованным солдатам (генералам полагались уже не чемоданы, а целые вагоны).

В войне Высоцкого — и жена, заявляющая мужу «ждать не буду», и другая, которую вернувшийся инвалид застаёт уже «с другим».

И — бесконечные братские могилы, на которых «не ставят крестов» и где «нет ни одной персональной судьбы — все судьбы в единую слиты».

«Из тумана холодного прошлого»

Вторая правда, которую Высоцкий нес всем нам, — народная правда о репрессиях.

И здесь он акцентирует внимание на народном видении репрессий: на мелочности, бессмысленности, случайности причин репрессий в сочетании с исключительной беспощадностью. Эта жестокость говорит либо о крайней неустойчивости, слабости, маниакальном страхе советской власти за себя или же о её изначальной античеловеческой внутренней сути. Скорее — и о том и о другом.

*«Добрый парень
За три слова, —
Говорят, арестован
Мишна Ларин
...как опаснейший преступник».*

*«Мой язык как шнурок развязался,
Я ного-то ругал, оплакивал...
Дали срок — не дали опомниться».*

*«С людьми в ладу — не понукал, не помыкал...
Спины не гнул, прямым ходил...
Но был донос и был навет».*

*«Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспросветную
Несусветную глупость мою».*

*«Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс!»*

Более чем примечательно, что Высоцкий нигде и никогда не благодарит КПСС за реабилитации.

...лучше уж в Бутырке

Высоцкий своими песнями сделал то, чего не сделал Хрущев — Высоцкий радикально изменил отношение не только к репрессии-

рованными членами партии и врагами Сталина и социализма, но и ко всем осужденным советским судом.

«Зачем нам врут:

«Народный суд»!

Народу я не видел».

Вор у Высоцкого «продукт» и нормальный элемент советского строя.

«На теле общества есть много паразитов.

Но почему-то все стесняются бандитов».

«Ведь там — сплошные лагеря,

А в них убийцы, а в них убийцы.

Ответил он: «Не верь молве —

Их там не больше, чем в Москве».

Но у Высоцкого даже убийцы становятся ими чаще всего в результате неумолимой логики жизни — «ударил первый я тогда — так было надо».

В блатной мир вели как советские коридоры, в которых «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная», так и вся жизнь на «Большом Каретном».

Подход Высоцкого к своим «блатным» очень напоминает отношение Ильфа и Петрова к Остапу Бендеру. Как и к Остапу, к блатным Высоцкого привлекают независимость («И кто бы что ни говорил, я сам добыл и сам пропил»), право быть хозяином хотя бы самого себя («сегодня я со всей охотой распоряжусь своей субботой»), готовность постоять за себя («Со мною — нож, решил я: что ж, меня так просто не возьмешь») — словом, все то, чего был лишен, связанный тысячами официальных

и неофициальных пут по ногам и рукам, на работе и дома, в мыслях и тем более в речах рядовой советский гражданин. И самостоятельность вора не могла не вызывать если не зависть, то хотя бы острый интерес: «...с возмущением хочется сказать: бандитов надо тоже понимать!».

Понимать людей, порой добровольно, а чаще вынужденно, в силу советских обстоятельств, променявших жизнь в советской «бутылке» на жизнь в Бутырке.

«Скажи еще спасибо, что — живешь!»

Высоцкий, написав правду о прошлом, не мог уйти и от правды о современной ему жизни.

В центре этой правды — народ, точнее — простые люди.

«Люди, власть не имущие

Кто-то вас со злого перепою,

Окрестил безликою толпою...

Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе,

Но вы причислены к какой-то серой массе»

Безликой толпе, серой массе Высоцкий противопоставил свой народ. Что он из себя представляет?

Народ Высоцкого работает. Но сам Высоцкий отмечает, что труд в советской интерпретации — за пределами его интересов.

«Труд нас

Должен облагораживать,

Он из всех нас делает

Настоящих людей.

Это самое, самое главное

Правда вот,

*В фильме этого не было.
Значит, это для вас
Будет в следующий раз».*

А пока — до никогда так не наступившего следующего раза — работа для человека Высоцкого — всего лишь средство для жизни. Даже если герои Высоцкого «выкладываются», они делают это ради личного успеха.

А по существу отношение к труду четко выразил «Ваня» в разговоре с «Зиной»: «Тут за день так наувыркаешься».

Естественен при таком отношении к труду и подход к «передовикам». Вот «Случай на шахте»:

*«У нас — стахановец, гагановец, загладовец, — и надо ведь
Чтоб завалило именно его...
Вот раскопаем, он опять
Начнет три нормы выполнять
...и нам хана».*

Если не ради трудовых подвигов, то чем же живет народ Высоцкого? Три круга: женщины, семья, водка.

*«Для нее —
Все свободное время мое».*

*«Без нее, вне ее —
Ничего не мое».*

*«Я был слесарь шестого разряда
Получал я всегда сколько надо
И плюс премия в каждый квартал*

*...Должен что-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня две шалавы в Москве».*

Женщин и любят, и ругают. Им «варганят» подарки, и они могут «дождаться» (смысл этих слов Вани и он, и Зина, и мы понимаем однозначно). За них вступают в драки, даже смертельные. Их бросают. Словом, женщины у Высоцкого — это первая важная сфера жизни человека из народа.

Другой центр интересов — семья.
*«Я самый непьющий из всех мужиков.
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня нарядила...
Чтоб привез снохе с ейным мужем по дохе.
Чтоб брату с бабой — кофе растворимый.
Двум невесткам — по ковру,
Зятю — черную икру,
Тестю — что-нибудь армянского разливу».*

Народ Высоцкого живет — ездит убирать картошку, иногда — напичканный инструктажем и сопровождаемый контролерами — бывает даже за границей. Он ненавидит владельцев авто и сам покупает автомобили. Но в целом он аполитичен.

Ему чужды идеи коммунизма. Он о них вообще не вспоминает. Народ Высоцкого предельно деидеологизирован.

Народ Высоцкого чужд и политики. Правда, порой он поддается на провокации:

*«Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул».*

Порой он вспоминает Мао, Насера, Хомейни, но всегда в каком-то пьяно-ироническом стиле. И даже о евреях он узнает у «алкаша из бакалеи», а не из официальной пропаганды.

Советские аппаратчики пытались доказать, что народ Высоцкого — это какие-то ничтожные единицы, отщепенцы. Но все-народный восторг, с которым воспринимали и повторяли песни Высоцкого: говорил о другом: правда была именно у Высоцкого, а не у тех, кто воспитывал советского человека для жизни в коммунистическом обществе «еще при жизни нынешнего поколения».

Если бы я был зарубежным аналитиком, то, сопоставив популярность Высоцкого с его творчеством, пришел бы к такому выводу. Если в СССР хотя бы половина населения и живет, и думает так, как пишет поэт, то судьба советского строя предрешена.

«А хлебнешь стаканов десять — облегчение!»

Есть в жизни народа по Высоцкому еще одна опора — алкоголь. Вот свадьба.

*«Уже дошло веселие до точки.
Уже невесту тискают тайном...»*

*«Уже поймали жениха
И долго били,
Потом пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе —
И все хорошее в себе
Доистребили».*

Но напивались не только по столь особому случаю как женьба. Вот рядовая вечеринка.

«Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей.

Только помню, что стены — с обоями.

...Мне давай сообщать

Что хозяйку ругал...

Будто голым скакал...

Напоследок чудил:

Выбил окна и дверь

И балкон уронил».

Обычно каждый рабочий день завершался выпивкой: «И если б водку гнать не из опилок, то чё б нам было с пяти бутылок!» Впрочем, «гадость пьют — из экономии».

Спустя пару десятилетий и КПСС и советское государство стали буквально захлебываться от речей и мер по поводу пьянства. Ну а во времена Высоцкого его клеймили за клевету на трудящихся. Но именно Высоцкий впервые показал, что алкоголь проник во все поры советской жизни, стал одним из фундаментов социализма.

«Мы дети страшных лет России

Безвременье вливало водку в нас».

«У начальника Березкина... Только с нами был он смел...»

Еще одна правда Высоцкого — о начальстве.

Как в произведениях Кафки, у Высоцкого начальство — особая порода, совершенно отличная от простых людей.

«Мой черный человек в костюме сером.

Он был министром, домуправом, офицером

*Как злобный клоун, он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины».*

*«Слева бесы, справа бесы...
Эти — с нар, а те — из кресел, —
Не поймешь, какие злей».*

Даже в самые трудные годы войны высокое начальство себя не забывало:

*«Граждане смелые,
А что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вёл смертям?
Ели хлеб с икорною...»*

Сам Соловей-разбойник сознается: «У меня такие слуги, что и самому мне страшно». Среди этих слуг — и поэты: «Лизоблюд придворный наспех сочинил царю стихи, получилось курам на смех, мухи дохнут от тоски».

*«Царь — ни шагу из квартиры
А друзья-приятели,
Казначей и кассиры
Полказны растратили».*

Хозяйничает это начальство так:

*«Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили!»*

*«В центральных районах
В квартире плюс восемь*

*На кухне — плюс десять,
Палас — как наток».*

Но народные беды начальство воспринимает стойко, терпеливо, ограничиваясь имитацией усилий: «Не страшны дурные вести, мы в ответ бежим на месте».

**«Я скачу, но я скачу иначе...
По-другому, значит, не как все»**

Готовясь к маскараду для комплексной бригады, «достали маски кроликов, слонов и алкоголиков». Но все же начальству не удалось надеть на всех маски трусливых кроликов, безответных трудяг слонов и — на остальных — алкоголиков. Высоцкий видит тех, кто не сдался.

Вот прыгун в высоту:
*«И тренер сказал мне напрямую,
Что — начальство в десятом ряду,
И что мне прополощут мозги».*

Однако прыгун знает себя, свою силу. У него толчковая нога — правая:

*«Но свою неправую правую
Я не сменяю на правую левую.
...И за хвост всё же славу схвачу».*

И нефть в Сибири находит именно такой, идущий своим путем человек. И наконец, обобщенный образ — образ иноходца.

Он — не как все. Он хочет бегать — но «не под седлом и без узды». Он прекрасно видит шкурность своего жокея, который

«смеется в предвнушении мзды». У иноходца даже есть четкий план — или сбросить жоня, или не прийти первым.

Но сил для реализации этого плана борьбы с начальством у иноходца нет. И хотя он бежит «не как все», но по-прежнему в интересах начальства.

Такой разлад понимания ситуации и реального поведения не может не подавлять.

*«Двери наших мозгов
Посрывало с петель...
И в конце-то концов
Я ведь сам сел на мель».*

*«И у меня дела неладны
Я потерял нить Ариадны!
Словно в час пик
Всюду тупик –
Выхода нет!»*

Сокрушенно думает прыгун в длину:
*«Что же делать мне, как быть, кого винить,
Если мне черта не по нутру?
...Если б ту черту да к черту отменить,
Я б Америку догнал и перегнал!»*

Высоцкий сознает, что не по частным случаям, а по всему кругу главных проблем «иноходцы» входят в конфликт с окружающим их миром.

*«И если б наша власть была
Для нас для всех понятная,*

*То счастье б она нашла –
А нынче жизнь — проклятая!»*

*«Сыт я по горло, до подбородка,
Даже от песен стал уставать.
Лечь бы на дно как подводная лодка,
Чтоб не могли запеленговать».*

*«В душу мне сомнения запали,
Голову вопросы мне сверлят».*

*«Кто ответит мне,
Что за дом такой,
Почему — во тьме,
Как барак чужой?
Свет лампад погас,
Воздух вылился
Али жить у вас
Разучились?»*

*«И я не отличался от невежд,
А если отличался — очень мало,
Занозы не оставил Будапешт,
И Прага сердце мне не разорвала».*

*«И ни церковь, ни кабак —
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так!
Все не так, ребята...»*

*«И обязательные жертвоприношенья,
Отцами нашими воспетье не раз,
Печать поставили на наше поколение –
Лишили разума и глаз».*

Поклонникам всякого рода юбилеев уместно напомнить, что и обязательные жертвоприношения в духе отцов чаще всего «лишают разума и глаз».

«Как выйти из того палеолита»

Если жить по-старому невозможно, то что делать?
Уехать? Сбежать за рубеж? Но, во-первых, «нужны мы в Париже, как в бане пассатижи». И, во-вторых:

*«Уже в Париже неуют.
Уже и там витрины бьют,
Уже и там давно не рай,
А как везде — передний край».*

Выход надо искать дома.

*«Неужели мы заперты в замкнутый круг?
Неужели спасет только чудо?»*

*«Сегодня жители, сегодня жители
Не желают больше укротителей».*

*«И если бы оковы разломать —
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Нас узами цепей и хваленой жизни».*

Что же делать?

Для прорыва из каменного века надо быть готовым на все:

*«Я перетру серебряный ошейник
И золотую цепь перегрызу,
Перемахну забор, ворвусь в репейник,
Порву бока — и выбегу в грозу!»*

У Высоцкого постоянно появляется образ «бани» — как наиболее действенного инструмента и для подведения итогов, и для подготовки себя к будущему. И народу, и стране нужна баня.

*«Нужно выпороть веником душу,
Нужно выпарить смрад из неё».*

«Бросайте за борт все, что пахнет кровью».

*«Мы все разрушим изнутри и оживим,
Мы серость выбелим и выскоблим до блеска,
Все теневое перекроем светом!»*

Как большинство из нас, Высоцкий развивался, он умнел вместе с народом. Он честно признавал, что «зарубок не оставил Будапешт» и «Прага сердце мне не разорвала». Но «момент истины» приближался, и Высоцкий встретил его мужественно, достойно — как и положено народному поэту.

На главный вопрос эпохи Высоцкий дает два четких ответа: что и как.

Что? У Высоцкого ясный ответ: выйти из каменного века, из палеолита. В условиях цензуры большего сказать было нельзя. Но что понимать под каменным веком, мы все знали.

*«Наше племя ропщет, смея
Вслух ругать порядки;
В первобытном обществе я
Вижу недостатки —
Просто вопиющие
Довлеют, грозят
Далеко идущие
На тыщу лет назад!
Собралась, умывшись чисто,
Во поле элита:
Думает, как выйти нам из того
Палеолита».*

Как — Высоцкий дает блестящий, изумительный для цензурных условий ответ в «Охоте на волков».

Все как всегда. Распределены номера. Кричат загонщики. Лают псы. Все ограждено красными флажками.

*«Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.
Волк не может нарушить традиций,
Видно, в детстве — слепые щенки
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали: нельзя за флажки!
...Я из повиненья вышел —
За флажки — жанда жизни сильней!»*

Волк пошел на красные флажки. А ведь красным была пропитана вся советская жизнь — и знамена, и галстуки, и транс-

паранты. И бросок волка Высоцкого на красное был очевидным для всех нас ответом: переступить красное.

«Ясно вижу Трою павшей в прах»

Высоцкий не раз возвращался к мысли, что он очень много не успел:

«И дожить не успел, мне долететь не успеть».

*«А он шутил — недошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил.
...Ни до догадки, ни до дна,
Не докопался до глубин.
...Осталось недорешено
Все то, что он недорешил».*

Высоцкий прав в отношении оценки краткости своей жизни. Но в главном он себя обвинял несправедливо: Высоцкий успел, успел сказать все, что мог и хотел.

И хотя он писал, что «пророков нет в отечестве своем», он был именно пророком.

Прежде всего он предсказал крах советской системы. Вот строка из «Песни о вещей Кассандре»:

*«Без умолку безумная девица
Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах».*

Далее, он предсказал, что этот крах не будет крахом страны:
*«Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время».*

Он увидел, что главным могильщиком советского социализма станет тот, кто был его главной опорой — народ. Опять строка еще из одного «вещего» — из «Песни о вещем Олеге»:

*«Волхвы-то сказали с того и с сего,
Что примет он смерть от коня своего».*

Летописный сюжет и поэтический его пересказ Пушкиным звучал по-новому. Власть погибает не от врагов — ни от внешних, ни от внутренних. Она погибает от тех, кто ее держал на себе, кто мчал к победам и выносил из боёв — от того, на ком она ездила.

Он предсказал и характер этого краха — он будет итогом того, что люди решились идти на самое главное в прошлом — на красные флаги.

В основных чертах у Высоцкого сформулирована программа перемен:

*«Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.
...Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.
...Или когда все время против шерсти,
Или когда железом по стеклу.
...Я не люблю уверенности сытой.
...Я не люблю насилие и бессилие.
...Досадно мне, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более — когда в неё плюют».*

Нетрудно увидеть готовый перечень того, чего не должно быть, что надо устранить. Перед нами общедемократическая программа. Высоцкий, описывая победу в 1945 году, пророчески предостерегал нас от советской номенклатуры, «приватизировавшей» в свою пользу народную победу:

*«А из эвакуации
Толпой валили штатские.
Осмотрелись они, оклемались».*

К сожалению, и после августа 1991 года все повторилось — осмотревшаяся и оклемавшаяся, отсидевшаяся «в эвакуации» в годы революции номенклатура бросилась на штурм Москвы, власти.

Поистине пророческим стало и то, чего не было у Высоцкого. Выразив четко общедемократические задачи, он не сумел дополнить их требованиями народно-демократическими.

*«Как Вечным огнем, сверкает днём
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил».*

Правда, Высоцкий верил, что *«другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд —
Пройдут тобой не пройденный маршрут».*

Но мы, сторонники народно-демократического варианта выхода из социализма, не смогли вовремя его додумать, сформулировать и, главное, довести до сознания тех, чьи интересы он выражает и кто наиболее заинтересован в его реализации, — до народных масс. Номенклатуре удалось приватизировать,

«захватить» общедемократические реформы, реализовать их в удобных для себя формах и дополнить мерами, соответствующими интересам номенклатуры. Наша народно-демократическая революция завершилась реформами, но реформами номенклатурно-бюрократического разлива.

В 1917 году большевикам, сторонникам пролетарской революции, удалось «захватить» меры крестьянской, буржуазно-демократической революции и тем самым «оседлать» крестьянство. Крестьяне отвергли тех, кто защищал именно их интересы — эсеров, Махно, Антонова. Они удовлетворились тем, что сделали большевики. И тем самым подписали себе будущий смертный приговор в виде коллективизации и ликвидации себя как класса.

А в революцию 1989–1991 годов номенклатуре удалось «захватить» общедемократическую программу. Массы, смирившись с этим, тоже фактически подписали себе приговор.

Характер этого приговора наши граждане определяют шаг за шагом — во время бесконечно повторяющихся задержек с выплатами зарплаты; в многолетней войне в Чечне; в форменном издевательствах над частным бизнесом, частным образованием, частным здравоохранением, независимыми средствами информации; в систематически замерзающих квартирах при столь же систематически оберегаемых от наказаний начальниках; в периодических мерах по обесцениванию тех накоплений, которые непосильным трудом собирают на хоть какое-то собственное дело, призванное оторвать граждан от цепи, привязывающей их к начальству; в развертывающемся походе бюрократии — прямом или через олигархов — за захват контрольных пакетов во вроде бы уже приватизированных структурах, за утверждение в них «доли» города, края, федерального центра.

Одной из наиболее «пророческих» я считаю песню Высоцкого «Притча о Правде и Лжи». Он предвидел, что Ложь захватит все одежды Правды, предвидел победу номенклатуры, Лжи.

Одновременно он предсказывает, что если всмотреться, если «раздеть» обеих, то Ложь и Правда не очень-то отличаются друг от друга. В том, что новая демократическая власть номенклатуры и олигархов часто не столь уж далеко уходит от власти советской номенклатуры, давно и не раз убеждались все желающие.

Высоцкий также пророчески предсказывает, что если Правда будет пытаться восторжествовать, то ей придется делать то же, что делает Ложь. В этом, я думаю, убедились все те демократы, которые пытались «ходить во власть».

И конечно же каждый из нас найдет «персональное» воплощение словам Высоцкого:

«Некий чудак и поныне за Правду воюет.

Правда, в речах его правды — на ломаный грош».

И весомы, актуальны оценки, сделанные Высоцким — пусть не прямо, — для российских выборов:

«Мне вчера дали свободу —

Что я с ней делать буду?!»

«Ваш кандидат — а в прошлом он лабазник —

Вам иногда устраивает праздник, —

И не безлики вы, и вы — не тени

Ноль надо в урны бросать бюллетени!»

«Подымайте руки, в урны суйте

Бюллетени, даже не читая, —

*Помереть от скуки!
Голосуйте,
Только, чур, меня не приплюсуйте».*

Я понимаю, что мои интерпретации пророчеств Высоцкого уязвимы. Ведь можно сказать, что это или отдельные мысли, или у них другой смысл. Что я могу ответить?

Во-первых, было бы совершенно нереально ожидать от поэта, открыто и публично выступающего в СССР, чего-то иного, кроме намеков. Да, это были фразы, мысли и только иногда — как в «Охоте на волков» — уже готовые обобщения. Но зато это было то, что было доступно миллионам. А они умели читать и умели слушать поэта. И смысл его, казалось бы, простых и будничных слов раскрывался каждому, кто думал.

Во-вторых, я пишу о том, как я сам, лично воспринимал Высоцкого. Однако я уверен, что я — не исключение.

И когда в 1989 году десятки, сотни тысяч людей вышли на улицы, то, конечно, среди них были и те, кто читал запрещенную литературу. Были и те, кто слушал зарубежное радио. Но таких было мало: один из пяти. А вот Высоцкого слушали все, все до одного. И именно он был один из главных агитаторов. Поэтому я и думаю, что его большинство понимало так же, как и я. Или очень близко.

*«Он по жизни шагал над помостом —
По канату, по канату,
Натянutoму, как нерв.
И лучи его с шага сбивали
И кололи, словно лавры,
Труба надрывалась — как две.*

*Крики «Браво!» его оглушали,
А литавры, а литавры –
Как обухом по голове!»*

*«Но, должно быть, ему очень нужно пройти
Четыре четверти пути».*

Попытки «приручить» Высоцкого предпринимались, предпринимаются и будут предприниматься не раз. Но они наталкивались, наталкиваются и будут каждый раз наталкиваться на одно, но совершенно непреодолимое препятствие — на самого Владимира Семеновича. Что я и старался показать в этих заметках.

ПОЛЕТ БЕЛОЙ ВОРОНЫ

(О Викторе Петровиче Астафьеве)

Недавно скончался Виктор Петрович Астафьев. В моей библиотеке есть три тома из обещанного «Молодой гвардией» шеститомника. Третий том появился в 1992 году. На этом все прекратилось.

Для конкурсов красавиц деньги нашлись. Для соревнований по выезде жеребцов — тоже. Для костюмов ведущим телевидения — пожалуйста. А вот для Астафьева спонсоров не оказалось.

Почему Астафьев оказался белой вороной? Ответ — и в его творчестве, и в его личности, и в его жизни.

Исключением, белой вороной его делает его подход к войне. Он ее прошел, он ее знает. И у него есть право говорить, что настоящая правда о войне и победе в ней еще не сказана.

Одни уходили от этой правды, понимая, что она лишит коммунистическую партию мощного (если не единственного) оправдания.

Другие, сами написав немало правдивого о войне, все же считали, что время говорить полную правду о войне не пришло. Как у Твардовского:

*Что изведано горбом,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест,
Все равно всего нельзя.*

Астафьев это самое «покамест нельзя» первым не признал — и в «Пастухе и пастушке», и в «Звездопаде», и в военных рассказах.

«Война — понятно, победили — ясно, но вот настала пора — и она не могла не наступить — как победили? Чего стоила нам эта победа? Что она сделала с людьми, что, наконец, такое война, да еще современная?» Он пишет, что «мы еще живем упрощенным восприятием действительности, которое было удобно и необходимо на войне, но в новом времени грозит духовным увечьем и окостенелым сознанием и за которое придется платить опять же человеческой кровью».

На Астафьева обрушились, как он говорил, «трясущие лампами генералы». Его клеймила газета «Красная Звезда».

В предисловии к незаконченному собранию сочинений я прочел, что один из друзей Астафьева после прочтения повести «Звездопад» сказал: «От Вашей правды выругаться хочется». Но ведь правда есть правда, и она — как и всякое лекарство — не

зависит от того, хочется нам ругаться или ликовать. И Астафьев абсолютно прав: мы платили и платим — и в Афганистане, и в Чечне — именно за трусливую неготовность к правде о войне.

И бесконечно прав Виктор Петрович в словах: «Чем больше наврешь про войну прошлую, тем ближе сделаешь войну грядущую». Почаще вдумываться в эти слова я посоветовал бы всем, кто ругает меня за мои статьи о московской битве — «Правду, только правду, всю правду» («Московский комсомолец» от 14, 20 и 26 ноября 2001 г.).

Белой вороной Астафьев оказался и в подходе к анализу судьбы деревни и крестьянства при советской власти. Достаточно вспомнить «Последний поклон».

О коллективизации, о последующей судьбе колхозников много еще надо сказать, чтобы раскрыть правду.

Скажем, все знают, что в годы индустриализации и после войны миллионы крестьян — и принудительно, и спасаясь от нужды и голода — шли работать в город.

Но не до конца осознается тот факт, что это пополнение намного превысило по численности прежний российский рабочий класс. И оно, а не он, начало определять «погоду» среди рабочих.

Русские рабочие к началу революции были активной частью общества. Известно, что рабочая «курия» в депутаты Думы избирала только социал-демократов. А крестьянство к тридцатым годам было затерроризировано продразверсткой, налогами и в конце концов коллективизацией. Оно было обескровлено репрессиями и высылками.

Поэтому на фабрики, заводы и стройки приходили запуганные, дрожавшие перед любым начальником парень или девушка.

И в рабочих коллективах такое пополнение меняло все. Из класса рабочих возникал класс работяг — пассивных и безропотных, которые легко становились добычей номенклатурной бюрократии. Крестьянин в городе оказался вне привычных форм общественной жизни. На смену духу коллективизма пришли забота об элементарном выживании, сочетаемом с невниманием к будущему, к соседям, к природе. Такой по-мелочному близоруко корыстный, дезориентированный человек деревни становился доступным объектом манипулирования.

Но эту запуганность и бесправность крестьянства его представители несли не только в рабочий класс, но и в среду интеллигенции, армии, в аппарат.

В широком смысле слова за уничтожение русской деревни, за насильственную ликвидацию крестьянства как класса заплатила вся Россия. Ликвидация крестьянства как класса не только устранила главную базу сопротивления бюрократии государственного социализма, но и создала для этой бюрократии наиболее приемлемый вариант «винтика» общества.

И снова, как и в произведениях Астафьева о войне, встает все тот же вопрос о цене. О цене за все успехи социализма. За индустриализацию. О цене самого госсociализма в целом. Эта цена — при любых мерках — оказывается по Астафьеву непомерно высокой.

Астафьев многие годы был среди тех, кого называли «деревенскими писателями». В бедах русской деревни одни наши «почвенники» обвиняли город как таковой. Другие — врагов русского народа порой вполне конкретных национальностей.

Астафьев объединялся с «почвенниками» и «деревенщинами» в показе бед села и крестьянства. Но и тут Астафьев оказался белой вороной.

Это нетрудно увидеть, если внимательно «вчитаться» в Астафьева. Беру шумевшую «Ловлю пескарей в Грузии». В свете опыта послесоветских перемен многие из обвинений в адрес Астафьева выглядят не столь уж очевидными. Более того, Астафьев пророчески увидел и «новых русских» в тогдашних «хозяйвах» писательских Домов творчества (которые потом нагло захватили эти самые дома, и писателям сейчас приходится вести нелегкую борьбу) и «новых грузин» (тех, кто довел Грузию до ее сегодняшних бед).

Точно так же обстоит дело и с «антигородскими» мотивами. Астафьев совершенно четко причину бед видел не в городе как таковом, а в городе — представителе государственного социализма, советской власти, коммунистической бюрократии.

Тогда почему Астафьев остался белой вороной и в новой России? Казалось бы, кому, как не Астафьеву с его «Царь-рыбой», с его настоящей борьбой за сохранение природы, не оказаться среди наиболее активных участников движения зеленых? Он, конечно же, мог «украсить» собой любые демократические акции. Но и тут Астафьев оказался белой вороной. Он не мелькал на разного рода форумах и конгрессах, не украшал собой всякие там комитеты и комиссии: по помилованию, по Чечне, по правам человека и т.д.

Тут не обойтись ссылками на его отдаленность — жизнь в своей сибирской деревне. Напротив, сама эта отдаленность — следствие, а причину надо искать в другом.

Причина в том, что Астафьев легко узнал в новых лидерах хорошо ему известного советского, коммунистического бюрократа и понял, что власти интеллигент нужен вовсе не в качестве советника и наставника, а в роли фигового листка, чтобы прикрыть срамоту тех, кто преобразуется из партийно-государственного начальника в демократического бюрократа.

Причина в том, что и в либерально-демократической, и тем более в среде олигархического капитала он без труда уловил то самое безразличие к судьбе деревни, к судьбе природы, к судьбе народа, которое он привык видеть у «красных директоров» и прочих «красных хозяйственников».

Поэтому Астафьев не ошивался вокруг барских столов — ни властей, ни олигархов. В стаях придворных популяризаторов он не появлялся. Он ни под кого не подлаживался, ни с кем не объединялся, не «поддерживал» и не «одобрял».

Эта отстраненность — и от либерально-демократической суеты, и от олигархов, и от новой бюрократии — и помешала понастоящему отметить уход от нас выдающегося писателя.

Судьба Астафьева высвечивает одну из фундаментальных проблем революции 1989–1991 годов — отсутствие самостоятельного, организованного народно-демократического течения. Это течение так и не смогло отделиться, с одной стороны, от либерально-демократических и, с другой стороны, от номенклатурно-реформаторских сил.

Тем же, кто, как и Астафьев, хорошо видел всю пагубность ухода народно-демократических сил от решительного разрыва с захватившим власть союзом номенклатуры, либералов и олигархов, осталось одно: отстраниться.

Десятки, сотни, тысячи, миллионы людей в стране тоже «отстранились» — достаточно взглянуть на наши демократические выборы с их позорным процентом явки, когда «народным избранником» становится тот, кто порой не набрал и десятой части голосов всех избирателей. Игнорирующие выборы граждане не видят «своих» ни в ком среди действующих на политической сцене России. Миллионы белых ворон... И «отстраненность» самого Астафьева как нельзя лучше символизирует этот поистине ставший трагическим аспект нашей современной истории.

Валентин Курбатов в предисловии к собранию сочинений Астафьева совершенно верно советует отнести к самому писателю концовку его рассказа: «Тельняшка с Тихого океана»: «Я не изведал того пламени, который сжигал Лермонтова, Пушкина, Толстого, не узнал, каким восторгом захлебывались они, какой дальний свет разверзался перед ними и какие истины открывались им. Но... я тоже знавал, пусть и краткое вдохновение, болел и мучился словом... и моя радость... сотворением собственного чуда остается со мной. Пускай не пламень, только огонь, даже отсвет его согрел и осветил всю мою жизнь, спасибо судьбе за это».

Ну а мы должны сказать спасибо Виктору Петровичу Астафьеву. Он оставался самим собой — и тогда, когда получал государственные премии РСФСР и СССР. И тогда, когда стал Героем Социалистического Труда. И в годы перехода страны от государственного социализма к постиндустриальному обществу.

Остаться самим собой в тяжелые годы — нелегко. Но остаться человеком и гражданином в годы почета и славы — вдвойне труднее. И уж тройне сложно не поддаваться соблазнам власти. Астафьев — смог.

Он сохранил лицо и оказался среди тех немногочисленных деятелей культуры, науки и искусства, которые спасали в глазах народа честь российского интеллигента, честь российского демократа.

ОПЯТЬ ШАРАШКА

Не спрашивай, по ком звонит колокол.

Этот колокол звонит по тебе...

Э. Хемингуэй

Актуальность

Когда я услышал о намерении поставить на Таганке спектакль «Шарашка» по роману «В круге первом», ответ на вопрос «почему» был ясен. 80-летний юбилей великого писателя.

На премьере я не смог присутствовать. Лежал после операции. Но я поинтересовался у Юрия Петровича: а что сказал Александр Исаевич? Он доволен — был ответ.

Я подумал: вместить в пару часов спектакля двухтомный роман очень трудно. И одобрение автора значит много. Но был и другой аспект. Александр Исаевич прямо в зале объявил об отказе от высшей награды России. И не исключено, последнюю каплю для этого, я бы сказал, спасающего честь нашей «перестроечной» интеллигенции решения добавил именно спектакль. Прошлое встало столь остро, что становилась оправданной непримиримость Солженицына ко всем просчетам и ошибкам новой власти.

Некоторые из моих знакомых сомневались в актуальности выбора Любимова. Опять о зэках? Были и такие, которым показались натянутыми доводы Солженицына по поводу ордена. Ну зачем так резко оценивать преемников коммунистов!

Но вот не прошло и пары месяцев, как выяснилось, что Юрий Петрович и Александр Исаевич проявили исключительное политическое чутье. Мы все увидели по телевизору, как хор молодых голосов скандировал: «Сталин — Берия — ГУЛАГ!» Мы все слышали и слова о том, что десятки тысяч мест в лагерях будут подготовлены для новых заключенных. Примечательно: в ГУЛАГе и в лагерях ищут выход самые разные политические силы.

Оказалось, что колокол и в спектаклях Любимова, и в отказе Солженицына звонит по нас.

Уполномоченный по правам человека при людоеде.

А. Синявский о должности, которую занимал С. Новалев.

Дети инженера Гарина

Шарашка состоит из двух частей. Первая — эскизы из технической интеллигенции.

В рецензии на книгу Даниила Градина «Зубр» я уже отмечал, как был использован большевиками патриотизм российской научной и технической интеллигенции. Но в Шарашке проблема предельно обострена. Изобретается аппарат для установления авторов в подслушанных и записанных телефонных разговорах. И хотя можно утешить себя патриотическим мотивом поиска шпиона, все же более чем ясно, что в первую очередь и больше всего аппарат будет применен против своих граждан, друзей, даже родственников. Почему же эскизы тогда трудятся по 12 часов в сутки?

О патриотизме не слышно. И даже о праве жить. Это еще можно было бы понять. Работают за право жить лучше других. Других эзков. Впрочем, лучше и большинства граждан страны —

своих же жен и детей. Символична верхняя ставка оплаты — пол-станкана сметаны. В этой половине стаканана — все. Ведь призрак освобождения в случае сверхвыдающегося открытия нереален для 99 из 100 сотрудников Шарашки. А главное требование и предел мечтаний — «бабы»...

Беспринципность, отсутствие моральных норм у талантливых изобретателей давно стали кошмаром для лучших умов человечества. Невидимка Герберта Уэллса. Инженер Гарин Толстого. И вот Шарашка. Там в основном — дети инженера Гарина.

Мнение Солженицына и Любимова: вот этот-то слой технической интеллигенции — и в лагерях, и на свободе — был по большому счету самой главной опорой сталинского режима. Без бомб и ракет советский строй не смог бы дожить до конца века.

*Это он — великий гений,
Полководец и солдат. Нас
ведет — как вел нас Ленин
Тридцать лет тому назад.*

С. Михалков

Сталинская машина

Зэки — половина яблока Шарашки. Вторая ее половина — машина управления с ее тремя блоками: техника, процедуры, кадры.

Техника Шарашки продумана и обработана. Окна и решетки. Двери и запоры. Яркие фургоны с надписью «Хлеб». Двухъярусные нары. Орудия допросов. Трофейное оборудование лабораторий, которого нет даже «на воле».

Далее — процедуры и правила. Постукивает по бляшке на поясе сопровождающий зэка охранник. Чтобы встречный

конвоир услышал заранее. Чтобы зэки в коридоре не увидели друг друга. Ну а если разминуться не удастся — есть в коридоре шкафы, куда можно запихнуть одного из зэков. До деталей расписан порядок работы и сна. Порядок свиданий. Установлена норма доносов от стучачей на сто зэков. Опять все продумано до мелочей.

И наконец, главный элемент машины: кадры. От рядового вертухая до надзирателя, от начальников корпусов до начальников шарашек, от шишек в министерстве до министра и самого Сталина. В пьесе и в спектакле эта сталинская гвардия изображена в виде примитивных роботов, людей-функций в духе Кафки.

Действительно, когда процедуры доведены до совершенства, людям остается выполнять роли каких-то механизмов.

Но уже кадры среднего уровня — далеко не роботы. Хотя бы в их отчаянной борьбе за место в иерархии режима.

А вот верха... Сталин в спектакле — главарь, вожак, пахан. Знает, когда улыбнуться, где промолчать, где рыкнуть, где кровь пустить. Все это более чем верно. Но за годы, прошедшие после написания «В круге первом», мы многое осмыслили. Да и увидели целую галерею лидеров — от Хрущева, Брежнева и Андропова до Черненко, Горбачева и Ельцина. И соответственно начали осознавать неоднозначность того же Брежнева, тем более Сталина. Достаточно назвать блестящую книгу Нодара Джина «Учитель», написанную как исповедь самого Сталина. И Берия был незаурядной личностью — даже если не вспоминать о его планах послесталинских реформ. Ведь сама идея Шарашки — его.

В известном фильме Крамера о нацизме один гестаповский генерал заметил: убить — не проблема, трупы — это проблема.

Фашисты «поднялись» только до идей изнурительного труда, использования волос, зубов и кожи заключенных. Концепция «унтер-менша» не позволяла им допустить арестованных к чему-либо, где они могли опередить арийцев.

А вот сталинские соколы еще перед войной сообразили, как извлечь выгоду не только из мускулов, но и мозгов эзков. Замысел Шарашек как первого круга ада ГУЛАГа позволяет судить о Берии не меньше, чем созданные под его руководством межконтинентальные ракеты и ядерное оружие.

Да и Абакумов — судя по многим мемуарам — человек талантливый. Впрочем, есть и более объективный критерий, чем мемуары. Бороться все годы войны на равных с такими акулами, как Канарис или Шеленберг, дано не каждому.

И хотя этот аспект Шарашки неполно представлен на сцене, не учитывать талантливость лидеров ГУЛАГа нельзя.

*Не может быть порядка в
доме, где есть
непохороненный мертвец.*

И. Губерман

Покаяние

Одно дело — читать о ГУЛАГе и совсем другое дело — увидеть. Тем более — в талантливой постановке режиссера и актеров Таганки. И до предела обостряется вопрос: а было ли у нас подлинное покаяние за все это?

В Германии — это достаточно известно — в основном покаяние было. Вот и сейчас очередной скандал: один из банков ФРГ финансировал лагерь.

А у нас? Я знаком с сыном Антонова-Овсеенко. Жертва сталинских репрессий, он очень много делает по преодолению их последствий. В одной из его книг я обратил внимание на такой эпизод. При аресте отца была конфискована огромная библиотека ценнейших книг. Конфискована без описи. Поэтому и права на их возврат не возникает. Описи не составили не из-за безразличия к ценности книг. Описи не составлялись, чтобы легче было расхищать.

Но у меня возник другой вопрос. А откуда у профессионального революционера-подпольщика могла появиться такая библиотека? Каких-либо заметных денег у него не было ни до революции, ни после. Остается предположить: книги им изымались у прежних хозяев при обысках по той же схеме — без описей конфискуемого.

В этом эпизоде — важнейший аспект наших реабилитаций. Реабилитировали жертв тридцатых и последующих годов. Но уже Хрущев поставил первый предел реабилитации: она не коснулась ни Троцкого, ни Бухарина, ни Зиновьева.

А ведь еще были миллионы репрессированных крестьян при коллективизации. Еще были репрессии в отношении российской интеллигенции, представителей православия и других религий. Об уничтожении помещиков и буржуазии и говорить не приходится.

Выходит, покаяние за прошлое заранее жестко ограничено реабилитацией «своих». Вот если невинно осудили большевика — надо реабилитировать. А вот те офицеры, которых этот большевик расстреливал пачками без следствия в Крыму, реабилитации не подлежат. Вот если осудили маршала — реабилитация нужна. А жертвы учиненной им резни крестьян Тамбовщины остаются за кадром. Такая сугубо выборочная реабилитация не могла стать настоящим покаянием.

А суд над КПСС после путча? ФРГ показала пример: судила только тех руководителей ГДР, которые нарушали законы самой ГДР.

Если бы мы подошли с таким пусть строго ограниченным, но четким правовым критерием, его бы за глаза хватило для осуждения большинства прежней номенклатуры. За развязанную с явным нарушением советских законов афганскую войну. За приговоры без достаточных юридических оснований по прямым указаниям обкомов и райкомов. За исключения из партии перед осуждением невиновных.

Накажи мы за нарушения советских законов, я уверен, наполовину, если не на две трети, уменьшилось бы число кандидатов на выборах, и в России, и в областях, и в городах.

Осуди мы всех — от начальников до рядовых исполнителей — за подслушивание в прошлом телефонных разговоров, вряд ли возможным было то подслушивание, о котором недавно писал «МН».

Именно от подлинного покаяния мы и постарались уйти, придумав громкий и абстрактный, заранее обреченный суд над КПСС.

Я уже не говорю о том, что если даже и состоялось формальное покаяние — это был бы только первый шаг к настоящему покаянию: внутри себя, в своей душе.

Вот так и пытаемся строить новое, не решив для себя, что же было неправильным в прошлом.

*Мелькает между стульев и
диванов народных упований
жрец и лидер Адольф
Виссарионович Ульянов.*

И. Губерман

Реставрация Шарашки?

Политические и экономические реставрации встречаются в истории столь же часто, как революции и реформы.

Есть реставрация конструктивная: когда устраняются забегания вперед, неоправданные изменения. Такая реставрация закрепляет итоги революций и реформ, очищая их от всего наносного.

Есть реставрация «нулевого уровня»: когда все возвращается на исходные рубежи для нового цикла. Такая реставрация хотя и обходится дорого, избавляет от еще более высоких издержек, неизбежных при продолжении уже очевидно неприемлемого курса преобразований.

Есть реставрация реакционная, реваншистская. Старое восстанавливается, задерживая развитие или вообще выбывая страну из колеи мировой истории.

Огромные трудности, испытываемые Россией, ставят вопрос о смене курса реформ. В такой ситуации те или иные реставрационные идеи вполне понятны. Своего рода паразитами на здоровых идеях реставрации являются концепции реванша прошлого. Среди них — и предложения о реставрации лагерной системы (вспомним «Сталин — Берия — ГУЛАГ!» или «десяти тысяч мест для нового контингента в лагерях»).

Попробуем, оставаясь в рамках проблематики спектакля Таганки, рассмотреть перспективу реставрации Шарашки.

Народ успел попробовать прелести новой жизни. Но он успел ощутить и ее горечь. И самое главное, он не прошел настоящего покаяния и соответственно не приобрел прочного иммунитета против вируса Шарашки. Поэтому у реваншистов есть шансы — надо трезво оценивать ситуацию.

Техническая интеллигенция еще менее готова к отпору реваншистам. Она связана с оборонным комплексом, живет в изолированных городах, во многом сходных с Шарашкой. Она деморализована невыплатой зарплат и уменьшением уровня этой зарплаты, возмущена потерей привычного ощущения своей элитности. Она справедливо обижена на своих кумиров — достаточно вспомнить чуть ли не истеричное поклонение Зеленограда Ельцину, Гдляну или Корягиной. В общем, техническая интеллигенция не только не будет непримиримым противником Шарашки, но скорее даст ей немало пропагандистов и агитаторов. И если у нас нет мощного реваншистского движения — то причина в позиции тех, кто должен стать второй половиной яблока, — в бюрократии.

В сталинские времена бюрократия целиком «питалась» в государственных закромах. Сталин помнил завет Петра I, который уничтожил «кормление» и посадил на государево довольствие весь свой аппарат.

Но уже при Брежневке возникли «щели», через которые можно было «нормиться» сверх норм и даже «брать не по чину». Я входил в горбачевские времена в комиссию Примакова по борьбе с привилегиями. Так вот даже перечень их составить было трудно. Бесконечные премии (даже за отправку студентов на уборку картофеля). Поездки за границу. Доступ к дефициту и обмен дефицитом. Буфеты и магазины. Прачечные и детсады. Особые дома. Дачи. И т.д. И т.п.

Ну а нынешняя эпоха вообще освободила от запретов и страха расхитителей всех уровней.

Вот это-то головокружение от успехов на ниве приватизации, льгот по экспорту, скидок по налогам и т.п. и служит основным барьером для реваншистов. Наша бюрократия считает, что

преимущества у начальника в постиндустриальном обществе существенно выше, чем у любого начальника в мире Шарашки.

Пока. Но ситуация может измениться.

Среди бюрократии, уже «накушавшейся», интересующейся не только сытым желудком и счетами в банках, растет доля тех, кто озабочен сохранением государственной мощи России, справедливо видя в этой мощи реальную гарантию своих «приобретений».

Все беды часть бюрократии видит в коррупции. Не понимая или не желая понять, что миллионы «челноков» и тысячи предпринимателей уходят от налогов и платят взятки чиновникам и рэкету не из-за равнодушия к интересам российского государства, а из-за того, что выполнение обязательств равносильно экономической смерти.

Кто будет обращаться в суд, если законы неопределенны, суды «перегружены» делами и склонны к взяточничеству? Не проще ли искать «крышу» у криминальных структур?

Как относиться к налогообложению, при котором — как в советские времена — больше платит тот, кто работал лучше и получил лучшие результаты, а не тот, кто взял больше ресурсов?

Если российская бюрократия не найдет сил для замены западнического курса реформ на новый, отвечающий историческим, национальным и другим чертам России, и главной из них — желанию сохраниться в качестве великой державы в эпоху постиндустриализма XXI века, — питательная среда для реванша Шарашки будет расширяться.

На войне надпись «Мины» не менее важна, чем табличка «Проверено. Мин нет». Лучшие представители нашей интеллигенции — Любимов и Солженицын — на столбе с указателем «Шарашка» вывесили предупреждение «Очень опасно!».

ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

(Премьера «Мудреца» на сцене
Театра имени Ленинского комсомола)

Примечательна судьба этой пьесы. Всякий раз, когда Россия оказывалась в ситуации реформ; всякий раз, когда сталкивались три основные силы преобразований — консерваторы, либералы-прогрессисты и демократы; всякий раз, когда капитанский мостик и руль реформ удавалось «уберечь» от демократических сил, — герои комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты» становились современниками сидящих в зале, вне зависимости от года, в каком писали пьесу. В чем тут дело?

Комедию А.Н. Островский написал в 1868 году. Пьесы, посвященные фундаментальным проблемам общества, русская драматургия часто могла довести до сцены только в виде «комедий» — так поступали Грибоедов и Гоголь, так сделал и Островский. Но комедийность у Островского — это не только способ доведения до публики результатов глубокого анализа. Комедией — по мнению А.Н. Островского — к 1868 году стала сама эпоха реформ, начатая отменой крепостного права в 1861 году и продолженная политическими преобразованиями (введение суда присяжных, введение выборного земского самоуправления, коренные изменения в армии).

Эти реформы завершились. Главной их идеей был поиск такого варианта перехода от феодализма к новому строю, при котором абсолютизм обязательно останется единственной и главной руководящей силой общества. То, что можно было сделать в рамках этой концепции реформ, было сделано. На большее ца-

ризм пойти не мог — иначе возник бы вопрос о сохранении самой монархии.

Основные классы тогдашнего общества приняли — по разным причинам — этот вариант преобразований. Даже в среде интеллигенции возникли призывы начать созидательно работать над решением конкретных проблем, не тратя время на поиск иного подхода к реформе в целом.

Но неудовлетворенная победившим вариантом преобразований, подавленная пассивным отношением народа к стремлению найти более радикальные решения часть разночинной интеллигенции в отчаянии встала на путь террора: началом его был выстрел Дмитрия Каракозова в царя в 1866 году. С этого времени пути тех, кто осуществлял реформы сверху, и пути сторонников радикального варианта преобразований окончательно разошлись. И именно это переломное время отражено в пьесе Островского.

Критики не раз подмечали при анализе пьес Островского его поразительную способность вскрывать наболевшие проблемы русской жизни. Драматург полностью подтвердил эту свою способность и в пьесе «На всякого мудреца...». В центре пьесы — переход одного из участников демократического лагеря, потерявшего веру в избранный ранее путь, в среду консерваторов и либералов, полностью взявших в свои руки дело преобразований.

Когда я услышал, что Марк Захаров обратился к этой пьесе Островского, у меня возникло желание узнать, считает ли один из наших лучших режиссеров, что уже есть основания оценивать наше время в категориях пьесы Островского? Или он увидел в ней какой-то иной ракурс? Подзаголовок «сценическая

фантазия на тему комедии А.Н. Островского» и даже изменение заглавия пьесы на «Мудрец» позволяли это предполагать.

Я отправился на спектакль и ответ получил. Прежде всего это не та фантазия театра, при которой из пьесы делается нечто, пусть и очень ценное, но чуждое автору. Перед нами подлинно Островский. Но это одновременно и фантазия, так как перед нами тот Островский, которого увидел Марк Захаров, — активный участник нашей перестройки на пятом году ее развития.

Концепция. Под общий смех зала со сцены звучат слова о том, что «и мы не знаем, куда идем, и те, которые нас ведут, тоже не знают». Аплодировали все, и я тоже.

На самом деле пьеса Островского исходит из того, что никакой неопределенности в деле реформ уже не осталось. В самом главном — идти ли демократическим путем преобразований или аппаратно-бюрократическим — выбор сделан. Дискуссии о том, что делать и чего не делать, несущественны с точки зрения Островского.

Заслуга постановки Театра имени Ленинского комсомола и состоит в том, что он сумел показать эту определенность. Герои пьесы точно знают, чего они хотят. Между ними грызня: Крутицкий хочет «ударить» либералов, Городулин хочет «ударить» старичье... Но это — по большому счету — уже комедия. И более чем символичен заключительный общий круглый стол, за которым сидят вместе все эти умеренные и либеральные творцы преобразований.

Демократы. Они в пьесе Островского появиться по-настоящему даже при тогдашней «либерализации» не могли. Но Захарову удалось проявить их в пьесе максимально. Приход «подпольщиков» к Глумову и весь их вид говорят сами за себя:

ничего серьезного они не представляют. Блестяще поставлена сцена, где постоянно из рук одного из «подпольщиков» падает припрятанный в картонный футляр лом. Даже оружия держать в руках они не умеют. Падающий лом — прямая ассоциация с Каракозовым.

Консерваторы. Благодаря прежде всего исполнению Л. Броневым роли Крутицкого генерал стал одним из центральных персонажей пьесы. Консерваторы, по Захарову, вовсе не дряхлые старики, немощные и смешные. Нет, генерал активен, четок.

Мне можно возразить: а ведь у самого Островского много бутафорского в изображении Крутицкого. Но это взгляд 1868 года! Захаров использовал для своей «фантазии» весь исторический опыт реформ 1861 года. Поэтому появляется «захаровское» толкование Крутицкого и всего консервативного лагеря.

Ключевое значение имеет реплика Крутицкого: «Я же не против всяких реформ». Можно легко представить комическое истолкование этого заявления. Не раз в постановках пьесы именно так оно и звучало. Захаров и Броневой вскрыли иной его смысл. Крутицкий не против реформ «вообще». Он — за реформы, за преобразования, но только за свои, за те, которые его устраивают, сохраняют у власти его и ему подобных. Вышколены и готовы к действиям его подчиненные, подготовлены и идут «в народ» его провокаторы и стукачи. И в этом подходе к реформам гораздо больше опасности, чем было бы в прямом им сопротивлении, к которому его толкает Глумов.

С сомневающимся видом, не окончательно уступая, принимает Броневой версию глумовского названия своего трактата. Сцена очень логична для всей постановки Захарова. Глумов в 1868

году мог оглуплять Крутицкого. Но мы, зная финал реформ 1861 года, не имеем на это никакого права.

Показ реальной мощи и опасности консервативных сил — «фантазия» Захарова. Но это уже то, что, по мнению Захарова, обязаны видеть в пьесе Островского мы.

Либералы. Либералы в «фантазии» Марка Захарова тоже даны на основе исторического опыта. Они гораздо менее говорливы и «потешны», чем это может следовать из пьесы Островского. Захаров не упускает слов Городулина: «Дельцы у нас есть». И далеко не случаен выезжающий на сцену паровоз. Ведь за какой-то десяток лет бесконечные просторы России были открыты сетью железных дорог. И игра Городулина в теннис тоже не случайна. Действительно, в стране началась новая эпоха во всем, от паровозов до тенниса. Трактовка либералов Захаровым как силы, способной не только говорить, но и созидать, точна.

Разрешимы ли проблемы? Если верно, что нельзя недооценивать ни консерваторов, ни либералов, то верно и другое.

Проводимый ими вариант отмены крепостного права главных проблем России не решил. Их решали три русские революции.

И одна из блестящих сцен в спектакле — попытка какого-то изобретателя полетать на сконструированных им крыльях. Гибель изобретателя символична. Обманулись надежды на то, что для России пришла эпоха летать. Не дано русским талантам летать при власти Крутицких и Городулиных. Паровоз — удается, а подлинный взлет — цель нереальная.

Я думаю, сам Островский не видел будущего ни за Крутицкими и Мамаевыми, ни за Городулиными. Но его подход не объясняет нам, почему реформы 1861 года, даже совершенные сверху и руками бюрократического аппарата, тем не менее гигантски

ускорили развитие России. Интерпретация Захарова соответствует истории. Нет, не случайна реплика Городулина о том, что «дельцов у нас хватает». Так же как и реплика Крутицкого, что он не стоит на платформе «вреда реформ вообще». Крутицкие и Мамаевы проявили и настойчивость, и умение, и гибкость в преобразовании страны. Бездумная уверенность в полной их несостоятельности может привести демократические силы к серьезным ошибкам и самой опасной из них — отрыву от масс.

Мудрец. Проблема ума и мудрости — одна из главных в пьесе. И консерваторам, и либералам нужна мудрость. Все они требуют помощи, предложений, статей, «пера».

На первый взгляд это именно спрос на идеи, на предложения. Но это спрос специфический. Оказывается, что идеи есть и у самого Крутицкого. Ему нужны не идеи, а их оформление, точнее сказать, хорошее представление публике.

Тут нужна не мудрость вообще и не ум вообще. Тут нужно творчество особого рода — по заданию, в рамках целевой установки, агитация уже predeterminedных выводов.

А либеральный Городулин? У него потребность в «уме» совершенно аналогичная. Городулин тоже знает, что ему нужно. Ему нужна помощь в реализации идей, помощь в эффективных ударах по консерваторам в борьбе за руководство реформами.

Когда я слышу упреки в адрес экономистов: мол, нет от них предложений, не помогают, не участвуют, только критикуют, — я вспоминаю пьесу Островского. Ибо за призывами «вносить предложения» и «выдвигать идеи» стоит тот самый подход, который так блестяще выписан у Островского. Помогайте нам, но с условием сохранения нас на наших постах, а вас — лишь в роли советников, ждущих в наших приемных, только в рамках

приемлемого для нас варианта развития. Ищут не идеи как таковые, ищут подручных для оформления идей.

Вот каков «спрос» на Глумова. Базисные решения уже приняты, теперь надо вести дела, и способный к писанию текстов человек при такой ситуации нужен всем. Глумову первоначально безразлично, кому служить — либералам или консерваторам. Он и принимает решение о двойной игре. Для карьеры и денег он будет играть по одним правилам, а «для души», для очистки совести будет вести свой тайный дневник.

Но на таком пути есть только одна логика. Ее когда-то прекрасно выразил Фазиль Искандер: если долго смеяться про себя, то можно и задохнуться. За попытку жизни в чужой среде, за раздвоение Глумов платит утратой... мудрости. В нем проявляется... простота. И если бы этой его новой среде была нужна подлинная мудрость, то разоблачение Глумова было бы его концом. Но все дело в том, что Крутицким и Городулиным не нужна подлинная мудрость. Им нужна именно мудрость исполнителя. Они поняли: дневник — это только отзвуки прогремевшей грозы, а в принципе он уже созрел для службы в качестве того «мудреца», который нужен новому этапу реформ.

Путь в общество консерваторов и либералов можно купить только потерей подлинной мудрости. Ум, поставленный на службу аппаратного варианта реформ, всегда рано или поздно будет тускнеть. И любой мудрец не избегнет «простоты».

Вот почему я думаю, что название пьесы далеко не случайно — как и название комедии «Горе от ума». В среде бюрократии ум несет его обладателю или «горе», или «простоту». У Грибоедова — горе от ума. А у Островского — горе ума, поставившего себя на службу делу, не требующему подлинной мудрости.

В постановке нет упрощения ситуации. С одной стороны, у Глумова — подпольное сочинение острых эпиграмм, практическая бесполезность которых ясна людям с подлинным умом. А с другой — «вписывание» в среду бюрократов с очевидной перспективой поглупения. И мечется, срывая с себя одежду, обнажаясь в буквальном смысле слова, Глумов...

И в этой фантазии Захарова, в этом голом Глумове, поставленном жизнью к стене, — еще один урок для всех нас. Если мы допустим разгром демократического варианта перестройки, — перспектива для каждого умного человека будет именно такой, и никакой другой.

...Уходя со спектакля, я уже не сомневался в ответе на вопрос: почему Марк Захаров поставил пьесу Островского сегодня — мы должны сделать в нашей перестройке все, чтобы проблематика пьесы не стала бы, как во времена Островского, фактом реальности, а осталась бы для нас лишь «сценической фантазией».

КТО ПРОДОЛЖИТ РЕФОРМЫ?

(Захаров, Горин и Ленком отвечают: шут Балакирев)

«Шут Балакирев», поставленный Марком Анатольевичем Захаровым, — последняя пьеса безвременно ушедшего Григория Горина. Текст ее опубликован в сборнике его произведений, изданном в серии «Антология Сатиры и Юмора России XX века». Я не берусь оценивать, в какой мере пьеса соответствует реальной истории. Я исхожу из того, что представили нам автор и Ленком.

Итоги и изнанка реформ (или «вперед без штанов»). Действие происходит в последние годы царствования Петра I. Реформы в

основном реализованы. Есть армия. Есть флот. Война со шведами выиграна. Петербург построен. Символична ситуация: теперь в Петербург уже не гонят. Теперь в него рвутся за «столичной пропиской». Предел мечтаний Балакирева — переселить в Петербург и мать, и невесту, и ее мать.

Но именно в эти годы все очевиднее становятся не только успехи, но и «изнанка» реформ Петра.

Гигантская концентрация ресурсов в руках государства, необходимая для успеха преобразований, создала огромный «котел» не только для «славных дел», но и для казнокрадства. Ополчение бояр и стрельцов, само кормившееся и вооружавшее себя, заменено регулярной армией, которая все получает от «казны». А заказами ведают Меншиков и другие вельможи. Купцы в борьбе за заказы готовы на «благодарность». То, что создало базу успехов, стало и базой злоупотреблений. Таковы противоречивые моменты силового варианта преобразований Петра I.

Европейское стало нормой жизни. Бороды уже бреют сами. Но тут же виден уровень этой «европеизации».

И что может быть интереснее сцены, где богиню красоты Афродиту путают с богиней правосудия, к руке которой привязывают отчет о выплаченных взятках. Вековые российские традиции не исчезли. Они умело и успешно «вросли» в новые формы.

Образовался гигантский разрыв столицы и провинции: даже анекдоты Твери Петербург не понимает, равно как и обратно.

Не менее символичен и марширующий без штанов в Петербурге Балакирев. Такой итог великих преобразований — с голым задом — еще не раз увидит Россия.

И не случайно в центре пьесы «шутейная команда»: за все годы преобразований вся Россия не очень далеко ушла от того,

что называют «шутейной командой». Мост в Европу оказался и очень узким и весьма скользким.

Тем острее вопрос: что будет дальше? В России, как и в любой деспотии, этот вопрос «что» превращается в «кто». Кто сохранит и продолжит реформы?

Сумерки реформатора. В спектакле Петр I показан в последний год жизни: «Я уже мертв, Катя. Неужели не видишь?» — он неизлечимо болен. Припадни. Угасла великая энергия. Гром в речах — и в очередной раз прощает главного взяточника Меншикова.

Но главная его проблема — не здоровье. «Прошу у Господа иной раз смерти, а он не дает. И то. Его правда — на кого мне державу оставлять?.. Когда держава за тобой, которую сам вот этими руками сделал, — тут думать надо... За всех. За всю империю».

И выясняется, что под свои же реформы сам Петр подложил гигантскую мину. По утвержденному им же порядку наследника может назначить только он. А он не подготовил преемника.

Сын Петра, Алексей, оказался человеком незаурядным, талантливым и по-отцовски твердым. Он лучше отца видел и «изнанку», и непрочность, и «внешность» многих преобразований. И у него сложилось свое видение того, как и какими методами надо вести преобразования.

Но в деспотической системе не может быть двух стратегий. Тупик авторитарной, недемократической системы как раз в том, что ей противопоказано любое инакомыслие. Особенно если она ведет реформы. И Алексея отец казнит. Избрав насильственный и авторитарный вариант реформ, Петр автоматически лишил себя наследника и тем самым поставил под вопрос дело своей жизни.

Итак: «Сына нет. Друг — вор. Жена — добрая дура». Но, может быть, есть еще «птенцы гнезда Петрова»?

«Гнездо» становится «Семьей». Были времена, когда «птенцы гнезда Петрова» славились в трудах «державства и войны». Но теперь они думают о другом: что их ждет после ухода Петра?

Сам Петр, как истинный самодержец, мыслями о будущем своих «птенцов» себя не обременяет. Он, видимо, считает что им достаточно титулов и орденов.

Но сами «птенцы» думают иначе. И дело не в том, что Шафиров из евреев, Ягужинский из литовцев, а полудержавный властелин имеет польскую фамилию «Меншик», к которой его предки добавили окончание «ов». И при киевских, и при московских властителях иностранцы охотно принимались — варяги, греки, татары, литовцы, поляки. В духе этой традиции и сам Петр считает, что кто «верно служит России — тот и русский. А Алексашка Меншиков был русским, когда на Полтаве воевал, а как воровать стал без совести и закона, так, значит, в басурманы перекинулся...»

Царь мог бы обеспечить «птенцов», создав, например, нечто вроде английской палаты лордов. Но вот ведь в чем дело: последний интересный гвоздь из Европы Петр привозил, а в части демократических порядков — ничего. Ни из Англии, ни из Голландии. В упор не видел.

«Птенцы» понимают, что им надо самим обеспечивать свое будущее. Как? Ну, прежде всего грабежом: государственных ресурсов (казнокрадство) и грабежом подданных (взяточничество). И воруют, и берут — так, как никогда еще не было в России — но ведь и таких «нищих» хозяев у России тоже еще не было... Как говорит Петр: «Они нашу доброту — в векселя и займы. Всю империю растащат на куски. Все разворуют».

Однако в России само по себе богатство ненадежно. Нужна еще одна гарантия — место во власти. Даже сегодня повальный штурм мест с депутатской неприкосновенностью говорит именно о непрочности в стране частной собственности. Что говорить о тех временах! «Птенцы» «кучкуются» — в стаи, клики. И буквально «метят» своих — то маслами, то настойками. И все стаи вместе образуют «Семью». Как говорит Балакиреву Головкина: «Мы все здесь, при дворе, одна семья». В борьбе за себя «гнездо Петрово» становится «Семьей».

Эта «Семья» и борется с внешними врагами, и грызется друг с другом. И тем яснее, что настоящего преемника у Петра нет и в среде «Семьи». И здесь Петр свои реформы не прикрыл: «Растянул государство с запада на восток, как гармонь, а играть-то на сем инструменте подданных не обучил...»

Назад, от реформе? После смерти Петра во главе империи — Екатерина I. При ней правящая коллегия, хунта во главе с Меншиковым. Вроде бы «Семья» удержала трон.

Но формально удержать одно, а реально — другое. Удержать реально — продолжить дело Петра. Но Екатерина не имеет никакой программы.

И опять-таки дело не в том, что Екатерина I не русская, Марта Скавронская. Как считают многие историки, она не была ни немкой, ни чухонкой. Ее предки — русские из Великого княжества Литовского. Это княжество на две трети состояло из западных русских земель, начиная со Смоленска. Государственный язык — русский. Даже государственной религией многие годы было православие. Это историки из дома Романовых столетиями убеждали в том, что, кроме Московии, никакой Руси после Киевской не осталось, и соответственно в Смутное время восточные

русские боролись в Москве не друг с другом, не с западными русскими, а только с полянами и шведами.

Так вот Екатерина была — как правильно определил ее Петр — «русской бабой». Она не понимала ни целей, ни задач преобразований.

И «птенцы» из «Семьи» тоже оказались несостоятельны. Это были — как и положено при авторитарном режиме — блестящие исполнители. Но — как Луна — они могли светить только отраженным светом, светом Петра.

И в России началась, по словам Меншикова, «прямо Полтава на Неве». «Семья» склочничала и враждовала. Этим воспользовалась более сплоченная группа иностранцев при дворе. Иносказательно Балакиреву объясняют: «Русского шутовства ведь и не осталось при дворе — Голштинские да Остерманы верховодят». Ожили и бояре: «Бояре малолетку, внука его, на трон тянут... Нас, конюховских детей, люто ненавидят». В итоге — «совсем в России порядку не стало. Уж и в бане под каждой шайкой — шпион».

В этой ситуации Балакирев приходит в вывод, что теперь надо не в столицу, не к реформам, а назад, в Тверь. В широком смысле слова — к допетровским, дореформенным порядкам.

Но идеям «возврата» уже не суждено сбыться. Поздно. Реформы стали необратимы. И потомственный русский дворянин Балакирев получает пулю в грудь от наследника российского престола — не в последнюю очередь за идею «назад».

Второе пришествие реформатора. Ситуация — по пьесе — складывается такой, что без возвращения Петра I России не обойтись. И он приходит. К нему бросаются с вопросом: кому же дать власть?

Но Петр вернулся другим. И хотя — по его словам — «думать на том свете — мука адская» — он, с его умом, сделал очень далеко идущие выводы.

Прежде всего он уже не верит в то, что вел реформы лучшим методом. Он уже склонен считать, что правы были те, кто предлагал вести реформы иначе. «Вашу дикость своей дикостью царь лечил, потому и не вылечил! Может, не так лечить надо было? Может, как сын Алексей предлагал...?»

Поэтому он не верит в то, что суть дела — найти преемника на трон. И в «гнездо» он не верит. На вопрос Екатерины: «Что дальше делать с державой?» — Петр отвечает: «Эти уже не поймут. Других людей звать надо».

Но где искать этих других? Петр сомневается уже в самой системе деспотического авторитаризма. Он согласен с королем Лиром, которого встретил на том свете, в том, что «только поумневший царь имеет право уйти с трона». Но все дело в том, что «поумнев, царь неизбежно сойдет с ума». Неразрешимое противоречие авторитаризма: деспот должен быть умным, но умного ждет безумие в деспотическом режиме.

И выход, следовательно, не в том, чтобы искать наследника или заменить двор. Для реформ надо искать другой, более прочный, более массовый фундамент. И поскольку народ не готов к этой роли, остается положиться на низший, самый массовый, слой правящего класса. На дворянство.

Петр не заблуждается и в отношении дворянства. Он прямо говорит Балакиреву: ты был и плохим земледельцем, и плохим солдатом, и плохим шутом. Но других людей у Петра в России нет, и он именно Балакирева сначала вытаскивает из могилы, а затем вручает ему в руки европейский фагот: «Ты только играй на нем, не робей...»

И потомственный дворянин Балакирев заиграл на фаготе Петра. Все громче, все увереннее. Дело Петра попало, наконец, в

надежные руки. Преобразование России приняло и взялось продолжить российское дворянство...

Сначала дворяне — офицеры из гвардии устранили Бирона. Затем передавали трон от Анны к Елизавете. Убивали Петра I и вели к власти Екатерину II. И, наконец, она издала судьбоносный указ о вольности дворянства. Пусть один слой общества — дворяне — стал в России независимым, ушел из рядов рабов, холопов, «сирот». И тем самым российская монархия переставала быть восточной сатрапией. Спустя почти 500 лет после «хабеас корпус акт», освободившего английское дворянство, и в России появилось независимое сословие.

Завершение реформ Петра — именно в этом начавшемся процессе освобождения дворянства, в заигравшем на трубе Балакиреве.

Таков, по мнению Захарова, Горина и блестящего ансамбля актеров Ленкома, главный урок борьбы за наследство Петра. Реформы неотделимы от самостоятельного сословия. В обществе работающих на неизвестно кому принадлежащих заводах, сидящих на чужой земле, получающих от центра или мест плату и пособия, обществе с преобладанием зависимых по всем каналам от власти людей, по сути холопов, — реформы и демократию не спасут ни самые лучшие преемники, ни самые лучшие «семьи», ни самые отработанные системы выборов, ни группировки, партии «меченых» то властью, то грабежом, то чем-то еще. И в этом выводе можно полностью согласиться с Ленкомом.

ГЛАВА 5

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА С НАМИ

УРОКИ ФАУСТА

(К юбилею Ю.П. Любимова)

Эти заметки — не рецензия на блестящую постановку Ю.П. Любимовым «Фауста» Гёте. Но я никогда так бы и не решился написать что-то о Фаусте, если бы не постановка Юрия Петровича. Именно он «довел» мои многолетние размышления о Фаусте до решимости поделиться ими с читателями «МК». Поэтому я с полным правом посвящаю эти странички 85-летию Мастера.

Мой Фауст

«Фауст» не сразу стал «моим». В школе в те времена вообще не было курса по зарубежной литературе. И о Фаусте я узнал... прочитывая том за томом собрание сочинений А.С. Пушкина. Стал искать, начал читать... и читаю раз за разом до сих пор изумительный перевод Бориса Пастернака. Вопреки расхожим мнениям, часто объявлявшим вторую часть «Фауста» чем-то азучным и трудновоспринимаемым, я больше ценю именно эту, вторую часть. «Фауст» стал для меня постоянным собеседником — как дневники Федора Достоевского или Льва Толстого.

Четыре момента делают для меня «Фауста» таким собеседником. Во-первых, образ Фауста. Фауст для меня — это и герой произведения, и Мефистофель, и сам Гёте. Все они дополняют друг друга. Поэтому я употребляю имя Фауст без кавычек — именно как такой собирательный образ.

Во-вторых, это идеи «Фауста». Как писал сам Гёте: «Хорошенькое было бы дело, если бы богатую, пеструю и в высшей степени разнообразную жизнь, которую я представил в «Фаусте», попытаться нанизать на нить единственной всепроникающей идеи!» В «Фаусте» представлена именно жизнь, во всем многообразии её идей, нередко отличных, а порой и противоположных друг другу.

В-третьих, это особенности истории создания произведения. Гёте начал писать Фауста в 1773–1775 годах. Вернулся Гёте к тексту по настоянию Шиллера в 1797 году. Опубликовал первую часть в 1808 году. А вторую часть закончил в 1831 году. Более чем полвека. Но, главное, какие это были десятилетия!

Напряженный анализ жизни. Установка на революцию как лучший способ свести счеты с прошлым и получить стартовую площадку в светлое будущее. Отрезвление в годы Великой французской революции, когда непрерывное щелканье гильотин освобождало Францию от её лучших голов, а в головах всех, кто уповал на революцию, порождало смятение. Империя Наполеона, его победы в Германии. Годы реставрации и реакции. И опять, в конце жизни, повторяется ситуация старта: что делать человеку, ощущающему несовершенство и пороки окружающего мира?

И наконец, четвертое обстоятельство. «Фауст» имеет главную линию. Эта линия — правдоискательство. Поиск ответа на

вопрос: что делать? Это произведение об интеллигенте, но неразрывно связанном с народом и ни минуты не сомневающимся в том, что он ищет такой ответ для себя, который будет ответом и для каждого простого человека.

Есть народы, у которых правдоискательство заложено в самих основаниях. Веками мечутся в поисках на страницах Библии еврейский народ и его пророки. Пронизан правдоискательством дух немецкого народа, что сделало его родоначальником и протестантского бунта против католичества и социалистического бунта против капитализма. Наполнена правдоискательством и история русского народа.

Все эти черты и сделали «Фауста» близким и нужным мне. Более того, с опытом нашей революции 1989–1991 годов, опытом реформ последнего десятилетия многое, что волнует Гёте в «Фаусте», становится мне и ближе и понятнее. Подозреваю, что Юрий Петрович Любимов «дозрел» до «Фауста» тоже с учетом опыта последних двух десятилетий.

«Фауст» напоминает мне огромный арсенал, в котором всегда можно найти то, что тебе сейчас больше всего нужно.

В молодые годы у меня было для друзей такое «тестовое» испытание. Я произносил тост:

«Вот полный доверху стакан.

И сколько капель в нем вина,

Пусть столько же счастливых дней

Вам Бог прибавит к жизни всей».

И предлагал угадать, в какой стране он родился и кто его автор. Страну «угадывали» сразу — Кавказ. А вот об авторстве спорили. И были удивлены, когда я говорил, что этот тост произносит старый немецкий крестьянин, подавая бокал Фаусту.

Или вот еще. Увлечешься каким-либо движением или партией, каким-либо политическим периодом — и тут же появляется Фауст с его гениальным замечанием: «Едва я миг отдельный возвеличу ... и мне спасенья нет из западни».

И уж как уместны слова из «Фауста» по поводу нашей российской традиции впадать в ничем не обоснованный (кроме наших собственных желаний) восторг в связи с приходом нового лидера:

«Беда нам с новым бургомистром.

Он все решает с видом быстрым.

А пользой нашей пренебрег.

Дела все хуже раз от разу.

И настоятельней приказы,

И непосильнее налог».

Или к вопросу об оценке «исторических» достижений реформ — опять «Фауст»:

«Мы день за днем горим от нетерпенья

И вдруг стоим, опешивши, у цели,

Несоразмерной с нашими мечтами.

Мы светоч жизни засветить хотели,

Внезапно море пламени пред нами».

И, наконец, прекрасное «антибюрократическое» заявление Фауста:

«Тебе, педанту, нужен чек

И веры не внушает человек?»

И еще:

«Что значит перед этим власть чернил?

Меня смешит, что слову нет кредита,

*А письменности призрак неприкрытый
Всех тирании буквы подчинил».*

Но «Фауст» не просто переполнен отдельными глубокими мыслями Гёте. В нем есть гораздо более важное: логика развития главного героя.

Логика Фауста

«Народ свободный на земле свободной». Чего хочет Фауст? Фауст — ученый человек, доктор. В давние времена люди со знаниями даже среди знатного сословия были редкостью:

*«Ученость ваша у крестьян
Прославлена и всем видна.
Отрадно вспомнить в светлый день
Как жертвовали вы собой
Для населенья деревень
В дни черной язвы моровой».*

Фауст чувствует себя человеком именно в среде простых людей:

*«Как человек, я с ними весь
Я вправе быть им только здесь».
«Я людям руни распростер,
Я грудь печалям их открою...
И все их бремя роковое,
Все беды на себя возьму».*

Что нужно простым людям? Совсем немного: «Всем хочется вздохнуть свободней». Поэтому «правитель добрый не доспит, Чтоб был народ одет и сыт».

И самое страстное желание Фауста: «Народ свободный на земле свободной увидеть я б хотел».

Но насколько мир близок к мечте Фауста?
«Творенье не годится никуда». В окружающей жизни, как утверждает Мефистофель, —

*«беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда».*

Что это за жизнь, если даже самому черту не надо ничего придумывать для ее ухудшения!

Ну а что делает начальство?
*«Как погляжу на этих я каналий,
вся бочка вытекла,
на дне одна бурда».*

Неизбежен и вывод: «Творенье не годится никуда».

«Нет в мире вещи, стоящей пощады». Если уж таков мир, то отношение к нему соответствующее: нет в этом мире ничего, что стоило бы пощады.

Фауст тут выступает в духе современного Гёте движения «Бури и натиска», как те, кого почетно называли в Германии штурмерами (не надо путать этих штурмовиков XVIII века с теми, кто выступал в XX веке).

Штурмовики рвутся к немедленному революционному переустройству мира.

*«Чтоб ненароком
Небес достать
Одним наскоком!»*

Этот максимализм легко перерастает в авантюризм, так как
*«им не понять как детям малым,
Что счастье не влетает в рот».*

Понимание этого придет позже. А пока: на штурм старого!
«Но можно пить французское вино». К тому же пример для
Германии — рядом. Францию сотрясает революция. Вывод Гёте:
*«Не все печально так у иноземцев,
Есть и у них здоровое зерно.
Французы не компания для немцев,
Но можно пить французское вино».*

Другими словами, надо идти по пути Франции, французское
вино подходит и нам.

«Я на познаныи ставлю крест». Применение революционных
методов должно опираться на разум. И вот тут Фауст обнару-
живает, что запас идей для преобразований у него, да и у всей
«просвещенной» части народа крайне мал:

*«Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил,
Однако я при этом всем
Был и остался дураком».*

Кризис разума Гёте увидел в разгар знаменитого века Про-
свещения, когда на основе разума предполагали построить
жизнь на новых основаниях. Однако разум оказался не готов

к тому, чтобы направить ни французскую, ни другие революции. А «сон разума» — озаглавил серию картин современник Гёте — Гойя — «рождает чудовищ». Реальности революции, зажатой разумом, обернулись теми самыми кошмарами, которые изобразил Гойя.

И горестное «был и остался дураком» — трезвая, хотя и жесткая, самооценка честным интеллигентом своей готовности вести за собой общество.

«Гомункул»

Но если Фауст признает поражение разума, то его коллега Вагнер рассуждает иначе. Не в разуме дело, а в том, что люди не доросли до разума.

И выход в том, чтобы сконструировать нового, идеального человека — Гомункула.

*«Прежнее детей прижитье
Для нас — нелепость, сданная в архив,
А жребий человека так высок,
Что должен впредь иметь иной исток».*

Однако Гомункул получился полуготовым:

*«Духовных качеств у него обилье
Телесными ж его не наградили».*

Гомункул не только не изменил мир, он даже не смог сам устроиться в нем. Едва покинув колбу и соприкоснувшись с действительностью, он гибнет.

Создатель кибернетики Александр Богданов, видя полную неготовность России к социализму, выход искал не в отказе от революции, а в воспитании с помощью «Пролеткульта»

нового человека — до начала социалистического строительства. Кого-то вроде того, кого Илья Эренбург назвал «ускомчел» — усовершенствованный коммунистический человек.

Красный нхер Пол Пот в Камбодже предложил радикально простой метод усовершенствования человечества — уничтожить всех, кто старше 20 лет из-за их непригодности к перевоспитанию в духе социализма.

А сколько сил потратили в СССР на воспитание «нового советского человека»! Но этот «хомо советикус», или проще «совок», оказался в силах только снести авторитарно-тоталитарный социализм. Для строительства же новой жизни он, как выяснилось, мало пригоден: даже связь между выборами депутатов и начальства и своим замерзающим зимой домом никак уловить не может.

Творить «гомункулов» пыталась и хунвейбиновская революция.

Так что Гомункул Гёте — первый в длинном ряду подобных ему. И когда я читаю о клонировании, я вспоминаю и Гомункула Гёте, и «ускомчела», и «нового советского человека».

Если разум оказался бессилён при решении волновавших Фауста проблем, то что оставалось?

Бог? Но Фауст понимает, что Бог возложил на самих людей ответственность за их собственную судьбу. Тогда? Остается или самоубийство или... или обращение к черту. И Фауст идет на сделку с чертом.

Тупик

Сделка. Ради чего идет на сделку с чертом Фауст? Конечно, не из-за личных выгод: золота, власти, славы и т.п. Фауст жерт-

вует своей душой ради цели своей жизни — лучшего будущего для людей.

Сделка с чертом — это уже выход за пределы человеческого. Ради человека — но за пределы человека. Фауст готов к этому:

«Я сын земли.

И до иного света мне дела нет».

Мефистофель правильно замечает:

«Тем легче будет при таком воззренье,

Тебе войти со мною в соглашение».

По существу все произведения Гёте о Фаусте — анализ того, можно ли идти на сделку с чертом ради высокой цели?

Поразительно, что еще до начала Великой французской революции Гёте прозорливо увидел, что проблема «сделки» станет не только частью сказания о Фаусте, а реальной, практической.

Ради светлой цели казнили направо и налево якобинцы. Опять же во имя благих целей убивали русские народовольцы. И большевики, идя на красный террор и пытки в ЧК, конечно же сделали это ради победы самых великих целей. И печи Освенцима питались не только топливом, но и верой в великую миссию нацизма.

Бессилие разума перед реальными сложностями преобразований, разочарование реформаторов и революционеров, невозможность найти альтернативу самоубийству от бесперспективности — общая основа «сделок».

Итак, по Гёте — имеет ли смысл жертвовать человеческим ради будущего человечества?

Что дала сделка Фауста с чертом?

Гретхен. Первой жертвой стала самый близкий, самый дорогой Фаусту человек — Гретхен. И не только она: и ее мать, и брат, и сын Фауста. Таков итог при самых лучших чувствах Фауста.

В Гретхен — лучшие черты немецкого народа — трудолюбие, аккуратность, верность. Но она ищет обычного, человеческого личного счастья. А Фауст ищет счастье для всех. И это счастье для всех приводит к трагедии отдельного человека.

«Больное царство мечется в бреду». Но быть может, в больших масштабах оправдалась сделка с чертом? Тем более что «поле» для усилий — целое государство.

*«И при начавшемся развале
Несостоятельную власть
В стране сменило безначалье,
Всех стала разделять вражда
... Достигло крайнего размаха укоренившееся зло.
Все потеряли чувство страха...
Шло, падало, плелось, тащилось,
Пока совсем не развалилось».*
*«Преступники возмездья не боятся
И даже хвастают своей виной
... Когда судья карать не смеет,
С преступником он заодно».*

*«Хозяйство все по швам трещит,
Спим на заложенной перине
И даже хлеб едим в кредит».*
*«Пришел конец союзным взносам
И денег никаким насосом
Теперь в казну не накачать».*

*«У нас что город, то и норов
И своевольничает знать».*

*«Из партий, как бы их ни звали,
Опоры мы не создадим».*

Этому государству Фауст и Мефистофель не смогли ничем помочь — кроме предложения организовать выпуск бумажных денег с перспективой безудержной инфляции:

*«И вместо золота подобный сор
В оплату примут армия и двор?»*

И в масштабе страны союз интеллектуала и нечистой силы не стал конструктивным началом.

Народ. Ну, с властью ничего не получается. Но ведь есть народ. Не ради ли простых людей пошел Фауст на сделку?

Во-первых, выяснилось, что многих волнует — как и Гретхен — только устройство собственного быта:

*«Я тоже так смотрю, сосед,
Пусть у других неразбериха,
Передерись хотя весь свет,
Да только б дома было тихо».*

Во-вторых, народ легко обмануть, им легко манипулировать, он готов поверить во что угодно:

*«Людей лечили этой амальгамой,
Едва ли кто при этом выживал,
Так мой отец своим мудреным зельем*

*...Самой чумы похлеще бушевал,
И наково мне слушать их хваленье».*

Но самое главное третье. Даже изменив жизнь, люди меняются мало. И в новой жизни воспроизводятся беда за бедой прошлого.

*«Ни слова о веках борьбы!
Противны мне тираны и рабы.
Чуть жизнь переиначит по-другому,
Как снова начинают спор знакомый».*

И какой горечью веет от слов:
*«Как будто бредят все освобождением,
А вечный спор их, говоря точней,
Порабощенья спор с порабощеньем».*

Последняя попытка. Фауст в отчаянии приходит к идее осуществить свои идеи хотя бы на каком-то куске земли. Так сказать, в отдельно взятой стране. В переходе реформатора к «отдельно взятой стране» Гёте нельзя отказать в логике.

За помощь императору Фауст получает «участок». На «участке» развернулось бурное строительство базы счастливого будущего: каналов, плотин и т.д.

Но, во-первых, тяжело досталось строителям:
*«Бедной братии батрацкой
Сколько погубил канал!»*

Во-вторых, в ходе строительства понадобилось снести дом двух стариков. Мешал великим планам.

*«Их выселить давно пора
В назначенные хутора
...Сопротивлялись эти люди
Мрачат постройку торжество,
Они упрямы до того,
Что плюну я на правосудье».*

Но попытка насильно переселить стариков не удалась:

*«Конец желая положить,
Мы стали вещи выносить,
Тогда их охватил испуг
И оба испустили дух».*

И как знакомо звучит самооправдание Фауста:

«Ошиблись, меру перешли!»

И в попытке создать «рай на участке» Фауст зашел в тупик. Теперь у него ничего не осталось, кроме смерти.

«Конечный вывод мудрости земной»

У Гёте «конечных» выводов два. Один делает сам Фауст. Другой — Гёте. Умирая, Фауст говорит:

*«Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний.
...Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!»*

Фауст с упоением оценивает свои усилия:

«Как мне приятен этот стук лопат!»

*Кладут границы бешенству прибоя,
Возводят вал и насыпи крепят.
...Стада и люди, нивы, села
Раскинутся на целине».*

Но даже если не удастся сделать мир раем — все равно надо работать:

*«Вот мысль, которой весь я предан,
Итог всего, что ум скопил,
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил».*

Этот вывод Фауста в советское время не раз цитировали, пытаясь «устроить» Фауста в социалистическое общество.

Но у Гёте все иначе. У Гёте говорит ослепший человек. Фауст ничего не видит. А стук лопат, так его умиляющий, раздаётся от того, что роют могилу Фаусту.

*«На этот раз, насколько разумею,
Тебе могилу роют — не траншею».*

Фауст и в момент смерти терпит крах:

*«Часы стоят
... Молчат, как ночь.
Упала стрелка. Делу не помочь...
Все кончено.
А было ли начало?
Могло ли быть? Лишь видимость мелькала...»*
Ангелы отбивают душу Фауста у Мефистофеля:
*«Спасен высокий дух от зла
Произволением Божиим,*

*Чья жизнь в стремлениях прошла,
Того спасти мы можем».*

И в этом на первый взгляд оптимистическом финале для меня и заключено самое ужасное. По Гёте, Бог, не отдавая Фауста аду, как бы подтверждает, что Фауст был бессилен и потому не виноват. Мир на Земле никогда не может стать раем. Иначе потеряет смысл решение Бога об изгнании первых людей из Небесного рая. Земля должна быть для людей не раем, а источником испытаний, в ходе которых человек доказывает свое право на рай Небесный.

Прощая Фауста, Бог тем самым подтверждает, что на Земле невозможно построить рай. Невозможно сочетать счастье отдельного человека со счастьем всех. И, естественно, Фауст не мог — даже с помощью потусторонних сил — сделать невозможное.

Вот так и кончается «Фауст». Взаимоисключающими идеями. Идеей о необходимости для человека постоянно бороться за лучшую жизнь на Земле. И идеей о невозможности устройства счастливой жизни на Земле — ни с помощью разума, ни даже с помощью черта.

Для меня «Фауст» — это потрясающая по трагизму история о тупиковости, безысходности судьбы интеллектуала в его попытках создать счастливую жизнь на этом свете.

ТАК КТО ЖЕ ИДИОТ?

(Швейк Ярослава Гашека)

2003 год — год юбилеев Ярослава Гашека — автора «Похождений бравого солдата Швейка»: 120 лет со дня его рождения и 80 лет со дня смерти.

Кто вы, Йозеф Швейк?

Йозеф Швейк — чех, подданный Австро-Венгерской империи (в которую в начале XX века входила Чехия). Эта империя была одним из ведущих государств Европы и второй партнер в коалиции, возглавляемой Германией и воевавшей в Первую мировую войну с Антантой, в которую входили Англия, Франция, Россия и другие государства.

«Меня за идиотизм освободили от военной службы. Особой комиссией я признан идиотом. Я официальный идиот».

Но когда началась Первая мировая война, Швейк снова оказался перед комиссией, в которой было три представителя трех школ психиатрии. «И если в случае со Швейком три противоположных научных лагеря пришли к конечному соглашению, то это следует объяснить исключительно тем огромным впечатлением, которое произвел Швейк на всю комиссию». Что же послужило главным обоснованием? «Заметив на стене портрет австрийского императора, Швейк громко воскликнул: «Господа, да здравствует государь император Франс-Иосиф Первый!» Нормальным такого подданного даже официальные врачи императора признать не смогли.

Иногда Швейк как будто бы подтверждает свой идиотизм. Хотя его скрутил радикулит, он приказывает везти его на призывной пункт в коляске. По пути кричит прохожим: «Эту войну мы безусловно выиграем!» и «На Белград! На Белград!».

Но по ходу повествования мы все более убеждены, что Швейк совершенно нормален и, более того, сообразителен и умен.

Вот история с блужданием Швейка по Чехии. Он выполняет идиотский приказ: идти пешком до города Чешские Будейови-

цы. Каков приказ — таков и ответ. И Швейк, двигаясь кругами, вроде бы просто мстит самодуру-начальнику.

Но по пути ему постоянно встречаются дезертиры. Ему все советуют стать дезертиром. Он отвечает: «Нет, так просто это не делается». И он увильивает от войны под вполне благовидным предлогом: идет пешком кругами, но по приказу. Швейк умен для того, чтобы подвергать себя риску дезертирства. Он бы, возможно, и до конца войны ходил бы по Чехии, если бы ему не попался идиот-жандарм, принявший его за русского шпиона.

Вот вторая история. Швейк во многом по случайности становится ординарцем. Но он относится к своим обязанностям очень добросовестно. И опять умное решение: если уж служить, то ординарцем лучше.

Вот он беседует с арестантом, которого обвиняют в том, что он разбил мраморную плиту. Швейк спрашивает: сразу или долго бил? Узнав, что сразу, Швейк сразу указывает на опасность: они вам докажут, что вы заблаговременно готовились и долго тренировались. Замечание несомненно думающего человека.

Он вполне эффективен в своем собачьем бизнесе. Так как «каждому подавай родословную, вот и приходится печатать эти родословные и из какой-нибудь дворянки, родившейся на кирпичном заводе, делал самого чистокровного дворянина из баварской псарни Армина фон Баргейма... Собаки не могут краситься сами, как дамы, об этом приходится заботиться тому, кто хочет их продать... зубы вычистите наждачной бумагой... влейте в глотку сливянку. Он будет весело лаять и ко всем лезть, как подвыпивший член городской управы».

Швейк начитан. Он даже знает, что это чешский князь Ярослав разгромил полчища Батыя и изгнал их из Моравии. Помнит он и начало «Онегина» Пушкина.

Несколько лет назад, «чтобы не отставать от других, занялся, простите за выражение, самообразованием», Швейк «пошел в читальный зал Пражского промышленного общества», а потом ходил «в библиотеку Музея».

Его советы всегда практичны и разумны. Когда он узнает, что солдаты утопили палача-цыгана, он замечает: «Вам следовало бы отрапортовать, что он дезертировал, мол, давно к этому готовился: каждый день говорил, что удерет».

Швейк любит и умеет пить. Поэтому именно ему приходится доставлять в полицейский участок своего перепившего конвоира или уносить ного-нибудь из опьяневших офицеров.

Швейк обладает прекрасной памятью. Он легко запоминает не только разные истории, но и правила военной службы и даже поучения офицеров. Он цитирует: «Винтовка стоит у правой ноги так, что конец приклада находится на прямой линии с носком и т.д.».

Швейк «ростом ниже среднего, черты лица обыкновенные, нос обыкновенный, глаза голубые, особых примет нет...»

И этот нормальный Швейк на совет сдаться в плен — «Будьте благоразумны и долго на фронте не задерживайтесь» — отвечает: «Будьте спокойны, всегда занятно посмотреть чужие края, да еще задаром».

В общем, перед нами обычный, нормальный человек, который хочет получше устроить собственную жизнь в мире, в котором ему довелось родиться.

И если этот нормальный Швейк пришел к выводу, что «самое лучшее — выдавать себя за идиота», то все объясняется одним — устройством того мира, который его окружает.

Идиотизм общества

Современное Гашеку общество и государство критиковали много и с разных сторон: экономической, политической, нравственной, культурной, национальной, гендерной и т.д. Но именно Гашек в истории Швейка показал такую его черту, как идиотизм.

Разбухающая, выходящая из-под контроля всевластная бюрократия неизбежно приобретала черты, которые иначе как идиотизмом назвать нельзя. А Австро-Венгерская империя была исключительно бюрократизированным государством. Ведь кроме бюрократической машины абсолютной монархии в Австро-Венгрии было мало других, объединяющих империю факторов. Не было даже того, что было в Российской империи — одного явно преобладающего по численности народа. Неудивительно, что бюрократизм Австро-Венгрии «вскормил» и Гашека, и Кафку, и Чапена. Чапек придумал слово «робот». Кафка на первом месте поставил бесчеловечность бюрократической машины, состоящей из людей-функций. А у Гашека — во всем блеске ее идиотизм.

Идиотизм принижает повседневную жизнь. Вот по завещанию покойного дяди студенту-медику Вельферу выплачивается ежегодная стипендия до получения им диплома. Эта стипендия оказалась в четыре раза больше жалованья ассистента в больнице — и кандидат медицинских наук Вельфер по возможности год за годом стремится отсрочить получение звания доктора медицины.

Вот швейцар гостиницы, очень достойный человек. Всех уличных девок знает наперечет. «Какую вам: блондинку, брюнетку, маленькую, высокую, худую, толстую, немку, чешку или еврейку, незамужнюю, разведенную или замужнюю дамочку, образованную или без образования...».

Вот колбасник, который держит в одной банке специи, а в другой — средство от тараканов. И то и другое шло в колбасу...

Вот аптекарь Ванек, который готовит лимонные сиропы из гнилых лимонов, которые по дешевке покупает в Италии.

Служанка одного из винных пражских погребков подала в суд сразу на восемнадцать человек, требуя с них алименты, так как родила двойню. «У одного из близнецов один глаз был голубой, другой — карий, а у второго — один глаз серый, другой черный, поэтому она предположила, что тут замешаны четыре господина с такими же глазами. Кроме того, у первого из двойняшек одна нога была кривая, как у советника из городской управы, а у второго на одной ноге было шесть пальцев, как у одного депутата...»

Вот повар Юрайда заявляет: «Каждый человек в течение своей жизни... в определенные периоды своей деятельности должен на этом свете стать вором». Больше всего крадут в Красном Кресте. Заведующая лазаретом и старшие сестры посылали домой целые ящики мадеры и шоколада. Швейц добавил: «Было бы неплохо, если бы нам было предопределено стать вашими соучастниками».

«Сгорели холерные и дизентерийные баракы — на радость господам, принимавшим участие в устройстве этого госпиталя... Господа эти крали и набивали себе карманы, предоставляя

счета за постройку несуществующих холерных и дизентерийных баранов».

Австрийская монархия была многонациональной. Ей пришлось быть такой, что, скажем, акции правительства в пользу украинцев были намного полнее и глубже, чем то, что украинцы имели в России. И все же — и это хорошо показал Гашек — идиотизм не мог не поразить и сферу национальных отношений.

Высшей кастой были немцы из самой Германии: «Из каждого дома выходили солдаты из разных полков, среди них выделялись германцы. Они с видом аристократов раздавали австрийским солдатам сигареты из своих богатых запасов. У германских кухонь раздавали пиво в обед и к ужину, а вокруг, как голодные коты, бродили заброшенные австрийские солдаты...»

А среди австрийцев командное положение занимали собственно австрийцы и венгры. Венгры считали себя равными австрийцам. В начале войны они дразнили чешские части, встречая их с поднятыми руками (намекая на то, что чехи сдаются русским). Но, как пишет Гашек, «сами мадьяры, когда им уже перестала нравиться резня в интересах венгерского короля», стали сдаваться, как и чехи.

В Австро-Венгрию входила и Чехия, и много других национальных регионов. Власти пытались формировать части по региональному, то есть по национальному, принципу. Тем более «многонациональность» учитывалась в других сферах. Даже в бардане у входа сидит старая дама, произносившая по-немецки, по-польски и по-венгерски приблизительно следующее приветствие: «Заходите, заходите, солдатик, у нас хорошие барышни!»

Однако отношение к чехам, даже католикам по вере, было далеко не радушным.

Майор Вольф «в каждой фразе поносил чешских псов». Военный священник, фельдкуратор опровергает «оскорбительное» предположение, что он чех.

Поручик Лукаш давно был бы капитаном, если бы не его чешская национальность. Он говорит: «Останемся чехами, но никто не должен об этом знать... он считал чешский народ своего рода тайной организацией, от которой лучше всего держаться подальше».

Чешские полки, формально имея то же самое довольствие, что и австрийские и венгерские, фактически снабжались иначе. Полагалось «по сто пятьдесят граммов швейцарского сыра и по сто пятьдесят граммов венгерской колбасы». Но комендант вокзала сказал: «Мне неизвестен такой принцип для полков из Чехии». А на просьбу дать справку, что полки из Чехии снабжать по полному реестру не надо, комендант ответил: «Это секретный приказ».

Сложнее всех приходилось евреям. Когда несколько евреев закричали патриотическое «Хайль! Долой сербов!» — чехи им «так смазали по морде, что они целую неделю потом не показывались на улице».

«За вокзалом гонведы-гусары поймали двух польских евреев, отняли у них корзину с водкой и, придя в хорошее настроение, вместо платы били их по мордам. Делали они это, по-видимому, с разрешения начальства, так как рядом стоял их ротмистр и, глядя на эту сцену, довольно улыбался. Тем временем за складом другие гонведы-гусары залезли под юбки чернооких дочерей избитых евреев».

«В главную комендатуру местные патрули полевой жандармерии поминутно привозили то одну, то другую запуганную

еврейскую душу. За распространение неверных и ложных слухов несчастных евреев избивали в кровь и отпускали с выпоротой задницей домой».

Естественно, что евреи отвечали соответственно. Еврей в корчме пристал к солдатам, «прося купить у него старую, столетнюю корову, тощую дохлятину, кости да кожа. Он требовал за нее бешеные деньги, рвал бороду и клялся, что это самая толстая корова, которая по воле Иеговы когда-нибудь появлялась на свет Божий. Он клялся всеми предками, что смотреть на эту корову приезжают». Своего он добился, но «и после того, как деньги были у него в кармане, еврей плакал, что его окончательно погубили, уничтожили, что он сам себя ограбил, продав задешево такую великолепную корову. Он умолял повесить его за то, что по старости он сделал такую глупость, из-за которой его праотцы перевернутся в гробу... стряхнув с себя скорбь, пошел домой в каморку и сказал жене: «Солдаты глупы, а Натан твой мудрый».

Водку достают чаще всего еврейскую. Парадный мундир, который денщик украл у Лунаша, он продал в еврейском квартале. Комендант вокзала продает два вагона сена поставщику этого же сена — фирме Левенштейн, уже получившей деньги от государства. Назна снова купила у той же фирмы эти же вагоны. Комендант поставил вагоны в тупик: «Может, придется еще раз перепродавать сено фирме Левенштейн».

Швейку объясняют: «Когда раздобудем штатскую одежду, твои штаны и гимнастерку можно будет продать еврею Герману... Он скупает казенные вещи, а потом продает их по деревням».

Даже католическая церковь не могла обходиться своими поставщиками: «...походный алтарь был изделием венской

еврейской фирмы «Мориц Малер», изготовлявшей всевозможные предметы, необходимые для богослужения и религиозного обихода, как то: четки, образки святых».

И, наконец, Гашек воздал сполна религии. Разумеется, не религии, не вере как таковой и даже не церкви вообще. Он заклеил религию, добившуюся права быть государственной, стать структурой государства, стать частью армии.

Швейк попадает к фельдкуратору (так называли военных священников). Этот фельдкуратор — «Отто Кац, типичный военный священник, был еврей... учился в коммерческом институте... за один год привел фирму «Кац и К» в полное банкротство, что старому Кацу пришлось уехать в Северную Америку, предварительно проделав кое-какие денежные комбинации со своими доверителями, правда, без их ведома и без ведома и воли компаньона, которому пришлось уехать в Аргентину». Молодой Кац «очутился в положении человека, который ниоткуда не ждет наследства. Он обратился к Христу, чтобы Христос помог ему сделать карьеру». Он крестился, поступил в семинарию, стал священником и пошел в армию. Его проповеди Гашек воспроизводит с точностью. «Мир снизойдет в ваши души, хулиганы... Я прошу там, сзади, не фыркать! Вы не жеребцы и не в стойлах находитесь, а в храме Божьем... Займитесь, черт побери, поисками Бога, а вшей будете искать дома! ...Перед лицом Всевышнего вы не стыдитесь громко смеяться и кашлять, харкать и шаркать ногами, даже при мне, хотя я здесь вместо Девы Марии, Иисуса Христа и Бога-отца, болваны!»

Фельдкуратор Кац пьет до умопомрачения, играет в карты, прячется от кредиторов и в конце концов проиграл Швейка в карты поручику Лукашу.

Швейк так обобщает свой опыт: «Я вообще не могу себе представить фельдкуратора некурящим и непьющим».

«Дурачили нас только! До войны приезжал к нам депутат-клерикал и говорил о царстве Божьем на земле. Мол, Господь Бог не желает войны и хочет, чтобы все жили как братья. А как только вспыхнула война, во всех костелах стали молиться за успех нашего оружия, а о Боге начали говорить будто о начальнике генерального штаба...»

Молитвы, сочиненные будапештским архиепископом Гезой, содержали мысль, что «любвеобильный Бог должен изрубить русских, англичан, сербов, французов и японцев. Любвеобильный Бог должен купаться в крови нехристей». Архиепископ употреблял в своих молитвах такие милые выражения, как: «Бог да благословит ваши штыки, дабы они глубоко вонзались в утробы врага. Да направит наш справедливейший Господь артиллерийский огонь на головы вражеских штабов».

Жизнь была такой, что Швейк заметил: «Те несколько дней, что я провел в сумасшедшем доме, были лучшими днями моей жизни... В сумасшедшем доме каждый может говорить все, что взбредет ему в голову, словно в парламенте».

Становится понятным, почему Швейк сказал об Австро-Венгрии — «такой идиотской монархии не место на белом свете».

Идиотизм в квадрате: полиция, жандармерия, прокуратура, суд

Идиотизм общества многократно усиливается идиотизмом государства.

Вот кошки, которым присвоен чин «императорские и королевские кошки (без прав на пенсию)». Господа из интендантства

обдeldывали свои делишки, а все сваливали на прожорливых мышей и нерадивых кошек... на одном складе по приговору военного суда были повешены шесть кошек. Швейк добавляет: «Воображаю, как посмеивались тогда в уме все, кто имел отношение к этому складу».

В австрийской государственной машине «в большинстве случаев исчезала всякая логика и побеждал параграф, душил параграф, идиотствовал параграф, фыркал параграф, смеялся параграф, угрожал параграф, убивал и не прощал параграф».

Швейк употребил выражение «идиоты в квадрате».

Идиотами в квадрате люди становятся прежде всего в охранительных структурах: полиция, жандармерия, прокуратура, суд и армия.

«Такой судебный аппарат есть у каждого государства, стоящего перед общим политическим, экономическим и моральным крахом. Ореол былого могущества и славы оберегался судами, полицией, жандармерией и продажной сворой доносчиков».

Цыган Янечек «был приговорен к повешению за убийство двух человек с целью грабежа... в последнюю минуту его увели из-под виселицы, потому что его нельзя было повесить по случаю дня рождения государя императора, который пришелся на тот самый день, когда его собирались вздернуть. Тогда его повесили на другой день после дня рождения императора. А на третий день он был помилован, так как во всем был виноват другой Янечек... Им пришлось его выкопать с арестантского кладбища, реабилитировать и похоронить на католическом кладбище».

Шпик Бретшнейдер получает деньги на покупку собак у Швейка — чтобы сойтись с подозреваемым Швейком. И в полицейском архиве появляется запись: СБ — 40 к., ФТ — 50 к.

и т.д. СБ — один сенбернар (помесь нечистокровного пуделя и дворняжки), ФТ — фокстерьер (фокстерьер Швейка был с ушами, как у таксы, и величиной с волкодава). А в графе «Повышение по службе» в личном деле Бретшнейдера появилась запись: «Сожран собственными псами».

В папке «Секретные распоряжения» у жандармского вахмистра был:

- приказ о наблюдении за настроением местных жителей,
- наставление о том, как из разговоров с местными жителями установить, какое влияние оказывают вести с театра военных действий,
- анкета — как относится местное население к военным займам и сборам пожертвований,
- анкета о настроениях среди призванных и имеющих быть призванными,
- анкета о настроениях среди членов местного самоуправления и интеллигенции,
- анкета — какие газеты, журналы и брошюры получают в районе,
- инструкции — как вербовать из местного населения платных доносчиков и осведомителей,
- инструкции для этих платных осведомителей из местного населения

и т.д. и т.п.

Вахмистр, который — не имея осведомителей — сам выдумал себе осведомителя, «сообщил по инстанции вымышленное имя и таким образом повысил свой ежемесячный заработок на пятьдесят крон...»

«Когда сверху обращают внимание вахмистров на то, что не исключена возможность появления в его районе разведчиков,

жандармские вахмистры начинают создавать этих разведчиков оптом».

«Ротмистр был твердо убежден, что все жандармы подвластных ему отделений лентяи, сволочи, эгоисты, подлецы, мошенники, которые ни в чем, кроме водки, пива и вина, не понимают и, не имея достаточных средств на пьянство, берут взятки, медленно, но верно расшатывая Австрию».

Идиотизм в квадрате: армия

Но высшей стадии идиотизм достигает в главной опоре государства — в армии.

У Гашека Швейк сталкивается с армией и в мирное, и в военное время. И в качестве солдата, и в качестве ординарца, и в качестве денщика. И на обычной службе, и в военной тюрьме, и в лазарете. И в казарме, и в лагере, и в походе, и в бою. Словом — «вид снизу» во всех ипостасях. И в каждой — изрядная доля идиотизма.

Книга Гашека — своего рода энциклопедия армейского идиотизма, справочник и наглядное пособие по нему.

Этот идиотизм чрезвычайно возрос в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, в начале XX века наступила эпоха массовых, многомиллионных армий. Солдатами в своей основе стали обычные граждане, в начале службы и после мобилизации малопригодные или вообще не готовые к службе. И многое, что как-то было пригодно к небольшим, по существу профессиональным армиям XIX и предшествующих ему веков, при таком человеческом материале стало или малопригодным, или вообще приобрело идиотский налет.

Во-вторых, массовые армии привели к нехватке офицерства, к появлению в составе офицерского корпуса «штатских», к задержке на службе офицеров старшего возраста, к отсутствию какой-либо чистки офицерского корпуса и в итоге к насыщению корпуса офицеров пьяницами, тупицами, выжившими по старости из ума, ворами и т.д. Все это не могло не усилить в армии черты идиотизма.

Вот — по Гашеку — целый реестр рецептов по увиливанию от службы. Бабка, которая так искусно вывихнет ногу за двадцать крон, что останешься калекой на всю жизнь. Впрыскивание под кожу керосина. «Я пил сулему, вдыхал пары ртути, грыз мышьяк, глотал стрихнин. Я испортил себе печень, легкие, почки, желчный пузырь, мозг, сердце. И никто не может понять, чем я болел».

Почему же так пугает армия — даже в мирное время? Гашек дает исчерпывающую картину австрийской армии образца начала XX века. И — судя по тому, что Швейком зачитываются поныне — Гашеку удалось «обобщить» черты не только австрийской армии.

«Вы не можете представить себе ничего более совершенного, чем офицер, даже если будете размышлять над этим всю жизнь. Каждый офицер есть существо необходимое, в то время, как вы, рядовые, случайный элемент... вы пали... от этого немного бы изменилось, но если бы первым пал ваш офицер...»

Это высшее существо командует солдатами, пьянки, игры в карты и, наконец, женщины. Швейк замечает: «...господа офицеры вообще мало читают».

Жизнь командного состава пропитана карьеризмом.

«Когда того произвели в ефрейторы, он с первого же дня стал увеличиваться в объеме... полевой врач сказал, что такое бывает со всеми ефрейторами. Чтобы его спасти, пришлось отрезать звездочку, и он сразу все спустил». «Стоит оторвать вам звездочки, вы станете нулем... Если же вам прибавят еще одну звезду... Ваш умственный кругозор еще более сузится...»

Офицеров Швейк расположил по категориям: «старикашки», «дрянные старикашки», «паршивые старикашки», «пердуны». «Пердун» — высшая степень непорядочности. Особенно «штатский пердун» — из военной администрации. «Это исключительный идиот и скотина».

«...В кухне царило обычное для армии кумовство. ...Денщики ходили с лоснившимися от жира мордами. У всех ординарцев животы были словно барабаны...»

Отношение офицеров к солдатам: «Солдата следует держать в страхе, он должен дрожать перед своим начальником, бояться его; офицер должен... не позволять им иметь собственное суждение и вообще думать».

Между командирами и солдатами — пропасть. «Солдаты трясутся от холода, в то время как в натопленных офицерских квартирах окна были раскрыты настежь из-за невыносимой жары».

Даже походные бордели были императорско-королевские офицерские, императорско-королевские унтер-офицерские и императорско-королевские для рядовых.

Вот гарнизонная тюрьма. «Сколько людей они до смерти избили в одиночках».

Вот какой-то солдат обратился в Вену к депутату. Итог — посажен на два года. А комиссия побывала в полку и уехала. Тогда полковник выстроил полк и заставил маршировать «рота за

ротой, шагом, равняясь направо, на полковника, руки на ремне ружья и кричали что есть мочи: «Мы, мерзавцы, думали, что нам эта комиссия поможет. Ни хрена нам она не помогла!» ...Господин полковник хохотал до упаду».

Идиотизм в квадрате: армия на войне

Вполне логично, что в такой армии неизбежны беспорядок и бардак.

«Телефон был новейшей системы, недавно введенной в армии, и обладал тем преимуществом, что можно было вполне отчетливо слышать чужие телефонные разговоры по всей линии».

Ну, а шифрованную телефонограмму приходится выбрасывать: «у нас в роте нет шифровального отделения».

«Приказ разобрать ружья и зарядить их выполнить не удалось: дежурный доложил, что нет боеприпасов... Поезд с боеприпасами ехал впереди нас и, вероятно, попал к сербам... Другой поезд — в панике ушел обратно и увез провиант на два дня...»

«Выяснилось, что аэроплан был наш и его по ошибке сбила наша артиллерия...»

«Приказ ехать к штабу мы не могли выполнить, так как весь штаб днем раньше попал в плен».

«Четвертый взвод, тот, который должен был быть арьергардом, черт знает каким образом появился перед нашим авангардом, так что его приняли за неприятеля...»

«...Больного вместо дизентерийного разместили в холерном баране...»

«...Эшелон боснийцев по неизвестной причине ждал отправки третий день. О нем совершенно забыли и потеряли из виду. Боснийцы целых два дня не получали обеда и ходили... христарадничать...»

«...Сегодня в кухне недостает четырех порций, завтра, наоборот, три лишние...»

«...Только господину полковнику чудится, будто на складе консервы. Склад нашего полка никогда никаких консервов не имел...»

«...Завтра трогаемся... Разве можем мы уехать без вагонов? При мне звонили на вокзал. Там нет ни одного свободного вагона... Сидели мы тогда два дня на вокзале и ждали...»

«...Неизвестно откуда взялись две лишние полевые кухни... неизвестным путем размножились лошади. В списке офицерского состава у него не хватало двух молодых офицеров...»

«...Выяснилось, что в одной из рот пропала полевая кухня... в результате расследования установили, что злосчастная полевая кухня вообще не выезжала... персонал этой полевой кухни был похищен на гауптвахту... и ухитрился остаться там...»

«...Москали забирали, и наши забирают».

«...Согласно параграфу шестнадцатому этого приказа свинину следует покупать в местах, не затронутых войной, не дороже, чем две кроны шестнадцать геллеров за килограмм живого веса. В местах, войной затронутых, следует прибавлять ...тридцать пять геллеров... Примечание: в случае, если будет установлено, что в местах, войной затронутых, хозяйства... сохранили состав свиного поголовья... выплачивать за реквизируемую свинину как в местах, войной не затронутых, с особой надбавкой в размере двенадцати геллеров за килограмм... Если же ситуация не вполне ясна, то немедленно составить на месте комиссию...»

Итог этого шедевра бюрократизма в условиях боевых действий такой: «от полевых кухонь донёсся пронзительный, предсмертный визг поросят. Крестьянин... отчаянно закричал...».

Казалось бы, беспорядок, бардак и идиотизм в армии существуют сами по себе. Но Гашек блестяще и убедительно показывает, что на беспорядке армии выигрывает, процветает, кормится армейская коррупция. При этом сама армейская коррупция — одна из главных причин сохранения армейского беспорядка и идиотизма.

«...Жалование будут выплачивать после битвы... мы на каждом павшем солдате вместе с надбавками сэкономим двадцать четыре кроны семьдесят два геллера».

«Штабной писарь был вдребезги пьян. Днем приехал один богатый помещик, сын которого был в лагерях, и дал ему хорошую взятку и все утро до обеда угощал его в городе».

«...Вместо ста пятидесяти граммов венгерской колбасы солдаты получили по две открытки...»

«...Вместо ста пятидесяти граммов швейцарского сыра... они получили по коробке спичек и по открытке...»

«Сопрут, например, в полку шесть тысяч и сунут их в собственный карман, а по всем кухням совершенно логично отдается приказ: порцию гороха на каждого человека сократить в день на три грамма».

«...Полковник Шредер за последние три недели положил на свой личный счет в Венский банк шестнадцать тысяч крон».

«У меня было припасено... два круга швейцарского сыра, триста банок консервов... Я для отвода глаз отдал маршевому батальону десятую часть своих запасов... а все остальное распродал в обозе».

«...Майор Сойна... вытащил из котла мясо, отпущенное на всю четвертую роту... все это съел... и сказал: мясная похлебка без мяса... Велел её заправить маслом...»

«...Катастрофа была подстроена нарочно: нужно было замести следы мошенничества при снабжении раненых».

«Такими фактами переполнена была вся деятельность всей военной администрации, начиная от старшего писаря в какой-нибудь несчастной роте и кончая хомяком в генеральских эполетах, который делал себе запасы на послевоенную жизнь...»

Даже, казалось бы, самое святое — награды — стали объектом махинаций. «Один денщик получил большую серебряную медаль за то, что умел восхитительно жарить украденных им гусей. Другой был награжден малой серебряной медалью за то, что получал из дому чудесные продовольственные посылки и его начальник во время самого отчаянного голода обжирался так, что не мог ходить... Подавая распоряжение о представлении своего денщика к награждению медалью, этот начальник высказался так: «В награду за то, что в боях проявлял необычную доблесть и отвагу, пренебрегал своей жизнью и не отходил ни на шаг от своего командира под огнем наступающего противника». А тот в это время обчищал курятники в тылу».

«Вообще все в армии уже воняет гнилью... Нынче героев нет, а есть убойный скот и мясники в генеральных штабах».

«...Такой идиотской мировой войны я никогда еще не видывал!»

Афоризмы Швейка

Секрет успеха книги Гашека во многом связан с тем, что она переполнена поучениями, сентенциями, своеобразной «моралью».

Всем памятен фильм «В шесть часов вечера после войны». Но эта фраза во времена еще не Второй, а Первой мировой войны появилась в книге Гашека.

Или прекрасное выражение В.С. Черномырдина — «хотели как лучше, а получилось как всегда» — явно восходит к швейковским: «Я стараюсь как получше, а выходит так, что хуже не

придумашь», «Я всегда хочу поправить дело, чтобы все вышло по-хорошему, и никогда ничего из этого не получается, кроме неприятностей для меня и для других».

А чего стоит запрещение подпоручика Дуба солдатам — «русские, отступая, повсюду оставляли публичные дома и оставляли в них персонал, зараженный венерическими болезнями...» Поэтому подпоручик «сам обойдет эти дома, чтобы убедиться, не ослушался ли кто его приказа...»

И хорошо знакомая фраза — «Наши войска отошли на заранее подготовленные позиции» — тоже из Гашека.

Приведу некоторые места из «Похождений»:

«Солдат не должен думать, за него думает его начальство. Как только солдат начнет думать, это уже не солдат...»

«Любой бык счастливее нас с вами. Его убивают на бойне сразу и не гоняют перед этим на полевые учения и на стрельбище».

«Собака — верное животное... но только в хрестоматиях и учебниках по естествознанию. Дайте самому верному псу понюхать жареную сардельку из конины и он ...бежит за вами».

«Во время войны один человек во внимание не принимается»

«Я всегда удивляюсь, почему там везде висят надписи: «Глеть воспрещается», а теперь вижу, что это из-за вас».

«...С каждого честного заявителя надо брать двадцать пять крон штрафа; таких надо избивать до полусмерти и всенародно сечь для примера...»

«Таким был настойчивым, что мог бы стать министром или депутатом!»

«Любовь солдат к господам офицерам делает возможными самые невероятные вещи».

«Багаж украла в тот самый момент, когда я пошел доложить вам, что с нашим багажом все в порядке».

«У меня очень развит талант к наблюдению, но только когда уже поздно и когда неприятности уже произошли».

«Не лезь, советчик, к игрокам, не то получишь по зубам».

«Главное — никогда на суде не говорить правду. Кто даст себя околпачить и признается, тому крышка. Из признания никогда ничего хорошего не выходит».

«Настоящий ординарец никогда не должен быть там, где он нужен».

«Чем больше в семье детей, тем больше требуется розог».

«Влезть-то сумеет каждый, но вылезть — в этом ... искусство».

«Иной думает, что отомстит, а в конце концов страдает тот, кого он выбрал орудием своей мести».

«Когда кому-нибудь мстят, то от этого страдает невинный».

«На свете много чего не полагается, но допускается».

«В воде всякий голый человек похож на депутата».

«У солдата, которого ведут под конвоем, всегда больше опыта, чем у того, кто его караулит».

«Война требовала храбрости и в краже».

«Когда дело касается такой мелочи, обязательно приедут из самого интендантства. Вот когда пропадет две тысячи сапог — этим никто не заинтересуется».

«Если не возьмешь — возьмет другой, да еще скажут о тебе, что ты не крадешь потому, что уже вдоволь награл!»

Отец Швейка

Феноменальный успех Швейка неразрывно связан с его «отцом» — самим Ярославом Гашеком.

Совпадают внешности Гашека и Швейка.

Совпадает их склонность рассказывать остроумные истории, случавшиеся и с ними, и с их знакомыми.

Гашек сам издавал журнал «Мир животных», в котором «описал» муху с шестнадцатью крыльями: восемь для полета и восемь — чтобы обмахиваться как веером.

Гашек, как и Швейк, открывал контору по продаже собак, в которой отловленных дворняжек после окраски и стрижки снабжал документами о блестящей родословной.

Это Гашек пытался избраться в австрийский парламент, используя лозунги: «Если вы выберете нашего кандидата, мы защитим вас от землетрясения в Мексике» и «Требуются высококравственные юноши для распространения клеветы на наших противников».

Это сам Гашек был в австрийской армии, участвовал в бою, был награжден серебряной медалью и тут же сдался в плен русским. А потом наслаждался тем, как «старший славянский брат» морил его голодом и изнурял тяжелым трудом.

Гашек — совершенно в духе идеологии Швейка — нашел близких людей среди анархистов, но и оттуда ушел из-за нежелания подчиняться какой-либо партии, пусть даже анархистской (вполне в духе истинного анархизма).

Гашек — как и многие настоящие интеллигенты, обработанные на фронтах мировой войны орудийным и пулеметным огнем, газами, голодом, идиотскими командами, — поверил в призывы большевиков. И хотя он ругал Брестский мир, вступил в российскую компартию и вернулся в Чехословакию в качестве агента Коминтерна.

Тут он обнаружил, что в его помощи никто не нуждается. Коминтерн потерял агента, зато Чехословакия получила одного из своих наиболее известных в мире писателей. За пару лет Гашек на-

писал два тома «Похождений хравого солдата Швейка». Потом — тяжело больной — надиктовал третий том и часть четвертого.

Успех был грандиозный. Первый том сразу же переиздавался четыре раза и сразу же начал переводиться за границей.

Но когда после смерти Гашека его издатель Шольц и адвокат Червинка составили акт, то записали в нем: «Через десять лет новому поколению содержание произведения будет неясным, и едва ли найдутся для него читатели».

Но они ошиблись. Вот уже восемьдесят лет Швейк находит читателей. Думаю, что пока будут сохраняться бюрократические тоталитарные государственные машины с их убедительно доказанной Гашеком тенденцией к идиотизму, пока будут многомиллионные массовые армии с еще большими тенденциями к бюрократическому идиотизму, пока простой, нормальный человек с его стремлением честно и точно соблюдать идиотские правила будет сам оказываться в идиотском положении — рассказы о похождениях хравого солдата Швейка не утратят своей актуальности.

КАПИТУЛЯЦИЯ ЛЕНИНСКОЙ ГВАРДИИ

Сталинский план Большого Террора удалось реализовать потому, что Большой Террор приняла элита советской коммунистической бюрократии. Те, кого называли ленинской гвардией большевизма.

Лев Троцкий возмущенно писал, что никто не попытался «превратить скамью подсудимых в трибуну, чтобы возвестить открытую правду и, подобно Дантону, обвинить обвинителей».

Если искать доказательства идейного единства, родства, неразрывной преемственности ленинизма и сталинизма, то

наиболее весомое доказательство — именно поведение ленинской гвардии большевизма, своими жизнями проложившей дорогу государственному социализму.

Почему?

Не выдерживали пыток? Это нередко бывало — есть предел у человеческих сил. Но ведь ничто не мешало на самом суде отказаться от выбитых «признаний». Ведь, например, потом все до одного подсудимые по делу Еврейского антифашистского конгресса (сфабрикованному МГБ в 1949–1952 годах) на суде и мужественно отказались от своих «признаний», и рассказали о чудовищных методах их «добывания». А вот среди «выведенных» на публичные суды представителей ленинской гвардии не нашлось ни Дантонов, ни Димитровых, ни антифашистских еврейских лидеров.

Именно элита партии и все коммунисты-бюрократы, коммунисты-аппаратчики оказались наиболее слабым звеном. Поэтому они стали легкой «добычей» сталинского государственного социализма. Практически безропотным стадом баранов шли они на сталинскую бойню.

Возникает вопрос: зачем нам сегодня этот анализ причин падения ленинской гвардии большевизма?

Сегодня этот анализ актуален: ведь на наших глазах за какие-нибудь десять лет массово — правда, не на допросах и ничего не подписывая — отрекались от своих идеалов самые правоверные коммунисты и самые правоверные демократы. На наших глазах на костях бюрократов от КПСС и бюрократов от демократии идет формирование новой правящей бюрократии постиндустриальной России.

И факторы этого процесса не так уж далеки от тех, которые действовали в годы Большого Тррора.

Сопrotивление, помогающее победителю

Сопrotивление было, но своеобразное — по существу оно помогало Сталину. Подобно тому, как на наших глазах компартия России в 1996 году помогла победе Ельцина больше, чем все его сторонники. Помогла тем, что не сняла кандидатуру Зюганова в пользу кандидатуры Лебеда (что практически однозначно обеспечило бы победу Лебеда и устранение Ельцина).

Вот и сопротивление ленинской гвардии Большому Тррору было таким же — пассивно помогающим.

Первая форма пассивного сопротивления ленинской гвардии — непризнание вины. В известной книге «Технология власти» Авторханов писал: «Мы видели только десятки тысяч людей на процессах, но мы не видели сотен и тысяч других, которых Сталин не допустил до открытого суда».

На публичных процессах не было ни Бубнова, ни Межлауна, ни Рухимовича, ни ряда других известных деятелей.

Был забит во время допросов маршал В.В. Блюхер. Гамарник и Томский успели застрелиться до ареста. О Косиоре было заявлено, что он умер. Расстреляли, не выводя на публичный суд, Шляпникова, Рютина, Пятницкого, Енукидзе, грузинских лидеров — Мдивани, Окунджаву и других. Скорее всего — справедливо предполагает В. Роговин в книге «1937» — от них так и не добились признательных показаний.

Другая форма пассивного сопротивления — невозвращенцы. Игнатий Рейс, Вальтер Кривицкий, Александр Орлов, Федор Раскольников, Александр Бирман — разведчики и послы,

оказавшиеся за границей и предвидевшие свою судьбу дома, отказывались вернуться в СССР.

Почему пассивные формы не переросли в организованное сопротивление? Этот вопрос опять-таки не так уж далек от нашей эпохи. Например, почему сопротивление погромным набегам на региональные группы партруководства по инициативе Андропова («сожженное дело») и при Горбачеве («узбекское дело» или ельцинский поход на руководство московской организации КПСС) не стало организованным?

Самая главная причина пассивности сопротивления — отсутствие у бюрократии другого, альтернативного сталинскому, но тоже приемлемого для бюрократии курса. Ни мировая революция Троцкого, ни реставрация старого строя бюрократию не устраивали. Оставался Сталин и его программа.

Е. Гинзбург в книге «Крутой маршрут» отмечает, что «заявить о своем несогласии с линией я не могла. Это было бы ложью. Ведь я так горячо и искренне поддерживала и индустриализацию страны, и коллективизацию сельского хозяйства».

Еще одним фактором пассивности было отсутствие внутрипартийной демократии. Исключив саму возможность оппозиции, запретив фракции, большевистская элита попросту отняла у всех, и у себя самой в первую очередь, право сомневаться, право обсуждать, даже право иметь время на размышления. Немедленное и полное согласие стало единственно возможной формой лояльного поведения.

Другим фактором было отчуждение советской бюрократии от рядовых членов партии и от рабочего класса, не говоря уже о других слоях общества.

В целом даже пассивное сопротивление было редкостью. Большинство ленинской гвардии признавали все и, по словам

Троцкого, на процессах «говорили как раз то, что могли сказать наиболее раболепные агенты Сталина».

Почему они признавались?

У меня был родственник, который выдержал допросы. Молодой, я еще не знал, что есть победы, о которых свертхтяжело даже вспоминать, и приставал к нему с вопросами.

Больше всего меня интересовало: что нужно человеку, чтобы выстоять? Как не сломался этот тихий, физически даже щуплый человек? Он сказал: три вещи мне помогли. Во-первых, убежденность в своей правоте. Я учил в школе детей математике, любил и математику, и детей, и свое дело. Я жил правильно — я был в этом уверен. Во-вторых, была убежденность, что я имею дело не с людьми. Даже не с животными. Они — что-то вроде вшей, клопов, блох. Им нужна от меня только кровь, чтобы напиться. Их надо или давить, или терпеть. Говорить с ними просто не о чем. В-третьих, я знал, что единственное, чего они боятся, — это мнение начальства и интриги своих конкурентов в своих же «коллективах», борьба за место в своих стаях и сворах. И я старался показать следователю, что то, что он подготовил, а я должен подписать, нелогично. И начальство возмутится его глупостью (или на нее укажут его же коллеги). Я находил поводы показать, что вы будете выглядеть плохо.

Много лет спустя, читая изумительную пьесу Ионеску «Носорог», я нашел подтверждение этим его мыслям. Противостоять тотальной «носорогизации» смог только обычный, нормальный человек. А в носороги стройным рядом шли те, кто хотел какой-то выгоды или просто не мог не быть «как все».

В эпоху Большого Террора ломались на допросах те, кто принял идеологию большевизма или из корыстных побуждений, или из низменных чувств ненависти к богатым, или в силу стадного комплекса. Их убежденность ничего общего не имела ни с логическими выводами мыслящего человека, ни даже с иступленной верой фанатика.

Если тип убежденности элиты — первая база успеха Большого Террора, то личный жизненный опыт — вторая база.

За какие-нибудь десять лет человек проходил путь от верующего и монархиста до марксиста. Затем — до ленинца. Затем — до сталинца.

При таком крутом пути трудно было что-то обсудить и осмыслить. Оставался один критерий: слепая вера в партию и ее директивы.

В ходе непрерывных чисток, поворотов, разборок и конфликтов кадры теряли не только волю, но и идеалы молодости, и свое прошлое. Вместе с идеалами и прошлым теряли друзей, родных, даже жен и детей. Не просто теряли — бросали. А часто и прямо предавали.

Ломая постоянно и беспощадно других, они сделались сами крайне уязвимыми. Двуручничество стало нормой их жизни. Так же как и лесть, обман. Раскольников, еще надеясь на прощение, писал Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович! После смерти товарища Ленина мне стало ясно, что единственным человеком, способным продолжить его дело, являетесь Вы. Я сразу и безошибочно пошел за Вами, искренне веря в Ваши качества политического вождя, и не на страх, а на совесть разделяя и поддерживал Вашу партийную линию».

Сопоставляя эти строки с текстом писем уже сбежавшего Раскольниковца, Сталин имел определенные основания заметить: после того, что произошло с этими бывшими товарищами, «ничего удивительного нет в человеческой жизни» и «у нас получился вывод: нельзя на слово верить ни одному бывшему оппозиционеру». Видимо, из скромности Сталин не добавил, что нельзя верить и ему самому: он обещал сохранить жизни Каменеву, Зиновьеву, Бухарину...

Лев Троцкий писал: все это «капитулянты, люди, кающиеся по несколько раз, обвинявшие себя при этих покаяниях в самых неблагоприятных действиях и грязных побуждениях; люди, утратившие в этих покаяниях политическую цель, смысл жизни и уважение к себе... В течение лет этих внутренне опустошенных, деморализованных, издерганных экс-революционеров держали между жизнью и смертью... ГПУ в течение ряда лет готовило, «воспитывало» подсудимых посредством периодических капитуляций, самоунижений, травли, обещаний, побряжек, преследований и угрожающих примеров».

Третий важный фактор признаний — соучастие в преступлениях. Пока они все делали по приказу, во имя партии — ситуация для них была понятна. Но если человек оставался один, груз преступлений прошлого уже становился совсем другим — сугубо личным и потому непосильным. Как пчелы не могут выжить вне улья, так и кадры ленинской гвардии не могли позволить себе отбиться от стаи.

Еще один, четвертый фактор признаний — надежда. Надежда на возврат во власть, надежда на то, что им простят и «допустят». Ведь даже Бухарин ждал, что Сталин «подарит ему жизнь». Бухарин при всем его уме и его логичности не мог

понять, что в новом, сталинском обществе для таких, как он, места нет — даже если ему дадут другую фамилию (с чем он заранее соглашался).

Это желание сохранить свою жизнь подкреплялось еще и тем, что все они хорошо понимали: ни в каком обществе, ни при каком строе они не смогут занять более высокое положение, чем то, которое у них было в СССР после революции. И эмиграция — широко распространенная до революции — на этот раз им ничего не сулила.

Пятый фактор признаний — разложение. Идеиное, нравственное, бытовое, моральное.

Перспектива потери материальных привилегий давила их не меньше, чем страх за свою жизнь.

Разложение было тем значительнее, что в ряды правящего слоя всеми способами пытались протиснуться — и не безуспешно — разного рода шкурники и даже жулики. Для них привилегии были единственной целью.

Если учесть, что в той или иной мере отмеченные пять факторов «признаний», обеспечивших успех Большого Террора, действуют и сейчас, то нам есть о чем задуматься.

Для формирования ленинской гвардии потребовалось 20 лет — с 1897 по 1917 год. А вот для ее тотального разложения — чуть ли не вдвое меньший срок. Ни дворянство страны, правившее Россией сотни лет, ни буржуазия, правившая в Европе целое столетие, таким темпом не шли к своему финалу.

Видимо, дело как в объективных, так и в субъективных чертах ленинской гвардии. Она была явно не готова к роли нормального правящего класса. Она чувствовала себя

временщиком, самозванцем. Сбылись пророческие слова Достоевского из «Бесов». Говоря о стремлении Липутина внедрить в России социализм, Федор Михайлович писал: о яростном стороннике «бог знает какой будущей «социальной гармонии», упивавшегося по ночам восторгами перед фантастической картиной будущей фаланстеры, в ближайшее осуществление которой в России и в нашей губернии он верил как в свое собственное существование. И это там, где сам же он скопил себе «домишко», где во второй раз женился и взял за женой деньжата, где, может быть, на сто верст кругом не было ни одного человека, начиная с него первого, хотя бы с виду только похожего на будущего члена «всемирно-общечеловеческой социальной республики и гармонии».

И все же — на фоне повального капитулянтства — среди ленинской гвардии была группа лидеров, которых нельзя было ни запугать угрозами, ни купить привилегиями, ни обмануть обещаниями, ни сломить пытками. Это были те, про которых один поэт восторженно написал: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей». Как же удалось заставить их одобрить Большой Террор?

Нас не надо жалеть — ведь и мы никого не жалели

Артур Кёстлер в романе «Слепящая тьма» дал свою версию того, почему несгибаемая часть гвардии большевизма в 1937 году, выступая на судебных процессах, признавала обвинения.

Сам Кёстлер был человеком неординарным. В 1931 году он на дирижабле «Граф Цеппелин» совершил полет к Северному полюсу. Год жил в СССР.

Роман Кёстлер начал в сентябре 1938 года, а закончил в апреле 1940-го. Рукопись его книги, уже набранная на немецком языке, загадочно исчезла. Но, к счастью, уже был сделан ее английский перевод. По-английски его назвали «Мрак в ночи», по-французски — «Ноль и бесконечность», у нас — «Слепящая тьма».

В чем-то роман Кёстлера похож на «Новое назначение» А. Бека — в обоих романах литературное произведение опережало научный анализ.

В центре романа арест, допрос, признание, выступление на суде и расстрел Николая Рубашова — члена ЦК партии, Народного Комиссара, командира Второй бригады Народной Армии, награжденного орденом Революции. За придуманными Кёстлером названиями легко угадать реальность.

У Рубашова нет ни семьи, ни детей. У него только Партия и Революция.

Кёстлер сразу «задает» исходное: тюрьма для Рубашова не новость. Он «проходил» ее и до революции и потом, руководя подпольным движением в зарубежных странах. Он знает о тюрьме все. Что надо многие часы ходить по камере. Знает и как ходить: у окна повернуть налево, у двери — направо: иначе закружится голова. Знает правила перестукивания — сначала свой партийный лозунг (чтобы знали, кто ты по взглядам), затем новости, затем о еде и куреве и уже потом — о личном. Он знает, и что такое допрос, и что такое пытка. На своем личном многолетнем опыте. В первом вопле избиваемого больше страха, чем муки. Ожидаемые муки сильный человек способен выдержать — как боль при удалении зуба. Нестерпимы только неожиданные муки, к которым нельзя заранее подготовиться.

Рубашов знает все европейские тюрьмы, как коммерсант знает отели. Во время последнего ареста в одной из стран от побоев он почти оглох, на допросах ему повыбивали зубы, он едва не ослеп. Но ни в чем не признался. Молчал или лгал — поумному. В камере пыток он терял сознание, его обливали водой, и он снова молчал или лгал. За отсутствием улик его освободили, посадили в самолет, и он прилетел домой, в страну Победившей Революции. Его встречали с оркестрами, он участвовал в митингах, присутствовал на парадах, был вблизи лидера страны — Первого.

Что делает Рубашова стальным? Его Идеология и его принадлежность к Партии.

Он — из небольшой группы Настоящих Революционеров. «Они мечтали добиться власти, чтобы уничтожить всякую власть; они мечтали подчинить себе мир, чтобы отучить людей подчиняться».

Единственная цель Революции — избавить людей от бессмысленных страданий.

Но оказалось, что этого можно добиться, «лишь ввергнув мир — разумеется временно — в адскую бездну страданий», в конечном счете в «кровавую резню». Поэтому Революционер не может считаться с тем, как другие воспринимают мир. И соответственно — жалеть этих других. «Когда узнаешь про несчастную шавку, которая жалобно скулит от боли и лижет руку своего мучителя, а он то, негодяй, и вырезает ей печень — становится тошно... Но, если бы защитникам животных дали власть, у человечества до сих пор не было бы вакцины от чумы, тифа, проказы, холеры...»

Рубашов жесток и беспощаден. Он даже не может точно вспомнить, сколько он лично убил офицеров в Гражданскую войну —

то ли десятков семь, то ли целую сотню. Он и сейчас поступил бы так же. Даже если бы знал, что Революцию оседлает Первый.

Смерть не пугает Революционера. Смерть — техническая деталь в логических выкладках. Впрочем, это слово и не употребляют. В партийных кругах говорят — «ликвидация».

Совесь губит Революционера. Совесь сжигает его рассудок. Ложь — спасительна, так как действует успешнее правды. Человек слаб и не может без насилия идти в будущее.

От ошибок Революционера избавляет коллектив — Партия. Если бы Раскольников убивал старуху-процентщицу для захвата денег в фонд партии — вообще не было бы никаких поставленных Достоевским вопросов. Партия не ошибается. У отдельных людей могут быть ошибки. У Партии — никогда. Партии надо следовать без малейших отклонений. Тот, кто оступился, сделал неверный шаг — вправо или влево, — срывается в пропасть.

Перед нами по-своему исключительно цельный человек. Действительно стальной. Что же с ним произошло?

Пока Рубашов был согласен с Генеральной линией Партии — его не смущали ни расстрелы, ни кровь, ни другие спутники насильственного учреждения социализма.

Но события развивались так, что у Рубашова появились сомнения в правильности линии руководства Партии и прежде всего самого Первого.

Сначала — то самое рабочее движение за рубежом, которым он руководил. Оно не только не расширялось — оно теряло влияние, уменьшалось число его сторонников. Курс был определен точно — говорит Рубашову один подпольщик — только мы-то разбиты.

Еще один сюжет. Фашистское государство объявило войну. Ему нужна нефть. Рабочие-донеры бойкотируют войну. И тут

появляется флот из пяти судов страны Победившей Революции. Она продала нефть фашистам. В конфликте интересов Мирового Движения и Родины Революции на первое место лидеры Революции поставили свою страну.

Командующий Народным Флотом Богров расстрелян за то, что требовал строить большие подводные лодки. Он считал, что они нужнее для дальнейшего развития Мировой Революции. А Партия и Первый хотели строить малые подлодки — для круговой обороны страны Победившей Революции.

Разногласия с Партией во внешней области дополняются разногласиями по внутренним вопросам.

Приехав домой, Рубашов обнаружил, что уровень жизни трудящихся ниже дореволюционного, условия труда — более тяжелые, нормы повышены, расценки снижены, дисциплина стала рабской.

Вожди в Партии почитаются как восточные владыки. Деспотическая власть Революционного Правительства ничем не ограничена. Создана гигантская Политическая полиция с научно разработанными системами пыток, а всеобщее доношительство стало нормой.

К власти пришло новое поколение — научившееся мыслить после Переворота. У них нет ни памяти, ни традиций. Они чисты в своем безродстве. Массы опять погрузились в спячку. Старик, основатель Партии, объявлен Богом-отцом, чтобы мог стать Богом-сыном его преемник, Первый.

«Мы гоним хрипящие от усталости массы — под дулами винтовок — к счастливой жизни» — заявляет Рубашов — и «ради нашего великого эксперимента содрали с них кожу и гоним их кнутом в светлое будущее». На возражение — «мы сдираем с человечества старую шкуру, чтобы впоследствии дать ему новую» —

Рубашов отвечает: «Я вижу освежеванное наше поколение и не знаю, где взять новую кожу». И далее: «Почему, провозглашая новую жизнь, мы усеиваем землю трупами?»

У Рубашова появляется соблазн: уйти в сторону. Но он уверен: те из революционеров, которые так поступили, предали свое дело.

По книге Кёстлера мы можем только догадываться, какие конкретно действия предпринял Рубашов, следуя сделанным для себя выводам. Возможно, — и на это тоже есть намек — он просто решил по совету единомышленников «побыть в резерве», оставаясь за рубежом. И Рубашов уже через несколько недель попросил вновь отправить его за границу на нелегальную работу.

«Быстро вы собрались», — сказал ему Первый с сатанинской иронией в глазах. Первый все понял. Он дал Рубашову уехать, чтобы тот «расслабился». А потом — арест.

Рубашов к аресту готов. Он постарался побольше узнать о новых методах пыток. Он даже знает о существовании «паровой ванны».

Рубашов не из тех малоопытных, которые сочиняют бесконечные заявления прокурору (которые тот никогда даже не просмотрит) и пишут массу писем жене (которые до нее никогда не дойдут). Рубашов хорошо знает, что в тюрьме «сознание невиновности пагубно влияет на человека... подрывает моральную стойкость». Сам Рубашов хорошо сознает, в чем он виноват, и его врасплох не застать. Он уверен: «его ни в чем не заставят признаться: он скажет только то, что считает нужным».

Но и следователи готовы к допросам Рубашова.

И главный их аргумент — вовсе не пытки, а логика самого Рубашова. Следователи ему заявляют: если ты был уверен, что наши убеждения пагубны и порочны, а твои — верны, ты мог

выступить публично. Тебя, конечно, исключили бы из Партии. Ты не выступил открыто. Почему? Из трусости? Смешно даже ставить такой вопрос в отношении тебя. Значит, делаем вывод: ты решил, что бороться против нас тебе будет удобнее в рядах Партии. Они предъявляют ему обвинение в подготовке Переворота и даже Гражданской войны. Что нам остается делать, как не арестовать тебя?

Но теперь ты должен все признать и выступить на суде так, как это нужно Партии. Это твое последнее партийное задание. Ценою в твою жизнь и в твою репутацию. Единственное, что мы можем обещать, говорит один из следователей Рубашову, что после полной победы мировой революции все материалы процессов, вся правда будут объявлены. (Замечу от себя, что следователь, возможно, искренне в это верил. Меня всегда поражали два факта. Первый — все, даже ничтожные записочки тщательно подшивались. Второй — надпись на всех делах расстрелянных: «Хранить вечно».)

Рубашов знает свою вину. «Моя ошибка заключалась в том, что я стремился к гуманизму и демократии, не понимая вредности своих устремлений. Мне хотелось немного смягчить диктатуру, расширить демократические свободы для масс, свести на нет революционный террор и ослабить внутрипартийную дисциплину».

Но от него требуют другого. Он должен оклеветать себя и умереть как ненавидимый и всеми презираемый «враг народа». Чтобы показать, какую опасность представляют собой враги, и чтобы объяснить ошибки, просчеты, провалы на участках, которыми он руководил как Народный Комиссар.

Партия, говорит следователь, имеет право предъявить такие требования. Это — как право командира полка пожертвовать ротой, чтобы спасти полк. Ты сам так же не раз поступал: и в подполье, и в Гражданскую. У Революции и Партии нельзя отнять право распоряжаться человеческими жизнями.

Чему следовать: воле партии или своим взглядам? Главная слабость Рубашова — и в этом корень всех проблем, — что Рубашов так и не уверен, кто прав: Первый или они, оппозиция.

Чуть ли ни неделю спустя после революции революционеры поняли, что старый марксизм не может быть конкретным руководством к действию. Они следуют логике марксиста: прав тот, кто побеждает. Если победил Первый — марксист он.

Слабость Рубашова в том, что у него нет другой логики, чем правота Партии, ее большинства, правота Верха, правота ЦК и Революционного Правительства, правота Первого. И с этой логикой он уже заранее становится добычей следователей. Ведь «Первый верит в свою непогрешимость яростно, фанатично, неустойчиво и слепо. У его якоря мертвая хватка. А мой бессильно царапает дно...»

Зачем же надо клеветать на себя? Ответ прост. Надо пригвоздить оппозицию к позорному столбу.

Сначала Рубашов отказывается: «С меня достаточно подобной логики. Я от нее смертельно устал — мне уже пора уходить со сцены». Но потом вариант «тихого», без публичного суда, расстрела его начал смущать. «Если партиец уходит из жизни, не примиренный с Партией, с революционным Движением, то его смерть не принесет пользы».

И Рубашов принял решение. На вопрос Обвинителя, действовал ли он по заданию мировой контрреволюции, Рубашов ответил: «Да».

Просветы в слепящей тьме

Через несколько лет после написания «Слепящей тьмы» Кёстлер узнал, что угаданная им версия капитуляции Рубашова почти до деталей совпадает с тем, как «ломал» следователь Слуцкий выдержавшего все пытки видного деятеля ленинской гвардии Мрачковского.

Мрачковский был согласен с тем, что «настоящий большевик обязан подчинять свои помыслы и волю помыслам и воле партии и, если нужно, бестрепетно идти на смерть, а то и на позорную смерть». Слуцкий рассказывал, что, выматывая Мрачковского, он «сам так измотался и перевозбудился, что расплакался вместе с ним, когда на третью ночь мы договорились до гибели идеалов революции... Нужно любой ценой спасти партию, она одна способна спасти революцию... В данный момент никто, кроме Сталина, не способен руководить партией... Только сталинский ненавистный режим еще несет в себе слабые отблески надежды на светлое будущее, на алтарь которого мы оба обрекли себя с юности и больше ничего не остается, совсем ничего, кроме как, спасая этот режим, постараться предупредить обреченный взрыв недовольства разочарованных, дезорганизованных масс... Для этого партии нужно, чтобы бывшие лидеры оппозиции публично признались в совершенных чудовищных преступлениях».

И на исходе четвертого дня этой дискуссии негибемый — это знала вся партия — Мрачковский подписал показания, с кото-

рыми позднее выступил на суде. Кёстлер написал об этих — уже реальных — событиях в рассказе «Трагедия „стальных“ людей».

Кёстлер вряд ли успел узнать — до своей смерти в 1983 году — о лежавшем в личном архиве Сталина письме Бухарина. Бухарин тоже не был сломлен. Он понимает — суд над ним нужен Партии. Бухарин пишет, что у Сталина «имеется какая-то большая и смелая политическая идея генеральной чистки а) в связи с предвоенным временем, в) в связи с переходом к демократии. Эта чистка захватывает: а) виновных, в) подозрительных и с) потенциальных подозрительных. Без меня здесь не могли обойтись...». Далее Бухарин писал Сталину: «Я настолько вырос из детских пеленок, что понимаю, что большие планы, большие идеи и большие интересы перекрывают все, и было бы мелочным ставить вопрос о собственной персоне наряду с всемирно-историческими задачами, лежащими на твоих плечах».

Правда, Бухарин уже чувствует шаткость логики: это нужно Партии. Он пишет: «И все путается у меня в голове и хочется на крик кричать и биться головой о стену: ведь я же становлюсь причиной гибели других. Что же делать? Что делать?»

В книге В. Роговина «Партия расстрелянных» и приводятся воспоминания Авторханова о Бутырской тюрьме. На заявление Варейкиса: «Если цена сохранения социализма в стране — это наша гибель, то большевик должен быть готов и на такую жертву» — Постышев возразил: «Если цена сохранения социализма — это жизнь партии, которая руководила его строительством и каторга для миллионов, которые его строили, — тогда мне наплевать на такой социализм...» В. Роговин справедливо сомневается, говорил ли эти слова именно Постышев, но сам факт споров такого рода только

подтверждает версию Кёстлера: и в части признаний Рубашова, и в части его сомнений в правильности таких своих действий.

У Кёстлера Рубашов пошел гораздо дальше и сомнений Бухарина, и утверждения авторхановского Постышева. Когда-то, говорит Рубашов, мы знали свой народ. Мы назывались Партией Масс. И наша Революция увенчалась успехом. А сейчас? До ареста, во время ареста и допросов, на суде и после суда Рубашов думает об одном и том же — где и в чем мы ошиблись. Он не может отделить себя от «мы» и соответственно ищет не личную, а общую ошибку.

Сначала он склоняется к версии — неправильное исполнительство, неудачные исполнители. Отсюда и его программа — ослабить диктатуру и т.д.

Но Рубашов всегда был исключительно логичен. И он понимает, что логика всей его жизни закономерно, неизбежно вела его к полному и абсолютному подчинению Партии и Первому. Охранник, всаживающий ему пулю в затылок, — последнее звено его собственной логики.

Но если шаг за шагом абсолютно логичны, а итог — расстрел — абсурден, то надо думать уже не о правильности логики шагов, а о правильности самих исходных посылок.

Сомнение первое в части посылок: прав ли лидер Партии? Сам Первый абсолютно в этом уверен — но так ли это? Если он неправ — неправы все, включая меня с моим личным признанием и моим расстрелом.

Сомнение второе: а почему возникает ситуация, когда личные ошибки Первого становятся обязательными для всех? Рубашов приходит к выводу, что это неизбежно связано с самой святой для него идеей — Партия всегда права. И с еще более

фундаментальной идеей: Партия — все, а все отдельные личности — ничто, в лучшем случае — винтики. Ведь и сам Первый — тоже винтик. Главный, но винтик. Следовательно, дело не в Первом, а в самой концепции Революционной Партии и Революционной Диктатуры.

В предсмертные мгновения сильный человек имеет право на то, что никогда не посмеет сделать слабый духом. Перед уходом в полную неизвестность есть право и на самое страшное — признать всю свою жизнь ошибочной.

И в слепящей тьме у Рубашова в последние минуты перед расстрелом появляются просветы.

Он подходит к выводу, что ошибка была не в исполнении, ошибка была в самом проекте. Ошибка была в принятой им и всей Партией концепции насильственного осчастливливания человечества ценой жертв и средствами диктатуры. Подлинная ошибка и в том, что «интересы человечества они поставили выше интересов человека, мораль принесли в жертву целесообразности, а средства — цели».

Другая ошибка: замена научной теории общества точкой зрения Партии, ее лидеров, мнением Первого. «Доказательства опровергались доказательствами, и в конце концов мы вернулись к вере, которая вообще не нуждается в доказательствах: каждый из нас уверовал в непогрешимость своих суждений. Это был поворотный момент». И действительно, если, оставшись без инструкций теории, революционеры объявляют истиной свои суждения, то кто из них прав? Большинство партии? А если нет демократии в партии? Тогда истина — это суждения элиты партии, ее ЦК, ее лидеров и Первого в конце концов.

Ожесточенная беспощадная борьба за лидерство среди ленинской гвардии определялась не только грандиозными материальными привилегиями у начальства и даже не только непомерным честолюбием. Огромную роль играло то, что победитель получал право объявлять верховной истиной свои личные убеждения, называть их и марксизмом, и ленинизмом. Это был тупик.

Рубашов приходит к выводу: «Видимо, была неверной вся логическая система мышления... Возможно, Революция была и преждевременной — и потому обернулась кровавой бойней. Да-да, они ошиблись во времени... Возможно, ошибка коренилась в ангиоме ... что цель оправдывает средства... Может быть, позже, гораздо позже поднимется «новая волна» Движения с новыми знаменами и новой верой — в экономические законы и «океаническое чувство». «Возможно, создатели новой Партии будут носить монашеские рясы и проповедовать, что самые светлые цели оправдывают только чистые средства... и тогда не аморфные массы, а миллионы личностей образуют общество».

Рубашов нашел в себе силы начать думать не об ошибках строителей, прорабов социалистических преобразований, не о преждевременности начала реализации проекта, а об ошибках в самом проекте будущего общества. Он приблизился к самым фундаментальным выводам (многие из которых сделал в своем «Завещании» гениальный Плеханов).

К сожалению, и прототипы Рубашова, и сам Кёстлер остались в тридцатые годы в ничтожном меньшинстве. Прошло почти полвека, прежде чем идея ошибки в самом проекте социалистического устройства стала близкой большинству прежде самых искренних сторонников ленинизма.

ПОСТИГАЯ ЭПОХУ И СЕБЯ

*Каждый выбирает по себе
Женщину, Религию, Дорогу,
Дьяволу служить или Пророку —
Каждый выбирает по себе.*

Юрий Левитанский

«Пер Гюнт» Марка Захарова

Театр Ленком Захарова называют авангардным. И это более чем справедливо. Во-первых, в собственно театральном смысле. Во-вторых, Марк Захаров, как один из наиболее социально и политически чутких интеллигентов современной России, выбирая и ставя пьесы, поднимает ключевые проблемы жизни и каждого гражданина, и всего народа. Об этом я не раз писал в «МК» в отзывах на постановки Ленкома.

И недавнюю премьеру театра «Пер Гюнт» я смотрел прежде всего именно в этом свете: на что в нашей жизни хотел обратить внимание Марк Захаров, ставя пьесу, написанную Г. Ибсеном полтора века назад и посвященную жизни в Норвегии.

Это не значит, что не имеют значения театральные аспекты. И захаровская интерпретация Ибсена. И очень важное для будущего Ленкома решение отдать почти все роли молодым актерам (которые опираются на блестящую игру двух «ветеранов» — Александру Захарову и Сергея Степанченко). И умелое использование потрясающей музыки другого великого норвежца — Э. Грига. Но это все — оценки специалистов и зрителей. А я хотел бы остановиться на том, что мне ближе, — попытаться понять мотивы выбора Захаровым именно сейчас и именно этой пьесы.

Об Ибсене я узнал, читая Николая Бердяева. А о самом Бердяеве услышал еще в школе, под Новочеркасском. Одним из моих учителей был П.П. Аникеев. Как бывшего казачьего офицера его то арестовывали, то освобождали. Он — несмотря на все мои горячие опровержения — почему-то считал меня спрятавшимся за записью о греческой национальности родственником генерала Петра Харитоновича Попова. В гражданскую П.Х. Попов стал походным атаманом, а в эмиграции был избран атаманом всех донских казаков. Учитель рассказывал мне об атаманах Дона. Среди них упоминал и М.Н. Бердяева. Который публично, в присутствии царя Николая I, выступил против царского плана упразднить привилегии казачества. Это М.Н. Бердяев сделал в ситуации, когда только что повесили декабристов. Потрясенный Николай I отказался от своей идеи. Этот атаман, сказал Аникеев, был дедом знаменитого русского философа Николая Бердяева.

Так я впервые услышал фамилию Бердяева. Но мои попытки найти его книги ничего не дали. В библиотеке Донского института в нашей Персиановке было много книг — еще с дореволюционных времен. Старая библиотекарша пускала меня прямо в книгохранилище. Она когда-то, обнаружив, что я прихожу за книгами каждые три дня, заподозрила, что я невнимательно читаю. Но я ответил ей на все вопросы, ссылаясь на книгу, и предисловие, и на примечания. И она разрешила мне просматривать полки. Эта библиотекарша принадлежала к трем «столпам» сельской интеллигенции: учитель, фельдшер, библиотекарь. Сельская интеллигенция тогда была на самом деле элитой —

она получала зарплату, живые деньги — на фоне десятилетиями не получавших ни копейки на трудодни колхозников.

Когда я признался ей, что не могу найти Бердяева, она, оглянувшись, сказала: «Гаврюша, его книги давно мы уничтожили. Такой был приказ». Я спросил: но ведь жечь книги страшно — это почти что сжечь авторов? Она ответила: когда как. Вот приказ жечь все тома Троцкого я выполнила с радостью. Этот изверг устроил кровавое рассказывание. А о Бердяеве ты больше ни с кем ни говори.

Читать Бердяева я смог начать только в МГУ, когда — уже не помню, то ли как сталинский стипендиат, то ли как заместитель секретаря Комитета ВЛКСМ — получил доступ к закрытым фондам («спецхрану») университетской библиотеки. Я запоем и не один раз прочел все книги Бердяева, которые там были. И Бердяев стал для меня в жизни тем же, чем уже был Толстой и Достоевский.

Вот у Бердяева я и встретил оценки Ибсена. Он его упоминал вместе с Достоевским, с Ницше. В книге «Самопознание» Бердяев писал: «В известный момент моей жизни я также очень воспринял Ибсена и именно он... помог мне найти самого себя». И еще: «Совершенно неизменно люблю Ибсена, которого перечитываю с любовью, волнением и всегда новым прочтением». Такие оценки значили много. И я бросился искать Ибсена. К счастью, в библиотеке МГУ было многотомное собрание сочинений Ибсена, кажется двадцатых годов.

Вот почему я с таким восторгом встретил известие о решении глубоко уважаемого мною Марка Анатольевича возродить на сцене «Пер Гюнта».

Что привлекает в XXI веке в Ибсене?

Проблема Личности

«Пер Гюнт» Ибсена считают стартом того великого прорыва в философии, который называют экзистенциализмом. В обеих своих главных течениях — религиозном (это прежде всего К. Ясперс и Н. Бердяев) и атеистическом (это в особенности Ж.П. Сартр и А. Камю) экзистенциализм (по латыни это слово означает существование) стал реакцией на проблемы эпохи, когда начался крах капитализма, появился и потерпел неудачу великий эксперимент XX века по утверждению государственно-бюрократического социализма (в советском и фашистском вариантах), когда на мир обрушились две мировых войны, когда человечество начало переход к новому, постиндустриальному строю.

В эту эпоху главными стали коллективизм и организации. Государственная машина, массовые партии, тотальное вторжение «организации» в экономику, науку, образование, культуру, во все клетки общества.

Жесткое регулирование всех сторон жизни человека извне все больше ставило под вопрос и делало невозможным сохранение его как Индивида, как Личности. На каждом шагу: на производстве, в офисе, в одежде и еде, на отдыхе — везде стандарты, надзор, правила, чей-то контроль. Появился — по терминологии Герберта Маркузе — «человек одного измерения». Теперь все нижнее белье, даже такой исключительно личный акт, как выбор спутника жизни, без стеснения выносятся на экран телевизора с помощью люмпен-телевизионщиков и люмпен-зрителей. Возникла исключительная угроза Индивиду, Личности. И всему человечеству, которое, состоя из «человеков одного измерения», не может уже называться человечеством. А ведь даже религии защищают Индивидуальность, Личность и соответственно

утверждают ответственность самого человека за свой путь в Рай или Ад.

Реакцией на эту всеобщую социализацию и обобществление и стал бунт экзистенциализма в защиту Личности.

Николай Бердяев писал: «Я вообще не люблю общества. Я человек, восставший против общества... Я утверждаю примат свободы над бытием... Я принадлежу к тому типу людей и к той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности, с общим и родовым».

Не случайно именно великий идеолог экзистенциализма Карл Ясперс уже в 1946 году в работе «Проблема немецкой вины» дал такой развернутый и такой глубокий анализ задач выхода из гитлеровского тоталитаризма, что он стал базой сверхмасштабной, сверхбыстрой, грандиозной денацификации Германии. А она — решающим фактором послевоенного преобразования разрушенной дотла страны снова в великую державу. К. Ясперс вину искал не только и не столько в партии нацистов, сколько в самом немецком народе.

В России экзистенциализм был представлен прежде всего Николаем Бердяевым и Львом Шестовым (Шварцманом). Личность — первая реальность. А мир — итог «верховой личности» — Бога.

Пер Гюнт Ибсена — это прежде всего Личность, Индивид. Это не гений. Даже не талант. Это сельский парень. Но он хочет остаться самим собой, хочет сам определять свою судьбу. Он мечтает о славе, о почете, о богатстве. Он тщеславен и самовлюблен. Но главнее всего его суть — это именно желание остаться Личностью, Индивидом. Ибсен сознательно подчеркивает

это право не только для элиты, не только для интеллигента, но и для каждого человека. Впоследствии в своеобразном манифесте экзистенциализма — в пьесе Ионеску «Носорог» — герой тоже обычный человек. Впрочем, не совсем обычный. Обычные — это те самые жители сельской общины, которые травят Пера Гюнта. Поэтому экзистенциализм — это не идеология популизма, толпы. Но и не философия элиты. Это идеология того слоя людей, который не может и не хочет быть «как все». И еще один признак — активность, поиск. «Чья жизнь в стремлениях прошла — того спасти мы можем», — говорится в пьесе Ибсена. Именно в Личностях залог будущего для человечества. Личность экзистенциализма гораздо ближе любознательной Еве, чем довольному всем Адаму.

Суть проблемы предельно жестко выразил король троллей. Человек — это тот, кто хочет «собой быть». А тролль, в отличие от человека, хочет «быть собой доволен». Пер хочет «собой быть».

Но Перу не удастся быть именно самим собой, Личностью, Пер не «вписывается» ни в человеческий мир своей сельской общины, ни в античеловеческий мир троллей. Он, несмотря на свое богатство, добытое вполне «достойными» средствами, включая работорговлю, оказывается чужд и бизнесменам. Он не ко двору и племени бедуинов в Марокко, и стае обезьян в Африке, и даже дому сумасшедших в Каире.

Пер — неудачник, обойденный судьбой и навредивший сам себе. Но за этими неудачами Ибсен и Захаров выявляют суть проблемы. Пер не может ужиться с Системой. С Системой деревенской общины. С Системой троллей. С Системой коммерсантов. Даже с Системой стаи обезьян или сумасшедшего дома.

Системам мои идеалы и стремления представляются ненужными, даже неправильными. Но ведь это моя жизнь. Единственная и неповторимая. Таким меня создал Бог, и я имею право быть именно таким.

«Быть самим собой» Перу не позволяют. Он оказывается в ситуации, описанной Игорем Губерманом, приехавшим в страну обетованную — в Израиль:

Я свободу обрел. Надо путь избирать.

*А повсюду стоят, как большие гробы,
 типовые проекты удачной судьбы.*

Удачные с точки зрения массовой « типовые проекты » не сочетаются с Личностью Губермана. Почти как у Пера Гюнта.

Отвергнутый и отторгаемый везде и всеми, Пер Гюнт Ибсена и Захарова борется за себя, за свое « Я », за свою Личность, за свою Индивидуальность, за свое право самому выбирать себе судьбу.

И эта проблема Пера стоит перед каждым из нас. И каждому из нас надо еще и еще раз вздуматься в слова Николая Бердяева, прямо перекликающиеся с пьесой Ибсена:

« Я принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности, государству, нации... Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос — все представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности. Я никогда не соглашался сделаться частью чего бы то ни было... Я, в сущности, никакой власти не любил и никогда не смогу полюбить... Я всегда

не любил великих мира сего... Человек не должен склоняться ни перед какой силой, это не достойно свободного существа».

Марк Захаров призывает каждого из нас до конца бороться за свою Личность. Для нее в номенклатурно-олигархической России возникла масса тех угроз, которые хорошо помнит поколение Захарова по советским временам.

Проблема Одиночества

У Ибсена проблема Личности, Индивида неразрывно связана с проблемой Одиночества.

Одиночество в браке. В семье. Среди коллег. В обществе.

Но у всех видов Одиночества Личности есть две особенно острые «зоны».

Первая — когда Одиночество Личности вытекает из того, что идеалы оказываются не реализованы. Именно таким было время Ибсена. Еще шел выход из феодализма. Освобождались крестьяне в России. Негры в Америке. Но одновременно все настоящие Личности уже видели, что капитализм не реализует трех великих целей трехцветного знамени французской революции — Свободы, Равенства, Братства.

Другая основа массового Одиночества Личности — это время, когда Личность уже готова к старту, к идее перестройки окружающего мира. Внутри себя она еще остается Одинокой. Но еще немного — и набухающие почки распустятся. Личность из состояния Одиночества выходит для поиска похожих на себя, станет, говоря словами Льва Гумилева, Пассионарием.

Первое Одиночество — Одиночество разочарования. Второе — Одиночество как этап созревания Солидарности. В пьесе Иб-

сена — первое Одиночество. Одиночество разочарования. Одиночество личного неуспеха, тупика.

Но Ибсен понимает, что останавливаться на Одиночестве Тупика нельзя — ведь в этом случае в перспективе только Конец экзистенциальности. Так не раз бывало — исчезли царства Древнего Египта, цивилизация индейцев Америки. Но фактом является и то, что человечество существует до сих пор. Следовательно, Одиночество Разочарования не всегда Тупик. И Пер Гюнт не только имеет перспективу переплавиться в оловянную пуговицу. У Ибсена находится сила, спасающая Гюнта. Она исходит не от него. Спасение Индивида приходит со стороны. Это не Церковь — в пьесе Ибсена практически нет священников. Пера Гюнта спасает Женщина. Дочь сектанта — Сольвейг. Спасает тем, что она сохраняет его как Личность в своей Душе.

Специфика России второй половины XIX и первой XX века состояла в том, что в ней одновременно сосуществовали и Одиночество Разочарования (вызванное неоправдавшимися упованиями на отмену крепостного права), и Одиночество созревающей Пассионарности.

Первое было представлено и Чацким, и Обломовым, и «Мертвыми душами», и «Вишневым садом», и «Мастером и Маргаритой».

Второе — в итоговом выводе Пьера Безухова в «Войне и мире»: «Если плохие люди объединяются, надо всем честным людям объединиться, чтобы в стране не наступила катастрофа».

Нынешняя Россия начала XXI века тоже характеризуется такой же одновременностью двух Одиночеств. Личность, Индивид, Интеллигент, во-первых, подавлены тем, что оказались нереализованными идеалами, с которыми шли в Великую Антисоциалистическую революцию 1889–1991 годов.

Во-вторых, все больше это их Одиночество перерастает в Одиночество ожидания активных действий, в готовность начать борьбу за новую Россию. Без государства номенклатуры, антинародного и антидемократического. Без коррупции алчной бюрократии. Без государственной экономики, пропитанной государственным монополизмом. Без частного сектора, задавленного олигархами. Без бизнесменов-компрадоров. Без люмпен-интеллигенции в науке, в образовании, в культуре, на телевидении. Без заботливо выращиваемого властью люмпенского популизма масс. Этот процесс перерастания в России Одиночества Разочарования в Одиночество перехода к Солидарности и Пассионарности многократно усилен растущим во всем мире недо-вольством вариантом современного, по преимуществу проамериканского, постиндустриального общества; сотрясающими «оливковую» Европу демонстрациями; развертывающимся Исламским Возрождением. А ведь это только первые зарницы тех грядущих бурь XXI века, которые Э. Тофлер определил как эпоху «антибюрократических революций».

И Марк Захаров, с его исключительной чуткостью к нервным токам России, уловил эту главную черту нашей современности и поэтому избрал для постановки пьесу Ибсена.

Постановка Захарова — это вклад в осознание нами и эпохи, и самих себя. Постановка Ленкома — о нашем времени, для всех нас и для каждого из нас. Поэтому не спрашивай: по ком звонит колокол — он звонит по тебе.

M O S C U A

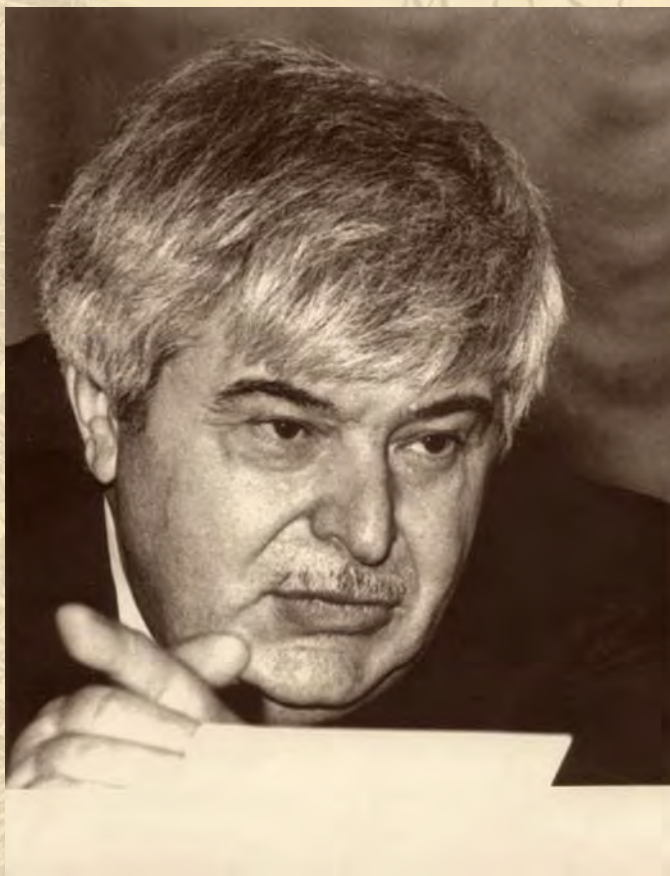
Фотоальбом. Часть II

ГОДЫ В ПОЛИТИКЕ

С.М.С. Горбачевым

Мэр Москвы, 1991 г.

*На трибуне Мавзолея с М.С. Горбачевым
и Н.И. Рыжковым, 1 мая 1990 г.*

*Перед началом заседания съезда
с Е.М. Примаковым*

Митинг

*В перерыве в зале заседаний съезда
с Б.Н. Ельциным*

*Подготовка к выступлению
на Съезде народных депутатов*

*Выступление на митинге
на Васильевском спуске*

С Патриархом Алексием II

В мечети Москвы

*На заседании правительства Москвы с Ю.М. Лужковым и
В.Н. Шахновским*

С.В.И. Ресиным

На балконе Моссовета

У памятника А.Д. Сахарову, подаренного Международному университету
скульптором П.Е. Шапиро

ЧАСТЬ II

ЛИЦА

*...Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный,
Опять припоминаю благодарно...*

Гете. Фауст

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ АБАЛКИН

Перед читателем четыре тома избранных работ Леонида Ивановича Абалкина. Об авторе и о содержании этих томов есть специальные справки. Поэтому я хотел бы сделать несколько замечаний общего характера.

ОБ ИЗДАНИИ

Вольное экономическое общество, предпринимая это издание, руководствовалось прежде всего чувством глубокого уважения к автору, не один десяток лет активно участвовавшему в деятельности и Научно-экономического общества СССР, и Всесоюзного экономического общества и Вольного экономического общества России (после восстановления исторической справедливости и возвращения организации экономистов России ее знаменитого имени).

Семидесятилетний юбилей А.И. Абалкина дает еще один весомый повод для издания четырехтомника его избранных произведений.

Публикация труда Л.И. Абалкина, в традициях ВЭО, выполняет и своего рода долг перед российской экономической наукой. Ведь велика опасность того, что вместе с выбрасываемым

хламом уличных транспарантов будет утрачена память об истории и самой советской экономики, и ее экономической теории. Чем же оборачивается забвение истории, мы хорошо помним и по советским годам, и по годам послесоветской эпохи. Труды Леонида Ивановича, как и ранее изданные работы Т.С. Хачатурова, — серьезный вклад в историческую библиотеку ВЭО.

Но публикация работ Л.И. Абалкина имеет не только исторический и юбилейный аспект. Есть много того, о чем надо говорить в связи с публикацией четырехтомника.

ГДЕ ШЛО ВЫЗРЕВАНИЕ ЭПОХИ РЕФОРМ

Кажется, в «Былом и думах» А.И. Герцен высказал очень важную мысль. Оба потока русской мысли первой половины XIX века — западники и славянофилы, ожесточенно споря друг с другом, с разных сторон вносили свой вклад в формирование комплексного представления о России, ее проблемах и путях их решения.

К сожалению, синтеза, о котором мечтал А.И. Герцен, так и не получилось. Россия вошла в новый век расколота на ряд враждующих идеологий, и в этом была одна из причин и ее великого взлета, и ее великой трагедии в XX веке.

Но сама по себе мысль А.И. Герцена очень ценная. Ее я всегда вспоминаю, когда размышляю о корнях и судьбах эпохи послесоветских реформ.

В отличие от восточноевропейских стран, где роль внешних, эмигрантских сил была велика, на развитие идеи реформ советского строя русское (и вообще «советское») зарубежье не оказало значительного влияния.

Конечно, была серия работ, в том числе и исключительно глубоких. Достаточно назвать произведения Бердяева, Ильина,

Авторханова или, скажем, Троцкого. Но все это существовало где-то вне СССР и не стало ферментом для вызревания реформ советского строя.

И диссидентское движение, символом которого стал Андрей Дмитриевич Сахаров, влияло на подготовку реформ в СССР далеко не так, как, скажем, в Польше или Чехии. И хотя работы наших диссидентов были весьма оригинальными, были близки к нашей действительности, их воздействие было недостаточным на вызревание эпохи реформ в СССР.

Еще об одном источнике нашей реформации надо сказать — о работах западных советологов. Были среди них пропагандистские агитки. Но были и серьезные исследования. Работы советологов были нам, в СССР, более доступны. И в силу растущих контактов СССР с Западом. И в силу того, что эти работы по разным каналам достаточно широко переводились и они в качестве «специальных» или «секретных» изданий попадали и на наши столы, и в наши головы.

И все же, воздавая должное всем этим трем течениям экономической мысли и тем более их авторам, я убежденно считаю, что главную работу по подготовке реформ выполнили ученые внутри страны. Вполне официальные академики и доктора. Вполне официальные аспиранты и научные сотрудники. Вполне официальные директора, сотрудники министерств и ведомств. И в части критики советского строя. И особенно в части разработок предложений по его улучшению. И в плане попыток что-то сделать практическое. И в плане обосновать эти практические меры теоретически. При этом совокупно влияли как успехи, так и неудачи.

Этот источник эпохи советских реформ я называю «реформаторами из советской системы». Именно это течение, искренне

пытаясь улучшить государственный социализм, постепенно подвело и теорию, и практику к идее невозможности «отмыть добела черного кобеля».

Именно в рамках этого течения развивался Л.И. Абалкин как ученый.

ПОИСК УЛУЧШЕНИЙ

Если определять главное содержание работ Л.И. Абалкина советских лет, то это активный поиск путей улучшения советской экономической модели.

Л.И. Абалкин, во-первых, сразу отверг саму идею о «лучшем из возможных миров». Для него советская экономика полна недостатков и проблем. Она — объект для работы, а не икона для поклонения.

Во-вторых, Л.И. Абалкин отверг и идею того, что надо внимательно изучать классиков марксизма — и все решения будут найдены. Классиков он знает превосходно. Но они для него — метод, а не кладезь рецептов.

В-третьих, Л.И. Абалкин не считает, что выход из наших трудностей в возврате к «чистоте» идей марксизма-ленинизма. Концепция совершенствования социализма путем очистки его от «немарксистских» наслоений советских лет, которая и тогда имела немало поклонников и которая сейчас постоянно всплывает при попытках КПРФ оценивать наше прошлое и будущее, ему совершенно чужда. Надо идти не назад, а вперед.

Четвертую особенность подхода Л.И. Абалкина я бы определил как «опора на теорию». Он постоянно ищет глубинные, теоретические основы. Его не удовлетворяют пусть эффективные, но сугубо эмпирические находки. Обращение к теории всегда было исходным у Л.И. Абалкина.

И наконец, в-пятых, я бы выделил устойчивое стремление Л.И. Абалкина найти пути улучшения не только экономики, но и уровня жизни всего народа, особенно трудящихся людей. Эта, я бы сказал, социал-демократическая идея «социальной ориентации экономики» отличает Л.И. Абалкина от идеологов роста социалистического производства как такового, которых всегда было немало, особенно среди сторонников математического моделирования экономики.

Будущим ученым-экономистам будет трудно представить нашу жизнь тех лет. Когда успехом была сама возможность получить задание и, пользуясь этой «путевкой» и полученной в ее рамках свободой, написать докладную записку по той или иной проблеме. Когда крупным успехом было само приглашение в какой-то из «высоких» кабинетов для изложения своих предложений. И сверхуспехом было появление внесенных предложений в докладе какого-нибудь лидера на торжественном вечере или съезде, в постановлении правительства. И уже полным счастьем было участие в работе какой-то комиссии, которой поручили подготовить и провести тот или иной практический эксперимент. Все эти «круги» прошел Л.И. Абалкин.

Я не буду анализировать конкретные идеи Л.И. Абалкина. Это тема большого и серьезного исследования. Но те особенности его подхода, которые я выделил, не могли не привести Леонида Ивановича в круг ключевых фигур перестройки, начатой М.С. Горбачевым.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Войдя в состав правительства СССР в качестве заместителя Председателя Совета Министров (Председателем был Н.И. Рыжков), Леонид Иванович развернул работу по подготовке и концепции, и программы реформ, и самих конкретных реформ.

Собственно, все теоретическое и концептуальное должно было бы в принципе быть уже готовым. В обществе должны были определиться в связи с этими итогами политические силы. А правительство должно было подвести итоги научной дискуссии, учесть политический расклад и превратить итоги в документы практической политики.

Но специфика перестройки конца XX века как раз состояла в том, что в предшествующую ей эпоху экономисты — и теоретики, и практики (а в широком смысле слова вся интеллигенция страны) теоретические преобразования не подготовили.

В лучшем случае можно было обнаружить какие-то запасы идей у отдельных ученых. Как правило, эти идеи не были даже доведены до широкой общественности. Тем более не стали объектом многолетней обстоятельной дискуссии. Говорить о чем-то устоявшемся, разработанном, ставшем предметом согласия или всего общества или хотя бы его крупных социальных групп не приходилось.

Крестьянская реформа 1861 года была подготовлена буквально десятилетиями дискуссий в обществе (первая работа на тему необходимости отменить крепостное право была удостоена премии на конкурсе только что созданного Императорского Вольного Экономического Общества еще во времена Екатерины Великой в конце XVIII века), тщательным изучением опыта зарубежной Европы, многочисленными экспериментами в самой России при Павле I, Александре I, Николае I. К середине XIX века работа «в идейно-теоретическом» плане уже была закончена. Варианты: помещицы, крестьянские, абсолютизма — тоже четко сформулированы. И задача правительственного Комитета по реформе состояла в выборе варианта и превращении его в практические меры.

В совершенно иной по содержанию, но в сходной по готовности предложений ситуации начались реформы большевиков после 1917 года. Опять-таки целые десятилетия до 1917 года шла дискуссия. Опубликованы десятки исследований. Имелся опыт реформ П.А. Столыпина. Имелись программы партий. Все — вплоть до страшной перспективы террора, уничтожения «миллионов голов» — было рассмотрено (достаточно вспомнить «Бесы» Достоевского). Даже вариант как созыва Учредительного собрания, так и его разгона был разработан Г.В. Плехановым еще в начале века.

Поэтому все преобразования, начиная со знаменитого Декрета о земле, уже были готовы в умах. В 1917 году речь шла о выборе Россией одного из предлагавшихся ей в последние десятилетия вариантов.

И только в конце XX века российская интеллигенция оставила страну без концепции реформ, представив лишь самые первичные заготовки. Все силы ушли на критику прошлого. А вот набор идей по реформированию советской модели был крайне мал. Даже в самом предварительном наброске концепции радикальной реформы не было.

Поэтому Л.И. Абалкин по существу столкнулся с двумя совершенно разными проблемами.

Во-первых, требовалась научная разработка концепций реформ и достижение общественного согласия по какой-то из этих концепций. Это была задача не одного года напряженной работы, общественных дискуссий, политической борьбы в обществе и т.д.

Во-вторых, разработка комплекса административно оформленных решений и постановлений.

Первая задача требовала работы в обществе, в среде интеллигенции, в кругах научной общественности, в политической сфере. Работы публичной и открытой. Вторая — организации усилий многочисленных звеньев аппарата. Такая работа неизбежно сводится к «сидениям» в кабинетах и на дачах. К жестким срокам. К своего рода «закрытости».

Совместить эти два процесса в принципе было невозможно. Ведь вторая работа предполагала определенную завершенность первой — вплоть до победы на выборах сторонников одной из концепций.

Всего этого Леонид Иванович не мог не понимать. Но после десятилетий ожидания, после бесконечного числа докладов, проектов, предложений, заметок и вообще работы «на подхвате» было попросту непосильно отказаться от впервые представленной возможности — пусть почти с нулевой вероятностью — оказать прямое практическое воздействие на реальную экономическую жизнь, сделать шаг в сторону осуществления давно вынашиваемых идей.

Я в этих случаях всегда оправдываю тех, кто этот шаг делает. Ведь еще Гомер с благоговением воспел знаменитое последнее предсмертное решение Одиссея плыть за Геракловы Столбы, откуда еще никто не возвращался, — плыть, потому что люди «созданы не для животной доли, а к знанию и к славе рождены».

Но доблесть не отменяет обреченность. Процессы в обществе шли гораздо быстрее любых усилий аппарата. Шанс реформ сверху, реформ прогрессивными силами руководства КПСС (шанс повтора России 1861 года или коммунистов Китая) был упущен. Ну, а если говорить честно, этого шанса

практически не было. Аппарат, самый большой по составу кадров, возглавляемый самыми светлыми головами, не может заменить процесс созревания самого общества. И опыт российских правительств, пришедших на смену правительству Абалкина, только подтверждает эту истину.

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

Оказавшись у руля российской власти, осколки бывшей советской номенклатуры, готовые на любые реформы ради сохранения себя в качестве лидеров государственной машины, вместо организации всенародного обсуждения концепций и вариантов с большевистской лихостью сразу же взяли для практической реализации тот из вариантов, который показался им готовым. Это был проект, разработанный Международным валютным фондом (МВФ) для преобразования стран третьего мира в составные звенья нового мирового постиндустриального общества. Десятилетие было попросту растрачено с точки зрения интересов России. Но оно позволило наиболее активным из прежних хозяев советского режима закрепить за собой и рычаги власти и создать себе опору в виде захваченной собственности. Вместо подлинных капитанов политики и бизнеса Россия получила новую номенклатурную бюрократию и паразитический капитал.

Заслуга Л.И. Абалкина в том, что он последовательно доказывал неприемлемость варианта МВФ для России.

Сегодня, спустя почти десять лет, можно сказать, что уже мало осталось сторонников упований 1991 года. И это утешает. Существенно и то, что концепции реформ наконец достаточно выкристаллизовались и стали предметом открытой политической

борьбы. А огорчает то, что и сегодня мы все еще не подошли к стадии, когда теоретическая дискуссия и политические баталии переходят в этап практических преобразований.

Но этот этап рано или поздно наступит. И я уверен, что многие из разработок Л.И. Абалкина — в том числе и из этого четырехтомника — снова найдут потребителя: и в среде ученых, и в среде практиков.

А самому Леониду Ивановичу хочется пожелать дальнейшей плодотворной работы. Человек не может изменить обстоятельства. Но достойно вести себя при любых обстоятельствах он обязан. Леонид Иванович из таких людей достойного поведения, которыми всегда славилась лучшая часть российской интеллигенции.

2004 г.

ОЛЕГ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ КУТАФИН

Мало можно найти примеров человека, который был бы столь успешен, как Олег Кутафин. Ученые степени и звания, высокие должности, высокие награды страны. Но все дело в критериях.

Если говорить об объективных достижениях Кутафина — огромные успехи. Это числитель. Но если учесть потенциал Олега — человеческий, организаторский, научный, интеллектуальный — и поставить все это в знаменатель, то общая величина окажется малой.

Я пишу об этом с горечью, так как итог дробы — это не только и не столько личная трагедия Олега, сколько трагедия всей нашей страны и всего ее народа в XX веке.

Трагедия эта состояла в том, что существовало две отдельные группы людей: людей власти и круг тех, кого можно назвать национальной элитой. Год за годом, десятилетие за десятилетием углублялся разрыв между теми, кто составлял элиту страны, и теми, кто ею управлял.

Мало было среди известных мне людей элиты более способных и более пригодных, чем Олег, к тому, чтобы войти в круг высшего руководства страны. И с другой стороны, при всех его

умениях ему это не удалось. Ни в СССР, ни в постсоветской России перешагнуть через Кремлевскую стену он не смог.

Какая-то фантастическая интуиция была у нашей правящей номенклатуры. «Чужаков» она чувствовала не только умом, но и всей кожей: оттирала от «верха», выталкивала из аппарата в «прихожие»: в различные советы, комиссии и т.д.

В жизни Олега было два, как говорят математики, «приближения» к власти. Во-первых, в советское время, когда он занял в двадцать пять лет очень престижный для «старта» пост первого секретаря Комитета ВЛКСМ МГУ. И, во-вторых, когда началась эпоха новой России с колоссальной нехваткой кадров высших руководителей и когда Олег опять был «на старте». И оба раза его останавливали. В советское время — жестко и грубо, а во время новой России культурно.

Думаю, судьба нашей страны и ее народа была бы иной, если бы люди типа Олега Емельяновича — а первым из них я бы назвал ректора МГУ Рэма Викторовича Хохлова — оказались у руля, взяли «возжи» страны в свои руки.

Ну а теперь по порядку.

Мы познакомились в наше самое лучшее время — в далекой молодости. Мы вместе поступали в Московский университет. И Олег, и я приехали из провинции. Оба — с медалями, оба поступили: он на юридический, я на экономический факультет. И дальше жизнь у нас шла во многом параллельными курсами.

Первое общее у нас с Олегом — это, конечно, сам МГУ. Для того чтобы понять, что это такое, надо вспомнить, чем был Советский Союз в 1954 году, когда мы поступили учиться. Это была страна, которая уже прошла революцию, чистку 37 года и послевоенную борьбу с космополитизмом. Но, к счастью и для

нее, и для нас, какие-то обломки старой русской культуры все же уцелели. Местом, где это наследие больше всего сохранилось, и был Московский университет.

Да, нами командовали деканы, назначенные чуть ли не в ЦК КПСС. Функционировали, конечно, и парткомы. Но при этом в МГУ работали выдающиеся преподаватели, которые воплощали собой старую российскую культуру даже своей манерой чтения лекций. На юрфаке еще продолжали преподавать специалисты старой школы по римскому праву, цивилисты и т.д. Как и на моем факультете были замечательные преподаватели по русской статистике, зарубежной экономике... С ними можно было разговаривать. И иногда даже одна фраза, единственное замечание, сказанные ими во время двухчасовой лекции, обретали для студентов огромное значение и смысл. Это оказывало на нас большое воздействие. Фактически через МГУ к нам переходило наследство старой России. Поэтому для нас обоих университет значил гораздо больше, чем просто место получения знаний.

Второе, общее для нас — это, конечно, общежитие. Общежитие МГУ — университет в университете. Там приходилось учиться многому. Даже самой Москве — нужно было осваивать город, его традиции и культуру, многое из того, о чем в провинции и знать мы не могли. Кроме того, в общежитии жили люди из разных регионов страны, разных национальностей, традиций, специальностей, даже разных стран. Физики, математики, биологи, гуманитарии — у всех мышление организовано по-разному. Учились мы в разных аудиториях, а вот в общежитии были вместе. Мы варились в общем котле, который, по сути, был гигантским механизмом взаимного интеллектуального и житейско-

го обогащения. Это была серьезнейшая школа человеческого взаимодействия.

Третья общность для нас с Олегом — комсомол. Я немногим раньше его перешел в комитет ВЛКСМ университета, он дольше работал на своем юрфаке. Но затем мы уже вместе отправляли ребят на целину, проводили Московский фестиваль молодежи и студентов, встречали Юрия Гагарина, организовывали ежегодную уборку картошки и многое другое. Кутафин стал первым секретарем Комитета ВЛКСМ МГУ, а я руководил работой с иностранными студентами в качестве секретаря комитета.

Тогда комсомольская работа для нас значила очень много. Признаться, поступая в университет, я не очень-то собирался ею заниматься. Но в стране произошли большие события: состоялся XX съезд, на котором был разоблачен культ личности. Перед нами, как казалось, возникла реальная перспектива того, что общество наше можно сильно изменить, если мы будем над этим работать. Мы верили, что обновление страны происходит, а комсомол — то место, где можно начать участвовать в реализации этого проекта. Первые годы хрущевской «оттепели» говорили: если в стране публикуют Дудинцева, если колхозники получают паспорта и перестают быть крепостными, если появилось жилищное строительство и т.д., то все идет в правильном направлении. Проблемы начались в конце нашей учебы, когда расстреляли демонстрацию новочеркасских рабочих, когда Хрущев начал поворот к «строительству коммунизма при жизни нынешнего поколения»...

Вот эти три фактора — МГУ, общежитие и комсомол — были нашей общей школой, сближающим нас фактором.

Еще на наши отношения влияли и особенности характера Олега. Он был удивительно позитивно настроенным человеком. Хотя как комсомольскому руководителю ему приходилось принимать трудные решения, его доброжелательность к людям была неизменной.

Возвращаясь к нашей молодости, нужно вспомнить еще одно объединяющее наши биографии обстоятельство — мы оба выпали из партийно-комсомольской карьеры. И Олег, и я были секретарями комитета ВЛКСМ МГУ. Это значительные посты — практически мы подчинялись не райкому, и даже не горкому, а напрямую ЦК ВЛКСМ. И перспективы карьерные были очень большие. Один из руководителей комсомола МГУ Лен Карпинский стал секретарем ЦК ВЛКСМ. Кто-то уходил секретарями горкомов, райкомов... Но наше окончание университета совпало как раз с тем поворотом, который в стране происходил, — заключительным этапом хрущевского времени, началом брежневского периода...

Я должен был переходить на работу в ЦК ВЛКСМ. И всю жизнь благодарен покойному Лену Карпинскому, секретарю ЦК, с которым у меня состоялся такой разговор:

- Ты как учишься?
- На «отлично», Ленинская и Сталинская стипендии.
- Диссертацию можешь написать?
- Что значит «можешь»? За год напишу, если надо.
- Тогда брось это все, иди пиши свою диссертацию.

У Олега перспективы были гораздо шире, чем у меня. И тут сама система постаралась. Она словно нутром учуяла, что такие люди, как Кутафин, для нее неприемлемы. И было сделано все, чтобы Олега из нее вышибить. Я деталей не знаю, но поработали большие специалисты в кадровой области. Инициатива

шла «сверху»: нашли какие-то «криминалы», недочеты... И Олега освободили от работы первого секретаря Комитета ВЛКСМ МГУ, не предоставив никакой партийной или комсомольской должности. Карьеру просто сломали.

Пришлось начинать все заново, находить себя в новой сфере. И мы начали опять вместе: занялись наукой, диссертациями. Способности для научной деятельности у Олега были огромные. Ему повезло с научным руководителем — Давидом Златопольским и как с человеком, и как с ученым. Но главное, сам Олег в полную силу занялся наукой.

Жалел ли он о том, что планировавшейся им карьеры не случилось? Человека неудобно об этом спрашивать, его нужно поддерживать в выбранном им на данный момент направлении. Однако, думаю, он страдал. И именно поэтому попытался снова войти в эту реку — уже сейчас, в постсоветскую эпоху.

И опять у нас получилось примерно одинаково. Я стал мэром и раньше него понял, что и с новой властью каши не сварить. Я ушел.

Олег все-таки пытался работать... В то время, в той ситуации, что имели место в России, найти для него пост, которого бы он заслуживал — министра, генерального прокурора, председателя Верховного Суда и т.д., — было нетрудно. Несколько раз это назревало, и я даже был уверен, что Олега назначат. Однако власть по максимуму использовала его знания и способности, по максимуму и благодарила, и награждала, но, так сказать, «за Кремлевскую стену» не пустила. Удивительным образом срабатывала интуиция. Система опять почувствовала, что он — чужой. По большому счету система опять его не приняла.

Бюрократии нужен человек, который живет в первую очередь ее интересами. А Олег был российским интеллигентом.

Интеллигенту во власти вообще нечего делать — очень редко бывают периоды, когда можно работать. Кроме того, Олег был по природе добр. Очень добр к людям. Рассматривать их как пешек он не мог — как бы этого ни требовала служба «во власти».

На мой взгляд, Олег Кутафин остался примером того, что и старая, и новая бюрократическая система людей его типа и масштаба ассимилировать не может. Они чужды и, более того, опасны той системе бюрократической власти, которая сложилась в мире в конце XX — начале XXI столетия.

Олег прожил достойную и интересную жизнь. Очень сильный организатор, очень волевой человек, он умел достигать того, что считал необходимым. При этом его незаурядная воля сочеталась с личной мягкостью и доброжелательностью. Внешне он производил впечатление даже несколько медлительное, но оно было обманчивым, не соответствовало его внутренней сущности. И, конечно, Одесса всегда в нем чувствовалась. И его эlegantность, и юмор, и отношение к окружающим людям — все это одесский стиль Олега. И это оставалось с ним всегда.

У меня была непростая жизнь, и в трудные моменты Олег всегда помогал мне. Это был потрясающий человек, он делал для других все, что мог, и делал по максимуму. К сожалению, так сложилось, что я мало чем смог его отблагодарить за долгие годы дружбы. Но одно большое дело я для него сделал. Будучи мэром Москвы, добился, чтобы здание Института общественных наук перешло к МГЮА. И должен сказать, что из гигантской собственности КПСС в столице российская бюрократия потеряла всего три здания, и это — одно из них.

2010 г.

ВАЛЕНТИН СЕРГЕЕВИЧ ПАВЛОВ

ЛИДЕР, ПРОФЕССИОНАЛ, ДЕРЖАВНИК

Валентин Сергеевич Павлов обладал всеми качествами лидера. И главным для лидера качеством — умением разбираться в людях.

Умение разбираться в людях часто присуще тем, кто начинал свой путь с самых низов. Им надо уметь пристально вглядываться в окружающих. Собственно, без такого умения рассчитывать на какой-то рост человеку из низов вообще не приходится.

А Павлов был настоящим выходцем из народных масс. Его родители — простые русские люди, москвичи. Сын шофера и медсестры стал главой правительства всей страны. Такой путь невозможен без врожденных, приобретенных жизнью и опытом и воспитанных в себе качеств лидера.

На умение оценивать людей повлияло и то, что Павлов долгие годы был рядовым работником, а потом — на вторых ролях руководства. На таких постах тоже надо уметь «вглядываться» в окружающих.

Я давно заметил, что чем быстрее выходил на лестнице карьеры человек на роль «первого», тем чаще и тем быстрее

утрачивалась способность оценивать окружающих и подчиненных. Все перед ним заискивают, все льстят, все демонстрируют только лучшие свои качества и «прячут» то, что считают «опасным». А на каких-то высоких уровнях руководитель уже перед собой вообще ничего, кроме одинаково согнутых спин, не видит.

В условиях войны, жесткой рыночной конкуренции и других забытых «внешних» факторов появляется «пресс», заставляющий научиться и оценивать кадры, и ценить их. А в СССР, где единственный враг руководителя — аппаратные интриги, способность разбираться в людях быстро атрофируется. Особенно на верхах.

Я уверен, что неумение оценивать кадры, типичное и для Горбачева, и для Ельцина, — во многом итог их «восхождения», когда они годами были «первыми», потребляя не реальные, а специально «подготовленные» для них подчиненными «изделия».

Вторая черта Валентина Сергеевича — высокий профессионализм.

Это тоже черта выдвиженца из низов. Если за моей спиной нет родственников, нет покровителей, нет «руки», я понимаю, что только высоким уровнем знаний я могу сделать себе карьеру и завоевать авторитет. Лучше всего учатся те, кто в образовании видит свой второй — после качеств лидера — резерв, вторую свою опору в жизни.

Профессиональные знания Валентина Сергеевича всегда меня восхищали: это был своеобразный сплав и теории, и опыта. Причем у него теория обогащала опыт, а опыт постоянно осмысливался с позиций теории.

Профессионализм В.С. Павлова усиливался еще двумя факторами. Во-первых, самой специальностью: финансы. Это область, где дилетанту «удержаться» невозможно. Во-вторых,

работа в плановых органах, которые были наиболее приоритетными во всем советском государственном аппарате. Я помню, как один из руководителей Госкомитета по науке и технике сказал о члене нашей рабочей комиссии с нескрываемым восхищением: госплановец, настоящий госплановец: знающий, жесткий, сухой, четкий, принципиальный во всех профессиональных вопросах.

Третья черта Валентина Сергеевича — его технократизм. Он мало интересовался — во всяком случае я этого не замечал — ни философией, ни социологией, ни вообще идеологией. По-моему, немного интересовался только историей. Но в целом ни социальные науки, ни общественная деятельность его не интересовали.

В институте занимался не столько комсомольской работой, сколько спортом. Потом на работе в разных учреждениях не лез в бюро и парткомы. И что самое характерное: он никогда не работал ни в каких партийных органах. Он не был не только не пропитан, но даже не отмечен типичными чертами партийного аппаратчика. В годы всеобщей политизации во времена перестройки не входил ни в какие политические движения, объединения, союзы. Он был именно технократ.

Технократизм помогал долгие годы Павлову — в нем не видел конкурента в аппарате коммунистической партии те, кто «правил» в ЦК КПСС подбором и расстановкой кадров хозяйственного аппарата.

Но этот же технократизм стал для него сверхсерьезной проблемой, когда В.С. Павлов занял пост главы правительства, пост по преимуществу политический.

Четвертой чертой Павлова была государственность, скорее державность. Смысл своей работы он видел не в победе коммунизма, не в утверждении каких-то идейных ценностей, а в поддержке, сохранении и развитии мощи огромного государства, своей державы, СССР.

Общегосударственный подход был у него во всем. И это тоже черта работников таких «хребтов» всего государства, как Госплан и Минфин.

Хотя Павлов временами отвечал за какие-то отрасли или регионы, в нем не было ни тени ведомственности или местничества, каких-то уклонов от общегосударственного подхода.

РЕФОРМАТОР И УЧЕНЫЙ

По характеру Павлов был реформатором. Он всегда искал пути улучшения дела, которым он занимался.

Есть профессионалы, которые стремятся выработать высокие стандарты, лучшие приемы и методы и жестко их соблюдают. Таким руководителям ближе позитивный консерватизм, особенно если в этом консерватизме сконцентрировалось все лучшее из прошлого опыта.

А Павлов был профессионалом, который — если употребить слова Генри Форда — считает, что «нет вещи, которую нельзя улучшить».

Карьера Павлова, его рост целиком связаны не только с профессионализмом, но и с этим, присущим ему, духом реформаторства. Даже когда его предложения не принимались, его как работника думающего и анализирующего замечали и выдвигали.

Сам по духу реформатор, Павлов искал и ценил других реформаторов. К нему всегда можно было приходиться с предложениями — это знали все.

Реформатор в советской системе редко допускался на пост первого начальника. От этого «первого» требовалась неукоснительная исполнительность, готовность немедленно менять мнение вместе с советской директивой. Собственно, без этого директивная экономика не могла бы существовать. Но в окружении «первого» — особенно дальновидного — на всякий случай всегда был реформатор. Вдруг поступит директива «улучшать», а у него уже есть целая папка записок этого реформатора. Или потребуется «самокритика» — тоже есть записи.

Людей с таким набором качеств, как у В.С. Павлова, в советском хозяйственном аппарате было мало. Но именно они составляли опору аппарата, были его очевидным, а порою скрытым мозговым центром.

Когда я добивался утверждения для МГУ Центра проблем управления, добывал для него штаты, обеспечивал его «заказами», многие удивлялись, как мне это всё «удается». А у меня был ряд «методов». И среди них такой. Когда мне надо было что-то решить в каком-то министерстве или ведомстве, я всегда искал там этих «главных действующих лиц». Они были кем угодно: заместителями министров, начальниками каких-то отделов, порою даже всего лишь референтами. Найдя таких работников, я объяснял суть своего дела и, если убеждал их, что дело это разумное, получал от них и советы, и поддержку. Впрочем, я и сам в годы работы в Мосгорсовнархозе тоже был чем-то вроде такого «думателя».

Валентин Сергеевич обладал еще одним очень редким в среде технократов, но абсолютно необходимым реформатору качеством: он был ученый.

Он ценил науку, ценил ученых. Есть люди, которые от науки идут к реформаторству. Например, я сам. Валентин Сергеевич принадлежал к другому типу — к тем, кто шел к науке от реформаторства. Он в науке искал ответы на возникавшие у него проблемы, он в науке искал опору для своих предложений.

Он не жалел сил и весьма скудных резервов своего свободного времени для обеспечения своего собственного вхождения в науку. Защитил кандидатскую. Защитил докторскую. Писал книги. Находил время для преподавательской работы.

В нем не было ни капли бюрократического чванства в отношении науки и ученых.

Именно эти качества привели Павлова в наше Экономическое общество, а затем — на пост председателя Всесоюзного экономического общества. Продолжая дело Т.С. Хачатурова, В.С. Павлов внес огромный вклад в возрождение в конце XX века славного Вольного экономического общества России.

Люди типа Павлова в советском аппарате брежневской эпохи самое большое, на что могли рассчитывать — это пост члена коллегии, заместителя, в редких случаях — первого заместителя министра. Если они случайно оказывались на первых ролях, их «съедали», так как они были угрозой всему: и другим руководителям, и аппарату в целом.

Поэтому вполне логично и закономерно, что В.С. Павлов до начала перестройки продвинулся только до члена Коллегии Госплана, начальника отдела финансов Госплана.

И если бы не случилось чего-то неординарного, он так и работал бы на этом уровне. Для высоких постов всегда находились секретари партномов, заведующие секторами из ЦК КПСС или просто чьи-то доверенные лица.

ПЕРЕСТРОЙКА

Перестройка все изменила. Уже в 1986 году Павлов стал председателем Госкомитета цен, а с 1989 года — министром финансов СССР. С 1991 года он — первый и последний премьер-министр СССР.

Почему и откуда такой быстрый, просто-таки фантастический рост?

Ответ в реформаторстве Павлова. Он уже задолго до перестройки в своих реформаторских размышлениях начал «перерастать» рамки и своих отделов и управлений, и даже своего ведомства в целом.

Павлов не мог не видеть и не мог не тревожиться, наблюдая падение темпов развития, растущее научно-техническое отставание, хронические провалы попыток «поднять» то сельское хозяйство, то эффективность промышленности. И как профессионал, и как державник, и как ученый он не мог не думать о системе в целом: система финансовая, система ценообразования, система планирования.

У него сформировался достаточно обширный арсенал идей не о частных улучшениях, а об общей реорганизации хозяйственного механизма СССР.

И в конце концов он — как и многие из нас — пришел к идее сочетания плана и рынка. Рыночниками в СССР быстрее

всех становились именно профессионалы-финансисты. Павлов был среди них.

Именно его концепция привлекала внимание. Именно она была главной «скрытой» пружиной, двигателем его блестящего роста.

Его выдвигали, так как он знал и хотел перемен. И знал, и хотел больше других. При этом он не был обременен грузом прошлого опыта. Не был обременен работой в парткомах и аппаратах партии. Он был и относительно молодым среди руководителей своего уровня. Таких, как он, на этом этаже экономики было мало — например, В.И. Щербаков или Ю.М. Лужков.

Но очень скоро стало ясно, что перестройка буксует и все больше и больше.

И причина — не в недостатке идей по реформе хозяйственно-го механизма. Выяснялось все больше, что необходимы изменения всего социального строя СССР. Надо выйти из социализма.

Если планы рыночных преобразований экономики были в том числе и у Павлова, то общего плана перехода СССР к постиндустриальному строю не было. Такой план — задача не технократов. Это задача лучших умов народа, его интеллектуалов.

Но если и к эпохе реформ 1861 года по освобождению крестьян тогдашняя дворянская интеллигенция Россию идейно подготовила; если к 1917 году интеллигенция России тоже подготовила все варианты перемен — от октябристского и кадетского до ленинского и анархистского, то к переходу СССР к новому строю интеллигенция страну и народ не подготовила. Не оснастила вариантами развития, не обсудила эти варианты, не довела их до масс и руководства.

Я хорошо знаю по собственному опыту, что сам советский строй сделал все это невозможным. За малейшую попытку обсудить то,

что выходило за рамки социализма, нас карали. Оставалось работать «для себя», «в стол». Это все объясняет, почему мы не выполнили свой долг перед народом, но не меняет итога.

Другим фактором стало отсутствие лидера нужного исторического масштаба. М.С. Горбачеву оказалась по силам задача разрушительной критики, задача ударов по исчерпанному все резервы и потому отжившему социализму, но ни Михаил Сергеевич, ни его команда не были готовы к созидательной работе.

Счастье Китая состояло в том, что во главе страны были лидеры, прошедшие школу подполья, революции, гражданской войны, школу экспериментов, порой очень жестких. И среди них нашлись те, кто по уровню опыта, по знаниям и еще воле смогли возглавить постепенный, по возможности менее болезненный выход из социализма.

Руководство СССР, сформированное отбором через разнообразные, но только аппаратные, только сугубо бюрократические «ситы», не могло не оказаться ниже того уровня, которого требовало время.

Лидеры КПСС и СССР не были ни консерваторами, ни противниками реформ. Напротив, они были готовы идти на них.

Но уровень этих руководителей, сформированный безвременьем Брежнева и десятилетиями давно выявившегося тупика с экспериментом государственного социализма, не соответствовал требованиям эпохи реформ.

В такого рода ситуациях эпоха реформ кончается. Начинается эпоха революций: когда низы уже не хотят жить по-старому, а верхи уже не могут по-старому руководить.

В жернова революции 1989–1991 годов попал вместе со всеми нами и Валентин Сергеевич Павлов.

ТРАГЕДИИ

У В.С. Павлова было три возможности:

- работать в команде Горбачева;
- войти в оппозиционное движение (условно — «демократов»);
- войти в команду, состоявшую из лидеров КПСС и советского государства (условно «союзники», команда ГКЧП).

Павлов шел по логике: из команды Горбачева в команду «союзников», команду ГКЧП.

Почему он это сделал? Я не раз думал об этом — и тогда, и потом. Попробую представить итог моих размышлений.

Я в принципе не допускаю и мысли, что на Валентина Сергеевича могли «влиять» соображения, связанные с «кремлевской столовой» или чем-то подобным — автомобилем или дачей. Значит, дело в чем-то гораздо более принципиальном.

Валентин Сергеевич не мог не видеть уровня лидеров ГКЧП. Но Валентин Сергеевич не смог объединиться с теми, кого потом стали называть «демократами». Конечно, он понимал, что без напора с их стороны не начать масштабные реформы. Я сам обязан своим избранием в народные депутаты во многом именно Валентину Сергеевичу, возглавлявшему тогда Всесоюзное экономическое общество, которое меня выдвинуло в депутаты.

А он выбрал союз с очевидно бесперспективными людьми. Почему?

Думаю, что сыграли роль следующие причины.

Первая — очевидное для него «сползание» Горбачева к чему-то вроде борьбы за самосохранение. Для президента СССР самосохранение предполагало сохранение какой-то альтернативы СССР. И команда Горбачева занялась новым союзным договором. А Павлова интересовали реформы.

План реформ у В.С. Павлова был. Это был план нормальных, поэтапных преобразований. Это был план не на одну пятилетку. Павлов знал, какую громаду надо реформировать. Знал, насколько далека эта громада от рыночной постиндустриальной системы. Он был готов к этой работе.

Вторая — занимая свой пост, Павлов сознавал масштаб своей ответственности и знал, что его долг — оставаться «в команде».

Думаю, что он считал (впрочем, и я так считаю), что «команда» действует с согласия Горбачева — явного или молчаливого. Мне кажется, что именно из-за этого Павлов потом все годы называл Горбачева «предателем». Павлов не мог считать Горбачева предателем из-за каких-то там разборок в КПСС. Видимо, входя в ГКЧП, Павлов знал (или ему сказали) о какой-то договоренности с Горбачевым.

Третья причина — полная неприемлемость для Павлова того экономического курса, к которому склонялся Ельцин. Все эти «500 дней» и тем более «шоковые терапии» не мог принять человек, знающий, что такое экономика СССР и что нужны годы и годы для ее преобразований.

Четвертая причина — явное тяготение противостоящих ГКЧП сил к распаду СССР. Тут Павлов и как профессионал, и как державник не мог не сопротивляться. Для него конец СССР был концом и всего его плана реформ.

К сожалению, видимо, была еще одна причина — усиливающая болезнь Павлова. Валентин Сергеевич был болен традиционной болезнью многих талантливых людей России — он употреблял все больше нашего национального лекарства. К Валентину Сергеевичу полностью относятся слова другой жертвы этой

же болезни — Владимира Высоцкого: «Мы дети страшных лет России. Безвременье вливало водку в нас».

Лидеры ГКЧП продемонстрировали главную черту выродившегося руководства КПСС — неспособность к активной и конструктивной работе. Вступить — как лидеры Китая — на путь реформ они не смогли. Подавить для обеспечения развития реформ по плану КПСС радикальное крыло реформаторского движения (как сделало руководство КПК на Тяньаньмыне) они тоже не решились. Павлов им понадобился только для придания солидности «списку» членов ГКЧП. Не более. С ним ни о чем не советовались, и он чуть ли не на второй же день попал в больницу. Ну а затем — в Матросскую Тишину.

В.С. Павлов стал участником трех взаимосвязанных трагедий.

Первая — личная. Трагедия реформатора, который занял пост, необходимый для организации реформ, но в условиях, когда уже не было возможности проводить эти реформы так, как он считал нужным.

Но трагедия Павлова отражала не только его личную трагедию, но и трагедию всего номенклатурного руководства СССР.

Оно не смогло — в отличие от номенклатуры Китая — организовать и возглавить выход страны из государственного социализма на пути постепенного перехода к постиндустриальному строю, соответственно преобразования коммунистической номенклатуры в номенклатуру и в собственников постиндустриального общества.

Советская коммунистическая номенклатура раскололась — из нее выделилась часть, готовая на реформы. Но готовность к реформам еще не гарантировала, что это — лучшая и профессионально наиболее опытная часть советской бюрократии.

Напротив, в состав реформаторской части попали относительно наиболее слабые представители советской номенклатуры, прежде всего республиканские и региональные деятели, менее знающие и менее опытные, чем те, кто работал в центре. Зато амбиции этих лидеров вполне соответствовали масштабу их незнания и несостоятельности.

Неспособность правящего класса СССР возглавить реформы — величайшая трагедия нашей страны, сопоставимая только с неспособностью и Николая II, и русской буржуазии осуществить буржуазные преобразования в России в начале XX века. Той удачи, которой для России были цари Алексей Михайлович, Петр I и Екатерина II, которой для России был Александр II, мы оказались лишены. В период реформ страна и народ остались без своего опытного аппарата, без своей бюрократии. Стадо осталось без пастухов.

Закономерным следствием стала третья трагедия: трагедия народа.

За годы революции 1989–1991 годов страна, опьяненная свободой, вообразила, что есть все условия для быстрого, успешного и безболезненного перехода к лучшему будущему.

И русские регионы СССР решили, что России легче будет вести реформы, если другие республики отойдут от нее и станут независимыми.

Уместно вспомнить оценку нашего великого историка Василия Осиповича Ключевского лидеров после Смутного времени: «Россию выводили из Смутного времени более чем скромные люди». «Скромные» — это не о характерах, а об уровне знаний, воли, интеллента.

Вот и теперь во главе России оказались или самоуверенные недоучки, или некомпетентные, либо корыстно настроенные лидеры, или властолюбцы, обладающие избытком амбиций, но лишённые нужного арсенала знаний — прежде всего лишённые концепции реформ, воплощающей и отражающей специфический путь России от государственно-бюрократического социализма к постиндустриальному обществу.

Павлов, выйдя из тюрьмы, должен был снова делать выбор.

Мне понятно его состояние, так как сразу после путча я тоже понял, что к моему народно-демократическому варианту реформ и к моему варианту реорганизации СССР не готов ни Ельцин, ни утверждающийся у власти новой России союз реформаторски настроенной части бывшей коммунистической номенклатуры и новых собственников олигархического типа. Мне ничего не оставалось, как уходить.

Павлов был умным человеком. Он не мог не видеть, что его личная трагедия — неизбежная часть трагедии и правящей номенклатуры, и трагедии всего народа.

После выхода из Матросской Тишины он не увидел в России политических сил, с которыми мог бы связать свою судьбу.

Идти в чистый бизнес этот державный человек тоже не хотел.

У меня после отставки было Российское движение демократических реформ, которое попыталось возглавить демократическую альтернативу Ельцину. У меня был Международный университет. Был Международный союз экономистов и формирующееся Вольное экономическое общество.

А у Валентина Сергеевича? С клеймом «члена ГКЧП» он мог сотрудничать только с теми, кто его не устраивал. Оставался наш Союз экономистов. Мы все, ни минуты не колеблясь, одобрили

возвращение в Союз экономистов нашего бывшего председателя. И дело не только в чувствах личной благодарности. Мы хотели с самого начала формировать союз всех экономистов, профессиональную организацию. И возвращение Павлова было первым шагом на этом пути. И в МСЭ, и в ВЭО Павлов работал максимально плодотворно — до самой смерти.

Павлов входит в длинный список талантливых людей, не вписавшихся в новую эпоху. А новая эпоха, отбросившая значительную часть советского интеллектуального и в том числе кадрового наследия, оказалась обреченной на все то, что мы наблюдаем с 1991 года и по настоящий день.

Длинный список тех, кто мог бы обеспечить России более лучший, чем сейчас, переход от социалистического прошлого к постиндустриальному будущему, пополнился именем выдающегося сына нашего народа.

2005 г.

СТЕПАН АРАМАИСОВИЧ СИТАРЯН

Писать о близком тебе долгие годы человеку трудно. С одной стороны, так много хочется сказать и есть что сказать. А с другой — важно попытаться уйти именно от личного и выделить нечто объективное, характеризующее времена и эпоху.

Подбирая главную, обобщающую характеристику Степана Арамаисовича, я остановился на понятии «внутренний эмигрант».

Если мне память не изменяет, этим словом когда-то, в советские времена, заклемили Бориса Пастернака. После того, как он в обстановке травли отказался выехать из СССР для получения Нобелевской премии.

Со Степаном Арамаисовичем все произошло иначе. Его не травлили. Он сам сделался внутренним эмигрантом в родной стране.

Той самой, которой он целиком посвятил всю свою жизнь. Защитил диссертации кандидата и доктора. Был избран сначала членом-корреспондентом, а потом академиком. Возглавлял головной исследовательский институт по проблемам финансов. Занимал руководящие посты в Министерстве финансов, Госплане и Совете Министров СССР.

Степан Арамаисович был среди тех, кто хорошо сознавал всю сложность складывавшейся в советской экономике ситуации. Он видел и трудности, и проблемы и — что очень важно — искал пути решения проблем и тем самым пути преодоления трудностей. Он выступал против консерваторов из КПСС, удовлетворенных и развитием страны и своим привилегированным положением в ней. Он настаивал на радикальных переменах.

Ситарян в поисках улучшений ориентировался на увеличение роли рыночных отношений. Еще при Ю.В. Андропове он начал работать над законом о кооперации. Если кооперативное движение стало одним из наиболее «рыночных» изменений в советской экономике, то в этом несомненная заслуга Ситаряна — и как ученого, и как хозяйственного руководителя.

Но усилия сторонников перемен или давали временный эффект, или только «латали дыры», или слегка колебали твердыни бюрократического социализма. Командно-административная система с огромным искусством «высасывала» из таких деятелей, как Ситарян, только то, что ей подходило, и отбрасывала все мало-мальски радикальное. Тем самым советский строй отправлял ученых и хозяйственников типа Ситаряна во внутреннюю эмиграцию. И какие бы высокие посты — в науке или государственной машине — ни занимал Ситарян, для партийного аппарата он оставался чужим.

Казалось бы, ситуация изменилась с началом перестройки. Официально взят курс на обновление социализма. Можно покинуть внутреннюю эмиграцию и «запрячься» в качестве «коренника».

Но именно теперь, когда руководство КПСС начало наконец так давно ожидаемую радикальную перестройку, Ситарян опять оказался не «в седле». Почему?

Все дело в том, что человек таких высоких профессиональных знаний и такого огромного опыта, как Ситарян, увидел — и увидел гораздо раньше многих, — что ни избранная М.С. Горбачевым концепция перестройки, ни сам М.С. Горбачев недостаточны для подлинной перестройки.

М.С. Горбачев акцентировал свою концепцию перестройки на двух генеральных началах.

Во-первых, все преобразования должны идти в рамках социалистического идеала, социалистической перспективы, как обновление социализма, на основе нового, но по-прежнему именно социалистического мышления. А мир, человечество переходили не к новому социализму, а к новому строю — постиндустриальному.

Социалистический подход М.С. Горбачева к перестройке позволял разрушать командно-административный социализм, но мешал — и с каждым годом все больше — созидательному строительству нового. Страна погружалась в трясину кризиса.

Участствовать в такой перестройке С.А. Ситарян не хотел и не мог.

Во-вторых, как вождь, как лидер Михаил Сергеевич не вполне отвечал тем требованиям, которые предъявляла эпоха коренных перемен. Горбачев был велик, поднявшись до решения изменить тот социализм, который сделал его первым лицом страны. Но Горбачев не мыслил себе развития, при котором ему пришлось бы на каком-то этапе уйти с капитанского мостика. А личный уход — как следствие решения самого Горбачева о перестройке —

скорее всего был бы неизбежен. Во всяком случае его нельзя было исключать — хотя бы теоретически.

Горбачев по своей главной лидерской черте является природным центристом, сторонником и мастером компромисса. Вождь такого типа не мог не оказаться в тупике, когда развитие его же перестройки потребовало крайних решений, решительных мер, готовности идти ва-банк.

Человек такого знания людей, как Степан Арамаисович, не мог не увидеть, что с такой «сверхзадачей» — остаться обязательно лидером — Горбачев не готов к действительно радикальным переменам.

И на несколько — подчеркиваю несколько — предложений Михаила Сергеевича Ситаряну занять важнейший пост помощника Генерального секретаря ЦК КПСС Степан Арамаисович неизменно отвечал отказом.

И оба были по-своему глубоко логичны. Горбачев понимал, насколько ему нужен такой профессиональный экономист и финансист, как Ситарян, а Ситарян понимал, насколько для него неприемлемы ни сама горбачевская концепция перестройки, ни сам Горбачев как ее лидер.

Но и к антикоммунистическому демократическому движению С.А. Ситарян тоже не мог присоединиться. Степан Арамаисович видел, что противники Горбачева, объединившиеся вокруг Межрегиональной депутатской группы и «Демократической России», вполне готовы разрушить отжившую систему. Но ничего конструктивного не предлагают — кроме лозунга «Устранить КПСС от власти». Для профессионала уровня Ситаряна такая позиция была недостаточна. Для него вопрос — а что будет дальше — не мог не быть главным.

Итак, ни со старой системой, ни с перестройкой, ни с демократическим движением Степан Арамаисович идти не смог. В итоге — внутренняя эмиграция Ситаряна в СССР эпохи Перестройки.

Ну, а после августа 1991 года, после развала СССР и появления новой России С.А. Ситарян не мог принять тот шоковый вариант реформ, который был навязан стране.

Профессиональный современный финансист не мог не видеть реальных резервов современного монетаризма. Но он не мог не видеть и не менее реальных его ограничителей, внутренней противоречивости и в целом той в конечном счете тупиковости финансового неомонетаризма, которая привела в 2008 году к всемирному кризису.

Превосходный знаток советской экономики не мог не видеть, насколько эта насквозь милитаризированная и насквозь монополизированная система далека от того, чтобы на ее базе появился хоть какой-нибудь реальный, тем более современный рынок. Переход такой экономики к подлинному рынку требовал целенаправленных постепенных усилий в течение как минимум десятка лет.

Ни к чему подобному новое российское руководство не было готово. Да и «доброжелатели» с Запада, мечтавшие о крахе советского военно-промышленного комплекса, настаивали на шоке. С.А. Ситарян не был готов работать при такой, послегорбачевской, концепции преобразований.

Степан Арамаисович не смог найти себя не только в новом российском государстве, но и в новой российской экономике. То, что представлял из себя так называемый российский бизнес, не подходило ему.

Ни по способам создания собственности, включающим в себя ваучерную приватизацию, финансовые пирамиды, залоговые аукционы и т.п.

Ни по способам хозяйствования, главными среди которых при формальном рынке стали хождения по кабинетам министров и чиновников, депутатов, правоохранителей и т.д.

Ни по способам использования полученных доходов: на разного рода тусовки, конкурсы красоты, поездки в Давос и прочие элитные места «сладкой» жизни. Ведь поставь он перед собой примитивную задачу личного обогащения — он бы давно ее решил еще в советские времена с их безграничными возможностями для цеховиков, теневиков и т.п.

В итоге ни в новом руководстве, ни в новом российском хозяйствовании Ситарян места не нашел. Так началась внутренняя эмиграция С.А. Ситаряна уже в новой России.

Это была личная трагедия Ситаряна. Оказаться не у дел в полном расцвете сил и именно тогда, когда страна больше всего нуждалась в таких деятелях и ученых, как он.

И его мало утешало, что совершенно аналогичная трагедия произошла со значительным слоем других выдающихся ученых-экономистов — Л.И. Абалкиным, Т.И. Заславской, Д.С. Львовым, Н.Я. Петраковым, С.С. Шаталиным, Н.П. Шмелевым. Список можно продолжать.

Его мало утешало, что аналогичная трагедия произошла и со многими талантливыми капитанами советской экономики: Рыжковым, Колпаковым, Щербиной, Щербаковым, Щадовым, Гвишиани, Кацурой — и тут список можно продолжать и продолжать.

Все они — и ученые-экономисты, и опытные хозяйственники — оказались в роли внутренних эмигрантов в родной стране.

В многовековую историю русской эмиграции, начавшуюся еще чуть ли не с Андрея Курбского, заполненную именами

Герцена и Ленина, деятелями первой и второй волн эмиграции в советские времена, включившую потом Солженицына, Растроповича, Бродского, внутренняя эмиграция периода перестройки и номенклатурно-олигархического выхода из социализма вписала свою страницу. Когда-нибудь масштаб и значение этой внутренней эмиграции будут оценены.

Но была страна, в которой к мнению и позиции Ситаряна отнеслись с настоящим вниманием. Это была Китайская Народная Республика, в которую он не раз ездил и в которой провел не один месяц. Можно предположить, что избери КПСС китайский вариант выхода из социализма, когда этим выходом руководит сама осознавшая его необходимость Коммунистическая партия и дальновидная часть ее руководства, ее номенклатуры и ее бюрократии, тогда и Ситарян, и все другие внутренние эмигранты СССР и России стали бы серьезной, мощной опорой перемен.

Но трагедия верхушки КПСС и ее номенклатуры состояла в том, что они принципиально отличались от тех, которые были в Китае. Дэн Сяопин и другие авторы китайского варианта выхода из социализма были детьми великой революции. Свои посты они получали не в ходе карьеры, а в огне революции, под пулями, рискуя ежедневно и ежечасно жизнью. Социализм Китая они утверждали сами и не молились на него как на «священную корову» или неприкосновенную икону. Неудивительно, что из такой революционной школы могли выйти — и вышли — лидеры, способные изменить не оправдавшую их надежд модель устройства родной страны.

А в советской элите люди, подобные С.А. Ситаряну, никогда не работавшие ни в партийном аппарате, ни в военно-промышленном комплексе, ни в органах безопасности или на дипломатической службе, не пропитанные их соками и готовые поэтому к глубоким

изменениям, были исключениями. Они оказались «вне игры», организованной в основном по правилам подкованной карьерной и клановой борьбы постсоветской бюрократии.

Для страны внутренняя эмиграция значительной и — чего греха таить — лучшей части элиты оказалась глубочайшей трагедией. Последствия ее мы испытываем до сих пор.

Конечно, С.А. Ситарян не сломался, не запил, не ушел в дачное огородничество или ловлю рыбы. Тем более он никогда не думал о превращении внутренней эмиграции во внешнюю, хотя ему нашлись бы места в лучших университетах мира и в лучших научных центрах.

С.А. Ситарян продолжал работать в той части экономической науки, которая оказалась вне Кремлевской стены и вне коридоров Белого дома. Он активно включился в работу Вольного экономического общества России, Международного союза экономистов. Возглавил и до последних дней жизни руководил Международной академией менеджмента, по существу сформировал эту организацию.

Он знал, что стране рано или поздно понадобятся и экономические разработки, и ученые-экономисты, и хозяйственники-менеджеры. Что надо сохранять и развивать независимую экономическую науку и заблаговременно готовить теоретические заделы.

Эмигрировавший из официального СССР и из официальной России академик Степан Арамаисович Ситарян эмигрировал в будущее — и поэтому остался настоящим сыном и своей страны, и своего народа, и своей экономической науки.

2010 г.

ТИГРАН СЕРГЕЕВИЧ ХАЧАТУРОВ

Тигран Сергеевич Хачатуров меньше месяца не дожил до восьмидесяти трех лет.

О научной работе Тиграна Сергеевича убедительно говорят более 600 его книг и статей — целая библиотека, многое переведено в разных странах мира. Четыре «раздела» в этой библиотеке; экономика транспорта, капитальные вложения и их эффективность, экономика СССР, экономическая экология.

Научная и педагогическая карьера Тиграна Сергеевича также была успешной. Доктор и профессор в 34 года, член-корреспондент Академии наук СССР в 37 лет. С 1966 г. — академик. В 1967–1971 гг. — академик — секретарь Отделения экономики, в последние годы — заведующий кафедрой в Московском университете имени М.В. Ломоносова. Председатель Всесоюзного экономического общества с момента его воссоздания до 1988 г., председатель и член многих советов, комитетов, комиссий. 22 года (1966–1988) был бессменным главным редактором журнала «Вопросы экономики».

Но мне хочется сказать о том, что было присуще именно Тиграну Сергеевичу как человеку — разумеется, в моих представлениях.

Прежде всего это был великий труженик — до последних минут жизни. Работа была для него жизнью, а жизнь — работой.

Я вообще постоянно отмечаю эту черту как преобладающую у армян из различных общин, разбросанных бурными событиями по всему миру. А Тигран Сергеевич происходил из одной из самых известных армянских общин — московской, давшей России целую плеяду видных деятелей. Видимо, не только талант и другие достоинства, но и исключительное трудолюбие помогало армянам закрепиться на новых местах, завоевать уважение другого народа, найти пути сотрудничества с ним. Но даже среди армян Тигран Сергеевич был по трудолюбию поистине выдающимся. Он работал в манере ученого-экономиста XIX века: сам читал, сам считал, сам писал. В журнале «Вопросы экономики» он лично прочитывал почти все предлагавшиеся к обсуждению материалы.

Другая черта Тиграна Сергеевича — образованность, тоже во многом, к сожалению, утраченная в наше время (зачастую не по вине самих экономистов). Тигран Сергеевич учился в знаменитом Лазаревском училище, знал несколько иностранных языков. И это знание было для него личным научным инструментом. Он постоянно читал зарубежную литературу, ездил во многие страны мира. И в этих поездках он тоже постоянно работал, прежде всего благодаря знанию языков... Тигран Сергеевич окончил Московский университет в те годы, когда университет хотя и был ослаблен первой, послереволюционной волной эмиграции, но в нем процветал научный плюрализм, кипели острые дискуссии.

И все же, если говорить о главном, что было характерным для академика Хачатурова, — это особого рода «самостояние»,

даже, можно сказать, какая-то отстраненность от текущей жизни и от окружающих. Речь идет не о внешней стороне дела — если говорить о ней, то Тигран Сергеевич был знаком со многими людьми, открыт и доступен, участвовал в публичных дискуссиях и дружеских встречах. А вот ощущение какой-то «дистанции» всегда было.

Не знаю, была ли это естественная черта характера или она выработалась в те бурные и нелегкие годы, в которые довелось Тиграну Сергеевичу жить. Не исключено, что именно эта черта помогла ему сохраниться — и как ученому, и просто как человеку. Но именно на примере Тиграна Сергеевича и очень похожих на него некоторых других ученых я видел, что в самых невероятных условиях человек может сохранить себя не только физически, но и работая в любимой сфере, даже делая успешную научную карьеру, не активничая в разного рода кампаниях, не участвуя — или сводя участие к неизбежному минимуму — в многочисленных безобразиях своей эпохи. При этом меня поражало, как этим людям удавалось сохранить именно порядочность. Грань у них проходила не по уровню «уцелеть», а значительно выше — по линии «сохранить возможность» заниматься наукой, преподавать и — более того — руководить наукой: кафедрами, институтами, журналами, советами. Это не освобождает их от ответственности за свою эпоху. Но надо помнить, что именно эти порой сгибавшиеся под ветрами до земли, но так и не сломленные, не потерявшие себя люди были для нас, молодых, той опорой, которая помогала и нам становиться на ноги. Как это ни парадоксально, но именно такие учителя в силу своей близости к нам в значительно большей степени влияли на нас, чем те, кто шел в лагерь или уезжал за

границу. Роль этого слоя интеллигенции еще предстоит осмыслить. В чем-то для меня Тигран Сергеевич ассоциируется с тем типом ученых, которых называют «зубрами», используя образ, созданный Даниилом Граниным.

Но неизбежной платой за такую «самостоятельность» были два следствия.

Первое касалось именно научной карьеры Тиграна Сергеевича. Как ни странно, но в эпоху культа личности и всеобщего восхваления вождя Хачатуров с его педантичностью, добросовестностью, работоспособностью вполне вписывался в схему научной жизни. А вот во времена брежневского торможения, когда вместо абстрактной преданности вождю потребовалась личная связь с вполне конкретными «боссами», Тигран Сергеевич уже оказался не у дел. В спокойном мире личных услуг и обязательств ему было неизмеримо труднее, чем в эпоху террора. Парадоксальный, но очень характерный факт.

И второе следствие. Именно самостоятельность Хачатурова, — все то, что помогало ему в годы культа, — стала преградой в эпоху, когда в науке сложились школы, а зачастую кланы и когда исход научного спора решала «группа», ее сплоченность и активность. К этому типу научного сообщества Хачатуров никак не мог приспособиться.

Я специально хотел поразмышлять не о научных результатах деятельности Тиграна Сергеевича, а о его личности, так как неординарный человек оставляет нам немало уроков во всех областях. А Тигран Сергеевич был именно неординарным!

2006 г.

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЯГОДИН

Семидесятилетие Геннадия Алексеевича Ягодина и выпуск этого юбилейного сборника дают удачный повод для изложения давно взволновавших меня соображений.

Когда-то М.А. Шолохов написал прекрасный рассказ — «Судьба человека». Как и везде в творчестве Шолохова, в этом рассказе есть другой, не отраженный в тексте, но не менее важный план. Судьба героя — Соколова — очень характерна. Шолохов показывает нам, что представлял собой тот основной слой народа, который партийной бюрократии удалось «оседлать». Честные, смелые, трудолюбивые, преданные родной земле. Но одновременно — политически неразвитые: ни одной мысли о том, почему мы втянуты в войну, почему к ней не готовы и т.д. Государственный строй Соколов воспринимает как нечто данное. Он его принимает как дождь или снег... О многом заставляет задуматься рассказ о судьбе Соколова.

Но в стране были и другие судьбы. Одну из них описал А. Бек в книге «Новое назначение», а другую — Д. Гранин в книге «Зубр». Об этих двух книгах я писал.

Юбилей Геннадия Алексеевича позволяет поразмышлять еще об одной, очень типичной для его поколения судьбе. В исходной точке — одаренный, талантливый человек. Талантливый во всем — и в учебе, и в науке. Одаренный для успешной организационной деятельности. Умелый в спорте. Умеющий понимать людей, взаимодействовать с ними и как итог — способный ими руководить.

Что ждало такого человека в системе государственного социализма? Разумеется, карьера. Ведь другого способа расти, кроме как двигаться вверх по пирамидам аппарата, в этом строе не было.

К тому времени, когда вступало в жизнь поколение Ягодина, бюрократия уже не нуждалась ни в учителях, ни во врачах, ни в обычных инженерах. Период заискивания и подкупа интеллигенции уже прошел. Более того, начались гонения на целые отряды интеллигенции — биологов, кибернетиков, генетиков, неформальных музыкантов и художников...

Но один отряд интеллигенции был все еще нужен власти — те, кто работал с атомным или химическим оружием, ракетами. Тут еще хорошо платили, хотя и помещали в типичные гетто в виде закрытых городов. Неудивительно, что перспектива учиться на эти престижные специальности привлекала одаренную молодежь. Когда кто-то удивляется, почему у нас много банкиров из физиков или химиков, я удивляюсь этому недоумению: а могло ли быть иначе в стране, где десятки лет десятки тысяч ребят, склонных к бизнесу, выбирали ядерную физику? И Геннадий Алексеевич сделал то, что делали лучшие из его поколения: выбрал одну из сфер ядерной индустрии.

Но и в школе, и в вузе молодого человека притягивала еще одна карьера — карьера в бюрократической машине власти —

будь то комсомол, партия или другие сферы административной системы. И так как на первых порах успехи здесь были ощутимее, а работа с людьми — интереснее, то значительная часть «физиков» охотно и результативно работала в комсомоле. И здесь судьба Геннадия Алексеевича типична для лучших из его поколения. Он был и комсомольским активистом, и комсомольским вожаком.

А вот дальше наступил «момент истины». Для всякого умного человека рано или поздно становилось ясно, что рассчитывать на карьеру в системах власти малореально. Не потому, что ты не сможешь хорошо работать. Напротив, есть все основания полагать, что ты сумеешь работать лучше, чем многие из нынешних руководителей аппарата. Но, во-первых, никакой устойчивой системы роста нет. В армии — есть (по крайней мере внизу достаточно выслуги лет и учебы для повышений). В науке есть — защиты диссертаций. А вот в партии и государстве все зависит от начальства, т.е. от произвола. Доброго или плохого — но произвола. Кому-то из обоймы «везет», большинству — нет. Тем более если наверху нет ни «руки», ни «связей». А, во-вторых, аппарат верхним чутьем улавливает одаренность и нестандартность и отсеивает, отсекает таких с железной логикой. Аппарат делал ставку не на «выделяемость», а как раз на «усредненность», готовность быть одним из патронов одной из обойм. Надо было быть очень хитрым, чтобы тебя принимали за «среднего», то есть за «своего».

И опять-таки, Геннадий Алексеевич весьма типичен. Как бы удачно ни складывалась комсомольская карьера, анализ перспектив был отнюдь не безоблачен. Пришлось вспомнить и о своей специальности, и о своих успехах в учебе и науке. Решение

было понятным: надо работать там, где еще ценят способности и где есть место для того, чтобы проявить индивидуальность.

Дальнейшее уже вопрос времени — защиты диссертаций и т.д. Логично и выдвижение на административные посты в вузе или научном институте.

Если бы страна продолжала жить по законам эпохи Брежнев-ва, то Геннадий Алексеевич так бы и остался одним из завкафедрами, одним из деканов или максимум одним из ректоров.

К счастью, в стране начались перемены. Руководство страны решилось на реформы, и кадры типа Ягодина больше всего подходили для нового курса. Я помню, как начинал Геннадий Алексеевич в качестве министра. Я входил в одну из созданных им рабочих групп и впервые почувствовал, что мое мнение о высшем образовании кого-то интересует.

Если бы страной руководили лидеры типа китайских, то руководители круга Ягодина были бы для них лучшей опорой и лучшими организаторами реформ. Но в нашей стране уже давно не было таких закаленных в подпольях и войнах кадров, «самовыдвиженцев», «селфмейкеров». У нас наверху сидели люди, всю жизнь кем-то «назначаемые». Назначенные не по критериям той или иной мясорубки, будь то войны или чистки, а назначенные по критериям аппарата. И из этого худшего подвида назначенцев и состояло руководство страны.

Неудивительно, что «двоевластие» долго не могло продолжаться. Или «обновленцы» должны были наступать, или в наступление перейдет аппарат. Первым «выбили» Ельцина. А затем подошел черед и других. Среди других был и Г.А. Ягодин. Я помню ожесточенную травлю министра. Уцелел он временно — и то благодаря уже усилившейся в стране оппозиции.

Китайский путь, путь реформ «сверху», реформ «от имени партии» отпал, а с ним отпадала и потребность в лидерах-реформаторах из верхнего слоя государства.

Август 1991 года все довершил. Консерваторы из КПСС потерпели поражение, но сумели утопить вместе со всем кораблем и вместе с собой и все то ценное, что на нем было. По древнеанглийскому принципу: «вместе пойман — вместе повешен» с путчистами ушли десятки способнейших администраторов. И здесь судьба Геннадия Алексеевича типична. Ушел вместе со всем правительством СССР.

Новая российская власть формировалась в условиях и по принципам, далеким от интересов страны, хотя по-своему вполне логичным для новой, но слабой бюрократии. Наличие компетентных, знающих администраторов никак не вписывалось в курс «всеобщего шока». Нужны ли люди, которые умеют уменьшить шок, если командуют те, кому выгодно его стимулировать?

Геннадий Алексеевич к такому «двору» прийти не мог. Впрочем, не только он. Даже участвовавший во всех митингах ректор МАИ Рыжов быстро понял, что и он — «не ко двору», и уехал послom. Я тоже ушел с поста мэра.

Была, конечно, возможность и другого курса реформ. При ней возникла бы еще более острая, чем при Горбачеве, потребность в реформаторски мыслящих специалистах-администраторах. Но возможность такого курса не была реализована. И Геннадию Алексеевичу, опять-таки как многим руководителям, осталось одно — вернуться к основной профессии. И это возвращение оказалось очень нужным стране.

Во-первых, именно на тех участках, где трудятся «бывшие», достигались вполне хорошие результаты. Если, конечно,

исключить область финансовых комбинаций, оказавшуюся запоедным угодьем для «новых русских».

Во-вторых, именно эти участки оказались теми «поплавками», которые удерживали от опускания на дно заводы, вузы, театры, газеты, целые города и регионы.

И опять-таки Геннадий Алексеевич типичен. Он руководил университетом, быстро превратившимся в престижный и авторитетный: и в стране, и за рубежом. Этот университет вносит вклад в решение одной из главных задач страны — становление эффективного по мировым стандартам российского предпринимательства, в подготовку будущих капитанов российского бизнеса.

Конечно, по своему таланту Геннадий Алексеевич мог сделать больше. К сожалению, волею судеб и истории его потенциал не был реализован лучшим образом. Но и то, что он сделал и делает, блестяще. И мы, и он имеем все основания встретить его юбилей с чувством глубокого удовлетворения.

1998 г.

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ БЕРРИ

Мои воспоминания о Льве Яковлевиче Берри не являются ни его биографией, ни анализом его теоретического научного наследия. Через призму нашего знакомства я хотел бы — на примерах — рассказать о том, кем был и остается для меня этот выдающийся человек.

Конечно, было бы правильнее, если бы о нем написали гораздо более близкие к нему Саша Анчишкин или Стасик Шаталин. Но эти дорогие мне, замечательные люди безвременно покинули нас.

Поэтому написать о Льве Яковлевиче — это мой долг не только перед ним, но и перед этими моими друзьями.

О МОИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Защитив почти за год до окончания аспирантуры кандидатскую диссертацию, я был оставлен работать на экономическом факультете Московского университета — прежде всего благодаря усилиям ректора И.Г. Петровского, М.В. Солодкова и В.Н. Ягодкина (они в это время «менялись» постами: секретаря партнома МГУ и декана экфака).

Я уже окончательно определил свое будущее — ученый и профессор. Естественно, что лучшего места, чем МГУ, при таком выборе для меня не было.

Я знал, что у меня достаточно знаний. Уже был и определенный задел: я опубликовал свою первую книгу, несколько лет аспирантуры, вел занятия со студентами и вечернего, и дневного отделения.

Но в то же время я хорошо сознавал — к счастью — чего мне недостает. Если говорить обобщенно, у меня не было многого, чтобы считать себя интеллигентом в том смысле, как я себе представлял его социальную роль.

Хотя родители мои были преподавателями вуза, имели ученые степени и звания, они были типичными советскими интеллигентами. Советская интеллигенция — это те выходцы из рабочих и крестьян, которые приобрели нужные интеллигенту знания и навыки, а вот их быт, вся их повседневная жизнь были определены их происхождением, их детством. Особенно остро это ощущалось у тех, кто работал и жил — как мои родители — в провинции. Когда я поступил учиться в МГУ, то на занятиях я чувствовал себя уверенно. Но, выйдя в коридор на перемену, я зачастую не мог даже понять, о чем же беседуют мои сокурсницы и сокурсники. Так далеки были от меня новости театра, современная музыка, события на стадионах, выставки и концерты каких-то «звезд».

Университет был для меня прежде всего местом учебы.

Помимо этого, первого университета, я одновременно заканчивал еще несколько.

Это комсомол, в котором я быстро стал одним из руководителей университетской организации в 20 тысяч человек.

В комсомоле я прошел три главные школы организатора и руководителя: умение работать с очень разными личностями (а личности в МГУ были еще те...), умение вести «малую группу» и умение организовывать большие коллективы. Целина и фестиваль были гигантскими мероприятиями, и я мог увидеть грандиозные механизмы взаимодействия административных и общественных органов всех видов и на всех уровнях. Кроме того, это были годы XX съезда, и я прошел школу острой политической борьбы — в МГУ все было почти так же, как во взбунтовавшейся Венгрии. В общем, школа комсомола была настоящей школой.

Университетом стало для меня общение с другими студентами и особенно жизнь в общежитии. В МГУ собрались, во-первых, самые талантливые молодые люди. Во-вторых, в общежитии совместно жили и физики, и журналисты, и геологи, и археологи. Общение со столь разными ребятами было огромной школой.

Университетом стали для меня студенты-иностранцы и их землячества. В моей группе из 30 студентов было три китайца, венгр, два немца. Но еще я был секретарем Комитета ВЛКСМ университета по работе с иностранными студентами и аспирантами. Я имел доступ к закрытым источникам информации, получал указания от кураторов иностранцев в ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, сообществах дружбы и т.д. — вплоть до органов безопасности.

Многое мне рассказывали сами руководители землячеств. Соседом в общежитии у меня всегда был кто-то из иностранцев: араб, суданец, китаец. В общем, ситуацию в соцлагере и мире я начал изучать рано и знал ее, так сказать, из первых рук.

И несмотря на все это, мне не хватало — и я отчетливо это понимал — еще одного университета. В котором я стал бы интеллигентом в том смысле, который вкладывали десятки лет в

России в понятие «интеллигент». А мое будущее, о котором я мечтал, без этого не просматривалось.

Этот университет мне надо было пройти теперь. И главным учителем в этом моем пятом университете стал Лев Яковлевич Берри.

НА КАФЕДРЕ Л.Я. БЕРРИ

Естественно, что после аспирантуры я хотел остаться на своей кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности. Здесь работал руководитель моих курсовых и дипломной работ профессор Иван Алексеевич Ламыкин. Возглавлял кафедру научный руководитель моей кандидатской диссертации профессор Сергей Кузьмич Татур. Единственный беспартийный завкафедрой на нашем факультете. Впрочем, членом партии он когда-то был — входил в ЦК партии эсеров.

Но руководство факультета считало, что увеличивать штат нашей кафедры невозможно: кафедра учета и анализа была небольшая, так как курсы учета и анализа в учебном плане были невелики. Да и на кафедре уже был молодой, талантливый, энергичный, политически активный доцент — Анатолий Данилович Шеремет. «Дублера» ему не требовалось — ни в учебной деятельности, ни в работе со студентами.

Другая кафедра, о которой я думал, — недавно созданная кафедра математических методов анализа экономики, которую возглавлял учитель моего отца, академик Василий Сергеевич Немчинов.

Я подходил кафедре, так как тема моей диссертации была посвящена применению электронных машин в управлении экономикой.

Но на кафедре (в просторечии ее называли кафедрой экономической кибернетики) и без меня было более чем достаточно молодых сотрудников (собственно, других там и не было).

На факультете в это время расширялось прикладное направление. Традиционное серьезное теоретическое политэкономическое лицо факультета обогатилось новыми специальностями и новыми кафедрами: экономики труда, демографии и другими.

Среди них одной из главных должна была стать кафедра организации и планирования народного хозяйства. Хотя планирование считалось главным преимуществом социализма, кафедры такой на нашем факультете не было. Теперь ее создали и пригласили возглавить эту кафедру известного ученого, сотрудника Института Госплана СССР Льва Яковлевича Берри, одного из первых лауреатов Государственной премии СССР в области экономики (он входил в коллектив, разрабатывавший межотраслевой баланс советской экономики).

Л.Я. Берри нашел на факультете всего несколько преподавателей по планированию и должен был создавать кафедру из «чужаков». Он пригласил на кафедру ученых из Госплана, его институтов, экономических институтов Академии наук СССР. Тем не менее в данный момент на кафедре были вакансии ассистентов. На одну из них руководство факультета решило зачислить меня.

Меня начальство знало и по комсомольской, и по партийной работе и рассчитывало, что я стану «глазами и ушами» руководства на этой кафедре. Были они уверены и в том, что я буду «тянуть» целый воз различных организаторских поручений, типичных для кафедры тех лет: воскресники, демонстрации, конференции, уборка картофеля и т.д.

Выбора у меня не было — я согласился. К моему удивлению, сразу же согласился и Л.Я. Берри.

Лев Яковлевич был опытный человек и понимал, что меня руководство факультета направило к нему не только из-за наличия свободных штатов.

Я тогда и потом не раз размышлял, почему же Берри согласился с моей кандидатурой. Думаю, что повлияло несколько обстоятельств.

Во-первых, он прочел автореферат моей диссертации. Он сказал мне, что направление моих научных интересов легко будет сочетаться с профилем его кафедры.

Далее, он получил информацию обо мне от своих сотрудников по прежней работе — Саши Анчишкина и Стасика Шаталина. Эти два будущих академика учились со мной на факультете — на пару курсов раньше. А по комсомолу они были моими первыми кураторами от комитета ВЛКСМ факультета как комсорга. Скорее всего, они дали мне хорошую характеристику.

И наконец, сказался наш первый разговор. Я понимал, что с таким человеком, как Лев Яковлевич, «темнить» нельзя.

И я прямо сказал, что попал к нему случайно. Что курс буду читать по другой кафедре. Что хочу уйти туда при первой возможности.

Но работать я буду — как и везде — добросовестно, не жалея сил, до последнего часа пребывания на кафедре.

И еще я добавил, что мои оценки ситуации на кафедре я буду давать только в тех случаях, когда меня прямо об этом будут спрашивать. Инициатив от меня не будет. Но — честно сказал я — отказаться, если меня спросят в деканате или парткоме, я не смогу. Однако при этом сначала попрошу время подумать и за

этот период найду способ рассказать ему, как заведующему, о своем предстоящем докладе.

Видимо, моя откровенность Льву Яковлевичу понравилась.

Я и на самом деле думал, что недолго пробуду на кафедре. Но все получилось по-иному.

Через год И.Г. Петровский и Д.М. Гвишиани сделали меня руководителем недавно созданной в МГУ для Гвишиани Межфакультетской лаборатории проблем управления.

Джермен Михайлович, после того как его зять Алексей Николаевич Косыгин стал главой советского правительства, начал отвечать за международные связи СССР в научно-технической области (по линии Госкомитета по науке и технике СССР). Времени для лаборатории у него не оставалось. Я, конечно, с радостью согласился возглавить лабораторию. Но попросил «прикрепить» ее к экфаку, а в нем — к кафедре планирования.

И звание доцента я получил на этой кафедре. И докторскую диссертацию представил на эту кафедру. И получил от Льва Яковлевича согласие на защиту и всяческую помощь.

Студентке вечернего отделения, моей будущей жене, я посоветовал писать курсовые и диплом на этой кафедре. А потом — после пары лет работ — она поступила в аспирантуру кафедры и Лев Яковлевич руководил ее кандидатской диссертацией.

В общем, не год, а почти восемь лет я был сотрудником кафедры планирования. До создания в 1971 году кафедры управления, которую и возглавил.

Если и моя жизнь, и жизнь жены оказались на многие годы связаны с кафедрой планирования, то причина всего этого была одна — сам Лев Яковлевич.

СБЛИЖЕНИЕ

От природы я очень замкнутый. Интроверт, как говорят психологи.

Но длительное пребывание в переполненных палатах туберкулезных лечебниц, жизнь в общежитии, многодневные туристические походы, комсомольская работа выработали у меня способности и сходитья с самыми разными людьми, и жить с ними.

Конечно, у меня хорошие отношения и с родителями, и в собственной семье. Конечно, у меня есть друзья по учебе, общежитию, комсомолу, зарубежным поездкам. Есть те, с кем я участвовал в политической жизни.

Но, несмотря на все, в свой внутренний, личный мир я никого не впускал. Только спустя многие десятилетия, читая книги по парапсихологии, тонкому миру, параллельным мирам, «третьему глазу», я стал наконец лучше понимать причины моей замкнутости.

Единственное исключение — это Лев Яковлевич Берри. С момента нашего знакомства в 1964 году и до его смерти, почти десять лет, мы все больше и больше сближались.

Это не было сближением на почве совместной работы — я мало участвовал в работе кафедры.

Это не было и совместной научной работой — кроме учебника по планированию я с Львом Яковлевичем ничего совместно не публиковал.

Не было и общей партийной или профсоюзной работы.

И тем не менее именно с ним я сблизился больше всего. Ни до него, ни после него у меня не было столь близкого человека.

Это была внутренняя близость. Она постепенно усиливалась, становилась все шире и глубже.

Особенно остро я все это ощущал потом, оставаясь один, в трудные периоды: работая деканом и в политической деятельности.

Оставшись без Льва Яковлевича и не находя ему даже приблизительно схожей замены, я много размышлял о том, что же нас сближало.

Думаю, что важную роль сыграло то, что мы не навязывались друг другу. Ничто извне нас тоже не принуждало. Все шло шаг за шагом, очень естественно. Позитивные итоги первых шагов становились базой следующих.

Важно было то, что все шло постепенно. Мы понемногу все больше узнавали друг о друге: о нашем прошлом, о родных, о семьях, о друзьях. Эти знания создавали базу для позитивных процессов.

Мы оба одинаково воспринимали то, что для каждого из нас неприемлемо.

С моей стороны главное было — как я уже писал выше — пройти все «классы» и все «курсы» Льва Яковлевича. Во всех областях. Я видел перед собой тот идеал, которому хотел бы по возможности соответствовать сам. И если мне представлялась возможность быть с Львом Яковлевичем, я отбрасывал все другие дела и отказывался от всего ради возможности общаться с ним.

Помню такой случай. Мы с ним отдыхали в каком-то пансионате. Там была одна молодая особа, весьма умная. Почему-то она оказалась на отдыхе одна и «положила глаз» на меня. Привыкшая к успеху у мужчин, она спустя несколько дней обнаружила, что весь ее испытанный арсенал воздействий не дает эффекта. Не выдержав, она раздраженно сказала мне: «Ты когда-нибудь в жизни бываешь один, сам по себе, без Льва Яковлевича? Нельзя

же быть его тенью! Я не понимаю, как ты можешь — я узнала у него — быть профессором, иметь жену и детей при такой «приклеенности» к нему? У тебя ведь здесь нет ни одного вечера для себя!» Нуда ей было понять, чем для меня был Лев Яковлевич и как я боялся не использовать даже один вечер общения с ним.

Началось все с наших совместных поездок в пансионаты под Москвой для работы над главами учебника по планированию. Это были госплановские дома отдыха: старое и новое Вороново, пансионат где-то возле Химок в Куркино, Клязьма.

Потом мы ездили в пансионаты под Туапсе, в Гурзуф, на Карпаты и т.д. И уже без текстов, просто для отдыха. Все устраивал Лев Яковлевич, используя свои связи и знакомства. Под частично верным, а частично придуманным предлогом: «там нет одноместных номеров, в лучшем случае двухместные» — и ему не хочется жить с незнакомым соседом. Конечно, я платил за себя сам.

Как-то раз Д.И. Валентей достал нам номер в роскошной гостинице в Одессе для заезжих капитанов иностранных судов. Дмитрий Игнатьевич был человеком неординарным — когда-нибудь я (если успею) напишу и о нем. Он собрался в Одессу со своей очередной подружкой. А нас с Львом Яковлевичем бывший разведчик Дмитрий Игнатьевич пригласил для «прикрытия».

Мы его за все дни не видели. Но были очень довольны поездкой. Я в первый раз видел город, сыгравший такую роль в истории греков в России. А Лев Яковлевич был рад мне все показывать — от Дерibasовской до одесского привоза. Я буквально влюбился в Одессу. И в тех одесских профессоров-экономистов, с которыми меня познакомил Лев Яковлевич.

После смерти жены Льва Яковлевича я стал бывать у него и на квартире, где уже давно чувствовали себя как дома и Саша

Анчишкин, и Стасик Шаталин. Познакомился с сыновьями Льва Яковлевича, его невестками, дочерью, внучкой и добрейшим существом — собакой эрдельтерьером. И еще — с семьей замечательного профессора математики Ефимова, женой которого была сестра Льва Яковлевича — Роза Яковлевна. Это была еще одна школа для меня: семья и взаимодействие в ней.

Жену Льва Яковлевича я уже не застал. Она только что умерла после тяжелой болезни — рака. Лев Яковлевич делал все, что мог — за какие-то большие деньги покупал у кого-то американское лекарьство — чтобы хоть немного облегчить ей страдания.

И тут я получил еще один урок — из области личной жизни. Я узнал, что Лев Яковлевич влюбился в нее, когда она уже была беременной от своего прежнего жениха. И влюбил ее в себя. Она — уже с большим животом — ходила к нему на свидания. В конце концов вышла замуж за Льва Яковлевича. Родила малыша, которого он усыновил. И любил, и растил как родного. А потом сохранил добрые отношения и с ним, и с его первой женой, и со второй.

Жена родила Льву Яковлевичу их общего сына — Бориса и дочь Танюшу. С Борисом я много лет поддерживаю отношения — и в Москве, и в Канаде, куда он уехал с женой Галей. Он доктор наук, специалист по ледникам и противник теории потепления Земли. Недавно журнал «Знание — сила» опубликовал его статью на эту тему.

Я не раз думал, зачем при такой большой и дружной семье Льву Яковлевичу нужен еще и я?

Думаю, влияло многое. Среди его семьи все были естественниками, поговорить на «близкие» темы и о «близких» ему идеях и людях с ними он не мог.

Далее, так получилось, что у Льва Яковлевича среди его учеников и последователей были и способные, и толковые люди, но близких по духу не оказалось. А я, видимо, подходил больше.

Сказывался и возраст — когда приближается 60, уже хочется с кем-то обсудить свою жизнь. И «чужой» собеседник более приемлем.

Конечно, главным было то, что постепенно выяснилось, что мы со Львом Яковлевичем многое в СССР оценивали достаточно одинаково. Я тогда активно участвовал в реформах Косыгина и видел, как их захлестывает вся советская стихия. Видел это и Лев Яковлевич. И мы оба приходили к общим выводам о причинах провала последней попытки спасти социализм.

Оценивая текущие события — ввод войск в Прагу, войну Египта с Израилем, другие внешние и внутренние события, — мы постоянно убеждались в схожести своих оценок.

Чему же я научился за десять лет нашей близости?

УЧЕНЫЙ

Лев Яковлевич стал для меня образцом ученого-экономиста. Я — на его примере — сформулировал для себя ряд положений, касающихся того, каким должен быть ученый-экономист.

Надо знать свою область по всем доступным источникам (особенно цифры и факты). Изучать реальную экономику. Книги и статьи других. Следить за всеми новшествами. И главное — знать, где они могут появиться и у кого. Мир соратников, мир соперников, мир противников.

Лев Яковлевич очень избирательно посещал научные конференции, дискуссии, защиты диссертаций. Он знал, куда надо идти, куда стоит не идти, кого надо послушать.

Это от него я услышал о язвительном ответе вернувшегося после двадцатилетней ссылки в сталинские лагеря и чудом уцелевшего А. Вайнштейна на вопрос, как ему удалось сразу же войти в первые ряды действующих ученых. «Ведь о развитии экономической науки эти двадцать лет вы ничего не знали!» Вайнштейн ответил: «Я легко вписался в экономическую науку, так как она эти двадцать лет стояла на том же месте, на котором она находилась, когда меня арестовали. А кое-где шагнула даже назад».

От него я узнал и научную, и персональную оценку ситуации в Институте экономики (где он много лет работал). «Институт возглавляет великий организатор Л.М. Гатовский — в ненависти к себе он сплотил весь коллектив». Он дал оценку и типа научной работы в Институте. «Это даже не кооператив. Это квартал мастеров-индивидуалистов. Есть известный ученый. У него пара лаборантов и порой один-два аспиранта. При нем младший научный сотрудник. Раз в три — пять лет ученый должен опубликовать солидную монографию. Все. Остальное — прилагается».

Многое еще он мне рассказывал об Институте экономики — со свойственным ему юмором. Вот выступает во время борьбы с космополитами знаменитый Розенберг (академик с четырьмя классами образования). Он отвечает на обвинения в преклонении перед Западом старческим, шамкающим языком: «По институту ходят шлюхи и говорят, што я кошмополит». Он хотел сказать «слухи», но прозвучало «шлюхи». Всеобщий хохот сорвал «разборку».

Вот Островитянов ведет обсуждение книги академика Е. Варги. Дискуссия переходит из научной в «уголовно-теоретическую», и выводы уже очевидны. Но спас Варгу сам Сталин, который

помнил, что именно Варга придумал для доклада на XIV съезде ВКП(б) понятие «депрессия особого рода», позволившее уйти от вопроса о том, почему кризис 1929 года не закончился гибелью империализма.

Вот в институтской стенгазете рисунок: одетый в драную фронттовую шинель Я. Кронрод говорит: «Деньги — это символ». Ему отвечает одетый в новый костюм профессор Атлас: «Нет, деньги — это вещь».

Чего только я не узнал от Льва Яковлевича! Я, собственно, понял, что помимо науки на страницах публикаций есть и другая наука: живых людей.

Лев Яковлевич считал, что нельзя быть грамотным экономистом, не читая западную литературу. Он знал язык. Он вместе с С.А. Хейнманом написал огромную монографию по структуре американской промышленности — по данным американских статистических цензов.

Далее. Лев Яковлевич считал — надо изучать историю своей науки. В его домашней библиотеке я увидел работы ученых до-революционной России. Работы советских ученых-экономистов двадцатых годов он не сохранил. «Уничтожил все сам. Авторы одного за другим объявляли врагами народа. На случай возможного обыска я и устранил такой «компромат».

Ученый должен всегда работать. «Не позволяй душе лениться...». До последней минуты жизни Лев Яковлевич трудился. «Пока ты можешь читать, пока можешь писать — ты жив». Ученый жив, пока занимается научной работой.

Важный урок, который я получил и за который глубоко благодарен Льву Яковлевичу, — это урок того, как создавать и организовать коллектив ученых.

Можно быть прекрасным администратором. Можно уметь планировать и контролировать. Можно обеспечить дисциплину. Можно даже самому писать свои научные труды и публиковать свои книги.

Но всего этого недостаточно для создания научного коллектива.

Нужно выдвинуть общую важную, значимую научную задачу.

Такой задачей Лев Яковлевич для своей кафедры считал написание университетского учебника по планированию.

Выбор общей задачи был очень удачный, так как она хорошо сочеталась с преподавательской деятельностью.

После выбора общей задачи надо вовлечь в ее разработку всех сотрудников. Именно всех.

Даже для меня он нашел место — написать в главу об организации планирования параграф о применении ЭВМ в планировании.

Я понимал, что эти пять страниц могут написать и без меня. Берри это тоже понимал. Но хотел, чтобы я стал участником общей работы, помогал ей и болел за нее.

Глядя на другие кафедры, я вполне оценил метод Льва Яковлевича. Там авторами учебника становились «мэтры». Они писали по три — пять глав. Остальные сотрудники кафедры оказывались в роли обслуживающих и помогающих. Они или теряли интерес к главной работе кафедры. Или становились постоянными критиками, порой крайне агрессивными. Агрессивность эта росла и обычно «перекидывалась» на все стороны жизни кафедры.

И когда я — уже на своей кафедре управления — организовывал написание учебников я шел по методу Берри.

Я понял, как ему было трудно — порой легче было мне написать многое самому. Но я помнил урок Берри — надо иметь солидарно действующий коллектив в целом, если не хочешь погрязнуть в дрязгах и скандалах.

И еще одному я научился у Л.Я. Берри — как комплектовать творческий коллектив. Лев Яковлевич привлекал и молодых, и опытных авторов. Теоретиков сочетал с теми, кто имел практические знания и опыт. Теоретиков «классических» сочетал с теоретиками-новаторами. Работников научных институтов с педагогами вузов. Сотрудников министерств с работниками «низов». Знатоков нашей страны со специалистами по странам социалистического блока, по капиталистическим странам.

Получался потрясающий по эффективности «букет».

И этот метод я потом постоянно использовал. Потом — уже на своем опыте — я понял, как трудно было Льву Яковлевичу организовать совместную работу столь различных людей. Тот заболел. Тот уехал в отпуск. Тот направлен в заграникомандировку. Тому нужен кто-то, кто запишет его очень яркую, но сугубо устную речь. А у того надо канцелярский язык превратить в понятный студентам.

И еще характерная черта его как ученого. Он был очень открытым человеком. Ему многое рассказывали. Он рассказывал. Общение было для него частью научной жизни.

И еще у него были настоящие друзья — ученые, похожие на него и близкие ему. Он меня постепенно знакомил с ними, и я вошел в круг реальных экономистов, весьма существенно отличающийся от формального и тем более официального.

В этом кругу были блестящий В. Красовский, энциклопедически образованный С. Хейнман, исключительно глубокий Я. Кваша и другие.

Но Лев Яковлевич очень ценил и молодых ученых. У него был поразительный нюх на таланты.

Я заметил эту черту у двух категорий ученых. Первая — те, кто сам ничего ни придумать, ни создать не может. Но они сразу же «чуют» талант других, умело «срачиваются» с ними, порой реально помогают росту молодых. И поэтому сумели сделать свою научную карьеру. И вторая — как Берри — чуют таланты в силу собственной одаренности — «по свойству души».

Благодаря Льву Яковлевичу я «во второй раз» познакомился и с Шаталиным, и с Анчишкиным. Они стали близкими мне людьми.

Так под руководством Л.Я. Берри я проходил курс за курсом так нужного мне моего «пятого университета».

Если я потом легко осваивался с ролью декана экфака МГУ, главного редактора «Вопросов экономики» — это во многом заслуга той учебы, которую я прошел у Л.Я. Берри.

И все же Лев Яковлевич как личность был для меня важнее, чем Берри-ученый.

ЛИЧНОСТЬ

Пытаясь найти самое главное в личности Льва Яковлевича, я вспомнил слова Понтия Пилата из «Мастера и Маргариты». Пилат говорит о Иешуа Левию Матфею: «Он был добр...»

Пожалуй, именно доброта — самая главная характеристика личности Берри. Доброта, доброжелательность, дружелюбие. Эту черту я всегда отмечал у дореволюционных врачей и фельдшеров, с которыми встречался в туберкулезных диспансерах.

И еще — юмор.

Юмор Льва Яковлевича включал и бесчисленное количество еврейских анекдотов, которые он очень умело и очень вовремя

вставлял в разговор. Я не запомнил и десятой их части — но и этого запаса мне до сих пор хватает для общества друзей и знакомых.

На первом месте была у Льва Яковлевича семья.

Как-то он сказал, что на его отъезд из Москвы в конце сороковых годов во Львов повлияли не только желание пожить наконец в нормальной квартире, не только шанс быстро получить кафедру и звание профессора. Было и другое обстоятельство.

Лев Яковлевич увлекся женщиной. N имела мужа, детей, но тоже увлеклась Львом Яковлевичем.

N воплощала многое из того, чего не хватало Льву Яковлевичу в семье: элементарного внимания к его быту. В его семье была обстановка любви и дружбы. Но на быт главы семейства никто особого внимания не обращал. Жена была женщиной интеллектуальных запросов. Она могла до двух ночи беседовать с сыном о какой-то новинке в литературном журнале. А вот о Льве Яковлевиче она заботилась совсем в духе отношений советского министерства к подведомственному ему заводу: занималась только тем, о чем ее настойчиво просил сам Лев Яковлевич. Впрочем, имея трех детей, она при всем желании не имела времени. А после сорока лет Льву Яковлевичу хотелось большего. Но и жена, да и вся семья как-то привыкли, что это он все время думает о них, а сам находится, так сказать, на самообслуживании.

А N, напротив, была ориентирована на организацию быта своей семьи и себя. И еще на Леву хватало времени. Так что назревал серьезный конфликт, так как именно сочетание сферы чувств и сферы быта создает наиболее опасную ситуацию.

Лев Яковлевич понял, что надо выбирать. И он сделал выбор: пожертвовал собой ради сохранения семьи. Чтобы облегчить реализацию этого выбора, он и пошел на отъезд во Львов.

Правда, история эта имела продолжение. Когда умерла жена, Берри остался один. И у него возобновились (если они вообще когда-либо прекращались) отношения с N.

Мы где-то вместе отдыхали: он с N и я. Я видел, как она вполне искренне заботилась о нем. И порадовался за него.

Но было очевидно, что N привыкла в семье всем руководить, попросту командовать. Самого Льва Яковлевича это не тяготило. А вот и дочь Таня, которая развелась с мужем и с внучкой переехала к отцу, да и сыновья к стилю N не были готовы: они привыкли к свободе, укрепившейся в семье.

И опять Лев Яковлевич предпочел интересы семьи. Я до сих пор не уверен в правильности решения Берри. Мне все кажется, что займи я иную позицию, посоветуй я ему устроить дальнейшую жизнь с N — он мог согласиться со мной и — я уверен — прожил бы гораздо дольше, чем получилось в действительности. Таня, конечно, заботилась об отце, но вот не покидает меня это ощущение упущенной Львом Яковлевичем возможности прожить еще много лет.

Лев Яковлевич остался с детьми, удочерил внучку (чтобы она смогла получать какую-то пенсию после его смерти).

А для меня это был наглядный пример настоящего интеллигента: если завел семью, то нет ничего важнее.

На мой вопрос — какую часть своих доходов он тратит на себя, Лев Яковлевич искренне ответил — не знаю. Сначала в его семье удовлетворялись запросы всех детей, затем — жены и только потом — из остатка — шли расходы на него. Так сказать,

советский остаточный принцип, но приложенный к профессорскому быту.

Должен сказать в оправдание его семьи, что запросы у всех были вполне умеренные. Семья жила по традициям русской интеллигенции.

Как-то на одном из ученых советов я обратил внимание Льва Яковлевича на то, какой красивый новый костюм пошил себе один наш завкафедрой. Лев Яковлевич сказал: это не наше. Это чужое. Это дворяне и купцы следили за модой. А учителя и врачи жили так: один костюм и одно пальто не чаще чем в пять лет. И считалось у нас в Воронеже вполне нормальным, если уважаемый человек год за годом приходит в гости в одном и том же костюме.

Да и прием гостей у интеллигентов — продолжал Лев Иванович — был соответствующим: чай и к нему печенье и сушки. Спиртное, как правило, не подавалось. Зато было принято на отдельный столик ставить все приобретенные в последнее время книги и все последние номера журналов. Это было важнее чая.

Общение с семьей Льва Яковлевича приучило меня подписываться на «Литературную газету» и на журнал «Новый мир». Раньше я, конечно, постоянно читал их — но в библиотеке. Именно у Льва Яковлевича я взял несколько зачитанных номеров журнала «Москва» с главами только что опубликованного «Мастера и Маргариты» Булгакова и, потрясенный, навсегда полюбил самое великое произведение литературы XX века. До этого я считал вершинами нашего века Франца Кафку и Габриэля Маркеса.

Семья Льва Яковлевича была в курсе интеллектуальной жизни Москвы: театральной, журналистской и т.д. Я постепенно привык к тому, чтобы интересоваться не только экономикой.

Наше с Львом Яковлевичем общение касалось многого. Но здесь особо я хотел бы остановиться на двух вопросах: международном и межличностном.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Для нас обоих национальный вопрос был актуален: и для него — еврея, и для меня — грека.

Лев Яковлевич — как я понял по его замечаниям — родился в интеллигентной, но очень традиционной еврейской семье в Воронеже. И — как он сам говорил — первым проявлением его самостоятельности как личности стало растущее неприятие навязываемых ему устаревших в обстановке послереволюционных двадцатых годов еврейских традиций и бытовых обычаев.

Неприятие переросло в конфликт, так как семья ни в чем не хотела уступать. Как это часто бывает, сильное давление или ломает сопротивление, или, напротив, укрепляет стойкость личности протестующего. Со Львом Яковлевичем имело место второе.

Протестуя против семейного еврейства, он начал встречаться с русской девушкой. И девушкой уже беременной, ожидающей ребенка, имеющей жениха (в те годы многие мало заботились об официальной регистрации брака).

Семья Берри встала на дыбы. Зато Лева — он мне как-то об этом сказал — не только из-за любви к избраннице, но и из-за желания сделать жест, окончательно разрывающий с еврейством, — женился на ней, усыновил ребенка.

Мои собственные взгляды на мое греческое происхождение в молодости были в чем-то похожими на позицию молодого Берри. Я — в духе марксизма — считал, что национальности исчезнут. И мы — по Маяковскому — будем «в целом мире без России, без Латвий жить единым человеческим общезищем».

Поэтому я не освоил греческий язык — даже тот диалект, на котором говорили мои родители. Этот диалект отражал — как установил изучавший его в тридцатые годы ленинградский профессор Соколов (расстрелянный, в том числе и за это, в 1937 году) — отражал жизнь моих предков в течение почти двух тысяч лет. После того как они, не исключено еще после гибели Трои, переселились в Крым, пополнялись переселенцами из городов Афинского Союза, затем Византии, а потом и беженцами из захватившей ее турецкой империи. Диалект этот, по мнению профессора Соколова (точнее, несколько диалектов), во многом близок не языку современных, а именно древних греков. Я изучил тот минимум, который позволял мальчику догадываться о спорах папы и мамы (они при нас, детях, спорили на греческом языке) и общаться во время детских каникул, которые я часто проводил у деда в приазовской Ялте. Моя бабушка и многие соседи по-русски понимали мало.

А вот в университете я и эти знания почти подзабыл.

В жизни страны на низших этажах мы, греки, не сталкивались с какой-то дискриминацией. Да и война усиливала чувство общности. И папа, и мама, продвигаясь по вузовской лестнице от ассистента до заведующего кафедрой, никогда не жаловались на притеснения национального характера.

Сам я в университете, в комсомоле, на факультете и в МГУ в целом учился, жил и работал в среде, где многие — особенно историки — обычно знали «одиссею» моих предков.

Столкновения и проблемы начались, когда я поднялся на уровень, на котором в мою жизнь и работу вошли постоянные выезды за границу, в том числе и в капиталистические страны. Д.М. Гвишиани, курировавший научно-технические связи СССР, послал меня «для пробы» в ООН. Эффект был: в ООН заявили, что они готовы приглашать меня в качестве постоянного эксперта — они чуть ли не впервые встретили советского представителя, компетентного в проблемах управления.

А вот в ЦК КПСС и МИДе мое появление нарушило все их регламенты. На одном из собеседований какой-то инструктор ЦК КПСС прямо спросил меня: когда ваши предки появились на территории СССР? Я не выдержал и ответил: за тысячу лет до ваших. Он побежал к начальству. К счастью, отделом науки ЦК заведовал протеже Брежнева — Трапезников, который был грамотным историком и подтвердил, что греки появились в Крыму до нашей эры, за сотни лет до появления славян.

Еще больше проблем возникло у меня в связи с постоянно возникающими вариантами перейти на работу в аппарат ООН, аппарат Госплана и самого ЦК КПСС. Тут уже шла баталия за каждую вакансию и конкурентов устранили любыми методами, вплоть до поиска еврейских бабушек. Ну, а тут ничего искать не надо — грек.

Мне не раз предлагали сменить национальность. Многие греки это делали. Но тут у меня возникали уже свои возражения. Хотя мариупольские греки в отличие от крымских и кавказских выселению не подвергались (во многом благодаря

личной подруге Сталина Герою Социалистического Труда, первой женщине-трактористке СССР гречанке Паше Ангелиной, работавшей в одном из наших греческих сел в Приазовье), я не мог спокойно наблюдать страдания сотен тысяч греков, выселенных в Сибирь и Казахстан и почти не получивших компенсации после реабилитации Н.С. Хрущева так называемых «репрессированных народов». Отказ от национальности казался мне предательством этих греков.

Кроме того, к этому времени я уже изучил, какую роль в русской истории сыграли греки — и при принятии православия, и после падения Византийской империи, и в годы войны с Турцией. Я уже знал имена поэта Кантемира, художников Венецианова и Куинджи, дипломата Наподистрию.

Знал о Герое Советского Союза полярнике И. Папанине, о поднявшем в воздух первый в мире реактивный самолет Герое Советского Союза Г. Бахчиванджи, о боевом генерале Колпакчи и многих других.

Знал и то, что многие славные сыны России — вплоть до академика Вернадского и маршала Жукова — имели греческих предков.

И перед всеми этими греками было стыдно менять национальность.

В годы нашего с Львом Яковлевичем знакомства в СССР началась очередная волна борьбы с сионистами.

Антисемитизм питался из нескольких источников.

Общее ухудшение ситуации в СССР усиливало значение тех привилегий, которыми пользовалась советская бюрократия и особенно номенклатура. И борьба за места в этом самом обеспеченном классе советского общества не могла не сопровождаться

комплексом мер по устранению конкурентов. Вводили процент в высших звеньях аппарата для представителей Кавказа и Средней Азии. Стремались облегчить карьеру, избавляясь от конкурентов ссылками на их «еврейские корни».

Далее, начиналась борьба за то, кто унаследует пост уже тяжелобольного Брежнева. Среди соратников Брежнева были те, кто имел жен-евреек. Борьба с еврейством позволяла конкурирующим кланам в КПСС ослабить этих лидеров.

Ни в КПСС, ни в КГБ, ни в Министерстве обороны особых структур для России в целом не было. Сказался разгром ленинградской группировки Кузнецова и Вознесенского еще при Сталине (они якобы размышляли об особых российских министерствах). Но все же были некоторые российские органы: Совет Министров, МИД и т.д. Тут уже сам Бог велел отстранять и представителей союзных республик, и тем более евреев.

А когда создали российские творческие союзы — писателей, журналистов и другие, то тут у патриотов-шовинистов появился серьезный плацдарм — в творческих сферах традиционно евреев было достаточно много.

Повлияло и несколько ситуационных факторов.

Была проблема выезда евреев в Израиль. Число желающих уехать росло пропорционально общему ухудшению жизни в СССР и пропорционально масштабу давления на евреев.

Поражения арабских стран в войнах с Израилем советские советники, пытаясь снять с себя вину, среди прочего объясняли и помощью советских евреев Израилю.

В странах советского блока усиливалась антисоциалистическая оппозиция, и ей тоже постарались придать еврейскую

окраску — чтобы уйти от анализа подлинных причин кризиса социализма как строя.

Все эти вопросы мы постоянно обсуждали с Львом Яковлевичем.

Но были и «свои» проблемы.

Ухудшение экономического положения страны руководство связывало не с исчерпыванием последних резервов социализма как строя, а с плохой работой ученых-экономистов. А среди них вина прежде всего ложилась на евреев и те исследовательские и вузовские центры, в которых евреям приписывалось серьезное влияние.

В экономической науке оба наиболее прогрессивных направления — проблематика экономической реформы и проблематика применения математических методов и ЭВМ — связывались противниками нового с именами работающих в них ученых-евреев.

Все это я по-настоящему понял, когда был включен по решению ЦК КПСС в комиссию по проверке Института экономики Академии наук СССР.

Мы с Львом Яковлевичем с нашим «вненациональным» подходом оказались в сложном положении. Надо было искать правильную позицию.

Ясно было, что старый курс на интернациональное слияние превращается в инструмент гонения и дискриминации ряда национальностей.

Я понял только теперь причину появления работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Эта работа, казавшаяся много лет чем-то вроде проявления старческого маразма вождя (в песне Галича говорилось с издевкой: «...в языкознании вы тоже корифей»), на самом деле была для Сталина очень важной.

Он решал вопрос о том, включать ли занятые Красной армией в Восточной Европе страны в СССР в качестве советских республик (как предлагал тогда Георгий Димитров). И среди главных контрдоводов была проблема языка, объективного и не поддающегося командованию фактора. Сталин решил идти по совершенно новому для ленинца пути: создавать самостоятельные социалистические страны. Это позволило избежать партизанских войн, которые полыхали в превращенных в советские республики странах Балтии и на Западной Украине. Зато начались чуть ли не сразу конфликты с социалистическими странами. Первый был с Югославией.

Если уж сам Сталин считал преждевременной национальную интеграцию, то следовало думать не об уничтожении национального, а о формах и направлениях его правильного развития в будущем.

Пока что ничего правильного мы с Львом Яковлевичем не видели. Лев Яковлевич рассказывал мне, что молодые евреи тайно посещают курсы по изучению иврита. Это поможет им после выезда в Израиль.

Лев Яковлевич ничего не говорил о себе. Но, видно было, тяжело переживал ситуацию.

Как-то он рассказал анекдот. «Позиция коммунистической бюрократии простая. Есть жидаы. Есть евреи. Есть гении русского народа. Жидаы — это евреи-продавцы или портные. Евреи — это врачи, учителя, музыканты. Гении русского народа — это выдающиеся евреи в науке, искусстве, спорте и т.д.». И добавил с грустной усмешкой: несмотря на то что я — лауреат Государственной премии, все же до гения русского народа не дотяги-

ваю, остаюсь евреем — хотя и на высшем этаже. Так что мне просто некуда деваться».

Думаю, что так же, как и мы, искренне обсуждали национальную проблему СССР и многие другие интеллигенты.

К глубочайшему сожалению, открытой дискуссии по этой проблеме — как и по другим проблемам будущего страны — не состоялось. И в итоге революцию 1989–1991 годов страна встретила, не получив от своей интеллигенции вариантов жизни после выхода из социализма. И на нас обрушился один беспощадный путь: «Социализм — СССР, выход из социализма — распад СССР».

К счастью, Лев Яковлевич не дожил до этой эпохи, когда десятки давно назревших проблем начали реализовываться, но только в виде трагедий.

О КОНФЛИКТАХ

Вообще, и дразги, и конфликты, в которые они нередко перерастают, — вполне «закрепившаяся» часть жизни интеллигента. Особенно в творческих сферах. Но есть они и в педагогических, и в научных коллективах.

Иногда эти конфликты отражают попытки внедрить новое, осуществить назревшие или сулящие эффект перемены. Иногда — мешают работе.

Масштаб и количество конфликтов во многом связаны с общей обстановкой в стране, и особенно в той сфере, в которой интеллигент работает. Общественный застой, идеологический гнет, политическая истерия, обстановка нетерпимости к одному или восхваления другого усиливают конфликты. А вот напряже-

ние всех сил, чувство острой ответственности за общее дело и ряд других обстоятельств ослабляют и сглаживают конфликты.

Но, как бы то ни было, без конфликтов жизнь и работа интеллигента немислимы. И навыки поведения в них — составная часть формирования интеллигента.

И здесь уроком для меня стало поведение Льва Яковлевича в — к сожалению, затронувшем его — большом для масштабов его кафедры конфликте.

Лев Яковлевич, ранее работавший обычно индивидуально, с возрастом стал думать о постоянном помощнике, соавторе. О том, кто будет развивать его идеи и превращать их в статьи и книги.

Сам по себе это нормальный вариант. Мы на экфаке знали и ярких индивидуалистов — таким был, например, заведующий кафедрой истории экономических учений профессор Федор Яковлевич Полянский, в одиночку издавший десятки книг.

Но был и Сергей Кузьмич Татур, о котором я писал выше. Он вначале работал как индивидуалист, но к старости все чаще использовал в качестве помощника и соавтора Анатолия Даниловича Шеремета. Тот очень гордился его доверием. Причин было две. Во-первых, Анатолий Данилович любил, именно любил, Сергея Кузьмича. Во-вторых, Анатолий Данилович постепенно стал чуть ли не опекуном Сергея Кузьмича по всем сторонам его жизни и быта. Я сам видел, посетив Сергея Кузьмича в больнице, с какой сыновьей заботой относился к своему больному учителю Анатолий Данилович. Лицемерия, о котором писал Пушкин в «Евгении Онегине» — «какое низкое коварство — ему подушки поправлять!», — не было и в помине.

Весь университет знал пару: академик Колмогоров и профессор Хинчин. Хинчин практически написал все их совместные учебники, прослушивая устные лекции Колмогорова.

Так что само по себе желание Льва Яковлевича было вполне нормальным — для заключительного этапа творческой жизни. Я — при всей нашей близости — для роли второго номера не подходил: у меня были другие научные интересы. И Лев Яковлевич выбрал распределенного к нему на кафедру X, только что защитившегося кандидата.

X когда-то окончил наш факультет, поехал работать в провинцию. Там быстро стал, как теперь говорят, «спичрайтером» первого секретаря региона. В высшей партийно-бюрократической среде он приобрел или развил уже заложенные в нем качества. В его глазах буквально сияла исключительная преданность к начальству и готовность к полной покорности.

Способности и таланты у X были, особенно трудолюбие и усердие. Но была и своеобразная жажда чем-то выделиться, обозначиться. В науке такая форма индивидуализма приводит зачастую к появлению собственных, оригинальных концепций — нередко «навороченных», надуманных, находящихся на грани нормального.

Всего этого Лев Яковлевич не разглядел. А преданный взгляд принял не за жажду делать карьеру на кафедре любой ценой, а как согласие со своими научными концепциями.

Сначала все шло традиционно. Лев Яковлевич правил их совместные доклады, договаривался о включении их в программу научных конференций, вводил X в круг ученых, занятых их проблемами, хлопотал в журналах. Но через несколько лет возник конфликт.

Частично в нем оказался виновен и я. За несколько лет я и Г.А. Егизарян (с которым и Х и я окончили вместе аспирантуру) написали и защитили докторские диссертации. Это было очень нестандартно: в те времена докторскую защищали в среднем к пятидесяти годам. Еще более необычным было то, что мы оба получили кафедры на факультете.

К этому времени получил кафедру и А.Д. Шеремет (которую передал ему его учитель — С.К. Татур). Кафедру экономической кибернетики возглавил тоже наш сверстник — С.С. Шаталин. В общем, во многом под нажимом ректора МГУ И.Г. Петровского и нашего нового декана Михаила Васильевича Солодкова факультетское руководство заметно помолодело.

Думаю, что именно все это подтолкнуло Х к двум взаимосвязанным идеям: пора защищать докторскую и пора стать завкафедрой. Первый план он изложил Льву Яковлевичу. Второй план явно просматривался: после защиты надо будет уступить кафедру Х.

Но область, в которой работали Берри и Х, существенно отличалась, скажем, от моей, где я имел дело по существу с целиной, на которой кое-где маячили остатки трудов наших ученых двадцатых годов, а где-то за рубежом вырисовывались контуры целых небоскребов научных разработок. В стране начались экономические реформы, и руководство ждало расширения сферы исследований. Я не столько пробивал, сколько едва успевал готовить материалы — и в ЦК, и в Госплан, и в ГКНТ, и, что существенно, для комиссии А.Н. Косыгина по разработке реформы.

В планировании же разработки шли традиционно. Новые направления — межотраслевой баланс, прогнозирование и математическое моделирование — тормозились.

Если я занимал, условно говоря, свободную территорию, то план X требовал, чтобы ему специально, вне очереди, было выделено место в уже построенном и заселенном здании своей науки. Тут даже огромные усилия Льва Яковлевича не могли помочь (даже если бы он захотел).

X избрал путь критики тех, кто в науке уже сделал себе имя. Критика — вещь в науке обычная. Но успех она дает только в случае, если ей противостоят обветшавшие концепции и теории. Конечно, дела в социалистической экономике шли все хуже — и тут X было на что опереться. Но он был вне структур — государственных и научных, — занятых поиском выхода. И ему осталось «со стороны» «разоблачить» тех, кто уже работает в этой сфере. Обычный удел теоретиков, не привлекаемых к решению проблем: или предлагать нечто совершенно новое (что вело бы к столкновению с концепцией социализма), или заняться «умствованиями» и «оригинальничаньем». На путь критики социализма X, конечно, не стал. Ему помимо критики осталось «оригинальничанье».

Даже с черного хода, даже в тени Берри пробиться при таком подходе в доктора было практически невозможно.

Но всему этому добавились еще два обстоятельства.

X имел способности. Но это был, как когда-то писал Л.Н. Толстой, — числитель. А в знаменателе стояло такое самомнение, такая вера в свою гениальность, что общая дробь стремилась к нулю. Все это кафедра хорошо видела. Она не хотела иметь его своим лидером. Проще всего было задержать претендента на стадии защиты.

Но и сам Лев Яковлевич вовсе не собирался на покой. И ему тоже не нужен был доктор, ожидающий или его смерти, или добровольного ухода.

Словом, с написанной Х диссертацией началось светопреставление.

Х драки не боялся. Но беда в том, что он решил придать своим личным проблемам «общественную значимость». В духе расцветающего тогда официального антисемитизма Х начал везде — прежде всего в партийных инстанциях — изображать себя как борца против еврейского засилья в экономической науке, которое привело и к застою в теории, и к провалам в практике.

Выслушивая его антиеврейские тирады, я как-то сказал, что Х явно «сходит с роликов». Георгий Васильевич Перов, бывший первый заместитель Госплана СССР (выступивший против очередных вывертов Хрущева, снятый им со всех постов и получивший в итоге тяжелый инфаркт), был приглашен Львом Яковлевичем на кафедру и оказал огромное влияние на улучшение качества учебника планирования. Георгий Васильевич с его огромным опытом еще сталинской эпохи ответил мне: «Да, он — сумасшедший. Но, Гавриил Харитонович, он из тех сумасшедших, которые хорошо знают, когда и в какую сторону надо сходить с ума».

«Сторону» Х действительно выбрал удачную. Х встретил сочувствие и понимание «в верхах». Те стали поощрять его агрессивность.

В такой ситуации победа Х уже означала нечто большее, чем личное поражение Льва Яковлевича. В обсуждении диссертации пришлось участвовать и всем нам.

На каком-то Совете я произнес жесткую речь по адресу Х (к которому раньше — в годы учебы и нашей жизни в общежитии — относился неплохо). Х в очередной раз был Советом отвергнут.

После заседания ко мне подошел Лев Яковлевич и сказал: спасибо за хорошее выступление. Но я ведь и сам могу себя защитить. Как профессионал своей науки даже лучше, чем Вы.

Но есть такие конфликты, когда победитель — при всей его правоте — выходит из схватки заляпанным грязью, а то и в пятнах крови. И не все удается отмыть — даже за много лет. Именно такой случай имеет место сейчас. Первое. Критика Х и ситуации в экономике, и в теории планирования, и ученых-экономистов во многом справедлива. Другое дело — мерзкие мотивы этой критики. Третье дело — совершенно неприемлемые предложения Х. Но настоящий анализ — не для нашего времени и не для нынешней ситуации.

Я просил бы Вас больше не выступать. Вы мне дороги, и я не хотел бы, чтобы из-за меня у Вас в дальнейшей жизни были проблемы.

Я хорошо запомнил, что бывают конфликты, когда — чем бы они ни заканчивались — «всегда хуже». И лучше «выйти из игры». Останешься с чистыми руками.

Я, к сожалению, не сумел поступить в духе совета Льва Яковлевича, когда возник конфликт уже в моем коллективе. И, честно говоря, на самом деле и из моей победы ничего хорошего не получилось.

Зато потом, когда некий ученый начал дискуссию со мной в «Общей Газете», а потом и в «Независимой Газете» я немедленно отказался от полемики с ним — прямо ссылаясь на совет профессора Берри.

Свой последний университет я окончил во многом благодаря Льву Яковлевичу. И революцию 1989–1991 годов встретил Интеллектом и Гражданином.

2007 г.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЦАГОЛОВ

Чем яснее становилась для меня невозможность моего сосуществования с государственным социализмом СССР, тем напряженнее я пытался всмотреться, понять и осмыслить опыт тех, кто казался мне похожими на меня, но кто сумел и работать, и жить в условиях нашего строя.

Естественно, я прежде всего думал о наиболее близких мне по работе и потому более известных мне людях — руководителе моей кандидатской диссертации профессоре Сергее Нузьмиче Татуре, консультанте моей докторской диссертации профессоре Льве Яковлевиче Берри, декане факультета профессоре Михаиле Васильевиче Солодкове, ректоре университета академине Иване Георгиевиче Петровском, новом ректоре Рэме Викторovichе Хохлове и других. Среди тех, о ком я размышлял, был и профессор Николай Александрович Цаголов.

Я еще был студентом, когда он стал заведующим кафедрой. Им он оставался и в годы моей аспирантуры, и в годы работы — от ассистента до декана — почти три десятка лет. Н.А. Цаголов привлекал меня тем, что он работал не просто в общественной науке и не просто в экономической науке, а на наиболее

остром, наиболее, по моим представлениям, скользком участке экономической теории — в области политэкономии социализма. В статье, посвященной столетию со дня его рождения, я и хотел бы поделиться и впечатлениями тех лет, и размышлениями последующих времен.

ПОИСК НИШИ

Анализируя жизнь тех, кого я уважал и ценил, я в конце концов выработал идею «ниши».

Само слово я взял у экологии. Но у меня оно означало, что и в советской жизни интеллигент приобретает некоторую устойчивость, обретает равновесие и какую-то перспективу, если он находит для себя приемлемое место и занятие, эту самую нишу.

У Н.А. Цаголова было три, как мне кажется, ниши. До репрессий тридцатых годов он, безусловно, готовился работать на самых передовых рубежах практики. Это вполне естественно. Человек выдающихся способностей, огромного темперамента и активности, безусловного и обоснованного честолюбия, он не мог не хотеть сделать карьеру в первых рядах. Он был настоящим сыном революции, она дала ему перспективы. Я думаю, он был бы прекрасным политическим лидером.

Сначала, казалось бы, все шло нормально. В тридцатые годы он занимал высокий серьезный стартовый пост и, что очень важно, начал уже входить — в свои тридцать лет — в ответственные комиссии. А работа в комиссиях — первый шаг к большому посту, к выдвижению. Именно в них — и я знаю это по своему опыту — вас видят и начинают оценивать и другие «ключевые» работники, и, главное, руководство (в то время как на одном ра-

бочем месте вас в лучшем случае ценит один непосредственный начальник).

Вот и Цаголов активно работал среди тех, кто готовил в Госплане СССР второй пятилетний план. А при председателе Госплана Межлауке Н.А. Цаголов уже входил в состав особой группы при председателе. Группу возглавлял В.П. Красовский. В нее входили С.А. Хейнман, Л.Я. Берри и другие.

Судьба и Межлаука, и этой группы оказалась трагичной. Межлаука расстреляли в годы репрессий. Красовский и Хейнман расстрела избежали, но на долгие годы отправились в лагерь. По каким-то поводам в узком кругу я слышал от них те или иные рассказы о лагерной жизни и никак не соберусь и не найду повода записать эти поразительные истории.

Цаголову и Берри повезло. Их не арестовали. Но, как умные люди, они должны были сделать вывод: ниша, которую они избрали, смертельно опасна. Из нее надо немедленно уходить. Но куда?

Немало в те годы было тех, кто радикально менял и сферу работы, и профессию. Немало переезжало в совершенно новые края. Цаголов оказался среди тех, кто решил уйти из практики в науку. Так поступил и Л.Я. Берри. И многие другие яркие люди ушли из аппарата власти.

Но в науке они старались отойти от «горящей» проблематики. Автор книги по советской экономике глубоко мною уважаемый профессор И.Г. Блюмин занялся историей экономических учений и, в частности, современной буржуазной экономической теорией. Именно из его блестящих лекций я узнал и о Кейнсе, и о Мизисе, и о многих других великих теоретиках, о существовании которых даже не подозревали не то что практические лидеры

советской экономики, но даже и многие тогдашние теоретики экономической науки.

Н.А. Цаголов тоже решил заняться историей экономических учений. От фактического помощника председателя Госплана СССР к историку науки — дистанция огромная. И если Цаголов решил ее преодолеть, то можно только представить весь тот ужас, который он пережил, когда каждую ночь «черные вороны» увозили его знакомых, друзей и родственников.

Докторская диссертация Н.А. Цаголова была посвящена Н.Г. Чернышевскому. Н.Г. Чернышевский был великим русским экономистом. Но не это, скорее всего, привлекло Цаголова. Он всегда умел хорошо улавливать «веяния». А «веяния» в те годы явно шли в направлении борьбы с преклонением перед Западом. Это были годы многотомной книги «Люди русской науки», из которой следовало, что мы все изобрели и открыли. Заниматься западными экономистами становилось небезопасно.

С книгой о Чернышевском, которую подготовил Н.А. Цаголов, связан такой забавный эпизод. Шло её обсуждение в Институте экономики, и Н.А. Цаголову предоставили заключительное слово. Он начал его так: «Товарищ Сталин учит нас, что если в критике есть хотя бы 5% правды, за неё благодарить. Я не могу сказать, что все выступавшие здесь выполнили сталинский пятипроцентный норматив правды, но все же хотел бы поблагодарить всех...»

История русской экономической мысли стала второй нишей Николая Александровича. Она наиболее не соответствовала ни его характеру, ни всей его личности.

Третью нишу, как мне кажется, он решил занять после XX съезда КПСС. Критика Сталина, все то, что называют

хрущевской оттепелью, могли бы подвести Н.А. Цаголова к решению вернуться в сферу руководства. Но ему уже было 50 лет. И он очень разумно принял другое решение: заняться политэкономией социализма.

Впрочем, я думаю, слово «заняться» не подходит. Скорее всего, он давно уже ею занимался — и как ученый, и как преподаватель. Не мог он не присутствовать при бурных дискуссиях вокруг нового учебника политэкономии, подготовленного Институтом экономики Академии наук СССР по заданию самого Сталина. Скорее всего, у него уже тогда возникли идеи принципиально иной концепции политэкономии социализма. Но в той, присталинской, дискуссии он обозначить себя не решился. Вполне разумно — судя по тому, как разносил любых «несогласных» с учебником экономистов Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» и судя по судьбе одного из объектов сталинской критики — Ярошенко.

Ну а теперь, в хрущевскую оттепель, Цаголов решился выступить. Это был серьезный переход в новую, третью по моему счету, «нишу» — в науку, но наиболее политизированную, наиболее связанную со всей жизнью страны.

Но это не был возврат Цаголова к анализу практики планирования и всего хозяйственного руководства. Уроки тридцатых годов он учел. Вариант, избранный Цаголовым, крайне своеобразен.

Своеобразие выбранного им варианта состояло в том, что практики как таковой он касаться не хотел. В одном из наших разговоров он заметил: «Это практика. А на практике в наших условиях может твориться что угодно. К науке это не относится...»

Цаголов решил абстрагироваться от практики, но без отрыва от её социалистической сущности. Н.А. Цаголов решил

построить абстрактную политэкономия социализма. Это позволяло сделать её и логичной, и непротиворечивой.

Политэкономия социализма в СССР не было. То, что было, в принципе не выходило за пределы задач описания советской экономики и обслуживания экономической политики. Существовавшая политэкономия социализма во многом была апологетична и потому вульгарна.

Вспоминаю один наш разговор с Цаголовым. Когда я рассказывал ему о сути моей докторской диссертации, он спросил: «А Вы помните, как отрицательно Сталин отозвался о всеобщей организационной науке?» Я ответил, что, конечно, помню. И замечания Ленина о Богданове помню. Они по-своему логичны. И Ленин, и Сталин понимали, что строить социализм в не готовой к нему стране можно только с использованием ничем не ограниченной диктатуры. Мы с вами видим, к чему все это привело. Поэтому, я думаю, вы и хотите выявить объективные законы экономического строя социализма — как обязательные для партии и государства. Цаголов ответил: «Да, это так. А Ваша теория управления где будет?» Я сказал, что исходящая из его объективных законов конкретная практика имеет два «пласта» — есть правила и законы самого управления: правила построения структуры управления, правила организации, методы реализации целей и т.д. Они как бы между абстракциями политэкономии и конкретными действиями практики. Они устойчивые. Это наука. Теория управления. Цаголов заметил: «Я сначала думал, что Вы хотите нашу практику руководства объявить наукой, то есть заняться чистой апологетикой. Или хотите дублировать политэкономия. Теперь я Вас понял. Защищайтесь».

Цаголов хотел создать политэкономия социализма, которая не только бы предшествовала практике, но и предопределяла практику.

Удалось ли ему найти нечто объективное, нечто обязательное для хозяйственной практики — об этом в следующем разделе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА ЦАГОЛОВА

Цаголов, с его энергией, активностью, интересом к жизни, не мог в науке заниматься чем-то академическим и историческим. Но, наученный страшным опытом тридцатых годов, он не мог и не хотел быть частью командного механизма. Поэтому его наука, с одной стороны, не могла быть участником командования экономикой. А с другой стороны, он не мог и не хотел уйти от главных проблем жизни.

Поэтому первой исходной точкой концепции политэкономии социализма Цаголова стал поиск теоретических основ практики хозяйственного руководства. Работать для жизни, но непосредственно не участвовать в ней и оставаться вне ее.

Этот подход исключительно логичен для личности Цаголова. Его подход к концепции политической экономии социализма с абсолютной логичностью отразил ту нишу в социалистическом обществе, которую избрал для себя Цаголов.

Но надо отметить и то, что концепция Цаголова — создать теоретические основы для практики экономики — воплотила одну из особенностей всей политической экономии как науки в XX веке. Все главные ее направления были в конечном счете сугубо прикладными по конечным целям: будь то кейнсианство или монетаризм. XX век был столь бурным, что игнорировать эти бури не мог никто. И кейнсианство, и монетаризм, и цаголовская

политэкономия — на главном — инструменталистском — направлении экономической теории XX века. В этом смысле концепция Цаголова находилась в главном русле мировой политэкономии.

Цаголов выступил со своей концепцией в качестве первой официально допущенной оппозиции, оппозиции в советской экономической науке (если не вообще первой разрешенной оппозицией в советской общественной науке). Нужны были смелость и огромное мужество, чтобы решиться войти в тот «просвет», который давала, а вернее сказать, сулила хрущевская оттепель после XX съезда.

Выступив с альтернативной официальной концепцией политэкономии социализма, Цаголов как бы утверждал право альтернативности в политэкономии социализма. Но из песни слов не выкинешь. Цаголов направил всю свою энергию не на закрепление идеи нескольких концепций (то есть не на закрепление принципа демократии в науке), а на борьбу за утверждение своей концепции в качестве официальной и единственной. Демократия в науке оказалась у Цаголова всего лишь инструментом утверждения своих идей. Очень похоже на то, что мы видели в последние годы.

Можно, конечно, объяснить это желание Цаголова использовать первые же условия оттепели для превращения себя в официоз стремлением взять реванш за свой уход из системы власти в тридцатые годы. Но факт есть факт. Как ни печально, но на опасную ситуацию демократии в одной из общественных наук он мужественно пошел, а вот найти решимость оторваться от своей целевой установки — стать официальной наукой партии и власти — не смог.

Само появление концепции Цаголова альтернативной официальной версии политэкономии, неразрывно связанной со Сталиным, с его участием в написании учебника политэкономии, было фактически свидетельством недовольства в руководстве партии уровнем экономической науки. Это было косвенное признание банкротства сталинской концепции политэкономии перед лицом бурной эпохи хрущевских преобразований экономики. Политэкономия социализма, созданная для обслуживания экономического руководства, не справлялась с задачей хрущевских реорганизаций. Поэтому само появление концепции Цаголова было свидетельством кризиса и политики, и официальной науки.

Тут полная аналогия с генетикой и кибернетикой, само «допущение» которых в советскую науку уже означало критику того, что в ней уже было. Помню, когда в 1959 году обсуждалась в «Комсомольской правде» наша с Игорем Гирсановым статья о кибернетике в экономике, кто-то сказал: статья не просто «о», это и несомненно «против». Статью опубликовали — все же была обстановка, внушавшая нам надежду, а редакторам решимость публиковать. Надеялся и Цаголов.

Концепция Цаголова неразрывно связана с главной проблемой всего строя государственного социализма — с руководящей, командной ролью партии и власти, в конечном счете партийно-государственной бюрократии.

Это командование с самого начала, с решения Ленина строить социализм, а не установить его, сбросив оковы старых обветшавших отношений и приведя все в соответствие с давно созревшими в недрах капитализма социалистическими элементами, — было обременено неустранимой родовой болезнью субъективизма и волюнтаризма.

Цаголов участвовал сам в разработке второй пятилетки и хорошо знал, что такое субъективизм и волюнтаризм. Репрессии тридцатых были всего лишь одной из черт командной системы, присвоившей себе право навязать стране социализм. Уничтожение старой Волги, затопление миллионов гектаров плодородной земли по ходу её течения, создание водохранилищ при строительстве ГЭС — все тот же произвол, все те же репрессии — но уже в отношении природы. Все это разные стороны одного и того же — волюнтаризма.

Цаголов, безусловно, хотел создать такую политэкономия социализма, которая дала бы руководству объективные основы. Планомерность, которую он выдвигал, означала не только «сознательно поддерживаемую», то есть нечто субъективное, но и нечто объективное — «пропорциональность».

Это объективное, нечто предшествовавшее сознательной воле, включало у Цагорова не только поиск исходной ячейки, фундамента науки, но и ее логику. Логичность в науке — и это понимал Цаголов — это уже объективность. Ведь законы логики — отражение объективного мира.

Заслуга концепции Цагорова в том, что она четко определила и главную болезнь советского социализма, и назвала способ лечения. Другое дело, что этот способ был в принципе нереализуем.

Конечная установка концепции Цагорова «на практику» проявилась и в том, что концепция была тесно увязана с созданием учебника.

С одной стороны, ориентация на учебник прикрывала и защищала сугубо научный поиск. Я заведу кафедрой, мне надо учить будущих преподавателей, вот я и работаю над учебником политэкономии. Заяви Цаголов более амбициозные претензии — еще

неизвестно, «вместился» бы он в далеко не просторные рамки хрущевской оттепели.

Но учебник в советской системе — и мне не раз приходилось объяснять это на Западе — это нечто неизвестное там. Это ведь официально навязанный сотням и тысячам вузов и техникумов курс, обязательный и для преподавателей, и для студентов. Поэтому учебник — и Цаголов это хорошо понимал — становится и обязательной версией политэкономии. Через учебник эту версию должны усвоить будущие специалисты всех профилей.

Учебник имеет готовый механизм внедрения. Он — через Министерство высшего и среднего образования — сразу становится обязательным. Концепция, реализованная в учебнике, тут же внедряется — без того сложного этапа, который был бы неизбежен, готовь Цаголов какой-либо доклад и рекомендации в своем бывшем Институте экономики.

Должен честно сознаться, что, когда я думал о формировании теории управления социалистическим производством, я выбрал путь Цаголова — организовать всю работу над теорией в рамках написания учебника. Мне удалось больше, чем Цаголову, — мои учебники утвердил и распространил по всей стране ЦК КПСС, который организовывал систему экономического образования миллионов руководителей и специалистов и принял версию нашей кафедры для той части образования, которая касалась руководства. Так что мои представления о теории управления воплощались через учебник — и это было мое сознательное освоение блестящей идеи Цаголова о «науке через учебник». Конечно, учебник не только помогает, но и мешает разработке концепции науки. Его надо в сроки представить, его надо немедленно публиковать. Но все же преимуществ больше, чем негатива.

Я потом не раз думал, что Н.А. Цаголов что-то упустил, когда ЦК создавал систему экономического образования в стране. Возможно было — и это было вполне реально — убедить ЦК КПСС утвердить в списке предметов СЭО и политэкономии. И тогда он взял бы Министерство образования «с тыла».

В концепции Цагорова был еще один существенный аспект. Цаголов настойчиво возрождал Маркса, который в «Капитале» утверждал идею «клеточки» в политэкономии. Цаголов перенес эту идею и в политэкономии социализма. Этот упор на «возрождение» исходного в марксизме, на «очищение» его от «наносов» фактически тоже был критикой как официальной науки, так и практики «реального социализма».

Судьба концепции Цагорова оказалась predeterminedной тремя фундаментальными обстоятельствами.

Первое связано с ее исходной основой. Она исходила из того базиса, который дала классическая политэкономия. Ведь Маркс — всего лишь одна из версий «классики». Этот базис — трудовая теория стоимости. А эта теория — продолжение вещного материализма XVIII века. Все в этом материализме — и собственно в классической политэкономии — связано с вещами, с собственностью на них, с возможностью их отчуждения от производителей.

А XX век превратил интеллигенцию — и по роли, и по численности в обществе — в главную часть общества. А умственный труд — в главный вид труда. Информационный продукт этого труда не может быть отчуждаем: сколько бы информации не уходило от меня к другим, у меня она остается, я ее не теряю. Поэтому все политэкономические теории, ориентированные на физический труд, на вещи, на собственность, оказались в XX веке недостаточными.

Экономические теории полезности уже пытались смягчить, преодолеть этот фундамент классической политэкономии.

Цаголов тоже сделал свой шаг от классика — у него собственность перестала быть основой. Опыт национализации в годы революции показал, что от смены вывески «Морозовская ткацкая фабрика» на «государственная» много что изменялось. И Цаголов на первую роль выдвигает уже не непосредственно вещное — не товар (как Маркс), не собственность (как официальная наука), — а нечто новое — планомерность. Но к пониманию устарелости всей трудовой теории стоимости концепция Цагорова не подошла.

В новой России собственность изменилась, вывески опять поменяли, но, как в свое время большевики после революции 1917-го, наши реформаторы только убедились, что всего этого совершенно недостаточно.

Когда я наблюдал тот упор на приватизацию, которую делали младореформаторы, я всегда вспоминал и преклонение советской науки перед собственностью, и Н.А. Цагорова с его критичной концепции ведущей роли собственности. Думаю, что в этом убедились и иные олигархи — собственность они захватили, а из страны пришлось бежать.

Фетишизацию собственности Цаголов преодолел — я принял эту его позицию. Но отойти от ограниченности трудовой теории стоимости он не смог.

Вторая неверная основа концепции Цагорова: она принимала как должное саму ленинско-сталинскую идею «строительства» социализма. Само право командовать Цаголов не отвергал, он искал научные основы для него.

Все главные ошибки Ленина — в отношении несовместимости мелкого производства с прогрессом производительных сил, в отношении готовности капитализма к социализму (за эту «готовность» Ленин принял вызванные империалистической войной формы огосударствления экономики и государственного регулирования экономики) — концепция Цаголова тоже не оспаривала. Она молчаливо предполагала как аксиому, не требующую доказательств, что из общего кризиса капитализма следует именно социализм, а не какой-то иной, более соответствующий уровню развития производительных сил строй.

И, наконец, третье. Цаголов конструировал, то есть выдумывал, социализм как систему. Цаголов не раз подчеркивал, что при этом абстрагируется от практики реального социализма. Это был — тут Цаголов прав — единственно возможный путь увести политэкономии социализма от волюнтаризма к логически непротиворечивой конструкции. Но если абстрагирование Маркса шло от реальности, то абстрагирование Цаголова было гегелевским: оно брало свою идею и развертывало её по законам логики. При таком абстрагировании не могло появиться ничего иного, кроме нового варианта утопического социализма. Логичность абстракции Цаголова достигнута переходом в нечто придуманное, то есть в сферу утопии.

В историю теории утопического социализма концепция политэкономии социализма Цаголова безусловно внесла свой вклад. Экономика всех социалистических утопий — всего лишь остров или город. А у Цаголова появляется утопичная модель для масштабов всей страны, со всей сложностью этого гиганта. Концепция Цаголова — это первый вариант идей утопического социализма народно-хозяйственного масштаба. Поэтому все социалистические

идеи XXI века обязательно будут учитывать народно-хозяйственную концепцию социалистической утопии Цаголова.

Но в столкновении с реальным социализмом, абсолютно беспринципным и готовым менять взгляды чаще, чем перчатки, утопическая модель экономики Цаголова не могла не потерпеть поражения — несмотря на всю талантливость и всю энергию ее творца. Концепция Цаголова была побеждена не эпохой реформ — ее подавил реальный социализм. Обратимся к этой поучительной истории.

ЦАГОЛОВ НА КАФЕДРЕ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Цаголов пришел на кафедру политэкономии экономического факультета МГУ уже сложившимся ученым, перешедшим пятидесятилетний рубеж человеком. Он пришел на кафедру, которая создана была задолго до него и имела сложившийся коллектив — в основном доцентов, выпускников самого факультета, воспитанных на изучении и преподавании «Капитала» Маркса. Профессоров почти не было — их приглашали в качестве совместителей.

Успех Цаголова на кафедре был связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, умением отобрать и сохранить лучшие традиции. Во-вторых, перемещением центра тяжести на современность, на политэкономия социализма. В-третьих, наличием у него концепции политэкономии социализма, оказавшейся близкой большинству коллектива кафедры. В-четвертых, талантом выдающегося организатора науки, умением создавать «команду».

Сначала о традициях. Политэкономия на нашем факультете изучалась не столько на лекциях, сколько на семинарах, в особенности на блестящей находке факультета — на спецсеминарах

по «Капиталу», которые и вели ведущие доценты кафедры. Традиция эта, думаю, перешла еще из Института красной профессуры, а в него — из подпольных, полуполигальных и легальных кружков по изучению «Капитала» в дореволюционные времена. Кружки с самого начала исходили из добровольности участников, принципов самообучения и держались увлеченностью. Вот эти качества и удалось сохранить. К тому же факультет сберег от эпохи тридцатых годов «Комментарии к «Капиталу» Маркса», созданные легендарным Розенбергом в основном на базе своего дореволюционного опыта изучения «Капитала» в кружках. Семинары давали главное: понимание того, что такое система и какова её внутренняя логика. Этот навык мы сохранили на всю жизнь — чем бы мы ни занимались. Цаголов понял значение спецсеминаров и сохранил их как главную форму изучения политэкономии.

Второй фактор его успеха как заведующего кафедрой — перемещение центра тяжести на политэкономия социализма. До Цагорова основой считалось изучение «Капитала», дополненное изучением ленинского «Империализма как высшей стадии капитализма». Политэкономия социализма — хотя уже вышел учебник, подготовленный по заданию Сталина и ориентированный на сталинские «Экономические проблемы социализма в СССР», — всё же считалась чем-то сиюминутным, поверхностным, сферой скорее пропагандистской и агитационной, чем научной.

Цаголов не стал уверять, что политэкономия социализма уже стала наукой. Он подчеркивал, что нет другого выхода, как создавать эту науку. Без своей политэкономии социализм обойтись не может.

Цаголов не просто сохранил традиции — он дал старт и указал пути новой работы. Это особенно было важно для доцентов средних лет. Они давно чувствовали, что, повторяя Розенберга, ни доктором, ни профессором не стать. А при ориентации на политэкономия социализма возникла перспектива: и научная, и личностная.

Третий фактор, думаю, был наиболее важным. Цаголов пришел на кафедру со сложившейся у него концепцией политэкономии социализма. Именно эту концепцию отверг Институт экономики Академии наук СССР, где раньше работал Цаголов. Именно тут предпочли назначить руководителем отдела политэкономии А.А. Кронрода. И Цаголову ничего не оставалось, как перейти в МГУ. Но не просто из-за обиды (хотя обида осталась на всю жизнь), а для того, чтобы найти поле для реализации своей концепции.

Я думаю, что первое и главное для всякого лидера — иметь свою концепцию. Это может быть новая идея — как у Маркса. Это может быть идея исключительной верности уже имеющейся концепции — как у Сталина по отношению к Ленину. Но без концепции лидер практически не в состоянии ни найти сторонников, ни сплотить их.

Цаголов жил в стране, где не только для политического лидера, но и для ученого, выдвигавшего новую идею, наиболее вероятной перспективой была работа в лагерях.

Но идея для лидерства нужна. И Цаголов нашел, на мой взгляд, блестящее решение: с одной стороны, выразил в своей идее особую преданность существу марксизма и, с другой стороны, при этом обозначил свое понимание, дал свои интерпретации экономической теории социализма.

Сама возможность говорить об особой концепции могла возникнуть только после XX съезда. Хрущевская оттепель сказалась на многих участках (скажем, начали публиковать А.И. Солженицына, появилась возможность заговорить о репрессиях и чистках и т.д.). В нашей сфере, в области экономической науки, одним из проявлений оттепели стало решение разрешить разработку трех вариантов нового учебника политэкономии. Один из них ориентировался на декларацию Цаголова о своей концепции и о желании её реализовать.

Именно особая концепция, а не пост завкафедрой, чье-то покровительство или связи и сделала Цаголова многолетним бесменным лидером — именно лидером — кафедры политэкономии.

И, наконец, последнее. У Цаголова талант исследователя, теоретика оказался тесно связан с талантом организатора вообще, организатора науки в частности и тогда еще абсолютно нового типа — организатора в сфере общественной науки.

Не знаю даже, чего в Цаголове было больше — теоретика или организатора. Вообще-то, как я уже писал, в других условиях из Цаголова скорее всего сформировался бы выдающийся политический лидер, практический деятель общенационального масштаба.

Во времена французской и русской революций низшие офицеры быстро становились генералами и маршалами. Не будь революции во Франции, мы никогда не узнали бы, что среди парикмахеров страны были маршалы. Один из умных деятелей царизма как-то заметил о Белинском, что он, за неимением в России возможности бунтовать на площадях, бунтовал в журналах. Так и в советское время. Советская эпоха рассовала по самым невероятным углам, в том числе и в науку, тысячи и тысячи

потенциальных гениев политики, парламентаризма, бизнеса. А потом мы удивлялись, что звезды нашего бизнеса выросли из самых неожиданных областей.

Так вот у Цаголова было все, что нужно лидеру. Умение выделиться свою концепцию — об этом я уже писал. Второе качество лидера — умение оценивать кадры и формировать для себя команду. Мы видели выдающихся творцов команды: и Сталина, и Брежнева. Но мы видели и тех, кто команды создавать не умел — Хрущева, Горбачева, Ельцина.

Цаголов систематически, год за годом формировал команду. И критерием были не субъективные пристрастия, а главное — умение ученого разрабатывать концепцию, умение её пропагандировать и — что существенно — умение её грамотно защищать. Защищать и в науке, и во всех других «инстанциях».

Цаголов оставлял на кафедре безусловно одаренных и талантливых людей. Кафедра — это его фактический соавтор. Но с годами я все отчетливее понимал, что в отборе Цаголова присутствуют некоторые четкие тенденции.

Во-первых, Цаголов избегал людей, склонных к выдвижению целостных концепций. Их в своем узком кругу ученых называют демиургами. Цаголов таких «системосоздающих» легко распознавал. Цаголов, видимо, считал, что в новых концепциях кафедра не нуждается.

Во-вторых, Цаголов избегал тех, у кого явно были выражены вождистские наклонности. Их Цаголов тоже легко идентифицировал. И он постоянно «сплавлял» их на руководящие посты за пределы кафедры — вплоть до ЦК КПСС. И здесь, видимо, Цаголов считал, что во втором лидере кафедра не нуждается.

Цаголов долгие годы категорически замыкал на себя все внешние контакты кафедры. Да и потом, когда уже по состоянию здоровья ему неизбежно приходилось кого-то посылать вместо себя «наверх» — он делал это и редко, и неохотно. Он считал, что у его кафедры должно быть одно лицо — его собственное.

Но и те, кто уходил, — и это я тоже заметил, — на новых местах в лучшем случае «держались». Они так привыкли жить под «крышей» Цагорова, что на самостоятельных постах отличиться не могли.

Эта кадровая линия Цагорова, думаю, коренилась в следующих двух обстоятельствах.

Первое. В советских структурах, где положение руководителя целиком зависело от «верха», было крайне опасно иметь в заместителях готового преемника. Всегда — а с годами тем более — растет число и обиженных, и завистников, и врагов. Да и чем устойчивее и успешнее руководитель, тем с большей опаской смотрят на него «верхи» — как на потенциального конкурента. И если есть кем заменить — соблазн сделать это очень велик. Поэтому опытные советские руководители с большой «тонкостью» и «изяществом» вели дела так, что в любой момент их снятие ухудшило бы работу и на снявшего легла бы ответственность за это ухудшение.

Второе — это чисто кавказская ревность и нелюбовь к равным себе (не говоря уж о тех, кто умнее). Я не раз отмечал это у руководителей «кавказского» менталитета. Казбек или Эльбрус должны стоять в одиночестве — тем больше впечатлений от их величия.

Сложным искусством выращивания равных себе — и даже более значительных — лидеров Цаголов или не владел, или не

считал нужным его демонстрировать. Цаголов был далек от того типа лидеров, которые, как Христос, оставляют после себя когорту апостолов, фактически создающих (как Павел) его учение. Цаголов не достиг даже уровня Петра I, хотя бы возрастившего плеяду славных «птенцов гнезда Петрова» (правда, славных только при нем и оказавшихся совершенно неспособными вести дело после него — о чем недавняя пьеса Горина «Шут Балакирев», талантливо поставленная Марком Захаровым).

Умение работать с самостоятельными людьми, умение видеть в них фактор укрепления дела в целом, умение выделить им «огород», где они могли бы быть хозяевами и проявить себя, умение вовремя передвигать их на новые участки, чтобы они не застаивались и не начали «копать» под своего лидера, — это и многое другое Цаголов как руководитель кафедры не продемонстрировал.

Проводимая много лет, собственно десятилетия, эта линия в конце концов, когда Цаголов стал стареть, начала выступать как фактор, ослабляющий кафедру.

Но как бы то ни было, теоретическая концепция Цаголова была подкреплена созданием творческого коллектива кафедры. Эта команда была готова и к научной, и к педагогической, и к организационной работе. Без Цаголова эта структура не могла эффективно работать — но при нем это была грозная сила.

Я пишу о недостатках Цаголова не для того, чтобы умалить его достоинства. Просто «так это было на земле», как говорил Твардовский.

Как специалист теории управления я не раз и не два восхищался Цаголовым-организатором, Цаголовым-лидером. Я поэтому с полным правом числю и его среди тех, кто помогал

мне в моих обобщениях по теории управления. Среди своих учителей по управлению — именно по управлению — я числю и Николая Александровича. Тем более что помимо кафедры были и другие области, где блистал талант Цаголова-руководителя.

ЦАГОЛОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Цаголов выбрал кафедру политэкономии экономического факультета МГУ в том числе и потому, что в то время наш факультет целиком был ориентирован на подготовку специалистов по политической экономии. Именно в те годы в дипломе выпускника появилась и дополнительная запись, уточняющая нашу специальность — «преподаватель политической экономии». За это уточнение — преподаватель политической экономии — пришлось долго воевать, в том числе и нам, тогдашним студентам.

Цаголов хотел — и вполне разумно, — чтобы не только кафедра политэкономии, но и весь факультет органически был бы единым ансамблем. Это придавало бы больший вес его кафедре.

В работе с факультетом Цаголов тоже продемонстрировал качества крупного руководителя.

Есть лидеры, которые пытаются сами контролировать значительные объемы работы и многих подчиненных. В ряде случаев этот подход оправдан.

Но есть и другие руководители — они ищут одного, ведущего человека, «второе я». Подбирают его очень тщательно. Проверяют. Убеждаются в его умении «держат в руках» весь участок. И ограничиваются контролем за этим единственным лидером.

Цаголов явно хотел идти по второму пути. Но трудность состояла в том, что естественный лидер факультета — декан — формально был его начальником. Поэтому надо было найти

такого декана, который сочетал бы два качества — умел бы руководить факультетом и одновременно был бы «вторым я» самого Цаголова.

И надо отдать должное — Цаголов нашел такого декана. Это был Михаил Васильевич Солодков.

Солодков был одним из крупных лидеров и факультета, и МГУ в целом. Солодков — участник войны, инвалид. Он имел огромный и жизненный опыт, и опыт руководства. В том числе и такого сложного, при котором работают совершенно разные по менталитету люди из разных наук — от физиков до филологов. На факультете он был и секретарем партбюро, и заместителем декана. В МГУ он в конце концов стал секретарем всей много-тысячной парторганизации. По влиятельности в Москве и стране это был очень важный пост. Работая в Комитете комсомола МГУ, избираясь и членом бюро, и секретарем Комитета, я могу сказать, что и ЦК ВЛКСМ, и МГК напрямую «выходили» на университет. Сходная картина была и с парткомом МГУ.

Сомнений в том, что Солодков будет эффективно руководить факультетом не было. Проблема была в другом — как сделать Солодкова зависимым от Цаголова. Цаголов сумел решить эту проблему.

Прежде всего Солодков не имел своей особой теоретической концепции политэкономии социализма. Но он был очень грамотным политэкономом. Я с огромным удовольствием работал в его семинарах. Правда, однажды произошел такой случай. Я пришел на семинар не подготовившись и сослался на перегрузки по комсомольской работе — мы готовили первый выезд студентов на целину. На занятии Солодков ничего не сказал, а в перерыве отозвал меня и заметил: «Это твое дело. Многие активисты

хотят уйти в партийный или комсомольский аппарат и забывают об учебе. Но я всегда считал иначе. Всегда надо быть в своем деле первым или одним из первых — и только на такой основе можно быть настоящим лидером. Так я поступал в армии. Так поступаю в МГУ. Я на все занятия иду, прочитав все, что можно. Тебе не стоит идти по пути тех, кто избрал карьеру «общественника» и заменять ею учебу. Занимайся и занимайся...» Урок этот я усвоил и занимался так, что, когда пришло время делать выбор между работой в ЦК ВЛКСМ и аспирантурой, я выбрал аспирантуру (правда, при поддержке тогдашнего секретаря ЦК Лена Карпинского, уже осознавшего, что Хрущев заходит сам и заводит страну в тупик и что в аппарате делать нечего).

Эти два качества — научная грамотность и отсутствие своей концепции — привели к тому, что Солодков мог стать — и стал — настоящим идейным союзником Цаголова.

Далее, Солодков в своей карьере вошел в стадию пробуксовки. Многие годы он явно хотел идти «вверх»: в аппарат горкома или ЦК. И имел на это все основания. Но и на нем сказался начавшийся тупик хрущевского десятилетия. Поэтому в парработе все больше заботились о «галочках», все чаще дело подменялось формализмом. Вот Хрущев — отбиваясь от нападок коллег по Политбюро по поводу Фурцевой — провозгласил курс: везде среди секретарей надо иметь женщин. И когда освободился пост секретаря Московского горкома партии по идеологии, кандидатуру Солодкова не утвердили — нужна женщина. Но Солодков, как человек умный, понял, что дело не только в этом мотиве — видимо, те, кто его предлагал руководству КПСС, или сами не очень его хотели, или у этого руководства нашлись свои доводы против. И Солодков решил завершить парткарьеру,

перейдя на пост декана нашего факультета. В чем нам повезло, хотя сам он в душе был очень обижен.

Пост декана его устраивал, но по традициям МГУ декан должен был быть если не доктором наук, то хотя бы «холодным» профессором (профессором, получившим свое звание, не имея степени доктора наук).

На этом «комплексе» и сыграл Цаголов. Он взял на себя всю работу по присвоению звания профессора Солодкову. И по «пробиванию» этого вопроса через массу инстанций — и в МГУ, и в Министерстве высшего образования, при котором работала Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Дело было очень непростое, так как Солодков был человек прямой и жесткий, и за время партработы заимел немало врагов или просто недоброжелателей. За ряд лет с проблемой профессорства Солодкова Цаголов справился.

Потом он помогал Солодкову создать на факультете для себя кафедру. Затем все же защитить докторскую диссертацию.

В итоге не менее 5–8 лет Солодков видел в Цаголове прочного союзника. А Солодков умел быть благодарным и все свои связи в партаппарате использовал для укрепления позиции Цаголова.

Так Цаголов, практически занимаясь одним человеком, фактически взял под контроль весь факультет.

Другая область усилий Цаголова — руководители кафедр факультета.

Подход Цаголова к тому, кого факультет и МГУ будут назначать заведующими кафедрами, оказался неожиданным. Если на своей кафедре Цаголов тщательно избегал ярких «звезд», то для других кафедр он думал именно о звездах. За исключением одного-двух постов, на кафедры факультета пришли —

благодаря Солодкову и Цаголову, стоявшему за ним, — действительно яркие ученые.

Правда, определенные ограничения Цаголов соблюдал: новые заведующие должны были быть лично с ним «сочетаемы». Эту личную «стыковку» Цаголов настолько ценил, что порой шел на назначение ученых, не согласных с его концепцией, но лично к нему абсолютно лояльных.

Такая линия Цаголова была очень удачной еще и потому, что ректор МГУ академик Иван Георгиевич Петровский считал посты заведующих кафедрами своей «номенклатурой» и следил за тем, чтобы факультеты выдвигали на них действительно известных и при этом прогрессивно мыслящих ученых.

В итоге у нас на факультете появились в качестве заведующих Л.Я. Берри, В.С. Немчинов, Л.А. Костин, С.С. Шаталин, А.И. Анчишкин, Т.С. Хачатуров, Д.И. Валентей, Г.А. Егиазарян, А.Д. Шеремет.

Да и я сам стал заведующим кафедрой в качестве «итога» усилий трех сил: Солодкова (который, как я упоминал, был моим учителем), Цаголова, который всегда хорошо ко мне относился, и в значительной мере И.Г. Петровского. Сложность состояла в том, что саму кафедру управления надо было создавать впервые в МГУ. Другая проблема — возраст. Я был самым молодым доктором экономических наук в стране. И тридцатипятилетний заведующий — это было нечто нестандартное для МГУ. Тем не менее Солодков и Цаголов меня выдвинули. И тут решающей стала позиция И.Г. Петровского.

Давным-давно, еще на втором курсе, в Комитете комсомола МГУ мне поручили быть председателем комиссии, разбиравшей «дело биологов». Пользуясь XX съездом партии, генетики

биофака начали брать реванш у «мичуринцев». Все это захлестнуло и комсомол биофака. Поэтому наша разборка комсомольцев легко могла стать толчком для разборок и по партийной, и по административной линии. Видимо, поэтому на заседание бюро Комитета ВЛКСМ (наш Комитет имел права райкома) пришел и И.Г. Петровский, и секретарь парткома К.А. Салищев. Я во всем детально разобрался, сделал аргументированный доклад и завершил его выводом: ничего лежащего в идейной и политической плоскости нет, а в научные споры в области естественной науки комсомол вмешиваться не должен. Как всегда дремавший Петровский вдруг открыл глаза и очень напряженно на меня смотрел. Не менее напряженно смотрел и профессор К.А. Салищев. Бюро согласилось со мной, никого из комсомола не исключили — ведь только что состоялся XX съезд. А Петровский и Салищев на долгие годы — до конца своей жизни — и следили за мной, и помогали во всех делах: меня оставили в МГУ, дали московскую прописку и т.д. И идея о создании кафедры для меня получила поддержку ректора Петровского.

И все же, несмотря на контроль И.Г. Петровского, главный вклад в назначение на посты заведующих ярких ученых внесли именно Цаголов и Солодков. На них, конечно же, «давили» знакомые, толкали «своих». Но они в основном стойко вели свою линию.

Думаю, что и тут Цаголов был последователен. Чтобы факультет придавал вес кафедре политэкономии, этот факультет должен блистать.

Главную задачу — сделать экономический факультет МГУ уважаемым и авторитетным учебным и научным учреждением и тем самым существенно подкрепить и свою кафедру, и свою концепцию — Цаголов решил.

ПОБЕДА НАД ИНСТИТУТОМ ЭКОНОМИКИ

В МГУ помимо кафедры политэкономии экфака, цаголовской, было еще три кафедры политэкономии: кафедра естественных факультетов, кафедра гуманитарных факультетов, кафедра Института повышения квалификации. По численности они были равны кафедре Цаголова (если не превышали).

Цаголов, конечно же, попытался взять под контроль и эти кафедры. Но эти кафедры искусно маневрировали между Цаголовым и теми программами курсов политэкономии, которые им утвердило Министерство высшего образования (т.е. ЦК КПСС). Отношения у них с Цаголовым были хорошие, но политэкономию они читали какую-то среднюю между цаголовской и минвузовской.

Цаголов понимал, что если даже в самом МГУ не удаётся победить, то надо добиться перелома «наверху».

Надо отдать должное Николаю Александровичу — он всегда умел определить и точку главного удара и наиболее слабое звено противника.

Такой «точкой» был тот самый Институт экономики Академии наук СССР, из которого Цаголов ушел в МГУ. Этот центр оказался и наиболее слабым звеном.

Отдел политэкономии Института, возглавляемый Хронродом, не смог чем-то себя зарекомендовать. Желающих объяснять экономическую политику КПСС в стране хватало и без него. А вот весомых теоретически обоснованных рекомендаций от Института не поступало.

Между тем дела в экономике страны шли все хуже, и надо было искать объяснения. Косыгинская экономическая реформа, обеспечив ситуационные улучшения, сошла на нет. И из-за своей внутренней непоследовательности и противоречивости, и из-за

опасений руководства КПСС, что реформа приведет страну к тем же следствиям, которые имели место в Чехословакии.

Попытки что-то менять предпринимались. Был подготовлен комплекс мер по ускорению научно-технического прогресса. Но все осталось на бумаге: у Брежнева случился очередной инфаркт, и лидеры стали думать не о содержании политики, а о ее кадровом и лидерском аспектах.

Создалась ситуация, позволяющая Цаголову решить две взаимосвязанные задачи: сделать свою концепцию политэкономии социализма официально принятой и победить главного конкурента — Институт экономики.

Цаголов прекрасно знал законы партийно-государственной бюрократической машины. И он начал с выдвижения на важные посты в идеологических отделах, в отделах науки и вузов в Московском горкоме партии, в Министерстве высшего образования, в ЦК КПСС работников, близких Цаголову по взглядам или просто из его школы.

Ориентируясь в аппаратных играх, Цаголов «выходил» и на вновь назначенных руководителей. Он понимал, что им нужно немедленно чем-то о себе заявить, доказать правильность своего назначения. Материалы с цаголовской критикой и цаголовскими предложениями оказывались очень кстати.

Помню, как все чаще и чаще в самых различных структурах я слышал добрые отзывы о Цаголове — как только там узнавали, что я с экономического факультета МГУ. Ну а когда в научном совете по кибернетике АН СССР, руководимом академиком А.И. Бергом, от одного из его заместителей, хорошо известного в некоторых кругах контр-адмирала, я услышал, что в таком-то

вопросе прав Цаголов, а не экономисты из их же академии, я понял, что плацдарм у Николая Александровича подготовлен.

Все было оформлено как подготовка постановления ЦК КПСС о работе Института экономики.

В отделе науки ЦК КПСС создали новый сектор — сектор экономической науки. Руководителем сектора стал профессор П.А. Скипетров, близкий по взглядам Н.А. Цаголову.

Сектор должен был «обозначить» себя. А обозначить себя в партаппарате ЦК КПСС можно было наиболее испытанным способом: секретариат ЦК КПСС должен принять постановление по вопросу, который подготовил сектор. Это было признание сектора, и потом лет пять можно было «питаться» этим постановлением, организуя его реализацию.

Сектор хотел, чтобы Секретариат ЦК КПСС принял постановление, — это понятно. Но почему темой этого постановления сделали Институт экономики? Думаю, тут было два обстоятельства.

Первое — это неготовность Института экономики предложить что-то новое.

Помню, перед очередным съездом партии готовился доклад А.Н. Косыгина по пятилетке. Оставалось один-два дня. Нас, тех, кто помогал, уже и домой не отпустили — спали мы на диванах в Кремле. И вот в самый разгар работы, когда руководивший «доводкой» председатель ЦСУ СССР Старовский шел по тексту со своей мерной — «вычеркнутая фраза ошибок не содержит», помощника А.Н. Косыгина Карпова подозвали к телефону. Оказывается, работавшая на какой-то даче группа ученых Академии наук хотела задать несколько вопросов, чтобы завершить свою работу. Карпов еле сдержался, сказав «сейчас некогда», а потом разразился матом — весьма

нетипичным для этого очень воспитанного и очень вежливого человека (у Косыгина работали такие кадры). Институт экономики со своими бумагами опоздал катастрофически. И так повторялось не раз.

Другое обстоятельство состояло в следующем. Болезнь Л.И. Брежнева обострила вопрос о его преемнике. Все готовились к схватке: сплачивались идейно, сплачивались организационно, увязывались лично.

Разумеется, базой этих процессов не могли быть действительно важные аспекты. Борьба шла «под ковром». Нередко по совершенно третьестепенным вопросам. Я не раз удивлялся: вопрос яйца выеденного не стоит, а копья ломаются беспощадно. Я потом понял: тут что-то не то. На деле идет какой-то другой процесс. Не решаясь прямо спрашивать, ты с кем, задавали другие, косвенные вопросы. Словом, как в популярной шутке тех лет: а вы против кого дружите?

Одной из лакмусовых бумажек стал еврейский вопрос. Брежнева и его группу считали украинской, точнее, днепропетровской с сильной еврейской составляющей. Поражение любимого союзника СССР — арабов — в войне с Израилем не могло не вызвать среди части лидеров антиеврейские настроения. К тому же кто-то в армии и военно-промышленном комплексе (где КБ и институты всегда грызлись как собаки) попытался объяснить более худшие, чем у израильской армии, результаты не только тем, что арабы не умеют применять наше хорошее оружие, но и тем, что кто-то из евреев в нашем военно-промышленном комплексе и в армии (упоминали какую-то секретаршу генерала Павловского) передал Израилю технические данные нашего оружия.

Как бы то ни было, это было время очевидного всплеска антисемитизма. Захлестнул он и науку, и вузы. Так как схема везде была очень сходная, я склонен думать о наличии какого-то общего координационного центра.

Схема была такая. Сначала в организации — НИИ или вузе — возбуждали конфликт между ведущими, обычно конкурирующими друг с другом учеными-евреями. Затем партаппарат посылал комиссию. Она делала вывод, и в организацию направлялся новый начальник. Он сначала изгонял более слабую еврейскую группу (или тех, кого он называл группой), а спустя некоторое время изгонял уже и вроде бы победителей.

По этой нехитрой схеме действовали в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова (где спорили А.М. Бирман и С.Е. Каменецер), во Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте. По этой же схеме решили действовать и в Институте экономики.

В Институте шла схватка действующего директора Л.М. Гатовского с противниками, которые, по их мнению, из-за него не могут попасть ни в члены-корреспонденты, ни в действительные члены академии. Л.М. Гатовский, как шутил один доктор, оказался великим организатором — в ненависти к себе он сплотил весь коллектив. Противники хотели заменить директора. Кандидат был — один из замов Гатовского. По документам он был русский, но его мама была еврейкой. Кстати, это была типичная форма сопротивлению антисемитизму: выдвигали на пост не еврея, по существу солидарного с евреями (по идеям, а то и по крови).

Вот ЦК и воспользовался атаками на Гатовского, чтобы послать в Институт экономики комиссию.

Цаголов очень умно сам в комиссию не вошел. Комиссию возглавил наш декан М.В. Солодков. И весь состав комиссии означал, что она будет «процаголовской».

Комиссия подготовила разгромную справку. Это было нетрудно. Институт экономики был типичным кооперативом «надомников». Известные ученые писали дома или в библиотеках книги. В Институт — где даже один стол приходился на двух человек — приходили в «явочные дни» пообщаться. Если у сотрудника раз в три года выходила книга — значит, у него все в порядке. Книги были в основном неплохие, порой даже отличные — но каких-либо проектов и рекомендаций при такой организации дела получить было трудно.

Я тоже входил в состав этой комиссии. У меня к Институту экономики были свои счеты. Он — как я считал — не давал должного отпора наступлению Центрального экономико-математического института. А ЦЭМИ сначала вообще чуть ли не солидаризировался с моделью полной «АСУнизации» страны академика В.М. Глушкова (модель предполагала замену всего аппарата управления экономикой сетью автоматизированных центров — АСУ). Потом ЦЭМИ перешел к другой модели — СОФЭ, где все планирование и управление заменяла сложно взаимодействующая иерархия математических моделей. Я, как сторонник других взглядов по управлению, считал СОФЭ и АСУ главными опасностями, чем-то вроде «электронного фашизма». И, естественно, негодовал на Институт экономики, который первым должен был бы бороться со всем этим.

В Институте экономики значительную часть ведущих ученых составляли евреи, и разбор Института неизбежно принимал антисемитскую окраску.

В постановлении ЦК КПСС Институт был резко раскритикован. Новый директор был назначен со стороны — Е.И. Капустин. Первым его заместителем и руководителем отдела политэкономии стал заместитель Цаголова по кафедре, думаю, что лучший из его сотрудников и соавторов профессор В.Н. Черковец.

В общем, Цаголов мог торжествовать. Реванш за его обиду состоялся. Появилась и стартовая площадка для победного наступления. Казалось бы, после такого разгрома будут естественные следствия — захват Минвуза, принятие программы политэкономии для вузов «в духе Цаголова», захват журналов, Советов по защитам — словом, все то, что происходило, скажем после разгрома генетиков и победы лысенковцев в биологии.

Но ничего кардинального не произошло. Стратегическая победа Цаголова не была ни развернута в цепь тактических успехов, ни даже закреплена. Почему?

Думаю, главными были несколько факторов.

Первый — сам Цаголов. Он мог отпустить ту или иную антиеврейскую шутку. Но в целом он не был антисемитом. Да и не мог им быть — как настоящий интеллигент. Думаю, что ему не мог не претить «национальный аспект», которым кое-кто настойчиво пытался пронизать научную дискуссию. Далее, Цаголов недавно женился, родилась дочь и семья — очень, на мой взгляд, удачная — все же его отвлекала от той огромной организационной работы, которая была нужна для реализации успеха. И, наконец, здоровье. Цаголову уже было семьдесят лет, и это не могло не сказываться.

Второй фактор — и нехватка кадров цаголовской школы, и, как я отмечал, их особенности. Выставшие за спиной Цаголова, они, назначенные на самостоятельные посты, работали не на том

уровне, которого требовали эти посты. К самостоятельному плаванию моряки с корабля Цаголова оказались не очень готовы, какой бы хорошей командой они ни были под крылом своего капитана.

Третье обстоятельство — научное. Рекомендации школы Цаголова касались во многом того, как преподавать политэкономии. Выводов о том, как руководить страной, было мало. Общие декларации и заявления. Когда дело дошло до ситуации — хорошо, слушаем вас, предлагайте, — начал сказываться абстрактно теоретический подход. От вроде бы правильной «идеальной» схемы путей к реальной жизни не находили.

И все же главным я считаю четвертое обстоятельство.

На верхних этажах партии именно в эти годы отобилизовалась и перешла к действиям по захвату власти группа, выступавшая против московско-уральско-ленинградской группы (центральнорусской). Опорой «центровиков» были военно-промышленный комплекс и армия. Но цепь непрерывных поражений наших союзников в арабо-израильских войнах уменьшала заслуги и авторитет этой группы. А когда начались провалы в афганской войне (я порой думаю, что ее и затеяли именно для дискредитации не столько армии и ВПК, сколько для дискредитации опиравшейся на них группировки захвата власти в КПСС) и нависла перспектива проигрыша «звездных войн» судьба центральнорусской группировки в части её претензий на руководство КПСС была предрешена.

Вот этот-то провал центральнорусских лидеров КПСС не мог не сказаться на отношении к Цаголову, которого причислили — частично обоснованно, частично необоснованно — к этому направлению.

Как бы то ни было, многолетняя осада Института экономики, штурм этой «крепости» и победа не стали для Н.А. Цаголова стартом для нового победного марша. Даже в самой узкой области — переиздание учебника Цаголова — даже тут не удалось добиться успеха.

УТРАТА И ОБРЕТЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Для судьбы концепции Цаголова оказались важными не только события на «внешних фронтах», но и изменения на экономическом факультете.

Развитие экономического факультета определялось спросом на преподавателей политэкономии. Этот спрос рано или поздно должен был стабилизироваться, в основном соответствуя числу мест преподавателей в стране и числу покинувших эти посты по возрасту.

С другой стороны, рос спрос на экономистов новых направлений. Их на факультете было два. Во-первых, специалисты по зарубежной экономике. Во-вторых, специалисты в области планирования, управления и экономико-математических методов.

Зарубежников готовил МГИМО. Качество подготовки там было с точки зрения знания языка неплохим, а вот в области экономики подготовка была несопоставима с тем, что давал экфак МГУ.

Влиял и состав студентов. В приеме среди студентов МГИМО преобладали дети высокопоставленных сотрудников МИД и других органов. Все начальство видело будущее своих детей не в службе в армии (как было перед войной при Сталине) и вообще не в работе в СССР, а в зарубежных посольствах и представительствах, превращавшихся в кормушки для недорослей номенклатуры.

А на экономическом факультете МГУ отбор шел более качественно, отбирались лучшие.

Так зарубежное отделение экфака МГУ все больше становилось мечтой «элиты».

В области планирования, управления и экономико-математических методов тоже были вузы, выпускавшие специалистов. Но опять-таки теоретический уровень наших выпускников был существенно выше. Один руководитель Госплана СССР как-то сказал мне: «Первые три года у нас лучше работают выпускники экономических вузов — Плехановского, финансового и т.д. Но через три года карьеру быстрее делают ваши выпускники».

Уровень, выделявший наших выпускников, в значительной мере был связан с уровнем преподавания экономической теории, за которую отвечала кафедра Цаголова. Влиял и высокий уровень преподавания математики в МГУ, а также быстро укрупняющиеся кафедры самого факультета.

Расширение приема на зарубежку и экономико-математические методы увеличивало число часов для кафедры политэкономии, вело к ее росту. Но с другой стороны, на обоих отделениях объем курсов политэкономии неизбежно сокращался — надо было найти время для «своих» предметов. А через «свои» предметы студенты узнавали и о современных экономических теориях, и о концепциях менеджмента. Окна для веяний с Запада оказались приоткрыты.

Скажем, студент зарубежки Егор Гайдар, специализирующийся по Латинской Америке, мог, изучая Чили, при желании освоить и экономические концепции либерализма, принятые чилийской хунтой, которой руководил Пиночет. А студенты отделения матметодов, изучая эффективно зарекомендовавшие себя на

Западе модели, усваивали и те теории, скажем, предельной полезности, которые были основой этих моделей.

Еще один фактор — развитие хоздоговорных работ. Их разрешали в силу необходимости дать дополнительный заработок преподавателям, жизненный уровень которых все время падал. Эти работы вели не только к росту числа сотрудников конкретных кафедр, но и расширяли их знания реальной жизни, что укрепляло их позиции в любых научных дискуссиях.

Так создавалась объективная основа для кризиса на факультете, считавшемся сугубо политэкономическим.

На эти объективные процессы наложились субъективные.

Сам Цаголов — по возрасту и по здоровью — все более и более переходил к дистанционно-явочному виду руководства. Неделю-две он отсутствовал, затем являлся на кафедру и учинял тотальный разнос всем и вся. Все терпели, так как знали, что завтра его уже не будет и можно будет опять работать без напряжения. При этом число «явлений Христа народу» в течение учебного семестра неуклонно сокращалось. Учитывая уже упомянутый мной характер его заместителей, крупные вопросы без Цагорова не решались, а самого «Цагорова» становилось на кафедре и факультете все меньше. Контроль Цагорова над кафедрой, и тем более над факультетом, ослабевал.

И тут стал влиятельным новый фактор — декан Солодков стал дистанцироваться от Цагорова. Солодков получил все — профессора, кафедру, защитил диссертацию. Солодков стал развивать свое научное направление — экономику непродушенной сферы, создал лабораторию экономики образования. Появился круг молодых ученых, которые для Солодкова становились гораздо более близкими, чем Цаголов.

Еще сильнее стало следующее обстоятельство. Факультет, более половины студентов которого уже не были политэкономами и более половины преподавателей и сотрудников которого также не были политэкономами, потребовал от Солодкова поиска кадров, в подборе которых ему Цаголов ничем не мог помочь.

К сожалению, среди окружавших Солодкова стали появляться и люди сомнительной репутации. Сомнительные люди рвали на факультет, так как престиж учебы на нем рос, конкурс при приеме становился все более высоким, чуть ли не наиболее высоким в МГУ. И стремление родителей обеспечить прием ребенка не могло — в рамках расширяющейся в стране коррупции и появления людей с большими деньгами — не вести к росту «цены приема» на факультет. В общем, было где погреть руки. Надо было только стать нужным или близким Солодкову.

Думаю, что существенным был и внутренний «слом» самого Солодкова. Умный и грамотный руководитель, он не мог не видеть развертывающегося кризиса советской системы. Отреагировал он вполне в духе Владимира Высоцкого: «Мы дети страшных лет России — безвременье вливало водку в нас». Начал работать и обычный спутник выпивок — женский фактор.

Цаголов не мог не видеть всего этого. Но думаю, не сразу осознал опасность и ее масштаб. Солодков становился чем-то, что снижало тот самый имидж факультета, над созданием которого многие годы работал Цаголов вместе с тем же Солодковым. Другие члены Совета — а деканы в МГУ избирались (это были остатки университетской демократии дореволюционных времен, частично ожившие после XX съезда КПСС) — думали еще жестче.

Формальным поводом для принятия решений стало переизбрание Солодкова на новый третий срок. Новый ректор МГУ —

академик Р.В. Хохлов — применил демократический принцип: ничего не обсуждая, он раздал всем членам Совета по две совершенно одинаковые бумажки. Одна — со словом «Да», другая — «Нет», и предложил вернуть ему по одной бумажке. Просмотрев, он сказал: все ясно. Верните мне и те бумажки, которые вы оставили у себя — мне все понадобится на других факультетах. И объявил: будем искать кандидатуру нового декана. Начались сложные переговоры с претендентами.

Меня в это время на факультете не было: я был в Вене, проходил двухмесячную стажировку на пост заместителя директора Международного института прикладного системного анализа (этот пост там закрепили за СССР). Искал дом для семьи, решал вопросы учебы сыновей и т.д. Поздно ночью раздался звонок — звонил Хохлов. Тебе надо срочно вернуться в Москву. Нужен декан. Я попытался возразить, что столько сил и Гвишиани, и Аганбегяна, и его самого было потрачено на организацию моего назначения. Но он ответил кратко: поверь, у меня нет выхода, возвращайся.

Хохлов был мой хороший знакомый и по комсомольской, и по партийной работе, и по увлечению горами (он был альпинистом, а я занимался горным туризмом). Когда Хохлов стал ректором, у меня отношения с ним укрепились. Хохлов был членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, был членом Президиума Верховного Совета, очень активно участвовал в обсуждениях проблем страны. Он начал привлекать меня сначала для консультаций, а затем все переросло в наши более чем откровенные дискуссии. Это совсем другая тема — Рэм Хохлов, но я уверен, что в его лице и партия, и страна потеряли возможного вождя. Он обладал всем, чего не было у А.Д. Сахарова и что мешало Сахарову занять место лидера страны. Хохлов был шансом для интеллигенции получить

во главе страны интеллигентом высокого уровня. Но нашей стране в конце XX века катастрофически не везло: Хохлов погиб.

Хохлову я отказать не мог. К тому же мне позвонили еще два близких мне человека — заведующие кафедрами А.И. Анчишкин и С.С. Шаталин. Они тоже считали: немедленно выезжай. 29 марта 1977 года я выехал из Вены. Перед выборами я долго беседовал и с Солодковым, и с Цаголовым. С М.В. Солодковым разговор был полуделовой, полуоличный. Я заверил его, что если меня изберут деканом, я ни при каких условиях не допущу «расследований» и «разборок».

Гораздо важнее была беседа с Н.А. Цаголовым. Я открыто изложил Николаю Александровичу свою концепцию работы деканом. «Я глубоко ценю теоретический характер нашего факультета. Я буду добиваться переиздания Вашего учебника. Но я должен высказать свое откровенное мнение: в одиночку ни кафедра, ни учебник не победят. Возможность была несколько лет назад — не по Вашей вине ничего не получилось. Будущее политэкономии на нашем факультете — быть центром тройки. С одной стороны — зарубежники. С другой — отделение планирования и матметодов. И, — я опять-таки откровенен, — сначала я должен укрепить «пристяжных». Если такое видение будущего Вас устраивает — проблем нет. Если нет — дайте Ваше видение перспективы». Цаголов сказал, что ему надо подумать. На другое утро он позвонил и сказал, что идея «тройки» его устраивает. 31 марта тайным голосованием, чуть ли не единогласно Совет избрал меня деканом.

Как декан, я разработал долгосрочную программу модернизации факультета. Кое-что удалось и сделать: мы получили

возможность переехать в новое здание и расширить свою территорию. Создали кафедру экономики природопользования. С невероятными усилиями удалось приобрести — несмотря на все официальные запреты — в США (через две нейтральные страны) современный компьютер и создать вычислительный центр. За границу стали ежегодно выезжать на стажировки преподаватели и аспиранты в несопоставимых с прежним масштабах. Я постарался, чтобы ездили и молодые доктора с кафедры Цаголова.

Но в целом я проиграл. Летом 1977 года погиб на Памире Рэм Викторович. И я допустил первую стратегическую ошибку: я решил, что можно попытаться работать с новым ректором. На деле можно работать — если, конечно, не отбывать время — только с единомышленником. В советской системе работать «без крыши» было еще более невозможно, чем в сегодняшней России. «Крыши» у меня не оказалось.

Вторая стратегическая ошибка состояла в попытке избраться в Академию наук СССР. Я хотел перед большими «боями» вокруг факультета все же чем-то компенсировать уход Хохлова. И я решил избраться в Академию наук. В тогдашней советской системе Академия была во многом независима и от власти, и даже от ЦК партии (достаточно сказать, что зав. отделом науки ЦК годами не мог «пробиться» даже в члены-корреспонденты Академии). Рассуждения мои абстрактно были верны, но конкретно сориентироваться я не смог, допускал ошибку за ошибкой. Понял, что проигрываю, но отойти я вовремя не сумел.

Я не сумел разобщить и силы противников — прежде всего тех, кто считал меня ревизионистом и даже антисоветчиком и видел во мне исключительную опасность для политэкономии, и

тех, кто потерял контроль над приемом на факультет и выступал против меня по чисто шкурным соображениям.

К стратегическим добавилась масса ошибок тактических. Через три года мне пришлось принять решение — в перевыборах на новый срок не участвовать. Увешанный партвзысканиями, я ушел.

Мои планы создать факультет в варианте трех центров и на этой основе сохранять и развивать кафедру политэкономии не удались. Факультет вернулся к декану-политэконому.

Цаголов — надо прямо сказать — никакого участия ни в каких компаниях против меня не принимал. Но, с другой стороны, он и не мешал части своих кадров организовывать наступление на меня.

Из реванша у политэкономов ничего не получилось. В стране начались новые времена — Андропов, Черненко, Горбачев. Политэкономы школы Цагорова оказались способны только на одно: выдвинуть группу молодых ученых, сторонников возрождения марксизма-ленинизма и очищения его от всех наслоений послесталинских времен. При поддержке помощника Черненко В. Печенева и под руководством главного редактора «Коммуниста» Р. Носолапова они попытались предложить партии и стране свою альтернативу. Но было уже поздно: дни Черненко, под сенью которого они надеялись сплотиться, промелькнули.

К началу перестройки школа политэкономии экономического факультета — за некоторыми персональными исключениями — оказалась вне главных течений. И экономический факультет она снова «отдала» — как в 1977 году, — но на этот раз не «конкретникам», а «зарубежникам». Политэкономы факультета оказались не в состоянии выдержать бури новой эпохи.

КТО ПОДГОТОВИЛ РЕФОРМАЦИЮ?

Н.А. Цаголов завершил свой жизненный путь в своеобразном сочетании «блеска и нищеты».

С одной стороны, заслуженный деятель науки, широко известный и глубоко уважаемый ученый и педагог. На груди — все высшие награды СССР — орден Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Трудового Красного Знамени.

С другой — очевидное и наиболее ясное именно ему самому несомненное поражение разработанной им концепции политической экономии социализма. Эта концепция не сумела стать не только теоретической основой руководства государства, но и не завоевала даже права считаться официальной программой курса, преподаваемого в вузах и техникумах страны. Учебник Цаголова на многие годы безнадежно застрял в тупиках Министерства высшего образования.

По существу, дело всей жизни — после великих успехов и триумфов — вернулось к исходному: к расположенной в пяти-шести комнатах четвертого этажа корпуса гуманитарных факультетов МГУ одной из кафедр экономического факультета. То же случилось со старухой в сказке Пушкина о рыбаке и рыбке.

При этом поражение политэкономии Цаголова наступило не в годы перестройки и даже не в годы распада СССР, а значительно раньше. Как и поражение моей собственной науки — теории управления социалистическим производством или экономико-математической концепции экономики социализма, — беда к политэкономии Цаголова пришла от самого строя государственного социализма и была одним из признаков и составной частью внутреннего разложения не соответствующих характеру производительных сил базиса и надстройки советского строя. Концепция

Цаголова — опять-таки говоря словами Пушкина — «приняла смерть от коня своего».

Концепция Цаголова стала жертвой того самого разложения, которое обрекло на неудачу попытку организовать реформы при власти КПСС в период перестройки и предопределило гибель социализма в период революции 1989–1991 годов. Советская система к концу восьмидесятых превратилась в нечто, готовое рухнуть в результате самых незначительных потрясений.

На многих встречах и лекциях я не раз слышу заявления — иногда с похвалой, чаще в обвинительном духе: «Это вы развалили СССР и социализм».

На такие заявления — исходят ли они от восторгающихся или от негодующих — я всегда отвечаю одинаково. Вы меня хвалите, вы меня поднимаете на небывало высокий пьедестал и приписываете мне чрезмерные силы и почти демонические возможности. Вспомните знаменитое заявление Сталина, когда ему сказали, что вожди оппозиции не признают обвинений. «Сколько миллионов тонн стали и чугуна производит наша страна? Сколько миллионов человек в Красной армии? Разве может один человек перевесить все это?»

Я никогда не скрывал, что приложил все свои силы и способности, чтобы устранить угрожающий самому будущему России, не оправдавший ни надежд, ни грандиозных усилий миллионов людей строй, чтобы он был заменен тем строем, который доказал свое соответствие современному уровню цивилизации. Но я не считаю себя главным в реализации этой исторической идеи. Мне выпала судьба принять активное участие в похоронах, но смерть наступила от других причин. От каких?

Жизнь и судьба Николая Александровича Цаголова позволяет кратко обсудить причины гибели социализма.

Лишившиеся кресел и кормушек коммунистические начальники СССР охотно и с воодушевлением говорят, что они потерпели поражение в жесточайших схватках холодной войны с США.

Такая версия того, кто тебя выбил из седла, конечно, очень почетна. Я вовсе не бездарен и не сидел не в своем кресле. Напротив, я дрался славно, но противник оказался сильнее. Так что и ругать меня не за что. И в будущем я скорее всего буду власти нужен, я все же настоящий боец.

Вся эта версия «победы США» совершенно не вяжется ни с полной растерянностью США перед фактом распада СССР, ни с полной неготовностью разведслужб США что-то предсказать, ни с фактическим банкротством целого лагеря высококвалифицированных «советологов», которые оказались совершенно растеряны. Странный победитель, на которого победа свалилась как снег на голову.

На самом деле США, прилагая гигантские усилия, все же не победили, а просто вдруг оказались перед неожиданным для них падением противника. Кстати, и до сих пор не могут найти правильного способа действий.

Другая версия гибели советского строя главную причину переносит уже «внутри» страны. Конечно, это уже «теплее». Но причину эта версия видит в коварном замысле то ли масонов, то ли евреев, то ли кого-то еще. Так сказать, пригретая за пазухой змея укусила, и укус оказался смертельным.

В этой версии все красиво и логично, но никаких фактов под ней нет. Ни доказательств наличия заговора, ни факторов деятельности этого заговора. Тотальный контроль КПСС и КГБ над

страной, чуть ни над каждым вздохом каждого гражданина полностью отвергает саму возможность создания и тем более функционирования такого заговора.

Понимая это, иные «теоретики» переносят заговор в недра самого КГБ, даже приписывают лидерство начальству КГБ. Такое истолкование опять-таки льстит нашим охранителям: все же это мы, а ни кто другой, сами затопили свой корабль.

Я не буду перечислять прочие версии. Если стоять на почве марксизма, то есть только одна верная версия: строй, для утверждения которого создали мощную государственную машину, на создание которого истратили грандиозные ресурсы, во имя которого разграбили природу и лишили наших потомков принадлежащих им богатств недр и, самое главное, во имя которого уничтожили десятки миллионов жизней людей и почти всю элиту народов России, оказался не соответствующим цивилизации XX века.

И с этой точки зрения, говоря о том, кто же внес главный вклад в поражение социализма, я отвечу: разумеется те, кто больше всего на него работал, т.е. правящая бюрократия социализма. Это она, попробовав все, что можно, довела страну до полного краха.

Но неценимую помощь этой правящей страной бюрократии оказали и те, кто напряженно искал рецепты лечения. Как безрезультатное (кроме первых успехов) применение этих научных рекомендаций, так и неприменение этих рецептов сыграло исключительную роль в судьбе СССР.

Это касается всех естественных и технических наук. Это касается и всех социальных наук. В том числе и экономических, в том числе и политэкономии. Именно повторяющиеся с

неизменным постоянством первоначальные успехи от новых решений, временные удачи и конечные неуспехи приводили всех, кто мыслил трезво и непредвзято, к мучительным выводам, что дело не в том, что поставляемый нами корм «не в коня», что дело не в низком уровне руководителей, получающих от нас советы, а в чем-то гораздо более фундаментальном — в непригодности самой машины. Эта исходная непригодность предопределяет появление слабых лидеров, накладывает неустрашимые ограничения на наши предложения, приводит к краху всех попыток что-то реформировать.

Я уважаю личное мужество и вижу тяжелейшую судьбу многих, кто уехал или кого изгнали из СССР. Но я глубоко уверен, что они не были ни первым, ни вторым, ни даже третьим эшелонном наступающих на тоталитарный социализм колонн.

Первым было руководство СССР. Вторыми — те, кто, как Цаголов и я сам, непрерывно искали рецепты и непрерывно оказывались у разбитых корыт. Третьими были те, кто наконец сделали вывод, что рецептов вообще нет и надо отказаться от реального социализма и перейти, как пел Высоцкий, «красные флажки».

Н.А. Цаголов был среди тех писателей, ученых-естественников, деятелей культуры и техники, историков, экономистов, журналистов, кто своей честностью, своей невероятной активностью, своей добросовестностью подготовил не подлежащий пересмотру приговор государственному социализму: вылечить этого смертельно больного невозможно.

И далеко не случайно, что экономический факультет с его ведущей кафедрой политэкономии дал новой России и её первого некоммунистического премьера — Егора Гайдара, и многих министров правительства, и бывшего лидера Госбанка России

Дубинина, и нынешнего лидера Госбанка Игнатьева, и главу Внешэкономбанка Костина, ну и меня — первого свободно и альтернативно избранного москвичами мэра Москвы. Все мы связаны с Николаем Александровичем и тем, что следовали ему, и тем, что порвали с ним, когда это стало неизбежно.

В целом всей своей деятельностью Цаголов приближал то будущее, в котором мы теперь живем. Его научные усилия важны для развития социалистических идей.

Внести свой вклад в движение своего времени к будущему — что может быть достойнее для интеллигента?

Оставить для будущей социалистической идеологии непротиворечивую и логичную утопическую модель всей экономики — что может быть достойнее для социалиста?

2003 г.

ХАРИТОН ГАВРИИЛОВИЧ ПОПОВ

МАТИРОЛОГ ИВАНА ДЖУХИ

Иван Георгиевич Джуха принадлежит к тем активистам демократического движения, которые восприняли поражение избранных лидерами этого движения форм деятельности, сосредоточенных на добывании депутатских мест, не как конец света, а как необходимость искать другие, прежде всего не-парламентные формы развития демократии в России.

Он поставил себе цель: написать серию книг, посвященных грекам СССР, погибшим в результате репрессий советской власти в ходе строительства сталинского социализма. И, как сам пишет, не потому что «преследую цель убедить читателя в том, что греки — самые гонимые или самые преследуемые этим социализмом... Русские и украинцы... подвергались большевиками репрессиям постоянно и понесли самые большие потери. Я пишу о греках, поскольку сам являюсь частицей этого великого этноса».

Фондов для финансирования начинаний типа проекта Ивана Джухи у нашего нынешнего государства, разумеется, не ока-

залось. Все делается на энтузиазме автора и добровольных пожертвованиях сочувствующих ему.

Уже вышла в издательстве «Алетейя» в Петербурге его первая книга — «Греческая операция» — из серии «Греческий мартиролог». Слово «мартиролог» означает «список жертв» и происходит от греческого слова «свидетель».

Свой долг российского демократа и российского грека Иван Джуха выполняет, пытаясь собрать, спасти и сохранить то, что хотели бы забыть, затерять, «стереть в лагерную пыль» те, кто думают, что можно воспитывать молодое поколение и строить новую Россию, скрывая и игнорируя уроки прошлого.

Книга Джухи абсолютно документальная. Она вся из свидетельств, устных и письменных. Работая над материалами, Иван Георгиевич обнаружил письмо моего отца генеральному прокурору СССР А.Я. Вышинскому с ходатайством о помиловании заключенного.

Честно говоря, я не поверил.

Во-первых, отец всегда был с советской властью. Он всем был обязан советской власти: учебой на рабфаке, в Тимирязевской академии, аспирантурой и всем остальным — от ученых степеней и званий до должности заведующего кафедрой. И представить, что он сомневается в решениях власти, я просто не мог.

Во-вторых, отец был очень осторожный человек. Он даже дома, если начинались споры с мамой на острые злободневные темы политического характера, всегда переходил на греческий язык. Они с мамой сознательно не обучали нас, детей, греческому языку — чтобы секретничать от нас. И этот сверхосторожный человек пишет ходатайство за заключенного?

В-третьих, обнаруженное письмо датировано февралем 1938 года. А письмо, направленное первым, написано в 1937 году. Разгар репрессий и арестов. Каждую ночь кого-нибудь увозят, а отец пишет жалобу на действия НКВД? Он, что, не понимает, что одного намека из органов достаточно, чтобы и его, и маму выгнали бы из Тимирязевки — если бы не «удостоили» чем-то более страшным. Не вмещалось в голове — он был умным человеком.

Ну и наконец, семейная ситуация. Я родился в конце 1936 года. В 1938 году мама беременная, семья ждет второго ребенка. Оба учатся в академии, живут в общежитии. От родителей — ни рубля, так как те сами еле выживают. Отец по вечерам преподает — чтобы иметь деньги для семьи — в вечерних школах. Год за годом это единственный приработок. И времени вечно не хватает. Когда сочинять послания в прокуратуру?

В общем, я не поверил.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Но вот ксерокс у меня. Сомнений нет — это письмо отца. От руки. Его почерк — корявый, левши. И ошибки его, характерные.

Да и фамилия человека, за которого ходатайствует отец, говорит, что это какой-то его родственник по линии моей бабушки.

Содержание заявления говорит о том, что отец думал и думал много.

Он не жалуется ни на необоснованный арест, ни на приговор суда. Отец просит о помиловании, хотя логичнее было бы просить о пересмотре дела.

Далее, отец никого не обвиняет в том, что на его предыдущие заявления нет никаких ответов.

Почему все-таки отец писал эти заявления?

Исходными были три фундаментальные черты его характера: чувство справедливости, мужество и вера в советскую власть. Чтобы писать ходатайство в разгар репрессий, рискуя собой, только что родившимся сыном и ожидаемым вторым ребенком, мало одного мужества. Мало самого сильного чувства справедливости. Тут нужна эта самая вера.

Сын безлошадного крестьянина-бедняка — моего деда Гавриила Попова, сам батрачивший у состоятельных соседей-греков, отец считал советский социализм наиболее соответствующим интересам всех бедных.

Думаю, что на решение отца выступить за помилование повлиял и его личный опыт успешной борьбы за освобождение из тюрьмы моего деда.

Дед, служивший в 1905 году в Одессе и во время восстания «Потемкина» участвовавший в отказе солдат своей роты идти на подавление демонстрации, революцию 1917 года встретил с восторгом. Вначале сочувствовал левым эсерам Марии Спиридоновой. Потом крестьянскому анархо-коммунизму Нестора Махно в Гуляйполе, расположенном всего в сотне верст от его села. Но с провозглашением нэпа встал на сторону большевиков. Избирался председателем и сельсовета, и сельской ячейки Рабкрина, и руководителем крестьянских кооперативов.

Когда был объявлен курс на коллективизацию, дед понял, что это ликвидация не только и не столько кулаков, сколько самого крестьянства как класса. Он сопротивлялся. Его сняли

со всех постов, судили, посадили в тюрьму. Конфисковывать в бедняцком хозяйстве было нечего.

Отец был убежден в невинности деда. Он писал статейки в местные газеты, был селькором. Отец воспользовался враждой газеты и местной власти. Газета «подала» арест деда как травлю сельнора. Деда из тюрьмы освободили. А отец уверился, что советская власть — его власть, самая справедливая для бедняков и всех простых людей.

В деле есть отзыв из лагеря в бухте Нагаева (Колыма) от начальника лагеря. В нем он пишет, что заключенный Федор Скударь, осужденный на 9 лет, работает хорошо, ударник, посещает политзанятия, в хороших отношениях с другими заключенными, чистоплотен, дисциплинирован, уживчив. Поэтому ему уже сократили срок — из девяти лет заключения на целых... 92 дня.

Конечно, заключенного не помиловали. Более того, на всякий случай избавились от арестанта, которым интересуется Москва. И к делу подколота справка о том, что заключенный скончался от крупозного воспаления легких в лагерной больнице...

Отец уверен, что сосед не виновен. Но власть считает — виновен. Значит, и он, отец, в ее глазах попадает под подозрения — как защитник ее врага.

Он понимал всю опасность своего положения. Надо было делать выводы.

Он помнил, какие выводы сделал освобожденный из тюрьмы мой дед. Дед всю семью буквально «разогнал» из села. Старший сын — на флот. Другой — на завод в город. Еще один — тоже

на флот. Дочь — в университет в Ленинград. Отца — учиться в Тимирязевку.

Отец отказался и от аспирантуры, и от вариантов остаться работать в Москве. На родину ехать еще опаснее. Отец попросил направить его работать... в Сибирь.

Это был, как я теперь понимаю, лучший вариант. Отца послали работать на Алтай. Это спасло и его, и нашу семью. А я на всю жизнь перестал бояться Сибири и полюбил ее так же, как две другие «опоры» в моей жизни: сначала Дон и донецкую степь, а потом Москву.

Верить по-старому в советскую власть отец уже не мог. Сомневаться во власти — тоже не мог. И он изобрел такую схему. Есть социализм и советская власть как теория. И есть реальная советская система, которая может и отклоняться от модели и даже совершать ошибки.

О СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

И меня отец настойчиво учил различать «идеал» и «реальность». Ты — сын и внук бедняка, ты сын трудового народа. Советская власть — твоя. А с отклонениями — борись.

С отцовской моделью двух социализмов: социализма теоретического, правильного, идеального и социализма реального, требующего улучшений и очистки, я жил долгие годы.

Но чем больше я углублялся в проблемы улучшения, чем ближе я становился к «кухне верхов», чем успешнее шли мои личные дела, тем больше я ощущал недостаточность идеи «жить ради очищения социализма».

Во-первых, отклонений становилось все больше и больше.

Во-вторых, я все больше понимал, что у них есть внутренняя связь, а в этой связи есть логика. Я шел к идее, что «недостатки» социализма — это не свалка частных, а нечто цельное. Потом я эту цельность назвал Административной системой. В советское время еще нельзя было сказать — «государственно-бюрократический социализм».

В-третьих, эта система с годами все меньше думала об идеалах социализма, а прежде всего стремилась к собственным целям. Чаще всего это были цели бюрократии и возглавлявшей аппарат номенклатуры.

Государственно-бюрократический социализм оказался менее эффективным с точки зрения того главного критерия развития, которому меня учили книги Маркса, Энгельса, Ленина, — критерия роста производительных сил, прогресса науки и техники.

Реальный социализм ничего в области технического прогресса не создал. Телевизоры и стиральные машины, компьютеры и синтетика, новые лекарства и автомобили — все появилось за границей. Военная техника и гении нашей науки во многом «кормились» тем, что нашим шпионам удавалось украсть за рубежом.

Если даже власть брала правильный курс — на плотины, на кукурузу, на химизацию, на удобрения, на мелиорацию, — то все обязательно делалось с перегибами, с чудовищно большими расходами, с разрушением окружающей среды, с созданием в центре и на местах гигантского бюрократического аппарата партии и государства.

Со всеми моими доводами отец был согласен. Но в его «счете» к власти на первом месте стояли растущая несправедливость

реального социализма (все эти пайки, распределители и т.д.) и все более наглое вранье народу на каждом шагу.

А вот со вторым направлением моих выводов отец не согласался. А выводы эти были следующие.

Если идейно чистый марксизм-ленинизм породил такой реальный социализм, то это не может быть какой-то случайностью. Надо в нем самом искать «почву» для искажений.

Но более важное состояло в другом. Анализируя теории социализма, я убеждался, что в них не было места техническому прогрессу. Упразднение частной собственности, отдельной семьи и государства уничтожало все стимулы совершенствования.

На мое замечание, что даже идеальный социализм ведет к застою, отец заявил: «Ну и что? Если так, то лучше умереть вместе со справедливым обществом, чем жить при несправедливом».

Я возражал. Если распределять по итогам труда — равенства не будет. Если распределять поровну — то получится несправедливо к тем, кто работает лучше.

А при полном коммунизме вообще никто не будет интересоваться ни справедливостью, ни равенством, так как этот строй возможен только при превращении труда в первую жизненную необходимость, только если понятие «жить» будет означать «работать».

Значит, надо думать о новой теории социализма. А пока что ограничиться теми или иными мерами социалистического характера, реальными для нашего времени. Мои мысли все чаще обращаются к социал-демократии.

Видя, что Горбачев начал захлебываться в своих попытках реформировать СССР, я принял решение выступить против советской номенклатуры, возглавлявшей ее советской бюрократии, ее партии, ее советского социализма, ее советской власти.

Отец, конечно, читал мои статьи. Смотрел дискуссии по телевидению. Меня он никогда не отговаривал. Только когда меня избрали народным депутатом СССР, он сказал: «Страну, Россию, возможно, вы и спасете. А вот деньги трудовому человеку вы сможете платить приличные, как в Европе, только через десятки лет. Но каким бы приличным ни будет этот заработок бедных — сравнение с доходами богатых будет раздражать. Народ выше всего ценит равенство и справедливость».

И еще один был разговор. Узнав, что я решил избираться мэром, он заметил: «Ты имеешь дело с коммунистами. Они никогда ни перед чем не остановятся». Я понял и ответил: «Я готов к любому варианту». Отец помолчал и добавил: «За сыновей не беспокойся. Пока я жив, я сделаю для Ирины и внуков все».

Я сказал: «Я остаюсь социалистом. Но я рву с советским вариантом социализма, с государственно-бюрократическим социализмом». Отец ответил: «Да, этот социализм изменил трудовому народу. Но с его противниками я пойти не могу. Я — крестьянин. Если один посев не уродился — надо сеять заново. Я возразил: «Говоря крестьянским языком, надо сначала выплоть все сорняки, убрать и сжечь ботву и солому, выкорчевать засохшие яблони, зарезать безнадежно больных животных. Пойти и на более сложные меры: заменить овес кукурузой и т.д. Всем этим и собираюсь заниматься».

О МОЕЙ ОТСТАВКЕ

Советская номенклатура опередила нас. Мы еще не были готовы к работе, а она уже разрушила и СССР, и социализм. Ради перспективы уцелеть самой и навязать стране свой, номенклатурный выход из социализма.

Правда, она не решилась сразу создать «управляемую демократию», а воспользовалась прикрытием в виде олигархов, либералов, западников. Опыт езды на чужом горбу у нее был огромный: на лошади крестьянской революции против феодализма «ввезла» в Россию диктатуру пролетариата. На Отечественной войне русского народа против Гитлера «присоединила» Восточную Европу. На освободительной антиколониальной революции пыталась захватить Азию, Латинскую Америку и Африку. Американским хлебом годами спасала одну из опор советской бюрократии — колхозный строй.

Народ заставили расплачиваться и за тупиковые итоги десятилетий бесконтрольного начальствования коммунистической бюрократии, и зато, что он посмел подняться на революцию 1989–1991 годов. На народ одна за другой начали обрушиваться — освобождение цен, обесценивание сбережений, ваучеры.

Отец переживал и страдал. Однако богатырский организм, выдержавший и голод коллективизации, и полуголодные годы студенчества, и войну, и полуголодную аспирантуру, и работу сразу в двух, а то и в трех местах, теперь сдал. Рак.

Я зашел к нему в палату. Смотрит мне в глаза: «Ну, что ты решил?»

Я понял, о чем он спрашивает. И ответил: «Я подал Ельцину заявление об отставке с поста мэра. Я буду бороться за народно-демократический вариант выхода из социализма».

Ничего не говоря, он слабеющей рукой погладил меня по голове. Так он всегда делал в детстве, когда мне предстояло что-то очень тяжелое. Жест всегда означал и одобрение, и веру в меня. Он лучше всех понимал, чего мне стоило это решение об отставке — оно было для меня таким же тяжелейшим, как и решение порвать с советским социализмом.

Он, конечно, не знал о самом разговоре с президентом. Я сказал Борису Николаевичу, что за годы совместной работы привык говорить ему всегда правду и очень ценю его готовность всегда ее выслушивать. Поэтому говорю прямо: «Я не могу и не хочу работать мэром при принятом курсе реформ». Ельцин сказал: «Да. Гайдар тоже говорит: или я, или Попов». Я ответил: «Егор Тимурович грамотный экономист. Он знает, что мои кейнсианство и социал-демократитизм несовместимы с его монетаризмом и либерализмом». Ельцин спросил: «Что предлагаете Вы?»

«Прежде всего, надо сказать народу правду. Ни 500 дней, ни пяти месяцев, ни пяти лет не хватит, чтобы освободиться от военно-промышленного комплекса, от не способных кормить страну колхозов и совхозов, от в миллионы «ртов» чиновников. Надо прямо сказать: предстоят 10–15 лет тяжелой и напряженной работы — с шестидневной рабочей неделей и восьмичасовым рабочим днем — по перестройке того военного завода, которым является наша экономика. Но власть должна делать все возможное, чтобы облегчить переход. Вот в Москве — с Вашего одобрения — ведется бесплатная приватизация сферы торговли, обслуживания, жилья, введен бесплатный проезд пенсионеров. Надо скорее ввести карточки с гарантированным для каждого минимумом потребления по низким ценам. Надо

каждому желающему дать бесплатно на 50–100 лет по 15–20 соток хорошей земли. Я имею программу перестройки национального устройства и других областей. Правда, Ваш телохранитель Александр Васильевич называет все это «профессорскими бреднями Попова».

Ельцин: «А мне сулят уже к осени выйти из кризиса. Я в это особенно не верю. Я тоже знаю наш «военный завод». Но под правительство Гайдара США обещали мне 35 миллиардов долларов помощи. Как бы Вы поступили на моем месте?» «Я бы выбрал 35 миллиардов. Это много. Очень много. Это позволит быстрее, чем при моем пути, перестроить экономику и страну. Но я не верю в эти 35 миллиардов. В рыночной экономике могут помочь голодающим, но кто даст деньги потенциальному конкуренту?!»

Ельцин сказал: «Я понимаю, что для Вашей репутации громкий уход — самое подходящее. Но я бы просил Вас не устраивать с Вашей отставкой спектакль в духе ухода Шеварднадзе. И еще: я бы просил Вас поработать до лета — мне спокойнее за Москву, если Вы будете тут в ближайшие критические месяцы зимы. Я обращаюсь с этими двумя просьбами, так как знаю Вас». Я попросил день на размышления.

Я еще раз все продумал. Реформы Гайдара — это уже реформы. Это уже выход из социализма. Это плохой выход, точнее это самый худший из возможных, но все же выход. И я не могу, даже зная более эффективный, более приемлемый для народа путь, начать борьбу с этим забрезжившим в конце туннеля светом против совсем еще слабой новой власти. И, позвонив Ельцину, сказал, что дату на моем заявлении пусть

он проставит весной. Диспутов в связи с моей отставкой я устраивать не буду.

Отец прочел в газетах сообщение о моей отставке за пару дней до своей смерти. Уверен, это скрасило ему последние часы жизни. Он умирал, зная, что его сын, хотя и порвал с советской властью, но остался предан семейному выбору и деда, и его самого — остался верен трудовому народу и его социалистическим симпатиям.

2010 г.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА АВТОРОВ РАЗДЕЛА

Абалкин Леонид Иванович (1930–2011) — экономист, академик РАН (1991), с 1984-го член-корреспондент, академик АН СССР с 1987 года.

С 1986 по 2004 г. — директор Института экономики РАН.

В 1989–1991 гг. — заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В 1952 г. Леонид Абалкин окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. С 1952 г. преподавал, был директором сельскохозяйственного техникума в г. Гусеве Калининградской области. С 1958 г. — аспирант Московского государственного экономического института. С 1961 г. — ассистент, преподаватель, доцент, с 1966 г. — заведующий кафедрой политической экономии в Московском институте народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

В 1976–1985 гг. Леонид Абалкин профессор и заведующий кафедрой политической экономии Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. В 1988–1990 гг. член президиума Академии наук СССР.

Леонид Абалкин возглавлял Государственную комиссию Совета Министров СССР по экономической реформе. Осенью 1990 г.

был одним из разработчиков экономической программы правительства Рыжкова.

В 1994 г. участвовал в руководстве разработкой альтернативной экономической программы правительства.

Вице-президент Вольного экономического общества России с 1992 г., Международного союза экономистов с 1996 г. Полный кавалер Большой золотой и серебряной медали ВЭО России.

Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» (IV степени), медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», а также Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Берри Лев Яковлевич (1907–1976). Экономист.

Окончил Воронежский государственный университет (1929).

Кандидат экономических наук (1942). Доктор экономических наук (1954).

Профессор (1956), заведующий кафедрой организации и планирования народного хозяйства СССР (1963–1976) экономического факультета.

Лауреат Ломоносовской премии (1969).

Лауреат Государственной премии СССР (1968).

Кутафин Олег Емельянович (1937–2008)

В 1954 г. Кутафин поступил на юридический факультет МГУ, который окончил с красным дипломом.

С 1956 по 1961 г. он был секретарем Комитета комсомола МГУ, избирался членом президиума студенческого совета СССР и членом Комитета молодежных организаций СССР.

С 1964 г. Кутафин преподавал во Всесоюзном заочном юридическом институте, а с 1971 г. — в МГУ. В 1973—1982 гг. — заместитель

декана юридического факультета МГУ. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию, а через два года стал профессором.

В 1987 г. Кутафин стал ректором Всесоюзного заочного юридического института (сейчас — Московская государственная юридическая академия), который возглавлял до конца жизни.

Кутафин был членом Совета и заместителем секретаря Общественной палаты Российской Федерации. Являлся президентом общественной организации Союз юристов России.

Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (I, II, III и IV степеней). Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Павлов Валентин Сергеевич (1937–2003). Российский государственный и политический деятель.

В 1958 г. окончил Московский финансовый институт (ныне Московская финансовая академия).

В 1959–1966 гг.— работал в Министерстве финансов РСФСР.

В 1966–1979 гг.— в Министерстве финансов СССР (начальник бюджетного управления).

В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Финансовые планы и балансы в системе управления экономикой».

В 1979–1986 гг. — в Госплане СССР.

В 1986 г. — первый заместитель министра финансов СССР.

С 1986 г. — председатель Госкомцен СССР.

С 1989 г. — министр финансов СССР. С января 1991 г. премьер-министр СССР.

Председатель правления Научно-экономического общества СССР (1987). Председатель центрального правления Всесоюзного

экономического общества (1987–1989). Президент Всесоюзного экономического общества (1989–1991). Вице-президент Вольного экономического общества России (1995–2003). Вице-президент Международной академии менеджмента, председатель ученого совета (1996–2003).

С конца 1990-х гг. возглавлял Институт исследований и содействия развитию регионов и отраслей при Международном союзе экономистов.

Ситарян Степан Арамаисович (1930–2009). Экономист. Окончил с отличием экономический факультет МГУ (1953).

Доктор экономических наук (1966).

Профессор кафедры политической экономии естественных факультетов (1970–1985).

Директор Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов СССР (1970–1974).

Зам. министра финансов СССР (1974–1983).

Организатор и директор Института внешнеэкономических исследований РАН (1992).

Академик РАН (1987).

Зам. Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственной внешнеэкономической комиссии СМ СССР (1989–1990). Зам. председателя Межреспубликанского валютного комитета (1990–1991).

Член правительственной комиссии по вопросам СНГ (1997).

Член Экономического совета при Правительстве РФ.

Один из организаторов и президент Международной академии менеджмента (1996).

Член редколлегии журнала «Вестник РАН» (1998).

Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1976), «Знак Почета» (1971), Дружбы народов (1980).

Хачатуров Тигран Сергеевич (1906–1989), советский экономист, академик АН СССР.

Член КПСС с 1945 г.

Окончил Московский университет (1926).

Директор Всесоюзного НИИ ж.-д. транспорта (1945–1949), директор Института комплексных транспортных проблем АН СССР (1954–1959).

Главный редактор журнала «Вопросы экономики» (с 1966 г.).

Академик-секретарь Отделения экономики АН СССР (1967–1971).

Заместитель председателя Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов при Президиуме АН СССР (с 1971 г.).

Профессор МГУ (с 1971 г.), заведующий кафедрой экономического факультета МГУ.

Почетный член Венгерской АН (1970), почетный доктор Экономической академии им. О. Ланге (ПНР, 1977). Награжден орденом Октябрьской Революции, другими орденами, а также медалями.

С 1982 по 1987 г. — председатель правления Научного экономического общества СССР.

Цаголов Николай Александрович (1904–1985). Экономист. Окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1924).

Доктор экономических наук (1949).

Профессор, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета (1957–1985).

Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Член редколлегии экономической энциклопедии «Политическая экономика», журнала «Вестн. Моск. ун-та». Сер. «Экономика».

Заслуженный деятель науки РСФСР (1965). Награжден орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Трудового Красного Знамени.

Ягодин Геннадий Алексеевич (1927) — советский и российский государственный и общественный деятель. Депутат Верховного Совета СССР 11-го созыва, член ЦК КПСС (1986—1990).

Геннадий Алексеевич Ягодин — член-корреспондент РАН, академик Академии образования и Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии РАН им. Д.И. Менделеева, почетный доктор ряда зарубежных университетов.

Г.А. Ягодин — крупный ученый в области неорганической химии и химической технологии неорганических веществ и редких элементов. Он — основатель двух действующих научных школ: в области химии экстракционных процессов и в области наук об окружающей среде.

В 1973 г. Геннадий Алексеевич становится ректором Менделеевского института.

В 1985 г. назначен министром высшего образования СССР, а спустя несколько лет возглавляет все образование страны.

В 1991 г. он избирается первым ректором первого в России негосударственного вуза — Международного университета в Москве. Работал ректором до 2002 г., затем — заведующим кафедрой.

Фотоальбом. Часть III

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Встреча с Иоанном Павлом II

С президентом США Рональдом Рейганом

С президентом США Джеймсом Картером

С президентом Южной Кореи

С Жаком Шираком, тогда мэром Парижа, впоследствии президентом Франции

С Фам Ван Донгом, премьер-министром Вьетнама

С премьером И. Рабином в Иерусалиме. Первый официальный визит новой России в Израиль

С.Г. Киссенджером, бывшим госсекретарем США

С. Д. Метлоком, послом США в СССР

С президентом Тайваня

С мэром Берлина

С мэром Токио

С мэром Вены

ЧАСТЬ III

И ЭТО ВСЕ О НЕМ —
ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ, УЧЕНИКИ

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

Уважаемый Гавриил Харитонович!

Примите мои самые искренние поздравления с Юбилеем. Время летит быстро, но каждый возраст имеет свои преимущества. Ваш уникальный опыт ученого, политика, организатора, публициста дает Вам возможность все глубже размышлять, писать об истории России, ее настоящем и будущем.

Ваша жизнь насыщена событиями и творчеством. Московский университет хорошо помнит Вас: способного студента, инициативного секретаря комсомольской организации, вдумчивого аспиранта и, наконец, успешного декана Экономического факультета. Уже в молодые годы Вы проявили себя как талантливый ученый, обладавший организаторскими способностями. Благодаря этому редкому и удачному сочетанию Вы стали создателем и руководителем Международного союза экономистов и Вольного экономического общества.

Ваши выдающиеся способности аналитика и популяризатора науки позволили Вам успешно возглавлять ведущий экономический журнал нашей страны «Вопросы экономики». Ваш огромный исследовательский и педагогический опыт нашел свое

достойное применение в основанном Вами Международном университете в Москве.

Гавриила Попова знают как общественного деятеля и политика, сыгравшего заметную роль в нашей истории, — народного депутата СССР, одного из создателей и сопредседателей Межрегиональной депутатской группы. Это было бурное, поворотное время Перестройки, которую Вы решительно поддержали.

Гавриил Харитонович, мы были с Вами и соратниками, и оппонентами. Но нас всегда объединяла и объединяет вера в будущее свободной России и приверженность социал-демократическим ценностям.

Я с большим интересом и вниманием слежу за Вашими полемиическими выступлениями, ценю неординарные мысли и наблюдения, которые Вы высказываете в своих статьях и книгах. Мне глубоко импонирует Ваш неподдельный интерес к отечественной истории, аналитический подход, умение нащупать историческую связь событий.

Творческий, мыслящий человек, Вы постоянно генерируете идеи и практические предложения. Они всегда вызывают неподдельный интерес и острые дискуссии в российском обществе.

Вы много сделали и продолжаете делать для возрождения Социал-демократического движения в России. В этом значительная роль принадлежит созданному Вами Фонду имени Г.В. Плеханова, который стремится стать центром социал-демократической мысли, объединить вокруг себя социал-демократическую общественность.

Дорогой Гавриил Харитонович, желаю Вам многих свершений в науке и общественной жизни, крепкого здоровья и новых юбилеев.

Мои поздравления и самые добрые пожелания Ирине Васильевне.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ АБАЛКИН

САМОБЫТНОЕ МЫШЛЕНИЕ ГАВРИИЛА ХАРИТОНОВИЧА

Мое знакомство с Гавриилом Харитоновичем Поповым состоялось очень давно. Оно занимает огромный период времени — более половины его жизни.

В начале 70-х годов прошлого столетия он заведовал кафедрой управления экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Ежегодно в зимние каникулы он проводил семинар по теории экономического развития страны, и вся вузовская общественность хорошо знала об этом. В то время я заведовал кафедрой политической экономии в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Мы попытались перенять опыт университета и провести что-то подобное у себя.

Вскоре мы лично познакомились на конференции, которая проводилась в МГУ и была посвящена организации хозрасчета. Там были представлены крупнейшие ученые того времени. Мы же были сравнительно молоды. Мне запомнился доклад Г.Х. Попова, выступающего со своей особой (и в целом весьма интересной) позицией по данной теме.

Позже Гавриил Харитонович стал деканом экономического факультета МГУ. Мы встречались с ним по разным вопросам. В связи с проводимым ЦК ВЛКСМ конкурсом мы подготовили и издали в «Молодой гвардии» для системы политической учебы книгу «Основы социалистической экономики». Г.Х. Попов и я в числе других были соавторами учебника. Книга получила высокую оценку руководства комсомола, и коллектив авторов был награжден грамотой.

Одной из памятных встреч с Г.Х. Поповым была встреча в Волинском-2, где готовились для М.С. Горбачева материалы по предстоящей экономической реформе. Каждый член рабочей группы занимал отдельную комнату, но мы встречались за обедом, потом прогуливались по садовым дорожкам и беседовали на различные темы. Это и было то общение, в ходе которого мы многое узнавали друг о друге. Меня поражало огромное количество литературы, которую Гавриил Харитонович привез с собой. Он очень много читал, много рассказывал об МГУ, о тех событиях, которые происходили в университете, о различных перипетиях в жизни студентов. Эта информация, полученная от непосредственного участника событий, оседала в памяти, помогала лучше понять людей.

Умение разбираться в людях — один из ключевых элементов в характеристике самого Гавриила Харитоновича, его взглядов на философию истории и нравственные позиции творческой личности.

В период перестройки началось обновление кадров. К этому времени главным редактором журнала «Вопросы экономики» был академик Т.С. Хачатуров. Стали искать нового руководителя.

И по предложению В.А. Медведева, работавшего в ЦК партии, им стал Г.Х. Попов.

Затем Гавриил Харитонович стал мэром г. Москвы, и совмещать эту нагрузку с руководством журнала ему стало уже невозможно. И тогда он направил письмо в регистрирующие органы с просьбой сделать учредителем журнала его редакцию. Дозвониться тогда до Гавриила Харитоновича было невозможно. Я узнал об этом от моего первого заместителя Б.З. Мильнера. Мы собрали Ученый совет Института экономики и попросили сделать учредителем коллектив Института.

После этого мне позвонил Г.Х. Попов с предложением назначить главным редактором меня. Я попросил его сделать письменно свои предложения и высказал свое пожелание к нему остаться членом редколлегии, которым он и является до настоящего времени. Учредителями журнала считаются Институт экономики РАН и Некоммерческое партнерство «Редакция журнала «Вопросы экономики»».

Очень плотные контакты с Гавриилом Харитоновичем возникли у нас с возобновлением работы Вольного экономического общества России, воссоздавшего лучшие традиции, идущие еще от Екатерины II. Это старейший в нашей стране Институт гражданского общества, созданный ею в 1765 году. Здание, где размещается Президиум ВЭО, украшают портреты всех (!) его президентов, в том числе портрет ее основателя. Воссоздан и герб общества: на нем изображен улей для пчел и подпись «Полезное».

Г.Х. Попов многие годы является президентом ВЭО России. Я был одним из вице-президентов (сегодня являюсь действующим членом сената) общества, а сейчас возглавляю круглый

стол, регулярно проводимый Вольным экономическим обществом по проблемам российских реформ.

Я наблюдал за тем, как готовится Гавриил Харитонович к своим выступлениям. За какое-то время до начала обсуждения он как бы «отключился» от окружающих и набрасывал на листке бумажки свои тезисы. Его мозг работал, и все внешнее отходило как бы в сторону. Никто не решался прерывать его внимание в такие минуты.

Однако распад СССР и потребность в международном сотрудничестве родили новую форму — Международный союз экономистов. Союз много сделал для укрепления связей между странами и континентами. Мы ездили с его участниками по всему миру — от Болгарии до США, от Мексики до Австралии, на корабле от Германии до Австрии, Чехии и Словакии.

В сложных поездках возникают и непростые, как говорят, «организационные вопросы». В одной из них возник скандал между одним руководителем семинара и организатором встречи. Гавриил Харитонович пригласил руководителей к себе в комнату и предложил подписать совместное заявление, которое намечено сообщить участникам встречи. Прочитав бумагу, я сказал, что не был свидетелем ссоры и не слышал ее содержания. Г.Х. Попов немедленно отреагировал и предложил снять этот кусок из текста. Честность и ясность в позиции всегда была и остается его отличительной чертой.

Мы постоянно участвовали в работе Международной академии менеджеров, которую с момента ее основания возглавлял академик С.А. Ситарян. Ее пленарные заседания проходили в престижном месте — в «Президент-отеле». Там выступали многие ведущие ученые страны, в том числе и Г.Х. Попов. После

преждевременной кончины С.А. Ситаряна возник вопрос о том, кому возглавить руководство Академией. Дело в том, что ВЭО России, Международный союз экономистов и Международная Академия менеджеров работают в единой связи, имеют общие издания. И мы пришли к выводу просить Г.Х. Попова взять на себя дополнительную ношу. Он согласился с таким решением и тайным голосованием был избран президентом.

Одной из отличительных особенностей работы Г.Х. Попова является его писательская, литературная и научная деятельность. Он регулярно выпускает издания своих трудов, отдельные издания и брошюры, научные доклады и статьи в газетах. Так или иначе я читаю большинство его работ. Здесь много спорного. Но опыт жизни научил меня отказаться от категорической оценки таких работ. Ведь никто из нас (по существу) не имеет монопольного права на обладание истиной, хотя многие авторы и сегодня претендуют на такую роль...

Рассуждения Гавриила Харитоновича — это его мысли, его размышления. Они написаны профессионально, но представляют его самобытную позицию.

Здесь встречаются очень широкие подходы. Автор пишет о прошлом страны, опираясь на свои впечатления, о знаменитых людях. Пишет о подготовке и проведении политики освобождения людей от крепостной зависимости, проведенной Александром II, пишет о Г.В. Плеханове и П.А. Столыпине, о литературе и искусстве, о стратегических целях страны и ее политике, о народно-демократическом варианте реформ.

Выраженная в работах Г.Х. Попова идея о наличии в стране административной хозяйственной системы прочно вошла в широкий оборот. Однако она возникла в нашей стране не после

революционных событий 1917 г., а имеет более глубокие корни. Академик А.И. Чупров писал, что «административная система, оказавшаяся никуда негодной... кроме политического унижения, которое она нанесла, сделав Россию посмешищем народов, кроме невыразимого нравственного вреда, созданного при ее господстве отчуждением общества от правительства и подрывом чувства законности в народе, причиняет ему страшный материальный ущерб, грозит привести нашу страну к нищете». Здесь есть о чем подумать нашим современникам и руководителям государства. И подумать очень серьезно.

Когда я готовил к изданию курс лекций по истории экономической мысли России, прочитанных в Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, мне позвонил Г.Х. Попов и сообщил, что второй женой И.В. Вернадского была Анна Петровна Константинович. Она была гречанкой, о чем он сообщил мне и прислал вырезку из документов.

Среди его публикаций имеет место предисловие «Судьба ученого-экономиста», написанное в 2000 г. к четырехтомнику моих работ, выпущенных Вольным экономическим обществом России к 70-летию со дня рождения. Оно заканчивается такими значимыми для меня словами: «Человек не может изменить обстоятельства, но достойно вести себя при любых обстоятельствах он обязан. Леонид Иванович из таких людей достойного поведения, которыми всегда славилась лучшая часть российской интеллигенции».

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ГУСЕВ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЭТО ПОПОВ!

Был вроде бы обычный рабочий день.

Сказав «обычный», ловлю себя на мысли — рабочий день главного редактора «МН» обычным назвать все-таки трудно, он полон неожиданностей и, если честно, порой весьма интересных.

Вот и сегодня — звонок по «кремлевке»:

«Павел Николаевич, — голос Гавриила Харитоновича Попова, я, конечно же, узнаю сразу, кстати, он всегда, в каких бы отношениях с собеседником не находился — всех и всегда называет по имени-отчеству, и я, несмотря на наши очень близкие отношения, уже давно привык к этой форме. — Павел Николаевич, есть предложение».

После того, как прозвучало это слово — «предложение», Попов замолчал. Я тоже задумался — ведь Гавриил Харитонович не так часто мне звонил, а когда и звонил, то мы почти всегда говорили о делах, связанных с Москвой, часто — с Московской городской Думой. Я же был депутатом Моссовета, того самого, первого, избранного демократическим путем, когда каждый боролся за депутатство не с помощью административных или финансовых ресурсов или каких-то

еще влияний и «вливаний». И я также боролся, выступая как независимый кандидат, и победил, стал депутатом, чем горжусь до сих пор.

А Гавриил Харитонович Попов стал председателем Моссовета. Да, его Моссовет был все-таки уникален.

В его составе было более четырехсот человек, и между ними каждый день шли невиданные доселе дискуссии, звучали крики, возгласы, предложения с мест, одно перекрывалось другим. Эта многоголосица, где каждый хотел проявить себя, чаще всего выливалась в «поток сознания», полемика «забывала» конкретные дела, а искренность порывов оставалась на бумаге.

Да, в какой-то степени это был политический балаган — но людям нужно было дать выговориться! И Попов давал! Более того — ему удалось заставить наш, такой разношерстный, шумный, Моссовет уважать, именно Попов, используя современную терминологию, сумел его «раскрутить».

Попов умело балансировал на этом неустойчивом корабле — ведь порой мы были на грани того, что из перепалки вполне могла получиться драка. А он умел добиваться того, чтобы депутаты тем не менее все-таки принимали важные решения во благо города. Гавриилу Харитоновичу это удавалось.

Он умел в массе разных характеров и амбиций, порой резких или даже грубых высказываний — в том числе и в свой адрес — оставаться спокойным, разумным, интеллигентным. Своим отношением к делу, взглядом чуть прищуренных, всегда улыбающихся глаз он всегда умел разрядить, «разрулить» ситуацию и выйти из нее, обеспечив принятие тех решений, которые действительно нужны были Москве.

А еще я помню тот замечательный митинг в защиту свободы слова, когда мы собрались на площади Дзержинского, напротив «Детского мира». Тысячи людей пришли на митинг! На площади около Политехнического музея стояла трибуна, на которой были Гавриил Харитонович Попов, Егор Яковлев, Александр Николаевич Яковлев... Присутствовал там и я вместе с моими коллегами-журналистами. Это было здорово — слышать искренние, замечательные слова о свободе, выступления твоих товарищей, единомышленников, радоваться вместе с ними, что в стране начинается демократия.

Мы тогда не могли, конечно, представить, когда шли уже к зданию Моссовета — от памятника Дзержинского вниз по Тверской, — что демократия в России станет совсем другой. Что свобода слова будет раздражать власть, которой больше будут нравиться слова, что «дума — это не место для дискуссий». Что будут убивать журналистов — тех, кто призван говорить народу правду. Что будет много передраг, что само слово «демократия» станет у нас «суверенной демократией», потом еще какой-то, то есть никакой. Что по сути из политической жизни постепенно будет вытеснено слово «выбор», «выборы» — отменят выборы губернаторов, мэров, превратят в бутафорию политические партии.

Нас по сути привели к ситуации отчуждения граждан от управления страной и контроля общества за властью. Министры нашего правительства «зарабатывают» больше, чем Президент США, крышуют не заводы, а отрасли, пребывают на должностях столько, сколько захотят — они и их кремлевские руководители.

Мы не могли представить, что завоеванные демократические преобразования будут использованы не для всего общества, а

лишь для определенной группы лиц. Тех, которые с помощью ограничения прав граждан, монополизации и контроля за информационной сферой, создания так называемой вертикали власти и прочее будут вершить всё то, против чего мы пытались бороться в те, увы, уже далекие, 90-е годы.

Но уроки истории не стоит забывать.

Мы все тогда тоже были удивлены — как быстро сложился карточный домик тоталитарной власти. Власти, отвергнутой народом, одинокой и, как оказалось, бессильной. Мы и предположить не могли, что через считанные часы после митинга будет снят с постаменты памятник Феликсу Дзержинскому! И никто (!) не выйдет защитить его из этого мрачного здания, расположенного за спиной скульптуры Вучетича. Из здания, принадлежащего самой мощной структуре тогдашнего времени, КГБ. Никто не решился, а может, и не собирался защитить свой символ и имя человека, который эту структуру создал.

Памятника не стало. Он был сметен самой историей, самой массой людей, как проявление их единения, их права на свободу в своей стране. Это был некий экстаз, может быть, крайняя точка.

Но вернемся к звонку по «кремлевке».

Итак, голос Гавриила Харитоновича по телефону предельно серьезен: «Павел Николаевич, есть предложение. Есть предложение, чтобы вы стали министром печати правительства столицы. Вы — председатель Союза журналистов Москвы, возглавляете одну из крупнейших московских газет, и нам показалось, что вы могли бы возглавить впервые создаваемое министерство печати. Тем более что те преобразования, которые мы планируем, плюс возможности, которые заложены в новом и демократичном Законе «О средствах массовой

информации», позволяют сегодня совершенно по-новому работать со СМИ».

Предложение первого мэра Москвы было неожиданно — это была абсолютно новая ситуация, которая не входила ни в мои планы, ни вообще... Я не мог себе представить, что может такое быть! Тем более что в это время мы активно развивали «Московский комсомолец», у нас были грандиозные проекты по созданию «МН» в регионах и так далее...

Но Гавриил Харитонович еще раз повторил: «Я очень на вас надеюсь».

В ответ я все-таки попытался убедительно — как мне тогда казалось — возразить ему, сказать, что я и так занимаюсь большой общественной работой, в том числе и как председатель Союза журналистов Москвы, что мы очень много делаем по демократизации средств массовой информации, работаем с ветеранами и прочее, прочее.

Но Попов оставил все эти слова без комментария, а в конце нашей беседы сказал: «Подумайте».

На следующий день звонит мне управляющий делами мэрии Москвы Василий Шахновский: «Павел Николаевич, вам надо прийти расписаться». Спрашиваю: «В чем расписаться?» — «Да вот, Гавриил Харитонович только что подписал приказ о назначении тебя министром московского правительства». — «Каким министром?! Ты чего говоришь-то?» — «Министром московского правительства. Я ничего не знаю, он сказал, что с тобой разговаривал, тебе надо прийти оформлять документы». В полном недоумении приезжаю в мэрию, на Тверскую, 13, ранее улицу Горького — тогда она еще мэрией-то как-то не называлась — иду к Шахновскому, долго беседую с ним. Итог: подписываю

необходимые бумаги и получаю информацию о том, что на следующий день я уже должен быть на заседании правительства.

Пришел на заседание. Мне показали место, где садиться. Пробыл на заседании несколько часов, ничего еще до конца не понимая. Вел заседание Лужков, председатель правительства. Причем Юрий Михайлович даже не обратил на меня, ну, никакого внимания — такое впечатление, что как будто меня вообще нет.

По окончании подхожу к Лужкову: «Юрий Михайлович, хочу вам представиться — я ваш новый министр». Он коротко: «Знаю. Пошли». Идем к нему в комнату отдыха и часа два за чаем разговариваем о том, что можно сделать для развития СМИ Москвы, над какими проблемами предстоит работать в новом министерстве.

Это был перелом. Это была новая эпоха для меня.

Засучив рукава, мчусь в бывшее здание СЭВ на тогдашнем Калининском проспекте — нынче Новый Арбат, 36. Приезжаю, вижу две или три комнаты, выделенные под аппарат министерства — там ни одного человека. Я один. Так началась моя жизнь министра.

Но разговор, конечно же, не обо мне.

Дело в том, что Гавриил Харитонович, наверное, угадал. Угадал, назначив меня министром, угадал ситуацию. Конечно, для этого периода нужен был совершенно другой подход к решению вопросов по СМИ: как создавались и как грибы росли новые газеты, журналы, другие СМИ. Журналисты находились на невероятном подъеме! И для нашего объединения, для структуризации, для создания оптимальных, нормальных условий — когда старый режим был жив, а новый еще только формировался — необходимо было новое, незашоренное министерство.

И как никто, Гавриил Харитонович понял, что оно, это министерство, необходимо прежде всего для поддержки демократии, свободы слова. Для того, чтобы в Москве с этим не было бы проблем — чтобы бюрократия расступилась перед потоком честной и свободной информации, перед журналистами, которые хотели работать в новых условиях, скинув с ног старые советские цепи. Такую новую структуру нужно было создать, и она была создана.

...Быстро промчалось время моей работы в исполнительной власти Москвы — вместе с Поповым, вместе с Лужковым. Больше года как я уже не являлся министром, а Гавриил Харитонович не был мэром, снова звонок: «Павел Николаевич, есть предложение».

Он предложил мне стать деканом факультета журналистики в Международном университете в Москве. В ярком, сильном вузе, созданном Гавриилом Харитоновичем.

Конечно же, я согласился. Как можно было не согласиться, когда ты понимаешь, что человек, делающий тебе это предложение, продумал все досконально. Он уже принял решение — а твое решение по сути уже вторично. Как всегда, Гавриил Харитонович во всех своих делах, на мой взгляд, досконально, поэтапно, детально анализирует предстоящий проект, раскладывает его по полочкам, продумывает все варианты предстоящих событий и только после этого принимает решения.

Те, кто слушал или читал его лекции, его удивительные, мощные научные труды, не может не испытывать уважения к логике его мышления, тому, как он анализирует ситуацию, вычленяет проблемы, находит и обосновывает пути их решения.

Он никогда не оставляет себя равнодушным наблюдателем в поле своих исследований. Он всегда личностен, активен — он

приглашает нас не только понять, что он предлагает сделать для развития общества, но и принять, как и он, участие в этой непростой работе.

Гавриил Харитонович Попов — великолепный публицист.

Мне льстит, что большинство своих публицистических материалов — которые, как правило, вызывают бурную и продолжительную полемику среди миллионов наших читателей — он опубликовал у нас в «МК», в моей родной газете.

В этих публикациях Попов размышляет.

Попов думает.

Иногда кричит и взывает.

Мне кажется, что ему, как никому другому, больно.

Потому что Гавриил Харитонович Попов — один из лидеров демократического движения в нашей стране, лидеров перестройки, демократического депутатского корпуса, человек, создавший совершенно новую структуру демократической народной власти, сегодня с горечью понимает, что очень многое из того, что было достигнуто, утрачено, отодвинуто или ушло навсегда.

Навсегда ли? Посмотрим.

ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ ДУБЕНЕЦКИЙ

ВЫДАЮЩИЙСЯ МЫСЛИТЕЛЬ,
ТРУЖЕНИК, ГРАЖДАНИН

С самого начала хочу выразить свое истинное отношение к Гавриилу Харитоновичу Попову — глубоко и искренне уважаю этого неординарного человека, за многое буквально преклоняюсь перед ним. Но на правах старого друга (именно так назвал себя в отношении ко мне сам Гавриил Харитонович, написав на титульном листе одной из своих книг, которую он мне подарил много лет назад — «... от старого друга») хочу в этих заметках в чем-то и поспорить с Гавриилом Харитоновичем, отстраниться от некоторых его политических действий, о которых, глубоко убежден, он и сам не может не сожалеть.

Наше знакомство и товарищеские отношения начались почти 57 лет назад — в сентябре 1954 года, когда мы в составе около полутора сотен юношей и девушек оказались студентами первого курса экономического факультета Московского университета. Вспоминая ту пору, приходишь в какое-то состояние светлой теплоты — мы все были наполнены восторженностью и энтузиазмом, горды оттого, что стали студентами такого вуза, немного страшились — справимся ли с теми фантастическими свершениями в постижении науки, которые нам предстоят.

В общем, полны энергии и вдохновения, расположены к верной дружбе с новыми товарищами, к познанию Москвы и ее культурных и других богатств (в большинстве мы были иногородними и жили в общежитиях университета), но многому другому, перед чем, мы были уверены, для нас распахивала широкую дверь предстоящая студенческая жизнь.

Уже к концу первого семестра Гена Попов (так мы почему-то звали его) стал очевидным и признанным лидером среди нашего студенческого братства — и не только в силу успехов в учебе (а он буквально на ходу, мгновенно, что называется щелкал любые, самые сложные теоретические и практические задачи что в политэкономии, что в высшей математике, что в бухгалтерском учете). Главное было в другом — в нем поражала какая-то для нас, в большинстве юнцов, взрослая мудрость, глубочайший здравый смысл, необычность подходов к любым проблемам. И при том он не был в расхожем смысле ученым сухарем — активно участвовал в общественной жизни, выступал на комсомольских собраниях (вскоре он стал членом комитета комсомола университета — по тем временам очень высокий комсомольский пост; о своем опыте работы в комсомоле он не раз упоминал в своих книгах), оставался, что называется, своим парнем, не зазнавался, был дружелюбен и коммуникабелен.

Ко мне, возможно, потому что я был самым молодым на курсе, поступив на факультет, когда было еще далеко до 16 лет, Гена относился как-то особо тепло, как к младшему брату, в чем-то подправлял, а нередко и помогал. До сих пор в памяти ярко сохраняется следующее. Многие из нас жили временами впроголодь, стипендии были скромными, родители и сами едва сводили концы с концами (на старших курсах мы пристроились

по ночам работать грузчиками на овощных и других базах). Гена Попов отличался слабым здоровьем, и по этой причине его здоровье временами поддерживали в профилактории университета, занимавшем один из секторов Дома студентов на Ленинских (тогда) горах. На ужин в этом профилактории ему давали, например, две сосиски с картофельным пюре. И вот когда Гена видел, что я уже скоро позеленею от голода, он зазывал меня к себе в номер в профилактории и делился, угощая сосиской, куском хлеба и картошкой. Такое, конечно же, не забывается. Это говорит о благородстве, бескорыстии, высоком чувстве товарищества (качествах не столь уж часто встречающихся, особенно в нынешние времена). В общем-то, и комментировать не приходится. Забегая несколько вперед, скажу, что и в последующей жизни Гавриил Харитонович много раз помогал своим однокурсникам в разных житейских и рабочих делах.

По окончании университета Гавриил Харитонович быстро защитил кандидатскую и докторскую диссертации и вскоре стал одним из самых заметных и активных молодых ученых-экономистов. Жизнь нас всех развела, разбросала по всей великой стране. Немало лет мне довелось работать в Сибири, в Средней Азии, на Урале, потом перевели на работу в Москву. Приходилось читать статьи и книги Гавриила Харитоновича, поражавшие свежестью мысли, разнообразием интересов. Особо запомнилась вышедшая в середине 60-х годов его книга «Техника личной работы». Думается, не для одного поколения ученых и управленцев она была отличным подспорьем в организации повседневного труда.

В начале 80-х годов Гавриил Харитонович работает деканом нашего родного экономического факультета МГУ. За этот

период хочется отметить несколько его благородных дел. Благодаря его помощи и организации проводится пара встреч наших выпускников-однокурсников — по случаю двадцатипяти- и тридцатилетия окончания университета. Невозможно описать, какое это душевное наслаждение — спустя много лет встретить товарищей, друзей студенческой поры, побродить по аудиториям, где мы занимались; такое ощущение, что мы вернулись в свою чистую юность, с ее надеждами, мечтами, целеустремленностью... И второе — и по себе, и по ряду коллег-однокашников знаю, как он, работая деканом и будучи чрезвычайно загружен, был отзывчив на разного рода обращения и просьбы, как не забывал и ценил своих товарищей студенческих лет.

Меня очень покоряла его система летнего отдыха — вместо того чтобы валяться под солнышком на пляже, Гавриил Харитонович со студенческих лет каждым летом (сначала с друзьями, а потом и с сыновьями) отправлялся в лодочные походы по Волге и другим российским рекам. К слову сказать, его два сына, Василий и Харитон, честно отслужили в армии (что немыслимо для современной так называемой элиты), хотя, занимая видное общественное положение, он и мог как-то избавить их от этого бремени.

Наше знакомство и сотрудничество активно восстановилось с начала 80-х годов, когда было создано Научно-экономическое общество, в котором Гавриил Харитонович с самого начала играл ведущую роль научного организатора и теоретика. Хочу от души его поблагодарить за то, что вот уже почти три десятка лет он продолжает эту благородную миссию, организовывая и возглавляя Вольное экономическое общество России, Международный союз экономистов, Международную академию менеджмента.

Можно без преувеличения сказать, что для подавляющего большинства активно участвующих в их работе экономистов встречи и дискуссии в этих достойных структурах являются подлинными праздниками души, дающими глубочайшее профессиональное наслаждение содержательностью дискуссий, гражданскими позициями выступающих, актуальностью вносимых оценок и предложений.

В 70–80-е годы Гавриил Харитонович активно занимается просветительской деятельностью, много ездит по стране с лекциями по актуальным экономическим проблемам, выступает в министерствах, ведомствах. Помнится одно такое его выступление в Промстройбанке Союза, где я тогда работал (куда меня перевели после почти двух десятков лет работы в газовой промышленности). По моим сослуживцам было видно, что они буквально поражены глубиной, содержательностью, необычностью подходов, продемонстрированных лектором. В эти же годы он настойчиво работает над проблемами совершенствования управления экономикой, искренне надеясь, как он впоследствии вспоминал, что удастся, образно говоря, как-то пришпорить нашу неповоротливую плановую экономику, найти эффективные пути и инструменты для развития.

Глубочайшее уважение к Гавриилу Харитоновичу укрепляется, когда читаешь его многочисленные книги и статьи (мне удалось познакомиться с большинством из них). Широта интересов, энциклопедические познания, глубокий анализ, проникновение в сущность явлений и процессов, огромное трудолюбие, выражающееся, в частности, в привлечении громадного количества данных и источников. Что важно — используя материалы различных авторов, Гавриил Харитонович не механически вставляет

их в свой анализ, а на основе или с использованием их подходов он выстраивает собственное видение проблемы, разрабатывает ее новую постановку и решение. Его однокашникам особенно отраднo, что Гавриил Харитонович верен нашей профессии — его научные интересы сосредотачиваются прежде всего на политэкономическом осмыслении социальных, политических, морально-этических сторон развития страны как в прошлом, так и в будущем.

Мне глубоко импонирует его принципиальная стратегическая установка и подход к общественно-экономической организации — оптимальное развитие он видит на социал-демократическом пути, что очень аргументированно доказано им в известной работе о Г.В. Плеханове и других трудах. В начале 90-х Гавриил Харитонович, как помнится, пробовал даже организовать социал-демократическое движение или партию, но очень скоро стало ясно, что тогдашний политический режим известного параноидального властолюбца не терпит серьезной политической конкуренции.

Наиболее ярко публицистические дарования Гавриила Харитоновича, как и весь высочайший уровень его как выдающегося мыслителя, проявились во времена перестройки. Можно без особого преувеличения сказать, что прежде всего благодаря его публикациям и выступлениям в обществе утвердилось понимание необходимости перемен (как сформулировал один из авторов той эпохи: «Так дальше жить нельзя»), путей дальнейшего движения. Он был одним из (если не ведущим) мозговых центров сложившейся в ту пору внутри законодательно-представительной власти оппозиционной силы — известной Межрегиональной депутатской группы, осуществившей, если можно так выразиться,

идеологическое и организационное обеспечение последующих перемен в стране. К сожалению, как мы видим по итогам прошедших двух десятилетий, приведших (особенно в 90-е годы) страну в состояние полнейшей деградации по всем важнейшим сферам жизни, некоторые ключевые исходные установки оппозиции той поры оказались ложными и губительными для будущего страны.

Пользуясь формулировками Гавриила Харитоновича, главная ошибка в проекте состояла, видимо, в том, что надо, мол, решительно и быстро сломать существовавшее общественное, и прежде всего социально-экономическое, устройство и немедленно заменить его полностью демократически-рыночным. Наш негативный и китайский позитивный опыт показывают со всей убедительностью, что возможности внутреннего совершенствования планово-административной системы могут быть развиты и она в целом может быть использована для плавного, эволюционного преобразования экономики в сторону социально-рыночной организации, для накопления материальных благ и повышения благосостояния населения на основе обеспечения высоких темпов роста материального производства (а не его разрушения, как это произошло в ходе наших «великих» радикальных рыночных реформ). Короче говоря, нужна была эволюция, а выбрали «великую революцию 89–91-х годов». В итоге — имеем, что имеем. В дурном сне не могло присниться такое, что устроили с экономикой в 90-е годы, когда каждый день закрывалось по 10 промышленных предприятий — к слову сказать, в застойные 60–70-е годы в стране ежедневно вводилось в строй по заводу или фабрике.

Другой не менее фатальной ошибкой было решение о том, что России надо как можно быстрее избавиться от балласта в виде

других союзных республик, большинство из которых финансировались за счет России. Отчасти так и было. Но авторы (по-видимому, теоретики, не вполне владевшие практическими экономическими реалиями) не учли того, что за годы планового хозяйствования экономика Союза действительно, а не на словах, сложилась как единый народно-хозяйственный организм, где в процессы меж- и внутриотраслевой кооперации было включено хозяйство всех союзных республик. И, естественно, разрушение Союза немедленно привело к разрыву хозяйственных связей, явившемуся одной из решающих причин катастрофического падения производства. Это означало подлинную социальную трагедию и вхождение в нищету огромных масс населения (не говоря уже о бедах межнационального характера во вновь возникших государствах). Насколько помнится, у Гавриила Харитоновича в одной из его поздних работ прозвучало сожаление о таком развитии ситуации.

Возможно, другой наиболее тяжелой ошибкой оппозиции и развернувшегося благодаря ей демократического (порой хаотического и даже охлократического) движения стало выдвижение в свои лидеры на каком-то этапе харизматического, а в сущности весьма посредственного, полуграмотного в экономике, в социологии, но безмерно честолюбивого и властолюбивого человека, который именно в силу своей некомпетентности привлек к руководству экономическими реформами незрелых, недалеких людей, не имеющих ни серьезной научной, ни хозяйственной школы и опыта, но зато с избытком перегруженных романтическими бреднями о всесии невидимой руки рынка, догмами примитивного монетаризма и тому подобными благоглупостями.

К чести Гавриила Харитоновича, он очень быстро понял, что с этой оголтелой и безответственной командой ему решительно

не по пути, и он вскорости покинул новую власть (переполненную прежним бюрократическим самомнением и волюнтаризмом, о которых он столь ярко и убедительно писал в ряде своих работ).

Уже упоминалось о моем глубоком уважении к большинству научных работ, книг, других публикаций Гавриила Харитоновича; ряд из них перечитывал неоднократно. Здесь, конечно же, не место для серьезного анализа и критического разбора его работ, да я и не рискнул бы это делать, но об одном не могу не высказаться. Видимо, правильно сказано, что и великие имеют право на ошибки. К числу таких бесспорных и прискорбных явлений отношу его книгу о Власове, который, как его не обеляй и не ищи в нем глубоких и благородных устремлений (как сказано в поговорке — черного кобеля не отмоешь до бела), остается предателем и подонком, перешедшим на сторону врагов своего народа, ставивших цель уничтожить или превратить его родной народ в рабов.

В заключение вернусь к тому, с чего начал. Выражаю свое глубокое уважение к этому великому человеку, своему давнему товарищу и в большинстве жизненных позиций — единомышленнику; пишу эти строки и вспомнил в этой связи его недавнюю совместную с Ю.М. Лужковым статью «Еще раз о Гайдаре». Хочу надеяться, что еще много раз мы, его коллеги и почитатели, будем иметь наслаждение знакомиться с такими же блестящими и яркими анализами событий и общественных деятелей, которые даны в этой статье.

ВИКТОР НАУМОВИЧ КРАСИЛЬНИКОВ

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Как рассказать о человеке, которого не только давно знаешь, который является твоим учителем и с которым работаешь бок о бок более 35 лет? Рассказать так, чтобы сложился портрет талантливого человека, опередившего свое время.

Не берусь во всей полноте рассказать о периоде работы Г.Х. Попова в МГУ и о его деятельности народного депутата СССР и одного из руководителей Межрегиональной депутатской группы, которая была реальной оппозицией тогдашнему руководству КПСС. Думаю, что его коллеги сделают это точнее.

Моя задача набросать лишь несколько штрихов к портрету человека, которого я безмерно ценю и уважаю.

БИОГРАФИЯ

У каждого из нас есть официальная биография: даты, должности, места работы. Но у каждого из нас есть и другая биография, биография, наполненная обыкновенными и необыкновенными жизненными событиями. И конечно, именно эта биография более значима и более интересна.

Я знаю Г.Х. Попова много лет. Был свидетелем, когда ему приходилось принимать тяжелейшие и ответственные решения. Помню, как мучительно было для него осознание предательства тех людей, которым он доверял. Вспоминаю и ту многолетнюю и хорошо организованную парткомом МГУ травлю, когда Попов был деканом экономического факультета университета.

В жизни Попова было много тяжелых ударов, через которые он прошел. Немногие в таких ситуациях способны держать удар, не впасть в отчаяние, не ожесточиться, а продолжать делать то, что считают важным и главным делом своей жизни.

...Итак, в 34 года выпускник экономического факультета МГУ Гавриил Попов защищает докторскую диссертацию, в которой он сформулировал оригинальную концепцию теории управления. То, что Попову дали возможность защитить докторскую, говорит о том, что даже такая во многом консервативная научная каста, как экономический факультет МГУ, признала его незаурядный талант молодого ученого и исследователя.

Попову повезло, что он поступил в Московский университет в 1954 году. И страна, и ее главный университет были на подъеме. По воспоминаниям многих учившихся в то время в МГУ, сама атмосфера в нем в те годы была наполнена не только острым ожиданием, но и уверенностью в необходимости больших перемен. Молодость всегда смотрит с оптимизмом в будущее. Она готова принять перемены и активно участвовать в них, по праву молодости быть энергичной.

В феврале 1956 года состоялся XX съезд партии, который ознаменовал крутой исторический поворот в развитии страны. Университет в те годы бурлил. Дискуссии в его стенах шли постоянно. Главным было переосмысление тогдашнего советского бытия и тех проблем, которые стояли перед страной.

Сама атмосфера университета тех лет с его идеалами, общественной атмосферой, с человеческим порывом к нормальной, достойной жизни стала гражданской и человеческой платформой поколения Попова и серьезно повлияла на его формирование как гражданина. Демократические традиции МГУ тех лет культивировал тогдашний ректор университета Иван Георгиевич Петровский, блестящий математик и истинный русский интеллигент, понимавший важность формирования для страны ее интеллигентной элиты.

Попова нельзя назвать баловнем судьбы. За его спиной не было высокопоставленных московских родственников, и все, что он сделал в своей жизни, он сделал сам, своим упорным, напряженным трудом и жесткой самодисциплиной.

На экономическом факультете Попову повезло с учителями, особенно с профессором С.К. Татуром, заведующим кафедрой анализа хозяйственной деятельности, и с профессором Л.Я. Берри, заведующим кафедрой планирования. Оба эти человека обладали широким экономическим кругозором, глубокой научной эрудицией и были весьма авторитетны в научном мире. Именно они заметили Попова и помогли ему в студенческие и аспирантские годы, раскрывая его талант ученого и исследователя. Общение с ними, демократические традиции МГУ тех лет, активное участие в общественной жизни, неповторимый дух студенческого братства — это вносило свою лепту в формирование Попова-гражданина.

ИНТЕЛЛЕКТ

Меня всегда поражала удивительная способность Попова из множества, казалось бы, абсолютно разрозненных фактов и событий сложить цельную, логичную и понятную картину происходяще-

го. Этот дар присущ людям, обладающим высоким интеллектом, интеллектом высшего уровня.

У Попова напрочь отсутствует напускная интеллектуальная вальяжность человека, который всем своим видом, манерой говорить и глубокомысленным молчанием дает вам понять, насколько он умнее вас.

У Гавриила Харитоновича потрясающая способность конструировать развитие событий и в экономике, и в политике. Он хорошо чувствует и понимает сложность современного мира. Этот дар базируется, насколько я понимаю, на сложной и многократной оценке ситуаций и фактов.

Попов чрезвычайно проницательный человек. Его отличает невероятная мощь мыслительной работы и, что очень важно, умение мыслить абсолютно нетривиально. Попов часто предвосхищает будущие события. И многие его предвидения, которые авторитетные в стране люди называли фантазиями, через некоторое время становились реальностью.

На мой взгляд, Попов — это человек, который стоит целого научного института. Его ум, кругозор, эрудиция, аналитические способности позволяют ему видеть проблемы экономики и политики во всей их многогранности, взаимосвязанности и противоречивости. Он всегда умеет абсолютно точно найти и выделить главное в любой проблеме и в любом событии.

Круг его интересов не только экономика и политика. Он прекрасно знает российскую и зарубежную историю и литературу, старается следить за исследованиями в области философии, социологии, новыми направлениями в развитии техники.

Направления научных работ Попова весьма обширны. Это и публицистика, и научно-популярные брошюры (хорошо известна

его «Техника личной работы»), и научные статьи, и монографии, и учебники.

Но главной книгой Попова, книгой-прорывом, книгой-откровением стала монография «Эффективное управление», вышедшая в 1985 году. В ней Попов и как ученый, и как гражданин переосмыслил тот социальный проект, который начался в октябре 1917 года, назвав главные причины, почему этот проект был обречен на неудачу. Итоговой книгой его глубокого переосмысления наследия В.И. Ленина, главного архитектора и идеолога советского социализма, стала книга «Ошибка в проекте» и вся серия книг «Мне на шею кидается век-волкодав».

РЕФОРМАТОР

Реформы в России — сфера особого и пристального интереса Попова. Его интерес к реформам в России не случаен. Как профессионал он всегда старался найти ответы на главные вопросы, связанные с реформами: как возникает потребность в реформах, «как зарождаются» предложения по ним, почему выбирается тот или иной вариант реформ, как идет их реализация, кто поддерживает и кто тормозит реформы.

Читать все, что написано Поповым о реформах в России в XIX и XX веке, поучительно и невероятно интересно: ты погружаешься в реальную атмосферу того времени и видишь подлинную картину происходящих событий, в центре которой борьба тех, кто стоит за реформы, и тех, кто против, с их взглядами, позициями и идеями.

Описывая реформы в России, Попов всегда тщательно выписывает политический портрет государственных деятелей, которые были двигателями реформ, таких как Сперанский, Витте, Столыпин, а также первых лиц государства — Александра II, Александра III, В. Ленина,

И. Сталина, Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева, раскрывая мотивы и логику их поступков в ходе подготовки и осуществления реформ.

Историк, прочитав работы Попова, отметит историческую точность фактов, экономист подчеркнет профессионально сделанный экономический анализ ситуации в дореформенный и послереформенный период, философ обратит внимание, насколько точно отражено состояние общественной мысли того периода, взгляды и позиции всех политических сил, их понимание сущности и необходимости реформ в России.

Именно такой комплексный, системный анализ, сделанный на стыке разных наук, и позволил Попову лучше других понять очень сложную природу и механику российских реформ XIX и XX века, расшифровать их исторический ход.

Но Попов никогда не был пассивным наблюдателем: он всегда старался свой интеллект и научный багаж конвертировать в конкретные предложения по реформированию экономики. Так было в 1964 году, когда его, тогда еще совсем молодого ученого МГУ, включили в рабочую группу, которая готовила предложения по экономической реформе, вошедшей в историю как «Косыгинская». И все последующие годы Попов старался донести свои конструктивные мысли и идеи до высшего руководства страны.

Во второй половине 80-х годов Попов был востребован новым руководством страны. Глубокое понимание природы реформ в России, критическое переосмысление всей истории советского проекта позволили Попову не только увидеть все плюсы и недостатки реформ, которые осуществлял Михаил Горбачев, но и сформулировать свою, альтернативную программу реформ, которую он изложил в своих многочисленных статьях, интервью, брошюрах в тот период.

Решительность высшего руководства России действовать в области реформ более энергично стимулировала Попова дополнить его концепцию по экономическим реформам политической составляющей.

Но предложения Попова не были приняты российским руководством, и сейчас, по прошествии 20 лет, стало уже совершенно очевидно, сколько серьезных, глубоких и трагических ошибок удалось бы избежать России, если бы была принята концепция Попова.

Правда, ряд положений этого плана Попову удалось осуществить в Москве, когда он был мэром города, — бесплатная приватизация жилья, бесплатный проезд для пенсионеров и др.

Впоследствии это стали называть «московским вариантом реформ».

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ

Попов фантастически работоспособен. Он сохранил блестящую интеллектуальную форму до настоящего времени. Он постоянно что-то дополняет, уточняет в текстах, готовя их для публикации. Эту работу он всегда делает невероятно быстро и качественно.

У него легкое перо. Он хорошо чувствует слово и умеет с ним работать. Я редко встречал среди профессиональных экономистов тех, кто мог ясно и доступным языком объяснить сложнейшие экономические проблемы. Попов делает это всегда блестяще.

Казалось бы, при таком багаже, который есть у Попова, ему совершенно не нужно готовиться к своим выступлениям.

Однако Гавриил Харитонович всегда очень серьезно готовится ко всем своим выступлениям, набрасывая на листочке тезисы (даже тогда, когда он с такой темой выступал неоднократно).

ПРИНЦИПЫ

При всей своей внешней мягкости и неконфликтности Попов — человек твердых принципов, что, безусловно, отличает его от многих его коллег по научному цеху и общественной деятельности. Он всегда готов отстаивать свою позицию, полемизируя с оппонентами. Но он никогда не отмечает мнение оппонента только потому, что он с ним не согласен. Ему важно понять логику, аргументы, факты, которыми оперирует его оппонент.

Один пример. В 1992 году мэр Москвы Попов неоднократно выступал с критикой экономического курса, который предложил Е. Гайдар и его команда, указывая при этом не только на его ошибочность, но и на серьезнейшие проблемы, которые возникнут в российской экономике в будущем.

Когда после кончины Е. Гайдара в декабре 2009 года в многочисленных статьях и интервью его сторонники утверждали, что его экономический курс был единственно возможным, верным и правильным, Г. Попов и Ю. Лужков опубликовали статью, в которой были названы главные, базовые ошибки экономической модели Гайдара. Сколько же грязи было вылито на Попова и Лужкова. Но ведь их хулители кроме оскорблений и злобы так и не ответили по существу ни на один из вопросов, которые были рассмотрены в статье авторами.

Бывают ли у Попова ошибки? Да, бывают. И он сам в своих статьях и интервью откровенно говорит о том, в чем и когда он ошибался.

Спорю ли я с Поповым? Конечно, спорю. Но он никогда не подавляет меня в нашем споре, а старается переубедить силой логики и фактов, хотя ты прекрасно понимаешь, что его знания, эрудиция, кругозор намного глубже и мощнее твоего.

Вообще, с Поповым потрясающе интересно общаться. И дело не только в его интеллектуальном обаянии, в которое погружаешься, беседуя с ним, а в том, что ты почти физически чувствуешь, что, разговаривая с тобой, он продолжает о чем-то размышлять.

ГРАЖДАНИН

Сколько раз на различных форумах, проводимых Международным Союзом экономистов и Вольным экономическим обществом России, я убеждался, что уважение к Попову идет не от его поста в этих организациях, а от уважения и признания его авторитета как ученого и гражданина.

К власти люди относятся по-разному: одни — равнодушно, другие — лояльно, а третьи — с ненавистью. Отношение Попова к российской власти за последние двадцать лет прошло, как мне кажется, несколько этапов. Но всегда это было не просто критическое отношение, а критически конструктивное. Я думаю, что Попов в отличие от многих «аналитиков», политико-экономических ньюсмейкеров и «оппозиционеров» очень хорошо видит и понимает все ошибки и просчеты российских властей. Он всегда открыто и прямо об этом говорит. Его критика аргументирована и конкретна. Но, критикуя власть, Попов всегда предлагает варианты исправления ситуаций и решения назревших проблем.

Экономическая модель, которая реализуется российской властью, ошибочна и несет в себе тяжелейшие последствия для экономики страны. Об этом Попов говорит последние двадцать лет. К его голосу и тогда в 90-х и в прошедшее десятилетие нового века не прислушались. И страна вновь и вновь вынуждена платить за ошибки, просчеты и некомпетентность.

БЕЗ ОФИЦИОЗА

У Попова греческие корни, и это, конечно, проявляется в его характере, которому присущ оптимизм, природная мудрость, доброжелательность, умение высоко ценить и понимать дружбу, товарищескую помощь и поддержку в трудную минуту и в трудной жизненной ситуации.

У Попова нет ничего из того, что сегодня присуще многим российским руководителям верхних эшелонов. Он абсолютно не заражен бациллой хамства и откровенного презрения по отношению к тем, кто стоит ниже него на социальной лестнице.

Гавриил Харитонович не очень любит различного рода официальные мероприятия и участвует в них, только если его присутствие необходимо.

Свои эмоции Попов старается сдерживать, но получает это не всегда. Случайная небрежность или нерасторопность могут вызвать у него сильную эмоциональную реакцию, и сотруднику, который это допустил, становится стыдно за брак в работе.

Попов очень благодарный человек. Умение говорить «спасибо» — редкое человеческое качество. Это качество впитывается и воспитывается семейной средой, где многими поколениями культивируется атмосфера понимания добрых и сердечных человеческих отношений. Попов очень живой человек. В нем ничего нет от кабинетного профессора, погруженного в свой мир. Он ценит и понимает юмор, любит хорошую компанию. Как настоящий дед просто обожает своих внуков и с большим удовольствием с ними занимается.

ГАВРИЛИАДА

В том потоке мемуарной литературы, написанной экономистами в последние годы, можно найти (хоть и скудные) упоминания о научных школах, которые существовали в советское время.

Я считаю, что одной из лучших школ 70-х и начала 80-х годов в области теории и практики управления был зимний семинар, который организовывал Г.Х. Попов. Семинар в шутку называли «Гаврилиада». Он был необыкновенно яркой, альтернативной площадкой того времени, на которой обсуждались острейшие экономические и управленческие проблемы. Семинар вовлек в свою орбиту многих ученых, преподавателей вузов, специалистов, хозяйственных руководителей из разных городов страны.

Оригинальные хозяйственные решения, смелые управленческие идеи, переосмысление исторического опыта хозяйствования в России, анализ ценного и полезного, накопленного теорией и практикой управления в других странах, — все это отличало семинар Попова от многих научных собраний того времени.

Идеи, посеянные на зимних семинарах Попова, были востребованы во второй половине 80-х годов, хотя очень и очень немногое из того интеллектуального наследия удалось реализовать на практике.

Школа Попова формально функционировала в рамках зимнего семинара. Сколько студентов, аспирантов, научных сотрудников, ученых, преподавателей, специалистов хозяйственников прошло через семинар, сейчас уже сложно посчитать.

Но уверен, все, кто хотя бы раз был на семинаре, получали наглядный урок целеустремленного поиска альтернатив в экономике, впитывали в себя его особую ауру, свободомыслие.

Демократичная атмосфера дискуссии, по ходу которой вбрасывались идеи, концепции и предложения, порождала

особый интеллектуальный продукт, разрушавший старые стереотипы.

Эту атмосферу подлинного научного поиска создавал именно Попов, который как опытный режиссер стимулировал своими вопросами, репликами и комментариями плодотворную дискуссию.

Это умение Попова создавать необыкновенно творческую рабочую атмосферу многократно проявлялось и в других его делах.

РЕДАКТОР

Попов — блестящий редактор. Сколько раз я убеждался, как после его правки тексты многих авторов приобретали упругость, ясность и простоту. Редактор Попов всегда делал мысли автора более четко выраженными и логичными.

В 1988 году Попов стал главным редактором журнала «Вопросы экономики». Как быстро с его приходом изменилось лицо журнала: какие острые экономические проблемы поднимались на его страницах, какие новые, интересные имена привлекались к сотрудничеству. Журнал словно обрел второе дыхание, получив мощнейший интеллектуальный и творческий импульс от своего главного редактора.

Убежден, что лицо издания, его авторитет и профессиональный класс определяется именно личностью главного редактора, личностью, которая чувствует и понимает ритмы и проблемы своего времени, а вовсе не звездностью журналистского коллектива.

УНИВЕРСИТЕТ

Многое из того, что предлагал Попов в начале 90-х годов, казалось делом будущего.

Один пример. Сейчас, когда в России функционируют сотни негосударственных вузов, как-то забылось, что реально первым негосударственным вузом в России стал Международный университет в Москве, который задумал и организовал в 1991 году именно Попов. Попов ясно понимал, что для будущей рыночной экономики потребуются специалисты нового типа, владеющие знаниями и навыками в рыночных условиях, а поэтому весь процесс их обучения должен быть выстроен на основе новых, прогрессивных учебных технологий и курсов.

Сложность задачи заключалась в том, что, во-первых, никаких готовых рецептов создания в России негосударственного университета не было, а во-вторых, необходимо было в короткие сроки запустить полноценный учебный процесс.

Запуск учебного процесса диктовал необходимость определиться «чему учить» и «кто будет учить». Требования к преподавателям нового университета были жесткие: их квалификация определялась способностью читать курсы, которые будут необходимы тем, кто будет работать в рыночной экономике.

Университет — это прежде всего традиции, поэтому с первых дней Попов старался заложить подлинные демократические традиции, соединив их с лучшим, что было накоплено в российском образовании, дополнив лучшими западными образовательными стандартами.

Попов активно занимался организацией университета. Его проект университета был поддержан президентом СССР М. Горбачевым и президентом США Дж. Бушем-старшим.

Университет — динамичная организация: он постоянно развивается — появляются новые кафедры, факультеты, специальности. Так, в 2005 году в университете появился факультет управления крупными городами, научным руководителем которого стал мэр г. Москвы Ю.М. Лужков.

Факультет уникален: он не имеет аналогов в признанных мировыми лидерами университетах.

Вся двадцатилетняя история Международного университета в Москве доказала, и в этом я вижу огромную заслугу Попова, что он обладает важным современным конкурентным преимуществом: способен быстро и эффективно использовать все то новое, что появляется в мире образования, чтобы улучшить качество подготовки специалистов.

ПРЕЗИДЕНТ

В 1991 году был учрежден Международный Союз экономистов. Все эти годы его президентом избирается Г.Х. Попов. Его вклад в мировую экономическую науку огромен. Его предложения по достижению экономического и социального прогресса на земле бесценны.

Только два примера: Г.Х. Попов, выступая в ООН на 15-м собрании МСЭ, предложил теорию выхода из социализма для трети стран мирового сообщества.

В Вене на 20-м юбилейном собрании МСЭ (2011 г.) он не просто рассказывал о том, что было им разработано и на протяжении многих лет осуществлялось в Москве, но и предложил концепцию управления экономикой крупных городов — столиц многих государств.

В эпоху глобализации мирового сообщества Г.Х. Попов первым предложил перестройку управления мировой системы в послекризисный период. Уверен, его предложения сегодня не просто изучаются, но и разрабатываются до практического применения в различных структурах ООН.

В январе 1992 года Попов был избран президентом Вольного экономического общества России, одной из старейших российских общественных организаций.

За прошедшие годы он сделал невероятно много, чтобы не только восстановить память и традиции общества, но и вернуть ему авторитет и независимость позиций.

Попов приложил много усилий, чтобы вовлечь в работу общества многих ведущих российских ученых и специалистов из разных научных структур.

Именно благодаря ему сегодня ВЭО воспринимается экономической общественностью и официальными кругами как авторитетная и независимая организация, площадка для серьезных, открытых и профессиональных дискуссий.

УВЛЕЧЕНИЯ

У Попова много увлечений. Он очень любит путешествовать и всегда предпочитал активный отдых спокойному и размеренному санаторскому времяпрепровождению.

Его интерес к новым местам, странам, традициям и хозяйственному укладу разных народов не снижается и сегодня.

Дома у Попова всегда обитает домашняя живность: в добром согласии живут и кошки и собаки.

В начале 90-х Попов буквально заболел пчеловодством. У себя на подмосковной даче он поставил несколько ульев и радовался своим первым успехам в этом деле. Своим увлечением Попов заразил и Лужкова, который тоже завел у себя на даче пасеку и даже запатентовал оригинальную конструкцию пчелиного дома.

КРЕДО

Я много лет знаю Попова, и мне кажется, я понял его философию жизни, его главный жизненный принцип, который укладывается в формулу: не возвращаться, идти вперед, сделать следующий шаг, поскольку самое главное в жизни — следующий шаг.

Сейчас журналисты любят задавать авторитетным и известным в стране людям вопросы в духе анкеты, среди самых популярных вопросов обязательно будет вопрос: «Чем Вы любите заниматься?»

Я почти уверен, что Попов, отвечая на этот вопрос, сказал бы: «Думать!»

АЛЬГИРДАС ЮЗОВИЧ МАНЮШИС

ПРОФЕССОР ПОПОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Гавриилу Харитоновичу Попову — 75 лет. В канун юбилея очень хочется «системно» охарактеризовать виновника торжества. Тем более, что сам он всегда был ярким представителем системного подхода. Однако в коротких заметках сделать это невозможно. Не позволяет масштаб личности юбиляра. Да это и не нужно: об ученом говорят его идеи, а наиболее полно свои концепции Гавриил Харитонович сформулировал сам — в многочисленных монографиях, учебниках, статьях, лекциях, публичных выступлениях.

Вместе с тем, определенный интерес могут представлять «свидетельства очевидца». Поэтому в предлагаемых заметках очень фрагментарно отражены те аспекты многогранной деятельности профессора Г.Х. Попова, очевидцем и частично участником которых автору посчастливилось стать за более чем 35-летний период совместной работы с Гавриилом Харитоновичем.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Наше знакомство с Гавриилом Харитоновичем Поповым состоялось в начале 70-х годов прошлого века, когда он стал приезжать в Литву для чтения лекций по проблемам

совершенствования управления для высших хозяйственных руководителей республики.

Учеба хозяйственных кадров в республике была поставлена достаточно серьезно. Инициатором и руководителем этой учебы был мой отец — в то время Председатель Совета Министров Литвы. Будучи очень требовательным в профессиональном плане к себе, он отлично понимал важность формирования в республике эффективной управленческой команды, того, что сегодня мы назвали бы «повышением качества человеческого капитала».

Немало идей по содержанию и организации этой работы подсказал Г.Х. Попов. По хорошо проработанному годовому плану регулярно раз в месяц непосредственно в Совете Министров проводились лекции по актуальным вопросам развития экономики, управления, хозяйственной реформы. В качестве лекторов приглашались ведущие ученые. Все высшие хозяйственные руководители республики, включая зампредов Совмина и руководителей министров и ведомств, должны были участвовать в занятиях.

К слову сказать, слушателями этих программ были и некоторые будущие руководители независимой Литвы: первый Президент, а затем Премьер-министр Литвы А. Бразаускас (в то время 1-й заместитель председателя Госплана республики), будущая Премьер-министр, затем председатель фракции сейма К. Прунсене (в то время директор республиканского института повышения квалификации) и другие.

Заставлять никого было не нужно, поскольку уже после первых лекций все убедились, насколько это интересно и полезно. Ведь приезжал в республику весь цвет экономической науки: академики Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.И. Анчишкин, О.Т. Богомолов,

Т.С. Хачатуров, С.С. Шаталин, Д.М. Гвишиани, профессора Г.Х. Попов, Г.А. Егиазарян, Б.З. Мильнер, В.И. Терещенко и др.

Основной, конечно, была экономическая и управленческая тематика. Но этим дело не ограничивалось. Ведь для высшего хозяйственного руководителя важна не только профессиональная информация, нужен еще и кругозор, умение ориентироваться в широком спектре проблем современной жизни. Поэтому приглашались известные ученые, конструкторы, деятели культуры. Гостями республики были генеральный конструктор, академик В.Н. Челомей, директор НИИ Медикобиологических проблем, академик О.Н. Газенко, директор Института США и Канады академик Г.А. Арбатов, директор Института мировой экономики и международных отношений академик Н.Н. Иноземцев, директор Института экономики мировой социалистической системы академик О.Т. Богомолов, выдающийся математик и кибернетик, вице-президент АН УССР академик В.М. Глушков, хирург-кардиолог академик АМН Н.М. Амосов и многие другие. С сообщениями о новейших достижениях и перспективах развития космонавтики выступали летчики-космонавты, дважды Герои Советского Союза Г.Т. Береговой, В.Н. Кубасов и В.И. Севастьянов.

Душой и организатором всей этой непростой работы по приглашению в республику чрезвычайно занятых, а иногда и капризных людей была моя мама, Клавдия Ивановна. В значительной степени именно ее заслугой является исключительно высокий уровень приглашенных. А все академики, профессора, народные артисты, космонавты, политики и другие известнейшие люди, выступавшие в Совете Министров республики, добрым словом вспоминают Клавдию Ивановну за высокий организаторский талант и теплоту приема. И это один из немногих известных мне

случаев, когда семейственность и административный ресурс дали такой положительный эффект.

Тексты лекций расшифровывались и издавались Литовским НИИ научно-технической информации (ЛитНИИТИ) в виде сборников, которые сразу же становились бестселлерами (хотя и не продавались). В дальнейшем во многом по идее Г.Х. Попова начала издаваться (конечно, с грифом Д.С.П.) специальная библиотечка для хозяйственных руководителей, куда входили и некоторые переводные работы западных специалистов, практически недоступные в то время. В числе прочего по рекомендации академика Д.М. Гвишиани была издана в сокращенном виде книга Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», которая сразу стала бешено популярной. Не прошла она и мимо недреманного ока идеологического отдела ЦК КП Литвы. Вопрос о протаскивании чуждой идеологии был уже вынесен на бюро ЦК КП Литвы с очевидной перспективой строгого партийного взыскания и снятия с работы директора ЛитНИИТИ Ю. Зююса. И только активное заступничество моего отца со ссылкой на «московские научные авторитеты» позволило остановить этот рецидив «борьбы за чистоту рядов».

Мне разрешалось присутствовать на лекциях в Совете Министров и последующих встречах в узком кругу. Я и сейчас помню то огромное впечатление, которое произвели на меня эти живые выступления с острыми проблемами и огромным непаханым полем предстоящих научных исследований и практических экспериментов. Только значительно позже я смог в полной мере оценить тот невероятный подарок судьбы, в результате которого я смог лично познакомиться практически со всеми ведущими экономистами СССР.

Особое впечатление на меня произвел профессор Г.Х. Попов, как своим достаточно экстравагантным для того времени имиджем (самый молодой в СССР доктор экономических наук, профессор + зав. кафедрой МГУ + грек + борода!), так и остротой постановки актуальных проблем по совершенствованию системы управления экономикой. Последнее и сыграло в дальнейшем решающую роль в выборе моего жизненного пути. Закончив в 1973 году радиотехнический факультет Московского энергетического института по специальности «радиофизика и электроника» и будучи рекомендованным в аспирантуру на одну из самых престижных кафедр — кафедру радиотехнических систем, я произвел настоящий шок в МЭИ, поблагодарив и отказавшись от этой рекомендации и самонадеянно заявив, что решил заняться экономикой и управлением. В результате в 1974 году я поступил в аспирантуру Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова на возглавляемую Г.Х. Поповым кафедру Организации и методов управления общественным производством и с тех пор ни разу не пожалел о выбранном пути.

КАФЕДРА УПРАВЛЕНИЯ

У каждого человека, видимо, существует свой период жизни, который он вспоминает с особой теплотой. Для многих, в том числе и для меня, это аспирантские годы. А ведь предстояло решить немало сложных задач. Я всегда хотел быть профессионалом в своем деле. Соответственно, после принципиального решения о поступлении в аспирантуру кафедры управления я вступал на новое поле и мне предстояла непростая трансформация из радиофизика в профессионального управленца. Все это не могло не беспокоить. К счастью, все оказалось преодолимым,

и главным фактором здесь была созданная Гавриилом Харитоновичем и объединенная общей идеологией команда единомышленников кафедры управления общественным производством, принявшая меня в свои ряды.

В команду кафедры входили разные по возрасту и характеру люди. Конечно, формальным и неформальным лидером, объединяющим центром был сам Г.Х. Попов. Однако это вовсе не означало, что с ним нельзя было спорить, отстаивать свое мнение.

С уважением мы относились к «старшим товарищам» — профессорам Ю.И. Краснополюсу, Г.А. Джавадову, заведующему Лабораторией территориального управления Л.Д. Давыдову.

Большую группу составляли молодые кандидаты наук, доценты Л.Г. Ходов, Ю.Н. Бронников, В.Ю. Озира, В.И. Маршев, И.В. Ширяева. И, конечно, самой активной частью кафедры были мы — аспиранты. На всю жизнь моими товарищами стали Леша Собровин, Виктор Красильников, Саша Наумов, Олег Виханский, Люба Куярова, Глеб Подвойский, Сережа Чернов, Ольга Новикова, Вера Чеснокова, Миша Крук и многие другие мои однокашники. Добрыми помощниками были наши девушки-лаборантки Ира Дорошенко, Таня Лаврова, Наташа Винская, Наташа Вигушина. Все они впоследствии так же защитились и добились больших успехов в жизни.

Говоря о кафедре управления, нельзя не вспомнить добрым словом помощника Г.Х. Попова Льва Григорьевича Хасина. Он как бы неформально объединял весь коллектив кафедры, знал все, что происходит в университете, на факультете и на кафедре (в том числе и «в кулуарах»), нередко заступался за нас, аспирантов, перед руководством.

С первых дней обучения в аспирантуре меня увлекла исключительно творческая атмосфера, царившая в те годы на кафедре

управления. Основным генератором идей и стимулятором активности был, конечно же, сам Гавриил Харитонович. Все сотрудники были вовлечены в какой-либо творческий процесс: написания разделов в учебник, подготовки методических пособий, работы над хозяйственной тематикой и др. Это в полной мере относилось и к нам, аспирантам. С первого дня мы становились полноправными членами коллектива кафедры со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Мы слушали лекции Г.Х. Попова и других ведущих преподавателей, участвовали в аспирантском научном семинаре, участвовали в заседаниях кафедры, обсуждениях кандидатских и докторских диссертаций и даже привлекались к написанию разделов в учебники, не говоря уже об участии в хозяйственных работах.

Аспирант в обязательном порядке включался в учебный процесс, осваивал основы педагогического мастерства. Вначале он должен был посещать лекции ведущих профессоров, а затем, на завершающем этапе, в индивидуальный план аспиранта входило освоение преподавания определенных разделов основного лекционного курса по управлению и, что очень важно, подготовка собственного спецкурса по тематике диссертации.

Я могу с уверенностью сказать, что нам, аспирантам 70-х годов, очень повезло. Ведь главные уроки мы получали от самого Гавриила Харитоновича, который в то время читал основной курс «Управление общественным производством» для студентов Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Оригинальность самого курса (это был один из первых курсов управления, читаемых в советских университетах), системность и логичность как программы курса в целом, так и каждого

его раздела и отдельной лекции, умелый подбор материала, сочетание теоретических положений с разбором практических ситуаций-кейсов (а ведь даже сам этот термин у нас еще только начинал применяться), использование ролевых имитационных игр, широкого арсенала дидактических и ораторских приемов стало для нас неоценимой школой профессионального педагогического мастерства.

Профессиональное развитие аспиранта как будущего преподавателя было построено таким образом, что все это нам приходилось сразу же применять на практике. Так, начиная со второго года обучения, я уже вел семинарские занятия по курсу управления для студентов экономического факультета, а сразу же после защиты кандидатской диссертации в 1977 году, став старшим преподавателем, а затем доцентом, стал читать основной курс сначала на вечернем, а потом и на дневном отделении. Довелось мне прочитать наш курс управления и на других факультетах МГУ — Физфана и ИСАА.

Отдельно следует сказать о теоретическом аспирантском семинаре. Каждый аспирант должен был подготовить для семинара два выступления: научный доклад по теме своей диссертационной работы и свой вариант учебной лекции по одному из разделов курса управления. На каждое заседание семинара назначался основной докладчик и его оппонент, а все остальные активно участвовали в обсуждении.

Вел семинар сам Гавриил Харитонович, и его острые вопросы, неожиданные замечания и резюмирующие системные обобщения не только заставляли нас на совесть готовиться к каждому семинару, но и позволяли глубже понять обсуждаемые проблемы. До сих пор помню, как впервые готовил

порученный мне раздел общего курса управления «Функции управления». Впоследствии он вошел в базовый учебник по управлению.

С грустью вспоминаю я сегодня наш теоретический семинар, слушая иногда беспомощные ответы по теории управления нынешних аспирантов и соискателей, в том числе, к сожалению, и Международного университета...

Гавриил Харитонович постоянно заботился о том, чтобы мы, молодые исследователи, имели возможность изучать не только отечественный, но и зарубежный опыт управления, что в те годы было совсем не просто.

Так, в 1975 году он с помощью академика Д.М. Гвишиани (в то время заместителя Председателя Госкомитета по науке и технике СССР) организовал совершенно, казалось бы, невозможное: месячную научную стажировку группы аспирантов и студентов Экономического факультета МГУ в Международном институте прикладного системного анализа (International Institute for Applied System Analysis — IIASA) в Австрии (Вена). Сейчас уже трудно себе представить, чего стоило «пробить» эту поездку через «компетентные органы»: ведь для нас это был первый выезд, да еще сразу в капстрану, да еще и в международный институт, где наверняка мы подвергнемся мощной идеологической обработке, потому что половина сотрудников там — работники западных спецслужб.

В нашу группу входили аспиранты А. Собровин и А. Манюшич (старшие) и студенты М. Козельцев и П. Авен — тогда студент Экономического факультета МГУ. Кстати, именно из IIASA П. Авен был в 1991 году призван Е. Гайдаром в Правительство России сразу на должность министра внешнеэкономических связей РФ.

Стажировка в IASA дала мне уникальную возможность изучения зарубежного опыта регионального и муниципального управления, опыт участия в международных научных проектах по разработке и реализации крупных региональных программ: «Развитие Братск-Усть-Илимского ТПК» (СССР), Tennessee Valley Authority (США), Shinkansen (Япония), ознакомиться с опытом работы международного научного института. Все это очень пригодилось в дальнейшем. Кстати, в IASA мы с Лешей Собровиным показали и свою спортивную подготовку. Команда нашего проекта во главе с канадским профессором Гарри Свейном впервые победила команду американцев в первенстве Института по волейболу, что очень удивило последних и значительно повысило авторитет «советских стажеров». Пришлось признаться, что у меня первый разряд по этому виду спорта.

Перестройка дала возможность активизировать работы по теории управления, развернуты исследования по совершенствованию управления крупными производственно-хозяйственными комплексами (на примере ПО «КамАЗ»), реформе территориального управления народным хозяйством и др. Мне был поручен раздел хоздоговора с КамАЗом о взаимодействии крупного производственно хозяйственного комплекса с регионом.

Среди наших научно-прикладных разработок были и достаточно необычные. Так, совместно с группой ученых из Отделения экономики РАН нами была подготовлена концепция развития культурно-рекреационного комплекса «Соловки» (руководители профессор Г.Х. Попов и академик А.Г. Аганбегян). К слову сказать, эта работа имела определенный резонанс, ее курировал секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев.

В числе новых идей, которые мы стали разрабатывать в 1986 году, была концепция расширения хозяйственной самостоятельности регионов на основе «регионального хозрасчета» (не вполне научно корректный, но употреблявшийся в то время термин).

Инициаторами проекта были Г.Х. Попов и зав. экономическим отделом (затем — секретарь) Московского обкома КПСС к.э.н. В.Ф. Новиков — исключительно энергичный, одаренный и профессионально подготовленный руководитель, на долгие годы ставший нашим деловым партнером и моим личным другом. В.Ф. Новиков был ярким представителем того реформаторского крыла руководителей КПСС, который выдвинулся на первой волне перестройки. Он стал инициатором целого ряда экономических экспериментов в Московской области. Впоследствии В.Ф. Новиков многое сделал для становления Международного университета, стал его почетным доктором.

Конкретно в нашей работе речь шла о подготовке концепции и программы экономического эксперимента по совершенствованию управления народно-хозяйственным комплексом Московской области на основе экономических методов управления.

Концепция была подготовлена и одобрена Московским обкомом КПСС и экономическим отделом ЦК КПСС. Состоялась научная конференция по этой проблематике. Были проведены локальные эксперименты по внедрению коллективных форм организации труда. Однако до полномасштабной практической реализации всей концепции дело не дошло: начались более радикальные политические процессы.

Я был научным руководителем этого проекта. Многие из работок того периода вошли в мою докторскую диссертацию «Реформирование территориального управления экономикой»,

которую я защитил в 1988 году. Научным консультантом был Г.Х. Попов.

Под руководством Гавриила Харитоновича я проработал на кафедре управления общественным производством 14 лет, пройдя путь от аспиранта до заместителя заведующего кафедрой. Здесь я получил фундаментальную профессиональную подготовку, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором. Все это определило мою дальнейшую научную и гражданскую позицию.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г.Х. Попов давно мечтал о создании независимой образовательной организации, где можно было бы, не оглядываясь на «окостеневшие» государственные образовательные стандарты, реализовывать современные программы бизнес-образования, гибко реагируя на общемировые тенденции и требования отечественной экономики. Еще в 70-е годы мы пытались создать что-то типа бизнес-школы для хозяйственных руководителей в рамках Центра проблем управления Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Но административно-командная система категорически отвергала любые посягательства на свою монополию, в том числе и в области образования.

Маленькая щелочка приоткрылась в начале горбачевской перестройки с развитием кооперативного движения. В 1986 году по инициативе Г.Х. Попова был создан первый в СССР образовательный кооператив — Центр профессиональной переподготовки хозяйственных руководителей высшего звена, в состав учредителей которого вошли Г.Х. Попов, С.Н. Красавченко, А.Д. Берлин, А.Ю. Манюшис, В.И. Кошкин, Н.А. Аджубей и другие

ученые (в основном с Экономического факультета МГУ). Центр достаточно успешно проработал несколько лет, дав нам первый и очень важный опыт организации программ бизнес-образования.

В начале 90-х годов Россия вступила в период радикальных реформ. Страна крайне нуждалась в специалистах новой формации — управленцах, экономистах, финансистах, юристах, — которые могли бы работать по новым — рыночным — законам в рамках мирового экономического пространства. Стало ясно, что параллельно с государственными должны быть созданы новые — негосударственные — вузы, способные гораздо более гибко реагировать на изменения спроса на рынке образовательных услуг, конкурирующие с государственной системой образования и дополняющие ее там, где она недостаточно эффективна.

Идея создания в России образовательной организации нового типа — независимого негосударственного международного университета — была высказана первым мэром Москвы Г.Х. Поповым на встрече двух президентов — М.С. Горбачева и Д. Буша (старшего), которая состоялась летом 1991 года. Идея была поддержана «на высшем уровне» и принципиальные решения приняты, но как их воплотить в жизнь?

Я как сейчас помню лето 1991 года. В воздухе висела нарастающая напряженность. Все чувствовали, что перестройка пробуксовывает и вот-вот что-то должно произойти: начало радикальных реформ или откат назад к тоталитаризму. В то время я работал директором НИИ экономики, управления и информатики Московской области. Я хорошо видел, что старый аппарат Мособлисполкома уже практически парализован и не может руководить регионом, новых ярких лидеров также не просматривалось. В то же время в Москве шли реальные преобразования.

И я решил посоветоваться с Гавриилом Харитоновичем и предложить свои услуги, если в них возникнет необходимость. Без предварительной договоренности я пришел в приемную мэра Москвы Г.Х. Попова. За столом помощника я с большим облегчением увидел Ирину Дорошенко, с которой был хорошо знаком еще по работе на кафедре управления МГУ. Гавриил Харитонович принял меня практически сразу и, выслушав, сказал: «Мы сейчас как раз создаем принципиально новый независимый университет. Хотите принять участие?» Это было очень неожиданно, но университетскую среду я хорошо знал, именно этим мне хотелось заниматься, и я немедленно согласился.

То, что мы намеревались сделать, многим казалось авантюрой. Впервые собравшись вместе осенью 1991 года в темном, неудобном и абсолютно пустом здании бывшей Московской ВПШ на Ленинградском проспекте, 17 (в единственном обжитом месте — кабинете ректора Г.А. Ягодина), мы мечтали о том, как здесь зазвучат студенческие голоса, и строили грандиозные планы по созданию «русского Гарварда».

Более приземленно задача ставилась очень жестко: практически на пустом месте создать новый университет и запустить отвечающие международным стандартам образовательные программы. Вот когда пригодилась разработанная Г.Х. Поповым методология обучения управлению и первый опыт осуществления новых программ бизнес-образования. Сейчас в это трудно поверить, но за 1,5–2 месяца силами всего нескольких человек были разработаны принципиально новые программы, приглашены лучшие преподаватели, и уже в феврале 1992 года первых студентов принял колледж менеджмента Международного университета.

Практически сразу же, осенью 1992 года, были открыты высшие школы: Делового администрирования, Экономике, Финансов, Экономического права, Социологии, Экологии, а также Высшая школа бизнеса для уходящих в отставку офицеров, одними из первых в России начавшие реализацию магистерских программ высшего профессионального образования.

Параллельно шло формирование факультетов менеджмента, юридического, лингвистического, затем предпринимательства в культуре, журналистики, принявших студентов на основные образовательные программы высшего профессионального образования.

В 1993 году Международный университет первым среди негосударственных вузов России получил государственную аккредитацию по магистерским программам. В этом же году состоялся первый выпуск магистров.

В 1996 году наши программы «Бакалавр делового администрирования» (Bachelor of Business Administration — BBA) и «Мастер делового администрирования» (Master of Business Administration — MBA) первыми в России получили международную аккредитацию Европейского совета по бизнес-образованию (European Council for Business Education), подтверждающую их соответствие международным стандартам.

В 1997 году аспирантура Международного университета начала подготовку научных кадров высшей квалификации по специальностям 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» и 08.00.10 «Финансы и кредит».

В 1999 году был создан диссертационный совет Международного университета, получивший право принимать к защите

диссертации на соискание ученой степени кандидата, а с 2005 года — и доктора экономических наук.

Международный университет — живой развивающийся организм. Постоянно совершенствуется его структура и материальное обеспечение. Открываются новые направления высшего и дополнительного профессионального образования.

В начале двухтысячных годов были образованы новые профилирующие общеуниверситетские кафедры, которые возглавили известные ученые: академик РАН, д.э.н., профессор А.А. Дынкин (кафедра экономики), д.и.н., профессор В.А. Никонов (кафедра истории и политологии), д.п.н., профессор А.Г. Асмолов (кафедра социальной антропологии и психологии). Несколько позднее созданы кафедры политфилософии (профессор Г.Э. Бурбулис) и интеллектуальной собственности (профессор В.Н. Лопатин).

Открыт уникальный факультет управления крупными городами, научным руководителем которого стал тогдашний мэр Москвы профессор Ю.М. Лужков.

Благодаря помощи мэрии Москвы построено прекрасное новое здание с уникальным атриумом, проведена коренная реконструкция и модернизация основного здания университета.

Международный университет задумывался и создавался в основном как центр подготовки современных кадров для бизнеса и менеджмента. Это направление и в перспективе будет приоритетным.

Международный университет сегодня — это мощный современный образовательный комплекс, охватывающий программы высшего профессионального образования всех уровней: бакалавриат, специалист, магистратура, аспирантура, докторантура, МВА.

Однако дело не только в том, что появился еще один хороший университет. Значение Международного университета значительно шире. Ведь его создание ознаменовало по существу качественное изменение всей системы высшего профессионального образования России. С появлением первого независимого негосударственного университета был разрушен монополизм старой закостенелой системы государственного образования. Впервые в образовательной системе начались реальные (а не искусственные, надуманные) демократические реформы, появилась конкуренция, борьба за студента.

К сожалению, сегодня государственные и негосударственные университеты работают далеко не в равных условиях. А ведь честная конкуренция — это неперемнное условие и мощнейший стимул повышения качества образования.

Вспоминая слова, сказанные о нашем университете М.С. Горбачевым в канун десятилетия МУМ: «Международный университет — это один из важных итогов перестройки, которым сегодня можно реально гордиться!»

НА ОСТРИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Г.Х. Попов в своих многочисленных научных трудах неоднократно писал о том, что он долго и мучительно искал пути реформирования советской системы в рамках существующего строя, активно участвовал в попытках прогрессивного крыла КПСС модернизировать социалистическую экономику.

Он участвовал в подготовке многих решений по линии ЦК КПСС и Совета Министров СССР по реформам в экономике (начиная с реформ А.Н. Косыгина), был (после прихода к власти

М.С. Горбачева) членом правительственной Комиссии по совершенствованию управления.

Г.Х. Попов разрабатывал проблемы места предприятия в социалистической экономике, вопросы его полного хозрасчета, проблемы объединений и министерств, экономических методов управления, кадров управления, организации работы руководителя и т.д.

Вся эта деятельность не давала устойчивых успешных результатов. И собственные теоретические исследования, и практический опыт постепенно привели Г.Х. Попова к выводам о неэффективности советской государственно-бюрократической системы как таковой. Он определил ее как «Административная Система», и этот термин стал общепризнанным.

Конец 70-х — начало 80-х годов стал «расцветом застоя». В полную силу заработал механизм торможения Административной Системы. Все труднее становилось даже высказывать новые идеи.

Однажды я спросил Гавриила Харитоновича: «Что же делать, если нет надежды в обозримом будущем реализовать то, над чем мы работаем?» Запомнился его ответ: «Все равно надо вести исследования, писать книги, статьи, научные доклады, даже если придется работать в „стол“». И сам он подавал всем нам в этом пример. Как пригодились потом эти «домашние заготовки» и «дачные архивы» Г.Х. Попова...

Еще в начале 70-х годов им была написана чрезвычайно смелая для того времени книга «Эффективное управление», которая по существу предлагала цельную концепцию реформирования управления социалистической экономикой по модели в чем-то близкой к модели китайской компартии («социализм с китайской спецификой»). Однако опубликовать ее удалось только в 1976

году и то в сильно урезанном виде. И только в 1986 году (!), в период горбачевской перестройки, книга вышла в полном объеме. Но и тогда ее идеи не были в полной мере поняты и востребованы: для консерваторов они были слишком радикальными, а радикалы уже думали о реформировании самого социалистического строя.

Справедливости ради следует сказать, что сам Г.Х. Попов считает большим и справедливым упреком российской интеллигенции то, что демократы вступили в реформы без серьезной теоретически обоснованной и широко обсужденной концепции и программы действий. В значительной степени именно поэтому, когда после путча 1991 года власть «упала» в руки демократам, они оказались к ней не готовы.

Говорят, что крупного ученого отличает способность просто объяснять сложнейшие научные понятия. Еще одно качество настоящего ученого — способность к общению, т.е. способность видеть за, казалось бы, простыми, обыденными явлениями глубокие научные закономерности.

Г.Х. Попов в полной мере владеет этими качествами. В своих работах, особенно в статьях, ориентированных на массового читателя, он широко использует метод образцов, которые берет из известных литературных произведений или непосредственно из повседневной жизни

Во второй половине 80-х годов Г.Х. Попов публикует ряд программных статей с уничтожающей критикой Административной Системы. Наибольший резонанс имели рецензии на роман А. Бека «Новое назначение» и роман Д. Гранина «Зубр», где было убедительно показано, что трагедия героев не в случайных обстоятельствах их жизни и судьбы, а в самих основах Административной Системы.

Метод образцов Г.Х. Попов широко использовал и в дальнейшем в своей публицистике, когда в 2000-е годы вел очень острую и злободневную рубрику «Странички из дневника» в «Московском комсомольце».

Когда Г.Х. Попов увидел неспособность руководства КПСС провести реформы, он перешел в оппозицию к КПСС.

В 1989 году — народный депутат СССР от Союза научных и инженерных обществ. В этом же году стал вместе с А.Д. Сахаровым, Б.Н. Ельциным, Ю.Н. Афанасьевым и В.В. Пальмом сопредседателем Межрегиональной депутатской группы — первой официальной оппозиции КПСС. Вместе с Б.Н. Ельциным в 1990 году Г.Х. Попов вышел из КПСС.

В 1990 году — избран депутатом Моссовета, а затем Председателем Моссовета. В 1991 году голосами более чем 3 млн москвичей стал на свободных альтернативных выборах первым мэром Москвы (вице-мэром вместе с ним был избран Ю.М. Лужков, сменивший впоследствии Г.Х. Попова на посту мэра).

После августа 1991 года из-за разногласий с российским руководством по вопросам политики после падения режима КПСС уже осенью 1991 года Г.Х. Попов подал в отставку, а в 1992 году ушел с поста мэра.

В 1991 году Г.Х. Попов основал Международный университет в Москве и стал его президентом.

Г.Х. Попов выдвинул альтернативную номенклатуре и олигархии концепцию российской модели постиндустриального общества и российского варианта перехода к нему. В этой концепции учтены как национальные традиции России, так и то наследство, которое Россия получила от государственного социализма. Вопреки модели, предлагающей вначале полностью разрушить

социализм, а затем на обломках строить новое общество, Г.Х. Попов предлагал ограничиться разрушением только самого неприемлемого и поэтапным преобразованием ряда социалистических форм (например, бесплатного образования и т.д.) в структуры, соответствующие новому постиндустриальному обществу.

Свое видение истории России, путей ее выхода из социализма и перехода к постиндустриализму Г.Х. Попов разрабатывает в новой концептуальной серии своих работ, где обобщены и развиты фундаментальные идеи реформирования общества.

КТО ВЫ, ПРОФЕССОР ПОПОВ?

Вся моя профессиональная деятельность теснейшим образом связана с Гавриилом Харитоновичем Поповым.

Сначала 14 лет (1974–1988) на кафедре организации и методов управления общественным производством Экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова — в качестве аспиранта, старшего преподавателя, доцента, заместителя заведующего кафедрой. В эти годы проходило становление управленческой науки. Тогда же проходило профессиональное и гражданское формирование учеников научной школы Г.Х. Попова моего поколения, за что мы всегда будем ему благодарны. Для нас он был и остается Мастером и Учителем.

Затем на четыре года (1988–1992) по рекомендации Г.Х. Попова я стал директором НИИ Экономики, управления и информатики Московской области, где мы пытались реализовать некоторые идеи по реформированию управления этим крупным регионом.

И наконец, вот уже почти 20 лет — Международный университет. Я горжусь тем, что мне довелось стоять у истоков

создания Международного университета, стать его учредителем, начинать многие программы (бакалавриат, магистратура, MBA), формировать новые структуры (высшие школы, аспирантуру, диссертационный совет) и вместе с университетом пройти нелегкий путь его становления и развития.

Итак, в общей сложности уже более 35 лет. Казалось бы, достаточный срок, чтобы узнать человека.

Кто же такой Гавриил Харитонович Попов?

Ученый? — Да! Доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, почетный доктор университета штата Юта (США), лауреат Ломоносовской премии 1986 года, автор более чем 300 работ, в том числе 10 собственных и 15 коллективных монографий.

Педагог? — Да! Основатель и президент Международного университета в Москве. Автор базовых учебников по управлению, известный лектор, научный руководитель студентов и аспирантов. Под его руководством защищено более 50 кандидатских и 4 докторские диссертации.

Политик? — Да! Один из известнейших последовательных реформаторов-демократов, народный депутат СССР (1988–1991), сопредседатель Межрегиональной депутатской группы, председатель Российского движения демократических реформ (1992), председатель объединения «Социал-демократы» (1995), член Политсовета Социал-демократической партии России.

Общественный деятель? — Да! Президент Вольного экономического общества России и Международного союза экономистов, президент Международной академии менеджмента, президент Фонда Плеханова.

Кто еще?

Ответ на этот вопрос дет сам Гавриил Харитонович в своей исключительно острой, личностной, смелой и откровенной книге «Будет ли у России второе тысячелетие».

«Я — Попов Гавриил. Русский интеллигент с греческими корнями. Социал-демократ. Моя профессия — думать («Думающий танк»). И я думаю. О прошлом и будущем моей Родины. О России»*.

Лучше не скажешь...

* Попов Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М.: Экономина, 1998, с. 26.

ВАДИМ ИВАНОВИЧ МАРШЕВ

БЛАГОДАРНОСТИ ГХ

Вот уже почти 40 лет, как я знаю и до сих пор общаюсь с ГэХа (буду так его называть в этой статье, как называют его многие из общих знакомых). ГХ сыграл большую направляющую роль в моей судьбе как преподавателя, ученого, консультанта и человека, в чем я ему премного благодарен.

Начиналось мое знакомство с ГХ в 1971 году, когда я был на выходе как аспирант кафедры математических методов анализа экономики (ММАЭ) ЭФ МГУ, куда я поступил в 1968 году после окончания мехмата МГУ. Честно говоря, я не помню, была ли у меня возможность остаться на кафедре ММАЭ, ну и слава богу, что не остался. Возможно, что и на ММАЭ было бы интересно продолжить начатые там исследовательскую и преподавательскую деятельность, не знаю. Но принять на кафедру управления общественным производством экономического факультета не экономиста, а специалиста-математика, причем еще не защитившего диссертацию (что произошло только в 1972 году) — это был со стороны ГХ по меньшей мере рискованный поступок. Теперь я расцениваю это как осознанный шаг в подборе многоликкой команды сотрудников, среди членов которой я оказался.

К тому времени в команде кафедры управления уже были экономисты, юристы, психологи, математики, философы и др.

Я сразу же попал в кругооборот мероприятий кафедры управления. Несколько форм общения и укрепления команды кафедры управления были оригинальны, результативны и потому незабываемы. Разве можно забыть наши регулярные (раз в 2–3 недели) чтения и обсуждения новой (в основном, зарубежной) литературы по самым разнообразным аспектам управления. Среди них были книги по экономике, прогнозированию, математическому моделированию, теории игр, праву, социологии, психологии. Благодаря коллективному чтению и обсуждению сотрудники кафедры имели возможность достаточно быстро ознакомиться с большими объемами текстов и одновременно услышать мнения коллег о прочитанных книгах. Срабатывал эффект «экономии на масштабе». Кроме того, такими «посиделками» ГХ реализовывал на примере кафедры идею «обучающейся организации», которая выдается сегодня западными учеными как новая парадигма менеджмента.

А разве можно забыть наши ежегодные многодневные выездные всесоюзные семинары по актуальным проблемам управления, собиравшие до 300 участников из многих городов страны. Все сотрудники кафедры не только выступали с докладами на семинарах, но и участвовали в их подготовке и проведении. Причем ГХ всегда был рядом, в чем многие сотрудники кафедры очень нуждались. В особенности те (как дважды и я), кому поручалась не только организационная, но и содержательная часть проведения таких мероприятий. Особенно мне запомнился семинар в Тарусе, где во главе с ГХ мы проводили многодневный кейс в формате «исполнения ролей». Запомнился он потому, что

мы с ГХ допустили методическую ошибку, которая почти сорвала финальный акт (или сессию) обсуждения вариантов решения и выбора «оптимального решения» в кейсе. Суть кейса был в том, что для одного из министерств, в ведомстве которого находились три крупных предприятия, надо было разработать новую организационную структуру. По кейсу предполагалось семь ролей. Две из них были «министр» (конечно, ГХ) и его «зам» (это был я). Остальные пять ролей — два отраслевых отдела министерства и руководство трех подчиненных министерству предприятий, — были распределены не между отдельными участниками семинара, а между группами участников из 7–8 человек. Иными словами, в разработку вариантов решений в течение нескольких дней были вовлечены более 40 участников семинара. Наша ошибка заключалась в том, что, не придав особого смыслового значения, мы предложили пяти группам такие имена. Отделы министерств получили названия Семья и Счастье, а предприятия — Вера, Надежда и Любовь. Группы занимались днями и ночами, серьезно готовясь к финальной сессии, на которой предполагалось выбрать лучшую оргструктуру министерства. Одна из моих функций модератора кейса была в том, чтобы посещать групповые заседания и помогать в разработке альтернатив оргструктуры. Как потом оказалось, в каждой группе нашлись талантливые поэты, которые сочинили весьма пристойные стихи и выступили в стихотворной форме на финальной сессии. Все было бы приемлемым, если бы не содержание стихов. Предметом стихов всех команд были, конечно же, Вера, Надежда и Любовь в контексте Семьи и Счастья. Проблема оргструктуры растворилась в талантливых стихах, посвященных совершенно другим темам. Некоторое время ГХ и я, как модераторы, терпеливо

выслушивали стихи, иногда нервно смеялись вместе с залом, но в конце концов вынуждены были остановить экспромт-концерт, признавшись в том, что многодневное обсуждение кейса было скомкано и пошло не по запланированному пути. Произошло это более 30 лет тому назад, но я запомнил эту «педагогическую» ошибку, часто рассказываю о ней коллегам и стараюсь не повторять.

Еще больше мне запомнился всесоюзный семинар по проблемам обучения управлению (1981), в котором я принимал участие и как организатор, и как соредактор трехтомника трудов семинара, и как докладчик основного доклада. Доклад был подготовлен вместе с моим другом и коллегой по кафедре Борисом Коробовым и посвящен специфическим проблемам управления как комплексной и системной науки и соответствующей специфике подготовки управленцев. Доклад вызвал неоднозначную реакцию зала, но опять-таки поддержку со стороны ГХ. Работа в оргкомитетах всесоюзных семинаров стала хорошей школой для всех нас в настоящей жизни, требующей проявления компетенций организаторов крупных проектов и мероприятий.

Еще один повод высказать благодарность ГХ — поддержка молодых ученых. Он способствовал созданию на факультете в 1970-х годах лаборатории имитационного моделирования управления общественным производством и поручил мне ею руководить. В лабораторию были собраны все сотрудники кафедры, увлекавшиеся экономико-математическим моделированием, и приглашены несколько новых молодых сотрудников того же профиля. Нам удалось провести ряд исследований, участвовать в хоздоговорах, выступать с докладами на всесоюзных и международных конференциях, адаптировать известные и разработать

новые деловые игры и конкретные ситуации. В течение почти шести лет мы разрабатывали учебные и исследовательские человеко-машинные имитационные модели, готовили учебные ситуации и игры. Вместе со студентами и аспирантами мы апробировали наши разработки в специально оборудованной аудитории, в которой имитировались заседания руководства предприятий. Сотрудники лаборатории участвовали в проектах Международного института IIASA (Австрия), выступали там с сообщениями о полученных результатах.

На самом деле ГХ оказался одним из первых, кто способствовал возрождению в стране незаслуженно забытых методов активного обучения управленцев. Именно он помог организовать в 1970-е годы на экономическом факультете конференцию, посвященную истории деловых игр, на которую съехались все заинтересованные специалисты — преподаватели, ученые, консультанты по управлению, студенты, аспиранты разных факультетов МГУ. Наиболее значимым гостем конференции в МГУ оказалась Мария Мионовна Бирнштейн, разработчик первых советских деловых учебно-производственных игр «Аварийные игры на Шатурской ГЭС» (1920-е годы). Эта конференция способствовала учреждению всесоюзной Ассоциации методов активного обучения управления, руководителем которой единогласно была избрана М.М. Бирнштейн. Ассоциация стимулировала интерес ко всем формам активного обучения управленцев, собирая сотни специалистов на своих ежегодных учебных тренингах, на которых обсуждались вопросы разработки и применения кейсов, деловых игр и других методов активного обучения. И в очередной раз ГХ проявил себя провидцем, дав толчок распространению в нашей стране модных (сиречь «парадигмальных») и эффективных методов подготовки менеджеров.

Отмеченная выше многоликость кафедры управления была не случайной. Она в большой степени отражала суть «управления» как относительно молодой науки, эклектично вбирающей в себя достижения многих других наук, предметом которой и была многоликая общественная практика. Я тогда этого не понимал, а теперь расцениваю как проявление научной дальновидности со стороны ГХ. Широта интересов науки и практики управления как в части предмета науки, так и в части объектов воздействия сегодня никем не отрицается, а в ту пору ГХ и его команде предстояло еще отстоять право на особую предметную область нового в СССР научного направления. Причем наиболее рьяно и ревниво удерживали «управление» в своих объятиях советские политэкономы, считавшие «управление», точнее, управленческие отношения, частью предмета политэкономии, точнее, частью производственных отношений. Я никогда не забуду реакцию на статью профессора В. Шкредова на тему «О разграничении предмета политической экономии и теории управления производством». Автор статьи был воспринят коллегами по кафедре политэкономии как оппозиционер, выросший внутри кафедры. Но было уже поздно, процесс разделения предмета интересов уже пошел.

Дальше — больше. Если есть наука управления, то, скорее всего, у нее есть и история. Существование истории управленческой мысли как науки уже со своим предметом и методологией исследований в 1980-е годы даже в мире мало кто признавал. Сегодня же понятна и наивность аргументации В. Шкредова, опубликовавшего упомянутую статью в 1972 году, т.е. более чем через сто лет после выхода в Германии семитомника (!) Лоренца фон Штейна «Учение об управлении». Именно историей

управленческой мысли я тогда увлекся и до сих пор занимаюсь с большим интересом.

Целевое обращение к истории науки управления в моей жизни было во многом predetermined ГХ. Я благодарен ему за то, что он поддержал эту идею, помогал в становлении меня как специалиста в уникальном направлении историко-управленческих научных исследованиях. Ведь в ту пору 80-х годов он, пользуясь авторитетом и властью, мог бы остановить мои порывы легким движением руки и бросить меня на изучение «современности». Но предвидение и чутье ученого не позволили ему этого сделать. Более того, именно благодаря ему мною была подготовлена и защищена докторская диссертация, посвященная развитию взглядов на управление хозяйством в России XIX века. Именно благодаря ему в 1990-х годах была открыта и продолжается до сих пор серия конференций по истории управленческой мысли и бизнеса, собирающая ежегодно десятки профессионалов. И последнее на эту тему. Именно благодаря его поддержке история управленческой мысли с нынешнего года стала базовым (обязательным) предметом во всех университетах России, где готовят студентов по специальности «менеджмент организации».

Хочу еще отметить, что ГХ не только поддержал историко-управленческое направление в развитии науки управления. Он сам является знатоком многих исторических событий и специалистом по истории России, умеет преподносить и оригинально трактовать эти события. Его широта мысли, комплексность рассуждений на историческую тему, оригинальность трактовок общеизвестных исторических фактов поражает коллег, собеседников, слушателей его выступлений и читателей его многочисленных произведений, в каждом из которых читатель всегда найдет

оригинальный исторический ракурс и аргументацию самых актуальных проблем современности. Чего стоит, например, одна из последних его работ «Экономист не об экономике», в которой ГХ проявил себя не только знатоком истории и современности, классической и современной литературы, прозы и поэзии, но и системно мыслящим человеком, умеющим увидеть в, казалось бы, никак не связанных между собой разделенных столетиями событиях очевидную (благодаря ему) причинно-следственную связь и дать им аргументированную оценку. Политик увидит в этом упрек в недальновидности, а ученый — очередную мудрую ненавязчивую подсказку ГХ в правоте или даже истинности утверждения: «Всякое новое — это новая комбинация старого».

Я еще раз выражаю искреннюю благодарность ГХ за все ценное, что он сделал для меня, и желаю ему крепкого здоровья и проявления его многогранного яркого творческого таланта на благо развития отечественной и мировой культуры.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ МУЗЫКАНТСКИЙ

ЕГО РЕФОРМА СПАСЛА ГОРОД

Сентябрь 1990 года. Заседание избранного в марте Московского совета. Вообще-то по закону численность Моссовета — 500 депутатов, но избрано было человек 450, в остальных округах выборы не состоялись. Поэтому в зале 420–430 человек. Ведет заседание председатель Московского совета народных депутатов Г.Х. Попов. В повестке дня — избрание судей. Это уже третье заседание с подобной повесткой. Два предыдущих, которые вели заместители Попова, ни к чему не привели. Ни одно решение не собрало необходимого числа голосов. Это было типичным для того Моссовета. Примерно 80% депутатов избраны впервые, на самых демократических выборах. Каждый из них считал себя личностью (и многие действительно ими являлись). Они понимали, что есть вопросы, которые кроме них никто решить не может (выборы судей — один из них, а еще бюджет, а еще кадры и т.п.). Они это все понимали, но ничего не могли с собой поделаться. На них было жалко смотреть. Весь запас ответственности был истрачен. Его хватило на избрание в апреле председателем совета — Г.Х. Попова, и через пару недель — по его представлению — Ю.М. Лужкова — председателем

исполкома Моссовета. После этого начался ступор. На каждом заседании: вопросы, поправки, к порядку ведения, альтернативные предложения, подозрения в закулисном сговоре и т.п.

И это при катастрофическом положении в городской экономике. Ежедневные митинги в защиту Попова и против Попова, хлебный, табачный, водочный кризисы. Таксисты чуть ли не ежедневно перекрывают Тверскую. Каждый рабочий день начинается с планерки: сколько вагонов с продовольствием стоит под разгрузкой, сколько в пути, сколько и где под загрузкой...

На том заседании, о котором идет речь, под страшным напором Г.Х. (все-таки он обладал огромным авторитетом у большинства депутатов) удалось утвердить полдюжины судей, но стало окончательно ясно, что «так жить нельзя». Но в отличие от большинства наблюдавших за развитием событий или участвовавших в них, которые видели причины в неудачном составе депутатского корпуса, отсутствия опыта, Г.Х. смотрел гораздо глубже. Именно тогда он сформулировал программу муниципальной реформы: советская система власти должна быть демонтирована, исполнительная и законодательная ветви власти должны быть разделены, исполнительная власть должна получить возможность действовать самостоятельно в очерченных законами рамках. Так началась работа по реформированию городской власти, которая завершилась 12 июня 1991 года, когда москвичи избрали Г.Х. Попова первым мэром Москвы. Именно эта реформа спасла город в те труднейшие годы.

Конечно, время шло, ситуация менялась, одни проблемы успешно решались, новые возникали. Менялась и сама власть. Все больше централизации, все больше бюрократизма, сужение, а потом и фактическая ликвидация местного самоуправления в

городе. Требовалось понять и оценить новую ситуацию, требовалась новая реформа городской власти. Но человека такого масштаба, как Г.Х., в городской власти уже не было. И созданная по его замыслу система городского управления, чудовищно деформированная, уже давно превратившаяся в суперцентрализованный, фактически отделенный от жителей механизм, дожила до наших дней, продолжая бороться с бюрократизмом бюрократическими методами.

Но вот вопрос: а почему он столь быстро ушел из власти? Ведь тогда, в конце 80-х — начале 90-х, и до возглавления Москвы и после, он был фактически одним из национальных лидеров в прямом смысле этого слова. В его выступлениях и публикациях содержались положения и предложения, многие из которых вполне могли служить основой новой «национальной идеи». Мы до сих пор пользуемся его определениями, уже забыв о его авторстве. (Достаточно упомянуть его «административно-командную систему».) Его популярность была необычайно высока. Его читали и слушали, им зачитывались и заслушивались. В основе этой популярности — огромная эрудиция и редкое умение излагать сложнейшие вопросы экономики и политики простым и понятным языком. (Тем, кто не согласен с этим тезисом, я рекомендую прочитать его публикации на тему о проблемах кризиса 2008 года.)

Я помню свою встречу с ним в январе 1995 года. Первая чеченская война, первые потери, бои в Грозном. Я понимал, что Г.Х., конечно, будет говорить о проблемах Чечни, ожидал услышать о генерале Ермолове, о князе Борятинском. Но я в очередной раз его не оценил. Г.Х. начал с дневников сотника Басманова, который во времена Алексея Михайловича с группой казаков

вышел на Терек и вступил там в контакт с чеченцами. «Как не мог понять тогда Басманов тех чеченцев, так и мы сейчас не понимаем их». И так каждый раз, обсуждая любую самую актуальную проблему, Г.Х. находил в истории, и российской и мировой, массу аналогий, примеров и контрпримеров, которые позволяли иногда с совершенно новой точки зрения ее осмыслить.

Так почему же он так быстро ушел из власти. Мне кажется, причины две. Первая относится к власти, а вторая к нему самому. Мне кажется, что для российской власти, особенно той, которая начала складываться после августа 1991-го, такой яркий человек был неудобен. Он имел свое мнение по важнейшим вопросам, публично его высказывал, и не считаться с ним было невозможно. Более того, когда его точка зрения принималась (а этот бывало довольно часто), это многим еще больше не нравилось. «Власть питалась крошками со стола Попова», — я слышал тогда такое выражение, и, ясное дело, многим это не могло понравиться. Постепенно его перестали приглашать к обсуждению важнейших вопросов. Он сильно переживал. «Демократические силы не давали Президенту мандат на такой способ решения вопроса о Союзе» — такова была его реакция, когда он узнал из передач ТВ о Беловежских соглашениях.

А вторая причина в нем самом, в его характере и склонностях. Мне представляется, что по своему типу он не столько практический политик, и уж совсем не хозяйственник. Он Ученый. А это разные сферы деятельности, это разные типы людей. Когда у Г.Х. появлялась какая-либо новая идея, то первым его стремлением было ее опубликовать. Он так и поступал и делал это всегда мастерски. А «реальный» политик ведет себя по-другому. Он должен оценить множество факторов: а вдруг идея не популярна,

а как это скажется на ближайших выборах, а может, ее лучше будет провести по-тихому, а не лучше ли будет сначала покатить пробный шар. Вот это все для Г.Х. было глубоко чуждо. Поэтому пик его популярности пришелся на момент мощного общественного подъема, когда он стал политиком-выразителем. А на следующем этапе, когда потребовались практики-исполнители, он решил, что это не для него.

Он решил остаться ученым. Он сегодня может публиковать свои идеи, не озираясь на текущую конъюнктуру. И он это и делает. В его последних публикациях масса совершенно необычных предложений. Сегодня они кажутся в лучшем случае утопией. Это и мировой норматив рождаемости, и глобализация природных ресурсов мира, и глобальное регулирование мировой миграции, и мировая независимая валюта, и многое другое.

И мне представляется, что в сегодняшнем мире политики и экономики, как сто лет назад в физике, право на осуществление будут иметь многие из тех идей, которые сегодня представляются вполне сумасшедшими. (Просто таков сегодняшний мир.) И среди них многое из того, о чем пишет сегодня Г.Х. Попов.

С юбилеем, дорогой Гавриил Харитонович!

КЕМЕР БОРИСОВИЧ НОРКИН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ БЕССТРАШИЕ

Не могу похвастаться тем, что много лично общался с Гавриилом Харитоновичем. Но влияние на мою жизнь он оказал огромное. Начну с того, что в 1971 году мне подарили книжку «какого-то» Попова: «Техника личной работы». Я тогда занимался научной работой, готовил диссертации, занимался общественной работой в Институте проблем управления и буквально зашивался. Книжка оказалась великолепной. Не скажу, что у меня стало больше свободного времени, но я не сумел бы добиться всего того, чего добился без освоения его методы. Думаю, что и он как выдающийся экономист и политик сложился не только благодаря своей исключительной одаренности, но и благодаря своей методе личной работы. Да и моя «вторая жизнь», когда я узнал Гавриила Харитоновича более близко, тоже была бы менее продуктивной. В этой «второй жизни» мне не посчастливилось тесно с ним взаимодействовать. Я был в позиции несколько отстраненного, беспристрастного, но, честно говоря, искреннего поклонника. Поясню сначала про «вторую жизнь». Дело в том, что до 1990-го я занимался академической наукой и ни в каком случае не видел себя в органах власти вообще и в органах

исполнительной власти тем более. Да и в представительную власть (Моссовет) я попал случайно. Просто меня буквально взбесили вопросы анкеты по поводу роли представительной власти в новых условиях, которую мне всучила «демократическая общественность». Я написал разгромную статью, в которой убеждал составителей, что они остались совками, хотя и демократы. Парадокс в том, что статья не обидела, а понравилась, и меня, чуть не силой, заставили стать депутатом Моссовета.

Главой исполнительной власти стал Гавриил Харитонович и первое, в чем я убедился, что он умеет читать. Дело не в умении из букв складывать слова, а в таланте за словами улавливать смысл, даже если он выражен не самым лучшим с литературной точки зрения образом. И не только улавливать смысл, но активно включать «жемчужины смысла», когда они находились, в инструментарий своего мышления. Когда мы с ним обсуждали мои и не мои писания, я понял, как много он прочел и как мастерски умеет этим пользоваться. Да и книги, которые он рекомендовал мне прочитать, были воистину «мозгообразующими». Я ему от всей души за это благодарен. Замечу, что умение читать отнюдь не тривиальное свойство. Незадолго до контактов с Гавриилом Харитоновичем мне пришлось контактировать с аппаратом сельхозотдела ЦК КПСС, возглавлявшемся тогда Иваном Ксенофоновичем Капустяном. Ну не умели они читать! Только умели выискивать информацию, достаточную для более или менее пристойной отписки.

Для меня стало большой интеллектуальной наградой, когда Гавриил Харитонович предложил мне перейти в аппарат исполнительной власти. Как работник невысокого ранга, я мало с ним общался, но, наблюдая со стороны, открыл еще одну

уникальную черту Гавриила Харитоновича, которую я назвал бы интеллектуальным бесстрашием. Опираясь на свои знания и свой талант, он путем длительных размышлений часто приходил к выводам, которые противоречили тому, что «всем было ясно», и он не боялся высказывать их вслух, что порой вызывало проблемы, которых оппортунист мог бы легко избежать.

Самое замечательное, пожалуй, всё же то, что помимо бесстрашия в этих выводах почти всегда присутствовала стратегическая дальновидность. Я это за 20 лет наблюдал столь часто, что очень бы советовал тем, кто с некоторыми из этих выводов пока не согласен, получше подумать или в крайнем случае немного потерпеть. Не исключено, что можно будет убедиться в его правоте. И его предложения по территориальному устройству Москвы, и его оценки политических деятелей и событий нашей недавней истории постепенно находят всё больше и больше сторонников. Даже его решение об отставке с должности мэра Москвы сейчас кажется очень дальновидным.

ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ОЗИРА

IN PRAISE OF THE OLD PRAGMATIC BY VITALY OZIRA

Praise — выражение горячей поддержки или восторга.

Pragmatic — личность, которая нацелена на потребности и результаты в противовес идеям и теориям (*The American Heritage Dictionary*).

Должен сказать, что предложение внести свою лепту в готовящееся юбилейное издание первоначально вызвало у меня несколько смешанное восприятие. Однако, с другой стороны... Мое отношение к Юбилюру уходит своей историей в середину 50-х годов прошлого столетия! Мы были однокурсниками экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Но особое значение для выполнения поставленной задачи имело тесное общение с Юбилюром во время совместной работы в возглавляемой им Лаборатории проблем управления в 1967–1969 годах.

Итак, рассмотрим все по порядку. После окончания учебы на факультете я проработал два года редактором в издательстве Московского университета, а затем был ассистентом и старшим преподавателем кафедры политэкономии естественных

факультетов. В 1965 году я защитил диссертацию по проблемам организации производства в машиностроении и оказался не без помощи нашего Юбилера, что называется, в «нужном месте в нужное время». С благословения А.Н. Косыгина в стране разворачивалась долгожданная экономическая реформа.

В этот момент на философском факультете университета уже существовала Лаборатория проблем управления, которую создал зять А.Н. Косыгина Джермен Михайлович Гвишиани. Названную Лабораторию было решено передать на экономический факультет под руководством Г.Х. Попова. Тем не менее ее основатель, которого мы с Г.Х. между собой стали величать не иначе как Джермук Твишиани, продолжал контактировать со своим детищем и поддерживать его нового руководителя, находясь на высоком посту заместителя председателя Госкомитета по науке и технике. Это было особенно важно ввиду довольно скептического отношения к науке управления как собственно в Университете, так и за его пределами. Достаточно сказать, что само слово «менеджмент» тогда имело ругательный смысл (менеджеры — слуги капитала!).

Как подарок судьбы следует рассматривать и мою зарубежную стажировку в Гарвардской школе бизнеса, вернувшись из которой через год, я стал с согласия и одобрения моего друга Гены (такова была кличка Г.Х. у однокурсников) старшим научным сотрудником названной Лаборатории.

Интерес Гавриила Харитоновича к разработке теоретических проблем управления был вызван прежде всего объективной необходимостью научного анализа закономерностей развития сферы управления государственной, хозяйственной и социально-

культурной деятельностью в период происходящих в стране социальных преобразований.

Наряду с теоретическими исследованиями, основной задачей которых являлось обоснование возможности и необходимости существования самостоятельной целостной науки управления, ее предмета и метода, возглавляемый им коллектив молодых ученых исследовал прикладные особенности управления на разных уровнях и в разных сферах. Наиболее полно в публикациях Лаборатории тех лет освещались проблемы организации управления производством, практической деятельностью производственных предприятий и объединений, организации управленческого труда, и в частности труда руководителей, вопросы создания автоматизированных систем управления и др.

И в этой связи представляет особый интерес монография «Совершенствование системы внутрифирменного управления» (изд-во Московского университета, 1972), которая в основном была посвящена промышленным фирмам и, в частности, методике организации работ по совершенствованию управления производственным объединением «Восход». Фирма «Восход» была выбрана для иллюстрации не случайно. На ней в течение нескольких лет проводились работы по совершенствованию системы управления. В работах на фирме принимали участие сотрудники и преподаватели кафедр и Лаборатории проблем управления общественным производством МГУ.

Этот проект и другие начинания молодого руководителя Лаборатории получили одобрительную оценку экспертов. «Важное место в ряду указанных исследований заняли труды ученых Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, посвященные разработке теоретических основ науки управления

социалистическим общественным производством, послужившие основой учебных курсов, преподаваемых в университете)*.

Среди зрелых энтузиастов новой науки следует также особо отметить роль видного советского хозяйственника Виктора Николаевича Лисицына (1905–1978). С 1943 года он был директором Новосибирского авиационного завода № 153 имени В.П. Чкалова. Возглавляемый им завод вырос в крупнейшее предприятие страны, основного поставщика фронту истребительной авиации. Под его руководством было освоено производство истребителей Як-7 и Як-9. Виктор Николаевич проявил себя опытным организатором. По свидетельству А.С. Яковлева, через короткий промежуток времени завод стал выпускать по 20 самолетов ежедневно. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1945 года за успешное выполнение задания правительства по организации производства вооружения Лисицыну Виктору Николаевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Будучи активным поборником управленческой учебы, В.Н. Лисицын совместно с Юбиларом осуществил в это время ряд публикаций в центральной печати, поддерживающих идею соединения теории и практики управления путем расширения системы учебных центров (академий и факультетов для подготовки руководящих хозяйственных кадров)**. Его с полным правом можно считать нашим пророком образования в области менеджмента, развития управленческих исследований и консультационной деятельности. Однако, как это часто бывает с пророками и отече-

* Л.Н. Качалина. Предисловие к книге: С.Новалевски. Научные основы административно-го управления. Экономика. 1979. С.5.

** См.: В. Лисицын, Г. Попов. Наука хозяйствования. «Правда». 2 декабря 1968 г.

ством, его идеей по организации Академии народного хозяйства воспользовались другие люди, а ЖАЛЬ ...

В отношении развернувшейся в стране дискуссии о судьбах науки управления Юбиляр занял чисто прагматическую позицию. Как говорится в мудром китайском изречении: «Пусть расцветают все цветы». По мнению Г.Х. Попова, в 60-е годы существовало несколько известных объектных подходов к трактовке исследований проблем управления. Так, одна группа ученых, прежде всего экономистов, считала, что необходимо анализировать только собственно социалистическое производство. В одном из известных учебников О.В. Козловой и И.Н. Кузнецова «Научные основы управления производством» (1970) управление производством определялось как «целенаправленное воздействие на коллективы людей для организации и координации их деятельности в процессе производства».

Другая группа ученых во главе с правоведами считала, что нельзя рассматривать хозяйственные органы в отрыве от других органов социалистического государства. При всех разногласиях прагматичный анализ этих подходов, проведенный Г.Х. Поповым, выявил несколько общих моментов: «Во-первых, каждый из подходов, опираясь на собственную концепцию, дает ценный материал, касающийся управления. Например, анализ социалистического производства позволяет сформулировать важное положение об экономических методах воздействия. Анализ государственного управления позволяет выявить ряд принципов построения аппарата управления. Анализ управления обществом позволяет понять специфику места и роли государственного управления среди других субъектов управления.

Во-вторых, каждый из подходов, выдвигая серьезные доводы в пользу своего метода и точно так же выдвигая серьезные обвинения в адрес конкурента, приводит малоубедительные доказательства в пользу своей исключительности. Фразы о единственно правильном, единственно возможном, наилучшем подходе обычно остаются лишь фразами. В-третьих, практика показывает, что только использование достижений всех подходов дает возможность сколько-нибудь полно описать конкретный процесс управления.

По вопросу об управленческой учебе наш теперешний опыт глобализации все более и более подтверждает, что для управления современным сложным хозяйством даже в масштабах одного предприятия уже недостаточно общего, даже высшего образования. Как справедливо считал наш прагматичный Юбиляр, науку управления надо было рассматривать как органический комплекс специальных знаний, которые следует развивать, — знаний, которые должны постоянно изучать менеджеры всех уровней, занимающиеся управлением.

Недавний глобальный кризис дал подтверждение мыслей Юбилера о том, что предприятие или банк представляют собой лишь часть всего общественного организма, на которую возложена забота об удовлетворении всех потребностей человека и распространении духовных ценностей! Так, в массе современных публикаций говорится о повышении ответственности менеджера перед обществом и о значении возлагаемых на него как на гражданина обязанностей, которые заставляют его согласовывать свои стремления с интересами различных социальных групп и с требованиями так называемого всеобщего блага.

Авторы ряда современных разработок утверждают, что деятельность предприятия будет впредь оцениваться в зависимости от его участия в общем процессе социально-экономического развития, а получение прибыли становится лишь одним из критериев оценки успешной деятельности предприятия.

Как стало теперь очевидно, некоторые прагматичные исследования руководителя Лаборатории (которые не радовали тогдашних советских бюрократов) не утратили актуальность и в наши дни. Вопреки существующему сейчас официально упрощенческому подходу к образованию и учебе, при определении системы подготовки следует учитывать исходный уровень теоретических и практических знаний обучающихся, возможную область применения их знаний после обучения и ряд других факторов. И сейчас не могут быть в полной мере едиными программы и методы обучения при так называемой послеуниверситетской подготовке по программе MBA и при переподготовке высших командных кадров, накопивших большой практический опыт, хотя и не располагающих иногда необходимым запасом теоретических знаний в их современном объеме.

Верно также и то соображение Юбиляра, что руководитель предприятия или компании не может управлять вообще, безотносительно к управляемому объекту, без учета его особенностей в области техники, технологии и экономики. Однако очевидно, что глубина проникновения в эти конкретные отрасли знаний должна быть разной для разных уровней руководства. В этой связи нам и сейчас представляется правильной идея Юбиляра, чтобы каждому уровню руководства соответствовал и свой уровень овладения различными «главами», различными «разделами» науки управления.

Значительное внимание в публикациях главы Лаборатории уделялось методам обучения при подготовке и переподготовке руководителей. Перечисляя способности, которые должны быть развиты в процессе подготовки к управлению, особое значение придавалось «способности к принятию решения и к разрешению конкретных ситуаций, к переходу от теории к практике, к применению общих положений и принципов, к изучению и оценке опыта, относящегося к прошлому, и к отбору из него всего полезного.

Несомненно, такого рода лидерские способности и сейчас являются одними из важнейших качеств руководителя, и любая система подготовки должна стремиться к их развитию и совершенствованию. Авторы публикаций Лаборатории и ее глава приводили много убедительных доводов в пользу широкого применения метода изучения так называемых конкретных ситуаций (кейсов). Гавриил Харитонович справедливо относил этот прием к числу «активных» методов обучения, позволяющих сосредоточить внимание обучающихся и обучающихся не столько на усвоении абстрактных научных положений, сколько на выработке методов подхода к проблемам управления, на разработке навыков к самостоятельному исследованию этих проблем, к принятию взвешенных прагматических решений.

Думается, что применение при подготовке руководителей метода конкретных ситуаций должно и сейчас сыграть важную роль в приобретении лидерских навыков в области принятия решений, основанных на теоретическом осмысливании накопленного опыта. И в наши дни создание учебных пособий на высоком теоретическом уровне, содержащих набор ситуаций, отобранных из конкретной практики отечественного и мирового

хозяйствования, — дело очень ответственное и требует объединения усилий как ученых, так и практиков.

При разработке этих ситуаций наши отечественные менеджеры могли бы привести много выдающихся образцов решения типичных проблем управления, а также примеров различных ошибок, допускаемых в этой области, и поделиться своими соображениями о том, как избежать этих ошибок для предотвращения кризисных явлений.

Подводя итоги настоящим рассуждениям, хотелось бы заметить, что они вряд ли носят объективный характер. Показать объективно данные процессы — это дело исследователей историков развития управленческой мысли. Передо мной же стояли две задачи: копать и выбирать. Будучи вовлеченным в самую гущу событий становления науки управления в нашей стране, я имел редкую возможность видеть этот процесс изнутри.

Я испытывал большую личную преданность и персональную привязанность к Гавриилу Харитоновичу, был членом его команды и многим лично ему обязан. Однако я покинул его в конце 1969 года. И, как мне показалось, это его обидело... Лично для меня это было довольно болезненным.

Теперь я понимаю, что этот шаг был одновременно и моим расставанием с университетом и его экономическим факультетом. В условиях свертывания в стране экономической реформы Гавриил Харитонович взвалил на свои плечи огромную ношу. Сопrotивление реформе и нашему направлению в университете было жестким и (для меня) непреодолимым... Как он неоднократно заявлял, было недопустимо с научной и практической точек зрения загонять междисциплинарный по природе менеджмент в прокuroсто ложе экономики. И в этой связи ежегодная практика

проведения выездных загородных семинаров, инициатором которой был бесменно Г.Х. Попов, служила своеобразной отдушиной и себя оправдывала. Она унифицировала разношерстный состав энтузиастов-управленцев. Экономический же факультет университета постоянно препятствовал межфакультетской активности главы Лаборатории. Весьма симптоматично, что даже сегодня в МГУ нет полноценного факультета менеджмента!

Наш Юбиляр стоял перед дилеммой — Sink-or— Swim (выплыть или утонуть). Так раньше, говорят, в деревнях учили плавать. Выплыл — Молодец, а нет — значит Не Судьба! Между тем описанная мною история очень характерна для лидерского стиля Гавриила Харитоновича, которого жизнь постоянно втягивала в свой опасный водоворот.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПЕТРАКОВ

ЧЕЛОВЕК НЕ КАРЬЕРЫ

С Гавриилом Харитоновичем я знаком с 1954 года, когда поступил на экономический факультет МГУ. С первых дней знакомства с ним я понял, что это человек очень целеустремленный, фантастически работоспособный, умеющий ставить перед собой большие цели и достигать их, цели отнюдь не корыстные и карьерные, как у нас сейчас часто бывает, когда человек смолоду начинает делать карьеру, а научные, действительно связанные с профессиональным совершенствованием и пользой для всей страны. Когда я окончил факультет, то ушел работать в конкретную экономику, а Гавриил Харитонович остался на факультете, окончил аспирантуру, потом долго преподавал, занимался научной деятельностью. И в результате стал деканом экономического факультета. Заслугой его является то, что по его инициативе, без всяких призывов партийных органов факультет установил тесную связь образовательного процесса с хозяйственной практикой, с академической наукой. На факультете тогда были созданы кафедры, которые возглавили академики Н.П. Федоренко, С.С. Шаталин, А.И. Анчишкин. Это были руководители действительно прорывных научных направлений —

экономико-математического и народно-хозяйственного прогнозирования. Подобные исследования тогда не очень-то поощрялись нашей партийной элитой, но Г.Х. Попов сумел преодолеть все препятствия и начать подготовку высококвалифицированных специалистов по этим дисциплинам.

Более тесные контакты с Г.Х. Поповым у меня возникли, когда мы с ним столкнулись на первом съезде народных депутатов СССР в 1989 году. Он организовал межрегиональную депутатскую группу, был во главе этой группы, в которую входили А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, М.А. Бочаров, П.Г. Бунич, Г.Э. Бурбулис, Б.Н. Ельцин, А.А. Собчак, А.М. Емельянов, Т.Х. Гдлян, В.Н. Зубков, М.Н. Полторанин и другие известные общественные деятели. Я тоже участвовал в работе этой группы, но не так активно, хотя все ее предложения рассматривал и голосовал за те из них, которые выдвигались в начальный период становления демократии еще при М.С. Горбачеве. Потом, уже когда КПСС стала явно катиться к развалу, Гавриил Харитонович выступил одним из инициаторов создания в 1999 году новой демократической партии, действовавшей как движение демократических реформ. Лидерами были также А.А. Собчак, А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, А.В. Вольский. Я входил в политсовет движения. Это была попытка создать партию думающих интеллигентов, поддерживающих истинную демократию. И мы к этому стремились, образовали даже свой избирательный блок, участвовавший в выборах в Госдуму в 1993 году. Но движение развалилось после не очень-то удачных шагов, направленных на то, чтобы наладить интеграцию бывших союзных республик в рамках СНГ, другие новые процессы, которые стали происходить в постсоветской экономике.

Как мне и Попову думалось, это должна быть партия обманутых, почти революционеров (?). Потому что, когда начались эти огромные митинги на улицах, на них выходили десятки и даже сотни тысяч человек. Кто выходил? Учителя, преподаватели вузов, врачи, то есть выходила интеллигенция, требовавшая сильных демократических реформ, чтобы народ стал жить лучше. А что получилось? Получилось все наоборот. Ходили на демонстрации одни, а выиграли от перемен, обогащались, «пилили» страну совершенно другие люди. И это был опять тот момент, когда интеллигенция осталась никому не нужной, опять стала финансироваться по остаточному принципу. Оказалось, что представители академической науки не нужны, интеллигенты отраслевых исследовательских институтов не нужны. Фундаментальная наука была заброшена, здравоохранение стало почти платным, зарплата бюджетных медиков низкая, учреждения образования и его работники тоже очутились в униженном положении.

А ведь мы хотели объединения таких людей, которые не получили настоящей демократии, но продолжали выступать и добиваться действительного улучшения жизни и демократических свобод, что, кстати, очень важно. Здесь можно вспомнить опыт падения других тоталитарных режимов. Был режим Франко в Испании, режим Салазара в Португалии, были «черные полковники» в Греции, и когда такие режимы рухнули, оказалось, что эти не очень передовые страны с точки зрения экономики быстро встали на путь демократических преобразований, вступили в зону евро, грамотно провели экономические реформы и жизненный уровень там существенно возрос. Поговорите с испанцами, португальцами и греками о том, как они жили при

тоталитарном режиме и как они живут сейчас, они скажут, что ныне живут значительно лучше. К сожалению, в России так не произошло.

И поэтому я полностью согласен с Гавриилом Харитоновичем в его оценке реформ господина Гайдара, о чем говорится в очень интересной статье Попова, опубликованной в «Московском комсомольце». Да, на самом деле у нас действительные рыночные реформы не состоялись. Рыночные реформы должны «крутиться» на основе конкуренции, потому что конкуренция — единственный мотор развития рыночной экономики. А что стали делать у нас реформаторы? Не создавать условия для конкуренции, массового предпринимательства, а стали «пилить» экономику для себя отраслями, передавая олигархам естественные монополии. Мы страна, где сырьевые ресурсы очень большие, и по сути дела произошел «распил» естественных монополий. Реформаторы сами создали олигархов, отбросив в сторону массовое предпринимательство. Сейчас опять Путин, Медведев и наши нынешние демократы говорят, что надо развивать малый и средний бизнес. Но извините, почему вы не делали этого в 1991 году? Зачем нужно было «пилить» и приватизировать нефтяную, лесную промышленность, добычу золота и алмазов и прочее-прочее... Государственные монополии заменили на частные, которые легче продать, чтобы скупать для себя острова, футбольные клубы и яхты. А теперь удивляться, спрашивать, где же средний и малый бизнес? Да нет его. Нет даже в сельском хозяйстве, где ему-то уж, кажется, обязательно должно быть место. Наши демократы вначале молились на фермера, выделяли большие деньги для его создания, но они были бездарно использованы, и ныне фермер производит

весьма небольшую часть сельскохозяйственной продукции. Нет фермерства, а есть обмен нефти на колбасу.

В своих оценках будущего страны Гавриил Харитонович — человек достаточно оптимистичный, хотя я и не всегда согласен с его работами, которые почти все читал. Конечно, я не согласен с его оценкой роли в Великой Отечественной войне генерала Власова. Мы с Гавриилом Харитоновичем достаточно много дискутируем и по другим вопросам. Большой его заслугой надо признать то, что он возродил Вольное экономическое общество, очень интересную организацию, которая объединяет ученых и практиков, проводит дискуссии по актуальным темам развития нашей экономики.

Гавриил Харитонович — человек состоявшийся, но не карьерный. Когда он стал в результате свободных выборов мэром Москвы и поработал в этой должности несколько лет, то понял, что это не его стезя, не то, что ему нужно. А нужно ему заниматься наукой, изучением общества, обоснованием рекомендаций, как в лучшую сторону изменить политику, нашу жизнь. Он добровольно ушел с этого поста, за который борются многие люди, ушел в науку и образовательные программы. Он всегда чувствовал себя прежде всего ученым и стремился туда, где ему интереснее. Конечно, когда была революционная волна, он был на ее вершине, на первых съездах народных депутатов, среди московской интеллигенции. Это ему нравилось и было интересно, потому что это было явное движение к демократии. Когда же он понял, что это движение повернуто не туда, то и честно стал говорить об этом, что я очень ценю в нем, за что снимаю перед ним шляпу.

И что еще мне нравится в Гаврииле Харитоновиче, так это сохранение действительно дружеских отношений со своими однокурсниками. Каждые пять лет он собирает нас, отмечая

пятилетия нашего поступления на экономический факультет МГУ и окончания учебы, что очень приятно. Это очень непростая работа — собрать людей, созваниваться, переписываться, организовать интересную встречу.

Он часто по-человечески помогает друзьям и в работе, и в организации жизни, подтверждая делами важное для всех нас чувство товарищества, возникшее в далекие 50-е годы. Кто-то уже покинул наш мир, кто-то жив, кто-то болеет, кто-то продолжает тянуть трудовую лямку. Гавриил Харитонович продолжает собирать нас, помогает вспоминать нашу молодость, что в нашем возрасте и нужно делать.

Прежде всего я пожелал бы Гавриилу Харитоновичу здоровья, здоровья, здоровья и еще раз здоровья. Он человек, который действительно двигает нашу общественную мысль вперед. Желаю, чтобы он продолжал эту работу, продолжал выпуск новых книг. Желаю семейной любви и, конечно, творческих успехов.

ГЛЕБ ЛЬВОВИЧ ПОДВОЙСКИЙ

УРОКИ ПРОФЕССОРА ПОПОВА

В этом году исполняется 75 лет Гавриилу Харитоновичу Попову.

И сейчас, когда мы, его аспиранты, перешагнули 60-летний рубеж, все яснее осознаешь масштаб его личности и понимаешь, как нам повезло.

Повезло встретить на своем жизненном пути человека, которого по праву можно назвать Учителем, Учителем с большой буквы.

Слово «учитель» имеет много смыслов. Учитель — это человек, который передает тебе свои знания, свой опыт. Учитель как бы раздвигает твои горизонты, расширяя твой кругозор и твои представления об окружающем мире. Он учит видеть и понимать людей, процессы и явления во всем их многообразии, сложности и противоречивости. Учитель дарит тебе величайшую человеческую радость — радость общения. Учитель всегда готов помочь тебе и советом и действием в трудной жизненной ситуации.

Гавриил Харитонович оказал на меня огромное и мощное влияние.

Он не собирал нас, своих аспирантов, и не вел с нами долгие задушевные беседы. Он учил нас прежде всего своим примером: и ответственным отношением к научной и преподавательской работе, и умением работать энергично, творчески, продуктивно, и правильной организацией своего времени.

Именно это позволяет достигать результатов, состояться в жизни и в профессии.

За время нашей совместной работы Гавриил Харитонович многому меня научил, и я благодарен ему за эти уроки, которые мнегодились в жизни.

УРОК ПЕРВЫЙ

В 1973 году Гавриил Харитонович предложил мне быть его помощником по подготовке к изданию учебника «Труд руководителя». Учебник готовился для системы экономического образования и был адресован хозяйственным руководителям высшего звена.

В редколлегию учебника вошли: заместитель председателя ГННТ, член-корреспондент АН СССР Д.М. Гвишиани, главный редактор журнала «Коммунист», член-корреспондент АН СССР В.Г. Афанасьев, Герой Социалистического Труда, заместитель председателя Госплана РСФСР В.Н. Лисицын и заведующий кафедрой управления экономического факультета МГУ профессор Г.Х. Попов.

Мотором издания, реальным руководителем авторского коллектива и редактором учебника был Гавриил Харитонович.

Учебник «Труд руководителя» вышел с дополнениями тремя изданиями.

Именно тогда, во время нашей работы, я получил первый и очень наглядный урок от профессора Попова.

Любое большое дело требует напряженнейшего труда, посколькy только в этом случае есть гарантия его успеха.

А ведь в те времена не было ни компьютерного набора, ни электронной почты и подготовка рукописи к изданию была весьма трудоемким процессом.

Я всегда поражался, как, передав в конце рабочего дня Гавриилу Харитоновичу материалы от авторов учебника, уже утром следующего дня получал от него не только прочитанные, но и тщательно отредактированные материалы.

Естественно, все это требовало огромных усилий, особой заряженности на успех дела, которое делаешь, высочайшей требовательности к себе и к другим. Таков был фирменный почерк профессора Попова.

Ежедневно общаясь с Поповым в те годы, я видел, как он настойчиво ищет и старается уйти от сухого учебного текста, найти новые формы подачи материала по каждой теме, дополняя его интересными примерами из практики хозяйствования.

Высочайшая работоспособность Попова, его умение работать быстро, профессионально и плодотворно вызывали у меня глубочайшее уважение к этому человеку.

Во все три издания учебника «Труд руководителя» Гавриил Харитонович обязательно вносил интересные новации и дополнения, которые делали учебник более познавательным и интересным для слушателей.

Ему удалось привлечь в авторский коллектив учебника многих лучших специалистов того времени — экономистов, социологов, психологов, и то, что учебник «Труд руководителя» стал заметным явлением, — огромная персональная заслуга Гавриила Харитоновича.

Работая в издательстве «Экономика», во второй половине 80-х годов я смог в полной мере оценить высочайший класс и профессионализм Попова не только как эффективного руководителя такого трудоемкого и сложного проекта, как издание и все переиздания учебника «Труд руководителя», но и как блестящего и в высшей степени профессионального редактора.

УРОК ВТОРОЙ

В 1975 году профессор Попов стал руководителем кафедрального аспирантского семинара. Годы аспирантуры отложились в моей памяти как одно из самых ярких, сильных и прекрасных воспоминаний молодости. Наш аспирантский курс был сильным, дружным, и то, что Гавриил Харитонович стал руководителем семинара для аспирантов, помогло нам не только глабоко войти в проблематику науки управления, познакомиться с ее истоками, персоналиями, но и расширить свой мировоззренческий и интеллектуальный кругозор.

На семинаре в течение года мы проработали все темы курса «Управление социалистическим общественным производством», который читался на экономическом факультете МГУ и в сокращенном виде на других гуманитарных факультетах.

Организован семинар был необычно. Во-первых, главными действующими лицами были мы — аспиранты. Во-вторых, на каждую тему назначалась команда из четырех человек. Роли в команде распределялись следующим образом. Один аспирант готовил основное выступление по теме.

Второй — должен был рассказать, какие существуют другие точки зрения и позиции по данной теме. Третий — готовил иллюстрированные материалы (графики, схемы и т.п.). Четвертый

аспирант был ведущим: следил за регламентом, своими вопросами и комментариями стимулировал дискуссию.

Семинар обычно длился больше двух часов. Это была невяторно увлекательная и интенсивная интеллектуальная работа.

В конце семинара Гавриил Харитонович делал большое заключение. И всегда чувствовался в нем ясный ум, высокий интеллект, безупречная логика, широкий экономический и управленческий кругозор.

Это был высший интеллектуальный пилотаж.

Гавриил Харитонович оценивал и работу каждого из членов команды, готовившей семинар, отмечая плюсы и минусы. Делалось это исключительно уважительно и корректно.

Думать, анализировать, искать и предлагать варианты решения актуальных и сложных проблем — таков второй урок профессора Попова.

Думаю, что аспирантский семинар и активное вовлечение нас в дела кафедры помогли Попову подметить в нас, его аспирантах, те способности, наклонности, потенциал, которые мы могли реализовать, выбирая главное дело своей жизни. И Попов исподволь и вроде бы незаметно направлял нас на эту главную жизненную дорогу.

И с позиций сегодняшнего дня можно констатировать, как точно он разглядел в каждом из нас тот реальный потенциал, реализация которого позволила нам состояться в профессии и в жизни.

Так, Виктор Красильников смог в полной мере реализовать себя в общественной сфере, став надежным помощником Попова по Вольному экономическому обществу, Международному Союзу экономистов и Международной академии менеджмента.

Алик Манюшис стал доктором экономических наук, профессором и сегодня работает деканом Высшей школы менеджмента и бизнеса Международного университета, а я уже больше 25 лет занимаюсь издательским делом.

УРОК ТРЕТИЙ

Осенью 1984 года с преподавательской работы на кафедре управления я перешел работать в издательство «Экономика» заведующим редакцией литературы по планированию и управлению.

Первый год работы в издательстве был для меня невероятно трудным. Трудным не только потому, что работа в советских издательствах подчинялась жесткой плановой дисциплине. Трудно не только потому, что мой предшественник несколько лет конфликтовал с руководством издательства и за редакцией «висели» огромные долги по заявленным, но не выпущенным книгам, что по советским издательским правилам было серьезным нарушением.

Трудно было главным образом потому, что после университетской среды я пришел в совершенно иную социальную среду: со своими правилами игры, взаимоотношениями, интригами, борьбой интересов и т.д. Издательский мир в те годы это особая каста, и поэтому процесс вхождения новичка в эту издательскую корпорацию очень сложен: надо выстраивать отношения с незнакомыми людьми, овладевать всеми «секретами» и тонкостями издательского дела, налаживать работу коллектива редакции и т.д.

Работая с Поповым, я был неоднократным свидетелем того, как он всегда становился центром притяжения интересных, прогрессивно

мыслящих людей. Особенно ярко это проявлялось во время зимних кафедральных семинаров, названных в шутку «Гавририада». Его умение увлечь таких людей поиском решения насущных проблем, волновавших научную общественность, было поразительным.

Искать единомышленников, соратников среди неравнодушных, прогрессивно мыслящих людей, стараться объединить их и через различные коммуникационные каналы влиять на власть. Это третий урок профессора Попова.

УРОК ЧЕТВЕРТЫЙ

Первая половина 80-х годов была для Попова временем тяжелых испытаний. Гавриил Харитонович — человек стойкий к ударам судьбы, а они сыпались на него в начале 80-х годов постоянно, особенно когда партийные функционеры МГУ сфабриковали против него «дело».

Попов всегда держал удар, был настоящим бойцом, унаследовав эти качества от своих родителей, которых он бесконечно любил. И я тогда задавал себе вопрос: «А как он смог выжить в условиях той травли, которую развернули против него?»

Думаю, что он выжил прежде всего потому, что был профессионалом. Это любитель может себе позволить думать и писать по настроению. Профессионал думает, пишет всегда, в любую погоду. Любитель берет то, что близко и легко объяснить. У профессионала нет выбора: он должен уметь анализировать сложные, глубинные процессы и явления. Он мастер. Он связан канонами более строгими, чем какой-нибудь талантливый дилетант или публицист.

То, что Попов профессионал, он доказал, написав свою лучшую книгу «Эффективное управление». Книгу, которая будила мысль,

заставляла задуматься над глубокими и серьезными проблемами существовавшего тогда общественного строя. Именно эта книга позволила Попову вплотную подойти к пониманию глубоких, системных дефектов всей системы государственного социализма в СССР.

В 1988 году профессор Попов стал главным редактором ведущего экономического журнала страны «Вопросы экономики». Журнал в очень короткие сроки стал невероятно востребован экономической общественностью. И в том, какие темы освещал журнал, каких он привлекал авторов — огромная персональная заслуга Гавриила Харитоновича. И я до сих пор жалею, что в силу разных обстоятельств не состоялся тогда мой переход в журнал в качестве заместителя Попова.

И в прошедшее двадцатилетие Попов многократно подтверждал свой высокий профессиональный научный уровень и активную гражданскую позицию:

- он невероятно много сделал в период перестройки;
- в конце 80-х годов предложил свою программу по переводу экономики на рыночные рельсы;
- уйдя в отставку с поста мэра Москвы в 1992-м он, как президент Вольного экономического общества России, вложил в него всю свою энергию, опыт, знания. Общество обрело второе дыхание, получило мощный импульс к развитию, стало авторитетной независимой организацией;
- возглавив в 1991 году Международный Союз экономистов, Попов добился того, что Союз как неправительственная общественная организация стал признанным экспертным сообществом в структурах ООН и ЮНЕСКО;
- Международный университет в Москве — это еще один проект Попова начала 90-х годов. Попов — президент

Международного университета, ставшего признанным лидером в сфере гуманитарного образования среди негосударственных вузов страны.

Несмотря на множество своих общественных нагрузок, Попов регулярно выступает с анализом актуальных политических и экономических проблем, которые находятся в центре общественного внимания. Его анализ всегда критичен, глубок, логичен и заставляет думать. Но критичность его анализа всегда включает конструктивную составляющую.

Попов как отличный аналитик умеет, выслушивая разные мнения и точки зрения, вычлнить суть.

Если ты убежден в своей правоте, то не бойся трудностей на своем пути, иди вперед, только вперед. В общем, живи, думай, анализируй, действуй.

И в этом четвертый урок профессора Попова.

Гавриил Харитонович, безусловно, яркая, масштабная, творческая личность, уникально одаренная по широте своих интеллектуальных возможностей.

В прошедшее переломное двадцатилетие профессор Попов искал ответы на самые насущные вопросы, доказывая необходимость независимого, профессионального анализа общественных реформ, руководствуясь при этом только серьезной научной экспертизой сделанного.

Обладая необычным складом ума, Гавриил Харитонович всегда выбивался из общего ряда. Его способность к анализу и синтезу сложных явлений и процессов до сих пор поражает. Все его статьи, заметки, комментарии отличаются четкой силой логики, фактами, всей системой доказательств. Это позволяет характеризовать его как крупнейшего мыслителя современности.

И в этом качестве он привнес необычайно много в копилку понимания тех процессов и тех противоречий, которыми так богата наша российская действительность.

Убежденный сторонник демократических преобразований, социал-демократ по своим взглядам, блестящий экономист и публицист, Гавриил Харитонович много сделал, чтобы Россия стала подлинно демократическим государством.

И закончу свои заметки словами А.С. Пушкина о своем лицейском преподавателе:

Куницыну дань сердца и вина!

Он создал нас, он воспитал наш пламень,

Им чистая лампада возжена!

ОЛЕГ МАКСИМОВИЧ ПОПЦОВ

ТЕНЬ СОКРАТА

Гавриил Харитонович Попов — человек вне какой-либо похоти. Его мнение во все времена имело весомый коэффициент несогласности. Это особый взгляд на все вокруг: реформы, советское прошлое, войну, демократию. Его толкование этих событий погружало вас совершенно в иные осмысления, казалось бы, до того не имеющие иного понимания, нежели то, которое вы приняли как бесспорно правильное.

Наши пути пересеклись в 90-е годы, тогда демократические настроения, воплощенные в политическое движение «Демократическая Россия» в полном смысле этого слова погрузили Россию в митинговую стихию. Там, на митингах, появлялись свои политические идолы, обещающие построить иной мир, схожий с миром Америки и Европы. А по сути, мы имели дело со схоластическим популизмом неумеющих.

Популизм был фундаментом политической непросвещенности демократов первой волны. И вот в этой нескончаемой буре вакханальной митинговости появляется человек, который в неторопливой манере дает профессиональное толкование происходящим процессам, толкование экономиста-философа.

Мы близко познакомились в МГУ на встрече с избирателями, куда пригласил меня Гавриил Харитонович. Он предложил мне выступить на этом собрании. Мы все представляли ту самую «демократическую Россию», которая и стала оплотом девяностых.

Я поинтересовался, кто будет помимо меня?

Гавриил Харитонович пояснил, нас будет трое: вы, я и Борис Николаевич Ельцин. Встреча состоится в Большом зале МГУ.

Так случилось мое знакомство с Борисом Ельциным, которое, по сути, сотворил Гавриил Харитонович Попов.

В самом начале 90-х Гавриил Попов был интеллектуальным олицетворением окружения Б.Н. Ельцина, в котором тот нуждался чрезвычайно.

Будем откровенны, те годы справедливо назвать бунтом не-профессионалов, и Гавриил Попов это хорошо понимал. Приход к власти 28–32-летних приговорил страну. Они были образованны, но у них полностью отсутствовал жизненный опыт. Как сказал когда-то Виталий Игнатенко: «Во власть пришли люди с высшим, но без среднего образования». Удручающее непонимание ментальности страны, продемонстрированное младореформаторами, имело все ту же причину — отсутствие жизненного опыта.

После событий августа 1991 года ситуация оказалась непредсказуемой. Никакой концепции развития не было. На вопрос: чего мы хотим? — повсеместный ответ был один и тот же: «Все должно быть иначе, но не так, как было раньше. Как именно мы не знаем, но по-другому». Примерно такое видение будущего было у младореформаторов. Нужны реформы? Какие, надо подумать. Вот проведем приватизацию, отберем у государства собственность и тогда... Но это самое тогда растянулось на десятилетия. В начале 90-х никто не брал власть штурмом,

коммунисты ее сдали. А что делать, дальше мало кто понимал. Примерно в это время в Белом доме, в кабинете Ельцина, собрался сравнительно узкий круг демократов-единомышленников. Сейчас всех не упомнишь. Но, без сомнения, был Б.Н. Ельцин, он и собрал это совещание, Гавриил Харитонович Попов, Бурбулис, Станкевич, Полторанин, кажется, Красавченко и еще кто-то из депутатов. Я тоже оказался среди присутствующих. Настроение собравшихся — нечто среднее между восторгом и отчаянием.

ГЧП рухнул, российские коммунисты как продолжатели дела КПСС властвующую значимость утратили. Участники предстоящего разговора были возбуждены. Победа одержана, выкрикивали присутствующие, что делать дальше? Вопрос по существу: как поступить с властью? Брать ее или не брать? Эмоции выступающих имели максимальное излучение. Депутаты, представляющие демократическую Россию, на выдохе выкрикивали: «Мы победили!!! Значит, власть наша!» И вот тут прозвучал негромкий и вразумляющий голос Гавриила Харитоновича: «Демократы не готовы к взятию власти. Опыта управления нет, гражданские институты отсутствуют, демократических убеждений, по существу, тоже нет. Есть демократическое настроение, а это не одно и то же. Сначала надо создать систему управления, а затем...» — Попов сделал многозначительную паузу. — По навыку управления мы проигрываем прошлой власти, и это очень скоро поймет народ».

Я сидел едва ли не напротив Гавриила Харитоновича. И так же, как Попов, в некрикливой манере сказал: «Ну, хорошо, коммунисты власть утратили, их возврат маловероятен. Мы власть не берем! Тогда кто?!»

Вот именно кто?! — возбудились демократы.

— Получается криминал, — завершил я свою мысль. — Больше никому.

Ельцин подытожил эту крикливую дискуссию словами: «Власть берем!!!»

Гавриил Попов в 90-е был неким символом демократических перемен, олицетворением их. И его предупреждение о неготовности демократов стать властью в тот исторический момент было, по сути, пророческим.

Но политическая жизнь на переломе эпох, а тем более революция — это всегда материализация вынужденности.

Власть либо берут, либо теряют, отложить на потом взятие власти невозможно.

И тем не менее Гавриил Харитонович был прав: в 1991 году демократы полнообъемно не были готовы стать властью, но стали таковой. И то безмерное количество ошибок, совершенных в те годы, есть подтверждение тому.

Гавриила Харитоновича нельзя назвать человеком, присягнувшим на верность политике, хотя он полнообъемно участвовал в ней, был депутатом СССР, входил в руководство межрегиональной депутатской группы. С которой, по сути, все и начиналось. Именно эта группа и ее члены Полторанин, Бурбулис, Старовойтова и тот же Попов стали первым интеллектуальным оплотом Бориса Ельцина. И тем не менее Г.Х. Попов — нечто иное. Он ученый-экономист, пришедший в политику, и потому как никто понимал: если в лихие девяностые становления демократии главной политикой не станет экономика, у демократических перемен нет будущего. Власть без интеллектуального окружения это не власть, потому как любая реформа, а в 90-е власть заявляла себя именно в

этом ампула, ампула реформаторов, — всегда интеллектуальный прорыв.

В силу подобных обстоятельств оказалось сверхсимволическим, когда Гавриил Попов становится первым демократическим мэром России, мэром Москвы.

И на этом посту он с первых дней проявил себя как истинный реформатор. Он разделил столицу на округа, поставив во главе префектов, назначенных мэром. Начал проводить бесплатную приватизацию жилья. В частную собственность передал предприятия сферы обслуживания. В то же время выступил против приватизации московских заводов, работа которых не была обусловлена конкуренцией. Отличительная черта Гавриила Харитоновича не только наличие своих взглядов, они присутствовали всенепременно, а их невероятная непохожесть. Он критиковал коммунистов не за идеологию, а за неумение сосредоточиться на экономике переходного периода и создать свою программу. Но столь же резко он раскритиковал курс «шоковой терапии», проведенной Егором Гайдаром, заявив, что происходящее ничего общего не имеет с либерализацией цен, потому как механизм конкуренции не обеспечен. Бездефицитный бюджет не может быть самоцелью, если не стимулирует предпринимательство и производство.

Но историческую роль Гавриил Попов сыграл в августе 1991 года, когда они вместе с Юрием Лужковым удержали Москву, а значит, открыли путь к демократическим переменам России. Если бы в те дни не выстояли две столицы — Москва и Петербург, политический хаос опрокинул бы Россию и вытолкнул ее на полигон гражданской войны. Говорю об этом как участник тех событий, оказавшийся в их эпицентре. Такова суть экономического

и политического патриарха наших времен Гавриила Харитоновича Попова. Во все времена он видел мир по-своему и учил этому навыку окружающих его людей.

Грек по национальности, волею судьбы оказавшийся в России, удивительным образом подтвердил расхожий афоризм «В Греции все есть», сделав в нем уточнение: «В России, как и в Греции, все есть». И вряд ли я ошибусь, если скажу: «В Гаврииле Попове определенно проглядывается Сократ нашего времени».

ЕГОР СЕМЕНОВИЧ СТРОЕВ

ИНТЕЛЛИГЕНТ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК НОВОГО ВРЕМЕНИ

«Разумный» человек не тот, кто избавился от противоречий, а тот, кто находит им применение и место в своей работе.

М. Мерло-Понти

Я давно знаком с Гавриилом Харитоновичем Поповым, и мне казалось, что я хорошо его знаю. Но когда мне предложили о нем написать — сразу возник вопрос: что же главное в характере и делах этого весьма яркого и, казалось бы, очень успешного человека, достигшего многого в жизни, которая, по его же словам, «была непростая».

Школу, как он сам отмечает, окончил с золотой медалью, лучший вуз страны — с отличием, где прошел школу комсомола: «организатора и руководителя: умение работать с очень разными личностями (а личности в МГУ были еще те...), умение вести «малую группу» и умение организовывать «большие коллективы». Там же он «окончательно определил свое будущее — ученый и профессор». Все это позволило ему стать деканом экономического факультета МГУ, главным редактором

журнала «Вопросы экономики». Его профессиональное кредо: «Надо знать свою область по всем доступным источникам (особенно цифры и факты). Изучать реальную экономику. Книжки и статьи других. Следить за всеми новшествами. И главное — знать, где они могут появиться и у кого. Мир соратников, мир соперников, мир противников».

Этот «мир» его окружал и сопутствовал ему постоянно. Он мог стать членом (тогда еще советской) Академии наук, но его не «пропустили», поскольку способность его разума видеть связь общего с частным, предварительно подвергая сомнению все явления и учитывая все возможные противоречия в обществе, вызвала определенную ревность. Как здесь не вспомнить о том, что люди разумные часто бывают ненавистны окружающему миру.

Мне представляется, что эпиграф, который я привожу, очень хорошо характеризует Гавриила Харитоновича. Слова известного французского философа Мориса Мерло-Понти (1908–1961) полностью отражают жизненное кредо этого нестандартного и незаурядного человека. У него всегда присутствует чувство неудовлетворения существующей ситуацией, поскольку его «разум» видит глубже и дальше. При этом он прекрасно осознает, что не «разум» пагубен для общества, а ошибки «разума». В некоторой степени «вредила» в жизни и такая черта его характера, о которой он сам говорил, что «от природы я очень замкнутый. Интроверт, как говорят психологи».

Тем не менее в годы перестройки Гавриил Харитонович становится народным депутатом СССР, а затем и мэром столицы России. Но он быстро понял, «что и с новой властью наши не сварись. Я ушел. ...Я не могу и не хочу работать мэром при принятом курсе реформ». Проект, разработанный Международным

валютным фондом (МВФ) для преобразования страны, «разум» Г.Х. Попова не принял. Более того, как он пишет в одной статье: «Вот и теперь во главе России оказались или самоуверенные недоучки, или некомпетентные либо корыстно настроенные лидеры, или властолюбцы, обладающие избытком амбиций, но лишённые нужного арсенала знаний — прежде всего лишённые концепции реформы, воплощающей и отражающей специфический путь России от государственно-бюрократического социализма к постиндустриальному обществу».

Насколько я представляю, Гавриил Харитонович всегда был реалистом и потому отчетливо понимал, что как в Советском Союзе, так и в России успешный процесс реформ может проходить только эволюционным путем.

Дух позитивного противоречия «заставил» его уйти в отставку, но не уйти от реальных дел. У него осталось Российское движение демократических реформ, которое попыталось возглавить демократическую альтернативу Б.Н.Ельцину, Международный университет, Международный союз экономистов, Международная Академия менеджмента, Вольное экономическое общество России. «Разум» Г.Х. Попова продолжает работать на добрые дела, реализуемые этими влиятельными, в общем-то, общественными институтами, фактически делая многое за государство, действия которого, к сожалению, по его мнению, бывают зачастую весьма спорными.

Я более десяти лет активно сотрудничаю со всеми этими структурами, президентом которых является Г.Х. Попов. Знаю не понаслышке, какую большую работу он проводит, руководя этими, несомненно «полезными» общественными организациями. Труды ВЭО России, МСЭ, МАМ выходят регулярно,

ими пользуются миллионы российских граждан. В «Научных трудах» размещаются стенограммы конференций, круглых столов, международных симпозиумов, научные результаты исследований школьников, аспирантов, авторитетных членов этих общественных организаций. В МСЭ и МАМ собран мощный интеллектуальный потенциал не только России, но и стран ближнего зарубежья, Восточной и Центральной Европы, других стран мира.

Действенность проводимых мероприятий проявляется в том, что подробная информация о них публикуется, а также рассылается в федеральные, региональные органы власти, министерства и ведомства, научные центры и в местные организации ВЭО России.

Заметный резонанс в экономическом сообществе получили конкурсы, которые ВЭО России проводит совместно с Международной Академией менеджмента (МАМ): так называемый Российский конкурс «Менеджер года», где я на протяжении многих лет являлся председателем жюри конкурса, а также «Менеджер года в государственном и муниципальном управлении», в которых участвуют более четырех тысяч менеджеров всех уровней управления и отраслей. Отдельный конкурс устроен для экономических кафедр вузов, а также для школьников, студентов и аспирантов.

«Разум» Гавриила Харитоновича все время «в движении». Он всегда понимает, насколько необходим анализ перемен, которые происходили и происходят в российской экономике и обществе в течение последних двадцати лет. Он много работает и особенно пишет. Помимо серьезных научных статей, монографий в последнее время у него появилось большое

количество неординарных публицистических материалов, где идет, как правило, основательный разговор о наших неудачах, проблемах и возможных мерах по выходу из подобных неурядиц. Все его мысли весьма оригинальны и иногда поэтому кажутся противоречивыми. Но это на первый взгляд. Стоит только вдуматься в смысл его высказываний, то сразу становится ясной глубина и объективная сущность хорошо схваченной им проблемы. Понятно, что просто так это никому не дается. За всем этим, на мой взгляд, титаническая постоянная работа над собой и высокий научный профессионализм. Трудоспособность Г.Х. Попова порой поражает. Казалось бы, человек уже всего достиг, многое знает, все повидал, может успокоиться. А он продолжает работать, делать «полезное» дело для общества и государства, которое практически на всех этапах его развития критиковал, но критиковал, как мне кажется, ради одного — чтобы оно было лучше и эффективнее. Я бы так сказал: Гавриил Харитонович — настоящий трудоголик, крупный ученый-экономист, управленец международного уровня. Он — порождение и созидатель нашего времени, фигура колоритная и самобытная, обладающая обширным кругозором научных и практических знаний. Он может еще много сделать для возрождения России, потому что чувство «борьбы» за это «новое время» и новую Россию им никогда не будет потеряно. Так, еще несколько лет назад он заявил: «Сегодня, спустя почти десять лет, можно сказать, что уже мало осталось сторонников упований 1991 года. И это утешает. Существенно и то, что концепции реформ наконец достаточно выкристаллизировались и стали предметом открытой политической борьбы. А огорчает то, что и сегодня мы все еще не подошли к стадии, когда

теоретическая дискуссия и политические баталии переходят в этап практических преобразований». И в этом высказывании весь Гавриил Харитонович Попов — Интеллигент, Гражданин, Человек нашего времени, всегда нацеленный на становление новой России.

ВИТАЛИЙ ТОВИЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

О ГАВРИИЛЕ ПОПОВЕ

Познакомился я с Гавриилом Харитоновичем Поповым в редакции «Московских новостей», куда пришел работать весной 1988 года. Тогда это ныне уже снесенное, а до того каким-то образом ушедшее из собственности «МН» здание (невидимая рука рынка?) служило местом постоянной, как сказали бы сейчас, тусовки тех, кого называли «прорабами перестройки». Приходили «прорабы» главным образом к Егору Яковлеву — со своими статьями и идеями, каковые (статьи и идеи) через некоторое время со страниц «Московских новостей» и оглашались.

Впрочем, чтобы получить титул «прораба перестройки», нужно было сначала сказать что-то существенно важное и новое относительно волновавших тогда общество проблем. Более всего и чаще всего говорили о прошлом, ибо будущее — без власти КПСС — казалось всем прекрасным и светлым.

Гавриил Попов, насколько я помню, стал известен и приобрел этот самый титул «прораба перестройки» после того, как опубликовал в журнале «Наука и жизнь» большую статью о романе Александра Бека «Новое назначение». В этой статье он ввел по отношению к советской экономике и — шире — всей советской

системе управления определение «командно-административная», что сразу же закрепились и в сознании, и в словаре всех более или менее активных сторонников перемен.

К сожалению, я не помню, насколько непосредственными были наши контакты во время моей работы в «Московских новостях» и каких конкретных тем или проблем они касались. Скорее всего, слишком частыми они не были, так как Гавриил Харитонович, если не ошибаюсь, со своими текстами выступал тогда редко.

В 1989 году все «прорабы» и все «звезды» перестройки разом и с новой силой вспыхнули во время работы первого Съезда народных депутатов СССР. Это была уже не публицистика, а политика. Развивавшаяся от того момента стремительно и безжалостно.

В 1990 году были избраны «демократические», как их сразу тогда называли, Моссовет и Ленсовет. Во главе первого как раз и встал Гавриил Попов, избранный год спустя уже мэром Москвы.

Для моей личной и профессиональной судьбы ключевым стало избрание Гавриила Харитоновича председателем Моссовета, а также то, что этому Моссовету не удалось отобрать у городского комитета КПСС до того их совместный печатный орган — газету «Московская правда».

Не знаю уж, в чью голову пришла мысль о создании собственной газеты Моссовета, но ко мне с предложением создать и возглавить такую газету в самом начале лета 1990 года обратились от имени Гавриила Попова.

К тому времени я уже подумывал об уходе из «Московских новостей». В частности и потому, что начал расходиться с Егором Яковлевым, одним из заместителей которого я тогда был, относительно того, какой должна быть газета в новых истори-

ческих и политических условиях. Так что предложение Гавриила Попова пришлось весьма кстати.

Я почти сразу дал согласие, выставив, однако, два условия. Первое — газета должна быть не городской, а общенациональной. Второе — газета должна быть независимой (отсюда чуть позже родилось и название «Независимая газета») от своего учредителя (наковым предполагался, естественно, Моссовет) в целом и, это я с Гавриилом Поповым обговаривал отдельно, от каждого из депутатов Моссовета в частности. Дело в том, что я опасался почти неизбежного: как только газета будет создана, весьма активные депутаты завалят ее своими статьями, сломав тем самым даже теоретическую возможность для редакции проводить какую-либо осмысленную и профессиональную редакционную политику.

Гавриил Харитонович сразу понял и принял все мои опасения и согласился с моими условиями. Но резонно заметил, что это значительно затрудняет проведение через Моссовет решения об учреждении издания с таким названием, с такими амбициями и с таким главным редактором. Кроме того, возникло еще одно осложнение. Оказывается, то ли самостоятельно, то ли как представитель какой-то группы депутатов возник еще один кандидат на должность главного редактора «газеты Моссовета», как он её — в отличие от меня — и называл. Это был господин Панков, журналист, до того мне не известный, к которому никаких предубеждений я не испытывал, однако в конкуренцию с которым вступать не собирался.

Более того, я прямо сказал Гавриилу Попову, что для меня совершенно ясен исход голосования в Моссовете по этому вопросу: если Третьяков предлагает газету, независимую от Моссовета, а Панков — «газету Моссовета», то понятно, за кого

даже самые демократические из всех демократических депутатов проголосуют.

Разумеется, Гавриил Попов понимал это не хуже меня.

В переговорах по этому вопросу и вообще в истории учреждения «Независимой газеты» очень большую роль сыграли Олег Орлов, тогда, как я помню, председатель комиссии Моссовета по СМИ (или что-то в этом роде), а также Сергей Станкевич и чуть позже Николай Гончар. Через Олега Орлова велись все текущие переговоры по реализации идеи.

Если я не ошибаюсь, однажды на заседании Моссовета в полном составе состоялось, как тогда говорили, «мягкое рейтинговое голосование» по моему проекту (уже под названием «Независимая газета») и проекту господина Панкова (газета «Куранты»). И оно, помнится, было не в мою пользу.

После этого состоялась моя решающая встреча с Гавриилом Поповым. И он, как знаток «административно-командной системы», предложил очень эффективный вариант решения проблемы, о чем мне тут же и сообщил. Во-первых, он перенес решение вопроса об учреждении газеты на заседание президиума Моссовета. А во-вторых, решил учредить сразу обе газеты — и мою «Независимую», и более привлекательные для депутатов «Куранты».

Вскоре так и случилось. Президиум Моссовета, свободный от митинговой стихии и более управляемый, принял оба решения. Все были довольны.

Разумеется, Гавриил Попов в дела редакции не вмешивался. Кстати, по традиции вслед за ним также в этом смысле действовали и другие руководители Моссовета — вплоть до его ликвидации ельцинским указом № 1400 в сентябре 1993 года.

Гавриил Попов дал все необходимые распоряжения с целью создания минимальной материальной базы для нового издания. Нам выделили помещение (в аренду), дали беспроцентный возвратный кредит в 300 тысяч рублей (через год мы его вернули) и выделили «лимит» на газетную бумагу — тогда это было просто необходимо.

Далее с Гавриилом Поповым мы общались в основном как редактор газеты с одним из ее авторов. Я печатал его статьи — когда он их писал и предназначал для «Независимой газеты». Никакой проблемой для меня это не являлось, так как статьи Гавриила Попова всегда были интересны и украсили бы любое издание.

Как самый значительный по масштабам пример такого нашего сотрудничества, естественно, нужно отметить публикацию так называемого «Завещания Плеханова», наделавшую в тот момент довольно много шума.

Я всегда с интересом и печатал, и читал тексты Гавриила Харитоновича Попова. Никогда они не были банальными или проходными. Всегда вызывали вопросы, споры и рождали собственные мысли у тех, кто с ними знакомился. Но проблема в том, что начиная примерно с 1996 года (начало второго президентского срока Ельцина) никакие теоретические тексты и публичные идеологические дискуссии никакого влияния на политическую жизнь страны, поведение элиты и «решения руководства» уже не оказывали. В связи с этим все авторы склада и уровня Гавриила Попова и всех политических окрасов и направлений разом потеряли в глазах читающей (но теперь уже больше смотрящей телевизор) публики свои когда-то лидерские интеллектуальные позиции.

Я не возьмусь сейчас анализировать политическую деятельность Гавриила Попова времен перестройки (при Горбачеве) и первых лет правления Ельцина. Хотя в общем-то и так хорошо известно, что при Ельцине практически все (а кто нет?) так называемые «прорабы перестройки» оказались оттесненными на край политического поля и (или) превратились в спокойных или яростных критиков того самого «прекрасного и светлого будущего», к которому они когда-то звали.

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ ХОДОВ

СТАРИННЫЙ АРОМАТ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ

В конце 2011 года наступает время, когда многим моим коллегам — выпускникам экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1959 года исполнится 75 лет. На самом деле не так уж и многим. К сожалению, многие из них уже покинули этот мир.

Мне действительно повезло в жизни. Осенью 1954 года я стал студентом экономического факультета и этим определил свой жизненный путь. Студенческий коллектив, собиравшийся по утрам на третьем этаже университетского здания на Моховой, где теперь находится факультет журналистики, был довольно сильным. Старше нас учились Анчишкин, Фаминский, Шаталин, Ширяев, Шмелев, Яременко, на нашем курсе — Дубенецкий, Петраков, Корнилов, Пивоварова, Джеломанова. Одним из самых способных и интересных студентов нашего курса был Г.Х. Попов, в те времена еще просто Гена, ныне президент Международного Союза экономистов, президент Вольного экономического общества России, президент Международной Академии менеджмента, президент Международного университета в Москве, д.э.н., профессор.

Часть жизненного пути я прошел вместе с ним, и накануне его 75-летия попросили меня вспомнить, какие внешние условия способствовали формированию нынешнего Гавриила Харитоновича как творческой личности, мыслителя, администратора, политического деятеля.

Предлагаю уважаемым читателям неполные и сугубо субъективные ответы на этот вопрос.

АТМОСФЕРА

Большинство воспоминаний страдают общим недостатком, им свойственна идеализация или даже мифологизация прошлого. Причины этого становятся понятны, если вспомнить известную шутку:

У старого чукчи спрашивают, когда ему лучше всего жилось — при императоре Николае II, В.И. Ленине, И.В. Сталине, Н.С. Хрущеве или Л.И. Брежнев.

— «Однако, при царе, — ответил чукча. — Я тогда молодым был».

Рискуя последовать логике чукчи, я все-таки осмелюсь утверждать, что учили нас очень хорошо. В целом на факультете была трудовая атмосфера, как бы сейчас сказали, «модно было быть отличником». Деканат и преподаватели специально отмечали лучших студентов, на курсе знали, кто блестяще выступает на методологических семинарах, пишет интересные курсовые работы. У отличников были шансы получить лучшее место работы на распределении после завершения учебы или быть рекомендованным в аспирантуру. Да и просто повышенная стипендия для сдавшего экзаменационную сессию на отлично была ощутимым стимулом. На нее можно было купить проездной билет и, уплатив чисто символическую сумму за

проживание в общежитии, жить месяц, питаюсь в студенческой столовой.

Преподавание велось по прекрасно составленному учебному плану, на практике действительно учили основам экономического анализа. После более чем 50 лет преподавания в экономических высших учебных заведениях я до сих пор считаю, что образование на экономическом факультете МГУ в середине прошлого века было одним из лучших, возможных в эти годы. Эти стартовые условия во многом предопределили формирование Гавриилы Харитоновича как ученого-экономиста, политика, мыслителя, его черты и поступки.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Прекрасным был коллектив преподавателей, состоявший из профессоров старой школы, носителей традиций российского высшего образования — Н.А. Цаголова, С.К. Татура, Ф.Я. Полянского, Л.Я. Берри и молодых способных выпускников факультета, недавно защитивших кандидатские диссертации — Н.В. Хессина, В.Н. Ягодкина, М.В. Солоднова, Е.Г. Василевского. Совместителями работали видные экономисты-практики из Госплана, Госбанка, министерств и госкомитетов.

После смерти И.В. Сталина и реабилитации невинно осужденных среди преподавателей появились несколько человек, прошедших крестный путь лагерей и вновь получивших право преподавать в университете. Они не любили вспоминать свои «хождения по мукам», но часто производили на нас впечатление своей логикой, формулировками, сравнениями. Один из них начал читать свою первую лекцию фразой: «Изучайте, ребята, бухучет. С ним и на зоне не пропадешь».

Отношения сотрудничества студента и его научного руководителя начинались на втором курсе во время написания первой курсовой работы и часто не заканчивались с защитой диплома. На некоторых кафедрах были интересные научные кружки, в которых не просто по очереди делали доклады, а действительно обсуждали проблемы. Вокруг особенно интересных преподавателей складывалось что-то подобное неформальным кружкам единомышленников. Беседы старших с младшими продолжались часто и вне стен университета. Я лично знаю, что за столом дома у профессора Н.А. Цаголова всегда сидел кто-нибудь из гостей — дипломник, аспирант, недавний выпускник — и принимал участие в разговоре с Николаем Александровичем, его братом — редактором общественно-политического журнала, друзьями и знакомыми семьи.

Гавриил Харитонович общался с прекрасными учеными и собеседниками, интересными людьми, профессорами С.К. Татуром, Л.Я. Берри, Д.И. Валентеем. Убежден, что такие контакты положительно влияли на формирование Гавриила Харитоновича, расширяли его кругозор, делали соучастником коллективных размышлений.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Национальное многообразие студентов не вызывало в наши годы никаких проблем. Более четверти курса составляли студенты из так называемых стран народной демократии. Было много китайцев, одинаково подстриженных, в синих мундирах с одинаковыми кожаными чемоданчиками, с 1 сентября оккупировавших первые два ряда стульев в лекционной аудитории и не покидавших их до получения дипломов. Они никогда не прогуливали занятий и не опаздывали, даже если зимой утром холодно и темно, а ехать

на лекцию о непростительных теоретических ошибках легальных марксистов из общежития в центр Москвы с пересадной далено и не хочется. Были парни и девушки из стран Восточной Европы, КНДР, Монголии, дети испанских эмигрантов.

Наши соотечественники собрались со всего Советского Союза, и благодаря этому общение становилось еще более интересным. Сашик Бабаян показывал, как надо мужчинам танцевать по-настоящему, т.е. по-армянски, три девушки прекрасно пели по-украински, немец Герхард был членом сборной МГУ по футболу. Сам Гавриил Харитонович вырос на юге и привез оттуда навыки приготовления сочных чебуреков, которые есть полагалось со сметаной и помногу. Как во все времена, во всех высших учебных заведениях среди студентов были и бездельники, которых отчисляли за неуспеваемость или другие «подвиги». Со второго курса у нас отчислили одного китайца за любовь к португальскому «Навказ», которую он приобрел в общежитии в рамках заимствования передового советского опыта.

Вообще же студенты жили интересно, трудно, много занимались, сдавали экзамены, праздновали, влюблялись, ссорились — переживали свою юность, которая, к сожалению, прошла слишком быстро.

Думаю, что годы совместной учебы и ежедневного общения с представителями разных народов отразились на характере Гавриила Харитоновича. Он всю жизнь ценил в людях способности, трудолюбие и порядочность независимо от национальности.

БАЛЮСТРАДА

По всему периметру третьего этажа старого здания университета на Моховой, перед которым стоит памятник

М.В. Ломоносову, проходит балюстрада — широкий сплошной балкон с узорным металлическим ограждением, беспорядочно заставленный столами и стульями. Эта балюстрада сыграла выдающуюся роль в образовании и воспитании многих поколений выпускников первого российского университета.

На ней в наши годы в перерывы между занятиями, после, а иногда вместо них, просто в свободное время занимались, спорили, курили, флиртовали, ссорились, репетировали номера художественной самодеятельности, главным образом студенты-экономисты, иногда юристы со второго этажа и, к сожалению, совсем редко филологини, изредка занимавшиеся в нашем здании. Мы их называли «филобогинями», они приходили продемонстрировать только входившие в моду туфельки на шпильках и мини-юбки и уходили довольные произведенным на нас впечатлением.

За столом мог сидеть студент, отпросившийся в туалет с экзамена после того, как взял билет. Он судорожно листал чужой конспект, пытаясь хоть что-нибудь понять за несколько выкроенных минут. Потом за стол сели двое шахматистов, их окружали советники, рядом стали собираться знатоки футбола и начали громко обсуждать перспективы команд. Две студентки успокаивали безутешно плачущую подружку. Все говорили обо всем, кто-то уходил или переходил от стола к столу, но больше всего было разговоров о политике и экономике.

Время нашего студенчества было предельно насыщено политическими событиями. Только что умер И.В. Сталин и началась реабилитация. В ГДР в 1953 году против политики СЕПГ выступили рабочие и студенты, дошли слухи о новочеркасском расстреле, в Венгрии начиналась так называемая контрреволюция, на партийно-комсомольских собраниях читали «закрытое письмо» о культе

личности. Официальной информации было недостаточно, и нам было необходимо общение, споры с юной горячностью до хрипоты и намерения больше никогда не разговаривать с этими оппонентами. Тем не менее на следующий день спорили опять с новыми, придуманными по дороге в метро аргументами, переходили к обсуждению выступления И. Эренбурга в Политехническом музее и запрещенного тогда «Разговора египетской пирамиды с Братской ГЭС» Е. Евтушенко.

Думаю, что этот неформальный клуб был для многих школой сомнений и размышлений. Он учил чему угодно, только не обязательному единообразию мышления, чего от нас ожидали партия и комсомол. Атмосфера оттепели приучала к мысли, что по-прежнему все оставаться не может, что в стране должны произойти перемены.

Помню разговор на балюстраде после возвращения осенью с уборки картошки. Нам буквально на следующий день прочел лекцию профессор, бывший красный партизан, утверждавший, что СССР скоро обгонит США в области сельского хозяйства, потому что у нас более передовой общественный строй. Мы только что вернулись из колхоза и видели действительное положение дел. Один из завсегдаев балюстрады вдруг произнес: «Если у нас все так хорошо, то почему же все так плохо?»

Позднее мне приходилось бывать в европейских университетах, где студенты проводили ролевые игры в парламент и в межпартийную предвыборную борьбу. У нас этих игр не было, так как не было ни парламента, ни межпартийной борьбы, но была стихийная дискуссионная площадка, где мы учились без ролевых игр понимать многообразие явлений, уметь выслушивать оппонента и обоснованно спорить или соглашаться с ним.

Гавриил Харитонович прошел эту школу и способность усомниться в прокламируемых утверждениях, а также сформулировать, обосновать и отстаивать свою позицию сохранил на всю жизнь.

КОСТРЫ, ПАЛАТКИ, КОМАРЫ

Совершенно особую роль в становлении личности близких мне людей сыграли туристические лодочные походы. Для моих знакомых студентов, позднее аспирантов и молодых специалистов это были желанные 10–15 дней летом, которые мы с удовольствием проводили на реках и озерах. Начиналось все так: однажды после окончания второго курса небольшая студенческая компания, не располагая средствами для более изысканного отдыха, приобрела путевки в лодочный поход по озеру Селигер. Путевки эти стоили дешево, они предусматривали 2–3-дневное проживание на турбазе в палатках для формирования группы и получения сухого пайка, ознакомление с навыками гребли и сам лодочный поход примерно в 150 км.

Поход был трудным для непривычных горожан, на ладонях и стопах от гребли вскоре появились водяные мозоли; как только причаливали, надо было собирать дрова, ставить палатки, рыть яму для мусора, а очередным дежурным — готовить аристократические блюда типа макарон с тушеной или каши со сгущенкой.

Пока сидишь на веслах, пот с тебя течет в три ручья и нет возможности отгонять слепней-кровососов. Тогда на берегах еще водился скот, и слепней было много. Вечером на смену слепням прилетали комары. Но было весело и интересно. На горизонте показался остров с величественными церквями без крестов — разрушенный монастырь Нилова пустынь. Оказалось, что рыбу у местных жителей надо не покупать, а менять на водку,

но только когда поблизости от рыбаков нет местных женщин. Женщины были почему-то против такого товарообмена.

Поход оказался исключительно ценным опытом формирования коллектива и артельной работы, где участники проявляли подлинные свои качества, учились уступать друг другу и заботиться обо всех. В дальнейшем таких походов было не менее 12. Состав участников постепенно менялся, появлялись новые знакомые, уходили заболевшие, женившиеся или уехавшие на заработки за границу. Возвращались разведенные и вырастившие детей-школьников, которых брали с собой в походы. Появлялись представительницы женского пола, которые всегда появляются там, где собираются относительно молодые и в меру состоятельные мужчины, да еще и беседующие у костра о непонятном.

Инициатором и организатором походов в течение многих лет был Гавриил Харитонович. Примерно в мае он начинал вести переговоры с предполагаемыми участниками, определяя маршрут и время, продумывать, что надо взять с собой. Принципиально важным был состав группы. Многие давно знали друг друга, работали вместе. Другие шли впервые, не были готовы к трудностям. Важно было, чтобы каждый вписался в коллектив, не был ему в тягость и не воспринимал ежедневный труд как неприятную обязанность. И старых, и новых членов группы хорошо знал, пожалуй, только Гавриил Харитонович, и большой его заслугой было подобрать заранее и создать во время похода атмосферу доброжелательности и взаимопонимания.

С годами уходили в походы во все более дальние края. После окончания университета мы брали командировки для чтения лекций от общества «Знание». Заработок от лекций был небольшой, но нам оплачивали дорогу туда и обратно. Выполнив план

по лекциям в местности недалеко от места будущего похода, мы встречались в обусловленное время в точке начала похода.

Каждый поход, по существу, был системным проектом с организационным, материальным, кадровым и информационно-психологическим обеспечением. Разработкой и осуществлением этих проектов, координацией и разделением труда в соответствии со способностями участников всегда занимался Гавриил Харитонович.

ГАВРИЛИАДЫ

В начале 60-х годов под эгидой лаборатории проблем управления экономического факультета МГУ Гавриил Харитонович провел первый зимний семинар по управлению, которое тогда только что стало учебной дисциплиной в экономических вузах, его начали изучать юристы, философы, психологи, оно превращалось в самостоятельную часть экономической науки. Научные семинары по управлению были явлением совершенно новым, думаю, что в СССР аналогичных мероприятий не было. Проводились они во время зимних студенческих каникул, поэтому преподавателей высших учебных заведений легко отпускали для повышения квалификации не в ущерб занятиям.

Участники семинара съезжались со всей страны, проводился он в живописных местностях в пределах Золотого кольца: под Тверью, в Осташкове, на Клязьме, в Тарусе; на нем выступали, а затем проводили дискуссии известные экономисты. Все участники семинара могли высказаться на пленарных или секционных заседаниях.

Особую ценность для преподавателей и научных работников в течение многих доперестроечных лет представляли научные публикации, так как они были обязательным условием защиты диссертаций и служебного роста. К началу каждого семинара

публиковался сборник выступлений участников. На семинарах можно было услышать новые суждения и идеи, завязать интересные знакомства, получить приглашения на другие конференции и на участие в подготовке коллективных монографий.

По вечерам многие комнаты в пансионате, где проходил семинар, превращались в настоящие дискуссионные клубы, где можно было обменяться мнениями с коллегами из других городов. Гавриил Харитонович собирал интересную, самостоятельно мыслящую публику. На каждом семинаре устраивалась продажа прекрасных художественных альбомов, книг по истории, мемуаров, стихов, что в советских условиях дешевизны хороших книг и их острейшего дефицита делало семинары еще более привлекательными.

Семинары не ограничивались докладами и дискуссиями, составной частью их были веселые застолья, посещения парной, катание на санках с горы, пение под гитару. Завершая очерк, без ложной скромности скажу, что называть эти семинары Гаврилиадами стали по моей инициативе.

Думаю, что семинары, о которых я кратко написал, способствовали процессу создания единого пространства науки управления, постепенно охватившего всю страну. В дальнейшем этот процесс развивался в рамках Вольного экономического общества России, Международной Академии менеджмента. Идея этих семинаров и ее исполнение принадлежит Гаврииле Харитоновичу Попову, это его весомый вклад в российскую экономическую мысль.

РАДА НИКИТИЧНА АДЖУБЕЙ (ХРУЦЬЁВА)

ВРЕМЯ ОТСЧЕТА — ГОД 1965-Й

ГЛАВА I. Г. Х. ПОПОВ И «НАУКА И ЖИЗНЬ»

Передо мной библиографическая справка — послужной список Г. Х. Попова в журнале «Наука и жизнь». Где и состоялось наше знакомство.

Молодой кандидат наук принес свою статью, и она попала в мои руки. На тот момент я уже немало лет проработала в «Науке и жизни» и занимала должность заместителя главного редактора. Предложенная тема пришлась очень кстати — у нас была рубрика «Организация умственного труда», и автор предлагал целую подборку. Лиха беда начало, так и пошло долголетнее сотрудничество.

Привлекла не только тема, но и особый, «свой» стиль изложения: жесткая структурированность, логика, ясная, четкая мысль. Проявилось это уже в первых небольших статьях, а дальше, со временем было отработано до совершенства. Признаюсь, в некоторых серьезных работах Гавриила Харитоновича столь выверенные конструкции казались мне чересчур жесткими, искусственными, неким прокрустовым ложем, куда недрогнувшей рукой автор загоняет материал, а не вписывающееся отсекается. Не помню,

приходилось ли нам дискутировать на подобные темы, но уверена, что, если такое и было, победителем всегда оставался Г.Х. Оттого, что именно в этом — притягательность, интересность его работ. Он побеждает логикой, тем, что наблюдает мысль в развитии, в процессе поиска доказательств. Что может быть увлекательней и убедительней?

И еще одно обстоятельство сыграло роль в плодотворном содружестве Г.Х. Попов — «Наука и жизнь», и притом главную. Гавриил Харитонович прирожденный популяризатор. И для редакции научно-популярного журнала, каким и является «Наука и жизнь», такой автор был находкой. Со стороны может казаться, что доступно изложить тему не сложно. Поменьше специальных терминов, и задача решена. На самом деле это не так. Чтобы понятно рассказать, нужно глубоко, досконально знать предмет. Это первое условие. Второе — суметь преподнести материал так, чтобы заинтересовать читателя; продумать завлекательную форму, повороты. И, наконец, главное — суть, содержание, мысль.

Г.Х. проявляет талант популяризатора в каждой своей работе. Предполагаю, что это может служить поводом для нареканий со стороны коллег «по цеху». Ученое сообщество зачастую стремится блюсти свою «избранность», заслоняясь частоколом терминов и сложных речевых конструкций. Я смею так говорить, потому что слышала о подобном от многих авторов «Науки и жизни», своих друзей, работающих в самых разных областях науки. Но я уверена, что «сеять разумное, доброе, вечное» — одна из важнейших миссий образованного человека, иначе не отдала бы этому всю жизнь. Сегодня это, конечно, звучит бесконечно старомодно, но надо же во что-то верить...

Сейчас, вспоминая те далекие шестидесятые, я углядела забавное совпадение — появление в «Науке и жизни» Г.Х. Попова совпало со скачком тиража, а следовательно, и популярности журнала. В тот момент это не было связано с именем Г.Х. — этот феномен еще впереди. Просто на 1965 год была объявлена открытая подписка на все лимитированные издания. (Лимит объяснялся нехваткой бумаги, наш советский всеобщий дефицит.)

Отдел пропаганды ЦК КПСС, в чье ведение входили эти вопросы, лично тов. Суслов — глава этого ведомства, видимо, решили наглядно показать народу: вот, отправили в отставку Хрущева (случилось это в конце 1964 года) и теперь дела пойдут на лад. Если бы все было так просто! Но так или иначе, в 1965 году тираж «Науки и жизни» достиг рекордной отметки — 3 миллиона 600 тысяч. Подскачили тиражи и других «лимитированных», например, журнала «Здоровье» — до 12 миллионов и т.д. На этом эксперимент закончился, со следующего года все вошло в прежнее русло. Но тиражи остались. И вплоть до наступления благословенных дней рыночной экономики и капитализма. Сегодня у «Науки и жизни» — 40–50 тысяч.

Не сочтите это бахвальством, но скажу, что к славе «Науке и жизни» было не привыкать. Статьи академика Петра Леонидовича Капицы о будущем науки, академика Н.Н. Семенова «Наука не терпит субъективизма» с разоблачением и критикой Лысенко, повесть Амосова «Мысли и сердце», «Белый Бим Черное ухо» Троепольского, академик Н.Н. Моисеев об угрозе «ядерной зимы» и о создании математической модели биосферы с целью ее защиты, сюда же — кубик Рубика (помните, как вся страна увлекалась решением этой головоломки), советы садового дизайнера и т.д.

Все это были «шлягеры». Едешь в метро (во времена, когда мы еще являлись читающей нацией) и видишь: вагон белеет раскрытыми страницами «Науки и жизни», — значит, тираж уже доставлен по московским адресам. Заглянешь, что читает сосед справа, сосед слева, — вот и почти репрезентативная выборка.

Но вернемся к рекордам. № 4 за 1987 год принес «Науке и жизни» такую популярность, какой журнал еще не знал. На тираже это не сказалось — лимит! А номер невозможно было сыскать днем с огнем. Опубликованная там статья доктора экономических наук Г. Х. Попова («С точки зрения экономиста. (О романе Александра Бека «Новое назначение»)») стала не просто «шлягером», а «бомбой», эхо взрыва которой прокатилось по Союзу и отозвалось в мире.

Для тех, кто не помнит или не знает по молодости лет. То была очередная пора надежд, начавшаяся с приходом к власти М. С. Горбачева в 1985 году. Окончившаяся, как известно, крахом надежд и развалом Советского Союза. В 1987 году уже шло шевеленье в обществе, и очень хотелось надеяться и верить в «счастливое будущее». Но внутренние препоны и в обществе в целом, и в каждом из нас в отдельности были еще очень сильны. И вот на этом фоне появляется статья, которая в лучших традициях стиля и метода Попова (см. выше) доказательно и убедительно критикует сложившуюся за годы советской власти государственную систему. Разбирает «по косточкам», демонстрируя ее пороки. Вводит термин «Командно-административная Система», включающий комплекс понятий. Командно-административная Система рассматривается как основополагающая государственная структура, краеугольный камень, основа основ. И — убийственная, при этом доказательная критика. Термин немедленно

получил широкое распространение, стал нарицательным и общепринятым.

Хорошо помню, как это начиналось. Гавриил Харитонович вечером позвонил мне домой, сказал, что у него готова с его точки зрения интересная статья. Договорились, что на следующее утро она будет в редакции. Первое впечатление от прочтения — ошеломление. Второе — что делать? Конечно печатать! Немедленно! А внутренний цензор настораживает: крамола! Решительную, однозначную позицию занял мой коллега и товарищ главный редактор журнала Игорь Константинович Лаговский: «Даем немедленно в ближайший номер». А ближайший — апрельский — номер уже сверстан, через день отвозить в типографию.

Нарушив производственный график, сняв какие-то материалы и поставив на их место статью Г.Х., мы отправили номер в издательство «Правда», где печатались, и стали ждать.

Ожидать можно было всякого, но к тому, что случилось, не был готов никто. В том числе и Гавриил Харитонович. Помню, как он мне говорил: «Не могу понять! У меня было столько статей — у вас в журнале, в других изданиях, в «Правде» наконец. Все-таки — директивный орган. И вдруг такой оглушительный отклик именно сейчас».

Объяснение, очевидно, одно. Нужное слово прозвучало в нужный момент. Почти по Ленину: вчера — еще рано, завтра — уже поздно.

В чисто профессионально-журналистском аспекте эта статья знаменовала рождение нового жанра. Г.Х. стал его первооткрывателем. Литературное произведение — роман, повесть, — прочитанное с точки зрения... В данном случае экономиста. Эта линия была им продолжена. В 1988 году в «Науке и жизни»

появились «Размышления экономиста по поводу повести Даниила Гранина „Зубр“». Статья называлась «Система и зубры». А затем в 2004 году — «Так кто же идиот?» (Размышления над книгой Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»).

Продолжение следует?

ГЛАВА II. ЛИЧНОЕ

Личное касается во многом моего старшего сына Никиты Алексеевича Аджубея. Но не только.

История с Никитой такова. К концу 70-х, когда вроде бы еще и не было застоя, но наше государственное болото уже сильно заросло ряской, Никита окончил Институт экономики им. Плеханова. Окончил хорошо и планировал поступить в аспирантуру здесь же, в Плехановке. Но в какой-то момент ему было сказано жесткое «нет». В откровенно хамском оформлении. И вообще к этому моменту обстановка вокруг него складывалась неприятная, похожая на явную травлю, и шло это с институтского верха. Резонно спросить: зачем же стремиться остаться там еще на три года — в аспирантуре? Дело в том, что выбора у Никиты, по существу, не было. Времена эти ушли так далеко в прошлое, что никто и не помнит царившую тогда в идеологических учреждениях атмосферу. Достаточно сказать, что, когда Никита окончил среднюю школу и уже шел сдавать вступительные экзамены на экономический факультет МГУ, наши с мужем друзья (а в университете у нас их было много, и кое-кто занимал весьма влиятельные посты) в один голос сказали: этого делать не надо, его не примут. Настроения в горьком парии... Внук Хрущева... Для них это как красная тряпка для быка...

И вот очередной виток. Казалось бы, простая житейская ситуация. Ну, отказали в приеме в аспирантуру, неприятно, но не

трагично. С кем не бывает? Но здесь разыгрывался явный спектакль с политической подкладкой, что и не скрывалось. Такая подлая, мелкая месть.

Я позвонила Г.Х., в ту пору заведовавшему кафедрой организации и методов управления общественным производством на экономическом факультете Московского университета. Не запнувшись ни на секунду, он сказал: «Пусть приходит. Я его возьму. Разработаем план действий». В тот момент, учитывая все обстоятельства, это был не просто нормальный человеческий поступок, но акт гражданского мужества. Так я оценивала это тогда, так ценю и по сию пору. Не дал сломать человеку жизнь.

Никита отслужил в армии, окончил под руководством Г. Х. Попова аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал. Уверена, у Гавриила Харитоновича не было более преданного ученика. «Не сотвори себе кумира» — сказано в Писании. А мой сын его себе сотворил в лице Г. Х. Попова. Сколько раз он мне повторял, что Г.Х. научил его думать, мыслить, а это дорогого стоит.

Ну а дальше пошли другие времена и иные сюжеты. Гавриила Харитоновича закрутил стремительный водоворот политической чехарды, из которого он выплыл, с моей точки зрения, с наименьшими потерями.

Еще из личного, что хотелось бы перечислить: послесловие о времени Хрущева к книге моего мужа А. И. Аджубея «Те десять лет»; конференция к 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева, прошедшая в Колонном зале Дома союзов, организованная Демократическим союзом (усилиями Г. Х. Попова); круглый стол по XX съезду (это уже под эгидой возглавляемого Г.Х. Вольного экономического общества России) и другие подобные мероприятия. Куда Г.Х. неизменно приглашал меня, за что я ему благодарна, —

мнения и рассуждения мне чрезвычайно интересны, хотя я стараюсь сторониться политики и не жалую политологов. А главное, конечно, внимание, в наше время это ценность и редкость.

Бывает, в силу разных обстоятельств видишься с человеком не так часто, даже телефонные разговоры с годами становятся все реже и короче. Но знаешь, что человек есть, есть плечо, на которое в случае нужды можно опереться, и от этого становится светлее. В трагический момент похорон Никиты Гавриил Харитонович в буквальном смысле поддерживал меня.

Как память о Никите мне остались две книги, сделанные в соавторстве — Г. Х. Попов и Н. А. Аджубей. Одна посвящена «перестройке», вышла в 90-х годах в Париже на французском языке (недавно я нашла ее машинописный вариант — на русском), вторая — «Три выбора Никиты Хрущева» — для Никиты была посмертным изданием. Рукописи хранятся у меня. Приводя в порядок свой архив, я внимательно перелистала страницы. С грустью и интересом. Интерес профессиональный. Замечания Попова — по существу и по форме (аккуратно, последовательно), реакция Никиты. И — рождение готового текста.

Эта пунктирно прочерченная «линия жизни» выносит на поверхность, обнажает бесконечное переплетение — Попов и «Наука и жизнь», Попов и я, моя семья и Попов, Попов и Никита, Ирина Васильевна, Гавриил Харитонович и Аджубей, вариантов множество, где основная составляющая в данном контексте — Г. Х. Попов. Вот и сегодня мы с Гавриилом Харитоновичем соседствуем — где? — конечно, в редакционном совете журнала «Наука и жизнь». Жизнь продолжается.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЦАГОЛОВ

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ И ЗОЛОТОЕ ПЕРО

Китайская поговорка гласит: не дай Бог жить в эпоху перемен. Вряд ли с этим согласен Гавриил Харитонович — один из творцов нового времени. Правда, после революции 1989–1991 годов, в которой он принимал столь активное участие, страна пошла не тем путем, которым ему хотелось. Но Попов и сейчас не жалеет о времени, отданном политике и государственной деятельности.

...Впервые мне довелось увидеть его вскоре после поступления на экономический факультет МГУ в 1957 году. Он был весьма заметным старшенурсником. Не просто отлично учился. Получал именные стипендии Сталина и Ленина. Редактировал стенную газету. Секретарь университетского Комитета ВЛКСМ. Часто выступал на комсомольских собраниях. На мятежного оппозиционера или диссидента не походил, как, впрочем, и на стереотип трудоголика: он умело организовывал хороший отдых в кругу друзей. Я мог бы поделиться личными впечатлениями от встреч с ним, но не хотелось бы поступаться более важным, характеризующим Г.Х. Попова в контексте своего времени.

Многие годы его карьера шла вверх как ракета. Самый молодой доктор экономических наук 1970 года. А защищаться тогда было нелегко: надо было не только снискать уважение коллег по цеху, но и пройти сквозь придирчивое сито Ученого совета МГУ. Да и седина в висках считалась обязательным атрибутом соискателя высшей ученой степени. Положенная в основу его диссертации книга «Проблемы теории управления» поражала на редкость увлекательной формой подачи результатов научного исследования. Раньше мне казалось, что такое если и водится, то лишь в работах западных экономистов и социологов, таких как Дж. К. Гэлбрейт или Р. Миллс. К Попову были хорошо расположены ректоры МГУ — академики И.Г. Петровский и Р.В. Хохлов. Его назначают заведующим лабораторией, заведующим кафедрой, а затем и деканом экономического факультета Московского университета. За весомый вклад в науку его кандидатура выдвигается для избрания членом-корреспондентом АН СССР. Но ревностный и консервативный клан академиков отделения экономики усматривает в нем опасного вольнодумца и блокирует доступ в свою довольно-таки привилегированную по тем временам касту. Его приглашают участвовать в правительственных комиссиях для подготовки важных партийных документов и выработки экономической стратегии страны. Здесь он знакомится с влиятельными советниками и спичрайтерами Генсека ЦК КПСС, одновременно становится главным редактором престижного журнала «Вопросы экономики».

Все больше познавая теорию и практику нашего общества, нравы его верхов, Попов постепенно приходит к выводу о бесперспективности эффективного управления экономикой в условиях государственно-бюрократического социализма. Он и раньше

понимал, что директивное планирование и руководство хозяйством из единого центра могут быть удовлетворительными лишь при производстве однородной продукции, но не справляются с качественным изготовлением тысяч индивидуальных товаров и услуг. Здесь надо уступить место частному обособленному производителю, знающему свой рынок лучше государственного чиновника и способному выполнять эти функции грамотнее последнего. Но на мысли подобного рода в те времена были наложены табу — они расходились с марксизмом, ставшим у нас не столько наукой, сколько вероучением. Давно сформировавшаяся и властвующая в Советском Союзе номенклатура превратилась в мощную самодовлеющую силу, монополизировавшую научно-идеологическое поле и обуславливавшую вращение всей экономики, да и общества в целом, по своим орбитам и в заколдованном кругу перекосов и диспропорций. С годами отставание страны от Запада усиливалось, а необходимость радикальных перемен ощущалась во все большей мере.

Начинается перестройка, и Г.Х. Попов публикует размышления на ранее запретные темы. Они воплощаются в книги «Эффективное управление», «Корень проблем», «Пути перестройки», «Что делать?», «Блеск и нищета административной системы», ставшие хитами того периода. Затем с головой погружается в политическую деятельность. Союз с Горбачевым оказывается недолгим. Их взгляды на характер требуемых изменений расходятся. Один хочет лишь обновить систему, другой уверен в необходимости её замены. Попов избирается депутатом I съезда народных депутатов, сопредседателем Межрегиональной депутатской группы (вместе с Б.Н. Ельциным и А.Д. Сахаровым) — первой официальной оппозиции КПСС. Затем становится

председателем Моссовета, мэром Москвы, словом, знаковой общеизвестной фигурой. Август 1991 года. В случае победы ГКЧП ему грозит арест и кто знает что еще. Для исхода противостояния было важным, в чьих руках находятся ключи от столицы. ГКЧП терпит крах. Теряет позиции и Горбачев. Власть переходит к Ельцину и его соратникам. Но тут начинается раскол в стане бывших партнеров.

Сам Попов объясняет дело просто: будучи не согласным с политико-экономической программой Ельцина и придерживаясь альтернативных социал-демократических взглядов, он подает в отставку с поста мэра. Но, думается, здесь присутствует и вторая сторона медали. После воцарения Ельцину такой сильный и самостоятельно мыслящий партнер не нужен — двум медведям тесно в одной берлоге. Он окружает себя легко управляемыми людьми. К тому же под Гайдара американцы сулят дать 37 млрд. долларов. Политическая карьера Попова на этом заканчивается (или, по крайней мере, надолго прерывается).

Уйдя в оппозицию к ельцинскому режиму, он фонтанирует множеством книг и статей, затрагивающих узловые вопросы нашего времени. Некоторые из них, как, впрочем, и ранние работы Попова, переводятся на иностранные языки. Выходят многотомные собрания его сочинений. Когда видишь перед собой сложенную вместе груду этих трудов, невольно приходит на ум, что их автор должен быть занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Но дело, конечно, не только в количестве. Печатаемые в центральных СМИ выдержки из этих публикаций вызывают широкий и повышенный читательский интерес и резонанс, обусловленный в первую очередь ясным изложением глубоких мыслей, а также тем фактом, что столь известная историческая личность вновь идет против течения.

Кроме того, Гавриил Харитонович организует важные и весьма продуктивные научно-практические конференции на базе Международного университета в Москве, который он возглавляет с 1991 года, Вольного экономического общества, Международного Союза экономистов и Фонда Плеханова, президентом которых он также давно является. На них происходит свободный обмен мнениями по актуальной проблематике между известными государственными деятелями, видными учеными, крупными предпринимателями, представителями общественности и средств массовой информации.

Настоящее юбилейное издание содержит подборку публикаций Г.Х. Попова — «Экономист не об экономике» — статьи, посвященные вопросам литературы и искусства, где речь идет о юбилеях писателей, о тех или иных их произведениях, о постановках пьес в московских театрах. Созданные в разные годы последнего двадцатилетия, они характеризуют не только удивительно широкий круг интересов их автора, но и его глубокую проницательность. Взять, к примеру, статью, написанную к 65-летию со дня рождения Владимира Высоцкого, «Пророк в своем отечестве». Кто не любил его песен? Но, лишь прочитав размышления Попова о Высоцком, начинаешь понимать, какая часть творческого айсберга великого барда была скрыта от нас под водой. И то же самое можно сказать о других фрагментах этого раздела, где экономист и политик выступает как профессиональный знаток театрального искусства и литературовед.

В настоящее время Гавриил Харитонович заканчивает работу над серией книг «Мне на шею кидается век-волкодав». Об остроте поставленных им вопросов красноречиво говорят названия работ: «Истоки российской беды (русский вариант выхода

из феодализма в XIX веке — причина трех революций XX века)», «Ошибка в проекте (ленинский тупик)», «Материализация призрака коммунизма (сталинский социализм)», «Сорок первый — сорок пятый (одна война или три?)», «Вызываю дух генерала Власова», «Пять выборов Никиты Хрущева» (в соавторстве с Н. Аджубеем), «Реформирование нереформируемого (попытка Алексея Носыгина)», «Перестройка Михаила Горбачева (выход из социализма)», «Реформы Бориса Ельцина», «Семьдесят лет Гавриила Попова». Восемь из них уже изданы и получили высокую оценку в научных журналах и газетах. Блистательно написанный цикл представляет квинтэссенцию творческого наследия, накопленного к 75-летию автора.

В центре его стоят разнонаправленные и многократные метаморфозы российской действительности в XX веке, служащие богатой пищей для размышлений над довольно странной судьбой страны. В мире продолжают рассуждать о загадочности русской души, пытаются найти истоки столь резких исторических зигзагов и кульбитов. Веские, хотя и неоднозначные слова о былом уже сказали такие великие умы России, как А. Сахаров, А. Солженицын, А. Зиновьев. Книги Гавриила Харитоновича вносят новую струю в интерпретацию столь бурного и спорного периода социальной жизни. Они стали зеркалом невзгод нашего общества.

Важной их чертой является и то, что все они насыщены реминисценциями с событиями уже постсоветской эры, а зачастую даются сравнения с современной политической и социальной ситуацией. При этом высокий теоретический уровень облечен в легко воспринимаемую литературную форму. Включенные в текст образы из «Бесов» Достоевского, «Мастера и Маргариты»

М. Булгакова, из других шедевров мировой классики не только помогают донести до читателя подчас непростую мысль, но и вызывают у него желание заново перечитать эти страницы, еще раз вдуматься в содержание бессмертных произведений. В итоге произведения Г.Х. Попова обогащают как знание, так и культуру читателей, перед которыми складывается на редкость многомерная и красочная картина.

Осмысление новейшей истории профессиональным экономистом и политиком, теоретиком и практиком придает серии особый жанр, который может быть назван концептуальной историей. Автор раскрывает глубинные пласты, лежащие в основе находящихся на поверхности событий и фактов. В центре внимания оказываются не только и даже не столько сами русские революции минувшего столетия, сколько их производные формационные продукты. Но чтобы понять истоки драматических событий, Попов считает полезным ознакомить читателя с ключевыми, по его мнению, моментами предыдущей российской истории, в частности с особенностями выхода её из феодализма во второй половине XIX века.

Реформа 1861 года, считает Попов, была искусным маневром могучего и опытного абсолютизма. Она лишь отодвинула неизбежный социальный конфликт, делая его в будущем еще более острым и катастрофическим. В связи с этими рассуждениями мысли автора переносятся в уже хорошо знакомую нам эпоху. И перестройка Горбачева, и реформы Ельцина, утверждает он, были и намного хуже задуманы, и осуществлены. Поэтому, заключает Попов, все более реальным становится перспектива, что впереди Россию ждет новая революция.

Критический настрой творчества Попова не означает отрицания или огульного очернения всего советского прошлого. Но он и не скрывает, что его интересовали именно ошибки. Уму и талантам наиболее видных фигур «исчезнувшей империи» отдается дань. Но и великие лидеры воспринимаются автором как пленники, а иногда и как жертвы объективных обстоятельств и законов общественной системы, не соответствующей уровню развития производительных сил страны. В данном случае, как, впрочем, и во многих других, Г. Попов опирается и на истины, открытые Марксом, хотя при этом автор полностью свободен от ряда устаревших марксистских догм. В целом же он придерживается немарксистских, хотя и социалистических взглядов.

Г. Попов не считает, что Сталин извратил теорию и практику Ленина, в чем диаметрально расходится с позицией Троцкого, высказанной им в книге «Преданная революция». На пути превращения в жизнь дела, задуманного Лениным, стояло немало препятствий. И Сталин с маниакальной приверженностью и железной логикой преодолевал их одно за другим. Тезис «революция пожирает своих детей» получил полное подтверждение в нашей стране. В анализ «Большого террора» Г. Попов вносит ряд принципиально новых моментов. Он показывает, что мясорубка репрессий была и инструментом формирования нового правящего класса страны и преданной вождю верхушки — номенклатуры. Кроме того, как бы искусственно ни раздувались списки и разрядки «врагов народа», в той или иной мере они имели место. И массовые признания в совершении преступлений и вредительства — это не только результат применявшихся пыток, но отчасти и реальный факт имевшего место острого противоборства и вражды в нашем обществе.

По мнению Попова, социализм в нашей стране не представлял собой сплошного ГУЛАГа или концентрационного лагеря, как его пытаются представить многие пишущие на эту тему. За деспотичной оболочкой просматривались черты более прогрессивной формации, которые не смогли стать главенствующими и всепобеждающими в силу ряда причин. Отдавая дань выдающемуся вкладу А. Солженицина, Г. Попов указывает и на ограниченность подхода великого писателя. Причем этот подход — «сзади только пепел», — как ни странно, совпадает с подходом авторов «шоковых реформ», видевших в нашем социалистическом прошлом лишь то, что надо целиком разрушить — по словам известного гимна — «до основания».

Если ленинско-сталинский социализм оказался для нас неподходящим, что же нам нужно? Может быть, капитализм? Считая себя сторонником социалистических идей, Г. Попов дает на это отрицательный ответ. Он обращает внимание на то, что даже имевший недостатки советский строй дал толчок Западу в сторону движения к социализации общества. Кейнсианская революция, знаменовавшая эру активного вмешательства государства в экономическую жизнь, явилась ответом не только на угрожающую миру капитала Великую депрессию 1930-х годов, но и на вызов со стороны бурно и бескризисно растущего «нового планового общества» в СССР.

Под влиянием этого и ряда других факторов произошла эволюция в направлении формирования симбиоза капитализма с социализмом, возникло новое смешанное общество. Передовой капитализм XX века впитал в себя и опыт планирования и практику социальных мер в области здравоохранения, образования и многое другое. О преимуществах конвергентной

модели общественного устройства в 1960-е годы высказались многие столпы западной мысли. Именно этот тип общественной формации должен был стать ориентиром для преобразования государственно-бюрократического социализма, но не стал. Реформы Б. Ельцина стали номенклатурно-олигархическим выходом из социализма — худшим из возможных вариантов. И теперь к той же цели надо двигаться из другого пункта, из другой системы координат, куда угодила наша страна.

Между тем, замечает Г. Попов, некоторые социалистические страны не блуждали в потемках. В Китае к оптимальной модели перешли под руководством компартии. Там не отказались от многих преимуществ былого строя, в частности планового хозяйства, социального контроля над производством, и потому не выплеснули, как у нас, с водой и ребенка. КПК не выпустила руль во время проведения реформ и переориентации страны на смешанное общество с широким использованием рыночных регуляторов.

Попов справедливо связывает успех китайских реформ с тем, что они проводились подлинными революционерами, борцами за интересы своего народа, в частности Дэн Сяопином. Но в России после 70-летнего правления коммунистов на самый верх поднимались лишь партийные функционеры, а личности типа Попова всегда были белыми воронами.

И вот результат. На протяжении трех десятилетий с начала реформ среднегодовые темпы роста в Поднебесной держатся на уровне 10%, чего не имела ни одна другая страна в мире за это время. Густонаселенный, аграрный и бедный регион успешно модернизировался. Средняя продолжительность жизни повысилась до 73 лет. В прошлом году экономика КНР по ВВП обогнала

Японию и стала второй после США в мире. Смешанная система в Китае ассоциируется с «историей успеха XXI века».

Мы же старались равняться на глянцевый Запад и руководствовались ложными либерально-рыночными догмами. «Шоковая терапия» положила начало глубочайшему «кризису переходного периода», которого, как показала китайская практика, могло и не быть. Вместо смягчения и демократизации планового хозяйства состоялся его форсированный демонтаж. Вместо постепенного перехода к рынку имело место «плюханье» в него с закрытыми глазами. Вместо самостоятельного осмысления проблем и нахождения оптимальной стратегии происходило неукоснительное следование рецептам Вашингтонского консенсуса. Итог — номенклатурно-олигархический сырьевой капитализм, а также 20 лет топтания на месте по основным экономическим показателям.

Однако самое печальное состоит в том, что и теперь в нашем политическом истеблишменте говорят о чем угодно, но только не о самом главном — глубоких причинах наших недугов. Возможности врачевания их, конечно, есть. Но для излечения болезней следует прежде всего поставить правильный диагноз. А для этого нужен консилиум непредвзятых и озабоченных здоровьем пациента опытных и мудрых докторов. А кого мы видим обычно на экспертных совещаниях, созываемых правящим tandemом по вопросам корректировки стратегии социально-экономического развития страны? Представителей монетаризма, праволиберального фундаментализма и идеологических союзников высшей бюрократии и олигархического капитала.

Между тем маятник настроений в нашем обществе давно уже качнулся в другую сторону. И тем, кто думает о формуле

политического долголетия, опрометчиво не считаться с этим. Предлагаемый Поповым вариант развития является императивом проведения в России альтернативных реформ, способных гармонизировать сформировавшуюся у нас капиталистическую систему, вывести ее на траекторию устойчивого роста и повернуть вектор развития к смешанному обществу, давно уже prevailing в благополучных странах Запада и Востока.

Надо искать оптимальное сочетание лучших черт считавшихся прежде антагонистическими формаций и избегать негативных крайностей каждой из них. Нам следует двигаться в этом направлении вполне осознанно, последовательно и организовано. Именно на этой базе должна быть сформулирована пока отсутствующая в нашей стране новая идеология. Ведущий политико-экономический лейтмотив произведений Г. Попова может стать одним из краеугольных камней этой конструкции. Пожелаем ему и впредь оставаться «возмутителем спокойствия», неутомимым генератором передовой общественной мысли. И хотя, увы, не только идеи правят миром, но и от них многое зависит. Ибо, как подметил великий французский писатель Виктор Гюго, ни одна армия мира не может остановить идею, для которой назрел момент.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ШМЕЛЕВ

В ЦЕНТРЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Гавриил Харитонович Попов — человек в России известный, но для меня он в первую очередь студенческий друг. Оба мы заканчивали экономический факультет МГУ, правда, я на год раньше. Уже тогда у нас были определенные взаимные симпатии, и сейчас можно сказать, что мы сохранили их на долгие годы. Он всегда вызывал уважение, ощущение надежности, всегда был в центре общественной жизни. Ныне уже трудно вспомнить все его общественные посты — был секретарем комсомольской организации факультета, потом членом вузкома комсомола университета и даже, будучи сам студентом, членом комиссии по распределению выпускников, а это довольно трудная работа. Студенческие годы для него даром не прошли — помимо хорошего университетского образования, он приобрел опыт организационной работы, общественной деятельности, что очень пригодилось ему в будущем.

Организация людей у него всегда неплохо получалась. В качестве примера, памятного людям моего возраста, могу рассказать, как мы по призыву партии, комсомола и университетских лидеров поехали по собственному желанию в 1956 году на целину.

Освоение целины — это хорошо или плохо? На этот счет есть две точки зрения: одни считают, что это было необходимо, другие сомневаются, стоило ли вколачивать такие огромные средства в целину, когда можно было вложить их, скажем, в Рязанскую губернию, и скорее всего это бы дало большую отдачу. И таких молодежных порывов в хрущевско-брежневские времена было немало. Гавриил Харитонович был одним из организаторов нашей поездки в Казахстан, когда мы с полной отдачей работали на уборке урожая в целинном совхозе. Хотя уже тогда у нас закрадывались сомнения в оправданности наших усилий: ведь легко бросить звонкий лозунг, привлечь людей и считать, что дальше, мол, все само собой пойдет. И действительно, порыв быстро был скомпрометирован. Удалось собрать на первых порах очень неплохой урожай, но потом пришлось хранить его в так называемых буртах. Хорошо, если накрытая соломой куча зерна смогла пережить осень, зиму и весну. Но ведь часто это место не было даже подготовлено заасфальтированной площадкой, чтобы зерно не сгорело, не сгнило. Потери были невероятные, и кроме как глупостью объяснить их никак невозможно. Просчеты начальников и руководства были очевидны. Так что хорошая идея была вскоре скомпрометирована, и тот зерновой резерв, который «схватили» с первых урожаев, быстро разошелся куда-то по ветру. В дальнейшем подъем целины перестал фигурировать в числе величайших наших свершений, как считалось тогда в конце пятидесятих годов.

Я привел один из примеров того, чем мы были заняты. Остальное — обычная молодежная жизнь и наша жизнь в науке, к которой, между прочим, мы относились очень серьезно, особенно к классикам экономической и философской науки. Каким-то

образом умудрялись хорошо знать не только труды Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина, но и зарубежную экономическую мысль, как тогда называли западную политэкономию. Это, конечно, было возможным в первую очередь благодаря своеобразному составу высокопрофессиональных преподавателей в Московском университете, в том числе и на нашем экономическом факультете, в числе которых было несколько поистине светлейших голов. Просто удивительно, как они смогли сохраниться после репрессий в тридцатые — сороковые годы, но, к нашему счастью, сохранились. В том числе, например, профессор И.Г. Блюмин — специалист по истории экономических учений; профессор С.К. Татур — по-нынешнему аудитор, бывший, кстати, когда-то членом ЦК кадетской партии; профессор И.Д. Удальцов — историк; академик Т.С. Хачатуров. Что это были за люди! Я вот вспомнил академика Т.С. Хачатурова. Величайший был экономист. Докторскую диссертацию он защитил в 28 лет, по экономике транспорта. И его назначили директором Исследовательского института комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, а тогда эту сферу курировал Лаврентий Павлович Берия. И вот в работах Института обнаружилась какая-то ошибка, что-то они недосчитали или наоборот. Хачатурова вызвал на ковер сам Лаврентий Павлович и с места в карьер обрушился на него матерными словами. Сгною, дескать, в лагерную пыль превращу... Тигран Сергеевич стоял, сначала молчал, надулся, а затем в ответ закричал: «Я тебе не хрен собачий, а генерал путей сообщения. Будь любезен разговаривать со мной так, как положено». Берия опешил, а Тигран Сергеевич пришел домой и вскрыл себе вены, потому что был уверен, что придут его арестовывать. Говорили, его жена спасла, успели оказать помощь.

Наши преподаватели и профессора были люди большого калибра, двигавшие вперед науку, несмотря на закрученные гайки, костлявую руку идеологии, державшую всех за горло. Каким-то образом и в то непростое время умудрялись творить и прекрасно учить студентов. Да и мы сами были не дураки, и нас действительно никто не заставлял хорошо учиться. В качестве примера приведу такой факт. Мало кто один раз дочитал «Капитал» Маркса до конца, а вот мой друг и соратник будущий академик Станислав Сергеевич Шаталин и я прочитали его по три раза. Это доказательство того, насколько серьезно мы относились к своей учебе, экономической науке.

Из нашей студенческой среды вышла когорта замечательных экономистов. К ней принадлежит и Гавриил Харитонович Попов. Могу назвать еще пару известных фамилий с нашего потока, людей, с которыми он с тех времен общался и работал. Это академики Александр Иванович Анчишкин, Станислав Сергеевич Шаталин, Юрий Васильевич Еременко, это его однокурсник Николай Яковлевич Петраков. Можно вспомнить здесь еще несколько человек первой величины, не нашего курса, но нашего потока.

Потом наступила обыденная жизнь — период застоя. Гавриил Харитонович пользовался колоссальным авторитетом на экономическом факультете МГУ, где он остался работать, защитил кандидатскую, докторскую диссертации, стал профессором, возглавил кафедру управления. Очень его всегда тянуло заниматься проблемами управления, организационными вопросами. Он постепенно стал теоретиком управленческой науки и не только руководил соответствующей кафедрой, а также стал и долго оставался деканом экономического факультета.

Из тех времен я часто вспоминаю, как жизнь свела нас в период перестройки. В то время и я был довольно активным в перестроечном движении, участники которого считали себя искренними сторонниками Михаила Сергеевича Горбачева, придерживаясь идеологии демократии и гуманности в политике и рыночной экономике. Это была та идеология, которую мы тогда понемногу выдвигали на первый план, защищали, вели довольно активную публицистическую и политическую деятельность. Вспоминается знаменитый первый съезд народных депутатов, который впервые тогда избирали у нас демократическим путем. Мы с Гавриилом Харитоновичем были избраны народными депутатами СССР, он от Инженерного общества, я от Академии наук, через какое-то время стали и депутатами Верховного Совета СССР. Гавриил Харитонович был тогда одним из радикальных лидеров демократического движения, сформировал оппозиционный блок, который подталкивал М.С. Горбачева смелее идти вперед. Это была известная Межрегиональная парламентская группа, которую возглавляли пять человек — Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, В.В. Пальм и А.Д. Сахаров, пользовавшиеся колоссальным, невероятным авторитетом в советском обществе. Когда нужно было, они могли вывести на улицы от полумиллиона до миллиона человек. Они сыграли большую роль в том, что большевики не смогли взять реванш на выборах, а затем создали массовый фон неудачи ГКЧП в августе 1991 года. Заслуга их и в том, что они самоотверженно защищали Белый дом, никак не поддержали путчистов. И что на первый план вышел Б.Н. Ельцин, это во многом заслуга демократического движения. Гавриил Харитонович стал первым выбранным мэром Москвы.

Я не могу сказать, в какой мере Гавриил Харитонович может нести ответственность за достижения и провалы Ельцина.

Многое делалось вопреки убеждениям Гавриила Харитоновича. Если говорить о воровской приватизации и грабеже населения из-за того, что сгорели все накопленные вклады людей, то, думаю, на Гавриила Харитоновича ответственность за это ни в коей мере возлагать нельзя, как и за «политические номера» Ельцина, включая кровь осени 1993 года, когда было «бодание» с Верховным Советом, причем со стрельбой. Гавриил Харитонович в этом не участвовал. После того как он передал мэрию Ю.М. Лужкову, он ушел в науку, создал очень быстро приобретший популярность Международный университет, который уже завоевал авторитет, сосредоточил хорошие преподавательские кадры, хорошее российское и международное студенчество. Гавриил Харитонович немного отстранился от политической жизни страны, хотя и выступал за приватизацию, но предлагал иной путь ее осуществления, не так, как это сделали Е. Гайдар, А. Чубайс и другие, выступал не за мгновенное, а за постепенное сокращение участия в экономике государственного сектора. Основной же его идеей было уменьшение бюрократического аппарата. Как в Советском Союзе был силен бюрократический аппарат, так и в ельцинской демократии сохранилось засилье переукрасившейся бюрократии. К которой добавилось множество авантюристов, для обогащения им были созданы все условия. Эти идеи борьбы с бюрократией он отстаивал все время.

Огромная заслуга Попова состоит в возрождении Вольного экономического общества, в создании Международного союза экономистов после распада СССР, теперь это авторитетные организации, хорошо известные институты гражданского общества.

А в последние годы надо отметить его литературную деятельность, выходящую за пределы экономической проблематики. Он

прекрасно показал роль классической российской, советской и зарубежной литературы на разных этапах общественного развития России. Иногда его мало кому присущая смелость вторгаться в вопросы, которые до сих пор не имеют однозначного решения, вызывает острое неприятие, например, его книга «Генерал Власов и его армия». Но ведь он отстаивает мысль, что советский народ не был таким абсолютно послушным быдлом, как многие его считают, дескать, он стерпел все: ужасающую варварскую коллективизацию, террор 30-х годов, давящий груз тоталитаризма во всех областях. Это же факт, который не принято у нас сильно декламировать, что в армейской системе Гитлера (пусть в основном на вспомогательных ролях) служил один миллион бывших советских подданных. И трактовка Поповым роли Власова заслуживает внимания, которая должна переломить эмоциональное отношение русского человека к нему как к генералу Российской освободительной армии, которая, как известно, почти не воевала напрямую. Однако в 1944 году это был все же весьма ощутимый фактор в борьбе. Согласиться с этим большинству, понятно, довольно трудно, но Гавриил Харионович по существу первым заявил о том, что российское население не было безгласным быдлом, оно изнутри протестовало против того, что это был «век-волкодав», который на спину набросился советскому обществу, вызывал сопротивление, поначалу безгласное, а потом и гласное. В общем, это вопрос, достойный обсуждения.

А сейчас Г.Х. Попов подарил мне книгу «Перестройка Горбачева — выход из социализма», где он дает интересный научный анализ перестройки. Можно дискутировать по содержанию книги, но сама идея о том, что перестройка не была перестройкой, а была выходом из социализма, не улучшением, а сменой общественного строя, заслуживает внимания. Это не капитализм, не социализм,

а это движение к постиндустриальному обществу. Термин, конечно, можно и оспаривать, человечество до сих пор ищет название современному общественному порядку. Я тоже сторонник этой его идеи, хотя мне и не нравится предложенный им термин, но сама мысль правильная, дело не в том, капитализм это или социализм. Многие черты капитализма, естественно, присущи этому обществу, есть и частная собственность, и рыночная система, и парламентская демократия и так далее. Но в то же время есть и те аспекты, которые появились на Западе после нашей революции 1917 года, — так называемые неэкономические факторы экономического развития, новые аспекты общества солидарности, общества, где разорванный монетаризм, играющий положительную роль на рынке, не может быть распространен на социальную сферу. Характерно, что в Швеции социализма больше, чем было у нас, и даже в США сейчас — тоже больше.

Сейчас мы самое социально несправедливое общество среди всех цивилизованных стран. Нигде нет такой дифференциации и социальной несправедливости. И подвижек к изменению этой ситуации не наблюдается, очень робко мы исправляем эти переносы. Зарплата российского работника как минимум в 3–4 раза, а то и в десять раз ниже, чем зарплата работников Запада. Россия — это страна, где десять процентов населения официально получают в 15 раз, а неофициально в 50–60 раз больше, чем доходы нижних десяти процентов. Это очень рискованная, неблагоприятная ситуация, так как ведет к апатии, пассивности, глухому недовольству людей, их нежеланию работать, откликаться на призывы власти. Но не только с этой точки зрения, а просто и потому, что таит опасность нежелательной социальной турбулентности. Разница в доходах 5–6 раз — это уже гарантия против революции и массовых протестных

движений, а у нас такая разница намного больше. Я, конечно, понимаю, что восстания Пугачева и повторения 1917 года теперь быть не может. Но, когда старики выходят на улицы с палками и своим сидением на рельсах пытаются заставить министра Зурабова отказаться от идеи монетизации социальных льгот, это опасно. Еще свежий пример: население стран Северной Африки и арабских стран. Хорошо вроде бы жили, и вдруг ни с того ни с сего все взорвались.

К социальной дифференциации надо очень серьезно относиться. И Гавриил Харитонович своими работами пытается образумить правящие круги, предостерегает от недооценки этих вопросов. Если в экономике проявлять хотя бы немного здравого смысла и сочувствия к людям, тогда она будет работать сама по себе. Но это надо понять. Хотя я думаю, что никакие увещевания никаких олигархов не образумят, пусть и говорят, что они вроде бы стали у нас ручные. Но значительный отток капитала из России как начался двадцать лет назад, так и продолжается по сей день: на 3–4 доллара, убежавших из России, приходится только один доллар, ввезенный в страну. Так что же тогда обижаться и плакать, ведь убегают не только западные капиталы, но и наши. Остановить эту утечку средств из страны на нынешний день задача номер один. Но государство своим поведением только подталкивает к такой утечке.

А потому я очень ценю деятельность и позицию Гавриила Харитоновича, в частности, за то, что в Вольном экономическом обществе не только в Москве, но и в регионах обсуждаются самые злободневные проблемы нашей экономической и социальной жизни. Я думаю, что он подходит с высоко поднятой головой к своему юбилею.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЩЕРБАКОВ

ПОМОГАЛ СТАТЬ ЗНАЮЩИМ И ДУМАЮЩИМ СПЕЦИАЛИСТОМ

Мы познакомились с Гавриилом Харитоновичем то ли в 1975-м, то ли в 1976 году, когда я писал кандидатскую диссертацию по проблемам управления и экономики промышленности. А в это время вышло несколько книг Г.Х. Попова по управлению, ставших бестселлерами. Понятно, что захотелось оттуда чего-нибудь перенять, поскольку к моей диссертации очень многое подошло. Я пробовал изложить мысли Попова своим языком, привести примеры из практической работы. В то время он выступал к тому же с публичными лекциями, которые я старался посещать и несколько раз подходил к нему после лекции, чтобы кое-что важное для моей работы уточнить.

Это было в начале знакомства, потом выяснилось, что у нас есть общие друзья, причем узнали мы это совершенно случайно, встретившись в Юрмале летом на одной и той же даче, примерно в 1976 году. Попов писал там очередные свои научные труды, а я приехал туда на несколько дней отдохнуть, прогуляться по побережью. Естественно, после этой встречи я его считал по меньшей мере своим хорошим знакомым. И поэтому, когда подошла дата защиты моей кандидатской диссертации, я попросил его

быть оппонентом. На защите он не был, так как в то время не находился в Москве, но отзыв он мне написал. И поскольку фамилия Попова тогда звучала уже очень сильно, отзыв Гавриила Харитоновича на научный совет произвел должное впечатление.

После этого я уехал работать на Волжский автозавод и через какое-то время стал там начальником главного планово-экономического управления. Как самому молодому специалисту, да еще и кандидату (в то время у нас на заводе было всего два кандидата наук — Кацура Петр Макарович и я), мне дали задание — поднять квалификацию управляющего персонала. Тогда завод еще строился, работали много, некоторые даже ночевали на предприятии, особенно когда был пуск линий. Из-за большой занятости читать газеты, смотреть телевидение времени не было. Народ стал терять ориентиры, не знал толком, что творится в мире и внутри страны. И тогда партком решил организовать специальную школу и специальный курс по повышению квалификации и знаний, прежде всего политико-экономических, нашего управленческого персонала. Мне поручили организовать это дело, хотя на тот момент я не очень-то представлял, как за это взяться. Посидев и поразмышляв, мы решили, что самое лучшее — это приглашать к нам людей с именами, самых известных специалистов, которые для узкого круга людей, руководителей высшего управленческого звена могли бы довольно откровенно рассказывать о том, что происходит в мире и стране, какие проблемы нужно решать, на что особо обращать внимание.

Среди таких известных людей того времени я знал только Попова. Приехал к Гавриилу Харитоновичу и рассказал, что приглашаем его к нам прочесть лекции. Но поскольку платить завод за них не может, то мы оплатим только пребывание в

командировке. Он сказал, что деньги его мало интересуют, а вот завод посмотреть хотелось бы. Гавриил Харитонович действительно приехал и пробыл у нас дня три, походил по заводу, поговорил с работниками, посмотрел город. Все это время я его везде сопровождал, и мы познакомились поближе. А потом он очень помог организовать у нас обучение, так как хорошо знал известных экономистов, познакомил с А.Г. Аганбегяном, С.А. Ситаряном и многими другими. Наша школа просуществовала все то время, что я работал на ВАЗе, с 1977 до 1982 года. К нам каждый месяц приезжал кто-нибудь из ученых и проводил четырехчасовое занятие. Сначала нужно было заставлять людей приходить на эти занятия, а потом пошел слух, что это дело весьма интересное и полезное, потому что разговор шел довольно откровенный, после лекций часа два были вопросы и ответы. Занимались в основном директора и главные инженеры заводов, начальники управлений генеральной дирекции, всего человек 50. Например, в числе слушателей директор сборочного кузовного завода, на котором 24 тысячи рабочих, директор металлургического завода, выпускавшего миллион тонн продукции в год. Поэтому все было серьезно и многие другие к нам просились на занятия, но брали далеко не всех. Г.Х. Попова приглашали с лекциями еще два-три раза, да и школа развивалась с большим его участием, откуда ведь мы могли знать московскую научную элиту. К этому времени я уже начал писать докторскую диссертацию, и при встречах с Гавриилом Харитоновичем мы часто обсуждали проблемы управленческой науки. Он уговорил меня вступить в Научно-экономическое общество, выступить в нем с каким-то докладом. С этого общества потом и началось возрождение Вольного экономического общества.

С ВАЗа меня перевели на КамАЗ, и я решил, что и там надо организовать для управленцев такую же школу.

Попов не просто хороший экономист, думающий человек, но и прекрасный лектор, умеющий интересно преподать материал любой аудитории, мгновенно оценив и ее запросы, и уровень подготовленности. Когда он говорит, никто не отвлекается на посторонние разговоры, все внимательно слушают, потому что он интересно выступает. Порой даже экономику излагает как детективную историю, от которой невозможно оторваться, и как правило, подводит к неожиданным выводам, потому что мыслит всегда нестандартно.

Со временем мы уже стали дружить, встречаться семьями, жены наши познакомились. Попов стал моим консультантом по докторской диссертации и в довольно многих случаях подталкивал меня к нестандартным решениям. Приезжал к нам на КамАЗ с детьми. У нас там были прекрасные горки, поставили на них подъемники и все катались на лыжах. Детям там нравилось, так как снега наваливало более двух метров, природа у нас великолепная, настоящие дремучие леса, шишкинские места. А летом Гавриил Харитонович с детьми раз в год сплавлялся на лодках или плотках по Волге. И вообще он любил отдых на природе, обязательно стремился показать детям страну и что-то новое.

В конце 1984 года вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о научно-техническом прогрессе и ускорении развития экономики. Были предложены новые показатели работы предприятий и оценки достигнутых результатов. В их числе стоимостной показатель нормативно-чистой продукции, характеризовавший вновь созданную стоимость. Для каждого вида продукции он рассчитывался на основе нормативов зарплаты и прибыли.

Я как практик считал этот показатель не очень пригодным в машиностроении, считал, что он будет ориентировать на сохранение выпуска изделий с большой трудоемкостью, тормозить научно-технический прогресс.

Для автомобильного производства, на котором я работал, эти показатели вообще не подходили. Я как практик считал их глупостью. Весь мир борется за научно-технический прогресс, за снижение трудоемкости, а у нас базовый показатель построен на росте трудоемкости. Нормативно-чистая продукция не позволяла правильно оценивать ни объем производства, ни его прирост.

Свое возмущение я, понятно, выражал в частных разговорах, а Гавриил Харитонович мне и говорит: давай напишем об этом статью, тем более у нас есть что предложить. Статью написали, она называлась «Подряд для завода». Мы предлагали, чтобы предприятиям устанавливали, какой и сколько продукции нужно сделать, сколько за нее заплатят, а уже на заводе сами решат, сколько людей призвать, какие технологии использовать. Не лезьте к нам внутрь, не мешайте работать.

Статью мы написали в первой половине 1984 года и отдали ее в газету «Правда», месяцев восемь — десять она не выходила. Ее передали в ЦК КПСС, где ее, естественно, положили под сукно, сказав, мало ли какие идиоты критикуют постановление ЦК КПСС. В статье приводились очень интересные сравнения, приводились примеры современного производства автомобиля ВАЗ и устаревшего «Москвича». Проводилась интересная аналогия с оценкой успехов в спорте: в то время Сергей Бубка установил очередной мировой рекорд в прыжках с шестом. Мы писали в статье, что человек, до этого никогда раньше не прыгавший с шестом, прыгнет и возьмет вначале высоту 0,5 метра, а, потренировавшись, через

год прыгнет на 1 метр. Значит, достижения его возрастут в два раза! А у чемпиона Бубки, который прыгает более чем на шесть метров, прирост за год может составлять всего один-два сантиметра. Этот сантиметр позволит ему взять очередной мировой рекорд, но кого это интересует. По нашим оценкам, это вообще вне игры. Аналогичная ситуация с оценкой работы промышленности. Кто писал это постановление, мягко говоря, не в курсе дела. Идея-то, наверно, и интересная, но подходит не для всех отраслей. В добывающих отраслях, например сырьевых, если считать нормативы на тонну добытого угля, нефти, руды, может, и не так плохо. А в обрабатывающей промышленности такая нормативно-числая продукция приведет нас в тупик.

В это время главный редактор газеты «Правда» ушел в отпуск. Его заместителя, Дмитрия Васильевича Валового, Попов, уж не знаю как, уговорил опубликовать первую часть статьи. Вторая же часть вышла почти через год.

В это время Генеральным секретарем ЦК КПСС только что стал М.С. Горбачев. Тогда ЦК КПСС провел совещание с главными редакторами печатных изданий ЦК КПСС, и один из работников ЦК КПСС, державших под сунком нашу статью, включил в доклад секретаря ЦК КПСС Рыжкова тезис, где привел идеи нашей статьи как яркий образец подрыва экономической политики партии. Вот, мол, вместо того, чтобы разъяснить политику партии, газета «Правда» ее дискредитирует, да и еще руками известных людей — один директор по экономике КамАЗа, второй — крупный ученый. На весь мир-де нас ославили и где? В газете «Правда». Конечно, после такого обвинения из уст секретаря ЦК КПСС немедленно начался «разбор полетов». С Поповым в Москве, со мной в Татарии, в обкоме КПСС. А у меня не все здесь было благополучно.

Когда я работал на ВАЗе, после сдачи каждой очереди или комплекса сборочных линий обычно всех награждали, а потом приезжала комиссия проверки из Комитета партийного контроля или Комитета народного контроля и начинали искать недостатки, завышенные расходы, превышение сметы и т.д. И так как на заводе я был самый молодой, мне частенько давали выговоры. Таких выговоров у меня уже было три с занесением в учетную партийную карточку. Я тоже получил какое-то количество правительственных наград, меня выговорили, так как их давали всем по очереди, перед самым моим уходом с завода мы сдали седьмую модель «Жигулей», а мне сказали раз ты все равно уходишь на КамАЗ, дадим тебе выговор с занесением «вне очереди» и быстро снимем, а снять не успели. На КамАЗе я конфликтовал с местными партийными органами, а тут еще это обвинение в подрыве экономической политики партии. Меня вызывают на бюро обкома, где у нас была жесткая дискуссия. Я упирал на то, что я свои позиции высказал откровенно на страницах газеты «Правда», а не где-либо еще. И если я что-то не понял в партийных постановлениях, то готов дискутировать, но могу объяснить свою точку зрения любому. Что же мне ответили? Щербачков, видимо, вообще ничего не понимает. В прошлый раз мы с ним тут уже спорили, но бесполезно. Выговоры с занесением у него уже есть, поэтому теперь — предложение исключить из партии. Все сказали «согласны», и у меня тут же отобрали партбилет. В то время исключение из партии — это гражданская смерть. Я звоню Гавриилу Харитоновичу, объясняю суть проблемы. Он мне отвечает, что его в МГУ также обсуждают и осуждают, но в науке к дискуссии отношение иное, поэтому ему даже выговор не вынесли. Но горком партии бушует

и требует строго его наказать. Партком МГУ тянет, ограничиваясь устным выговором.

Я, уверенный в увольнении с завода, начинаю уже собирать вещи для отъезда, так как меня на должность по номенклатуре утверждает Секретариат ЦК КПСС, а теперь меня из партии исключили.

Спасло то, что Генеральным секретарем ЦК КПСС уже был Горбачев, а он в своих выступлениях высказывал положения, которые в значительной мере отражали нашу позицию. А потом прошел мартовский 1985 года Пленум ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев первый раз выступил с идеей перестройки. Я тогда внимательно читал его доклад и увидел, что некоторые абзацы нашей статьи совпали текстуально. Я эти места подчеркнул и позвонил Гавриилу Харитоновичу. Говорю, вот такая история. Он мне говорит: подожди. Созвонился с Аркадием Ивановичем Вольским, помощником Генерального секретаря. Я приехал в Москву к Вольскому, положил на стол две газеты — с нашей статьей и докладом на Пленуме. Говорю, что не понимаю, почему меня исключили из партии. Вольский сказал: оставьте газеты, мы вам позвоним. И я три-четыре дня в гостинице «Россия» ждал звонка, боясь выйти из номера даже в буфет.

В то время, как я понимаю, решался вопрос о том, кто займет пост премьер-министра, кто им будет — Н.И. Рыжков или А.И. Вольский. Аркадий Иванович зашел к Генеральному секретарю ЦК КПСС с моим делом и все объяснил. Горбачев нажал кнопки телефона и спросил, в чем, собственно, вопрос. С чем отдел ЦК не согласен? Выяснилось, что сам Рыжков статью вообще не читал. Тут же пошла команда в Татарский обком КПСС восстановить меня в партии, вернуть партбилет.

Все произошедшее укрепило наши отношения с Гавриилом Харитоновичем. Затем меня перевели в Москву, где я поработал немного в Госкомтруде, защитил докторскую диссертацию. Потом меня пригласили в аппарат правительства, позднее я стал министром СССР.

Работая в Москве, плотно контактировал с Гавриилом Харитоновичем, он мне очень помогал советами, особенно когда нам надо было набирать в ответственные учреждения людей. Вообще я полагаю, что у нас с ним сложилась настоящая мужская дружба, основанная на симпатии, взаимном уважении и на некотором сходстве отдельных идей. Хотя я не могу сказать, что всегда согласен со всеми его высказываниями. Я об этом открыто ему говорю, что никак не мешает нам оставаться товарищами. К тому же наши совместные поездки, встречи да и вообще взаимные теплые отношения продолжаютс я аж с 1975 года, чему я очень рад.

Вот эта история со статьей, исключением меня из партии могла меня похоронить «на долгие годы», но все обошлось. А, с другой стороны, эти события Горбачеву и Вольскому подсказали, что вот на КамАЗе работает неглупый парень. И поэтому меня стали чаще вызывать на всякие совещания и обсуждения докладов. Постепенно я попал в очень узкий круг людей, которые с командой Горбачева работали над всякими концепциями. Меня назначили министром и председателем Совета Госплана СССР, конечно, потому, что меня достаточно хорошо знали. У руководства страны появилось понимание того, что надо делать для перестройки. У меня было свое мнение об всем об этом. Откуда это мнение могло у меня появиться при работе на ВАЗе или КамАЗе? Это несомненно результат того, что я часто участвовал в дискуссиях с такими людьми, как Попов, когда идет взаимная

аргументация выдвигаемых положений. Я помню те знаменитые идейные битвы, в которых участвовали С.С. Шаталин, А.Г. Аганбегян, Г.Х. Попов, Л.И. Абалкин, Г.А. Арбатов, А.И. Анчишкин. Они выступали с разными точками зрения, очень аргументированно, уважительно относились к иным мнениям, показывая слабые места того или иного подхода, а главное, доходчиво отстаивали свои позиции. Эти дискуссии были очень полезны для меня, поднимая планку моих знаний на более высокий уровень. Все это помогло мне в тех случаях, когда «требовалось» писать тексты, допустим, для Министерства финансов или правительства.

В этом смысле я очень многому также обязан Г.Х. Попову. Не потому, что он мне прямо помогал в карьерном росте. А помогал мне стать более думающим и более знающим человеком. Ну и, конечно, научил многим другим вещам, я наблюдал, как он выступает, как он говорит. У нас у каждого есть свой образ профессора Московского университета, вот для меня Г.Х. Попов — образец еще тех старых царских профессоров, о которых ходили легенды. Мне не удалось обнаружить вопроса, по которому бы у Попова не было достаточно большого объема знаний и своей точки зрения. Он так хорошо энциклопедически научно подготовлен, что мне не удалось найти потолок его компетентности.

В моем понимании он политэконом классический, рассуждает правильно о политической экономии, рассуждает, как строить экономику страны и отношение ее с миром.

И я очень сожалею, что нынешнее руководство страны мало привлекает таких, как он, к обсуждению проблем развития страны.

СПИСОК АВТОРОВ РАЗДЕЛА

Горбачев Михаил Сергеевич

Президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд).

Абалкин Леонид Иванович

Действительный член Сената ВЭО России, председатель Научно-практического Совета ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, председатель Координационного совета МСЭ, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, вице-президент, почетный академик Международной Академии менеджмента, академик РАН, д.э.н., профессор. Скончался 2 мая 2011 года.

Дубенецкий Яков Николаевич

Председатель Ревизионной комиссии Международного союза экономистов, председатель Ревизионной комиссии Вольного экономического общества России, член Национального экономического совета, академик Международной Академии

менеджмента, академик Международной Академии управления, член-корреспондент Международной Академии информатизации.

Красильников Виктор Наумович

Первый вице-президент ВЭО России, первый вице-президент, генеральный директор Международного союза экономистов, первый вице-президент, академик Международной Академии менеджмента, президент Международного Клуба менеджеров, академик РАЕН, доктор экономики и менеджмента, к.э.н., профессор.

Музыкантский Александр Ильич

Член Международного союза экономистов, уполномоченный по правам человека в г. Москве, президент Фонда «Московские энциклопедии», президент Фонда «Российский общественно-политический центр», советник мэра Москвы, заведующий кафедрой факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор, к.т.н.

Норкин Кемер Борисович

Член Президиума ВЭО России, первый вице-президент ВЭО Москвы, советник ректора Московского городского университета управления Правительства Москвы, академик Международной Академии менеджмента, РАЕН, Российской муниципальной академии, д.т.н., профессор.

Озира Виталий Юрьевич

Доцент кафедры «Менеджмент» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, к.э.н., профессор.

Петраков Николай Яковлевич

Член Международного союза экономистов, директор Института проблем рынка Российской академии наук, заведующий кафедрой экономической политики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н.

Подвойский Глеб Львович

Член Международного союза экономистов, заместитель директора Издательского дома Международного университета в Москве, член-корреспондент Международной Академии менеджмента, к.э.н.

Попцов Олег Максимович

Генеральный директор ОАО «Полиграфический комплекс «Пушкинская площадь».

Третьяков Виталий Товиевич

Декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Цаголов Георгий Николаевич

Профессор Международного университета в Москве, д.э.н.

Шмелев Николай Петрович

Член Президиума ВЭО России, член Координационного совета МСЭ, директор Института Европы РАН, академик РАН, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор.

Щербаков Владимир Иванович

Вице-президент ВЭО России, вице-президент Международного союза экономистов, председатель Совета директоров группы компаний «Автотор», вице-президент, академик Международной Академии менеджмента, академик РАЕН, член Правления Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей», д.э.н., профессор.

Фотоальбом. Часть III

**МЕСТО РАБОТЫ —
ВЭО РОССИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ
И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ В МОСКВЕ**

С.Т.С. Хачатуровым

С В.С. Павловым

765

С В.Н. Красильниковым

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 ТЕЛЕГРАММА

Органикету Юбилейного съезда
 Вольного экономического общества России

Приветствую участников и гостей юбилейного съезда, посвященного 240-летию Вольного экономического общества России. История одной из старейших общественных организаций России неразрывно связана с именами видных ученых, политиков, государственных деятелей. За прошедшие десятилетия ВЭО внесло достойный вклад в развитие отечественной экономической мысли, широкое общественное просвещение, организацию научных дискуссий, конференций, исследовательских экспедиций. Важно, что сегодняшний состав общества бережно приумножает замечательные традиции нескольких поколений своих предшественников, стремится активно содействовать эффективному социально-экономическому развитию страны.

Желаю вам успехов и всего наилучшего.

Президент Российской Федерации

В. Путин
 01.11.2005

Юбилей ВЭО — 240 лет

Юбилей ВЭО — 230 лет.
С Премьер-министром России
В.С. Черномырдиным

Награда ВЭО
России академику
А.Н. Коновалову

Награда
ВЭО России
академику
Л.И. Абалкину

Награда ВЭО России С.В. Степашину

Круглый стол ВЭО
России, посвященный
100-летию со дня
рождения А.Н. Косыгина
(Председателя Совета
Министров СССР
с 1964 по 1974 г.).
За столом —
Председатель Совета
Министров СССР
Н.И. Рыжков,
Председатель Госплана
СССР Н.К. Байбаков
и заместитель
Председателя Совета
Министров СССР
академик Л.И. Абалкин

Подготовка к созданию Международного союза экономистов. Германия, 1990 г.

Вручение награды лауреату Нобелевской премии Василию Леонтьеву в Нью-Йорке

Ежегодный семинар МСЭ в Швейцарии

*С президентом Международной Академии менеджмента академиком
С.А. Ситаряном и В.Н. Красильниковым*

С В.И. Щербаковым

С.Е.С. Стровым

Юбилей ВЭО – 245 лет

*Заседание круглого стола ВЭО России.
Г.Х. Попов, С.П. Капица и Н.Н. Гриценко*

Г.Х. Попов, Г.Д. Джмаль, М.А. Коробейников

Г.Х. Попов, Д.С. Львов и С.А. Ситарян

Победители конкурса «Менеджер года» в государственном и муниципальном управлении

*Двадцать лет Международному союзу экономистов.
Январь 2011 г.*

Награждение победителей Всероссийского конкурса научных работ молодежи

**СВЯЗЬ
ПОКОЛЕНИЙ**

Конкурс «Менеджер года». Церемония награждения победителей

С Ю.В. Якутиным.

Вручение ордена Международной Академии менеджмента

Открытие комплекса МУМ в Заречье

С.Г.А. Ягодиным, первым ректором МУМ, и мэром Москвы Ю.М. Лужковым, научным руководителем факультета управления крупными городами. На фотографии два человека, с именами и делами которых связано становление Международного университета в Москве

С.М.С. Горбачевым в МУМ

Г.Х. Попов на трибуне МУМ

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.Х. ПОПОВА НА ФОНЕ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

1936 Родился **31 октября** в Москве, где тогда учились его родители. Отец — Попов Харитон Гаврииллович (1910—1992). Грек, родился в с. Чермалык Донецкой области. Кандидат экономических наук, доцент. Мать — Попова Феодора Георгиевна. Гречанка. Родилась в 1912 году в с. Ялта Донецкой области. Кандидат биологических наук, доцент.

1941–1945 Великая Отечественная война.

1953 **5 марта** умер И.В. Сталин.

1944 **Г.Х. Попов** поступил в начальную школу хутора Пухляковский на Дону.

1954 С золотой медалью окончил среднюю школу Новочеркасского района Ростовской области.

1954–1959 Студент экономического факультета Мо-

сковского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

1954 **Март.** Принято Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Июнь. В Обнинске пущена первая в мире промышленная атомная электростанция.

1956 **14–25 февраля** состоялся XX съезд КПСС. На съезде Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях», положившим начало демократическим переменам в партийной и государственной жизни.

1957 **Май.** Принят Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», положивший начало переходу от отраслевого к территориальному принципу управления. 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств заменили более сотни региональных совнархозов.

На совещании работников сельского хозяйства в Ленинграде Н.С. Хрущев выдвинул свой знаменитый лозунг: «Догнать и перегнать Америку», предложив за три года утроить производство мяса в стране.

Июль. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР

«О развитии жилищного строительства в СССР» постановлена задача за 10—12 лет полностью решить проблему жилья.

Октябрь. Запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Декабрь. В Ленинграде спущен на воду атомный ледокол «Ленин».

1958

Апрель. ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление о переходе на семи- и шестичасовой рабочий день.

Май. На состоявшемся пленуме ЦК КПСС был принят курс на «химизацию» страны.

1959

Проведена Всесоюзная перепись населения. Численность населения СССР приблизилась к 209 млн человек. На внеочередном XXI съезде КПСС Н.С. Хрущев заявил, что СССР приступает к строительству коммунизма. На съезде принят семилетний план развития народного хозяйства на 1959—1965 годы, в котором предусматривалось увеличение производства нефти и природного газа, освоение природных богатств Сибири и Средней Азии, развитие химической промышленности, электрификация и дизелизация железнодорожного транспорта.

После завершения учебы на экономическом факультете МГУ **Г.Х. Попов** оставлен в аспирантуре на кафедре бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности.

- 1959–1963** Г.Х. Попов аспирант экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- 1960–1961** Секретарь Комитета ВЛКСМ Московского университета.
- 1960** **Май.** Над территорией СССР сбит американский разведывательный самолет У-2 «Локхид».
Сентябрь. Н.С. Хрущев выступил в ООН по вопросам разоружения.
- 1961** **Январь.** Денежная реформа. Произведен обмен денег из расчета 1 новый рубль на 10 старых. Началась эра «хрущевок» — в Москве в Новых Кузьминках построили первый пятиэтажный дом из объемных элементов.
Апрель. Ю. Гагарин совершил первый в мире полет человека в космос на космическом корабле «Восток».
Август. Началось возведение Берлинской стены, ставшей символом разделения мира на лагерь социализма и лагерь капитализма.
Октябрь. На XXII съезде КПСС (съезде «строителей коммунизма») принята третья партийная программа, в которой торжественно провозглашалось о построении коммунизма в СССР в 1980 году. Гроб с телом Сталина выносят из Мавзолея и хоронят у Кремлевской стены.

1962

Май. Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о повышении цен на мясо и мясные продукты (до 34%) и сливочное масло (на 25%).

Июнь. Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве».

Октябрь. Карибский кризис. Приведение в состояние повышенной боевой готовности Вооруженных Сил СССР. Вывод советских ракет с Кубы, отмена американской блокады острова.

1963–1967

Г.Х. Попов — ассистент кафедры бухгалтерского учета, доцент кафедры планирования экономического факультета МГУ.

1963

Март. Встреча Н.С. Хрущева с деятелями искусства. Н.С. Хрущев подверг бранной критике И. Эренбурга, В. Некрасова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Э. Неизвестного и др.

Май. Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление, ограничивающее мясо-молочное производство в индивидуальном секторе.

Сентябрь. Н.С. Хрущев впервые сообщил, что в связи с «неблагоприятными погодными условиями» правительству пришлось закупить за рубежом зерно. Во многих районах СССР появились талоны на хлеб. После 1963 года закупки зерна

стали ежегодной статьей бюджетных расходов. В 1963 году защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук по теме «Применение информационных машин в экономике».

1964

Январь. Введены в действие последние агрегаты крупнейшей в мире Братской ГЭС на Ангаре.
Октябрь. На Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев смещен со всех постов и отправлен на пенсию. Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, а председателем Совета Министров СССР — А.Н. Косыгин.

1965

Июль. Образован Государственный комитет цен при Госплане СССР.
Сентябрь. Пленум ЦК КПСС принял решение о проведении хозяйственной реформы, суть которой сводилась к расширению хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий. Выступивший на пленуме А.Н. Косыгин призвал вернуться к планированию по пятилеткам, отказаться от управления промышленностью и строительством через совнархозы, восстановив систему отраслевых министерств. Добиться подъема промышленности планировалось теперь за счет внедрения в практику хозяйственной деятельности рыночных элементов. В ходе реализации реформы резко уменьшилось число директивных заданий, доводимых до предприя-

тий, им разрешили оставлять у себя часть получаемых доходов. Вышестоящим органам было запрещено изменять план в период его выполнения.

Декабрь. Комитет партийно-государственного контроля преобразован в Комитет народного контроля СССР. Закончился последний год хрущевской семилетки — 1959–1965 годы. Национальный доход вырос на 53%, продукция промышленности — на 84, производительность труда — на 40%.

1966

Март. На состоявшемся XXIII съезде КПСС партийное руководство вынуждено было признать, что задания семилетнего плана по производству отдельных видов продукции не были выполнены. Приняты директивы по восьмому пятилетнему плану на 1966—1970 годы. Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в день закрытия съезда, присвоил Л.И. Брежневу титул Генерального секретаря партии (Н.С. Хрущев именовался первым секретарем).

Май. В Турине (Италия) подписан протокол об участии концерна «ФИАТ» в строительстве в СССР комплекса предприятий по производству легковых автомобилей.

Ноябрь. Началось серийное производство крупнейшего в мире самолета «Антея». Сдан в эксплуатацию горно-обогатительный комбинат на алмазной трубке «Мир» в Якутии.

- Декабрь.** В секретной записке, подготовленной ЦСУ СССР для Госплана, сообщаются сведения о потреблении материальных благ на душу населения в СССР и США в 1965 году: 564 доллара в СССР против 1542 в США.
- 1967**
- Март.** Осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю.
- Май.** Главой КГБ назначен Ю.В. Андропов.
- Сентябрь.** Принято постановление, разрешающее кустарные промыслы в колхозах. Опубликованы указы Президиума Верховного Совета СССР о новых льготах, снижении налогов и повышении пенсий.
- Ноябрь.** Пышные торжества, посвященные 50-летию Октябрьской революции.
- 1967–1971**
- Г.Х. Попов** — заведующий лабораторией управления производством экономического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова. В 1970 году защитил докторскую диссертацию на тему «Методологические проблемы теории управления общественным производством». В 1971 году получил звание профессора по кафедре планирования народного хозяйства.
- 1968**
- Август.** Ввод войск Варшавского договора в Чехословакию.
- Декабрь.** Приняты Основы земельного зако-

нодательства СССР и союзных республик, подтверждавшие положение о том, что земля в СССР является «всемирным достоянием».

1969

Январь. Секретариат ЦК КПСС принял секретное постановление «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара».

Декабрь. На состоявшемся пленуме ЦК КПСС обсуждался вопрос о трудностях реализации программы, намеченной XXIII съездом КПСС, о невыполнении плана по ряду показателей, о необходимости усиления внимания к научно-техническому прогрессу.

С конвейера Московского завода малолитражных автомобилей (будущий АЗЛК) сошел первый «Москвич-412».

1970

Январь. В СССР проведена перепись населения. Численность его на 15 января составила около 242 млн человек. Завершено создание Единой энергетической системы европейской части СССР.

Февраль. Опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиоб-

щественный, паразитический образ жизни».

Март. Опубликован Указ Верховного Совета СССР «Об ответственности за скупку, продажу и обмен в небольших размерах валюты и скупку вещей у иностранцев»

Август. С конвейера Волжского автозавода в г. Тольятти сошли первые автомобили «Жигули».

Сентябрь. Советским дачникам разрешили возводить на своих участках садовые летние домики (с отоплением на твердом топливе) и держать домашних птиц, кроликов и пчел.

Октябрь. Введение на предприятиях общественного питания рыбных дней с целью приучения населения в условиях недостатка мясной продукции к потреблению рыбы.

Первые автомобили выпущены Ижевским автомобильным заводом.

1971–1988 **Г.Х. Попов** — заведующий кафедрой управления экономического факультета МГУ.

1978–1980 Декан экономического факультета МГУ.

1971 **Март.** На XXIV съезде КПСС объявлено о построении в СССР «развитого социалистического общества», о возникновении «новой исторической общности людей — советского народа». Впервые в советской истории подъем материального и культурного уровня трудящихся был

объявлен «главной задачей девятого пятилетнего плана». Съезд одобрил директивы на девятую пятилетку (1971—1975).

1972

Май. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

Июль. Начала работать Красноярская ГЭС, самая мощная в мире.

Август. Повышена зарплата врачам, учителям и воспитателям детских дошкольных учреждений.

Декабрь. Юбилейные торжества, посвященные 50-летию СССР.

АН СССР и ГКНТ СССР приступили к разработке комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий.

Декабрь. Решено отменить налоги с заработков до 70 рублей в месяц и снизить ставки налогов с зарплаты до 90 рублей.

1973

Март. Принято постановление о создании производственных и промышленных объединений вместо главных управлений министерств. Опубликован проект Устава промышленных объединений.

Август. Население СССР достигло 250 млн человек.

1974

Февраль. А. Солженицына высылают из СССР в ФРГ.

- Март.** Вышел на экраны фильм В. Шукшина «Калина красная». Принято постановление «О развитии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».
- Июль.** Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали».
- Август.** Введены паспорта для сельских жителей СССР.
- Сентябрь.** Установлены пособия на детей из малообеспеченных семей.
- 1975** **Январь.** Введен в действие Чебоксарский завод промышленных тракторов.
- Июнь.** Сдан в эксплуатацию самый мощный в мире атомный ледокол «Арктика».
- 1976** **Февраль.** XXV съезд КПСС утверждает Основные направления развития народного хозяйства СССР на десятую пятилетку (1976—1980). В Камском объединении по производству большегрузных автомобилей в Набережных Челнах (Татарстан) выпущен первый тяжелый грузовик «КамАЗ».
- 1977** **Апрель.** Советом Министров СССР принято постановление «О кредитовании индивидуального жилищного строительства в городах и поселках городского типа».

1979

Июнь. Л.И. Брежнев избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, официальным главой СССР.

Октябрь. Принята новая Конституция СССР, провозгласившая построение в стране развитого социализма; ст. 6 закрепила руководящую и направляющую роль КПСС.

Январь. Проведена Всесоюзная перепись населения. Население СССР — 262,4 млн. человек. Завершено создание Единой энергосистемы СССР и государств — членов Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Июль. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства». Постановление предусматривало более жесткий контроль за стабильностью планов, повышение роли натуральных показателей в оценке деятельности предприятий. Среди важнейших показателей с этого времени выделяются реализованная и нормативно-чистая продукция. До 40% от нормативно-чистой продукции остается теперь в распоряжении предприятий и расходуется, помимо прочего, на пополнение фондов экономического стимулирования.

Сентябрь. Повышение цен на ювелирные изделия, хрусталь, ковры, мебель, швейные изде-

лия, кожу, фарфор, бензин, спиртное.

Декабрь. Ввод советских войск в Афганистан.

1980

Январь. Академик А. Сахаров выслан в г. Горький.

Июль. В Москве открылись XXII Олимпийские игры.

Октябрь. Президиум Верховного Совета СССР освободил А.Н. Косыгина от должности Председателя Совета Министров СССР.

1981

Февраль. На XXVI съезде КПСС определены задачи на одиннадцатую пятилетку (1981—1985). Принята Продовольственная программа.

Л.И. Брежневым был выдвинут ставший широко известным лозунг: «Экономика должна быть экономной». Постановление съезда нацелило советских людей на «эффективное использование природных, материальных и трудовых ресурсов». В ЦК КПСС были избраны Н.И. Рыжков, Б.Н. Ельцин и Е.К. Лигачев.

1982

Организовано Научно-экономическое общество (НЭО), создавшее свои отделения во всех регионах СССР. Инициатива создания НЭО принадлежала академику Т.С. Хачатурову и **Г.Х. Попову.**

Январь. Повышены оптовые цены на дефицитные товары и понижены на товары, не находящие сбыта.

1983

Май. Л.И. Брежнев выступил на пленуме ЦК КПСС с докладом о «Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации».

Ноябрь. Умер Л.И. Брежнев. На пост Генерального секретаря ЦК КПСС избран Ю.В. Андропов.

Декабрь. Юбилейные торжества по случаю 60-летия СССР.

Январь. Начало кампании по укреплению трудовой дисциплины и борьбы с «социальным паразитизмом».

Март. Опубликована статья Ю.В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Достижение коммунизма в нашей стране в ней отодвигалось на длительную перспективу.

Май. Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по улучшению обеспечения населения товарами широкого потребления в 1983–1985 годах».

Июнь. На сессии Верховного Совета СССР принят Закон «О трудовых коллективах и усилении их роли в руководстве предприятиями». На предприятиях создаются советы трудовых коллективов.

Июль. Принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о проведении экономического эксперимента в промышленности: расширились

права руководителей предприятий в расходовании существующих на предприятиях фондов (развития производства, фонда развития науки и техники...), уровень заработной платы ставился в зависимость от объема реализованной продукции, ограничивалось число контрольных показателей.

Август. Принято постановление об ускоренном внедрении на основе хозрасчета достижений научно-технического прогресса, выпуске продукции, отвечающей по своим показателям лучшим мировым образцам.

1984

Февраль. Умер Ю.В. Андропов. Генеральным секретарем ЦК КПСС избран К.У. Черненко.

Октябрь. Начало сквозного движения по Байкало-Амурской магистрали.

1985

Март. Умер К.У. Черненко. Генеральным секретарем ЦК КПСС избран М.С. Горбачев.

Апрель. М.С. Горбачев на Пленуме ЦК КПСС провозгласил курс на ускорение социально-экономического развития страны.

Начало перестройки.

Май. Начало антиалкогольной кампании в СССР по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения.

Июнь. В ЦК КПСС состоялось Всесоюзное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса.

Июль. Руководителем отдела пропаганды ЦК КПСС назначен А.Н. Яковлев. В «Известиях» опубликована статья О. Лациса «Перестройка».

Сентябрь. Председателем Совета Министров СССР назначен Н.И. Рыжков.

Октябрь. Правительством СССР принята Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы.

Ноябрь. Создан Госагропром, заменивший Министерство сельского хозяйства.

Декабрь. Б.Н. Ельцин избран первым секретарем Московского горкома КПСС.

Г.Х. Попов — лауреат Ломоносовской премии МГУ 1986 года, денежную часть которой передал на восстановление монастыря на острове Соловки, известном в ленинское и сталинское времена как лагерь для политических заключенных.

1986

Февраль. Начал работу XXVII съезд КПСС, на котором большое внимание уделено демократизации советского общества, продовольственной проблеме, усилению роли человеческого фактора, перестройке и ускорению. Приняты директивы на двенадцатую пятилетку (1986–1990).

Апрель. Авария на Чернобыльской атомной электростанции. Принято постановление «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». К 2000 году пред-

полагалось предоставить каждой семье отдельную квартиру или дом.

Май. Введена государственная приемка продукции. Приняты меры по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества, а также по усилению борьбы с нетрудовыми доходами.

Август. Разрешены кооперативы по сбору и переработке вторичного сырья. Ряду предприятий и министерств разрешено самим выходить на внешний рынок и создавать совместные предприятия с зарубежными партнерами.

Ноябрь. Принят закон об индивидуальной трудовой деятельности, разрешивший создание кооперативов в сфере мелкого производства, торговли и услуг населению.

Декабрь. На Политбюро ЦК КПСС произошел раскол по поводу проекта СМ СССР о повышении цен.

1987

Научно-экономическое общество (НЭО) преобразовано во Всесоюзное экономическое общество.

Январь. Принято постановление о деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций с участием советских и иностранных организаций.

На Пленуме ЦК КПСС с докладом «О перестройке кадровой политики партии» выступил

М. Горбачев. Принято решение о демократизации общества, гласности.

Февраль. Совет Министров СССР принял постановления «О создании кооперативов общественного питания», «О создании кооперативов по бытовому обслуживанию населения», «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления».

Май. На Красной площади совершил посадку спортивный самолет немецкого гражданина М. Руста.

Вступил в действие закон об индивидуальной трудовой деятельности, разрешивший работу кустарей-частников, создание кооперативов в сфере мелкого производства, торговли и услуг населению.

Июнь. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О переводе объединений, предприятий и организаций народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование».

Принят закон о государственном предприятии, предусматривающий выборность директоров, хозрасчет и самофинансирование.

Июль. Приняты правительственные постановления о проведении реформ в планировании, материально-техническом обеспечении, ценообразовании, органах управления экономикой.

Октябрь. На пленуме ЦК КПСС с критикой

Е.Н. Лигачева и М.С. Горбачева выступил Б.Н. Ельцин.

Ноябрь. На пленуме Московского городского комитета КПСС Б.Н. Ельцин был снят с поста первого секретаря МГК.

1988–1991

Г.Х. Попов — главный редактор журнала «Вопросы экономики».

1988

Январь. На полный хозрасчет переходит первое предприятие страны (пензенский «Биосинтез»). Вскоре на этих принципах стало работать большинство предприятий почти всех министерств. Армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе.

Май. Опубликован Закон «О кооперации».

Июнь. Прошли торжества, посвященные 1000-летию крещения Руси. Состоялась XIX Всесоюзная партконференция.

Август. Зарегистрирован первый в СССР коммерческий банк «Союз» в г. Чимкенте (Казахстан).

Декабрь. Разрушительное землетрясение в Спитаке в Армении.

Г.Х. Попов избран народным депутатом СССР от Союза научных и инженерных обществ. В том же году стал вместе с А.Д. Сахаровым, Б.Н. Ельциным, Ю.Н. Афанасьевым и В.В. Пальмом сопредседателем Межрегиональной депутатской группы — первой официальной оппозиции КПСС.

1989

Январь. Последняя Всесоюзная перепись населения. Численность населения СССР составила 287 млн человек.

Февраль. Завершение вывода советских войск из Афганистана.

Апрель. Жестокий разгон антиабхазского митинга в Тбилиси.

Май. Начало вывода советских войск из ГДР. Начало работы I съезда народных депутатов СССР. Н.И. Рыжков представил Верховному Совету СССР план поэтапного перехода к «регулируемой рыночной экономике».

Июнь. Межнациональные столкновения в Фергане. Молодежные волнения в Казахстане.

Июль. Вооруженные столкновения между абхазами и грузинами в Сухуми. Латвия провозглашает суверенитет.

Сентябрь. Постановление Политбюро ЦК КПСС «О неудовлетворительном обеспечении населения непродовольственными товарами первой необходимости».

Октябрь. Верховный Совет СССР принял проект умеренной экономической реформы Аганбегяна — Горбачева. Принят Закон СССР «О порядке, разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)».

Ноябрь. Верховный Совет СССР принял Закон «Об экономической самостоятельности республик Прибалтики». В Москве Внешэкономбан-

1990

ком проведен первый валютный аукцион.

Декабрь. Состоялся II съезд народных депутатов СССР. Умер академик А.Д. Сахаров.

Вместе с Б.Н. Ельциным **Г.Х. Попов** вышел из КПСС. Избран депутатом Моссовета, затем председателем Моссовета.

Январь. Ввод войск и вооруженные столкновения в Баку.

Февраль. Погромы в Душанбе.

Март. На внеочередном III съезде народных депутатов СССР первым президентом СССР избран М.С. Горбачев. Съезд отменил ст. 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС. Принят Закон «О собственности в СССР», который провозгласил равенство всех форм собственности.

Май. Начало работы I съезда народных депутатов РСФСР. Выступление Н.И. Рыжкова на сессии Верховного Совета СССР с заявлением о необходимости повышения цен.

Июнь. I съезд народных депутатов РСФСР провозгласил суверенитет России. Начало «парада суверенитетов» союзных республик.

Июль. Состоялся XXVIII съезд КПСС — последний в истории партии.

Принято постановление Верховного Совета РСФСР о создании обособленной российской кредитно-финансовой системы.

Октябрь. Верховным Советом СССР одобрены основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям.

Декабрь. IV съезд народных депутатов СССР определил статус Кабинета министров СССР, заменившего Совет Министров СССР.

Г.Х. Попов избран почетным доктором Университета штата Южная Юта, США. Голосами более чем 3 млн москвичей стал на свободных альтернативных выборах первым мэром Москвы (вице-мэром вместе с ним был избран Ю.М. Лужков).

1991

В Москве мэр **Г.Х. Попов** реализовал московский вариант радикальных реформ — бесплатная приватизация жилья, торговли, общественного питания, сферы обслуживания. Была реорганизована система городского управления, созданная ранее для удобства руководства КПСС городом. Одновременно осуществлялся комплекс мер по поддержке бедных слоев москвичей (введение бесплатного проезда для миллионов пенсионеров в городском транспорте, доплаты на детей и т.д.). Москва в дни путча в августе решительно поддержала Б.Н. Ельцина.

Январь. В СССР созданы Общесоюзная и сеть региональных валютных бирж. Грузино-осетинский конфликт. Столкновения между населением и союзными силовыми структурами в Прибалтике.

В.С. Павлов становится Председателем Кабинета министров СССР. Денежная реформа Павлова: прекращение приема к платежу 50- и 100-рублевых купюр.

Февраль. Б.Н. Ельцин потребовал немедленной отставки М.С. Горбачева.

Март. Опубликован проект Договора о Союзе суверенных республик. Всесоюзный референдум о сохранении СССР. «За» высказалось 70,88% его участников. Многие шахты охвачены забастовками, участники их выдвигают экономические и политические требования. Начало работы III съезда народных депутатов РСФСР.

Апрель. Повышение цен на товары широкого потребления. Одновременно повышается зарплата, вводятся компенсации для малообеспеченных групп граждан. Провозглашена независимость Грузии. Введение 40-часовой рабочей недели (на 1 час меньше, чем прежде).

Май. IV съезд народных депутатов РСФСР. Президент СССР М.С. Горбачев подписал Указ «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства». В угольной, нефтяной, газовой и некоторых других отраслях вводился особый режим работы, в них запрещались забастовки.

Июнь. Победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах в РСФСР. М.С. Горбачев и руководители

девяти республик согласовали в Ново-Огарево близ Москвы проект нового Союзного договора. Начало приватизации в СССР. Упразднение Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Опубликована программа совместных действий Кабинета министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку.

Июль. Ликвидация военной Организации Варшавского договора. Вступление в силу законов РСФСР о занятости населения, о приватизации жилищного фонда. Начало работы V съезда народных депутатов РСФСР. Последний пленум ЦК КПСС принял решение созвать XXIX съезд КПСС в декабре 1991 года.

Верховный Совет СССР принял постановление о проекте Союзного договора. Образована полномочная делегация для его подписания. Состоялась последняя перед отъездом в отпуск в Форос (Крым) встреча Горбачева с Ельциным и Назарбаевым. Ельцин уговорил Горбачева сменить Павлова, Язова, Крючкова, Пуго до подписания Союзного договора.

Август. События 19—21 августа, известные как путч. Создание Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Провал планов ГКЧП, арест его лидеров. Приостановка деятельности КПСС и КП РСФСР.

Сентябрь. Самороспуск ВЛКСМ.

Ноябрь. На совещании руководителей России, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и президента СССР достигнуто согласие о создании нового политического союза — Союза Суверенных Государств.

16–17 ноября в г. Санданске (Болгария) был учрежден Международный союз экономистов — международная общественная организация.

Г.Х. Попов избран президентом МСЭ.

Декабрь. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевич, президент РСФСР Б. Ельцин и президент Украины Л. Кравчук в местечке Белая Вежа под Минском подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Отставка Горбачева с поста президента СССР. Фактическое прекращение существования СССР. Верховный Совет РСФСР утвердил новое название республики — Российская Федерация.

После августа 1991 года из-за разногласий с российским руководством по вопросам политики после падения режима КПСС уже осенью 1991 года **Г.Х. Попов** подал в отставку, а в 1992 году ушел с поста мэра. Разногласия касались следующих вопросов.

Первый — отношение к СССР. Попов выступал за ликвидацию советской империи, но считал, что основную часть СССР можно сохранить как

единое межгосударственное объединение. Российское руководство считало, что России выгоднее выделиться из СССР.

Второй — отношение к Верховному и другим Советам. **Г.Х. Попов** считал, что советская власть непригодна для проведения реформ. Нужны новая Конституция, Учредительное собрание, выборы. Российское руководство попыталось вести реформы со старым механизмом власти.

Третий — экономическая политика. Российское руководство, в надежде на помощь Запада, приняло модель Международного валютного фонда (шоковая терапия). Попов же считал, что эта модель создана для развивающихся стран и в России не сработает.

1992

Общественной организации экономистов было возвращено историческое название — Вольное экономическое общество России. ВЭО России является духовным правопреемником и продолжателем традиций императорского Вольного экономического общества, что закреплено юридически.

Г.Х. Попов — президент Вольного экономического общества России.

В январе **Г.Х. Попов** избран председателем Российского движения демократических реформ.

Январь. Начало либерализации цен. Многотысячные митинги «Трудовой России» и других сил

оппозиции в Москве «За единство страны, восстановление народной власти, отставку правительства и отмену грабительских цен». Митинги «Демократического выбора России» с требованием ускорения реформ, суда над КПСС и очищения властных структур от «перекрасившихся партократов». Указ Б.Н. Ельцина о свободе торговли.

Завершено следствие по делу ГНЧП, членам которого предъявлено обвинение о заговоре с целью захвата власти в стране.

Февраль. Указ о введении чрезвычайного положения в экономике России.

Учреждение Международного университета в Москве. **Г.Х. Попов** — президент МУМ.

Март. Е.Т. Гайдар назначен первым заместителем Председателя Правительства РФ.

Апрель. Работа VI съезда народных депутатов России.

Май. Отмена государственной монополии на производство алкогольной продукции. Повышение цен на энергоносители в 5—6 раз.

Июль. Указ Президента РФ «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества».

Август. Принят президентский Указ о начале приватизации в России.

Октябрь. Началась выдача российским гражда-

нам приватизационных ваучеров.

Декабрь. Одобрен новый Основной закон — Конституция РФ. VII съезд народных депутатов России. Утверждение В.С. Черномырдина на посту Председателя Правительства РФ.

1993

Январь. В.С. Павлов и другие члены ГКЧП освобождены из тюрьмы под подписку о невыезде.

Март. Прошла предупредительная забастовка горняков Кузбасса и Печорского угольного бассейна в связи с невыполнением требований горняков.

VIII съезд народных депутатов России. Грузино-абхазская война. Заявление Б.Н. Ельцина о введении особого порядка управления. Внеочередной IX съезд народных депутатов РФ. Противостояние противников и сторонников Б.Н. Ельцина.

Апрель. Референдум о доверии Б.Н. Ельцину и депутатам Верховного Совета РФ.

Май. Столкновения оппозиции власти и сил МВД на улицах Москвы.

Июль. Верховный Совет РФ принял Основы земельного законодательства РФ. Установлена частная собственность на землю.

Сентябрь. Указ Б.Н. Ельцина о прекращении функций съезда и Верховного Совета РФ, положивший начало тяжелейшему политическому кризису.

Октябрь. Противостояние Б.Н. Ельцина и Верховного Совета России. Танковый обстрел зда-

ния Верховного Совета РФ (Белого дома). Захват здания правительственными вооруженными силами.

Декабрь. Выборы в Госдуму и Совет Федерации РФ, а также в органы власти субъектов Федерации, совмещенные с референдумом по новой Конституции республики.

1994

Февраль. Государственная Дума РФ вынесла постановление о прекращении уголовных дел в отношении лиц, причастных к событиям 19–21 августа 1991 года. Участники ГКЧП амнистированы.

Май. «Достигнут» рекордный показатель спада в российской промышленности: 25,4% только за январь — апрель 1994 года.

Июнь. Указ Б.Н. Ельцина «О защите интересов инвесторов» (против финансовых пирамид). Завершение чековой приватизации.

Июль. Биржевая паника, связанная с падением пирамиды АО «МММ».

Октябрь. «Черный вторник». Резкий рост курса доллара 11 октября.

Декабрь. Российская армия вошла в Чечню.

Г.Х. Попов избран председателем объединения «Социал-демократы».

1995

Январь. Штурм Грозного.

Февраль. Митинг обманутых вкладчиков

«МММ», «Тибет», банка «Чара» и других финансовых организаций.

Март. Выход в свет пакета документов о мерах государственного регулирования экономики.

Июнь. Группа боевиков напала на город Буденновск Ставропольского края.

Август. Банковский кризис, сопровождаемый волной неплатежей.

Декабрь. Выборы в Государственную Думу. Правительственный блок «Наш дом — Россия» занял на выборах лишь третье место.

1996

Январь. Группа боевиков захватила больницу в дагестанском городе Кизляр.

Июль. На президентских выборах в РФ победу одержал Б.Н. Ельцин.

Главой президентской администрации назначен А.Б. Чубайс, сыгравший ключевую роль в избирательном штабе Б.Н. Ельцина.

Август. Генерал А. Лебедь и начальник главного штаба чеченских сепаратистов А. Масхадов подписали соглашения, положившие конец первой чеченской кампании.

Ноябрь. Теракт в Каспийске. В Париже подписано соглашение о выплате Россией Франции царских долгов.

1997

Г.Х. Попов — почетный доктор Даулинг Колледжа, Нью-Йорк.

В честь 850-летия Москвы по инициативе Международной Академии Менеджмента и ВЭО России проведен первый конкурс «Менеджер года». **Г.Х. Попов** — сопредседатель Оргкомитета конкурса.

Май. Президент России Б.Н. Ельцин, Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана и главы государств и правительств НАТО подписали в Париже Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Российской Федерацией.

Июнь. В Петербурге прошел I Экономический форум стран СНГ.

Сентябрь. Патриарх Алексей II освятил возрожденный храм Христа Спасителя

Декабрь. Нападение бандгруппы Хаттаба численностью 40–60 человек на военный городок 136-й мотострелковой бригады в Буйнакске.

1998

Г.Х. Попову присвоено звание «Почетный выпускник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова».

Январь. Проведена 1000-кратная деноминация рубля.

Март. Указом Президента Б.Н. Ельцина и.о. премьер-министра РФ вместо отправленного в отставку В.С. Черномырдина назначен С.В. Кириенко.

Август. Дефолт. Крах российской финансовой

системы. С.В. Кириенко отправлен в отставку, и.о. председателя правительства назначен В.С. Черномырдин.

Сентябрь. Госдума РФ утвердила председателем российского правительства Е.М. Примакова.

1999

Май. Президент Б.Н. Ельцин отправил в отставку Е.М. Примакова и назначил исполняющим обязанности председателя правительства С.В. Степашина.

Август. Б.Н. Ельцин подписал Указ об освобождении С.В. Степашина от должности председателя правительства РФ и о назначении В.В. Путина и. о. председателя правительства.

Декабрь. Б.Н. Ельцин подписал Указ о своей отставке с поста президента России. Исполнять обязанности президента стал В.В. Путин.

В декабре 1999 года на выборах в Госдуму одержал победу блок «Единство», он же «Медведь» — прообраз будущей «Единой России».

В период номенклатурно-олигархических реформ (1992—1999) **Г.Х. Попов** продолжал выступать за демократический вариант реформ. Разногласия были такие.

Первое — о приватизации. Российское руководство считало возможным прежде всего приватизировать то, что принесет доход бюрократии и олигархии. **Г.Х. Попов** считает, что приватизировать надо только то, что может эффективно развиваться

ся в частном секторе и в случае, когда после приватизации появится настоящая конкуренция.

Второе — о жилищно-коммунальной реформе. Российское руководство пытается переложить на граждан все расходы по реформе ЖКХ, а **Г.Х. Попов** считает, что реформа должна вестись вместе с повышением зарплат (введение «жилищной надбавки»), ликвидацией монополизма и переходом к рыночным отношениям и рыночной конкуренции в сфере ЖКХ.

Третье — о главных направлениях реформ. Российское руководство прежде всего интересуется добывающими природные ресурсы отраслями и получаемой от них рентой. **Г.Х. Попов** главным направлением считает развитие малого бизнеса и отраслей, пригодных для частного хозяйствования и созревших для конкуренции.

2000

Март. Состоялись президентские выборы. Победу одержал В. Путин, ставший президентом России.

Май. Главой правительства Госудма РФ утвердила М.М. Касьянова.

Создание федеральных округов в РФ.

Июль. Вторая чеченская война. В результате серии терактов с использованием заминированных грузовиков погибло более 30 милиционеров и военнослужащих федеральных сил.

Август. Взрыв в Москве в подземном переходе у станции метро «Пушкинская».

Катастрофа на атомной подводной лодке «Нурск». Пожар на Останкинской телебашне в Москве.

Декабрь. Государственная Дума РФ утвердила государственную символику России — герб, флаг и гимн.

После перехода правящей номенклатуры в 2000 году к курсу на управляемую демократию **Г.Х. Попов** выступает против и этого варианта реформ. Основные разногласия следующие.

Первое — российское руководство укреплению государства связывает с ограничением демократии и созданием административно-бюрократической вертикали. Г.Х. Попов считает правильным замену нынешнего, неэффективного варианта популистской демократии другим вариантом, но именно демократии.

Второе — российское руководство путь укрепления экономики видит в замене монополизма олигархов монополизмом государства. Г.Х. Попов считает опасным разрастание бюрократической собственности и считает необходимым заменить олигархов и их монополизм конкурирующим друг с другом частным бизнесом.

Третье — о земельной реформе. Российское руководство приняло вариант с отстранением от приватизации земли большинства граждан России. **Г.Х. Попов** считает, что все граждане имеют право на свою долю в общем земельном фонде.

Г.Х. Попов выдвинул альтернативную номенклатуру и олигархии концепцию российской модели пост-индустриального общества и российского варианта перехода к нему. В этой концепции учтены как национальные традиции России, так и то наследство, которое Россия получила от государственного социализма. Вопреки модели, предлагающей сначала полностью разрушить социализм, а затем строить на обломках новое общество, Г.Х. Попов предлагает ограничиться разрушением только самого неприемлемого и поэтапное преобразование ряда социалистических форм (например, бесплатное образование) в структуры, соответствующие современному постиндустриальному обществу.

2001

Г.Х. Попов — член Политсовета Социал-демократической партии России.
Госдума приняла Земельный кодекс. С 1 января 12 европейских государств ввели в обращение единый денежный знак — евро.

2002

Февраль. Вступил в действие новый Трудовой кодекс РФ.

Октябрь. Террористический акт на Дубровке в Москве. В результате операции по освобождению заложников были уничтожены все террористы, но погибли и 130 человек из числа заложников.

- 2003** Санкт-Петербург отметил свой трехвековой юбилей.
Декабрь. Выборы в Государственную Думу РФ.
- 2004** Вступил в силу Таможенный кодекс РФ. Избрание Владимира Путина президентом на второй срок. Административная реформа. Вместо 24 федеральных министерств осталось всего 14. Появились федеральные службы (с надзорными функциями) и агентства (оказывающие государственные услуги).
Сентябрь. Отмена прямых выборов губернаторов, которые теперь по представлению президента страны утверждаются региональными парламентами.
- 2005** 240 лет со дня образования ВЭО России.
Г.Х. Попов награжден высшей наградой Вольного экономического общества России — Большой золотой медалью.
В. Путин выдвинул для реализации четыре приоритетных национальных проекта: здравоохранение, образование, жилищное строительство и сельское хозяйство. Монетизация льгот.
Сентябрь. Президент Путин подписал указ «Об утверждении членов Общественной палаты Российской Федерации».
Октябрь. Центральное-Азиатское сотрудничество (ОЦАС) и Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС) объединяются в единую структуру.

Министерство экономического развития и министерство иностранных дел России подготовили документ, в котором описана внешнеэкономическая стратегия России на долгосрочную перспективу.

Декабрь. Госудма приняла «Закон о некоммерческих организациях».

2006

Май. В.В. Путин обратился в посланием к Федеральному Собранию, темами которого стали семейные и демографические проблемы, а также вопросы обороноспособности.

Июль. В Санкт-Петербурге проходил 32-й саммит «Большой восьмерки», на котором впервые председательствовала Россия.

Июль. Вышла в обращение купюра Банка России номиналом в 5000 рублей.

2007

Федеральным законом увеличен размер совокупного возмещения по банковским вкладам граждан с 190 тыс. до 400 тыс. рублей.

Январь. Вступил в силу федеральный закон о «материнском капитале».

Июль. Город Сочи избран столицей зимних Олимпийских игр 2014 года.

Сентябрь. Правительство России во главе с М.Е. Фрадковым ушло в отставку, президент В.В. Путин предложил в качестве нового премьер-министра В.А. Зубкова.

- 2008** Прошли выборы президента Российской Федерации. Победил Д.А. Медведев.
Война в Южной Осетии.
Президент России Д.А. Медведев подписал указ о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.
Начало мирового финансового кризиса
- 2009** **Август.** Крупная авария на Саяно-Шушенской ГЭС.
Сентябрь. Опубликована статья президента Д.А. Медведева «Россия, вперед!», в которой провозглашаются задачи всесторонней модернизации.
- 2010** 245 лет со дня образования ВЭО России.
Январь. Вступил в силу Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана.
Г.Х. Попов долгие годы был членом правления Общества «СССР — Греция». А затем активно содействовал созданию объединения греков, живущих в СССР, и возглавил это объединение. После распада СССР объединение было реорганизовано в федерацию греческих общин «ПОНТОС».
Г.Х. Попов — почетный гражданин г. Токио и г. Сеула, а также штата Мэриленд (США), почетный доктор Университета Южная Юта (США).

2011

Март. Землетрясение в Японии. Авария на атомной станции «Фукусима».

Российская милиция в ходе реформы получила название «полиция».

Апрель. 50-летний юбилей первого полета человека в космос.

Май. На бизнес-форуме «Несырьевая модель социального государства» В.В. Путин поставил задачу удвоения валового внутреннего продукта на душу населения за 10 лет — с 19 тыс. долларов до более 35 тыс.

Ноябрь. 20 лет Международному союзу экономистов. **Г.Х. Попов** — переизбран на новый срок президентом МСЭ.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Г.Х. ПОПОВА

Книги

- «Электронные машины и управление экономикой» (1963)
«Техника личной работы» (1966)
«Проблемы теории управления» (1970)
«Труд руководителя» (1976)
«Конкретные ситуации. Изучающий курс «Труд руководителя» (1976)
«Эффективное управление» (1985)
«Пути перестройки» (1989)
«Блеск и нищета административной системы» (1990)
«Снова в оппозиции» (1994)
Избранные произведения в восьми томах (1996)
««От» и «До» — Россия: путь к социал-демократии» (1996)
Избранные произведения на иностранных языках в четырех томах (1997)
«Будет ли у России второе тысячелетие» (1998)
«Демократическая альтернатива Ельцину»
(в двух томах, 2001)
«Об искусстве жизни» (2004)
«О русской истории» (2004)
«О советской истории» (2004)
«О мире, в котором Россия должна выжить...» (2004)
«О московском варианте демократических реформ 1990–1992 годов» (2004)

«О номенклатурно-управляемой демократии 2000–2004 годов»
(2004)

«О революции 1989–1991 гг.» (2004)

«Судьба политической экономики и ее советского классика» (2004)

«Теория и практика социализма в XX веке» (2006)

«Три войны Сталина» (2007)

Избранные произведения в десяти* томах

«Мне на шею кидается век-волкодав» (2011)

«Истоки российской беды. Русский вариант выхода из феодализма в XIX веке — причина трех революций XX века» (2008)

«Ошибка в проекте. Ленинский тупик» (2008)

«Материализация призрака коммунизма. Сталинский социализм»
(2008)

«Сорок первый — сорок пятый. Одна война или три?» (2008)

«Вызываю дух генерала Власова» (2008)

«Пять выборов Никиты Хрущева» (2008)

«Реформирование неререформируемого. Попытка Аленсея Косыгина»
(2009)

«Перестройка Михаила Горбачева (ремонт, превратившийся в революцию)» (2011)

«Мне на шею кидается век-волкодав... Переосмысливание судеб России в XX веке» (2011)

* На сегодняшний день опубликовано только 8 томов.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.В. Якутин

ГАВРИИЛ ПОПОВ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В ЖИЗНИ И НАУЧНОМ ПОИСКЕ	7
--	---

Г.Х. Попов

В БУРЯХ ЭПОХИ

ЧАСТЬ I. ЭКОНОМИСТ НЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА.....	90
СИСТЕМА И ЗУБРЫ.....	137
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА С НАМИ.....	204
СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДРАМАТУРГИ С НАМИ.....	265
ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА С НАМИ	329

ЧАСТЬ II. ЛИЦА

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ АБАЛНИН	416
ОЛЕГ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ КУТАФИН	426
ВАЛЕНТИН СЕРГЕЕВИЧ ПАВЛОВ.....	433
СТЕПАН АРАМАИСОВИЧ СИТАРЯН	448
ТИГРАН СЕРГЕЕВИЧ ХАЧАТУРОВ	456
ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЯГОДИН.....	460
ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ БЕРРИ	466
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЦАГОЛОВ	500
ХАРИТОН ГАВРИИЛОВИЧ ПОПОВ.....	549
КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА АВТОРОВ РАЗДЕЛА	562

ЧАСТЬ III. И ЭТО ВСЕ О НЕМ — ДРУЗЬЯ, КОЛЛЕГИ, УЧЕНИКИ

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ	584
ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ АБАЛКИН	586
ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ГУСЕВ	592
ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ ДУБЕНЕЦКИЙ	600
ВИКТОР НАУМОВИЧ КРАСИЛЬНИКОВ	609
АЛЬГИРДАС ЮОЗОВИЧ МАНЮШИС	625
ВАДИМ ИВАНОВИЧ МАРШЕВ	648
АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ МУЗЫКАНТСКИЙ	656
КЕМЕР БОРИСОВИЧ НОРКИН	661
ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ОЗИРА	664
НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПЕТРАКОВ	674
ГЛЕБ ЛЬВОВИЧ ПОДВОЙСКИЙ	680
ОЛЕГ МАКСИМОВИЧ ПОПЦОВ	690
ЕГОР СЕМЕНОВИЧ СТРОЕВ	696
ВИТАЛИЙ ТОВИЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ	702
ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВИЧ ХОДОВ	708
РАДА НИКИТИЧНА АДЖУБЕЙ (ХРУЩЁВА)	719
ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЦАГОЛОВ	727
НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ШМЕЛЕВ	739
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЩЕРБАКОВ	748
СПИСОК АВТОРОВ РАЗДЕЛА	758

**ИЗ АРХИВА «РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ.
ЭКОНОМИКА И ДУХОВНОСТЬ»**

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.Х. ПОПОВА НА ФОНЕ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	788
ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Г.Х. ПОПОВА	828

ФОТОАЛЬБОМ

СЕМЬЯ И ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ	68
ГОДЫ В ПОЛИТИКЕ	398
МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	568
МЕСТО РАБОТЫ — ВЭО РОССИИ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ ЭКОНОМИСТОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В МОСКВЕ ...	762

Г.Х. Попов В БУРЯХ ЭПОХИ

Научные редакторы: Ю.В. Якутин, В.Н. Красильников
Главный редактор Н.П. Тарасенко
Подготовка текстов: И.В. Воронова, Г.Л. Подвойский, М.И. Панова,
В.И. Родинов, И.С. Лазарева

Издание подготовлено к выпуску
Отделом допечатной подготовки
ЗАО ИД «Экономическая газета»
125319, Москва, ул. Черняховского, 16

Художественное оформление, верстка: Е.В. Колышев
Корректоры: Н.П. Дубинина, Н.А. Журова
Набор: Т.Б. Лосятинская
Цветокоррекция: П.Г. Голосовский, В.А. Ефремов

Подписано в печать 19.09.2011.
Формат 84 x 108/32.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
Заказ № 0651-11.

Отпечатано в типографии
ОАО «Творческая мастерская Зураба Церетели».

По вопросам сотрудничества и приобретения
книги обращаться по адресу:
125319, Москва, ул. Черняховского, 16.
Тел.: (499) 156-7603, 152-1826.
E-mail: kommerz@ideg.ru

ISBN 978-5-4319-0010-5

9 785431 900105